

История реформации Шестнадцатого века, том 3

Ж. Х. Мерль д'Обинье

History of the Reformation of the Sixteenth Century, Volume 3

J. H. Merle d'Aubigné

Электронная книга проекта Гутенберга по истории реформации Шестнадцатого века, том 3

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История реформации Шестнадцатого века, том 3

Автор: Ж. Х. Мерль д'Обинье

Переводчик: Х. Уайт

Дата выхода: 31 октября 2012 г. [Электронная книга № 41253]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Колином Беллом, Джулией Нойфельд и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА", ТОМ 3 ***

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА

Дж. Х. Мерль Д'Обинье, доктор медицинских наук,

ПРЕЗИДЕНТ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ЖЕНЕВЫ И ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ
ЕВАНГЕЛИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

ПЕРЕВЕДЕНО Х. УАЙТОМ, бакалавром ТРИНИТИ-КОЛЛЕДЖА, КЕМБРИДЖ; магистром И доктором философии ГЕЙДЕЛЬБЕРГА.

ПЕРЕВОД ТЩАТЕЛЬНО ПЕРЕРАБОТАН ДОКТОРОМ Д'Обинье, КОТОРЫЙ ТАКЖЕ
ВНЕС РАЗЛИЧНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ, ДО СИХ ПОР НЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ.

ТОМ III.

ОПУБЛИКОВАНО
АМЕРИКАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ ТРАКТАТОВ,
НАССАУ-СТРИТ, 150, НЬЮ-ЙОРК.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ.

Дух исследования в наши дни постоянно побуждает литераторов Франции, Швейцарии, Германии и Англии искать подлинные документы, которые составляют основу современной истории. Я хочу внести свою лепту в выполнение важной задачи, которую, по-видимому, взял на себя наш век. До сих пор я не довольствовался простым чтением работ современных историков: я изучал свидетельства очевидцев, письма и оригинальные повествования; и использовал некоторые рукописи, в частности рукопись Буллингера, которая была напечатана после появления Второго тома этого Труда во Франции. [1]

Но необходимость обращения к неопубликованным документам стала более насущной, когда я обратился (как я делаю в Двенадцатой книге) к истории Реформации во Франции. По этому вопросу у нас имеется лишь несколько печатных мемуаров из-за постоянных испытаний, в которых существовала Реформатская церковь этой страны. Весной 1838 года я изучил, насколько это было в моих силах, рукописи, хранящиеся в публичных библиотеках Парижа, и можно увидеть, что рукопись в Королевской библиотеке, доселе, как я полагаю, неизвестная, проливает много света на ранние этапы Реформации; а осенью 1839 года я ознакомился с рукописями в библиотеке, принадлежащей консистории пасторов Нефшателя, коллекции чрезвычайно богатой для того периода, поскольку она унаследовала рукописи библиотеки Фареля; и по доброте хозяйки Мерона я ознакомился с рукописями в библиотеке, принадлежащей консистории пасторов Нефшателя. был использован манускрипт "Жизнь Фарела", написанный Шупардом, в который было скопировано большинство этих документов. Эти материалы позволили мне реконструировать весь этап Реформации во Франции. В дополнение к этим пособиям и тем, что предоставлены Библиотекой Женевы, я опубликовал в колонках *Архива христианства* обращение ко всем друзьям истории и Реформации, в распоряжении которых могут быть какие-либо рукописи; и здесь я с благодарностью принимаю различные сообщения, которые были сделаны мне, в частности, месье Ладевезом, пастором в Мо. Но хотя религиозные войны и гонения уничтожили много ценных документов, некоторые из них, без сомнения, все еще существуют в различных частях Франции, которые имели бы огромное значение для истории Реформации; и я искренне призываю всех, кто может обладать ими или имеет какие-либо знания о них, любезно связаться со мной по этому вопросу. В настоящее время считается, что эти документы являются общим достоянием; и по этому поводу я надеюсь, что мое обращение не будет напрасным.

Можно подумать, что при написании общей истории Реформации я излишне подробно описал ее первые зарождения во Франции. Но эти подробности почти неизвестны, события, которые составляют предмет моей Двенадцатой книги, занимают всего четыре страницы в "*Истории церкви в Королевской семье Франции*" Теодора Безы; а другие историки почти полностью ограничились политическим прогрессом нации. Несомненно, сцены, которые я обнаружил и о которых я сейчас собираюсь рассказать, не так внушительны, как Диета из червей. Тем не менее, независимо от христианского интереса, который к ним проявляют, скромное, но нисходящее с небес движение, которое я попытался описать, вероятно, оказало большее

влияние на судьбы Франции, чем знаменитые войны Франциска I и Карла V. В большой машине самой важной деталью всегда является не то, что производит наибольшее впечатление, а самые скрытые пружины.

Поступали жалобы на задержку с публикацией этого третьего тома; и некоторые люди хотели, чтобы я отложил публикацию первого до тех пор, пока не будет закончен весь том. Возможно, существуют определенные высшие умы, которым могут быть предписаны условия; но есть и другие, слабость которых вынуждает их выдвигать, и к этому числу принадлежит автор. Опубликовать том за один раз, а затем второй, когда у меня была возможность, и после этого третий - вот курс, который позволяют мне избрать мои важные обязанности и мои скудные способности. Более того, вмешались другие обстоятельства; тяжелые несчастья дважды прерывали написание этого третьего тома и собрали все мои чувства и все мои мысли над могилами любимых детей. Мысль о том, что моим долгом было прославить этого обожаемого Учителя, который обратился ко мне с такими мощными призывами и который даровал мне такое Божественное утешение, могла бы сама по себе придать мне мужества, необходимого для завершения моей задачи.

Я думал, что эти объяснения были вызваны добротой, с которой эта Работа была принята как во Франции, так и в Англии, и особенно в последней стране. Я высоко ценю одобрение христиан-протестантов Великобритании, представителей евангельских принципов и доктрин в самых отдаленных уголках мира; и я испытываю удовольствие, говоря им, что это самое ценное поощрение моих трудов.

Дело истины вознаграждает тех, кто принимает и защищает его, и таков был результат с народами, принявшими Реформацию. В восемнадцатом веке, в тот самый момент, когда Рим думал восторжествовать благодаря иезуитам и эшафоту, победа ускользнула из его рук. Рим, подобно Неаполю, Португалии и Испании, столкнулся с непреодолимыми трудностями; и в то же время возникли две протестантские нации и начали оказывать влияние на Европу, которая до сих пор принадлежала римско-католическим державам. Англия вышла победительницей из тех нападений французов и испанцев, которые папа так долго возбуждал против нее, и курфюрст Бранденбургский, несмотря на гнев Климента XI, возложил на свою голову королевскую корону. С тех пор Англия распространила свое владычество на все четверти земного шара, и Пруссия заняла новое место среди континентальных государств, в то время как третья держава, Россия, также отделенная от Рима, росла в своих необъятных пустынях. Таким образом, евангельские принципы оказали свое влияние на страны, которые их приняли, и *праведность возвысила народы* (Притч. xiv. 34). Пусть евангельские народы будут твердо уверены, что своим величием они обязаны протестантизму. С того момента, как они оставят положение, данное им Богом, и снова склонятся в сторону Рима, они потеряют свою славу и свое могущество. Рим сейчас пытается привлечь их на свою сторону, используя поочередно лесть и угрозы; она, подобно Далиле, усыпила бы их бдительность, стоя у нее на коленях но это означало бы отрезать им локоны, чтобы их противники могли выколоть им глаза и связать их медными оковами.

Здесь также содержится великий урок для той Франции, с которой автор чувствует себя так тесно связанным родственными узами. Если Франция, подражая своим различным правительствам, снова обратится к папству, это, по нашему убеждению, будет сигналом великих бедствий. Тот, кто присоединится к папству, будет скомпрометирован в его уничтожении. У

Франции нет других перспектив обрести силу или величие, кроме как повернувшись к Евангелию. Пусть эта великая истина будет правильно понята народом и его лидерами!

Это правда, что в наши дни папство вызывает большой ажиотаж. Несмотря на то, что она страдала неизлечимой чахоткой, она своим лихорадочным румянцем и лихорадочной активностью убеждала других и себя тоже, что она все еще в полной силе. Это попытался сделать один туринский богослов в работе, вызванной этой Историей, и в которой мы готовы признать определенный талант выдвигать свидетельства, даже самые слабые, с непривычной для нас искренностью и в подобающем стиле, за исключением, однако, преступной легкости, с которой автор в своей двенадцатой главе восстанавливает обвинения против реформаторов, ложность которых была так достоверно продемонстрирована и так полно признана. [2]

В качестве продолжения своей Биографии Лютера М. Оден недавно опубликовал "Жизнь Кальвина", написанную под влиянием прискорбных предрассудков, в которой мы с трудом узнаем реформаторов и Реформацию. Тем не менее, мы не находим у этого автора позорных обвинений против Кальвина, на которые мы только что ссылались; он обошел их достойным похвалы молчанием. Ни один уважающий себя человек не может сейчас осмелиться выдвинуть эту грубую и глупую клевету.

Возможно, как-нибудь в другой раз мы добавим несколько слов к тому, что уже сказали в нашей Первой книге о происхождении папства. Они были бы здесь не к месту.

Я только замечу в общих чертах, что именно *человеческие* и очень рациональные причины, которые так ясно объясняют его происхождение, к которым папство прибегает, чтобы доказать свое *божественное* установление. Таким образом, христианская древность заявляет, что вселенское епископство было вверено всем епископам, так что епископы Иерусалима, Александрии, Антиохии, Эфеса, Рима, Карфагена, Лиона, Арля, Милана, Гиппона, Кесарии и т.д. были заинтересованы во всем, что происходило в христианском мире, и вмешивались в это дело. Рим немедленно возлагает на себя ту обязанность, которая была возложена на всех, и, рассуждая так, как будто никто, кроме нее самой, в этом не замешан, использует ее, чтобы продемонстрировать свое превосходство.

Давайте возьмем другой пример. Христианские церкви, основанные в крупных городах империи, посылали миссионеров в страны, с которыми они были связаны. Это было сделано прежде всего Иерусалимом; затем Антиохией, Александрией и Эфесом; затем Римом; и Рим немедленно заключает из того, что она сделала после других и в меньшей степени, чем другие, что она имела право ставить себя выше других. Этих примеров будет достаточно.

Далее отметим лишь, что только Риму принадлежала на Западе честь, которую на Востоке разделяли Коринф, Филиппы, Фессалоники, Эфес, Антиохия и в гораздо большей степени Иерусалим; [3], а именно, честь иметь одного апостола или многих среди своих первых учителей. Соответственно, латинские Церкви, естественно, должны были испытывать определенное уважение к Риму. Но восточные христиане, которые уважали ее как Церковь политической метрополии империи, никогда бы не признали ее церковного превосходства. Знаменитый Всеобщий Халкидонский собор приписал Константинополю, ранее малоизвестной Византии, те же привилегии (*τα ἰσα πρεσβεία*), что и Риму, и объявил, что он должен быть возвышен *подобно ей*. И поэтому, когда папство окончательно сформировалось в Риме, Восток не захотел признать владыку, о котором он никогда не слышал упоминания; и, стоя на древней

основе своей католицизма, он предоставил Запад власти новой секты, которая возникла в его недрах. Восток даже по сей день называет себя подчеркнуто католическим и православным; и всякий раз, когда вы спрашиваете кого-нибудь из восточных христиан, которых Рим приобрел своими многочисленными уступками, католик ли он? "Нет, - отвечает он прямо, - я папист". [4]

Если эта История подвергалась критике со стороны римской партии, то, по-видимому, она встречалась и с другими, которые рассматривали ее в чисто литературном свете. Люди, к которым я испытываю большое уважение, по-видимому, придают большее значение литературной или политической истории Реформации, чем изложению, основанному на ее духовных принципах и внутренних пружинах действия. Я могу хорошо понять такой взгляд на мой предмет, но я не могу участвовать в нем. По моему мнению, сама суть Реформации - это ее доктрины и ее внутренняя жизнь. Каждое произведение, в котором эти два момента не занимают главного места, может быть эффектным, но оно не будет правдиво и откровенно историческим. Это было бы подобно философу, который, описывая человека, должен с большой точностью и живописной красотой детализировать все, что касается его тела, но отводить лишь второстепенное место этому божественному обитателю, душе.

Несомненно, в этом слабом произведении, еще один фрагмент которого я представляю здесь христианской публике, есть большие недостатки; и я хотел бы, чтобы оно было еще более обильно проникнуто духом Реформации. Чем лучше мне удавалось указывать на все, что являет славу Христа, тем более верным я буду истории. Я охотно принимаю в качестве своего закона те слова, которые историк шестнадцатого века, человек меча все же больше, чем пера, написав часть истории протестантизма во Франции, которую я не собираюсь излагать, адресует тем, кто может подумать о завершении его задачи: "Я бы дал им тот закон, который я признаю сам: стремясь к славе этого драгоценного инструмента, их главной целью должно быть достижение руки, которая подготовила его, использовала и орудовала им по Своему усмотрению. Ибо всякая хвала, воздаваемая князьям, несвоевременна и неуместна, если вместо листьев и корней у нее нет восхваления Бога живого, которому одному принадлежат честь и владычество во веки веков". [5]

Содержание.

КНИГА IX.

ПЕРВЫЕ РЕФОРМЫ. 1521 И 1522гг.

ГЛАВА I.

Прогресс реформации—Новый период—Польза пленения Лютера в Вартбурге—
Волнения в Германии—Меланхтон и Лютер—Энтузиазм

Страница

1

ГЛАВА II.

Лютер в Вартбурге —Цель его заточения—Тревога—Болезнь—Труды Лютера—

8

Исповедь—Ответ Латому—Его ежедневные прогулки

ГЛАВА III.

Начало реформы—Брак в Фельдкирхене—Брак монахов—Тезисы—Трактат против монашества—Лютер больше не монах 16

ГЛАВА IV.

Архиепископ Альберт —Кумир Галле—Возмущение Лютера—Тревога двора—
Письмо Лютера архиепископу—Ответ Альберта—Иоахим Бранденбургский 21

ГЛАВА V.

Перевод Библии—Нужды Церкви—Принципы реформации—Искушения дьявола—
Работы Лютера, осужденные Сорбонной—Ответ Меланхтона—Посещение Лютером
Виттемберга 28

ГЛАВА VI.

Свежие реформы—Габриэль Цвиллинг на мессе—Университет—Выступление
Меланхтона Предложения—Курфюрст—Атака на монастырские учреждения—
Эмансипация монахов—Беспорядки—Собрание монахов—августинцев—
Карлштадт и месса—Первое празднование Вечери Господней-Важность мессы в
римской системе 34

ГЛАВА VII.

Ложная реформа—Новые пророки—Пророки в Виттемберге—Меланхтон—
Курфюрст—Лютер—Карлштадт и образы—Беспорядки—Призывают Лютера—Он не
колеблется—Опасности 46

ГЛАВА VIII.

Отъезд из Вартбурга—Новое положение—Лютер и примитивный католицизм—
Встреча в "Черном Медведе"—Письмо Лютера курфюрсту—Возвращение в
Виттемберг—Проповедь в Виттемберге—Милосердие—Слово—Как была вызвана
Реформация—Вера во Христа—Ее последствия— Дидимус—Карлштадт—Пророки—
Интервью с Лютером—Конец борьбы 56

ГЛАВА IX.

Перевод Нового Завета—Вера и Священное Писание—Оппозиция—Важность этой
публикации—Необходимость систематизации—Locī Communes Меланхтона—
Первородный грех—Спасение—Свобода воли—Последствия Locī Communes 74

ГЛАВА X.

Оппозиция—Генрих VIII.—Вулси—Королева—Фишер—Томас Мор—Сожженные книги Лютера—Атака Генриха на Лютера—Представлено Папе—Его Влияние на Лютера—Энергия и насилие—Ответ Лютера—Ответ епископа Рочестерского—Ответ Томаса Мора—Слушания Генри	83
---	----

ГЛАВА XI.

Общее движение—Монахи—Как проводилась Реформация—Необразованный верующий—Старые и Новые врачи—Книгопечатание и литература—Книготорговля и кольпортедж	96
---	----

Глава XII.

Лютер в Цвиккау—Замок Фрейберг—Вормс—Франкфурт—Всеобщее движение—Виттемберг, Центр реформации—Настроения Лютера	104
---	-----

КНИГА X.

ВОЛНЕНИЯ, НЕУДАЧИ И ПРОГРЕСС. 1522-1526.

ГЛАВА I.

Политический элемент—Недостаток энтузиазма в Риме—Осада Пампелуны—Мужество Игнатия—Переходный период—Лютер и Лойола—Видения—Два принципа	111
--	-----

ГЛАВА II.

Победа папы—Смерть Льва X.—Оратория Божественной Любви—Адриан VI.—План реформы—Оппозиция	120
--	-----

ГЛАВА III.

Нюрнбергский сейм—Вторжение Солимана—Нунций призывает к смерти Лютера—Нюрнбергские проповедники—Обещание реформ—Недовольство нации—Постановление Сейма—Грозное письмо папы Римского—Совет Лютера	125
--	-----

ГЛАВА IV.

Преследование—Усилия герцога Георга—Монастырь в Антверпене—Мильтенберг—Три монаха из Антверпена—Эшафот—Брюссельские мученики	135
--	-----

ГЛАВА V.

Новый папа Климент VII.—Легат Кампеджио—Нюрнбергский сейм—Требование легата—Ответ сейма—Проект Светского собора—Тревога и усилия папы—Бавария—Ратисбонская лига—Суровость и реформы—Политический раскол—	142
--	-----

Оппозиция—Интриги Рима—Декрет Бургоса—Разрыв

ГЛАВА VI.

Преследование —Гаспар Таубер—Книготорговец—Жестокости в Вюртемберге, Зальцбурге и Баварии—Померании—Генрих Цуфтенский 151

ГЛАВА VII.

Разделения—Вечеря Господня—Две крайности—Открытие Хоена—Карлштадт—Лютер—Мистицизм энтузиастов—Карлштадт в Орламунде—Миссия Лютера—Беседа за столом—Конференция в Орламунде—Карлштадт изгнан 156

ГЛАВА VIII.

Прогресс—Соппротивление ратисбонской лиге—Встреча Филиппа Гессенского и Меланхтона—Ландграф, обратившийся в Евангелие—Пфальц—Люнебург—Гольштейн—Великий магистр в Виттемберге 166

ГЛАВА IX.

Реформы—Церковь Всех Святых—Падение массового обучения—Христианские школы—Обучение, распространенное на мирян—Искусство—Нравственная религия—Эстетическая религия—Музыка—Поэзия—Живопись 170

Глава X.

Политическое брожение—Лютер против восстания—Томас Мюнцер—Агитация—Шварцвальд—Двенадцать статей—Мнение Лютера—Гельфенштейн—Марш крестьян—Марш Императорской армии—Поражение крестьян—Жестокость князей 179

ГЛАВА XI.

Мюнцер в Мюльхаузене—Обращение к народу—Марш князей—Конец восстания—Влияние реформаторов—Страдания—Перемены—Два результата 192

ГЛАВА XII.

Смерть курфюрста Фридриха—Принца и реформатора—Римско-католический союз—Планы Карла Пятого—Опасности 199

ГЛАВА XIII.

Монахини Нимпча—Чувства Лютера—Распущенный монастырь—Брак Лютера—Семейное счастье 203

Глава XIV.

Ландграф—Курфюрст—Пруссия—Реформация—Секуляризация—Архиепископ Менца—Конференция во Фридвальте—Сейм—Альянс Торгау—Сопrotивление реформаторов—Магдебургский союз—Католики удваивают свои усилия—Женитьба императора—Письма с угрозами 210

КНИГА XI.
ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ.
ВШВЕЙЦАРИЯ—ГЕРМАНИЯ. 1523-1527.

ГЛАВА I.
Единство в многообразии—Первобытная верность и свобода—Формирование единства Рима—Лев Иуда и монах—Тезисы Цвингля—Январский диспут 220

ГЛАВА II.
Папские искушения—Прогресс реформации—Идол в Штадельхофене—Святотатство—Украшения Святых 227

ГЛАВА III.
Диспут октября—Цвингле о церкви—Церковь—Начало пресвитерианства—Дискуссия о массах—Энтузиасты—Язык осмотpительности—Победа—Характеристика швейцарской реформации—Умеренность—Освальд Микониус в Цюрихе—Возрождение литературы—Томас Платер из Вале 231

ГЛАВА IV.
Люцернский сейм—Хоттингер арестован—Его смерть—Депутация от Сейма в Цюрих—Отмена религиозных процессий—Отмена изображений—Две реформации—Обращение к народу 239

ГЛАВА V.
Новая оппозиция—Похищение [ОЭ] хлина—Семья Виртов—Население Иттингенского монастыря—Сейм Цуга—Вирты схвачены и переданы сейму—Их осуждение 246

ГЛАВА VI.
Отмена мессы—Мечта Цвингля—Празднование Вечери Господней—Братская благотворительность—Первородный грех—Олигархи, выступающие против реформы—Различные нападения 254

ГЛАВА VII.

Берн—Ректор Ватвиль—Первые успехи реформатских доктрин—Галлер в монастыре—Обвинение и освобождение—Монастырь Кенигсфельдт—Маргарет Ватвиль в Цвингле—Открытие монастыря—Два чемпиона—Клара Мэй и ректор Ватвиль 259

ГЛАВА VIII.

Базель—Николампаций—Он посещает Аугсбург—Поступает в монастырь—Удаляется в замок Зикинген—Возвращается в Базель—Ульрих Хюттен—Его планы—Последнее усилие рыцарства — Хюттен умирает в Уфнау 267

ГЛАВА IX.

Эразм и Лютер—Колебания Эразма—Обращение Лютера к Эразму—Трактат Эразма против Лютера о свободе воли—Три мнения—Влияние на Лютера—Лютер о свободе воли—Янсенисты и реформаторы—Уважение к Эразму—Его гнев—Три дня 274

ГЛАВА X.

Три противника—Источник истины—Гребель—фанатики и Цвингле— Конституция Церкви—Тюрьма—Пророк Блаурок—Фанатизм в церкви Святого Галла—Шукера и семья—Дискуссия в Цюрихе—Пределы реформации—Наказание фанатиков 286

ГЛАВА XI.

Прогресс и неподвижность—Цвингле и Лютер—Возвращение Лютера к схоластике—Уважение к традиции—Оккам—Противоположная тенденция в Цвингле—Начало спора—СЕКолампаций и швабская синграмма—Страсбург выступает посредником 294

ГЛАВА XII.

Токенбург—Народное собрание—Реформация—Граубюндоны—Диспут в Иланце—Результаты—Реформация в Цюрихе 305

ГЛАВА XIII.

Олигархи—Бернский мандат 1526 года в пользу папства—Дискуссия в Бадене—Регламент дискуссии—Богатство и бедность—Экк и Николампаций—Дискуссия—Участие Цвингле в дискуссии—Хвалебные высказывания романистов—Оскорбительный язык монаха—Завершение диспута 310

ГЛАВА XIV.

Последствия в Базеле, Берне, Сен—Галле и других местах—Сейм в Цюрихе—Маленькие кантоны—Угрозы Берну—Иностранная поддержка 318

КНИГА XII.
ФРАНЦУЗЫ. 1500-1526.

ГЛАВА I.

Универсальность христианства—Враги реформы во Франции—Ересь и преследования в Дофини—Загородный особняк—Семья Фарель—Паломничество к Святому Кресту—Безнравственность и суеверия—Уильям желает стать студентом 324

ГЛАВА II.

Людовик XII. и Ассамблея Тура—Франциск и Маргарита—Ученые мужи—Лефевр—Его курсы в университете—Встреча Лефевра и Фареля—Колебания и исследования Фареля—Первое пробуждение—Пророчество Лефевра—Учит оправданию верой—Возражения—Беспорядки в колледжах—Влияние на Фареля—Избрание—Освящение жизни 332

ГЛАВА III.

Фарель и Святые—Университет—Обращение Фареля—Фарель и Лютер—Другие ученики—Дата реформы во Франции—Спонтанное возникновение различных реформ—Какая была первой? Дом Лефевра 343

ГЛАВА IV.

Характер Франциска I.—Начало Нового времени—Свобода и послушание—Маргарита Валуа—Двор—Брисонне, граф Монбрен—Лефевр призывает его к Библии—Франциск I. и "его дети"—Евангелие, принесенное Маргарите—Обращение—Обожание—Характер Маргариты 349

ГЛАВА V.

Враги реформации—Луиза Дюпра—Болонский конкордат—Оппозиция парламента и Университета—Сорбонна—Беда—Его характер—Его тирания—Беркен, самый ученый из дворян—Интриганы Сорбонны—Ересь трех Магдалин—Лютер осужден в Париже—Обращение Сорбонны к королю—Лефевр уезжает из Парижа в Мо 358

ГЛАВА VI.

Брисонне посещает свою епархию—Реформа—Врачи, преследуемые в Париже—Филиберта Савойская—Переписка Маргариты и Брисонне 367

ГЛАВА VII.

Основание церкви в Мо—Священные Писания на французском языке—Ремесленники и епископ—Евангельская жатва—Послания святого Павла королю—Лефевр и Рома—Монахи перед епископом—Монахи перед парламентом—Брисонне 376

уступает место

ГЛАВА VIII.

Преследуемые Лефевр и Фарель—Разница между лютеранской и реформатской церквями—Леклерк вывешивает свои плакаты—Клеймо Леклерка—Рвение Беркена—Беркен перед парламентом—Спасен Франциском I.—Вероотступничество Мазурье—Падение и раскаяние Павана—Мец—Шатлен—Питер Туссен становится внимательным—Леклерк разрушает образы—Осуждение Леклерка и пытки—Мученическая смерть Шатлена—Бегство 389

ГЛАВА IX.

Фарель и его братья—Фарель изгнан из Гар—Он проповедует в полях—Рыцарь Анемон из Кокта—Минорит—Анемон покидает Францию—Лютер герцогу Савойскому—Фарел покидает Францию 408

ГЛАВА X.

Католицизм Реформации—Дружба между Фарелом и Николампадием—Фарел и Эразм—Ссора—Фарел требует диспута—Тезисы—Писание и вера—Дискуссия 416

ГЛАВА XI.

Новая кампания—Призыв Фарела к служению—Ан Аванпост—Лион—Себвиль в Гренобле—Собрания—Проповедь в Лионе—Мегрэ в тюрьме—Маргарет запугана 423

ГЛАВА XII.

Французы в Базеле—Поддержка швейцарцев—Опасения разногласий—Перевод и печатание в Базеле—Библии и трактаты, распространяемые во Франции 432

ГЛАВА XIII.

Наступление на Монбельяр—Соппротивление и беспорядки—Туссен покидает Колумпадия—Образ святого Антония—Смерть Анемон—Страсбург—Письмо Ламберта Франциску I.—Последовательные поражения 438

438

ГЛАВА XIV.....Франциск взят в плен в Павии—Реакция против Реформации—Тревога Маргариты за своего брата—Луиза консультируется в Сорбонне—Комиссия по борьбе с еретиками—Брисонне предстал перед судом—Апелляция в парламент—Падение—Отречение—Обвиняемый Лефевр—Осуждение и бегство—Лефевр в Страсбурге—Луи Беркен заключен в тюрьму—Нападение на Эразма—Шух в Нанси—Его мученичество—Борьба с Кароли—Скорбь Паванны—Его мученичество—Христианский отшельник—Собрание в Нотр-Дам 446

Ученик Нуайона—Характер юного Кальвина—Раннее образование—Посвящен в богословие—Епископ дает ему постриг—Он покидает Нуайон из—за чумы—Два Кальвина—Клевета—Реформация создает новые языки—Преследования и террор—Туссен посажен в тюрьму—Преследования становятся все более яростными—Смерть Дю Бле, Мулена и Папийона—Бог спасает Церковь—Проект Маргариты-Ее отъезд в Испанию

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ.

КНИГА IX.

ПЕРВЫЕ РЕФОРМЫ. 1521 И 1522гг.

ГЛАВА I.

Прогресс Реформации—Новый период—Польза заключения Лютера в Вартбурге—Волнения в Германии—Меланхтон и Лютер—Энтузиазм.

ПРОГРЕСС РЕФОРМАЦИИ.

В течение четырех лет в Церкви снова провозглашалось старое учение. Великая весть о *спасении по благодати*, опубликованная в прежние времена в Азии, Греции и Италии Павлом и его братьями и спустя много веков вновь открытая в Библии монахом из Виттемберга, разнеслась с равнин Саксонии до Рима, Парижа и Лондона; и высокие горы Швейцарии вновь отразили ее мощный акцент. Источники истины, свободы и жизни были вновь открыты для человеческой расы. Туда толпами спешили народы и с удовольствием пили; но те, кто там так жадно утолял свою жажду, внешне не изменились. Все внутри было новым, и все же *снаружи*, казалось, оставалось таким же.

Конституция Церкви, ее ритуал, ее дисциплина не претерпели никаких изменений. В Саксонии и даже в Виттемберге, куда бы ни проникли новые идеи, папское богослужение продолжалось со своей обычной пышностью; священник перед алтарем, вознося Богу воинство, казалось, совершал невыразимое пресуществление; монахи и монахини входили в монастыри и приносили свои вечные обеты; пастыри паствы жили без семей; религиозные братства собирались вместе; совершались паломничества; верующие вешали свои обетные подношения на колонны часовен; и все церемонии, даже самые незначительные обряды в святилище, отмечались как священные. раньше. В мире зарождалась новая жизнь, но она еще не создала нового тела. Язык священника составлял самый разительный контраст с его действиями. Можно было услышать, как Он громыхал с кафедры против мессы, называя ее идолопоклонническим богослужением; а затем можно было увидеть, как он спускается к алтарю и скрупулезно совершает пышность этого таинства. В каждом квартале новое Евангелие звучало посреди древних обрядов. Сам священник не замечал этого странного противоречия; и

люди, которые с восхищением слушали смелый язык новых проповедников, набожно соблюдали старые обряды, как будто они никогда не собирались их отменять. У домашнего очага и в общественной жизни все оставалось по-прежнему, как в доме Божьем. В мире была новая вера, но не новые дела. Взошло весеннее солнце, но зима, казалось, все еще сковывала всю природу; не было ни цветов, ни листвы, ничего внешне, что указывало бы на смену времени года. Но эта видимость была обманчива; под поверхностью незаметно циркулировал мощный сок, который вот-вот должен был изменить облик мира.

Возможно, именно этому разумному прогрессу Реформация обязана своими триумфами. Каждая революция должна совершаться в уме, прежде чем осуществляться вовне. Отмеченная нами непоследовательность поначалу даже не поразила Лютера. Ему казалось вполне естественным, что люди, которые с энтузиазмом читали его работы, оставались преданно приверженными злоупотреблениям, на которые они нападали. Можно было бы почти вообразить, что он набросал свой план заранее и решил передумать, прежде чем менять формы. Но это значило бы приписать ему мудрость, честь которой принадлежит высшему Разуму. Он осуществил план, который сам не задумывал. Позже он смог распознать эти вещи: но он не представлял их себе и не устраивал их таким образом. Бог указал путь: долгом Лютера было следовать за ним.

НОВАЯ ЭРА.

Если бы Лютер начал с внешней реформы; если бы, как только он заговорил, он попытался отменить монашеские обеты, мессу, исповедь и формы богослужения, он, несомненно, встретил бы энергичное сопротивление. Человеку требуется время, чтобы приспособиться к великим революциям. Но Лютер ни в коем случае не был жестоким, неосмотрительным, смелым новатором, каким его описывают некоторые историки. [6] Люди, не видя никаких изменений в своих обычных обрядах, бесстрашно вверили себя своему новому учителю. Они были даже удивлены нападками, направленными против человека, который все еще оставлял им их мессу, их четки, их исповедника; и приписывали их низкой зависти темных соперников или жестокой несправедливости могущественных противников. И все же мнения Лютера взбудоражили их умы, обновили их сердца и настолько подорвали древнее здание, что вскоре оно рухнуло само по себе, без участия человека. Идеи не действуют мгновенно; они прокладывают свой путь в тишине, подобно водам, которые, просачиваясь сквозь скалы Альп, отрывают их от горы, на которой они покоятся; внезапно тайно проделанная работа раскрывает себя, и одного дня достаточно, чтобы обнажить действие многих лет, возможно, многих столетий.

Для Реформации начиналась новая эра. Истина уже была восстановлена в ее доктрине; теперь доктрина собирается восстановить истину во всех формах Церкви и общества. Волнение слишком велико, чтобы умы людей оставались неподвижными на той точке, которой они достигли. На этих догмах, ныне столь сильно поколебленных, были основаны обычаи, которые уже были близки к своему падению и которые должны были исчезнуть вместе с ними. В новом поколении слишком много мужества и жизни, чтобы оно продолжало молчать перед лицом ошибок. Таинства, общественное богослужение, иерархия, обеты, конституция, домашняя и общественная жизнь — все вот-вот будет изменено. Медленно и кропотливо сооружаемый корабль вот-вот покинет доки и выйдет в открытое море. Нам придется следить за его продвижением по многочисленным отмелям.

ПОЛЕЗНОСТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЛЮТЕРА.

Пленение Вартбурга разделяет эти два периода. Провидение, готовившееся придать столь мощный импульс Реформации, подготовило ее прогресс, отправив в глубокое уединение инструмент, предназначенный для ее осуществления. На какое-то время казалось, что работа похоронена вместе с мастером; но семя должно быть заложено в землю, чтобы оно могло принести плод; и из этой тюрьмы, которая казалась могилой реформатора, Реформации было суждено отправиться к новым завоеваниям и вскоре распространиться по всему миру.

До сих пор Реформация была сосредоточена в личности Лютера. Его появление на Вормсском сейме, несомненно, было самым возвышенным днем в его жизни. Его характер казался в то время почти безупречным; и именно это дало повод для наблюдения, что если бы Бог, скрывавший реформатора в течение десяти месяцев в стенах Вартбурга, в тот же миг навсегда скрыл его от глаз мира, его конец был бы апофеозом. Но Бог не замышляет апофеоза для своего слуги; и Лютер был сохранен для Церкви, чтобы учить, в силу самих своих недостатков, что вера христиан должна основываться только на Слове Божьем. Внезапно он был перенесен далеко от сцены, на которой происходила великая революция шестнадцатого века; истина, которую он так властно провозглашал в течение четырех лет, продолжала в его отсутствие действовать на христианский мир; и дело, в котором он был лишь слабым орудием, отныне носило печать не человека, а самого Бога.

АГИТАЦИЯ В ГЕРМАНИИ.

Пленение Лютера тронуло Германию. В провинциях ходили самые противоречивые слухи. Отсутствие реформатора взволновало умы людей больше, чем могло бы взволновать его присутствие. В одном месте говорилось, что друзья из Франции поместили его в безопасности на другом берегу Рейна; [7] в другом, что он пал от кинжала убийцы. Даже в самых маленьких деревнях наводились справки о Лютере; путешественников останавливали и допрашивали; в общественных местах собирались группами. Временами какой-нибудь неизвестный оратор рассказывал в захватывающем дух повествовании о том, как увезли доктора; он описывал жестоких всадников, которые связывали руки своего пленника, пришпоривали своих лошадей и тащили его за собой пешком, пока у него не иссякли силы, затыкая уши, чтобы не слышать его криков, и выжимая кровь из его конечностей. [8] "Тело Лютера, - добавил он, - было пронзено насквозь". [9] Услышав это, слушатели издали крики скорби. "Увы! - сказали они. - мы никогда больше не увидим и не услышим этого благородно мыслящего человека, чей голос тронул самые наши сердца!" Друзья Лютера дрожали от негодования и поклялись отомстить за его смерть. Женщины, дети, мирные люди и старики с ужасом смотрели на перспективу новой борьбы. Ничто не могло сравниться с тревогой римских приверженцев. Священники и монахи, которые поначалу не могли скрыть своего ликования, считая себя уверенными в победе, потому что один человек был мертв, и которые подняли головы с оскорбительным видом триумфатора, теперь бежали бы подальше от угрожающего гнева народа. [10] Эти люди, которые, пока Лютер был на свободе, дали волю своей ярости, дрожали теперь, когда он был пленником. [11] Алеандр, особенно, был поражен. "Единственный оставшийся способ спастись, - писал один католик архиепископу Менца, - это зажечь факелы и разыскивать Лютера по всему миру, чтобы вернуть его нации, которая его ищет". [12] Можно было бы сказать, что бледный призрак

реформатора, волочащий за собой цепи, сеял ужас вокруг и взывал к мести. "Смерть Лютера, - восклицали некоторые, - вызовет потоки крови". [13]

ЭНТУЗИАЗМ.

Нигде не было такого переполоха, как в самом Вормсе; решительный ропот слышался как среди народа, так и среди князей. Ульрих Хюттен и Герман Буш наполнили страну своими жалобными звуками и боевыми песнями. Карл V и нунции были публично обвинены. Нация поддержала бедного монаха, который силой своей веры стал их лидером.

МЕЛАНХТОН И ЛЮТЕР.

В Виттемберге его коллеги и друзья, и особенно Меланхтон, поначалу были глубоко огорчены. Лютер передал этому молодому ученому сокровища того святого богословия, которое с того времени всецело занимало его ум. Лютер придал содержание и жизнь тому чисто интеллектуальному развитию, которое Меланхтон привнес в Виттемберг. Глубина учения реформатора поразила молодого эллиниста, и мужество доктора, отстаивавшего права вечного Евангелия вопреки всякому человеческому авторитету, наполнило его энтузиазмом. Он стал партнером в его трудах; он взялся за перо и с той чистотой стиля, которую почерпнул из изучения древних, он последовательно и властной рукой принижал авторитет отцов церкви и соборов перед верховным Словом Божиим.

Меланхтон проявил в своих знаниях ту же решительность, которую Лютер проявил в своих действиях. Никогда еще не было двух людей с таким разнообразием и в то же время с таким единством. "Священное Писание, - сказал Меланхтон, - дарует душе святое и чудесное наслаждение: это небесная амброзия". [14]— "Слово Божье, - восклицал Лютер, - это меч, война, разрушение; оно обрушивается на детей Ефрема, как львица на лес". Таким образом, один видел в Священных Писаниях силу утешения, а другой - яростное противодействие развращенности мира. Но оба считали это величайшим на земле; и поэтому они пришли к совершенному согласию. "Меланхтон, - сказал Лютер, - это чудо; сейчас все люди признают это. Он самый грозный враг сатаны и схоластов, ибо знает их глупость, а Христос - скала. Маленький грек превосходит меня даже в божественности; он будет так же полезен вам, как и многие другие". И он добавил, что готов отказаться от любого мнения, которое Филипп не одобряет. Со своей стороны, Меланхтон тоже, преисполненный восхищения знанием Лютером Священного Писания, ставил его намного выше отцов Церкви. Он оправдывал шутки, в которых упрекали Лютера, и сравнивал его с глиняным сосудом, в котором под грубой внешностью скрывается драгоценное сокровище. "Мне бы очень не хотелось бесцеремонно упрекать его в этом вопросе", - сказала Меланхтон. [15]

СКОРБЬ МЕЛАНХТОН.

Но теперь эти два сердца, столь тесно соединенные, были разделены. Эти два доблестных солдата больше не могут идти бок о бок к освобождению Церкви. Лютер исчез; возможно, он потерян навсегда. Ужас в Виттемберге был чрезвычайным: как в армии, с мрачным и удрученным видом, перед окровавленным телом своего генерала, который вел их к победе.

Внезапно поступили более утешительные новости. "Наш возлюбленный отец жив", [16] воскликнул Филипп в радости своей души; "мужайтесь и будьте тверды". Но вскоре к ним вернулось уныние. Лютер был жив, но в тюрьме. Вормсский эдикт с его ужасными запретами,

[17] был тысячами распространен по всей империи и даже в горах Тироля. [18] Разве Реформация не была бы раздавлена железной рукой, которая давила на нее? Кроткий дух Меланхтон был переполнен печалью.

Но над рукой человека ощущалось влияние более могущественной руки; сам Бог лишил грозный эдикт всей его силы. Германские князья, которые всегда стремились ослабить власть Рима в империи, трепетали перед союзом между императором и папой и боялись, что это приведет к уничтожению их свободы. Соответственно, в то время как Карл в своем путешествии по Нидерландам с иронической улыбкой приветствовал горящие костры, которые льстецы и фанатики разжигали в общественных местах трудами Лютера, сами эти труды читались в Германии с постоянно возрастающим рвением, и многочисленные памфлеты в пользу реформы ежедневно наносили папству какой-нибудь новый удар. Нунции были сбиты с толку, увидев, что этот эдикт, плод стольких интриг, произвел так мало эффекта. "Чернила, которыми Карл V подписал свой арест, - с горечью говорили они, - едва высохли, и все же императорский указ повсюду разорван в клочья". Народ все больше и больше привязывался к замечательному человеку, который, не обращая внимания на громы Карла и папы римского, исповедовал свою веру с мужеством мученика. "Он предложил отречься, - сказали они, - если его опровергнут, но никто не осмелился взяться за это дело. Разве это не доказывает истинность его доктрин?" Таким образом, за первым тревожным движением в Виттемберге и во всей империи последовало движение энтузиазма. Даже архиепископ Менца, ставший свидетелем этой вспышки народного сочувствия, не осмелился разрешить Кордельерам проповедовать против реформатора. Университет, который, казалось, был вот-вот раздавлен, поднял голову. Новые доктрины были слишком твердо установлены, чтобы их могло поколебать отсутствие Лютера, а залы академии едва могли вместить толпу слушателей. [19]

ГЛАВА II.

Лютер в Вартбурге — Цель его заключения—Тревога—Болезнь—Труды Лютера—Исповедь—Ответ Латому—Его ежедневные прогулки.

ЦЕЛЬ ПЛЕНЕНИЯ ЛЮТЕРА.

Тем временем рыцарь Георгий, ибо этим именем в Вартбурге называли Лютера, жил уединенно и безвестно. "Если бы вы увидели меня, - писал он Меланхтону, - вы бы приняли меня за солдата, и даже *вы* вряд ли узнали бы меня". [20] Лютер сначала предавался отдыху, наслаждаясь досугом, которого ему до сих пор не предоставляли. Он свободно бродил по крепости, но не мог выйти за стены. [21] Все его пожелания были учтены, и с ним никогда не обращались лучше. [22] Множество мыслей заполнило его душу; но ни одна не имела силы беспокоить его. По очереди он смотрел вниз, на леса, которые окружали его, и поднимал глаза к небу. "Станный я пленник, - воскликнул он, - пленник по своей воле и против нее!" [23]

"Молитесь за меня, - писал он Спалатину. - Ваши молитвы - единственное, в чем я нуждаюсь. Я не скорблю ни о чем, что бы ни говорили обо мне в этом мире. Наконец-то я обрел покой". [24] Это письмо, как и многие другие того же периода, датировано островом Патмос. Лютер сравнивал Вартбург с тем знаменитым островом, на который гнев Домициана в прежние времена изгнал апостола Иоанна.

Посреди темных лесов Тюрингии реформатор отдыхал от жестокой борьбы, которая волновала его душу. Там он изучал христианскую истину не для того, чтобы спорить, а как средство возрождения и жизни. Начало Реформации по необходимости было полемическим; новые времена требовали новых трудов. После того как были срублены шипы и заросли, необходимо было мирно посеять Слово Божье в сердце. Если бы Лютера постоянно призывали к новым битвам, он не смог бы выполнить длительную работу в Церкви. Таким образом, благодаря своему плену он избежал опасности, которая, возможно, погубила бы Реформацию, — постоянной атаки и разрушения, никогда не защищаясь и не созидая.

ПОКОЙ—ТОСКА.

Это скромное отступление имело еще более ценный результат. Поддерживаемый своими соотечественниками, как щитом, он стоял на краю пропасти; малейшее головокружение могло бы сбросить его в нее с головой. Некоторые из первых сторонников Реформации как в Германии, так и в Швейцарии наткнулись на отшель духовной гордыни и фанатизма. Лютер был человеком, очень подверженным немощам нашей природы, и он не смог полностью избежать этих опасностей. Рука Божья, однако, избавила его на время, внезапно удалив из сферы пьянящих оваций и отбросив в неизвестное уединение. Там его душа погрузилась в благочестивое размышление у подножия Божьих ног; она снова закалялась в водах невзгод; ее страдания и унижение заставили его, по крайней мере на время, ходить со смиренными; и с тех пор принципы христианской жизни развивались в его душе с большей энергией и свободой.

Спокойствие Лютера длилось недолго. Сидя в одиночестве на крепостных валах Вартбурга, он целыми днями погружался в глубокую медитацию. В какой-то момент Церковь предстала перед ним, демонстрируя все свое убожество; [25] в другой раз, с надеждой устремив глаза к небесам, он мог воскликнуть: "Для чего, о Господь, ты сотворил всех людей напрасными?" (Псалом lxxxix. 48.) И тогда, поддавшись отчаянию, он уныло воскликнул: "Увы! в этот последний день его гнева нет никого, кто встал бы стеной перед Господом и спас Израиль!"

Затем, возвращаясь к своей собственной судьбе, он испугался, как бы его не обвинили в дезертирстве с поля боя; [26] и это предположение отягощало его душу. "Я бы предпочел, - сказал он, - растянуться на раскаленных углях, чем лежать здесь полумертвым". [27]

Перенося себя в воображении в Вормс и Виттемберг, в гущу своих противников, он сожалел, что послушался совета своих друзей, что покинул мир и что не подставил свою грудь людской ярости. [28] "Увы! - сказал он, - больше всего на свете я желаю предстать перед своими злейшими врагами". [29]

НАДЕЖДА—БОЛЕЗНЬ.

Более мягкие мысли, однако, положили конец такому беспокойству. Для Лютера все не было бурей; время от времени его взволнованный ум обретал спокойствие и утешение. Помимо уверенности в Божьей помощи, одно утешало его в его печалях; это были воспоминания о Меланхтоне. "Если я погибну, - писал он, - Евангелие ничего не потеряет: [30] ты унаследуешь меня, как Елисей унаследовал Илию, с двойной порцией моего духа". Но, вспомнив о робости Филиппа, он энергично воскликнул: "Служитель Слова! удерживайте стены и башни Иерусалима, пока враг не поразит вас. Пока мы одни на поле битвы; после меня они направят свои удары на вас". [31]

Мысль о последнем нападении Рима на зарождающуюся Церковь усилила его тревогу. Бедному монаху, одинокому пленнику, пришлось вести много сражений в одиночку. Но надежда на избавление быстро озарила его. Ему казалось, что нападения папства поднимут на ноги всю немецкую нацию и что победоносные солдаты Евангелия окружают Вартбург и вернут пленнику свободу. "Если папа, - сказал он, - поднимет руку на всех, кто на моей стороне, в Германии начнутся беспорядки; чем больше он будет торопиться сокрушить нас, тем скорее придет конец папе и его последователям. И я.....Я буду возвращен тебе. [32] Бог пробуждает сердца многих и будоражит народы. Только пусть наши враги схватят наше дело в свои объятия и попытаются задушить его; оно наберет силу под их давлением и станет в десять раз более грозным".

БОЛЕЗНЬ — БЕСПОКОЙСТВО ЕГО ДРУЗЕЙ.

Но болезнь низвергла его с тех высот, на которые его вознесли мужество и вера. Он уже много страдал в Вормсе; в одиночестве его болезнь усилилась. [33] Он не мог выносить пищу в Вартбурге, которая была менее грубой, чем в его монастыре; они были вынуждены давать ему ту скудную пищу, к которой он привык. Он проводил целые ночи без сна. К телесным болям добавились душевные тревоги. Ни одно великое дело не совершается без страданий и мученичества. Лютер, одинокий на своей скале, пережил в своем сильном теле страсть, которую сделала необходимой эмансипация человеческого рода. "Сидя ночью в своей комнате, я издавал стоны, как женщина в родах; истерзанная, израненная и истекающая кровью" [34]..... затем, прервав свои жалобы, тронутый мыслью о том, что его страдания - это благословение от Бога, он воскликнул с любовью: "Благодарение Тебе, о Христос, что Ты не оставишь меня без драгоценных отметин моей жизни". крест твой!" [35] Но вскоре, разозлившись на себя, он воскликнул: "Какой же я безумец и жестокосердный! Горе мне! Я редко молюсь, я редко борюсь с Господом, я не стенаю о Церкви Божьей! [36] Вместо того, чтобы быть пылким духом, мои страсти разгораются; я живу в праздности, во сне и лени!" Тогда, не зная, чему ему приписать это состояние, и привыкший всего ожидать от любви своих братьев, он воскликнул в отчаянии своего сердца: "О друзья мои! неужели ты тогда забываешь молиться за меня, что Бог так далек от меня?"

Те, кто был рядом с ним, а также его друзья в Виттемберге и при дворе курфюрста, были встревожены таким состоянием страданий. Они боялись, что увидят, как жизнь, которую они спасли от пламени папы римского и меча Карла V. печально угасает. Суждено ли было Вартбургу стать могилой Лютера? "Я боюсь, - сказала Меланхтон, - что горе, которое он испытывает по отношению к Церкви, станет причиной его смерти. Он зажег огонь в Израиле; если он умрет, какая надежда останется у нас? Молю Бога, чтобы ценой моей собственной жалкой жизни я смог сохранить в мире ту душу, которая является его прекраснейшим украшением! [37]—О! что за человек! - воскликнул он, как будто уже стоял на краю своей могилы. - мы никогда не ценили его по достоинству!"

ТРУДЫ ЛЮТЕРА—ИСПОВЕДЬ.

То, что Лютер называл постыдной ленью своей тюрьмы, было задачей, которая почти превышала силы одного человека. "Я провожу здесь весь день, - писал он 14 мая, - в праздности и удовольствиях (несомненно, имея в виду лучшее питание, которым его снабдили поначалу). Я читаю Библию на иврите и греческом; я собираюсь написать на немецком трактат об исповеди

ушами; я продолжу перевод Псалмов и составлю том проповедей, как только получу то, что мне нужно от Виттемберга. Я пишу без перерыва". [38] И все же это было лишь частью его трудов.

Его враги думали, что если он и не умер, то, по крайней мере, они больше о нем не услышат; но их радость была недолгой, и не могло быть никаких сомнений в том, что он жив. Множество сочинений, написанных в Вартбурге, быстро сменяли друг друга, и любимый голос реформатора повсюду приветствовался с энтузиазмом. Лютер одновременно публиковал произведения, призванные назидать Церковь, и полемические трактаты, которые вызывали слишком бурное ликование его врагов. Почти целый год он по очереди наставлял, увещевал, порицал и гремел из своего горного убежища; и его изумленные противники спрашивали друг друга, нет ли чего-то сверхъестественного, какой-то тайны в этой поразительной деятельности. "Он никогда не смог бы отдохнуть", - говорит Кохлус. [39]

Но не было никакой другой тайны, кроме неосторожности римских приверженцев. Они поспешили воспользоваться Вормским эдиктом, чтобы нанести решающий удар Реформации; и Лютер, осужденный, находившийся под запретом империи и заключенный в Вартбурге, взялся защищать здоровое учение, как будто он все еще был победителем и на свободе. Священники особенно старались заковать в цепи своих послушных прихожан в трибунале покаяния; и, соответственно, исповедальня была объектом первой атаки Лютера. "Они приводят, - сказал он, - эти слова святого Иакова: *Признавайтесь друг перед другом в своих грехах*. Необыкновенный исповедник! его зовут *Друг*. Отсюда следует, что исповедники также должны исповедоваться своим кающимся; что каждый христианин должен быть, в свою очередь, папой, епископом, священником; и что сам папа должен исповедоваться всем!" [40]

ОТВЕТ НА "ПРОГУЛКИ" ЛАТОМУСА—ЛЮТЕРА.

Едва Лютер закончил этот трактат, как начал другой. Лувенский богослов по имени Латомус, уже печально известный своей оппозицией Рейхлину и Эразму, выступил с критикой мнений реформатора. За двенадцать дней опровержение Лютера было готово, и это шедевр. Он снимает с себя упрек в том, что ему не хватало умеренности. "Модность дня, - сказал он, - состоит в том, чтобы преклонять колена перед святотатственными понтификами, нечестивыми софистами и говорить им: Милостивый господь! Превосходный учитель! Затем, когда вы это сделаете, вы можете предать смерти любого, кого вам заблагорассудится; вы можете даже потрясти мир, и тем не менее вы будете человеком умеренности.....Долой такую умеренность! Я предпочел бы быть откровенным и никого не обманывать. Скорлупа может быть твердой, но ядро мягкое и нежное". [41]

Поскольку здоровье Лютера оставалось слабым, он подумывал о том, чтобы покинуть место своего заключения. Но как ему это удалось? Появиться на публике означало бы подвергнуть опасности свою жизнь. Обратную сторону горы, на которой стояла крепость, пересекали многочисленные пешеходные дорожки, окаймленные пучками земляники. Тяжелые ворота замка открылись, и узник не без страха рискнул сорвать немного плодов. [42] Постепенно он осмелел и в своем рыцарском облачении начал бродить по окрестностям в сопровождении одного из стражников замка, достойного, но несколько грубоватого человека. Однажды, войдя в гостиницу, Лютер отбросил в сторону свой меч, который мешал ему, и поспешно схватил несколько лежавших там книг. Его натура взяла верх над благоразумием. Его опекун задрожал, опасаясь, что это движение, столь необычное для солдата, вызовет подозрения, что доктор на самом деле не рыцарь. В другой раз два товарища остановились в монастыре Рейнхардсбрунн,

где Лютер ночевал несколько месяцев назад по дороге в Вормс. [43] Внезапно один из братьев-мирян вскрикнул от удивления. Лютера узнали. Его слуга заметил это и поспешно потащил его прочь; и они уже усаkali далеко от монастыря, прежде чем изумленный брат оправился от своего изумления.

ОХОТНИЧИЙ ОТРЯД.

Временами в военной жизни доктора было что-то поистине теологическое. Однажды сети были готовы — ворота крепости распахнулись — длинноухие собаки выбежали наружу. Лютеру захотелось вкусить удовольствия от охоты. Охотники вскоре оживились; собаки бросились вперед, выгоняя дичь из укрытий. Посреди всего этого шума рыцарь Георгий стоит неподвижно: его ум занят серьезными мыслями; окружающие его предметы наполняют его сердце печалью. [44] "Не является ли это, — говорит он, - изображением дьявола, сидящего на своих собаках, то есть епископах, этих представителей Антихриста, и побуждающего их преследовать бедные души?" [45] Был пойман молодой заяц; обрадованный перспективой освободить его, он бережно завернул в свой плащ и положил посреди чащи; но едва он сделал несколько шагов, как собаки почуяли зверька и убили его. Лютер, привлеченный шумом, издал стон скорби и воскликнул: "О папа! и ты тоже, сатана! таким образом, вы пытаетесь уничтожить даже те души, которые были спасены от смерти!" [46]

ГЛАВА III.

Начало реформы—Брак в Фельдкирхене—Брак монахов—Тезисы—Трактат против монашества—Лютер больше не монах.

НАЧАЛО РЕФОРМЫ.

В то время как виттембергский доктор, таким образом, умерший для мира, искал развлечений в окрестностях Вартбурга, работа шла как бы сама по себе: реформа начиналась; она больше не ограничивалась доктриной, она глубоко проникала в действия людей. Бернард Фельдкирхен, пастор из Кемберга, первым под руководством Лютера атаковал ошибки Рима, [47] также был первым, кто сбросил ярмо его институтов. Он женился.

Немцы любят общественную жизнь и домашние радости; и поэтому из всех папских постановлений именно обязательное безбрачие привело к самым печальным последствиям. Этот закон, который был впервые введен в отношении глав духовенства, предотвратил переход церковных владений по наследству. Но когда он был расширен Григорием VII. для низшего духовенства это привело к самым плачевным результатам. Многие священники уклонялись от обязанностей, налагаемых на них самыми скандальными беспорядками, и навлекали на себя презрение и ненависть всего общества; в то время как те, кто подчинился закону Гильдебранда, были внутренне возмущены против Церкви, потому что, предоставляя ее высшим сановникам столько власти, богатства и земных наслаждений, она обязывала своих более скромных служителей, которые были ее самыми полезными сторонниками, к самоотречению, столь противоречащему Евангелию.

БРАК МОНАХОВ.

"Ни папы, ни соборы, - сказали Фельдкирхен и другой пастор по имени Зайдлер, последовавший его примеру, - не могут навязывать Церкви какие-либо заповеди, которые подвергают опасности тело и душу. Обязанность соблюдать закон Божий вынуждает меня нарушать человеческие традиции". [48] Восстановление брака в шестнадцатом веке было данью уважения нравственному закону. Церковные власти встревожились и немедленно обнародовали свои указы против этих двух священников. Зайдлер, находившийся на территориях герцога Георга, был выдан своему начальству и умер в тюрьме. Но курфюрст Фридрих отказался сдать Фельдкирхен архиепископу Магдебургскому. "Его высочество, - сказал Спалатин, - отказывается играть роль констебля". Поэтому Фельдкирхен продолжал быть пастором своей паствы, хотя и мужем и отцом.

Первым чувством реформатора, когда он услышал об этом, было ликование: "Я восхищаюсь этим новым кембергским женихом, - сказал он, - который ничего не боится и спешит вперед в самый разгар суматохи". Лютер придерживался мнения, что священники должны жениться. Но этот вопрос привел к другому — к браку монахов; и здесь Лютеру пришлось поддержать одну из тех внутренних битв, из которых состояла вся его жизнь; ибо каждая реформа должна быть сначала выиграна духовной борьбой. Меланхтон и Карлштадт, один мирянин, другой священник, считали, что свобода заключения уз брака должна быть такой же свободной для монахов, как и для священников. Монах Лютер сначала так не думал. Однажды губернатор Вартбурга принес ему тезисы Карлштадта о безбрачии: "Боже милостивый! - воскликнул он. - Тогда наши виттембергцы будут отдавать жен даже монахам!".....Эта мысль удивила и смутила его; сердце его было встревожено. Он отверг для себя свободу, которую требовал для других. "Ах! - сказал он с негодованием. - По крайней мере, они не заставят *меня* жениться". [49] Это выражение, несомненно, неизвестно тем, кто утверждает, что Лютер проповедовал Реформацию, чтобы он мог жениться. Стремясь к истине не со страстью, а с прямой целью, он отстаивал то, что казалось ему истинным, хотя и противоречило всей его системе. Он ходил в смеси заблуждения и истины, пока заблуждение не пало и истина не осталась одна.

БОРЬБА С МОНАШЕСТВОМ.

Действительно, между этими двумя вопросами была большая разница. Женидьба священников не была уничтожением священства; напротив, это само по себе могло бы вернуть светскому духовенству уважение народа; но женидьба монахов была падением монашества. Таким образом, возник вопрос, желательно ли было распускать и разбивать ту мощную армию, которой папы располагали под своими командованиями. "Священники, - писал Лютер Меланхтону, - имеют божественное назначение и, следовательно, свободны в отношении человеческих заповедей. Но по своей собственной воле монахи приняли безбрачие; следовательно, они не вольны снять с себя иго, которое добровольно наложили на себя". [50]

Реформатору было суждено продвинуться вперед и новой борьбой закрепить эту новую позицию врага. Он уже растоптал множество римских злоупотреблений и даже сам Рим; но монашество все еще оставалось на ногах. Монашество, которое когда-то несло жизнь во многие пустыни и которое, пройдя через столько веков, теперь наполняло монастыри ленью и часто распущенностью, казалось, воплотилось и отправилось защищать свои права в том замке Тюрингии, где вопрос о его жизни и смерти обсуждался в совести одного человека. Лютер боролся с этим: в какой-то момент он был близок к победе, в другой - был почти побежден. Наконец, не в силах больше выдерживать состязание, он бросился в молитве к ногам Иисуса

Христа, восклицая: "Научи нас, избавь нас, утверди нас, по Твоей милости, в свободе, которая принадлежит нам; ибо, несомненно, мы - твой народ!" [51]

ПОБЕДНЫЕ ТЕЗИСЫ.

Ему не пришлось долго ждать освобождения; в сознании реформатора произошла важная революция; и снова именно доктрина оправдания верой принесла ему победу. Та рука, которая ниспровергла индульгенции, римские обычаи и самого папу, также привела к падению монахов в сознании Лютера и во всем христианском мире. Лютер видел, что монашество находилось в яростном противостоянии учению о спасении по благодати и что монашеская жизнь была полностью основана на мнимых достоинствах человека. С того часа, почувствовав уверенность в том, что слава Христа заинтересована в этом вопросе, он услышал голос, непрестанно повторяющий в его совести: "Монашество должно пасть!" — "Пока учение об оправдании верой остается чистым и непорочным в Церкви, никто не может стать монахом", - сказал он. [52] Это убеждение с каждым днем крепло в его сердце, и примерно в начале сентября он отправил "епископам и дьяконам Виттембергской церкви" следующие тезисы, которые были его объявлением войны монашеской жизни:—

"Все, что не по вере, есть грех" (Рим. xiv. 23).

"Всякий, кто дает обет девственности, целомудрия, служения Богу без веры, дает нечестивый и идолопоклоннический обет — обет самому дьяволу.

Давать такие обеты хуже, чем жрецы Кибелы или весталки язычников; ибо монахи дают свои обеты в надежде быть оправданными и спасенными этими обетами; и то, что должно быть приписано исключительно милости Божьей, таким образом, приписывается достойным деяниям.

"Мы должны полностью уничтожить такие монастыри, как обители дьявола.

"Есть только один порядок, который свят и делает человека святым, и это христианство, или вера. [53]

"Чтобы монастыри были полезны, их следует преобразовать в школы, где дети должны воспитываться как подобает мужчинам; вместо этого это дома, где взрослые мужчины становятся детьми и остаются ими навсегда".

ЛЮТЕР ОТВЕРГАЕТ МОНАШЕСТВО.

Мы видим, что Лютер по-прежнему терпел бы монастыри как места получения образования; но вскоре его нападки на эти учреждения стали более ожесточенными. Безнравственность и постыдные обычаи, царившие в монастырях, невольно пришли ему на ум. "Я полон решимости, - писал он Спалатину 11 ноября, - избавить молодежь от адского пламени безбрачия". [54] Сейчас он написал книгу против монашеских обетов, которую посвятил своему отцу:—

"Желаешь ли ты, - сказал он в своем посвящении старику в Мансфельдте, - все еще желаешь ли ты спасти меня от монашеской жизни? Ты имеешь на это право, ибо ты все еще мой отец, а я все еще твой сын. Но в этом больше нет необходимости: Бог заранее был с тобой и Сам избавил меня своей силой. Какое значение имеет, ношу я или снимаю тонзуру и капюшон? Это капюшон — это тонзура - делает монаха? *Все принадлежит вам*, говорит святой Павел, *и вы*

принадлежите Христу. Я не принадлежу клобуку, но клобук принадлежит мне. Я монах, и все же не монах; я новое творение, не папы римского, но Иисуса Христа. Христос, единственный и без всякого посредника, является моим епископом, моим аббатом, моим приором, моим господином, моим отцом и моим учителем; и я не знаю другого. Какое мне дело, если папа осудит меня и предаст смерти? Он не может вызвать меня из могилы и убить во второй раз.....Приближается великий день, в который царство мерзости будет низвергнуто. Молю Бога, чтобы папе стоило предать нас всех смерти! Наша кровь воззвала бы к небесам против него, и таким образом его осуждение было бы ускорено, а его конец близок". [55]

Трансформация уже произошла в самом Лютере; он больше не был монахом. Не внешние обстоятельства, не земные страсти и не плотские устремления вызвали эту перемену. Была борьба: сначала Лютер встал на сторону монашества; но истина также попала на ристалище, и монашество пало перед ней. Победы, одерживаемые страстью, эфемерны; победы истины долговечны и решающи.

ГЛАВА IV.

Архиепископ Альберт — Кумир Галле—Возмущение Лютера—Тревога двора—Письмо Лютера архиепископу—Ответ Альберта—Иоахим Бранденбургский.

АРХИЕПИСКОП АЛЬБЕРТ.

В то время как Лютер таким образом готовил почву для одной из величайших революций, которым было суждено совершиться в Церкви, и Реформация начинала мощно входить в жизнь христиан, римские приверженцы, слепые, как обычно бывают те, кто долгое время находился у власти, вообразили, что, поскольку Лютер находился в Вартбурге, Реформа умерла и исчезла навсегда; и воображали, что они смогут спокойно возобновить свои древние обычаи, которым на мгновение помешал монах из Виттемберга. Альберт, курфюрст-архиепископ Менца, был одним из тех слабаков, которые при прочих равных условиях принимают решения в пользу истины; но которые, как только их интересы оказываются поставленными на карту, готовы принять участие в заблуждении. Его самой важной целью было иметь двор, столь же блестящий, как у любого принца в Германии, его экипажи столь же богатые, а стол столь же хорошо обставленный: торговля индульгенциями превосходно способствовала достижению этого результата. Соответственно, едва императорская канцелярия издала указ против Лютера, как Альберт, который в то время проживал со своим двором в Галле, созвал торговцев индульгенциями, которые все еще были встревожены словами реформатора, и попытался ободрить их такими словами, как: "Ничего не бойтесь, мы заставили его замолчать; давайте начнем спокойно стричь паству; монах - пленник; он заперт на засовы и решетки; на этот раз он поступит очень умно, если снова придет мешать нам в наших делах". Рынок снова открылся, товары были выставлены на продажу, и снова церкви Галле огласились речами шарлатанов.

Но Лютер был все еще жив, и его голос был достаточно силен, чтобы проникнуть за стены и решетки, за которыми он был спрятан. Ничто не могло бы поднять его негодование на более высокую ступень. Что! велись самые жестокие битвы; он противостоял всем опасностям; истина оставалась победоносной, и все же они осмеливаются топтать ее ногами, как если бы она была

побеждена!.....Снова будет услышан тот голос, который однажды уже положил конец этому преступному обороту. "Я не буду знать покоя, - писал он Спалатину, - пока не нападу на идола Менца с его борделем в Галле". [56]

ИДОЛ ГАЛЛЕ.

Лютер немедленно приступил к работе; его мало заботила тайна, которой некоторые пытались окутать его резиденцию в Вартбурге. Он был подобен Илии в пустыне, кующему новые молнии против нечестивого Ахава. Первого ноября он закончил свой трактат *Против Нового кумира Галле*.

Известие о планах Лютера дошло до архиепископа. Встревоженный и взволнованный самой этой идеей, он примерно в середине октября послал двух своих помощников (Капито и Ауэрбаха) в Виттемберг, чтобы предотвратить бурю. "Лютер должен умерить свою порывистость", - сказали они Меланхтону, который радушно принял их. Но Меланхтон, хотя и был сам мягким человеком, не принадлежал к числу тех, кто воображает, что мудрость заключается в постоянных уступках, уступчивости и молчании. "Им движет Бог, - ответил он, - а нашему веку нужна горькая и острая соль". [57] После этого Капитан обратился к Джонасу и попытался через него повлиять на суд. Новость о намерении Лютера была уже известна там и вызвала большое изумление. "Что?" - воскликнули придворные. "Разжечь огонь, который нам стоило столько труда потушить! Лютера можно спасти, только будучи забытым, и все же он восстает против первого принца империи!" — "Я не позволю Лютеру писать против архиепископа Менца и тем самым нарушать общественное спокойствие", - сказал курфюрст. [58]

ВОЗМУЩЕНИЕ ЛЮТЕРА.

Лютер был раздосадован, когда ему повторили эти слова. Разве недостаточно заключить в тюрьму его тело, но они также закуют в цепи его разум и правду? it?.....До они воображают, что он прячется из-за страха, и что его уход - это признание поражения? Он утверждает, что это победа. Кто осмелился выступить против него в Вормсе и воспротивиться правде? Соответственно, когда пленник в Вартбурге прочитал письмо капеллана, сообщавшее ему о чувствах принца, он отбросил его в сторону, решив ничего не отвечать. Но он не мог долго сдерживаться; он взял послание и написал Спалатину: "Избиратель не пострадает!..... и я тоже не потерплю, чтобы избиратель *не* разрешал мне писать Скорее я уничтожу вас, избирателя, нет, весь мир навсегда! [59] Если я сопротивлялся папе, который является создателем вашего кардинала, почему я должен уступать перед его творением? Воистину, очень приятно слышать, как вы говорите, что мы не должны нарушать общественное спокойствие, в то время как вы позволяете нарушать вечный мир Божий!..... Спалатин, этого не должно быть! Принц, этого не будет! [60] Посылаю вам книгу, которую я уже подготовил против кардинала, когда получил ваше письмо. Перешлите это Меланхтону".

Спалатин дрожал, читая эту рукопись; он снова объяснил реформатору, насколько неосмотрительно было бы публиковать работу, которая заставила бы имперское правительство отбросить свое очевидное незнание судьбы Лютера и наказать заключенного, осмелившегося напасть на величайшего князя империи и Церкви. Если бы Лютер упорствовал в своих замыслах, спокойствие снова было бы нарушено, и Реформация, возможно, была бы проиграна. Лютер согласился отложить публикацию своего трактата; он даже позволил Меланхтону стереть

наиболее резкие места. [61] Но, раздраженный робостью своего друга, он написал капеллану: "Господь жив и царствует, тот Господь, в которого вы, придворные, не верите, если только он настолько не приспособит Свои дела к вашему разуму, что больше нет необходимости верить". Затем он решил написать непосредственно кардиналу.

ПИСЬМО АРХИЕПИСКОПУ.

Таким образом, Лютер привлекает к суду всю группу римских епископов в лице немецкого примаса. Его слова принадлежат смелому человеку, пылкому в рвении к истине и чувствующему, что он говорит от имени самого Бога.

"Ваше избирательное высочество, - писал он из глубины своего убежища, - снова установили в Галле идола, который пожирает деньги и души бедных христиан. Вы, наверное, думаете, что я инвалид и что император легко заглушит крики бедного монаха.....Но знайте, что я буду выполнять обязанности, возложенные на меня христианским милосердием, не боясь врат ада и тем более папы римского, его епископов и кардиналов.

"По этой причине я смиренно молюсь, чтобы ваше избирательное высочество вспомнили начало этого дела — как крошечная искра разожгла ужасный пожар. Весь мир в то время находился в состоянии безопасности. Этот бедный монах-попрошайка (думали они), который без посторонней помощи напал бы на папу римского, слишком слаб для такого предприятия. Но вмешался Бог; и он причинил папе больше труда и беспокойства, чем он когда-либо испытывал с тех пор, как занял свое место в храме Божьем, чтобы тиранить Церковь. Тот же самый Бог все еще жив: пусть никто не сомневается в этом. [62] Он будет знать, как противостоять кардиналу Менца, даже если бы его поддерживали четыре императора; ибо превыше всего Ему угодно срубить высокие кедры и унизить надменных фараонов.

"По этой причине я уведомляю ваше высочество письмом, что, если идол не будет низвергнут, я должен, повинаясь Божьему учению, публично напасть на ваше высочество, как я напал на самого папу римского. Позвольте вашему высочеству вести себя в соответствии с этим советом; я буду ждать две недели скорейшего и благоприятного ответа. Дано в моей пустыне, в воскресенье после дня святой Екатерины (15 ноября) 1521 года.

"От преданного и покорного слуги вашего избирательного высочества,

Мартин Лютер".

ОТВЕТ АЛЬБЕРТА.

Это письмо было отправлено в Виттемберг, а из Виттемберга в Галле, где в то время проживал кардинал-курфюрст; ибо никто не осмелился перехватить его, предвидя бурю, которая поднимется из-за столь дерзкого поступка. Но Меланхтон сопровождал это письмом, адресованным благоразумному Капитану, в котором он пытался подготовить почву для благоприятного завершения этого трудного дела.

Невозможно описать чувства молодого и слабого архиепископа, получившего письмо реформатора. Работа, объявленная *против кумира Галле*, была подобна мечу, занесенному над его головой. И в то же время какой гнев должна была зажечь в его сердце дерзость этого крестьянского сына, этого отлученного от церкви монаха, который осмелился так выражаться с принцем Бранденбургского дома, предстоятелем Немецкой церкви? Капитон умолял архиепископа удовлетворить монаха. Тревога, гордость и голос совести, которые он не мог заглушить, со страхом боролись в груди Альберта. Наконец страх перед книгой, а может быть, и угрозы совести, взяли верх; он смирился: он собрал воедино все, что, по его мнению, было рассчитано на то, чтобы умиротворить Вартбургца, и едва прошло две недели, как Лютер получил следующее письмо, еще более удивительное, чем его собственное ужасное послание:

"Мой дорогой доктор, я получил и прочел ваше письмо и отнесся к нему с должным вниманием. Но я думаю, что мотив, побудивший вас написать мне такое послание, давно перестал существовать. Я желаю, с Божьей помощью, вести себя как благочестивый епископ и христианский князь, и я признаю, что нуждаюсь в Божьей благодати. Я не отрицаю, что я грешник, подверженный греху и ошибкам, ежедневно грешащий и заблуждающийся. Я твердо уверен, что без Божьей благодати я никчемная и отвратительная трясина, такая же, как и другие люди, если не больше. Отвечая на ваше письмо, я не стал бы скрывать своего милостивого расположения, ибо я более чем желаю проявить к вам всю доброту и благосклонность из любви ко Христу. Я знаю, как принять христианский и братский упрек.

- Моей собственной рукой. Альберт.

СЛАБОСТЬ И СИЛА.

Именно в таких выражениях обратился к отлученному от церкви монаху из Вартбурга курфюрст-архиепископ Менца и Магдебурга, уполномоченный представлять и поддерживать в Германии конституцию Церкви. Повиновался ли Альберт, написав это, великодушным побуждениям своей совести или своим рабским страхам? В первом случае это благородное письмо; во втором - оно заслуживает нашего презрения. Мы скорее предположили бы, что это произошло из лучших чувств его сердца. Как бы то ни было, это показывает неизмеримое превосходство Божьих слуг над всеми великими мира сего. В то время как один только Лютер, узник и осужденный, черпал непобедимое мужество в своей вере, архиепископ, курфюрст и кардинал, окруженный всей властью и благосклонностью мира, трепетал на своем троне. Этот контраст проявляется постоянно и является ключом к странной загадке, которую открывает история Реформации. Христианин не призван подсчитывать свои силы и средства достижения победы. Единственное, о чем он должен беспокоиться, - это узнать, действительно ли дело, которое он отстаивает, является делом Бога и заботится ли он только о славе своего Учителя. Несомненно, ему нужно провести исследование; но это полностью духовное исследование — христианин смотрит на сердце, а не на руку; он взвешивает справедливость своего дела, а не его внешнюю силу. И когда этот вопрос однажды будет решен, его путь будет ясен. Он должен смело двигаться вперед, пусть даже против всего мира и всех его вооруженных воинств, в непоколебимой уверенности, что сам Бог будет сражаться за него.

Таким образом, враги Реформации перешли от крайней суровости к крайней слабости; они уже сделали то же самое в Вормсе; и эти внезапные переходы происходят постоянно в битве, которую заблуждение ведет против истины. Каждое дело, обреченное на крах, подвергается

нападкам внутреннего беспокойства, которое делает его шатким и неуверенным и толкает его поочередно от одного полюса к другому. Устойчивость цели и энергия гораздо лучше; таким образом, они, возможно, ускорили бы ее падение, но, по крайней мере, если бы она все-таки пала, то пала бы со славой.

ИОАХИМ БРАНДЕНБУРГСКИЙ.

Один из братьев Альберта, Иоахим I., курфюрст Бранденбургский, привел пример той силы характера, которая так редка, особенно в наше время. Непокколебимый в своих принципах, твердый в действиях, знающий, как при необходимости противостоять посягательствам папы римского, он железной рукой противостоял прогрессу Реформации. В Вормсе он настаивал на том, что Лютера не следует слушать и что он должен быть наказан как еретик, несмотря на его подписку о невыезде. Едва был издан Вормсский эдикт, как он приказал, чтобы он строго соблюдался во всех его штатах. Лютер мог оценить столь энергичный характер и, проводя различие между Иоахимом и другими его противниками, сказал: "Мы все еще можем молиться за курфюрста Бранденбургского". [63] Нрав этого принца, по-видимому, был передан его народу. Берлин и Бранденбург долгое время оставались закрытыми для Реформации. Но то, что принимается медленно, верно удерживается. [64] В то время как другие страны, которые тогда с радостью приветствовали Евангелие, — например, Бельгия и Вестфалия, — вскоре отказались от него, Бранденбургу, последнему из немецких государств, вступившему на узкий путь веры, было суждено в последующие годы стоять в первых рядах Реформации.

Лютер прочитал письмо кардинала Альберта не без подозрения, что оно было продиктовано лицемерием и в соответствии с советом Капитона. Однако он промолчал, удовлетворившись заявлением последнему, что до тех пор, пока архиепископ, который едва ли был способен управлять небольшим приходом, не сбросит свою кардинальскую маску и епископскую пышность и не станет простым служителем Слова, он не сможет стоять на пути к спасению. [65]

ГЛАВА V.

Перевод Библии—Нужды Церкви—Принципы Реформации—Искушения дьявола—Работы Лютера, осужденные Сорбонной—Ответ Меланхтона—Визит Лютера в Виттемберг.

ПЕРЕВОД БИБЛИИ.

В то время как Лютер таким образом боролся с заблуждением, как будто он все еще был в гуще битвы, он также трудился над своим уходом из Вартбурга, как будто его не касалось то, что происходило в мире. Настал час, когда Реформация из простого богословского вопроса должна была стать жизнью народа; и все же великий двигатель, с помощью которого должен был быть осуществлен этот прогресс, еще не был создан. Этому могущественному орудию, предназначенному со всех сторон метать свои молнии в гордое здание Рима, разрушить его стены, сбросить с себя огромную тяжесть папства, под которым задыхалась Церковь, и сообщить всему человечеству импульс, который не исчезнет до скончания времен, — этому орудию предстояло выйти из старого замка Вартбург и войти в мир в тот же день, который положил конец пленению реформатора.

НУЖДЫ ЦЕРКВИ.

Чем дальше Церковь удалялась от того времени, когда Иисус, истинный Свет мира, был на земле, тем больше она нуждалась в факеле Слова Божьего, предназначенном для передачи сияния Иисуса Христа людям последних дней. Но это Божественное Слово было в то время скрыто от людей. В 1477, 1490 и 1518 годах было предпринято несколько безуспешных попыток перевода с Вульгаты; они были почти непонятны, а из-за их высокой цены недоступны для людей. Было даже запрещено передавать немецкой церкви Библию на вульгарном языке. [66] Кроме того, число тех, кто умел читать, не становилось значительным до тех пор, пока на немецком языке не появилась книга, представляющая живой и всеобщий интерес.

Лютер был призван познакомить свой народ со Священными Писаниями Божьими. Тот же самый Бог, который привел Святого Иоанна на Патмос, *там*, чтобы написать свое откровение, заточил Лютера в Вартбурге, *там*, чтобы перевести Его Слово. Эта великая задача, которую ему было бы трудно выполнить среди забот и занятий Виттемберга, заключалась в том, чтобы возвести новое здание на первобытной скале и по прошествии столетий веков вернуть христиан от тонкостей схоластов к чистому источнику искупления и спасения.

Нужды Церкви говорили громко; они требовали этой великой работы; и Лютер, опираясь на свой собственный внутренний опыт, должен был быть приведен к ее выполнению. По правде говоря, в вере он обнаружил тот душевный покой, который его взволнованная совесть и монашеские идеи давно побуждали его искать в своих собственных заслугах и святости. Доктрина Церкви, схоластическое богословие, ничего не знали об утешениях, проистекающих от веры; но Священное Писание провозглашает их с великой силой, и именно там он их нашел. Вера в Слово Божье сделала его свободным. Благодаря этому он чувствовал себя освобожденным от догматического авторитета Церкви, от ее иерархии и традиций, от мнений схоластов, власти предрассудков и от всех человеческих установлений. Те прочные и многочисленные узы, которые веками сковывали и душили христианский мир, были разорваны на части и рассеяны вокруг него; и он благородно поднял голову, освобожденный от всякой власти, кроме власти Слова. Эту независимость человека, это подчинение Богу, которым он научился в Священном Писании, он желал передать Церкви. Но прежде чем он смог сообщить о них, необходимо было представить ему откровения Бога. Требовалась могущественная рука, чтобы отпереть массивные ворота того арсенала Слова Божьего, из которого Лютер взял свое оружие, и открыть для людей в день битвы те хранилища и старинные залы, по которым на протяжении многих веков не ступала нога человека.

ЖЕЛАНИЕ ЛЮТЕРА —ПРИНЦИПЫ РЕФОРМЫ.

Лютер уже перевел несколько фрагментов Священного Писания; семь покаянных псалмов были его первой задачей. [67] Иоанн Креститель, сам Христос и Реформация одинаково начинались с призыва людей к покаянию. Это принцип всякого возрождения как в отдельном человеке, так и во всем человеческом роде. Эти эссе были с нетерпением приняты; люди жаждали получить больше; и этот глас народа был воспринят Лютером как глас самого Бога. Он решил откликнуться на призыв. Он был узником в этих высоких стенах; что из того! он посвятит свой досуг переводу Слова Божьего на язык своих соотечественников. Вскоре будет видно, как это Слово нисходит из Вартбурга вместе с ним, циркулируя среди народа Германии и передавая ему во владение те духовные сокровища, которые до сих пор были заперты в сердцах немногих благочестивых людей. "О, если бы эта книга, - воскликнул Лютер, - была на всех языках, в руках

каждого, перед глазами, в ушах и сердцах всех людей!" [68] Замечательные слова, которые по прошествии трех столетий были произнесены прославленным органом, [69] перевод Библии на родной язык каждого народа на земле, имеет взятся за реализацию. "Священное Писание без каких-либо комментариев, - снова сказал он, - это солнце, от которого все учителя получают свой свет".

Таковы принципы христианства и Реформации. Согласно этим достопочтенным словам, мы должны обращаться к Отцам не для того, чтобы пролить свет на Писание, а к Писанию для того, чтобы объяснить Отцов. Реформаторы и апостолы возвеличивают Слово Божье как единственный свет, поскольку они превозносят жертву Христа как единственную праведность. Смешивая любую власть человека с этой абсолютной властью Бога или любую человеческую праведность с этой совершенной праведностью Христа, мы подрываем обе основы христианства. Это две основные ереси Рима, которые, хотя, несомненно, и в меньшей степени, некоторые учителя желали ввести в лоно Реформации.

БИБЛИЯ ВМЕСТО ЧЕЛОВЕКА.

Лютер открыл греческие оригиналы евангелистов и апостолов и взялся за трудную задачу заставить этих божественных учителей говорить на его родном языке. Важный кризис в истории Реформации! с этого времени Реформация больше не находилась в руках реформатора. Библия вышла вперед; Лютер отступил. Бог появился, а человек исчез. Реформатор передал ЭТУ КНИГУ в руки своих современников. Теперь каждый может сам услышать голос Божий; что касается Лютера, то отныне он смешивается с толпой и занимает свое место в рядах тех, кто приходит черпать из общего источника света и жизни.

ИСКУШЕНИЯ ДЬЯВОЛА.

В переводе Священного Писания Лютер нашел то утешение и силу, в которых он так нуждался. Одиноким, с плохим здоровьем, опечаленный усилиями своих врагов и сумасбродствами некоторых из своих последователей, видя, как угасает его жизнь во мраке этого старого замка, он время от времени должен был переносить ужасные испытания. В те времена люди были склонны переносить в видимый мир конфликты, которые душа ведет со своими духовными врагами; живое воображение Лютера легко воплощало эмоции его сердца, и суеверия средневековья все еще имели некоторое влияние на его разум, так что мы могли бы сказать о нем то, что было сказано о Кальвине относительно наказания еретиков: в нем все еще были остатки папизма. [70] По мнению Лютера, сатана не был просто невидимым, хотя и реальным существом; он думал, что этот противник Бога является людям так же, как он явился Иисусу Христу. Хотя достоверность многих историй на эту тему, содержащихся в Застольной беседе и в других местах, более чем сомнительна, история все же должна зафиксировать этот недостаток реформатора. Никогда еще эти мрачные мысли не одолевали его так сильно, как в уединении Вартбурга. В дни своего расцвета он смело сражался с дьяволом в Вормсе; но теперь все силы реформатора казались сломленными, а его слава запятнанной. Он был отброшен в сторону; сатана, в свою очередь, одержал победу, и в душевной муке Лютеру почудилось, что он видит его гигантскую фигуру, стоящую перед ним, угрожающе поднявшую палец, ликующую с горькой и адской усмешкой и скрежещущую зубами в страшной ярости. Говорят, что в один прекрасный день, когда Лютер был занят своим переводом Нового Завета, ему показалось, что он видит

сатану, преисполненного ужаса от его работы, мучающего его и крадущегося вокруг него, как лев, готовый броситься на свою добычу. Встревоженный и разгневанный Лютер схватил чернильницу и запустил ею в голову своего врага. Фигура исчезла, а метательный снаряд разлетелся на куски о стену. [71]

Пребывание Лютера в Вартбурге стало для него невыносимым. Он был возмущен робостью своих защитников. Иногда он оставался на целый день погруженным в глубокое и безмолвное раздумье и пробуждался от него только для того, чтобы воскликнуть: "О, если бы я был в Виттемберге!" Наконец он больше не мог сдерживаться; достаточно было соблюдать осторожность; он должен снова увидеть своих друзей, услышать их и поговорить с ними. Правда, он рискует попасть в руки своих врагов, но ничто не может его остановить. Примерно в конце ноября он тайно покинул Вартбург и отправился в Виттемберг. [72]

На него только что обрушилась новая буря. Наконец Сорбонна высказалась. Эта знаменитая парижская школа, первый авторитет в Церкви после папы римского, древний и почтенный источник, из которого пошло богословское преподавание, вынесла свой вердикт против Реформации.

Ниже приведены некоторые из положений, осужденных этим ученым органом. Лютер сказал: "Бог всегда прощает грехи безвозмездно и ничего не требует от нас взамен, кроме того, чтобы в будущем мы жили в соответствии с праведностью". И он добавил: "Из всех смертных грехов этот самый смертоносный, а именно, что любой человек должен думать, что он не виновен в ужасном и смертельном грехе перед Богом". В другом месте Он сказал: "Сжигание еретиков противоречит воле Святого Духа".

ОТВЕТ МЕЛАНХТОНА СОРБОННЕ.

На эти три положения и на многие другие, кроме них, которые они процитировали, богословский факультет Парижа ответил: "Ересь! — да будет он проклят!" [73]

Но молодой человек двадцати четырех лет от роду, невысокого роста, застенчивый и невзрачный на вид, осмелился принять вызов, брошенный первым колледжем в мире. В Виттемберге довольно хорошо знали, что следует думать об этих напыщенных обвинениях; они знали, что Рим уступил внушениям доминиканцев и что Сорбонну увели два или три доктора-фанатика, которых в Париже окрестили сатирическими прозвищами. [74] Соответственно, в своей Апологии Меланхтон не ограничился защитой Лютера; но с той смелостью, которая характеризует его труды, он перенес войну в лагерь врага. "Вы говорите, что он манихеец! — он монтанист! — пусть огонь и педерасты подавят его глупость! А кто такой монтанист? Лютер, кто хотел бы, чтобы мы верили только в Священное Писание, или ты, кто хотел бы, чтобы люди верили мнению своих ближних, а не Слову Божьему?" [75]

ВИЗИТ В ВИТТЕМБЕРГ.

Придавать большее значение слову человека, чем Слову Божьему, было, по правде говоря, ересью Монтана, как и до сих пор ересью папы римского и всех тех, кто ставит иерархический авторитет Церкви или внутреннее вдохновение мистицизма намного выше позитивных заявлений Священных Писаний. Соответственно, молодой магистр искусств, сказавший: "Я бы предпочел отдать свою жизнь, чем свою веру", [76] на этом не остановился. Он обвинил Сорбонну в том, что она затемнила Евангелие, уничтожила веру и заменила христианство

пустой философией. [77] После этой работы Меланхтона позиция в споре была изменена; он неопровержимо доказал, что ересь была в Париже и Риме, а католическая истина - в Виттемберге.

Тем временем Лютер, мало заботясь об осуждении Сорбонны, направлялся в своем военном снаряжении в университет. Он был сильно огорчен различными сообщениями, доходившими до него по дороге, о духе нетерпения и независимости, который проявлялся среди некоторых его приверженцев. [78] Наконец он прибыл в Виттемберг, никем не признанный, и остановился в доме Амсдорфа. Немедленно были тайно созваны все его друзья; [79] и Меланхтон среди первых, кто так часто говорил: "Я скорее умру, чем потеряю его". [80] Они пришли!—Какая встреча!—какая радость!—Вартбургский пленник вкусил в их обществе всю сладость христианской дружбы. Он узнал о распространении Реформации, о надеждах своих братьев; и, восхищенный увиденным и услышанным, [81] вознес молитву — ответную благодарность Богу, — а затем с небольшой задержкой вернулся в Вартбург.

ГЛАВА VI.

Свежие реформы—Габриэль Цвиллинг о Мессе—Университет—Предложения Меланхтона—Курфюрст—Атака на монашеские институты—Эмансипация монахов—Беспорядки—Капитул монахов—августинцев—Карлштадт и месса—Первое празднование Вечери Господней-Важность мессы в римской системе.

СВЕЖИЕ РЕФОРМЫ — ГАБРИЭЛЬ ЦВИЛЛИНГ.

Радость Лютера была вполне обоснованной. Тогда Реформация сделала большой шаг вперед. Фельдкирхен, всегда шедший в авангарде, возглавил атаку; теперь основные силы пришли в движение, и та сила, которая перенесла Реформацию из доктрины, которую она очистила, в богослужение, жизнь и устройство Церкви, теперь проявила себя новым взрывом, более грозным для папства, чем даже первый.

Рим, избавившись от реформатора, думал, что ереси пришел конец. Но за короткое время все изменилось. Смерть отстранила от папского престола человека, из-за которого Церковь запретила Лютера. В Испании произошли беспорядки, которые вынудили Карла посетить свое королевство за Пиренеями. Между этим принцем и Франциском I разразилась война, и, как будто этого было недостаточно, чтобы занять императора, Солиман совершил вторжение в Венгрию. Карл, подвергшийся таким нападкам со всех сторон, был вынужден забыть вормсского монаха и его религиозные нововведения.

Примерно в то же время корабль Реформации, который, подгоняемый во всех направлениях встречными ветрами, был на грани крушения, выпрямился и гордо поплыл над водами.

Именно в монастыре августинцев в Виттемберге вспыхнула Реформация. Мы не должны удивляться этому: это правда, что реформатора больше не было; но никакая человеческая сила не могла изгнать дух, который одушевлял его.

В течение некоторого времени Церковь, в которой так часто проповедовал Лютер, была полна странных доктрин. Габриэль Цвиллинг, ревностный монах и капеллан монастыря, был там, энергично провозглашая Реформацию. Как будто Лютер, чье имя в то время прославлялось

повсюду, стал слишком сильным и слишком прославленным, Бог избрал слабых и неизвестных людей, чтобы начать Реформацию, которую подготовил этот знаменитый врач. "Иисус Христос, - сказал проповедник, - учредил таинство жертвенника в память о своей смерти, а не для того, чтобы сделать его объектом поклонения. Поклоняться ему - настоящее идолопоклонство. Священник, который причащается в одиночку, совершает грех. Ни один настоятель не имеет права принуждать монаха служить мессу в одиночку. Пусть один, двое или трое совершат богослужение, а остальные пусть примут причастие Господне в обоих видах". [82]

НАСТОЯТЕЛЬ—УНИВЕРСИТЕТ.

Именно этого требовал брат Гавриил, и этот смелый язык был одобрительно услышан другими братьями, и особенно теми, кто приехал из Нидерландов. [83] Они были учениками Евангелия, и почему бы им во всем не подчиняться его заповедям? Разве сам Лютер не написал Меланхтон в августе месяце: "Отныне и навсегда я больше не буду служить частных месс"? [84] Таким образом, монахи, воины иерархии, освобожденные Словом, смело выступили против Рима.

В Виттемберге они встретили яростное сопротивление приора. Напомнив, что все должно совершаться по порядку, они уступили, но с заявлением, что поддерживать мессу - значит выступать против Евангелия Божьего.

Приор одержал победу: один человек оказался сильнее их всех. Таким образом, может показаться, что это движение августинцев было одним из тех проявлений неподчинения, которые так часто встречаются в монастырях. Но на самом деле это был сам Дух Божий, который тогда волновал весь христианский мир. Одиноким крик, произнесенный в недрах монастыря, нашел свое эхо в тысячах голосов; и то, что люди хотели бы заключить в стенах монастыря, вышло наружу и приняло телесную форму в самом центре города.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ МЕЛАНХТОНА.

Слухи о разногласиях между монахами вскоре распространились по городу. Горожане и студенты университета приняли участие, кто за, кто против мессы. Двор курфюрста был встревожен. Удивленный Фридрих отправил своего канцлера Понтана в Виттемберг с приказом привести монахов к послушанию, посадив их, при необходимости, на хлеб и воду; [85] и 12 октября в семь утра делегация профессоров, в состав которой входила Меланхтон, посетила монастырь, увещевая братьев не предпринимать никаких нововведений, [86] или, по крайней мере, подождать еще немного. После этого все их рвение возродилось: поскольку они были единомышленны в своей вере, за исключением приора, который боролся с ними, они обратились к Писанию, к пониманию верующих и к совести теологов; и через два дня после этого представили письменное заявление.

Теперь врачи рассмотрели вопрос более внимательно и обнаружили, что правда на стороне монахов. Они пошли убеждать и убедились сами. Что им следует делать? их совесть громко зывала; их тревога все возрастала: наконец, после долгих колебаний, они приняли мужественное решение.

20 октября университет представил свой отчет избирателю. "Пусть ваше выборное величество, - сказали они после изложения ошибок мессы, - положит конец всяким злоупотреблениям, чтобы Христос в день суда не упрекнул нас, как он упрекнул жителей Капернаума".

Таким образом, речь идет уже не о нескольких безвестных монахах; это университет, который в течение нескольких лет все мудрецы называли школой нации; и те самые средства, которые использовались для сдерживания Реформации, теперь будут способствовать ее расширению.

Меланхтон с той смелостью, которую он привнес в науку, опубликовал пятьдесят пять положений, рассчитанных на то, чтобы просветить умы людей.

"Точно так же, как смотреть на крест, - сказал он, - значит не совершать доброго дела, а просто созерцать знамение, напоминающее нам о смерти Христа;

"Точно так же, как смотреть на солнце - это не совершать доброе дело, а просто созерцать знамение, напоминающее нам о Христе и его Евангелии;

Итак, принятие участия в Вечере Господней - это не совершение доброго дела, а просто использование знака, напоминающего нам о благодати, которая была дана нам через Христа.

"Но вот разница, а именно, что символы, изобретенные людьми, просто напоминают нам о том, что они означают; в то время как знаки, данные нам Богом, не только напоминают нам о самих вещах, но и уверяют наши сердца в воле Божьей. [87]

ИЗБИРАТЕЛЬ.

"Как вид креста не оправдывает, так и месса не оправдывает.

"Как вид креста не является жертвой ни за наши грехи, ни за грехи других, так и месса не является жертвой.

"Есть только одна жертва, но одно удовлетворение - Иисус Христос. Кроме него, нет никого.

"Пусть будут прокляты те епископы, которые не выступают против нечестия мессы".

Так говорил благочестивый и кроткий Филипп.

Курфюрст был поражен. Он хотел уменьшить число молодых монахов, и теперь весь университет, включая самого Меланхтона, встал на их защиту. Выжидание казалось ему во всем самым верным средством достижения успеха. Он не любил внезапных реформ и желал, чтобы каждое мнение беспрепятственно пробивало себе дорогу. "Только время, - думал он, - проясняет все вещи и доводит их до зрелости". И все же вопреки ему Реформация продвигалась быстрыми шагами и грозила унести с собой все. Фредерик приложил все усилия, чтобы остановить его развитие. Его авторитет, влияние его характера, причины, которые казались ему наиболее убедительными, - все это было приведено в действие. "Не будьте слишком поспешны, - сказал он богословам. - ваше число слишком мало, чтобы провести такую реформу. Если это основано на Евангелии, другие тоже обнаружат это, и вы положите конец злоупотреблениям с помощью всей Церкви. Говорите, дискутируйте, проповедуйте по этим вопросам столько, сколько вам нравится, но соблюдайте древние обычаи".

Такова была битва, развернувшаяся по поводу мессы. Монахи храбро возглавили атаку; богословы, на мгновение растерявшиеся, вскоре пришли им на помощь. Принц и его министры в одиночку защищали это место. Утверждалось, что Реформация была осуществлена силой и

авторитетом курфюрста; но это было далеко не так, нападавшие отступили при звуке его голоса, и месса была спасена на несколько дней.

АТАКА НА МОНАШЕСТВО.

Весь пыл атаки уже был направлен против другой точки. Брат Гавриил все еще продолжал свои волнующие проповеди в церкви августинцев. Монашество теперь было объектом его постоянных ударов; если месса была оплотом римских доктрин, то монашеские ордена были опорой ее иерархии. Таким образом, это были две первые позиции, которые необходимо было занять.

"Никто, - сказал Гавриил, согласно отчету приора, - ни один обитатель монастыря не соблюдает заповедей Божьих; никто не может спастись под рясой"; [88] каждый человек, входящий в монастырь, входит в него во имя дьявола. Обеты целомудрия, бедности и послушания противоречат Евангелию".

Об этом необычном языке сообщили настоятелю, который избегал ходить в церковь из страха, что услышит его.

"Гавриил, - сказали они, - желает, чтобы были предприняты все усилия для освобождения монастырей. Он говорит, что если монаха встретят на улицах, люди должны дергать его за одежду и смеяться над ним; и что если их нельзя выгнать из монастыря насмешками, они должны быть изгнаны силой. Взламывайте, снесите, полностью разрушайте монастыри (говорит он), чтобы от них не осталось ни единого следа; и чтобы ни один из тех камней, которые способствовали укрытию стольких ленивцев и суеверий, не был найден на том месте, которое они так долго занимали". [89]

Монахи были поражены; их совесть говорила им, что слова Гавриила были слишком правдивы, что монашеская жизнь не соответствовала воле Божьей и что никто не мог распоряжаться своей личностью лучше, чем они сами.

БРОЖЕНИЕ В ВИТТЕМБЕРГЕ.

Тринадцать августинцев вместе покинули монастырь и, отложив в сторону одежды своего ордена, переоделись в мирское платье. Те, кто обладал каким-либо образованием, посещали лекции университета, чтобы однажды принести пользу Церкви; а те, чей ум был неразвит, пытались зарабатывать на жизнь трудом своих рук, согласно наставлениям апостола и примеру добрых граждан Виттемберга. [90] Один из них, разбиравшийся в столярном деле, подал прошение о свободе в городе и решил жениться.

Если вступление Лютера в монастырь августинцев в Эрфурте было зародышем Реформации, то уход этих тринадцати монахов из монастыря августинцев в Виттемберге был сигналом о его вступлении во владение христианским миром. В течение тридцати прошедших лет Эразм разоблачал бесполезность, безумие и пороки монахов; и вся Европа смеялась и сердилась на него; но сарказм больше не требовался. Тринадцать благородных и смелых людей вернулись в гущу мира, чтобы приносить пользу обществу и исполнять заповеди Божьи. Женитьба Фельдкирхена была первым поражением иерархии; эмансипация этих тринадцати августинцев была второй. Монашеству, возникшему в то время, когда Церковь вступила в период порабощения и заблуждения, было суждено пасть на заре свободы и истины.

Этот смелый шаг вызвал всеобщее брожение в Виттемберге. Люди испытывали восхищение по отношению к тем людям, которые таким образом пришли принять участие в общих трудах, и их принимали как братьев. В то же время раздалось несколько выкриков против тех, кто упорно продолжал лениво прятаться за стенами своего монастыря. Монахи, оставшиеся верными своему настоятелю, трепетали в своих кельях; и последний, увлеченный общим движением, прекратил служение малой мессы.

БЕСПОРЯДКИ—АВГУСТИН ГЛАВА.

Малейшая уступка в столь критический момент необходимости ускорила ход событий. Приказ приора произвел большую сенсацию в городе и университете и вызвал внезапный взрыв. Среди студентов и граждан Виттемберга были найдены некоторые из тех буйных людей, которых малейшее волнение возбуждает и которые спешат к преступным беспорядкам. Они были взбешены мыслью о том, что в приходской церкви все еще служат низкие мессы, которые даже суеверный приор отменил; и во вторник, 3 декабря, когда должна была начаться месса, они подбежали к алтарям, отобрали книги и выгнали священников из часовни. Совет и университет были раздражены и собрались, чтобы наказать авторов этих злодеяний. Но однажды вспыхнувшие страсти нелегко подавить. Кордельеры не принимали участия в этом движении августинцев. На следующий день студенты вывесили угрожающий плакат на воротах своего монастыря; после этого сорок студентов вошли в их церковь, и хотя они воздерживались от насилия, они высмеивали монахов, так что последние не осмеливались служить мессу иначе, как в хоре. Ближе к вечеру отцам сказали быть настороже: "Студенты (как было сказано) решили напасть на монастырь!" Перепуганные верующие, не зная, как укрыться от этих реальных или предполагаемых нападений, поспешно обратились к совету с просьбой защитить их; был послан караул из солдат, но враг так и не появился. Университет приказал арестовать студентов, принимавших участие в этих беспорядках. Было обнаружено, что некоторые из них были родом из Эрфурта, где они приобрели печальную известность своим неповиновением. [91] К ним были применены университетские взыскания.

И все же чувствовалась необходимость тщательно изучить законность монашеских обетов. Капитул монахов-августинцев из Миснии и Тюрингии собрался в Виттемберге в декабре месяце. Они пришли к тому же мнению, что и Лютер. С одной стороны, они заявляли, что монашеские обеты не являются преступлением, но с другой - что они не являются обязательными. "Во Христе, - говорили они, - нет ни мирянина, ни монаха; каждый волен покинуть монастырь или остаться в нем. Пусть тот, кто уходит, остерегается злоупотреблять своей свободой; пусть тот, кто остается, повинуется своим начальникам, но из любви ". Затем они отменили нищенство и служение месс за деньги; они также постановили, что наиболее образованные из них должны посвятить себя преподаванию Слова Божьего, а остальные должны поддерживать своих братьев работой своих собственных рук. [92]

КАРЛШТАДТ И МЕССА.

Таким образом, вопрос о клятвах казался решенным; но вопрос о мессе оставался нерешенным. Курфюрст все еще сопротивлялся этому потоку и защищал учреждение, которое, по его мнению, существовало во всем христианском мире. Приказы столь снисходительного принца не могли долго сдерживать общественные настроения. У Карлштадта, в частности, голова шла

кругом в разгар всеобщего брожения. Ревностный, честный и смелый, готовый, подобно Лютеру, пожертвовать всем ради истины, он уступал реформатору в мудрости и умеренности; он не был полностью свободен от тщеславия и, будучи склонным исследовать вопросы до конца, отличался недостатками в суждениях и ясности идей. Лютер вытащил его из трясины схоластики и направил к изучению Священного Писания; но Карлштадт не признавал вместе со своим другом самодостаточности Слова Божьего. Соответственно, его часто видели принимающим самые необычные толкования. Пока Лютер был на его стороне, превосходство учителя удерживало ученого в должных рамках. Но теперь Карлштадт был свободен. В университете, в церкви, повсюду в Виттемберге можно было услышать, как этот маленький смуглый человек, никогда не отличавшийся красноречием, с большим пылом провозглашал идеи, которые иногда были глубокими, но часто восторженными и преувеличенными. "Какое безумие, - воскликнул он, - думать, что кто-то должен предоставить Реформацию одному Богу! Начинается новый порядок вещей. Рука человека должна вмешаться. Горе тому, кто отстает и не преодолевает брешь в деле Всемогущего".

Речь архидьякона передавала окружающим нетерпение, которое он испытывал сам. "Все, что предписали папы, нечестиво", - говорили некоторые честные люди, следовавшие его примеру. "Давайте не будем становиться соучастниками этих мерзостей, позволяя им существовать и дальше. То, что осуждается Словом Божьим, должно быть отвергнуто во всем христианском мире, каковы бы ни были человеческие обычаи. Если главы государства и Церкви не желают выполнять свой долг, давайте выполним наш. Давайте откажемся от всех переговоров, конференций, тезисов и диспутов и применим эффективное средство от стольких зол. "Нам нужен второй Илия, чтобы разрушить жертвенники Ваала".

ВЕЧЕРЯ ГОСПОДНЯ.

Восстановление Вечери Господней в этот момент брожения и энтузиазма, несомненно, не могло передать торжественности и святости ее первого учреждения Сыном Божьим накануне его смерти и почти у подножия креста. Но если сейчас Бог использовал слабых и, возможно, страстных людей, то, тем не менее, именно его рука возродила в Церкви праздник его любви.

В октябре прошлого года Карлштадт уже праздновал Вечерю Господню наедине с двенадцатью своими друзьями в соответствии с установлением Христа. В воскресенье перед Рождеством он объявил с кафедры, что в день обрезания Господа нашего (первый день года) он раздаст евхаристию в обоих видах (хлеб и вино) всем, кто придет к алтарю; что он опустит все бесполезные формы, [93] и при совершении этой мессы не будет носить ни ризы, ни облачения.

Испуганный совет умолял советника Бейера предотвратить такое вопиющее нарушение; и на этом Карлштадт решил не ждать до назначенного дня. В день Рождества 1521 года он проповедовал в приходской церкви о необходимости отказаться от мессы и принять причастие в обоих видах. После проповеди он подошел к алтарю; произнес слова освящения на немецком языке, а затем, повернувшись к внимательным людям, сказал торжественным голосом: "Всякий, кто чувствует бремя своих грехов, алчет и жаждет милости Божьей, пусть придет и примет тело и кровь Господа нашего". [94] А затем, не возвышая хозяина, он раздал всем хлеб и вино, сказав: "Это чаша моей крови, крови нового и вечного Завета".

ВАЖНОСТЬ МЕССЫ.

В собрании преобладали враждебные настроения. Некоторые, чувствуя, что Церкви была дарована новая благодать от Бога, подошли к алтарю в молчании и волнении. Другие, привлеченные главным образом новизной, приближались с определенным чувством возбуждения и нетерпения. Только пятеро причастившихся явились на исповедь: остальные просто приняли участие в публичном исповедании грехов. Карлштадт публично отпустил всем грехи, не наложив на них никакой другой епитимьи, кроме этой: "Больше не греши". Они закончили пением "*Agnus Dei*". [95]

Никто не выступал против Карлштадта; эти реформы уже получили всеобщее одобрение. Архидьякон снова совершил Вечерю Господню в день Нового года и в следующее воскресенье, и с тех пор она стала отмечаться регулярно. Эйнзидлен, один из советников курфюрста, упрекнул Карлштадта в том, что он стремится к собственной славе, а не к спасению своих слушателей: "Могущественный господь, - ответил он, - нет такой формы смерти, которая могла бы заставить меня отступить от Писания. Слово пришло ко мне с такой быстротой ... Горе мне, если я не буду проповедовать его!" [96] Вскоре после этого Карлштадт женился.

В январе 1522 года совет и Виттембергский университет регламентировали празднование Вечери Господней в соответствии с новым ритуалом. В то же время они были заняты поисками средств возрождения морального влияния религии, поскольку Реформации было суждено одновременно восстановить веру, богослужение и мораль. Было постановлено не терпеть нищенствующих, независимо от того, были они нищенствующими монахами или нет; и что на каждой улице должен быть какой-нибудь благочестивый человек, которому поручено заботиться о бедных и вызывать открытых грешников перед университетом и советом. [97]

В РИМСКОЙ СИСТЕМЕ.

Так пала месса — главный оплот Рима; так Реформация перешла от простого учения к публичному богослужению. В течение трех столетий месса и пресуществление были безапелляционно установлены. [98] С того периода все в Церкви приняло новое направление; все стремилось к славе человека и поклонению священнику. Святому Причастию поклонялись; были учреждены праздники в честь величайшего из чудес; поклонение Марии приобрело большое значение; священник, который после своего посвящения получил чудесную силу "создавать тело Христово", был отделен от мирян и стал, согласно Фоме Аквинскому, посредником между Богом и человеком; [99] безбрачие было провозглашено нерушимым законом; людям навязывалась исповедь через ухо, а чаша была им недоступна; ибо как могли смиренные миряне быть поставлены в один ранг со священниками, облеченными самым величественным служением? Месса была оскорблением Сына Божьего: она противоречила совершенной благодати Его креста и незапятнанной славе Его вечного царства. Но если она принижала Спасителя, то возвышала священника, которого наделяла несравненной силой воспроизводить в его руках и по его воле Суверенного Творца. С того времени Церковь, казалось, существовала не для того, чтобы проповедовать Евангелие, а просто для того, чтобы воспроизводить Христа телесно. [100] Римский понтифик, чьи смиреннейшие слуги создали по своему усмотрению тело самого Бога, восседал как Бог в храме Божьем и претендовал на духовное сокровище, из которого он по своему желанию черпал индульгенции для прощения душ.

Таковы были грубые ошибки, которые на протяжении трех столетий навязывались Церкви вместе с мессой. Когда Реформация отменила этот институт человека, она отменила и эти

злоупотребления. Таким образом, шаг, предпринятый архидьяконом Виттембергским, был шагом очень широкого масштаба. Великолепные празднества, которые раньше развлекали народ, поклонение Пресвятой Деве, гордость священства, авторитет папы римского — все пошатнулось вместе с мессой. Слава была отнята у священников, чтобы вернуться к Иисусу Христу, и Реформация сделала огромный шаг вперед.

ГЛАВА VII.

Ложная реформа—Новые Пророки—Пророки в Виттемберге—Меланхтон—Курфюрст—Лютер—Карлштадт и Образы—Беспорядки—Лютера призывают — Он не колеблется—К Опасностям.

ЛОЖНАЯ РЕФОРМА.

Предубежденные люди, возможно, не увидели бы в происходящей работе ничего, кроме последствий пустого энтузиазма. Сами факты должны были доказать обратное и продемонстрировать, что существует огромная пропасть между Реформацией, основанной на Слове Божьем, и фанатичным возбуждением.

Всякий раз, когда в Церкви происходит сильное религиозное брожение, вместе с проявлениями истины всегда появляются какие-то нечистые элементы. Мы видим возникновение одной или нескольких ложных реформ, исходящих от человека и служащих свидетельством или контрпризнанием настоящей реформы. Таким образом, многие ложные мессии во времена Христа свидетельствовали о явлении настоящего Мессии. Реформация шестнадцатого века не могла быть осуществлена без проявления подобного явления. Впервые это проявилось в маленьком городке Цвиккау.

В том месте жили несколько человек, которые, взволнованные великими событиями, волновавшими тогда весь христианский мир, стремились к прямым откровениям от Божества, вместо того чтобы смиренно желать освящения сердца, и которые утверждали, что они призваны завершить Реформацию, столь слабо обрисованную Лютером. "Какой смысл, - говорили они, - так пристально держаться за Библию? Библия! всегда Библия! Может ли Библия проповедовать нам? Достаточно ли ее для нашего наставления? Если бы Бог намеревался наставлять нас с помощью книги, разве он не послал бы нам Библию с небес? Только Духом мы можем быть просвещены. Сам Бог говорит с нами. Сам Бог открывает нам, что мы должны делать и что мы должны проповедовать". Таким образом, эти фанатики, подобно приверженцам Рима, атаковали фундаментальный принцип, на котором основана вся Реформация, — самодостаточность Слова Божьего.

НОВЫЕ ПРОРОКИ —ИХ ПРОПОВЕДЬ.

Простой торговец тканями, Николас Сторч по имени, объявил, что ангел Гавриил явился ему ночью, [101] и что после сообщения вещей, которые он пока не мог раскрыть, сказал ему: "Ты сядешь на мой трон". Бывший студент Виттемберга, некто Марк Стабнер, присоединился к Storch и немедленно оставил учебу, поскольку получил непосредственно от Бога (по его словам) дар толкования Священного Писания. Еще один ткач, Марк Томас, пополнил их число; и новый

адепт, Томас Мюнцер, человек фанатичного характера, дал этой растущей секте регулярную организацию. Сторч, желая последовать примеру Христа, избрал из числа своих последователей двенадцать апостолов и семьдесят два ученика. Все громко заявляли, как это делает секта в наши дни, что апостолы и пророки в конце концов были восстановлены в Церкви Божьей. [102]

Новые пророки, делая вид, что идут по стопам древних, начали провозглашать свою миссию: "Горе! горе! - говорили они. - Церковь, управляемая такими развращенными людьми, как епископы, не может быть Церковью Христовой. Нечестивые правители христианского мира будут свергнуты. Через пять, шесть или семь лет на мир обрушится всеобщее опустошение. Турки захватят Германию; все священники будут преданы смерти, даже те, кто женат. Ни один нечестивый человек, ни один грешник не останется в живых; и после того, как земля будет очищена кровью, Бог установит царство; Сторч получит верховную власть и передаст управление народами святым. [103] Тогда будет одна только вера, одно только крещение. День Господень близок, и конец света приближается. Горе! горе! горе!" Затем, объявив, что крещение младенцев бесполезно, новые пророки призвали всех людей прийти и принять из их рук истинное крещение в знак их вступления в новую Церковь Божью.

НОВЫЕ ПРОРОКИ.

Этот язык произвел глубокое впечатление на людей. Многие благочестивые души были взволнованы мыслью о том, что пророки снова вернулись в лоно Церкви, и все те, кто любил чудесное, бросились в объятия экстравагантных Цвиккау.

Но едва это старое заблуждение, появившееся еще во времена монтанизма и в средние века, нашло последователей, как оно встретило могущественного противника в лице Реформации. Николас Хаусманн, о котором Лютер дал такое мощное свидетельство: "То, что мы проповедуем, он практикует", [104] был пастором Цвиккау. Этот добрый человек не позволил ввести себя в заблуждение претензиями лжепророков. Он проверил нововведения, которые хотели ввести Сторч и его последователи, и два его дьякона действовали в унисон с ним. Фанатики, отвергнутые служителями Церкви, впали в другую экстравагантность. Они организовывали собрания, на которых исповедовали революционные доктрины. Люди были взволнованы, и вспыхнули беспорядки. Священник, несший причастие, был забросан камнями; [105] вмешались гражданские власти и бросили зачинщиков в тюрьму. [106] Раздраженные этим разбирательством и стремящиеся оправдаться и добиться возмещения ущерба, Сторч, Марк Томас и Стабнер отправились в Виттемберг. [107]

Они прибыли туда 27 декабря 1521 года. Сторч шел впереди походкой и выправкой рядового. [108] Марк Томас и Стабнер последовали за ним. Беспорядки, царившие тогда в Виттемберге, благоприятствовали их планам. Молодежь академии и горожане, уже глубоко взволнованные и пребывавшие в состоянии возбуждения, были почвой, вполне подходящей для принятия этих новых пророков.

НОВЫЕ ПРОРОКИ В ВИТТЕМБЕРГЕ.

Полагая, что они уверены в поддержке, они немедленно обратились к профессорам университета, чтобы получить их санкцию. "Мы посланы Богом, чтобы наставлять людей", -

сказали они. "Мы вели привычные беседы с Господом; мы знаем, что произойдет; [109] одним словом, мы апостолы и пророки и обращаемся к доктору Лютеру". Этот странный язык поразил профессоров.

"Кто поручил вам проповедовать?" - спросил Меланхтон своего старого ученика Штабнера, которого он принял в своем доме. "Господь Бог наш". — "Вы написали какие—нибудь книги?" - "Господь Бог наш запретил мне это делать". Меланхтон был взволнован: он встревожился и удивился.

"В этих людях действительно есть необыкновенный дух, - сказал он, - но какой дух?.. Только Лютер может решить. С одной стороны, давайте остерегаться угашения Духа Божьего, а с другой - того, чтобы дух сатаны не сбил нас с пути истинного".

Шторх, отличавшийся беспокойным нравом, вскоре покинул Виттемберг. Штубнер остался. Воодушевленный пылким духом прозелитизма, он ходил по городу, обращаясь то к одному, то к другому; и многие признавали его пророком от Бога. В частности, он обратился к швабу по имени Целлариус, другу Меланхтона, который содержал школу, в которой обучал большое количество молодежи, и который вскоре полностью признал миссию новых пророков.

Теперь Меланхтон пришел в еще большее замешательство. Его беспокоили не столько видения пророков из Цвиккау, сколько их новое учение о крещении. Это показалось ему созвучным разуму, и он подумал, что это заслуживает рассмотрения; "ибо, - сказал он, - мы не должны ни принимать, ни отвергать что-либо легкомысленно". [110]

Таков дух Реформации. Колебания и тревога Меланхтона - доказательство прямоты его сердца, возможно, более благородное для него, чем любое систематическое противодействие.

ЛЮТЕР О НОВЫХ ПРОРОКАХ.

Сам курфюрст, которого Меланхтон называл "светильником Израиля", [111] колебался. Пророки и апостолы в Саксонском курфюршестве, как в древнем Иерусалиме! "Это важное дело, - сказал он, - и как мирянин я не могу этого понять. Но вместо того, чтобы сражаться с Богом, я бы взял в руку посох и сошел со своего трона".

Наконец, он сообщил профессорам через своих советников, что у них в Виттемберге хватает хлопот; что, по всей вероятности, претензии пророков из Цвикау были всего лишь искушением дьявола; и что, по его мнению, самым мудрым решением было бы оставить этот вопрос как есть; тем не менее, при любых обстоятельствах, когда бы его высочество ни осознал Божью волю, он не станет советоваться ни с братом, ни с матерью и что он готов претерпеть все ради истины. [112]

Лютер в Вартбурге был осведомлен о волнении, царившем при дворе и в Виттемберге. Появились странные люди, и источник, из которого исходила их миссия, был неизвестен. Он сразу увидел, что Бог допустил эти печальные события, чтобы смирить своих слуг и побудить их испытаниями более ревностно стремиться к освящению.

"Ваша избирательная светлость, - писал он Фредерику, - в течение многих лет собирали реликвии из всех стран. Бог удовлетворил ваше желание и послал вам, без каких-либо затрат или хлопот, целый *крест* с гвоздями, копьями и бичами.....Здоровья и процветания новой

реликвии!.....Только позвольте вашему высочеству бесстрашно протянуть руку и позволить ногтям вонзиться в вашу плоть!.....Я всегда ожидал, что сатана наслает на нас эту чуму".

Но в то же время ничто не казалось ему более неотложным, чем обеспечить другим свободу, на которую он претендовал сам. У него не было двух весов и двух мер. "Остерегайтесь бросать их в тюрьму", - писал он Спалатину. "Пусть государь не обагрывает свою руку кровью этих новых пророков". [113] Лютер вышел далеко за рамки своего возраста и даже за рамки многих других реформаторов в вопросе религиозной свободы.

Обстоятельства в Виттемберге с каждым днем становились все серьезнее. [114]

КАРЛШТАДТ И ЕГО ИЗОБРАЖЕНИЯ.

Карлштадт отверг многие доктрины новых пророков, и особенно их отношение к крещению; но в религиозном энтузиазме есть зараза, которой такому руководителю, как он, нелегко противостоять. С прибытием жителей Цвиккау в Виттемберг Карлштадт ускорил свое движение в направлении насильственных реформ. "Мы должны обрушиться на каждую нечестивую практику и ниспровергнуть их все в один день", - сказал он. [115] Он собрал воедино все отрывки из Священного Писания, направленные против изображений, и с возрастающей энергией выступал против идолопоклонства Рима. "Они падают ниц, они пресмыкаются перед этими идолами, — воскликнул он. - Они зажигают перед ними свечи и приносят им жертвы... Давайте встанем и оторвем их от алтарей!"

Эти слова не были произнесены напрасно перед народом. Они входили в церкви, уносили изображения, разбивали их на куски и сжигали. [116] Было бы лучше подождать, пока их отмена не будет провозглашена юридически; но некоторые считали, что осторожность вождей поставит под угрозу саму Реформацию.

Судя по словам этих энтузиастов, в Виттемберге не было истинных христиан, за исключением тех, кто не ходил на исповедь, нападал на священников и ел мясо в постные дни. Если кого-либо подозревали в том, что он не отвергал все церковные обряды как изобретение дьявола, его объявляли поклоняющимся Ваалу. "Мы должны создать Церковь, - кричали они, - состоящую только из святых!"

Граждане Виттемберга представили совету определенные статьи, которые он был вынужден принять. Многие из статей соответствовали евангельской морали. В частности, они требовали, чтобы были закрыты все общественные увеселительные заведения.

ВАНДАЛИЗМ —ПЕЧАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.

Но Карлштадт вскоре зашел еще дальше: он начал презирать ученость; и было слышно, как старый профессор со своей кафедры советовал своим ученикам вернуться домой, взять в руки лопату, управлять плугом и спокойно возделывать землю, потому что человек должен есть хлеб в поте лица своего. Джордж Мор, директор школы для мальчиков в Виттемберге, движимый тем же фанатизмом, призывал собравшихся горожан из окна своей классной комнаты прийти и забрать их детей. Зачем им учиться, если Сторч и Стабнер никогда не учились в университете, и все же они были пророками?.....Таким образом, механик был так же хорош, как все врачи в мире, а возможно, и лучше, для проповеди Евангелия.

Так возникли доктрины, прямо противоположные Реформации, которая была подготовлена возрождением письменности. Лютер напал на Рим с оружием в руках - теологической ученостью; и энтузиасты Виттемберга, подобно фанатичным монахам, с которыми боролись Эразм и Рейхлин, осмелились растоптать ногами все человеческие знания. Если бы этому вандализму удалось удержаться на своих местах, надежды мира были бы потеряны; и еще одно нашествие варваров погасило бы свет, который Бог зажег в христианском мире.

Результаты этих странных бесед вскоре проявили себя. Умы людей были предвзяты, взволнованы, отвлечены от Евангелия; университет пришел в замешательство; деморализованные студенты нарушили оковы дисциплины и рассеялись; а правительства Германии отозвали своих подданных. [117] Таким образом, люди, желавшие все преобразовать и оживить, были на грани того, чтобы все разрушить. [118] Еще одна борьба (воскликали друзья Рима, к которым со всех сторон возвращалась уверенность), — еще одна последняя борьба, и все будет наше!

ИСКОМОЕ СРЕДСТВО, К КОТОРОМУ ПРИЗЫВАЛ ЛЮТЕР.

Быстро пресечь бесчинства этих фанатиков было единственным способом спасти Реформацию. Но кто мог это сделать? Меланхтон? Он был слишком молод, слишком слаб, слишком взволнован этими странными явлениями. Курфюрст? Он был самым миролюбивым человеком своего возраста. Строить замки в Альтенбурге, Веймаре, Лохау и Кобурге; украшать церкви прекрасными картинами Лукаса Кранаха; совершенствовать пение в часовнях; способствовать процветанию своего университета; способствовать счастью своих подданных; останавливаться среди детей, которых он встречал играющими на улицах, и дарить им маленькие подарки: таковы были легкие занятия его жизни. И теперь, в своем преклонном возрасте, стал бы он бороться с фанатиками — противопоставил бы насилие насилию? Как мог добрый и благочестивый Фредерик решиться на это?

Болезнь продолжала распространяться, и никто не выступил вперед, чтобы остановить ее. Лютер был далеко от Виттемберга. Смятение и разруха охватили город. Реформация увидела, как из ее собственных недр вырвался враг более грозный, чем папы и императоры. Она была на самом краю пропасти.

Лютер! Лютер! таков был общий и единодушный крик в Виттемберге. Горожане настойчиво зывали к нему; профессора просили его совета; сами пророки зывали к нему. Все умоляли его вернуться. [119]

Можно представить, что творилось в голове реформатора. Все ужасы Рима были ничем по сравнению с тем, что сейчас терзало его сердце. Именно из самой гущи Реформации вышли ее враги. Оно пожирает свои собственные жизненно важные органы; и та доктрина, которая одна принесла мир в его беспокойное сердце, становится причиной фатальных волнений в Церкви.

ЛЮТЕР НЕ КОЛЕБЛЕТСЯ.

"Если бы я знал, - однажды сказал он, - что мое учение причинило вред одному человеку, одному-единственному человеку, каким бы низким и неясным оно ни было (чего оно не может, ибо это само Евангелие), я бы скорее умер десять раз, чем не отрекся от него". [120] И теперь целый город, и этот город Виттемберг, приходит в беспорядок! Правда, в его доктрине нет ничего общего с этим; но со всех концов Германии раздаются голоса, обвиняющие его в этом.

Теперь его одолевают боли, более острые, чем он когда-либо испытывал прежде, и его терзают новые искушения. "Неужели таков будет конец этого великого дела Реформации?" сказал он себе. Невозможно!— он отвергает эти сомнения. Бог начал ... Бог завершит эту работу. "Я в глубоком смирении прибегаю к милости Господа", - [121] воскликнул он, - "и умоляю его, чтобы его имя оставалось связанным с этим произведением; и чтобы, если к нему будет примешано что-нибудь нечистое, он вспомнил, что я грешный человек".

Сообщенные Лютеру новости о вдохновении этих новых пророков и об их возвышенных беседах с Богом ни на минуту не поколебали его. Он знал глубину, муку, унижение духовной жизни: в Эрфурте и Виттемберге он испытал силу Божью, которая не так-то легко позволила ему поверить, что Бог является своим созданиям и беседует с ними. "Спросите этих пророков, - писал он Меланхтону, - испытывали ли они те духовные муки, те творения Бога, ту смерть и ад, которые сопровождают настоящее возрождение..... [122] И если они говорят вам только о приятных вещах, о спокойных впечатлениях, о преданности и благочестии, как они говорят, не верьте им, хотя они должны притворяться, что перенесли на третье небо. Прежде чем Христос смог достичь своей славы, он был вынужден претерпеть смерть; и точно так же верующий должен пройти через горечь греха, прежде чем он сможет обрести мир. Желаете ли вы знать время, место и манеру, в которой Бог разговаривает с людьми? Послушай: *Как лев, он переломал мне все кости: я изгнан от лица Его, и душа моя унижена даже до врат ада.....* Нет! Божественное Величие (как они притворяются) не говорит прямо, чтобы люди могли это видеть; ибо ни один человек не может увидеть мое лицо и остаться в живых."

ОПАСНОСТЬ ЛЮТЕРА.

Но его твердая убежденность в заблуждении, под влиянием которого действовали эти пророки, лишь усилила горе Лютера. Неужели великая истина о спасении по благодати так быстро утратила свое очарование, что люди отворачиваются от нее и следуют басням? Он начинает чувствовать, что работа не так легка, как он думал сначала. Он спотыкается о первый камень, который лживость человеческого сердца положила на его пути; его гнетут горе и тревога. Он решает, рискуя жизнью, убрать его с дороги своего народа и решает вернуться в Виттемберг.

В то время ему угрожали неминуемые опасности. Враги Реформации воображали, что находятся накануне ее уничтожения. Георг Саксонский, одинаково неприязненный к Риму и Виттембергу, еще 16 октября 1521 года написал герцогу Иоанну, брату курфюрста, чтобы привлечь его на сторону врагов Реформации. "Некоторые, - сказал он, - отрицают, что душа бессмертна. Другие (и это монахи!) прикрепите к свиньям колокольчики и заставьте их таскать мощи святого Антония по улицам, а затем бросить их в грязь. [123] Все это плоды учения Лютера! Умоляйте вашего брата курфюрста либо наказать нечестивых авторов этих нововведений, либо, по крайней мере, публично высказать свое мнение о них. Наша меняющаяся борода и прическа напоминают нам, что мы достигли последней стадии нашего пути, и призывают нас положить конец такому великому злу".

После этого Георг отбыл, чтобы занять свое место в имперском правительстве в Нюрнберге. Едва он прибыл, как приложил все усилия, чтобы убедить его принять более суровые меры. Фактически, 21 января этот орган издал указ, в котором он горько жаловался на то, что священники служили мессу, не облачаясь в свои священнические одежды, освящали причастие на немецком языке, проводили его, не получив необходимого признания от причастников, передавали его в руки мирян, [124] и даже не позаботились удостовериться, что

те, кто причастился, не были облачены в свои священные одежды. те, кто стоял впереди, чтобы получить его, постились.

Соответственно, имперское правительство пожелало, чтобы епископы разыскали и строго наказали всех новаторов в своих соответствующих епархиях. Последний поспешил выполнить эти приказы.

ОТЪЕЗД ИЗ ВАРТБУРГА.

Именно такой момент выбрал Лютер для своего повторного появления на сцене. Он видел опасность; он предчувствовал неисчислимые бедствия. "Вскоре, - сказал он, - в империи начнутся беспорядки, в которых примут участие принцы, магистраты и епископы. У людей есть глаза: они не захотят, их нельзя вести силой. По всей Германии прольется кровь. [125] Давайте встанем стеной, чтобы защитить нашу нацию в этот ужасный день Божьего гнева".

ГЛАВА VIII.

Отъезд из Вартбурга—Новое положение—Лютер и первобытный католицизм—Встреча в "Черном Медведе"—Письмо Лютера курфюрсту—Возвращение в Виттемберг—Проповедь в Виттемберге—Милосердие—Слово—Как возникла Реформация—Вера во Христа—Ее последствия—Дидимус—Карлштадт—Пророки—Интервью с Лютером—Конец борьбы.

Таковы были мысли Лютера; но он видел еще более надвигающуюся опасность. В Виттемберге пожар отнюдь не угасал, а с каждым днем становился все яростнее. С высот Вартбурга Лютер мог различить на горизонте устрашающие отблески, сигнал опустошения, время от времени проносящиеся в воздухе. Разве он не единственный, кто может оказать помощь в этой крайней ситуации? Не бросится ли он в самую гущу пламени, чтобы погасить его ярость? Напрасно его враги готовятся нанести решающий удар; напрасно курфюрст умоляет его не покидать Вартбурга и подготовить свое оправдание перед следующим сеймом. У него есть более важная задача — оправдать само Евангелие. "С каждым днем ко мне приходят все более серьезные сведения", - писал он. "Я изложу: обстоятельства положительно требуют, чтобы я это сделал". [126]

НОВАЯ ПОЗИЦИЯ — ЛЮТЕР И ПРИМИТИВНАЯ КАТОЛИЦИЗМ.

Соответственно, он поднялся 3 марта с решимостью навсегда покинуть Вартбург. Он попрощался с его обветшалыми башнями и мрачными лесами. Он прошел за эти стены, где отлучение от церкви Льва X. и меч Карла V. не могли достать его. Он спустился с горы. Мир, который лежал у его ног и посреди которого он вот-вот появится снова, возможно, вскоре громко потребует его смерти. Но это не имеет значения! он идет вперед с радостью, ибо во имя Господа он возвращается к своим братьям. [127]

Время шло своим чередом. Лютер покидал Вартбург по причине, сильно отличающейся от той, по которой он туда пришел. Он отправился туда как противник старой традиции и древних докторов; он покинул ее как защитник учения апостолов от новых противников. Он вступил в нее как новатор и как противник древней иерархии; он покинул ее как консерватор и поборник христианской веры. До сих пор Лютер видел в своей работе только одно — торжество оправдания верой; и этим оружием он низвергнул могущественные суеверия. Но если было

время для разрушения, то было и время для созидания. Под теми развалинами, которыми его сильная рука усеяла равнину, — под этими смятыми грамотами об индульгенциях, этими сломанными тиарами и изодранными капюшонами, — под столькими римскими злоупотреблениями и заблуждениями, которые в беспорядке лежали на поле битвы, он различил и открыл первобытную католическую церковь, появившуюся все такой же и вышедшую, как после длительного периода испытаний, со своими неизменными доктринами и божественным акцентом. Он мог отличить его от Рима, приветствуя и обнимая его с радостью. Лютер не произвел в мире ничего нового, как его ложно обвинили; он не воздвигал здания для будущего, которое не имело бы связи с прошлым; он обнажил, он открыл дневному свету древние основания, на которых выросли тернии и чертополох, и, продолжая строительство храма, он строил просто на фундаментах, заложенных апостолами. Лютер понимал, что древняя и примитивная апостольская Церковь должна быть, с одной стороны, восстановлена в противовес папству, которым она так долго угнеталась; а с другой - защищена от энтузиастов и неверующих, которые делали вид, что отрекаются от нее, и которые, несмотря на все, что Бог сделал в прошлые времена, желали начать совершенно новую работу. Лютер больше не был сторонником исключительно одной доктрины — доктрины оправдания, — хотя он всегда отводил ей самое высокое место; он стал человеком всей христианской теологии; и хотя он все еще верил, что Церковь по сути своей является собранием святых, он был осторожен, чтобы не презирать видимую Церковь, и признавал собрание избранных царством Божиим. Так в это время произошла великая перемена в сердце Лютера, в его теологии и в работе обновления, которую Бог осуществлял в мире. Римская иерархия, возможно, довела бы реформатора до крайности; секты, которые тогда так смело поднимали свои головы, вернули его на истинный путь умеренности. Пребывание в Вартбурге делит историю Реформации на два периода.

ВСТРЕЧА В "ЧЕРНОМ МЕДВЕДЕ".

Лютер медленно ехал по дороге в Виттемберг: шел уже второй день его путешествия, приближалась масленица. Ближе к вечеру разразилась страшная буря, и дороги были затоплены. Двое швейцарских юношей, двигавшихся в том же направлении, что и он, спешили вперед, чтобы найти приют в городе Йена. Они учились в Базеле, и известность Виттемберга привлекла их в этот университет. Путешествуя пешком, усталые и промокшие насквозь, Джон Кесслер из Сент-Галла и его спутница ускорили шаг. Весь город был в смятении от карнавальных развлечений; балы, маскарады и шумные пиршества поглотили жителей Йены; и когда двое путешественников прибыли, они не могли найти места ни на одной из гостиниц. Наконец их направили к *Черному Медведю* за городскими воротами. Удрученные и измученные, они медленно направились туда. Хозяин принял их любезно. [128] Они заняли свои места у открытой двери общего зала, стыдясь того состояния, в которое их привела буря, и не осмеливаясь войти. За одним из столов одиноко сидел мужчина в рыцарском облачении, в красной шапочке на голове и бриджах, поверх которых ниспадали полы камзола; его правая рука покоилась на эфесе меча, левая сжимала рукоять; а перед ним лежала открытая книга, которую он, казалось, читал с большим вниманием. [129] Услышав шум, произведенный появлением этих двух молодых людей, он поднял голову, приветливо поприветствовал их и пригласил пройти и сесть за его столик; затем, предложив им по бокалу пива и намекнув на их акцент, он сказал: "Я вижу, вы швейцарцы; но из какого кантона?" — "Из Сен—Галля". - "Если вы собираетесь Виттемберг, вы встретитесь там с моим соотечественником, доктором Шурффом". — Ободренные таким любезным приемом, они добавили: "Сэр, не могли бы вы сообщить нам, где сейчас находится Мартин Лютер?" — "Я точно знаю, - ответил рыцарь, - что его нет в

Виттемберге; но он скоро будет там. Филип Меланхтон там. Изучай греческий и иврит, чтобы ты мог ясно понимать Священное Писание". "Если Бог сохранит нам жизнь, - заметил один из молодых людей, - мы не вернемся домой, не повидав и не услышав доктора Лютера; ибо именно ради него мы предприняли это долгое путешествие. Мы знаем, что он желает упразднить священство и мессу; и поскольку наши родители предназначали нас к священству с самого младенчества, мы хотели бы четко знать, на каких основаниях он основывает свое предложение". Рыцарь на мгновение замолчал, а затем продолжил: "Где вы учились до сих пор?" — "В Базеле". — "Эразм Роттердамский все еще там? что он делает?" Они ответили на его вопросы, и снова наступила пауза. Двое швейцарцев не знали, что и думать. "Не странно ли, - подумали они, - что этот рыцарь говорит с нами о Шурфе, Меланхтоне и Эразме, а также о необходимости изучения греческого и иврита". — "Мои дорогие друзья, - внезапно сказал неизвестный, - что они думают о Лютере в Швейцарии?" — "Сэр, - ответил Кесслер, - мнения о нем там сильно разделились, как и везде. Одни не могут достаточно превозносить его, а другие осуждают как отвратительного еретика". — "Ха! священники, без сомнения", - сказал незнакомец.

Сердечность рыцаря успокоила студентов. Им очень хотелось узнать, какую книгу он читал в момент их прибытия. Рыцарь закрыл его и положил рядом с собой. Наконец спутник Кесслера осмелился поднять его. К великому изумлению двух молодых людей, это был еврейский псалтырь! Студент немедленно отложил его и, словно желая отвлечь внимание от допущенной им вольности, сказал: "Я бы охотно отдал один из своих пальцев, чтобы выучить этот язык". — "Вы осуществите свое желание, - сказал незнакомец, - если только потрудитесь выучить его".

Через несколько минут Кесслер услышал, как хозяин зовет его; бедный швейцарский юноша испугался, что что-то пошло не так; но хозяин прошептал ему: "Я вижу, у вас большое желание увидеть и услышать Лютера; хорошо! это он сидит рядом с вами". Кесслер принял это за шутку и сказал: "Мистер хозяин, вы хотите выставить меня дураком". — "Это действительно он, - ответил хозяин, - но не показывайте ему, что вы его знаете". Кесслер ничего не ответил, но вернулся в комнату и занял свое место за столом, горя желанием повторить своему товарищу то, что он только что услышал. Но как ему это удалось? Наконец он догадался наклониться вперед, как будто смотрел в сторону двери, и затем прошептал своему другу на ухо: "Хозяин уверяет меня, что этот человек - Лютер". — "Возможно, он сказал "Хюттен", - ответил его товарищ. - Вы не расслышали его отчетливо". — "Может быть, и так, - ответил Кесслер. - хозяин сказал: "Это Хюттен"; эти два имени очень похожи, и я перепутал одно с другим".

В этот момент перед постоялым двором послышался топот лошадей; в комнату вошли два купца, желавших приютиться; они сняли шпоры, сбросили плащи, и один из них положил рядом с собой на стол книгу без переплета, которая вскоре привлекла внимание рыцаря. "Что это за книга?" — спросил он. "Комментарий к некоторым Евангелиям и Посланиям доктора Лютера", — ответил торговец. "Она только что опубликована". "Я скоро ее раздобуду", - сказал рыцарь.

В этот момент вошел хозяин и объявил, что ужин готов. Два студента, опасаясь дороговизны такого ужина в компании рыцаря Ульриха Хюттенского и двух богатых купцов, отвели хозяина в сторонку и попросили его подать им что-нибудь особенное. "Пойдемте, друзья мои, — ответил хозяин "Черного медведя", - займите свое место за столом рядом с этим джентльменом; я возьму с вас умеренную плату". - "Пойдемте, - сказал рыцарь, - я сведу счеты".

Во время этой трапезы незнакомый рыцарь произнес много простых и назидательных замечаний. Студенты и торговцы были настороже и уделяли больше внимания его словам, чем

блюдам, поставленным перед ними. "Лютер, должно быть, либо ангел с небес, либо дьявол из ада, - сказал один из торговцев в ходе беседы. - Я бы охотно дал десять флоринов, если бы мог встретиться с Лютером и исповедаться ему".

Когда ужин закончился, купцы вышли из-за стола; двое швейцарцев остались наедине с рыцарем, который, взяв большой бокал пива, встал и торжественно произнес по обычаю этой страны: "Швейцарец, еще один бокал в знак благодарности". Когда Кесслер уже собирался взять бокал, неизвестный снова поставил его и предложил ему бокал, наполненный вином, сказав: "Вы не привыкли к пиву".

Затем он встал, накинул на плечи военный плащ и, протянув руку студентам, сказал им: "Когда вы доберетесь до Виттемберга, поприветствуйте доктора Шурффа от моей стороны". — "Охотно, — ответили они. - Но какое имя мы назовем?" - "Скажите ему просто, - добавил Лютер, - тот, кто придет, приветствует вас". С этими словами он вышел из комнаты, оставив их полными восхищения его добротой и добродушием.

Лютер, ибо это был действительно он, продолжил свой путь. Следует помнить, что он был объявлен в розыск империей; любой, кто встретит и узнает его, может схватить. Но в то время, когда он был занят делом, подвергавшим его всяческому риску, он был спокоен и безмятежен и весело беседовал с теми, кого встречал на дороге.

ЛЮТЕР - КУРФЮРСТУ.

Дело было не в том, что он обманывал себя: он видел будущее полным бурь. "Сатана, - сказал он, - в ярости, и все вокруг замышляют смерть и ад. [130] Тем не менее, я иду вперед и становлюсь на пути императора и папы римского, не имея защитника, кроме Бога на небесах. Всем людям дана власть убивать меня, где бы они меня ни нашли. Но Христос - Господь всего; если будет его воля, чтобы я был предан смерти, да будет так!"

В тот же день, в Пепельную среду, Лютер добрался до Борны, небольшого городка недалеко от Лейпцига. Он счел своим долгом сообщить принцу о смелом шаге, который тот собирался предпринять, и соответственно остановился в отеле "Гид" и написал следующее письмо:

"Благодать и мир от Бога Отца нашего и от Господа нашего Иисуса Христа!

"Светлейший курфюрст, милостивый государь! События, произошедшие в Виттемберге, к великому поношению Евангелия, причинили мне такую боль, что, если бы я не был уверен в правоте нашего дела, я бы впал в отчаяние.

"Ваше высочество знает это, а если нет, то да будет вам известно сейчас, что я получил Евангелие не от людей, но с небес, через Господа нашего Иисуса Христа. Если я призывал к дискуссии, то не потому, что у меня были какие-то сомнения в истине, а из смирения и в надежде расположить к себе других. Но поскольку мое смирение обращено против Евангелия, моя совесть вынуждает меня действовать иначе. Я в достаточной степени уступил вашему высочеству, уйдя в этом году на пенсию. Дьяволу хорошо известно, что я сделал это не из страха. Я бы вошел в Вормс, если бы в городе было столько дьяволов, сколько черепицы на крышах домов. Теперь герцога Георга, которым ваше высочество пугает меня, следует бояться гораздо меньше, чем одного дьявола. Если бы то, что происходит в Виттемберге, происходило в Лейпциге (резиденция герцога), я бы немедленно сел на коня и поехал туда, хотя (да простит

ваше высочество эти слова) целых девять дней подряд шел дождь, и никто, кроме герцога Георга, и каждый в девять раз более яростный, чем он есть на самом деле. О чем он думает, нападая на меня? Он принимает Христа, моего Господа, за соломенного человека? [131] О Господь, будь рад предотвратить страшный суд, который надвигается на него!

Да будет известно вашему высочеству, что я отправляюсь в Виттемберг под защитой гораздо более высокой, чем защита принцев и курфюрстов. Я и не думаю просить поддержки вашего высочества, и, далекий от того, чтобы желать вашей защиты, я предпочел бы защитить вас сам. Если бы я знал, что ваше высочество может или захочет защитить меня, я бы вообще не поехал в Виттемберг. Нет меча, который мог бы способствовать этому делу. Один Бог должен все делать без помощи или попустительства человека. Тот, у кого самая большая вера, тот и способен лучше всех защитить. Но я замечаю, что ваше высочество все еще слабы в вере.

"Но поскольку ваше высочество желает знать, что вы должны делать, я отвечу со всем уважением: ваше высочество уже сделали слишком много, и вам вообще не следовало бы ничего делать. Бог не желает и не может терпеть ни ваших забот и трудов, ни моих. Пусть поведение вашего высочества будет руководствоваться этим.

"Что касается меня, то ваше высочество должны действовать как избиратель; вы должны позволить приказам его императорского величества исполняться в ваших городах и сельских округах. Вы не должны оказывать сопротивления, если люди захотят схватить или убить меня; [132] ибо никто не должен сопротивляться владычествам, кроме Того, кто их установил.

"Пусть ваше высочество оставит ворота открытыми и соблюдет правила безопасности, если мои враги лично или их посланцы придут в поисках меня во владения вашего высочества. Все должно быть сделано без проблем и опасности для вас самих.

"Я написал это письмо в спешке, чтобы вы не беспокоились, узнав о моем приезде. Я имею дело с человеком, совсем не похожим на герцога Георга. Он хорошо знает меня, и я довольно хорошо знаю его.

"Дано в Борне, в гостинице "Путеводитель", в эту пепельную среду 1522 года.

"

Покорнейший слуга Вашего высочества-выборщика",
Мартин Лютер.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ВИТТЕМБЕРГ—ДРУЗЬЯ ЛЮТЕРА.

Таким образом, Лютер приблизился к Виттембергу. Он написал своему принцу, но не для того, чтобы оправдаться. Непокоримая уверенность наполнила его сердце. Он видел руку Божью в этом деле, и этого было для него достаточно. Героизм веры никогда не может быть продолжен дальше. В одном из изданий сочинений Лютера на полях этого письма есть следующее замечание: "Это замечательное сочинение о третьем и последнем Илии!" [133]

Лютер вновь прибыл в Виттемберг в пятницу, 7 марта, после пяти дней пути из Эйзенаха. Врачи, студенты и горожане - все разразились ликованием, ибо они нашли лоцмана, который один мог вытащить судно из рифов, среди которых оно застряло.

Курфюрст, находившийся со своим двором в Локкау, был очень взволнован, когда прочитал письмо реформатора. Он желал оправдать его перед сеймом: "Пусть он напишет мне письмо, - писал принц Шурффу, - в котором объяснит мотивы своего возвращения в Виттемберг, и пусть он также скажет, что вернулся без моего разрешения". Лютер согласился.

"Я готов навлечь на себя неудовольствие вашего высочества и гнев всего мира", - писал он принцу. "Разве виттембергцы не мои овцы? Разве Бог не доверил их мне? И не должен ли я, в случае необходимости, подвергнуть себя смерти ради них? Кроме того, я боюсь увидеть ужасную вспышку в Германии, которой Бог накажет нашу нацию. Пусть ваше высочество будет полностью уверено и не сомневается в том, что постановления небес сильно отличаются от постановлений Нюрнберга". [134] Это письмо было написано в тот самый день, когда Лютер прибыл в Виттемберг.

ЗАДАЧА ЛЮТЕРА — БЕССТРАШИЕ.

На следующий день, накануне первого воскресенья Великого поста, Лютер посетил Джерома Шурфа. Там собрались Меланхтон, Джонас, Амсдорф и Августин Шурфф, брат Джерома. Лютер нетерпеливо расспрашивал их, и они рассказывали ему обо всем, что произошло, когда объявили о двух иностранных студентах, желавших поговорить с доктором Джеромом. Войдя в это собрание врачей, двое молодых людей из Сент-Галла сначала были смущены, но вскоре пришли в себя, обнаружив среди них рыцаря Черного Медведя. Последний немедленно подошел к ним, поприветствовал их как старых знакомых и с улыбкой указал на одного из врачей: "Это Филипп Меланхтон, о котором я вам упоминал". Два швейцарца весь день оставались с врачами Виттемберга в память о встрече в Йене.

Одна великая мысль овладела умом реформатора и подавила радость, которую он испытал при новой встрече со своими друзьями. Несомненно, образ, в котором ему предстояло теперь предстать, был неясен; он собирался возвысить свой голос в маленьком городке Саксонии, и все же его предприятие имело всю важность события, которому предстояло повлиять на судьбы мира. Многим народам и многим эпохам предстояло ощутить его воздействие. Вопрос заключался в том, окажется ли та доктрина, которую он почерпнул из Слова Божьего и которой было суждено оказать столь могущественное влияние на будущее развитие человеческой расы, сильнее разрушительных принципов, угрожавших ее существованию. Это был вопрос о том, возможно ли реформировать, не разрушая, и расчистить путь к новому развитию, не уничтожая старое. Заставить замолчать фанатичных людей, вдохновленных энергией первого энтузиазма; овладеть необузданной толпой, успокоить ее, вернуть к порядку, миру и истине; остановить стремительный поток, который угрожал опрокинуть возвышающееся здание Реформации и разбросать его руины повсюду, — такова была задача, ради которой Лютер вернулся в Виттемберг. Но будет ли его влияния достаточно для этого? Одно только событие может показать.

Сердце реформатора содрогнулось при мысли об ожидающей его борьбе. Он поднял голову, как лев, вызванный на бой, встряхивает своей длинной гривой. "Теперь мы должны попать сатану и сразиться с ангелом тьмы", - сказал он. "Если наши противники не отступят по

собственному желанию, Христос будет знать, как заставить их. Мы, уповающие на Господа жизни и смерти, сами являемся господами жизни и смерти". [135]

ПРОПОВЕДЬ В ВИТТЕМБЕРГЕ.

Но в то же время пылкий реформатор, как будто сдерживаемый высшей силой, отказался от анафем и грома Слова и стал смиренным пастырем, кротким пастырем душ. "Именно Словом мы должны бороться, - сказал он. - Словом мы должны ниспровергать и разрушать то, что было создано насилием. Я не буду применять силу против суеверных и неверующих. Пусть тот, кто верит, приблизится! пусть тот, кто верит, не держится вдали! никого нельзя принуждать. Свобода - это сама сущность веры". [136]

На следующий день было воскресенье. В этот день доктор, которого почти год скрывали от посторонних глаз высокие крепостные стены Вартбурга, вновь предстанет перед народом за церковной кафедрой. В Виттемберге ходили слухи, что Лютер вернулся, что он собирается проповедовать. Одна только эта новость, передаваемая из уст в уста, уже дала мощный толчок идеям, которыми люди были введены в заблуждение. Они собираются увидеть героя Вормса. Люди столпились вместе, и их охватили различные эмоции. В воскресенье утром церковь была заполнена внимательной и взволнованной толпой.

Лютер угадывает все чувства своей паствы; он поднимается на кафедру; там он стоит в присутствии стада, которое он когда-то вел как послушную овцу, но которое оторвалось от него, как дикий бык. Его речь была простой, благородной, но в то же время полной силы и мягкости: можно было подумать, что он нежный отец, возвращающийся к своим детям, расспрашивающий об их поведении и любезно рассказывающий им, что он слышал о них. Он искренне признал прогресс, которого они достигли в вере; и таким образом подготовил и пленил их умы. Затем Он продолжил следующими словами: —

"Но нам нужно нечто большее, чем вера; нам нужно милосердие. Если человек с мечом в руке один, не имеет большого значения, вложен он в ножны или нет; но если он находится посреди толпы, он должен действовать так, чтобы никого не ранить.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ—СЛОВО.

"Что мать делает со своим младенцем? Сначала она дает ему молоко, затем какую-нибудь очень легкую пищу. Если бы она начала с того, что дала ему мяса и вина, каковы были бы последствия?.....

Так должны мы поступать по отношению к нашим братьям. Друг мой, ты достаточно долго пробыл у груди? Все хорошо! но позволь своему брату пить столько же, сколько и тебе.

"Взгляните на солнце! Оно распространяет две вещи: свет и тепло. Нет царя настолько могущественного, чтобы отклонять в сторону свои лучи; они приходят прямо к нам; но тепло излучается и передается во всех направлениях. Таким образом, вера, подобно свету, всегда должна быть прямой и непреклонной; но милосердие, подобно теплу, должно излучаться во все стороны и подчиняться всем нуждам наших братьев".

Подготовив таким образом своих слушателей, Лютер начал давить на них еще теснее:

"Отмена мессы, говорите вы, соответствует Писанию: Согласен! Но какой порядок, какие приличия вы соблюдали? Вам следовало вознести горячие молитвы Господу и обратиться к государственной власти; тогда каждый человек мог бы признать, что это от Бога".

Так говорил Лютер. Этот бесстрашный человек, который в Вормсе противостоял князьям земли, произвел глубокое впечатление на умы своих слушателей этими словами мудрости и мира. Карлштадт и пророки Цвиккау, такие великие и могущественные в течение нескольких недель, которые тиранили Виттемберга и возбуждали его, превратились в пигмеев рядом с пленником Вартбурга.

"Месса, - продолжал он, - это плохо; Бог против нее; ее следует отменить; и я хотел бы, чтобы во всем мире ее заменили Евангельской вечерей. Но пусть никто не будет оторван от этого силой. Мы должны оставить это дело в руках Бога. Его Слово должно действовать, а не мы. И почему так, спросите вы? Потому что я не держу сердца людей в своих руках, как гончар держит глину. У нас есть право говорить; у нас нет права действовать. Давайте проповедовать: остальное принадлежит Богу. Если бы я применил силу, что бы я получил? Гримасничанье, формальность, обезьянничанье, человеческие обычаи и лицемерие.....Но не было бы ни искренности сердца, ни веры, ни милосердия. Там, где не хватает этих троих, не хватает всего, и я бы и ломаного гроша не дал за такой результат. [137]

КАК БЫЛА ОСУЩЕСТВЛЕНА РЕФОРМАЦИЯ.

"Нашей первой целью должно быть завоевание человеческих сердец, и для этой цели мы должны проповедовать Евангелие. Сегодня Слово упадет в одно сердце, завтра - в другое, и оно подействует таким образом, что каждый отойдет от массы и откажется от нее. Бог делает больше одним своим Словом, чем вы, я и весь мир нашей объединенной силой. Бог завладевает сердцем; и когда сердце захвачено, все побеждено.

"Я говорю это не ради восстановления мессы. Поскольку она разрушена, во имя Бога, пусть так и лежит! Но стоило ли вам идти на работу в том виде, в каком вы это делали? Павел, прибыв однажды в могущественный город Афины, обнаружил там алтари, воздвигнутые ложным богам. Он переходил от одного к другому и рассматривал их, ни к одному не прикасаясь. Но он мирно вышел на середину рыночной площади и объявил народу, что все их боги - идолы. Его речь завладела их сердцами, и идолы пали, даже не прикоснувшись к ним Павла.

"Я буду проповедовать, обсуждать и писать; но я никого не буду ограничивать, ибо вера - это добровольный акт. Посмотрите, что я наделал! Я выступал против папы римского, индульгенций и папистов, но без насилия или суматохи. Я распространял Слово Божье; я проповедовал и писал — это было все, что я делал. И все же, пока я спал или фамиллярно сидел за столом с Амсдорфом и Меланхтон, попивая и сплетничая за нашим виттембергским пивом, Слово, которое я проповедовал, ниспровергло папство, так что ни принц, ни император не причинили ему такого большого вреда. И все же я ничего не предпринял: одно только Слово решило все. Если бы я захотел прибегнуть к силе, вся Германия, возможно, была бы залита кровью. Но каков был бы результат? Разорение и опустошение как для тела, так и для души. Поэтому я хранил молчание и предоставил Слову разноситься по миру в одиночестве. Знаете ли вы, что думает дьявол, когда видит, как люди прибегают к насилию, чтобы распространить Евангелие по всему миру? Сидя со скрещенными руками за адским пламенем, сатана говорит, со злобным видом и устрашающей ухмылкой: "Ах! как мудры эти безумцы, что играют в мою игру!" Но когда он видит,

как Слово бежит и сражается в одиночку на поле битвы, тогда он встревожен, и его колени стучат друг о друга; он дрожит и теряет сознание от страха".

САТАНА —ВЕЧЕРЯ ГОСПОДНЯ.

Во вторник Лютер снова взошел за кафедру, и его мощный голос снова зазвучал над взволнованной толпой. Он снова проповедовал в последующие пять дней. Он проанализировал уничтожение изображений, различие в употреблении мяса, установление Вечери Господней, восстановление чаши, отмену исповеди. Он показал, что эти моменты имели гораздо меньшее значение, чем месса, и что зачинщики беспорядков, имевших место в Виттемберге, грубо злоупотребили своей свободой. Он поочередно пользовался языком христианского милосердия и взрывами святого негодования.

Особенно остро он обрушивался на тех, кто бездумно вкушал Христову Вечерю. "Христианином делает не внешнее воспитание, - сказал он, - а внутреннее и духовное питание, которое действует верой и без которого все формы - просто шоу и гримаса. Теперь эта вера заключается в твердой вере в то, что Иисус Христос - Сын Божий; что, взяв на себя наши грехи и беззакония и понеся их на кресте, он сам является их единственным и всемогущим искуплением; что он постоянно стоит перед Богом, что он примиряет нас с Отцом и что он дал нам причастие Своего тела, чтобы укрепить нашу веру в это невыразимое милосердие. Если я верю в эти вещи, Бог - мой защитник; с ним я противостояю греху, смерти, аду и дьяволам; они не могут причинить мне вреда и не тронуть ни единого волоска на моей голове. Этот духовный хлеб - утешение страждущих, здоровье для больных, жизнь для умирающих, пища для голодных, богатство для бедных. Тот, кто не стесняется своих грехов, не должен приближаться к этому алтарю: что он может там делать? Ах! пусть наша совесть обвиняет нас, пусть наши сердца разрываются надвое при мысли о наших грехах, и тогда мы не будем так самонадеянно приближаться к святому причастию".

БЛАГОРАЗУМИЕ И СМЕЛОСТЬ.

Толпа не переставала заполнять храм; люди стекались из соседних городов, чтобы послушать нового Илию. Среди прочих, Капитон провел два дня в Виттемберге и прослушал две проповеди доктора. Никогда еще Лютер и капеллан кардинала Альберта не были так хорошо согласованы. Меланхтон, магистраты, профессора и все жители были в восторге. [138] Шурфф, очарованный результатом столь мрачного дела, поспешил сообщить об этом избирателю. В пятницу, 15 марта, в день, когда Лютер произнес свою шестую проповедь, он написал: "О, какую радость принесло нам возвращение доктора Мартина! Его слова, по Божественной милости, каждый день возвращают наших бедных заблудших людей на путь истины. Ясно, как солнце, что в нем пребывает Дух Божий и что по Его особому провидению он вернулся в Виттемберг". [139]

По правде говоря, эти проповеди являются образцами народного красноречия, но не того, которое во времена Демосфена или даже Савонаролы зажигало сердца людей. Задача виттембергского оратора была более сложной. Легче разбудить ярость дикого зверя, чем усмирить ее. Лютер должен был успокоить фанатичную толпу, укротить ее необузданные страсти, и в этом он преуспел. В своих восьми беседах реформатор не позволил вырваться ни одному оскорбительному слову в адрес виновников этих беспорядков, ни одному неприятному намеку. Но чем больше была его умеренность, тем больше была и его сила; чем больше осторожности он проявлял по отношению к этим введенным в заблуждение людям, тем сильнее

было его отстаивание оскорбленной истины. Как могли жители Виттемберга устоять перед его мощным красноречием? Люди обычно приписывают робости, страху и компромиссу те речи, которые пропагандируют умеренность. Здесь не было ничего подобного. Лютер предстал перед жителями Виттемберга, несмотря на отлучение папы от церкви и проscriпцию императора. Он вернулся, несмотря на запрет курфюрста, заявившего о своей неспособности защитить его. Даже в Вормсе Лютер не проявил столько мужества. Он столкнулся с самыми неминуемыми опасностями, и, соответственно, его слова не остались без внимания: человек, отважно взошедший на эшафот, имел право призывать к покорности. Этот человек может смело говорить о послушании Богу, который, поступая так, бросает вызов всем преследованиям человека. При звуке голоса Лютера все возражения исчезли, суматоха утихла, мятежных выкриков больше не раздавалось, и граждане Виттемберга спокойно вернулись в свои жилища.

ДИДИМУС—КАРЛШТАДТ—ПРОРОКИ.

Габриэль Дидим, проявивший себя самым восторженным из всех монахов-августинцев, не упустил ни одного слова реформатора. "Разве вы не считаете Лютера замечательным учителем?" - взволнованно спросил один из слушателей. "Ах! - ответил он. - мне кажется, я слышу голос не человека, а ангела". [140] Вскоре Дидимус открыто признал, что его обманули. "Он совсем другой человек", - сказал Лютер. [141]

Поначалу с Карлштадтом все было не так. Презируя ученость, притворяясь, что часто посещает мастерские виттембергских механиков, чтобы постичь Священное Писание, он был огорчен, увидев, как его работа рушится при появлении Лютера. [142] В его глазах это была проверка самой реформы. Поэтому вид у него всегда был удрученный, мрачный и неудовлетворенный. И все же он пожертвовал своим самолюбием ради мира; он обуздал свое желание мести и примирился, по крайней мере внешне, со своим коллегой, и вскоре после этого возобновил свои лекции в университете. [143]

КОНФЕРЕНЦИЯ МЕЖДУ ЛЮТЕРОМ И ПРОРОКАМИ.

Когда Лютер вернулся, главных пророков в Виттемберге не было. Николас Сторч странствовал по стране; Марк Стабнер покинул гостеприимный кров Меланхтона. Возможно, их пророческий дух исчез, и у них не было *ни голоса, ни ответа*, [144], как только они узнали, что новый Илия направляет свои стопы к этому новому Кармилу. Остался только старый школьный учитель Целлариус. Однако Стабнер, узнав, что овцы из его загона разбежались, поспешно вернулся. Те, кто все еще был верен "небесному пророчеству", собрались вокруг своего учителя, рассказали ему о речах Лютера и с тревогой спросили его, что им следует думать и делать. [145] Стабнер призвал их оставаться твердыми в своей вере. "Пусть он появится, — воскликнул Целлариус, - пусть он согласится с нами на совещание, пусть он только позволит нам изложить нашу доктрину, и тогда мы увидим..."

ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА —ВАЖНОСТЬ И РЕЗУЛЬТАТЫ.

Лютера мало интересовали встречи с подобными людьми; он знал, что они были вспыльчивыми, нетерпеливыми и надменными людьми, которые не могли вынести даже доброго увещания и требовали, чтобы каждый подчинялся по первому слову, как верховному авторитету. [146] Такие энтузиасты есть во все века. И все же, поскольку они желали интервью, доктор не мог отказать им. Кроме того, это могло бы принести пользу слабым членам паствы, если бы он разоблачил обман пророков. Конференция состоялась. Стабнер открыл заседание,

объяснив, каким образом он желает возродить Церковь и преобразовать мир. Лютер слушал его с большим спокойствием. [147] "Ничто из того, что вы выдвинули, - наконец серьезно ответил он, - не основано на Священном Писании.— Все это просто басня". При этих словах Целлариус больше не мог сдерживаться; он повысил голос, жестикулировал, как сумасшедший, топнул ногой и ударил кулаком по столу, [148] и в гневе воскликнул, что так разговаривать с человеком Божиим - оскорбление. На это Лютер заметил: "Св. Павел заявляет, что доказательства его апостольства были явлены чудесами; докажите и ваше подобным образом". — "Мы так и сделаем", - ответили пророки. [149] "Бог, которому я поклоняюсь, - сказал Лютер, - будет знать, как обуздать ваших богов". Стабнер, сохранявший спокойствие, затем устремил взгляд на реформатора и сказал ему с вдохновенным видом: "Мартин Лютер! Я расскажу о том, что сейчас происходит в твоей душе.....Ты начинаешь верить, что мое учение истинно". Лютер после короткой паузы воскликнул: "Да покарает тебя Бог, сатана!" При этих словах все пророки как будто растерялись. "Дух, Дух!" - закричали они. Лютер, приняв тот холодный презрительный тон, резкий и домашний язык, который был так знаком ему, сказал: "Я бью твоего духа по морде". [150] Их крики теперь усилились; Целлариус, в частности, отличился своей жестокостью. Он покрылся пеной и задрожал от гнева. [151] Они не могли слышать друг друга в комнате, где собрались на конференцию. В конце концов, три пророка оставили поле деятельности и в тот же день покинули Виттемберг.

Таким образом, Лютер выполнил работу, ради которой он покинул свое убежище. Он выступил против фанатизма и изгнал из лона обновленной Церкви энтузиазм и беспорядок, которыми она была охвачена. Если одной рукой Реформация отбросила пыльные декреты Рима, то другой она отвергла предположения мистиков и утвердила на завоеванной ею почве живое и неизменное Слово Божье. Таким образом, характер Реформации был твердо определен. Ему было суждено вечно блуждать между этими двумя крайностями, одинаково далекому от конвульсий фанатиков и подобного смерти оцепенения папства.

Все население, возбужденное, введенное в заблуждение и необузданное, сразу стало спокойным и покоряющимся; и совершенная тишина снова воцарилась в этом городе, который несколько дней назад был подобен беспокойному морю.

В Виттемберге немедленно установилась совершенная свобода. Лютер все еще продолжал жить в монастыре и носить монашеское платье; но каждый был волен поступать иначе. При общении за столом Господним было достаточно общего отпущения грехов или могло быть получено конкретное. В качестве принципа было установлено не отвергать ничего, кроме того, что противоречит ясному и формальному изложению Священного Писания. [152] Таким образом, религия была восстановлена к тому, что составляет саму ее суть; религиозное чувство вышло из вспомогательных форм, в которых оно почти погибло, и вернулось к своей истинной основе. Таким образом, Реформация была спасена, а ее учение дало возможность продолжить свое развитие в лоне Церкви в милосердии и истине.

ГЛАВА IX.

Перевод Нового Завета—Вера и Священное Писание—Оппозиция—Важность этой публикации—Необходимость систематизации—Locī Communes Меланхтона—Первородный грех—Спасение—Свобода воли—Последствия Locī Communes.

ПЕРЕВОД НОВОГО ЗАВЕТА.

Едва установилось спокойствие, когда реформатор обратился к своему дорогому Меланхтону и попросил его помощи в окончательной редакции Нового Завета, который он привез с собой из Вартбурга. [153] Еще в 1519 году Меланхтон изложил великий принцип, согласно которому Отцы должны быть объяснены в соответствии с Писанием, а не Писание в соответствии с Отцами.

[154] С каждым днем все глубже размышляя над книгами Нового Завета, он чувствовал себя одновременно очарованным их простотой и впечатленным их глубиной. "Только там мы можем найти истинную пищу для души", - смело утверждал этот человек, столь знакомый со всей философией древних. Соответственно, он с готовностью откликнулся на приглашение Лютера; и с того времени два друга провели вместе много долгих часов, изучая и переводя вдохновенное Слово. Часто они останавливались в своих кропотливых исследованиях, чтобы дать выход своему восхищению. Однажды Лютер сказал: "Разум думает, о! если бы я мог однажды услышать, как говорит Бог! Я бы пробежал с одного конца света до другого, чтобы услышать его..... Тогда слушай, мой брат мужчина! Бог, Творец небес и земли, говорит с тобой".

ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕВОДА—ИЗДАНИЯ.

Печатание Нового Завета велось с беспримерным рвением. [155] Можно было бы сказать, что сами рабочие чувствовали важность задачи, которой они занимались. Для этой работы использовались три станка, и, по словам Лютера, ежедневно печаталось десять тысяч листов. [156]

Наконец, 21 сентября 1522 года появилось полное издание тиражом в три тысячи экземпляров, в двух томах—фолиантах, с таким простым названием: Новый Завет—немецкий-Виттембергский. На нем не было имени человека. Отныне каждый немец мог получать Слово Божье по умеренной цене. [157]

Новый перевод, написанный в тон священным писаниям, на языке, еще не утратившем своей юношеской силы, и который впервые продемонстрировал свою великую красоту, заинтересовал, очаровал и тронул как низшие, так и высшие чины. Это был национальный труд, книга народа; более того — это была настоящая Книга Бога. Даже оппоненты не могли отказаться от одобрения этого замечательного произведения, а некоторые нескромные друзья реформатора, впечатленные красотой перевода, вообразили, что могут распознать в нем второе вдохновение. Эта версия послужила распространению христианского благочестия больше, чем все сочинения Лютера. Таким образом, труд шестнадцатого века был поставлен на фундамент, который ничто не могло поколебать. Библия, данная людям, напомнила разум человека, веками блуждавший в извилистом лабиринте схоластики, к Божественному источнику спасения. Соответственно, успех этой работы был ошеломляющим. За короткое время был продан каждый экземпляр. Второе издание вышло в декабре месяце; и в 1533 году семнадцать изданий было напечатано в Виттемберге, тринадцать - в Аугсбурге, двенадцать - в Базеле, одно - в Эрфурте, одно - в Гримме, одно - в Лейпциге и тринадцать - в Страсбурге. [158] Таковы были мощные рычаги, которые возвысили и преобразили Церковь и мир.

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ И ВЕРА.

В то время как первое издание Нового Завета выходило из печати, Лютер предпринял перевод Ветхого Завета. Этот труд, начатый в 1522 году, продолжался без перерыва. Он публиковал этот перевод по частям по мере того, как они были закончены, чтобы быстрее удовлетворить нетерпение публики и дать возможность бедным приобрести книгу.

Из Священного Писания и веры, двух источников, которые на самом деле являются всего лишь одним, происходила Евангельская жизнь и все еще распространяется по миру. Эти два принципа боролись с двумя фундаментальными ошибками. Вера была противопоставлена пелагианской тенденции римско-католицизма; Священное Писание - теории традиции и авторитету Рима. Писание привело человека к вере, а вера привела его обратно к Писанию. "Человек не может совершать достойного труда; только бесплатная благодать Божья, которую он получает по вере во Христа, спасает его". Таково было учение, провозглашенное в христианском мире. Но эта доктрина не могла не побудить христианский мир к изучению Священного Писания. По правде говоря, если вера во Христа - это все в христианстве, если обычаи и таинства Церкви - ничто, то мы должны придерживаться не учения Церкви, а учения Христа. Узы, которые соединяют со Христом, станут всем для верующего. Какое значение для него имеет внешняя ниточка, соединяющая его с внешней церковью, поработенной мнениями людей?..... Таким образом, как библейское учение побудило современников Лютера обратиться к Иисусу Христу, так, в свою очередь, любовь, которую они испытывали к Иисусу Христу, побудила их обратиться к Библии. Они вернулись к Писанию не из философских соображений, или вследствие сомнений, или из необходимости исследования, как принято считать в наши дни; это было потому, что они нашли там Слово Того, Кого они любили. "Вы проповедовали нам Христа, - сказали они реформатору, - давайте теперь послушаем его самого". И они схватили страницы, которые были разложены перед ними, как письмо, пришедшее с небес.

ОППОЗИЦИЯ —НОВЫЙ ЗАВЕТ СОЖЖЕН.

Но если Библия была с радостью принята теми, кто любил Христа, то те, кто предпочитал человеческие традиции и обряды, с презрением отвергли ее. Против этого труда реформатора было развернуто жестокое преследование. При известии о публикации Лютера Рим содрогнулся. Перо, которым были переписаны священные оракулы, на самом деле было тем самым пером, которое Фридрих видел во сне и которое, достигнув Семи Холмов, потрясло тиару папства. [159] Монах в своей келье, принц на своем троне издали крик гнева. Невежественные священники содрогались при мысли о том, что каждый гражданин, нет, каждый крестьянин, теперь сможет спорить с ними о заповедях нашего Господа. Король Англии донес на эту работу курфюрсту Фридриху и герцогу Георгу Саксонскому. Но уже в ноябре герцог приказал своим подданным передать все экземпляры Нового Завета Лютера в руки магистратов. Бавария, Бранденбург, Австрия и все государства, преданные Риму, опубликовали аналогичные указы. В некоторых местах они разжигали кощунственные костры из этих священных книг в общественных местах. [160] Так Рим в шестнадцатом веке возобновил усилия, с помощью которых язычество пыталось уничтожить религию Иисуса Христа, в тот момент, когда власть ускользала от священников и их идолов. Но кто может остановить триумфальный прогресс Евангелия? "Даже после моего запрета, - писал герцог Георг, - в моих штатах было продано и прочитано много тысяч экземпляров".

Бог даже использовал для распространения своего Слова те руки, которые пытались уничтожить его. Теологи-романисты, видя, что они не могут запретить работу реформатора, опубликовали перевод Нового Завета. Это была версия Лютера, кое-где измененная издателями. Не было никаких препятствий для того, чтобы его прочитали. Рим тогда еще не знал, что везде, где утверждается Слово Божье, там поколеблена его сила. Иоахим Бранденбургский разрешал всем своим подданным читать любой перевод Библии, на латыни или на немецком, при условии, что он не был сделан в Виттемберге. Таким образом, народ Германии, и в частности жители Бранденбурга, добились большого прогресса в познании истины.

ВАЖНОСТЬ ЭТОЙ ПУБЛИКАЦИИ.

Публикация Нового Завета на вульгарном языке - важная эпоха Реформации. Если женитьба Фельдкирхена была первым шагом на пути преобразования доктрины в общественную жизнь; если отмена монашеских обетов была вторым; если восстановление Вечери Господней было третьим, то публикация Нового Завета была, возможно, самой важной из всех. Это произвело кардинальные изменения в обществе: не только в доме священника, в монашеской келье и в святилище Господа Нашего; но и в особняках знати, в домах горожан и хижинах крестьян. Когда Библию начали читать в семьях христианского мира, изменился сам христианский мир. Тогда возникли другие привычки, другие манеры, другие разговоры и другая жизнь. С публикацией Нового Завета Реформация покинула Школу и Церковь, чтобы завладеть очагами народа.

Произведенный эффект был огромен. Христианство первоначальной Церкви, извлеченное публикацией Священного Писания из забвения веков, в которых оно пребывало, было таким образом представлено перед глазами нации; и этого взгляда было достаточно, чтобы оправдать нападки, которые были предприняты против Рима. Самые простые люди, при условии, что они умели читать, женщины, механики (наш информатор - современник и яростный противник Реформации) жадно изучали Новый Завет. [161] Они повсюду носили ее с собой; вскоре они выучили ее наизусть, и страницы этой книги громко провозглашали совершенное единение реформации Лютера с Божественным откровением.

И все же до сих пор доктрина Библии и Реформации излагалась лишь фрагментами. Определенная истина была выдвинута в одном сочинении; определенная ошибка подверглась критике в другом. На одной обширной равнине были разбросаны и перепутаны руины старого здания и материалы для строительства нового: но нового здания не хватало. Публикация Нового Завета, несомненно, удовлетворила эту потребность. Реформация могла бы сказать, дав эту книгу: вот моя система! Но поскольку каждый человек волен утверждать, что его система - это система Библии, Реформация была призвана упорядочить то, что она нашла в Священном Писании. И это Меланхтон теперь делал от своего имени.

ОБЩИЕ МЕСТА МЕЛАНХТОНА.

Он продвигался регулярными, но уверенными шагами в развитии своей теологии и время от времени публиковал результаты своих исследований. До этого, в 1520 году, он заявил, что в нескольких из семи таинств он не видит ничего, кроме имитации еврейских церемоний, а в непогрешимости папы римского - высокомерной самонадеянности, в равной степени противоречащей Священному Писанию и здравому смыслу. "Чтобы противостоять этим доктринам, - сказал он, - нам нужен не один Геркулес". [162] Таким образом, Меланхтон достиг

той же точки, что и Лютер, хотя и более спокойным и научным путем. Пришло время, когда он, в свою очередь, должен был исповедать свою веру.

В 1521 году, во время пленения Лютера, знаменитый труд Меланхтона "*Об общих местах теологии*" представил христианской Европе свод доктрин, имеющих прочную основу и замечательные пропорции. Простое и величественное единство предстало перед изумленными глазами нового поколения. Перевод Завета оправдывал Реформацию в глазах народа; *Общие места* Меланхтона оправдывали ее в глазах ученых.

Церковь существовала пятнадцать веков и никогда не видела подобной работы. Отказавшись от обычного развития схоластического богословия, друг Лютера, наконец, дал миру теологическую систему, основанную исключительно на Священном Писании. В нем царили дыхание жизни, живость понимания, сила убеждения и простота изложения, составлявшие разительный контраст с утонченными и педантичными системами школ. Самые философские умы, так же как и самые строгие теологи, были в равной степени преисполнены восхищения.

Эразм озаглавил эту работу "чудесная армия, выстроенная в боевой порядок против тиранических батальонов лжедокторов"; [163] и хотя он признал свое несогласие с автором по нескольким пунктам, он добавил, что, хотя он всегда любил его, он никогда не любил его так сильно, как после прочтения этой работы. "Это настолько верно, - сказал Кальвин, представляя это впоследствии Франции, - что величайшая простота является величайшей добродетелью в трактовке христианского учения". [164]

ПЕРВОРОДНЫЙ ГРЕХ.

Но никто не испытывал такой радости, как Лютер. На протяжении всей жизни эта работа была объектом его восхищения. Бессвязные звуки, которые его рука в глубоком душевном волнении извлекала из арфы пророков и апостолов, здесь слились в одну чарующую гармонию. Эти разбросанные камни, которые он кропотливо вытесал из каменоломен Священного Писания, теперь были соединены в величественное здание. Поэтому он никогда не переставал рекомендовать изучение этого труда молодежи, приезжавшей в Виттемберг в поисках знаний: "Если вы хотите стать теологами, - говорил он, - прочтите Меланхтона". [165]

Согласно Меланхтону, глубокое убеждение в жалком состоянии, до которого человек доведен грехом, является фундаментом, на котором должно быть воздвигнуто здание христианского богословия. Это универсальное зло является основным фактом, ведущей идеей, на которой основана наука; это характеристика, отличающая теологию от тех наук, единственным инструментом которых является разум.

СПАСЕНИЕ — СВОБОДНАЯ ВОЛЯ.

Христианское божество, проникающее в сердце человека, объясняет его законы и таинственную привлекательность, как другой философ спустя годы объяснял законы и притяжение тел. "Первородный грех, - сказал он, - это врожденная склонность, определенный импульс, который нам приятен, определенная сила, ведущая нас ко греху, и которая была передана Адамом всему его потомству. Как в огне есть природная энергия, побуждающая его подниматься ввысь, как в магните есть естественное качество, благодаря которому притягивается железо; так и в человеке есть примитивная сила, которая склоняет его ко злу. Я допускаю, что в Сократе, Ксенократе и Зеноне были обнаружены умеренность, твердость и

целомудрие; эти тени добродетелей были обнаружены в нечистых сердцах и возникли из себялюбия. Вот почему мы должны рассматривать их не как настоящие добродетели, а как пороки". [166] Этот язык может показаться грубым, но это не так, если мы правильно понимаем смысл слов Меланхтон. Никто так не желал, как он сам, признавать в язычниках добродетели, которые давали им право на уважение человека; но он изложил эту великую истину, что высший закон, данный Богом всем своим созданиям, состоит в том, чтобы любить его превыше всего. Итак, если человек, исполняя то, что повелевает Бог, делает это не из любви к Богу, а из любви к себе, может ли Бог принять его за то, что он осмелился заменить себя Его бесконечным Величием? и не может ли быть греховности в действии, которое является явным бунтом против верховного Божества?

Затем виттембергский богослов продолжает показывать, как человек спасается от этого несчастья. "Апостол! - сказал он, - приглашает тебя созерцать Сына Божьего, сидящего одесную Отца, посредничающего и ходатайствующего за нас; [167] и призывает тебя чувствовать уверенность в том, что твои грехи прощены тебе, что ты признан праведным и принят Отцом ради того Сына, который пострадал за нас на кресте".

ЭФФЕКТ ОБЩИХ МЕСТ.

Первое издание *Общих мест* особенно примечательно тем, как немецкий теолог говорит о свободе воли. Возможно, он видел яснее, чем Лютер, поскольку был лучшим богословом, чем он, что это учение неотделимо от того, что составляло саму суть Реформации. Оправдание человека перед Богом исходит только из веры: это первый пункт. Эта вера входит в сердце человека только по милости Божьей: вот второй пункт. Меланхтон ясно видел, что если бы он допустил, что у человека есть какая-либо естественная способность верить, он бы опроверг во втором пункте то великое учение о благодати, которое он изложил в первом. Он обладал слишком большой проницательностью и пониманием Священного Писания, чтобы ошибиться в столь важном вопросе. Но он зашел слишком далеко. Вместо того чтобы ограничивать себя рамками религиозного вопроса, он занялся метафизикой. Он основал фатализм, который мог бы представлять Бога как творца зла, — доктрину, не имеющую основания в Священном Писании. "Поскольку все происходящее, - сказал он, - происходит неизбежно, в соответствии с Божественным предопределением, в нашей воле нет такого понятия, как свобода". [168]

Но цель, которую Меланхтон имел в виду, заключалась в том, чтобы представить теологию как систему благочестия. Схоласты настолько иссушили учение, что не оставили в нем и следа жизненности. Поэтому задачей Реформации было возродить это безжизненное учение. В последующих изданиях Меланхтон почувствовал необходимость изложить эти доктрины с большей ясностью. [169] Но в 1521 году все было не совсем так. "Познать Христа, - сказал он, - значит познать его благословения. [170] Павел в своем послании к Римлянам, желая дать краткое изложение христианских доктрин, не философствует о тайне Троицы, о способе воплощения, об активном или пассивном творении; о чем же тогда он говорит? — о законе, о грехе, — о благодати. От этого зависит наше познание Христа".

Публикация этого свода богословских трудов имела неоценимую ценность для дела истины. Клевета была опровергнута; предрассудки сметены. В церквях, дворцах и университетах гений Меланхтона находил почитателей, которые ценили достоинства его характера. Даже те, кто не знал автора, были привлечены его книгой к его кредо. Грубость и временами яростный язык Лютера часто отталкивал многих. Но перед нами был человек, который объяснял те

могущественные истины, внезапный взрыв которых потряс мир, с большой элегантностью стиля, изысканным вкусом, восхитительной проницательностью и совершенным порядком. Работа пользовалась спросом, ее жадно читали и с увлечением изучали. Такая мягкость и умеренность покорили все сердца. Такое благородство и сила вызывали у них уважение, и высшие классы общества, до сих пор не определившиеся, были покорены мудростью, которая использовала такой прекрасный язык.

С другой стороны, противники истины, которых страшные удары Лютера еще не смирили, некоторое время хранили молчание и были сбиты с толку появлением трактата Меланхтона. Они увидели, что есть другой человек, столь же достойный их ненависти, как и сам Лютер. "Увы! - восклицали они, - несчастная Германия! до какой крайности доведет тебя это новое рождение!" [171]

Между 1521 и 1595 годами "*Общие места*" выдержали шестьдесят семь изданий, не включая переводы. После Библии это книга, которая, возможно, внесла наибольший вклад в становление евангельской доктрины.

ГЛАВА X.

Оппозиция—Генрих VIII.—Вулси—Королева—Фишер—Томас Мор—Сожженные книги Лютера—Нападение Генриха на Лютера—Представлено Папе Римскому— Это повлияло на Лютера—Энергия и насилие—Ответ Лютера—Ответ епископа Рочестерского—Ответ Томаса Мора—Слушания Генри.

В то время как "грамматик" Меланхтон этими нежными звуками оказывал мощную поддержку Лютеру, авторитетные люди, враги реформатора, яростно ополчались против него. Он бежал из Вартбурга и снова появился на мировой арене; и при этом известии гнев его бывших противников возродился.

ГЕНРИХ ВОСЬМОЙ—ВУЛСИ.

Лютер пробыл в Виттемберге три с половиной месяца, когда слух, усиленный тысячью слухов, принес известие о том, что один из величайших королей христианского мира восстал против него. Генрих VIII, глава дома Тюдоров, принц, происходивший из семейств Йорков и Ланкастеров, в лице которого после стольких кровопролитий алая и белая розы наконец объединились, могущественный король Англии, претендовавший на восстановление на континенте, и особенно во Франции, бывшего влияния своей короны, только что написал книгу против бедного монаха из Виттемберга. "Существует много хвастовства по поводу небольшой книги английского короля", - писал Лютер Ланге 26 июня 1522 года. [172]

Генри тогда был тридцать один год; "он был высоким, крепко сложенным и пропорционально сложенным, от него веяло властью и империей". [173] Его лицо выражало живость его ума; пылкий, желающий все уступить буйству своих страстей и жаждущий славы, он поначалу скрывал свои недостатки под некоторой порывистостью, свойственной молодости, и льстецы не желали поощрять их. Он часто посещал в компании со своими придворными дом своего капеллана Томаса Вулси, сына ипсвичского мясника. Наделенный большим искусством,

чрезмерным честолюбием и безграничной дерзостью, этот человек, находившийся под покровительством епископа Винчестерского, канцлера королевства, быстро завоевал расположение своего господина и заманил его в свою резиденцию соблазнами удовольствий и беспорядков, которым молодой принц не отважился бы предаваться в собственном дворце. Это записано Полидором Вергилием, в то время папским субколлектором в Англии. [174] На этих развратных собраниях капеллан превзошел в распущенности молодых придворных, посещавших Генриха VIII. Забыв о приличиях, подходящих служителю Церкви, он пел, танцевал, смеялся, валял дурака, фехтовал и предавался непристойным разговорам. [175] Таким образом ему удалось занять первое место в королевских советах, и, как единоличный министр, все князья христианского мира были вынуждены купить его благосклонность.

ДВОР ГЕНРИХА—КОРОЛЕВА ЕКАТЕРИНА.

Генрих жил среди балов, банкетов и рыцарских турниров и безумно растрачивал сокровища, которые медленно накапливал его отец. Великолепные турниры следовали один за другим без перерыва. В этих забавах главную роль играл король, который выделялся среди всех сражающихся своей мужественной красотой. [176] Если состязание на мгновение казалось сомнительным, сила и ловкость молодого монарха или хитрая политика его противников обеспечивали ему победу, и ристалище оглашалось криками и аплодисментами в его честь. Тщеславие юного принца было раздуто этими легкими победами, и в мире не было успеха, к которому, как он думал, он не мог бы стремиться. Королеву часто видели среди зрителей. Ее серьезные черты и печальный взгляд, отсутствующий и удрученный вид сильно контрастировали с шумом и блеском этих празднеств. Вскоре после восшествия на престол Генриха VIII. женился по государственным соображениям на Екатерине Арагонской, которая была старше его на восемь лет: она была вдовой его брата Артура и тетей Карла V. В то время как ее муж предавался своим удовольствиям, добродетельная Екатерина, чье благочестие было истинно испанским, вставала с постели посреди ночи, чтобы принять молчаливое участие в молитвах монахов. [177] Она становилась на колени без подушки или ковра. В пять утра, немного отдохнув, она снова вставала и надевала францисканское платье, поскольку была принята в высший орден Святого Франциска, и поспешно набрасывала на себя королевские одежды, [178] в шесть часов отправлялась в церковь, чтобы присоединиться к службе.

ФИШЕР И НЕ ТОЛЬКО.

Два существа, живущие в таких разных сферах, не могли долго существовать вместе.

Римское благочестие имело и других представителей, помимо Екатерины, при дворе Генриха VIII. Джон Фишер, епископ Рочестерский, которому тогда было почти семьдесят лет, отличавшийся как ученостью, так и строгостью манер, был объектом всеобщего почитания. Он был старейшим советником Генриха VII, и герцогиня Ричмондская, бабушка Генриха VIII, призвав его к своей постели, поручила его заботам молодость и неопытность своего внука. Король, несмотря на свои нарушения, долгое время продолжал почитать престарелого епископа как отца.

Человек намного моложе Фишера, непрофессионал и юрист, до этого привлекал всеобщее внимание своим гением и благородным характером. Его звали Томас Мор, он был сыном одного из судей Королевской скамьи. Он был беден, строг и прилежен. В возрасте двадцати лет он попытался утолить юношеские страсти, надев рубашку из волосяной повязки и подвергнув себя

бичеванию. Однажды его вызвал Генрих VIII. когда он посещал мессу, он ответил, что служение Богу важнее служения королю. Вулси представил его Генриху, который нанимал его в различные посольства и проявил к нему много доброты. Он часто посылал за ним и беседовал с ним об астрономии, о Вулси и о богословии.

По правде говоря, сам король не был незнаком с римскими доктринами. Казалось бы, если бы Артур был жив, Генриху была уготована архиепископская кафедра Кентерберийская. Фома Аквинский [179], Святой Бонавентура, турниры, банкеты, Элизабет Блант и другие его любовницы — все смешалось в сознании и жизни этого принца, в часовне которого исполнялись мессы собственного сочинения.

КНИГИ ЛЮТЕРА СОЖЖЕНЫ.

Как только Генрих услышал разговоры о Лютере, он возмутился против него, и едва декрет Вормсского сейма стал известен в Англии, как он приказал привести в исполнение буллу понтифика, направленную против работ реформатора. [180] 12 мая 1521 года Томас Уолси, который вместе с должностью канцлера Англии объединил должности кардинала и римского легата, отправился торжественной процессией в собор Святого Павла. Этот человек, чья гордыня достигла высшей точки, считал себя равным королям. Он обычно сидел в золотом кресле, спал в золотой постели, а во время трапез на столе было расстелено покрывало из золотой скатерти. [181] В этом случае он проявил великое великолепие. Его приближенные, состоявшие из 800 человек, среди которых были бароны, рыцари и сыновья самых знатных семейств, которые надеялись, служа ему, получить государственную должность, окружали этого надменного прелата. Шелк и золото блестели не только на его одежде (он был первым священнослужителем, который осмелился одеваться так роскошно), [182] но даже на кожухах и сбруе лошадей. Впереди шел высокий священник, несущий серебряную колонну, увенчанную крестом; за ним другой священнослужитель такого же роста нес архиепископский посох Йорка; дворянин рядом с ним держал кардинальскую шляпу. [183] Лорды, прелаты, послы от папы и императора сопровождали его, за ними следовала длинная вереница мулов, везущих сундуки, покрытые самыми богатыми и блестящими драпировками. Именно эта великолепная процессия несла к горящей куче труды бедного монаха из Виттемберга. Когда они добрались до собора, наглый священник положил свою кардинальскую шапку на алтарь. Добродетельный епископ Рочестерский встал у подножия креста и взволнованным голосом искренне проповедовал против ереси. После этого нечестивые книги ересиарха были собраны и благочестиво сожжены в присутствии огромной толпы. Таково было первое известие, полученное Англией о Реформации.

КНИГА ГЕНРИ ПРОТИВ ЛЮТЕРА.

Генри на этом бы не остановился. Этот принц, чья рука всегда была поднята против его противников, его жен или его фаворитов, писал курфюрсту палатинскому: "Это дьявол, который с помощью Лютера разжег этот огромный пожар. Если Лютер не обратится, пусть он и его труды будут сожжены вместе!" [184]

Этого было недостаточно. Убедившись, что распространение ереси произошло из-за крайнего невежества немецких князей, Генрих решил, что настал момент продемонстрировать свою образованность. Победы, одержанные его боевым топором, не позволяли ему сомневаться в тех, что были прибереганы для его пера. Но другая страсть, тщеславие, всегда сильнее в

самых ничтожных умах, подстегивала короля идти вперед. Он был унижен тем, что не мог противопоставить свой титул "Католику" и "Самому христианскому", который носили короли Испании и Франции, и он уже давно просил аналогичного отличия у римского двора. Что могло бы с большей вероятностью обеспечить это, чем атака на ересь? Поэтому Генрих отбросил королевский пурпур и сошел со своего трона на арену теологических дискуссий. Он привлек к себе на службу Фому Аквинского, Питера Ломбарда, Александра Хейлза и Бонавентуру; и мир стал свидетелем публикации *"Защита семи таинств против Мартина Лютера" самого непобедимого короля Англии и Франции, лорда Ирландии, Генриха восьмого с таким именем.*

"Я брошусь перед Церковью, чтобы спасти ее, - сказал король Англии в этом трактате. - Я приму в свою грудь отравленные стрелы ее противников. [185] Нынешнее положение вещей призывает меня сделать это. Каждый слуга Христа, независимо от его возраста, пола или ранга, должен восстать против общего врага христианского мира. [186]

ПРЕЗРИТЕЛЬНЫЙ И ОСКОРБИТЕЛЬНЫЙ ЯЗЫК ГЕНРИ.

"Давайте наденем двойной нагрудник; небесный нагрудник, чтобы победить оружием истины того, кто сражается оружием заблуждения; но также и земной нагрудник, чтобы, если он проявит упорство в своей злобе, рука палача могла заставить его замолчать, и чтобы хотя бы однажды он мог быть полезен миру ужасным примером своей смерти". [187]

Генрих VIII. не смог скрыть презрения, которое испытывал к своему слабому противнику. "Этот человек, - сказал коронованный богослов, - похоже, испытывает родовые муки; после беспрецедентных родов он не производит ничего, кроме воздуха. [188] Снимите дерзкую оболочку с наглого словоблудия, которым он облекает свои абсурды, подобно обезьяне, облаченной в пурпур, и что останется?..... жалкий и пустой софизм".

Король последовательно защищает мессу, епитимью, конфирмацию, брак, распоряжения и чрезвычайное соборование; он не жалеет бранных выражений по отношению к своему оппоненту; он называет его по очереди адским волком, ядовитой гадюкой, конечностью дьявола. Даже искренность Лютера подвергается нападкам. Генрих VIII. сокрушает нищенствующего монаха своим царственным гневом, "и пишет, как твир, своим скипетром", - говорит историк. [189]

И все же следует признать, что его работа была неплохой, учитывая автора и его возраст. Стиль не совсем лишен силы; но публика того времени не ограничилась тем, что отдала ему должное. Богословский трактат могущественного короля Англии был встречен потоком лести. "Самая ученая работа, которую когда-либо видело солнце", - восклицали некоторые. [190]— "Мы можем только сравнить это, - вторили другие, - с работами Августина. Он Константин, Карл Великий!" — "Он больше, - говорили другие, - он второй Соломон!"

ВЛИЯНИЕ НА ЛЮТЕРА.

Эта лесь вскоре распространилась за пределы Англии. Генрих пожелал, чтобы Джон Кларк, виндзорский настоятель, его посол в Риме, подарил свою книгу суверенному понтифику. Лев X принял посланника в полном составе. Кларк положил перед собой королевскую работу, сказав: "Король, мой учитель, заверяет вас, что, опровергнув ошибки Лютера пером, он готов сразиться со своими приверженцами мечом". Лев, тронутый этим обещанием, ответил, что книга короля

не могла быть написана без помощи Святого Духа, и присвоил Генриху титул *Защитника веры*, который до сих пор носят монархи Англии.

Прием, который этот том встретил в Риме, во многом способствовал увеличению числа его читателей. За несколько месяцев из разных издательств было выпущено много тысяч экземпляров. [191] "Весь христианский мир, - говорит Коклюш, - был полон восхищения и радости". [192]

Такие экстравагантные панегирики усиливали невыносимое тщеславие этого вождя Тюдоров. Сам он, казалось, не сомневался, что был вдохновлен Святым Духом. [193] С этого времени он не потерпит никаких противоречий. Его папство находилось уже не в Риме, а в Гринвиче; непогрешимость лежала на его плечах: в последующий период это внесло большой вклад в реформацию Англии.

ЖЕСТОКОСТЬ И ЭНЕРГИЯ ЛЮТЕРА.

Лютер читал книгу Генри с улыбкой, смешанной с презрением, нетерпением и негодованием. Ложь и оскорбления, которые в нем содержались, но особенно напускной вид презрения и сострадания, который напускал на себя король, в высшей степени разозлили виттембергского врача. Мысль о том, что папа увенчал это дело и что враги Евангелия со всех сторон торжествуют над Реформацией, а реформатор уже свергнут и побежден, усилила его негодование. Кроме того, какая у него была причина медлить? Разве он не сражался за Царя, более великого, чем все цари земли? Кротость Евангелия казалась ему несвоевременной. Око за око, зуб за зуб. Он перешел все границы. Преследуемый, оскорбленный, загнанный, раненый, разъяренный лев развернулся и гордо поднялся, чтобы сокрушить своего врага. Курфюрст, Спалатин, Меланхтон и Бугенхаген тщетно пытались успокоить его. Они бы помешали ему ответить, но ничто не могло остановить его. "Я не буду мягок с королем Англии", - сказал он. "Я знаю, что с моей стороны напрасно унижаться, уступать, умолять, пробовать мирные методы. Наконец я покажу себя еще более ужасным по отношению к этим разъяренным зверям, которые каждый день наставляют на меня свои рога. Я обращаю на них свои. Я буду провоцировать сатану до тех пор, пока он не упадет бездыханным и измученным. [194] Если этот еретик не отречется, говорит Генрих VIII. новый Фома, он должен быть сожжен заживо! Таково оружие, которое они сейчас используют против меня: ярость глупых ослов и свиней из потомства Фомы Аквинского, а затем и костер. [195] Что ж, пусть будет так! Пусть эти свиньи наступают, если осмелятся, и пусть они сожгут меня! Я жду их здесь. После моей смерти, хотя мой прах должен быть выброшен в тысячу морей, он поднимется, будет преследовать и поглотит это отвратительное стадо. Живой, я буду врагом папства; сожженный, я стану его разрушителем. Тогда иди, свинья из Сент-Томаса, делай то, что тебе кажется хорошим. Вы когда-нибудь встретите Лютера, как медведя на вашем пути, и как льва на вашем пути. Он набросится на вас, куда бы вы ни пошли, и никогда не оставит вас в покое, пока не разобьет ваши железные головы и не сотрет в пыль ваши медные лбы".

Сначала Лютер упрекает Генриха VIII. в том, что он поддерживал свои доктрины исключительно указами и мнениями людей. "Что касается меня, - говорит он, - я не перестану взывать к Евангелию, Евангелию! Христос, Христос! — А мои противники продолжают отвечать: Обычай, обычай! Постановления, постановления! Отцы, отцы! — Апостол Павел говорит: *Да не уповает вера ваша на мудрость человеческую, но на силу Божию* (1 Кор. ii. 5). И апостол этим ударом грома с небес низвергает и рассеивает, как ветер развеивает пыль, всех хобгоблинов этого

Генри. Напуганные и сбитые с толку, эти томисты, паписты и генрихи падают ниц перед громом этих слов". [196]

СЛОВО БОЖЬЕ, А НЕ СЛОВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ.

Затем он подробно опровергает книгу короля и опровергает его аргументы один за другим с пронизательностью, духом и знанием Священного Писания и истории Церкви, но также с уверенностью, презрением, а иногда и жестокостью, которые не должны нас удивлять.

Дойдя до конца своего опровержения, Лютер снова приходит в негодование по поводу того, что его оппонент черпал свои аргументы только из Отцов Церкви: это было основой всего спора. "Всем словам Отцов и людей, ангелов и дьяволов, - сказал он, - я противопоставляю не старые обычаи, не множество людей, но Слово Вечного Величия — Евангелие, которое вынуждены признать даже мои противники. Этого я твердо придерживаюсь, на этом я отдыхаю, этим я хваюсь, в этом я ликую и торжествую над папистами, томистами, генрихами, софистами и всеми свиньями ада. [197] Царь небесный со мной; по этой причине я ничего не боюсь, хотя бы тысяча августинцев, тысяча киприанов и тысяча тех церквей, которые защищает Генрих, восстали против меня. Ничтожно мало того, что я должен презирать и поносить царя земли, поскольку он сам не боится в своих писаниях хулить Царя небесного и осквернять Его святое имя самой наглой ложью". [198]

"Паписты! - воскликнул он в заключение. - Неужели вы никогда не прекратите свои праздные нападки? Делайте, что вам заблагорассудится. Тем не менее, перед тем Евангелием, которое я проповедую, должны предстать папы, епископы, священники, монахи, князья, дьяволы, смерть, грех и все, что не является Христом или во Христе". [199]

ОШИБКА ЛЮТЕРА—ОТВЕТ ФИШЕРА.

Так говорил бедный монах. Его жестокость, конечно, не может быть оправдана, если судить по правилу, к которому он сам апеллировал, — по Слову Божьему. Это даже нельзя оправдать ссылкой ни на грубость эпохи (поскольку Меланхтон умел соблюдать приличия в своих произведениях), ни на энергию его характера, поскольку, если эта энергия и оказала какое-либо влияние на его язык, страсть также проявилась сильнее. Тогда будет лучше, если мы осудим это. И все же, чтобы быть справедливыми, мы должны заметить, что в шестнадцатом веке это насилие не казалось таким странным, как могло бы показаться в наши дни. Ученые были тогда таким же сословием, как и принцы. Став писателем, Генрих напал на Лютера. Лютер ответил в соответствии с установленным законом в республике литературы, что мы должны учитывать истинность того, что сказано, а не качества того, кто это говорит. Добавим также, что когда тот же король выступил против папы, оскорбления, которые обрушили на него римские писатели и сам папа, намного превзошли все, что когда-либо говорил Лютер.

Кроме того, если Лютер назвал доктора Эка ослом, а Генриха VIII... будучи свиньей, он с негодованием отверг вмешательство светской власти; в то время как Экк писал диссертацию, доказывающую, что еретиков следует сжигать, а Генрих возводил эшафоты, чтобы соответствовать предписаниям канцлера Ингольштадта.

Велико было волнение при королевском дворе; Суррей, Вулси и толпа придворных прекратили празднества и пышные представления в Гринвиче, чтобы выразить свое возмущение оскорблениями и сарказмом. Достопочтенный епископ Рочестерский, который был рад видеть

молодого принца, ранее вверенного его попечению, сломавшего копье, защищая Церковь, был глубоко ранен нападением монаха. Он немедленно ответил на это. Его слова отчетливо характеризуют эпоху и Церковь. "Возьмите нам лисиц, маленьких лисиц, которые портят виноградные лозы, - говорит Христос в Песне Песней. Это учит нас, - сказал Фишер, - что мы должны уничтожать еретиков до того, как они вырастут большими. Теперь Лютер превратился в большую лису, такую старую, такую хитрую, что его очень трудно поймать. Что я говорю?..... лиса? Он бешеный пес, хищный волк, жестокий медведь; или, скорее, все эти животные в одном; ибо монстр включает в себя множество зверей внутри себя". [200]

ОТВЕТ ТОМАСА МОРА.

Томас Мор также спустился на арену, чтобы сразиться с монахом из Виттемберга. Хотя он был мирянином, его рвение против Реформации приравнялось к фанатизму, если оно даже не побуждало его к пролитию крови. Когда молодые дворяне берутся за защиту папства, их жестокость часто превосходит даже жестокость духовенства. "Преподобный брат, отец, пьяница, Лютер, беглец ордена Св. Августин, бесформенная вакханка обоих факультетов, необразованный доктор богословия". [201] В таких выражениях обратился к реформатору один из самых выдающихся людей своего времени. Затем он переходит к объяснению того, каким образом Лютер написал свою книгу против Генриха VIII.: "Он созвал своих товарищей и пожелал, чтобы они шли каждый своей дорогой и выслушивали всевозможные оскорбления и непристойности. Один часто посещал общественные экипажи и лодки, другой - бани и игорные дома, третий - таверны и цирюльни, четвертый - фабрики и публичные дома. Они записывали в свои таблички все самые дерзкие, грязные и позорные вещи, которые они слышали; и, принося обратно все эти мерзости и нечистоты, они сбрасывали их в ту грязную конуру, которая называется разумом Лютера. Если он откажется от своей лжи и клеветы, - продолжает Мор, - если он отложит в сторону свою глупость и свое безумие, если он проглотит свою собственную грязь [202]..... он найдет того, кто серьезно поговорит с ним. Но если он продолжит так, как начал, шутить, дразнить, дурачить, клеветать, извергать сточные канавы и выгребные ямы [203]..... пусть другие делают, что им заблагорассудится; что касается меня, я предпочел бы оставить маленького монаха наедине с его собственной яростью и грязью ". [204] Мору было бы лучше сдержаться. Лютер никогда не унижал свой стиль до такой низкой степени. Он ничего не ответил.

ГЕНРИХ КУРФЮРСТУ И ГЕРЦОГАМ САКСОНСКИМ.

Это письмо еще больше усилило привязанность Генри к Мору. Он часто навещал его в его скромном жилище в Челси. После обеда король, опираясь на плечо своей фаворитки, прогуливался по саду, в то время как госпожа Мор и ее дети, спрятавшись за окном, не могли отвести изумленных глаз. После одной из таких прогулок Мор, хорошо знавший своего мужа, сказал своей жене: "Если бы моя голова могла завоевать ему хоть один замок во Франции, он бы, не колеблясь, отрубил ее".

Королю, которого таким образом защищали епископ Рочестерский и его будущий канцлер, не было необходимости братья за перо. Сбитый с толку тем, что перед лицом Европы к нему относились как к обычному писателю, Генрих VIII отказался от опасной позиции, которую он занял, и, отбросив перо теолога, обратился к более действенным средствам дипломатии.

От Гринвичского двора был отправлен посол с письмом для курфюрста и герцогов Саксонии. "Лютер, настоящий змей, упавший с небес, - писал он, - изливает свои потоки яда на землю. Он разжигает бунты в Церкви Иисуса Христа, отменяет законы, оскорбляет власть имущих, настраивает мирян против священников, мирян и священников против папы римского, подданных против своих государей, и ничего так не желает, как видеть, как христиане сражаются и уничтожают друг друга, а враги нашей веры приветствуют эту сцену резни с ужасающей ухмылкой. [205]

Что же это за учение, которое он называет евангелическим, если оно не принадлежит Уиклиффу? Итак, почтеннейшие дяди, я знаю, что сделали ваши предки, чтобы разрушить его. В Богемии они выслеживали его, как дикого зверя, и, загнав в яму, запирали и держали крепко. Вы не позволите ему ускользнуть из-за вашей небрежности, иначе, проникнув в Саксонию и став хозяином всей Германии, его дымящиеся ноздри извергнут адское пламя, распространяя повсюду тот пожар, который ваша нация так часто желала погасить своей кровью. [206]

ОБЩЕЕ ДВИЖЕНИЕ.

"По этой причине, достойнейшие князья, я чувствую себя обязанным увещевать вас и даже умолять во имя всего самого святого немедленно покончить с проклятой сектой Лютера: никого не предавайте смерти, если этого можно избежать; но если это еретическое упорство продолжится, тогда проливайте кровь без колебаний, чтобы отвратительная ересь исчезла из-под небес". [207]

Курфюрст и его брат отправили короля на приближающийся совет. Таким образом, Генрих VIII. был далек от достижения своей цели. "Столь громкое имя, замешанное в споре, - сказал Пол Сарпи, - сделало его еще более любопытным и снискало всеобщее расположение к Лютеру, как это обычно бывает в боях и турнирах, где зрители всегда склоняются к более слабой стороне и получают удовольствие от преувеличения достоинств его действий". [208]

ГЛАВА XI

Общее движение—Монахи—Как продолжалась Реформация—Необразованный верующий—Старые и Новые врачи—Книгопечатание и литература—Книготорговля и кольпорт.

Происходило великое движение. Реформация, которая, как считалось, после Вормсского сейма была заключена вместе со своим первым учителем в узких покоях крепкого замка, разразилась во всех частях империи и, так сказать, по всему христианскому миру. Два класса, до сих пор смешанные воедино, теперь начинали разделяться; и сторонники монаха, единственной защитой которого был его язык, теперь бесстрашно выступили перед лицом слуг Карла V. и Льва X. Лютер едва покинул стены Вартбурга, папа отлучил от церкви всех его приверженцев, имперский сейм только что осудил его учение, князья пытались сокрушить его в большинстве германских государств, министры Рима своими яростными оскорблениями унижали его в глазах народа, другие государства Германии были вынуждены отказаться от него. Христианский мир призывал Германию принести в жертву человека, нападений которого они опасались даже на

расстоянии; и все же эта новая секта, немногочисленная, среди членов которой не было ни организации, ни уз союза, короче говоря, ничего, что концентрировало бы их общую силу, уже пугала обширное, древнее и могущественное владычество Рима энергией своей веры и быстротой своих завоеваний. Со всех сторон, как в первые теплые дни весны, семя прорастало из земли самопроизвольно и без усилий. Каждый день был отмечен какой-то новый прогресс. Отдельные люди, деревни, поселки, целые города присоединились к этому новому исповеданию имени Иисуса Христа. Было непримиримое сопротивление, были страшные преследования, но таинственная сила, которая гнала вперед всех этих людей, была непреодолима; и преследуемые, ускоряя свои шаги, проходя через изгнание, тюремное заключение и сожжение на костре, повсюду одерживали верх над своими преследователями.

МОНАХИ.

Монашеские ордена, которые Рим распространил по христианскому миру, подобно сети, предназначенной для ловли душ и удержания их в плену, были первыми, кто разорвал свои оковы и быстро распространил новое учение по всей Церкви. Августинцы Саксонии шли вместе с Лютером и испытали то внутреннее переживание Святого Слова, которое, предоставив их во владение самому Богу, свергло с престола Рим и его возвышенные воззрения. Но и в других монастырях ордена подобным же образом забрезжил евангельский свет. Иногда это были старики, которые, подобно Штаупицу, сохранили здравые доктрины истины посреди введенного в заблуждение христианского мира и которые теперь умоляли Бога позволить им уйти с миром, ибо их глаза узрели Его спасение. В другое время это были молодые люди, воспринявшие учение Лютера со свойственным их возрасту рвением. Монастыри августинцев в Нюрнберге, Оснабрюке, Диллингене, Ратисбоне, Страсбурге и Антверпене, а также монастыри в Гессене и Вюртемберге обратились к Иисусу Христу и своим мужеством вызвали гнев Рима.

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОНАХОВ.

Но это движение не ограничивалось только августинцами. Пылкие люди подражали им в монастырях других орденов, и, несмотря на крики монахов, которые не желали отказываться от своих плотских обрядов, несмотря на гнев, презрение, приговоры, дисциплину и тюремное заключение в монастыре, они бесстрашно возвышали свои голоса в защиту той святой и драгоценной истины, которую они наконец нашли после стольких мучительных поисков, такого отчаяния и сомнений и такой внутренней борьбы. В большинстве монастырей самые духовные, благочестивые и образованные монахи высказались за Реформацию. Во францисканском монастыре в Ульме Эберлин и Кеттенбах нападали на рабские труды монашества и суеверные обряды Церкви с красноречием, способным тронуть всю нацию; они призывали к немедленному упразднению монастырей и домов, пользующихся дурной славой. Другой францисканец, Стивен Кемпе, проповедовал Евангелие в Гамбурге и в одиночку противостоял ненависти, зависти, угрозам, ловушкам и нападкам священников, которые были раздражены, видя, как толпа покидает свои алтари и с энтузиазмом стекается послушать его проповеди. [209]

Часто настоятели монастырей первыми вставали на путь реформ. В Хальберштадте, Нойенверке, Галле и Сагане настоятели подавали пример своим монахам или, по крайней мере, заявляли, что, если монах почувствует, что его совесть отягощена тяжестью монашеских обетов, они не только не удержат его в монастыре, но возьмут за плечи и выставят за дверь. [210]

КАК РЕФОРМАЦИЯ РАСПРОСТРАНИЛАСЬ СРЕДИ ЛЮДЕЙ.

Действительно, по всей Германии монахи снимали свои рясы и капюшоны у ворот монастырей. Некоторые были изгнаны насилием братьев или настоятелей; другие, с мягким и миролюбивым характером, больше не могли выносить постоянных споров, оскорблений, шума и ненависти, которые преследовали их даже во сне; большинство были убеждены, что монашеская жизнь противоречит воле Божьей и христианской жизни; некоторые пришли к этому убеждению постепенно; другие внезапно, прочитав отрывок из Библии. Лень, грубость, невежество и деградация, составлявшие саму природу нищенствующих орденов, внушали неопишное отвращение всем людям возвышенного ума, которые больше не могли поддерживать общество своих вульгарных товарищей. Однажды францисканец, совершавший обход, остановился со шкатулкой в руке, прося милостыню в кузнице кузнеца в Нюрнберге: "Почему, - сказал кузнец, - ты не зарабатываешь себе на хлеб трудом своих собственных рук?" При этих словах крепкий монах отбросил свой посох и, схватив молот, изо всех сил ударил им по наковальне. Беспольный нищенствующий стал честным работником. Его шкатулка и платье были отправлены обратно в монастырь. [211]

Монахи были не единственными, кто сплотился вокруг стандарта Евангелия; священники в еще большем количестве начали проповедовать новые доктрины. Но для ее распространения не требовались проповедники; она часто воздействовала на умы людей и пробуждала их от глубокого сна без того, чтобы кто-либо произнес хоть слово.

РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ РАЗМНОЖЕНИЯ.

Труды Лютера читались в городах и даже деревнях; по вечерам у камина школьный учитель часто читал их вслух внимательной аудитории. Некоторые из слушателей были тронуты их прочтением; они брали в руки Библию, чтобы развеять свои сомнения, и были поражены поразительным контрастом между христианством Библии и их собственным. Колеблясь между Римом и Священным Писанием, они вскоре нашли прибежище в этом живом Слове, которое проливалось такое новое и сладостное сияние на их сердца. Пока они были в таком состоянии, приходил какой-нибудь евангельский проповедник, вероятно, священник или монах. Он говорил красноречиво и убежденно; [212] он объявил, что Христос полностью искупил грехи своего народа; он продемонстрировал Священным Писанием тщету трудов и человеческих покаяний. Тогда вспыхивало ужасное сопротивление; духовенство, а иногда и магистраты напрягали все силы, чтобы вернуть души, которые они вот-вот потеряют. Но в новой проповеди была гармония с Писанием и скрытая сила, которая покорила все сердца и умиротворила даже самых непокорных. Рискнув своим имуществом и, если понадобится, собственной жизнью, они встали на сторону Евангелия и оставили безжизненных и фанатичных ораторов папства. [213] Иногда люди, разгневанные тем, что их так долго вводили в заблуждение, вынуждали их удалиться; чаще священники, покинутые своими стадами, без десятины или пожертвований, добровольно и в печали уходили искать средства к существованию в другом месте. [214] И в то время как сторонники древней иерархии возвращались из этих мест печальные и удрученные, а иногда и прощаясь со своими старыми стадами на языке анафемы, люди, преисполненные радости от мира и свободы, окружили новых проповедников аплодисментами и, жаждущие Слова Божьего, с триумфом проводили их в церковь и на кафедру. [215]

Слово силы, исходящее от Бога, в то время возрождало общество. Люди или их лидеры часто приглашали какого-нибудь человека, прославленного своей верой, прийти и просветить их; и тут же из любви к Евангелию он отказывался от своих интересов и своей семьи, своей страны и

друзей. [216] Преследования часто вынуждали сторонников Реформации покидать свои дома: они добирались до какого-нибудь места, о котором еще никто не знал; здесь они входили в дом, предлагавший убежище бедным путешественникам; там они говорили о Евангелии, читали главу внимательным слушателям и, возможно, по просьбе своих новых друзей получали разрешение однажды публично проповедовать в церкви.....При этом в городе поднимался огромный шум, и самые большие усилия были безрезультатны, чтобы его унять. [217] Если они не могли проповедовать в церкви, они находили какое-нибудь другое место. Каждое место становилось храмом. В Хузуме в Гольштейне Герман Таст, возвращавшийся из Виттемберга и перед которым приходское духовенство закрыло двери церкви, проповедовал перед огромной толпой на кладбище, в тени двух больших деревьев, недалеко от того места, где семь столетий назад Ансар проповедовал Евангелие язычникам. В Арнштадте Гаспар Гюттель, монах-августинец, проповедовал на рыночной площади. В Данцике Евангелие было провозглашено на небольшом холме за городом. В Госсларе студент из Виттемберга преподавал новые доктрины на лугу, засаженном липами; отсюда евангельские христиане получили название *Липовые братья*.

НЕОБРАЗОВАННЫЕ ВЕРУЮЩИЕ.

В то время как священники демонстрировали грязную алчность на глазах у народа, новые проповедники сказали им: "Даром мы получали, даром и отдаем". [218] Идея, часто озвучиваемая новыми проповедниками с кафедры, о том, что Рим некогда посылал немцам искаженное Евангелие, и что теперь Германия впервые услышала Слово Христа в его небесной и первозданной красоте, произвела глубокое впечатление на умы людей. [219] И благородная мысль о равенстве всех людей, о всеобщем братстве в Иисусе Христе, сильно овладела теми душами, которые так долго стонали под игом феодализма и средневекового папства. [220]

Часто необразованные христиане, имея в руках Новый Завет, берутся обосновывать доктрину Реформации. Католики, оставшиеся верными Риму, в страхе отступили, ибо только священникам и монахам была поручена задача изучения священной литературы. Поэтому последние были вынуждены выступить вперед; совещание началось; но вскоре, ошеломленные цитатами из Священного Писания, приведенными этими мирянами, священники и монахи не знали, что ответить. [221]....."К несчастью, Лютер убедил своих последователей, - говорит Коклюс, - не верить ни в какого другого оракула, кроме Священного Писания". В собрании поднялся крик, провозгласивший вопиющее невежество этих старых богословов, которые до сих пор считались такими великими учеными в своей собственной партии. [222]

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ВРАЧИ.

Мужчины самого низкого положения и даже слабый пол с помощью Слова Божьего убеждали и уводили сердца людей. Выдающиеся дела являются результатом выдающихся времен. В Ингольштадте на глазах у доктора Экка молодая ткачиха читала собравшейся толпе труды Лютера. В этом самом городе, когда университет решил заставить ученика Меланхтона отказаться от своих слов, женщина по имени Аргула де Штауфен выступила в его защиту и вызвала врачей на публичный диспут. Женщины и дети, ремесленники и солдаты знали о Библии больше, чем школьные врачи или священники у алтарей.

Христианский мир был разделен на две враждебные группы, и их аспекты разительно контрастировали. В противоположность старым поборникам иерархии, которые пренебрегали

изучением языков и развитием литературы (как сообщает нам один из них), были великодушные юноши, посвятившие себя учебе, исследованию Священного Писания и знакомству с шедеврами древности. [223] Обладая активным умом, возвышенной душой и бесстрашным сердцем, эти молодые люди вскоре приобрели такие знания, что долгое время никто не мог соперничать с ними. Не только живучесть их веры делала их выше своих современников, но и элегантность стиля, аромат древности, здравая философия, знание мира, совершенно чуждые теологам "старой закваски", как называет их сам Кохлеус. [224] Соответственно, когда эти юные защитники Реформации встречались с римскими врачами на каком-либо собрании, они нападали на них с такой легкостью и уверенностью, что эти невежественные люди колебались, смущались и впадали в заслуженное презрение в глазах всех.

ЛИТЕРАТУРА И ПЕЧАТНЫЙ СТАНОК.

Древнее здание рушилось под бременем суеверий и невежества; новое возвышалось на фундаменте веры и знания. Новые элементы глубоко проникли в жизнь людей. Оцепенение и скука повсюду сменились духом исследования и жаждой наставлений. Активная, просвещенная и живая вера заняла место суеверной набожности и аскетических размышлений. На смену фанатичным обрядам и епитимьям пришли дела благочестия. Кафедра возобладала над церемониями алтаря, и древний и суверенный авторитет Слова Божьего был, наконец, восстановлен в Церкви.

Печатный станок, эта мощная машина, открытая в пятнадцатом веке, стала опорой для всех этих усилий, и его ужасные снаряды непрерывно били по стенам врага.

Импульс, который Реформация придала популярной литературе в Германии, был огромен. Хотя в 1513 году вышло всего тридцать пять публикаций, а в 1517 году - тридцать семь, после появления тезисов Лютера количество книг увеличилось с поразительной быстротой. В 1518 году мы находим семьдесят одну различную работу; в 1519 году - сто одиннадцать; в 1520 году - двести восемь; в 1521 году - двести одиннадцать; в 1522 году - триста сорок семь; и в 1523 году - четыреста девяносто восемь.....И где все это было опубликовано? По большей части в Виттемберге. И кто были их авторы? В основном Лютер и его друзья. В 1522 году было опубликовано сто тридцать сочинений реформатора, а в следующем году - сто восемьдесят три. В том же году вышло всего двадцать римско-католических изданий. [225] Таким образом, литература Германии увидела свет в разгар борьбы и одновременно с ее религией. Она уже казалась ученой, глубокой, полной смелости и жизни, какой ее увидели более поздние времена. Национальный дух впервые проявил себя без примеси и в самый момент своего рождения получил боевое крещение от христианского энтузиазма.

КОЛЬПОРТАЖ.

То, что сочинили Лютер и его друзья, распространили другие. Монахи, убежденные в незаконности монашеских обязанностей, желавшие сменить долгую жизнь, полную лени, на жизнь активных усилий, но слишком невежественные, чтобы провозглашать Слово Божье, путешествовали по провинциям, посещая деревушки и коттеджи, где продавали книги Лютера и его друзей. Германия вскоре наводнилась [226] этими смелыми заголовками. [227] Печатники и книготорговцы охотно приветствовали каждое произведение в защиту Реформации; но они отвергали книги противоположной стороны, как обычно полные невежества и варварства. [228]

Если кто-либо из них отваживался продать книгу в пользу папства и предлагал ее для продажи на ярмарках во Франкфурте или где-либо еще, торговцы, покупатели и литераторы осыпали его насмешками и сарказмом. [229] Напрасно император и принцы издавали суровые эдикты против трудов реформаторов. Как только должен был состояться визит инквизиции, торговцы, получившие тайное уведомление, спрятали книги, которые предполагалось запретить; и толпа, всегда жаждавшая того, что запрещено, немедленно скупила их и прочитала с еще большей жадностью. Подобные сцены происходили не только в Германии; труды Лютера были переведены на французский, испанский, английский и итальянский языки и распространены среди этих стран.

ГЛАВА XII.

Лютер в Цвиккау—Замок Фрейберг—Вормс—Франкфурт—На—Майне—Всемирное движение-Виттемберг, Центр Реформации-Настроения Лютера.

LUTHER AT ZWICKAU.

Если самые ничтожные орудия нанесли такие ужасные удары Риму, что же было, когда раздался голос виттембергского монаха? Вскоре после поражения "новых пророков" Лютер в одежде мирянина проехал в повозке по территориям герцога Георга. Его мантия была скрыта, и реформатор казался простым гражданином страны. Если бы его узнали, если бы он попал в руки разъяренного герцога, возможно, его судьба была бы решена. Он собирался проповедовать в Цвиккау, на родине мнимых пророков. Как только в Шнееберге, Аннаберге и окрестных местах об этом узнали, люди столпились вокруг него. Четырнадцать тысяч человек собрались в городе, и поскольку не было церкви, способной вместить такое количество людей, Лютер вышел на балкон ратуши и произнес проповедь перед аудиторией в двадцать пять тысяч человек, заполнивших рыночную площадь, некоторые из которых взобрались на груды обтесанных камней, сложенных возле здания. [230] Слуга Божий с усердием размышлял об избрании благодати, когда внезапно из зала послышались крики. Старая женщина с изможденным видом протянула свои исхудалые руки с камня, на котором она заняла свое место, и, казалось, хотела своими бесплотными руками удержать толпу, которая вот-вот должна была пасть ниц к ногам Иисуса. Ее дикие вопли прервали проповедника. "Это был дьявол, - сказал Секендорф, - который принял облик старой женщины, чтобы вызвать беспорядки". [231] Но все было напрасно; слова реформатора заставили злой дух замолчать; эти тысячи слушателей заразились его энтузиазмом; они обменялись восхищенными взглядами; они тепло пожали друг другу руки, и вскоре косноязычные монахи, неспособные предотвратить бурю, сочли необходимым покинуть Цвиккау.

ЗАМОК ФРЕЙБЕРГ.

В замке Фрейберг жил Генрих, брат герцога Георга. Его жена, принцесса Мекленбургская, годом ранее родила ему сына, которого называли Морисом. С любовью к столу и удовольствиям герцог Генрих сочетал в себе грубость и вульгарные манеры солдата. В остальном он был набожен по моде того времени, побывал в Святой Земле и совершил паломничество к святому Яго Компостельскому. Он часто говорил: "В Компостелле я положил сто золотых флоринов на алтарь святого и сказал ему: "О святой Яго, чтобы доставить тебе удовольствие, я пришел сюда; я дарю

тебе эти деньги; но если эти негодяи (священники) заберут их у тебя, я ничего не могу поделать; так что будь начеку". [232]

Францисканец и доминиканец, оба ученики Лютера, в течение некоторого времени проповедовали Евангелие во Фрейберге. Герцогиня, чье благочестие внушало ей ужас перед ересью, слушала их проповеди с удивлением, что это кроткое слово Спасителя было тем объектом, которого ее учили бояться. Постепенно ее глаза открылись, и она обрела покой во Христе Иисусе. Как только герцог Георг узнал, что во Фрейберге проповедуется Евангелие, он стал умолять своего брата воспротивиться этим нововведениям. Канцлер Штрехлин и каноники поддерживали его молитву своим фанатизмом. Во дворе Фрейберга произошел сильный взрыв. Герцог Генрих сурово отчитывал свою жену, и не раз набожная герцогиня орошала слезами колыбель своего ребенка. И все же постепенно ее молитвы и мягкость завоевали сердце ее мужа; грубый мужчина смягчился; между супружеской парой восстановилась гармония, и они смогли вместе помолиться рядом со своим спящим младенцем. Великие судьбы нависли над этим ребенком; и из этой колыбели, где мать-христианка так часто изливала свои печали, Бог однажды явил освободителя Реформации.

Бесстрашие Лютера взволновало жителей Вормса. Императорский указ привел в ужас магистратов; все церкви были закрыты; но в общественном месте, заполненном огромной толпой, проповедник вззошел на грубо сколоченную кафедру и с убедительным акцентом провозгласил Евангелие. Если власти проявляли желание вмешаться, слушатели мгновенно расходились и украдкой уносили кафедру; но как только буря утихала, ее немедленно устанавливали в каком-нибудь более уединенном месте, куда снова стекалась толпа, чтобы услышать Слово Христово. Эту временную кафедру каждый день переносили с места на место и она служила для ободрения людей, все еще взволнованных великой драмой, недавно разыгравшейся в их городе. [233]

ВОРМС—ФРАНКФУРТ.

Во Франкфурте на реке Мэн, одном из главных вольных городов империи, все было в смятении. Отважный евангелист Ибах проповедовал спасение Иисусом Христом. Духовенство, среди которого был Кохлус, столь печально известный своими писаниями и своей оппозицией, раздраженное этим дерзким коллегой, донесло на него архиепископу Менца. Совет взялся за его защиту, хотя и с робостью, но безрезультатно, поскольку духовенство отстранило евангелического служителя и вынудило его покинуть город. Рим торжествовал; казалось, все потеряно; бедные верующие воображали, что они навсегда лишены Слова; но в тот самый момент, когда граждане, казалось, были склонны уступить этим священникам-тиранам, многие знатные люди выступили в защиту Евангелия. Макс из Мольнхайма, Хармут из Кронберга, Георг из Стокхайма и Эмерик из Райффенштейна, чьи поместья находились недалеко от Франкфурта, написали совету: "Мы вынуждены восстать против этих духовных волков". И, обращаясь к духовенству, они сказали: "Примите евангельское учение, вспомните Ибаха, иначе мы откажемся платить нашу десятину!"

Люди, которые с радостью слушали Реформацию, воодушевленные речью знати, пришли в движение; и однажды, как раз в тот момент, когда Питер Майер, гонитель Ибаха и самый решительный враг реформы, собирался проповедовать против еретиков, раздался сильный шум. Майер был встревожен и поспешно покинул церковь. Это движение решило совет. В

прокламации всем проповедникам было предписано проповедовать чистое Слово Божье или покинуть город.

ВИТТЕМБЕРГ —ЦЕНТР РЕФОРМ.

Свет, исходивший из Виттемберга, как из сердца нации, таким образом, проливал свои лучи по всей империи. На западе — Берг, Клеве, Липпштадт, Мюнстер, Везель, Мильтенберг, Менц, Дез Понт и Страсбург — слушали Евангелие; на юге - Хоф, Шлезштадт, Бамберг, Эссlingen, Галле в Швабии, Хайльбрунн, Аугсбург, Ульм и многие другие места приняли его с радостью. На востоке герцогство Лигниц, Пруссия и Померания открыли ему свои ворота; а на севере Брауншвейг, Хальберштадт, Госслар, Целль, Фрисландия, Бремен, Гамбург, Гольштейн и даже Дания с другими соседними странами были тронуты звуками этой новой доктрины.

Курфюрст Фридрих заявил, что позволит епископам свободно проповедовать в своих штатах, но никого не отдаст в их руки. Соответственно, евангельские учителя, преследуемые в других странах, вскоре нашли убежище в Саксонии. Ибах Франкфуртский, Эберлин Ульмский, Кауксдорф Магдебургский, Валентин Мустус, которого каноники Хальберштадта ужасно изуродовали, [234] и другие верные служители, прибывшие со всех концов Германии, бежали в Виттемберг, как в единственное убежище, где они могли быть в безопасности. Здесь они беседовали с реформаторами; у их ног они укрепляли себя в вере; и делились с ними своим собственным опытом и знаниями, которые они приобрели. Таким образом, воды рек возвращаются облаками с бескрайних просторов океана, чтобы питать ледники, с которых они впервые спустились на равнины.

Работа, которая развивалась в Виттемберге и формировалась таким образом из множества различных элементов, все больше и больше становилась работой нации, Европы и христианского мира. Эта школа, основанная Фридрихом и оживленная Лютером, была центром огромной революции, которая возродила Церковь и установила в ней реальное и живое единство, намного превосходящее кажущееся единство Рима. Библия царила в Виттемберге, и ее оракулы были услышаны со всех сторон. Эта академия, самая новая из всех, приобрела тот ранг и влияние в христианском мире, которые до сих пор принадлежали древнему Парижскому университету. Толпы, стекавшие туда со всех концов Европы, возвещали о нуждах Церкви и народов; и когда они покидали эти стены, теперь ставшие для них святыми, они несли обратно к Церкви и людям Слово Благодати, предназначенное для исцеления и спасения народов.

ЧУВСТВА ЛЮТЕРА.

Лютер, став свидетелем этого успеха, почувствовал, как возросла его уверенность. Он видел, как это слабое начинание, начатое посреди стольких страхов и борьбы, изменило облик христианского мира, и сам был поражен результатом. Он не предвидел ничего подобного, когда впервые восстал против Тецеля. Пав ниц перед Богом, которому он поклонялся, он признал, что это Его дело, и ликовал в уверенности в победе, которую у него невозможно было вырвать. "Наши враги угрожают нам смертью, - сказал он Хармуту из Кронберга. - Если бы у них было столько же мудрости, сколько глупости, они, напротив, угрожали бы нам жизнью. Какая нелепость и оскорбление осмеливаться угрожать смертью Христу и христианам, которые сами являются владыками и победителями смерти! [235]..... Это как если бы я пытался напугать человека, седлая его лошадь и помогая ему взобраться в седло. Разве они не знают, что Христос воскрес из мертвых? В их глазах Он все еще лежит во гробе; более того — в аду. Но мы знаем,

что Он жив". Его огорчала мысль, что его считали автором произведения, в мельчайших деталях которого он видел руку Божию. "Многие уверовали из-за меня", - сказал он. "Но истинно веруют только те, кто останется верным, даже если услышат (не дай Бог!), что я отрекся от Иисуса Христа. Истинные ученики верят не в Лютера, а в Иисуса Христа. Что касается меня, то мне наплевать на Лютера. [236] Святой он или негодяй, какая разница? Я проповедую не его, а Христа. Если дьявол может забрать его, пусть он это сделает! Но пусть Христос пребудет с нами, и мы тоже пребудем".

ГЛАВНАЯ ПРУЖИНА.

И действительно, тщетно было бы пытаться объяснить это великое движение простыми человеческими обстоятельствами. Литераторы, правда, оттачивали свой ум и пускали свои остроконечные стрелы против папы римского и монахов; крик свободы, который Германия так часто поднимала против тирании итальянцев, снова зазвучал в замках и провинциях; народ был в восторге от песни "виттембергского соловья", вестника весны, которая разливалась повсюду. [237] Но это было не просто внешнее движение, подобное тому, которое было вызвано стремлением к земной свободе, которое тогда совершалось. Те, кто утверждает, что Реформация была вызвана подкупом князей богатством монастырей, священников разрешением вступать в брак, а людей перспективой свободы, странным образом ошибаются в ее природе. Несомненно, полезное использование средств, которые до сих пор поддерживали праздность монахов; несомненно, брак и свобода, дары, исходящие непосредственно от Бога, могли бы способствовать развитию Реформации; но движущей силы в этом не было. Тогда в глубинах человеческого сердца происходила внутренняя революция. Христиане снова учились любить, прощать, молиться, страдать и даже умирать за истину, которая не предлагала иного покоя, кроме как на небесах. Церковь переживала состояние трансформации. Христианство разрывало узы, в которых оно так долго было заключено, и возвращалось в жизни и силе в мир, забывший о своей древней силе. Рука, сотворившая мир, снова была обращена к нему; и Евангелие, вновь появившись среди народов, ускорило свой ход, несмотря на яростные и неоднократные усилия священников и царей; подобно океану, который, когда рука Божья надавливает на его поверхность, спокойно и величественно поднимается вдоль своих берегов, так что никакая человеческая сила не в состоянии противостоять его движению.

КНИГА X.

ВОЛНЕНИЯ, НЕУДАЧИ И ПРОГРЕСС. 1522-1526.

ГЛАВА I.

Политический элемент — Недостаток энтузиазма в Риме—Осада Пампелуны—Мужество Игнатия—Переходный период—Лютер и Лойола—Видения—Два принципа.

Реформация, которая поначалу существовала в сердцах немногих благочестивых людей, проникла в богослужение и жизнь Церкви; было естественно, что она сделает новый шаг и проникнет в гражданские отношения и жизнь народов. Ее прогресс всегда шел от внутреннего к

внешнему. Мы вот-вот увидим, как эта великая революция захватывает политическую жизнь мира.

На протяжении восьми столетий Европа формировала одно обширное жреческое государство. Императоры и короли находились под покровительством пап. Всякий раз, когда ее дерзким притязаниям оказывалось какое-либо энергичное сопротивление, особенно в Германии и Франции, Рим в конечном итоге одерживал верх, и было видно, как князья, послушные исполнители ее ужасных указов, боролись за ее господство против частных верующих, послушных их правлению и обильно проливающих за нее кровь детей своего народа.

Этому обширному церковному государству, главой которого был папа, нельзя было нанести никакого ущерба, не затронув политических отношений.

Тогда Германию волновали две великие идеи. С одной стороны, желание возрождения веры; а с другой - стремление к национальному правительству, в котором могли бы быть представлены германские государства и, таким образом, служить противовесом власти императоров. [238]

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ.

Курфюрст Фридрих настаивал на этом последнем пункте при избрании преемника Максимилиана, и юный Карл подчинился. В результате было сформировано национальное правительство, состоящее из имперского губернатора и представителей выборщиков и кругов.

Таким образом, Лютер реформировал Церковь, а Фридрих Саксонский - государство.

Но хотя одновременно с религиозной реформой лидерами нации были внесены важные политические изменения, следовало опасаться, что общественность также придет в движение и своими эксцессами, как в политике, так и в религии, поставит под угрозу обе реформы.

Это насильственное и фанатичное вторжение народа и определенных главарей, которое кажется неизбежным там, где общество потрясено и находится в переходном состоянии, не преминуло произойти в Германии в период, о котором мы сейчас рассказываем.

Были и другие обстоятельства, которые способствовали возникновению таких расстройств.

Император и папа объединились против Реформации, и казалось, что она вот-вот падет под ударами двух таких могущественных врагов. Политика, амбиции и интересы вынудили Карла V. и Льва X. попытаться его разрушить. Но они плохие поборники, чтобы бороться с правдой. Преданность делу, которое считается священным, может быть побеждена только подобной преданностью. Но римляне, поддаваясь порывам Льва X., с энтузиазмом относились к сонету или мелодии и были нечувствительны к религии Иисуса Христа; и если какая-нибудь менее бесполезная мысль приходила им в голову, вместо того чтобы заново очистить и закалить свои сердца в христианстве апостолов, они были заняты союзами, войнами, завоеваниями и договорами, которые завоевывали новые провинции, и с холодным презрением оставили Реформацию, чтобы пробудить во всех сторонах религиозный энтузиазм и триумфально двинуться к более благородным завоеваниям. Враг, обреченный на уничтожение в Вормсском соборе, вновь появился, полный уверенности и силы; борьба должна быть суровой, и должна пролиться кровь.

ОПАСЕНИЯ ИМПЕРАТОРА.

Однако некоторые из самых неминуемых опасностей, угрожавших Реформации, казалось, в то время исчезали. Незадолго до опубликования Вормсского эдикта юный Карл, стоя однажды у окна своего дворца со своим духовником, сказал, это правда, приложив руку к сердцу: "Я клянусь повесить на этом самом окне первого человека, который объявит себя лютеранином после опубликования моего эдикта". [239] Но вскоре его рвение значительно поутихло. Его план возродить древнюю славу священной империи, то есть увеличить его собственную власть, был встречен холодно. [240] Недовольный Германией, он покинул берега Рейна, отправился в Нидерланды и воспользовался там своей резиденцией, чтобы доставить монахам те удовольствия, которые он оказался не в состоянии дать им в империи. Труды Лютера были сожжены палачом в Генте со всей возможной торжественностью. На этом аутодафе присутствовало более пятидесяти тысяч зрителей; сам император наблюдал за происходящим с одобрительной улыбкой. [241] Оттуда он отправился в Испанию, где войны и внутренние раздоры вынудили его, по крайней мере на время, оставить Германию в покое. Поскольку в империи ему отказано во власти, на которую он претендует, пусть другие выслеживают виттембергского еретика. Более тревожные мысли поглотили все его внимание.

По сути, Франциск I, которому не терпелось помериться силами со своим соперником, бросил вызов. Под предлогом возвращения детям Жана д'Альбре, короля Наварры, их наследства он начал кровавую борьбу, которой суждено было длиться всю его жизнь, вторгшись в это королевство с армией под командованием Леспара, чьи быстрые завоевания были остановлены только крепостью Пампелуна.

ОСАДА ПАМПЕЛУНЫ—ИНИГО.

В этих крепких стенах загорелся энтузиазм, которому впоследствии суждено было противостоять энтузиазму реформатора и вдохнуть в папство новый дух энергии, преданности и авторитета. Пампелуне было суждено стать, так сказать, колыбелью соперника виттембергского монаха.

Рыцарский дух, который так долго одушевлял христианский мир, сохранился только в Испании. Войны с маврами, едва закончившиеся на полуострове и постоянно вспыхивавшие в Африке, сопровождавшиеся дальними и рискованными экспедициями за моря, воспитали в кастильской молодежи ту восторженную и непоколебимую доблесть, идеальным образцом которой был Амадис.

Среди защитников Пампелуны был молодой джентльмен Иниго Лопес из Рекальды, младший в семье из тринадцати детей. Рекальда, более известный как Игнатий Лойола, воспитывался при дворе Фердинанда Католика. Его фигура была изящной; [242] он был искусен в обращении с мечом и копьем и страстно желал рыцарской славы. Облачить себя в сверкающее оружие, оседлать благородного скакуна, [243] подвергать себя блестящим опасностям турнира, участвовать в опасных подвигах, участвовать в яростной борьбе фракций, [244] и проявлять такую же преданность святому Петру, как и своей возлюбленной, - такова была жизнь этого молодого шевалье.

Губернатор Наварры, отправившись в Испанию за помощью, оставил защиту Пампелуны Иниго и нескольким дворянам. Последний, видя превосходство французских войск, решил отступить. Иниго заклинал их выступить против Леспара; обнаружив, что они непреклонны в своих

намерениях, он посмотрел на них с негодованием, обвинив в трусости и вероломстве; затем он в одиночку бросился в цитадель, решив удержать ее с опасностью для своей жизни. [245]

ЕГО РАНЫ — ЕГО УЧЕБА.

Французы, которых с энтузиазмом приняли в Пампелуне, предложили капитуляцию коменданту крепости: "Давайте лучше потерпим все, - порывисто сказал Иниго своим товарищам, - чем сдадимся". [246] После этого французы начали обстреливать стены своими мощными машинами и вскоре предприняли попытку штурма. Храбрость и увещевания Иниго вдохновили испанцев; они отражали нападения стрелами, мечами и боевыми топорами; Иниго сражался во главе их: стоя на крепостном валу, с глазами, сверкающими от ярости, молодой кавалер размахивал своим мечом, и враг падал под его ударами. Внезапно мяч ударился о стену, которую он защищал; осколок камня тяжело ранил его в правую ногу, и мяч, отскочив от силы удара, сломал ему левую ногу. Иниго упал без чувств. [247] Гарнизон немедленно сдался; и французы, восхищенные мужеством своего юного противника, доставили его на носилках к родителям в замок Лойола. В этом роскошном особняке, от которого он впоследствии получил свое имя, Иниго родился через восемь лет после Лютера в одной из самых знатных семей того района.

Возникла необходимость в болезненной операции. Испытывая самые острые страдания, Иниго крепко сжал руки, но не издал ни единого стога. [248]

ВООРУЖЕННЫЕ БДЕНИЯ С ТРАНСФОРМАЦИЕЙ.

Прикованный к изнурительному бездействию, он счел необходимым задействовать свое активное воображение. За неимением рыцарских романов, которые до сих пор были его единственной пищей для ума, он занялся жизнью Иисуса Христа и легендами или *Цветами Святых*. Такого рода чтение в состоянии одиночества и болезни произвело на него необычайное впечатление. Шумная жизнь турниров и сражений, которая до сих пор занимала исключительно его мысли, казалось, отступила, поблекла и исчезла из поля его зрения; и в то же время перед его изумленным взором, казалось, открывалась более славная карьера. Смиренные деяния святых и их героические страдания казались гораздо более достойными похвалы, чем все высокие ратные подвиги и рыцарство. Растянувшись на своей постели, охваченный лихорадкой, он предавался самым противоположным мыслям. Мир, который он покидал, мир, святое умерщвление плоти которого лежало перед ним, предстал вместе, один с его удовольствиями, другой с его аскезами; и эти два мира вступили в смертельную борьбу в его груди. "А что, если бы я вел себя как святой Франциск или святой Доминик?" - спросил он. [249] Затем перед ним возник образ дамы, которой он отдал свое сердце: "Она не графиня, - воскликнул он с бесхитростным тщеславием, - и не герцогиня; но ее положение гораздо выше того и другого". [250] Подобные мысли наполняли его страданием и скукой, в то время как его план подражания святым вселял в него мир и радость.

С этого момента его выбор был сделан. Как только его здоровье восстановилось, он решил попрощаться с миром. После того, как он, подобно Лютеру, разделил еще одну трапезу со своими старыми товарищами по оружию, он отбыл один, в большой тайне, [251] к уединенным жилищам, которые отшельники Святого Бенедикта вырубили в скалах Монтсеррата. Движимый не чувством греха или потребностью в Божественной благодати, но желанием стать "рыцарем Девы" и прославиться умерщвлением плоти и благочестивыми делами, по примеру всего

воинства святых, он исповедовался три дня подряд, отдал свою богатую одежду нищему, надел вретиче и опоясался веревкой. [252] Затем, вспомнив знаменитые вооруженные бдения Амадиса Галльского, он повесил свой меч перед изображением Марии, провел ночь в бодрствовании в своем новом и странном костюме, и иногда на коленях, иногда прямо, но всегда в молитве и с посохом паломника в руке он повторял все благочестивые обряды, которые прославленный Амадис наблюдал до него. "Таким образом, - говорит его биограф, иезуит Маффеи, - в то время как сатана вооружал Лютера вопреки всем законам человеческим и божественным, и в то время как этот печально известный ересиарх появился в Вормсе и нечестиво объявил войну апостольскому престолу, Христос, по призыву своего небесного провидения, пробуждал этого нового защитника и обязывал его и тех, кто должен был последовать по его стопам, служить римскому понтифику и противопоставлял его распущенности и ярости еретического разврата". [253]

УГРЫЗЕНИЯ СОВЕСТИ.

Лойола, хотя все еще хромал на одну ногу, добрался извилистыми и пустынными тропами до Манресы, где поступил в доминиканский монастырь, чтобы посвятить себя в этом уединенном месте самому суровому умерщвлению плоти. Как и Лютер, он ежедневно выпрашивал свой хлеб, ходя от двери к двери. [254] Он проводил семь часов на коленях и бичевал себя три раза в день; в полночь он вставал, чтобы помолиться; он позволил своим волосам и ногтям отрасти, и в худом бледном лице монаха Манресы было бы невозможно узнать молодого и блистательного рыцаря Пампелуны.

ТОСКА —ЛЮТЕР И ЛОЙОЛА.

И все же настал час, когда религиозные идеи, которые до сих пор были для Иниго просто рыцарской забавой, должны были развиться в нем с большей глубиной и заставить его ощутить силу, которой он был еще незнаком. Внезапно, без всякого предупреждения, радость, которую он испытывал, исчезла. [255] Напрасно он прибегал к молитве и пению гимнов; он не мог обрести покоя. [256] Его воображение перестало создавать приятные иллюзии; он остался наедине со своей совестью. Столь новое для него состояние было выше его понимания, и он со страхом спрашивал себя, гневается ли все еще на него Бог после всех принесенных им жертв. Ночью и днем мрачные страхи терзали его душу; он проливал горькие слезы; громкими криками он взывал к душевному спокойствию, которого лишился..... но все было напрасно. [257] Затем он повторил длинное признание, которое сделал на Монтсеррате. "Может быть, - подумал он, - я что-то забыл". Но это признание только усилило его тоску, ибо напомнило ему обо всех его ошибках. Он бродил мрачный и удрученный; его совесть обвиняла его в том, что он всю свою жизнь ничего не делал, только добавлял грех к греху; и несчастный человек, охваченный непреодолимым ужасом, наполнил монастырь своими стонами.

Тогда странные мысли проникли в его сердце. Не находя утешения ни в исповеди, ни в различных таинствах Церкви, [258] он начал, подобно Лютеру, сомневаться в их эффективности. Но вместо того, чтобы оставить дела человеческие и искать самодостаточного дела Христа, он спросил себя, не следует ли ему снова предаваться удовольствиям времени. Его душа страстно устремилась к наслаждениям мира, от которого он отказался, [259] но тут же испуганно отпрянула.

Была ли в то время какая-либо разница между монахом из Манресы и монахом из Эрфурта? Несомненно, — во второстепенных моментах: но состояние их душ было одинаковым. Оба глубоко осознавали множество своих грехов. Оба стремились к примирению с Богом и жаждали обрести уверенность в своих сердцах. Если бы Штаупиц с Библией в руке появился в монастыре Манреса, возможно, Иниго стал бы лютером полуострова. Эти два великих человека шестнадцатого века, эти основатели двух духовных сил, которые на протяжении трех столетий воевали друг с другом, были в этот момент братьями; и, возможно, если бы они встретились, Лютер и Лойола обнялись бы и слили свои слезы и молитвы.

Но с этого часа двум монахам было суждено пойти совершенно разными путями.

Иниго, вместо того чтобы чувствовать, что его раскаяние было послано для того, чтобы привести его к подножию креста, убедил себя, что эти внутренние упреки исходят не от Бога, а от дьявола; и он решил никогда больше не думать о своих грехах, стереть их из своей памяти и предать вечному забвению. [260] Лютер повернулся ко Христу; Лойола всего лишь вернулся к самому себе.

РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ—ВИДЕНИЯ.

Вскоре пришли видения, утвердившие Иниго в том убеждении, к которому он пришел. Его собственные решения стали заменой благодати Господней; его собственное воображение заменило Слово Божье. Он воспринимал голос Бога в своей совести как голос дьявола; и, соответственно, остальная часть его истории представляет его поддавшимся внушениям духа тьмы.

Однажды Лойола встретил старую женщину, так же как Лютера в час его испытания посетил старик. Но испанка, вместо того чтобы провозгласить прощение грехов кающемуся жителю Манресы, предсказала посещения Иисуса. Таково было христианство, к которому прибегал Лойола, подобно пророкам Цвиккау. Иниго не искал истины в Священных Писаниях, но представлял вместо них непосредственное общение с миром духов. Вскоре он жил исключительно в экстазе и созерцании.

Однажды, направляясь в церковь Святого Павла за городом, он прогуливался по берегу Льобрегата и сел, погрузившись в медитацию. Его взгляд был прикован к реке, которая тихо катила перед ним свои глубокие воды. Он был погружен в свои мысли. Внезапно он впал в экстаз: он увидел своими телесными глазами то, что люди с трудом могут понять после большого количества чтения, долгих бдений и учебы. [261] Он поднялся и, стоя на берегу реки, казалось, превратился в другого человека; затем он преклонил колени у подножия креста, который был совсем рядом, готовый пожертвовать своей жизнью во имя служения тому делу, тайны которого только что были ему открыты.

С этого времени его видения стали более частыми. Сидя однажды на ступенях церкви Святого Доминика в Манресе, он пел гимн Пресвятой Деве, как вдруг его душу охватил экстаз; он оставался неподвижным, погруженный в созерцание; тайна Пресвятой Троицы открылась его взору под великолепными символами; [262] он пролил слезы, наполнил церковь своими рыданиями и сказал: весь день продолжались разговоры об этом невыразимом видении.

ДВА ПРИНЦИПА.

Эти многочисленные явления развеяли все его сомнения; он верил не так, как Лютер, потому что принципы веры были записаны в Слове Божьем, но из-за видений, которые он видел. "Даже если бы не было Библии, - говорят его апологеты, - даже если бы эти тайны никогда не были раскрыты в Священном Писании, [263] он поверил бы им, ибо Бог явился ему". [264] Лютер, взяв он получил докторскую степень, дал клятву Святому Писанию, [265] и единственный непогрешимый авторитет Слова Божьего стал фундаментальным принципом Реформации. В то время Лойола связал себя мечтами и видениями, и химерические видения стали принципом его жизни и его веры.

Пребывание Лютера в монастыре Эрфурт и пребывание Лойолы в монастыре Манреса объясняют нам— первое - Реформацию; второе - современное папство. Монах, которому предстояло возродить истощенную энергию Рима, после ухода из монастыря отправился в Иерусалим. Мы не будем следовать за ним в этом паломничестве, поскольку мы встретимся с ним снова в ходе этой истории.

ГЛАВА II.

Победа папы римского—Смерть Льва X.—Оратория Божественной Любви—Адриан VI.—План реформ—Оппозиция.

Пока эти события происходили в Испании, сам Рим, казалось, приобретал более серьезный характер. Великий покровитель музыки, охоты и празднеств покинул папский престол, и его сменил благочестивый и серьезный монах.

СМЕРТЬ ЛЬВА X.

Лев X был очень рад, услышав о Вормсском эдикте и пленении Лютера; и немедленно, в знак своей победы, он предал огню изображение и труды реформатора. [266] Это был второй или третий раз, когда Рим предавался этому невинному удовольствию. В то же время Лев X, желая засвидетельствовать свою благодарность Карлу V. Объединил свою армию с армией императора. Французы были вынуждены эвакуировать Парму, Пьяченцу и Милан, и Джулио Медичи, двоюродный брат папы римского, вступил в последний город. Таким образом, папа приближался к вершине человеческого могущества.

Эти события произошли в начале зимы 1521 года. Лев X. имел обыкновение проводить осень в деревне. В такие моменты он покидал Рим без стихаря и, что считалось еще более скандальным, в сапогах. [267] В Витербо он развлекался соколиной охотой; в Корнети охотился на оленя: озеро Больсена доставляло ему удовольствие от рыбной ловли; оттуда он переехал на свою любимую виллу в Маллиане, где проводил время в разгар празднеств. Музыканты, импровизаторы и все художники, чьи таланты могли оживить эту восхитительную обитель, собрались вокруг понтифика. Он жил там, когда получил известие о взятии Милана. На вилле немедленно поднялось большое волнение. Придворные и офицеры не могли сдержать своего ликования, швейцарцы разрядили свои карабины, и Лев, вне себя от радости, всю ночь ходил взад и вперед по своей комнате, время от времени поглядывая в окно на ликование солдат и

народа. Он вернулся в Рим, усталый, но опьяненный успехом. Едва он прибыл в Ватикан, как внезапно почувствовал недомогание. "Помолись за меня", - сказал он своим слугам. У него даже не было времени принять святое причастие, и он умер в расцвете сил, в возрасте сорока пяти лет, в час победы и среди шума ликования.

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ —АДРИАН VI.

Толпа последовала за понтификом к могиле, осыпая его оскорблениями. Они не могли простить ему того, что он умер без причастия и оставил свои долги неоплаченными, что стало результатом его огромных расходов. "Ты добился своего понтификата, как лиса, - говорили римляне. - ты держался за него, как лев, и покинул его, как собака".

Такова была надгробная речь, которой Рим почтил папу, отлучившего Реформацию от Церкви и чье имя служит для обозначения одной из великих эпох в истории.

Тем временем в самом Риме уже зарождалась слабая реакция против духа Льва и Рима. Некоторые благочестивые люди основали там ораторию для своего общего назидания, [268] недалеко от места, которое традиция называет местом встреч первых христиан. Контарини, который слушал Лютера в Вормсе, был лидером на этих молитвенных собраниях. Таким образом, своего рода реформация началась в Риме почти в то же время, что и в Виттемберге. Справедливо было сказано, что везде, где есть семена благочестия, есть и ростки реформации. Но этим благим намерениям вскоре суждено было рухнуть.

ХАРАКТЕР АДРИАНА.

В других случаях - Григорий VII. или Иннокентий III. был бы избран преемником Льва X, если бы такие люди нашлись; но интересы Империи теперь стояли выше интересов Церкви, и Карлу V требовался папа, преданный своему служению. Кардинал Медичи, впоследствии Климент VII, видя, что в настоящее время у него нет никаких шансов получить тиару, воскликнул: "Изберите кардинала Тортозы, человека в годах, которого все считают святым". Этот прелат, уроженец Утрехта и выходец из среднего класса, был избран и правил под титулом Адриана VI. Он был профессором в Лувене, а затем наставником Карла V. Под влиянием которого в 1517 году он был облачен в римский пурпур. Кардинал де Вио поддержал его кандидатуру. "Адриан, - сказал он, - внес большую лепту в осуждение Лютера лувенскими докторами". [269] Кардиналы, уставшие и застигнутые врасплох, избрали этого иностранца; но как только они пришли в себя (говорит хронист), они чуть не умерли от страха. Мысль о том, что суровый нидерландец не примет диадему, поначалу немного утешила их, но эта надежда продлилась недолго. Пасквин представлял избранного понтифика в образе школьного учителя, а кардиналов - маленькими мальчиками под розгами. Горожане были настолько возмущены, что члены конклава сочли себя счастливыми, избежавшими того, чтобы их сбросили в реку. [270] В Голландии, напротив, народ выразил всеобщим ликованием свой восторг от назначения Церкви папы. "Утрехт засеял; Лувен полил; император дал прирост", - гласила надпись на портьерах, свисавших с фасадов домов. Шутник написал под этими словами: "И Бог не имел к этому никакого отношения".

Несмотря на недовольство, поначалу проявленное жителями Рима, Адриан VI. прибыл в этот город в августе 1522 года и был хорошо принят. Сообщалось, что он пожертвовал более пяти тысяч бенефиций, и каждый человек рассчитывал получить свою долю. В течение многих лет папский престол не занимал такой понтифик. Справедливый, деятельный, образованный,

благочестивый, искренний и обладающий безупречной моралью, он не позволял ни благосклонности, ни страсти ослепить себя.

Он следовал срединному пути, намеченному Эразмом, и в книге, переизданной в Риме во время его понтификата, он сказал: "Несомненно, что папа может ошибаться в вопросах веры, защищая ересь своими мнениями или декретами". [271] Это действительно замечательное утверждение для папы; и если ультрамонтанисты отвечают, что Адриан ошибался в этом пункте, то самым этим обстоятельством они подтверждают то, что отрицают, а именно. склонность пап к ошибкам.

РЕФОРМАМ АДРИАНА ВОСПРОТИВИЛИСЬ.

Адриан прибыл в Ватикан со своей старой экономкой, которой он поручил продолжать скупое удовлетворять его умеренные потребности в этом великолепном дворце, который Лев X наполнил роскошью и распутством. У него не было ни малейшего общего вкуса со своим предшественником. Когда ему показали великолепную группу Лаокоона, обнаруженную несколькими годами ранее и купленную за огромную цену Юлием II, он холодно отвернулся, заметив: "Это идолы язычников!" "Я предпочел бы служить Богу, - сказал он, - в моем Лувенском настоятеле, чем быть папой в Риме". Встревоженный опасностями, которыми Реформация угрожала религии Средневековья, а не, в отличие от итальянцев, опасностями, которым подвергался Рим и его иерархия, он искренне желал бороться с ней и обуздать ее; и он рассудил, что лучшим средством для достижения этой цели была бы реформа Церкви, проведенная самой Церковью. "Церковь нуждается в реформе, - сказал он, - но мы должны идти шаг за шагом". — "Папа имеет в виду, - говорит Лютер, - что между каждым шагом должно пройти несколько столетий". По правде говоря, на протяжении веков Церковь двигалась к реформации. Но больше не было места для выжидания: необходимо было действовать.

Верный своему плану, Адриан приступил к изгнанию из города всех клятвopеступников, нечестивцев и ростовщиков; задача отнюдь не легкая, поскольку они составляли значительную часть жителей.

Сначала римляне высмеивали его; вскоре они начали ненавидеть. Жреческое правление, огромные прибыли, которые оно приносило, могущество Рима, спорт, фестивали и роскошь, которые его наполняли, — все было бы безвозвратно утрачено, если бы произошло возвращение к апостольским нравам.

Восстановление дисциплины, в частности, встретило сильное противодействие. "Чтобы добиться успеха в этом, - сказал кардинал-каторжник, - мы должны сначала возродить рвение христиан. Лекарство превышает возможности пациента и приведет к его смерти. Остерегайтесь, как бы, желая сохранить Германию, вы не потеряли Италию". [272] По сути, вскоре у Адриана появилось больше причин опасаться латинизма, чем самого лютеранства.

Были приложены все усилия, чтобы вернуть его на тот путь, с которого он хотел сойти. Старый и хитрый кардинал Содерини из Вольтерры, близкий друг Александра VI, Юлия II и Льва X., [273] часто отпускал намеки, хорошо приспособленные для подготовки достойного Адриана к тому столь непривычному для него образу, который он был призван исполнить. "Еретики, — заметил однажды Содерини, — во все века говорили о порочных нравах римского двора, и все же папы

никогда не меняли их". - "Ереси были подавлены не реформами, - сказал он в другой раз, - а крестовыми походами". - "Увы, - ответил понтифик с глубоким вздохом, - как несчастлива судьба папы, поскольку у него нет даже свободы поступать правильно!" [274]

ГЛАВА III.

Нюрнбергский сейм—Вторжение Солимана—Нунций призывает к смерти Лютера—
Нюрнбергские проповедники—Обещание реформ—Недовольство нации—Постановление
Сейма—Гневное письмо Папы Римского—Совет Лютера.

НЮРНБЕРГСКИЙ СЕЙМ.

23 марта 1522 года, еще до того, как Адриан прибыл в Рим, сейм собрался в Нюрнберге. До этой даты епископы Мерсбурга и Миснии просили разрешения курфюрста Саксонии посетить монастыри и церкви в его государствах. Фредерик, полагая, что истина будет достаточно сильной, чтобы противостоять заблуждению, дал благоприятный ответ на эту просьбу, и посещение состоялось. Епископы и их доктора яростно проповедовали против Реформации, увещевая, угрожая и умоляя; но их доводы казались бесполезными; и когда, желая прибегнуть к более действенному оружию, они призвали светскую власть выполнить их указы, министры курфюрста ответили, что это дело требует изучения в соответствии с Библией и что курфюрст в своем преклонном возрасте не может начинать изучать богословие. Эти усилия епископов не привели ни одной живой души обратно в лоно Рима; и Лютер, который вскоре после этого проехал через эти районы и проповедовал в своем обычном мощном тоне, стер слабые впечатления, которые возникали то тут, то там.

СОЛИМАН ВТОРГАЕТСЯ В ВЕНГРИЮ —НОВАЯ БУРЯ.

Можно было опасаться, что брат императора, эрцгерцог Фердинанд, сделает то, от чего отказался Фридрих. Этот молодой принц, председательствовавший на части заседаний сейма, постепенно приобретая все большую твердость, мог в своем рвении опрометчиво обнажить меч, который его более благоразумный и политичный брат благоразумно оставил в ножнах. Фактически, он уже начал жестокое преследование сторонников Реформации в своих наследственных землях Австрии. Но Бог несколько раз использовал для освобождения возрождающегося христианства тот же инструмент, который он использовал для уничтожения развращенного христианства. Полумесяц появился в охваченных ужасом провинциях Венгрии. 9 августа, после шестинедельной осады, Белград, оплот этого королевства и империи, пал под натиском Солимана. Последователи Магомета, покинув Испанию, казалось, намеревались войти в Европу с востока. Нюрнбергский сейм забыл о вормссском монахе, думая только о константинопольском султани. Но Карл V держал в уме обоих этих противников. 31 октября он написал папе из Вальядолида: "Мы должны обуздать турок и мечом наказать пособников ядовитых доктрин Лютера". [275]

Буря, которая, казалось, отходила от Реформации и поворачивала на восток, вскоре снова собралась над головой реформатора. Его возвращение в Виттемберг и рвение, которое он там проявил, вновь разожгли вражду. "Теперь, когда мы знаем, где его поймать, - сказал герцог Георг, - давайте приведем в исполнение указ Вормса!" В Германии даже утверждали, что Карл V и Адриан встретятся в Нюрнберге, чтобы согласовать свои планы. [276] "Сатана чувствует

нанесенную ему рану, - говорит Лютер, - и вот почему он так разъярен. Но Христос уже простер свою руку и скоро растопчет его, несмотря на врата ада". [277]

ТРЕБУЙТЕ НАКАЗАНИЯ ЛЮТЕРА.

В декабре 1522 года сейм снова собрался в Нюрнберге. Все, казалось, указывало на то, что если бы Солиман был злейшим врагом, привлечшим его внимание на весенней сессии, то Лютер был бы злейшим врагом зимней сессии. Адриан VI, вследствие своего немецкого происхождения, льстил себя надеждой на более благоприятный прием со стороны своего народа, чем мог ожидать любой папа итальянского происхождения. [278] Поэтому он поручил Чиерегати, которого знал по Испании, отправиться в Нюрнберг.

Как только открылся сейм, несколько князей резко высказались против Лютера. Кардинал-архиепископ Зальцбурга, пользовавшийся полным доверием императора, желал, чтобы до прибытия курфюрста Саксонии были приняты срочные и решительные меры. Курфюрст Иоахим Бранденбургский, всегда принимавший решения в своих делах, и канцлер Тревский одинаково настаивали на исполнении вормского эдикта. Другие князья были в значительной степени в нерешительности и разделились во мнениях. Состояние неразберихи, в которое была помещена Церковь, наполняло страданиями ее самых верных слуг. Епископ Страсбурга воскликнул на полном заседании сейма: "Я бы отдал один из своих пальцев, чтобы не быть священником". [279]

Кьерегати совместно с кардиналом Зальцбургским призывал к смерти Лютера. "Мы должны, - сказал он от имени папы, держа в руках папку понтифика, - мы должны отсечь этот пораженный гангреной член от тела. [280] Ваши отцы казнили Иоанна Гуса и Иеронима Пражского в Констанце; но они снова живут в Лютере. Следуйте славному примеру своих предков и с помощью Бога и святого Петра одержите знаменательную победу над адским драконом".

НЮРНБЕРГСКИЕ ПРОПОВЕДНИКИ.

Услышав краткое изложение благочестивого и умеренного Адриана, большинство принцев были поражены благоговейным страхом. [281] Многие начинали лучше понимать Лютера и надеялись на лучшее в отношении папы римского. Таким образом, Рим при Адриане не признает своих ошибок; он все еще метает свои молнии, и провинции Германии вот-вот будут опустошены и потонут в крови. В то время как принцы оставались печальными и молчаливыми, прелаты и члены сейма в интересах Рима пришли в неистовство. "Пусть он будет предан смерти", [282] согласно отчету саксонского посланника, присутствовавшего на заседании, они кричали.

В церквях нюрнберга звучал совсем другой язык. Люди толпились в часовне, пристроенной к больнице, и в церквях августинцев, Святого Себальда и Святого Лаврентия, чтобы послушать проповедь Евангелия. Эндрю Осиандер мощно проповедовал в последнем храме. Несколько принцев, и особенно Альберт, маркграф Бранденбургский, который в качестве великого магистра Тевтонского ордена занял ранг сразу после архиепископов, часто бывали там. Монахи, покидавшие монастыри в городе, осваивали ремесла, чтобы своим трудом зарабатывать на жизнь.

Чиерегати не мог вынести такой дерзости. Он настоял на том, чтобы священники и мятежные монахи были брошены в тюрьму. Сейм, несмотря на решительное противодействие

посланников курфюрста Саксонии и маркграфа Казимира, принял решение арестовать монахов, но согласился предварительно сообщить о жалобе нунция Осиандеру и его коллегам. Эта обязанность была возложена на комитет, председателем которого был фанатичный кардинал Зальцбурга. Опасность была угрожающей; борьба вот-вот должна была начаться, и именно национальный совет спровоцировал ее.

Однако народ предвосхитил их. Пока сейм обсуждал, что следует делать с этими министрами, городской совет Нюрнберга рассматривал, как им следует поступить в связи с решением сейма. Они постановили, не выходя за рамки своей юрисдикции, что в случае попыток насильственного захвата городских проповедников они должны быть освобождены с помощью основных сил. Такое решение было очень важным. Изумленный сейм ответил нунцию, что арестовать проповедников вольного города Нюрнберга незаконно, если они ранее не были осуждены за ересь.

ОБЕЩАНИЯ РЕФОРМ.

Кьерегати был глубоко тронут этим новым оскорблением всемогущества папства. "Ну, тогда, - надменно сказал он Фердинанду, - ничего не делай, но позволь мне действовать. Я прикажу арестовать этих проповедников именем папы римского". [283] Как только кардиналу-архиепископу Альберту Менцскому и маркграфу Казимиру сообщили об этом экстравагантном плане, они поспешили к легату, умоляя его отказаться от своих намерений. Нунций был непоколебим, утверждая, что в лоне христианского мира повиновение папе имеет первостепенное значение. Два принца расстались с легатом, сказав: "Если ты будешь упорствовать в своем намерении, мы хотим, чтобы ты предупредил нас; ибо мы покинем город прежде, чем ты осмелишься наложить руки на этих проповедников". [284] Легат отказался от своего проекта.

Отчаявшись добиться успеха с помощью властных мер, он решил прибегнуть к другим средствам и с этой целью ознакомил сейм с намерениями и распоряжениями понтифика, которые тот до сих пор держал в секрете.

Но достойный Адриан, незнакомый с обычаями этого мира, своей откровенностью нанес ущерб делу, которому он так искренне желал служить. "Нам хорошо известно, - говорилось в постановлениях, переданных его легату, - что в течение многих лет в святой город проникали определенные злоупотребления и мерзости. [285] Зараза распространилась от головы к членам церкви; она перешла от пап к другим священнослужителям. Мы желаем реформировать этот римский суд, откуда исходит так много зла; весь мир жаждет этого, и для достижения этого мы согласились взойти на папский престол".

Сторонники Рима покраснели от стыда, услышав этот необычный язык. Они вместе с Паллавичини сочли, что эти признания были слишком искренними. [286] Друзья Реформации, напротив, были в восторге от того, что Рим объявил о своей собственной испорченности. Они больше не сомневались в правоте Лютера, поскольку сам папа заявил об этом.

ТРЕВОГА ЛЕГАТА.

Ответ сейма показал, насколько упал авторитет суверенного понтифика в империи. Казалось, дух Лютера проник в сердца представителей нации. Момент был благоприятный: Адриан, казалось, прислушивался; император отсутствовал; сейм решил собрать в одном органе все жалобы, которые Германия веками терпела от Рима, и переадресовать их папе.

Такая решимость испугала легата. Он поочередно умолял и угрожал. Он намекал, что под чисто религиозной внешностью реформатора скрываются большие политические опасности; он утверждал, подобно Адриану, что у этих детей беззакония нет другой цели, кроме как уничтожить всякое послушание и заставить каждого человека поступать так, как ему заблагорассудится. "Будут ли соблюдать ваши законы те люди, - сказал он, - которые не только презирают святые каноны Отца, но, более того, разрывают их на куски и сжигают в своей дьявольской ярости? Поощряют ли они ваши жизни, которые не боятся оскорбить, ударить, убить помазанника Господня? Это ужасное бедствие угрожает вашим личностям, вашему имуществу, вашим домам, вашим женам, вашим детям, вашим владениям, вашим государствам, вашим храмам и всему, что вы обожаете". [287]

ЖАЛОБЫ НАЦИИ.

Все эти декламации оказались безрезультатными. Сейм, хотя и одобрял обещания папы, требовал для их скорейшего выполнения, чтобы в Страсбурге, Менце, Кельне или Меце как можно скорее был собран свободный христианский собор, на котором должны присутствовать миряне. Миряне в совете! Миряне управляют делами Церкви совместно со священниками! Это больше, чем мы можем увидеть даже сейчас во многих протестантских государствах. Сейм добавил, что каждый человек должен иметь свободу свободно высказываться во славу Божью, ради спасения душ и блага христианского содружества. [288] Затем он приступил к составлению каталога своих жалоб, число которых составило восемьдесят. Злоупотребления и уловки пап и римского двора с целью вымогательства денег из Германии; скандалы и профанации духовенства; беспорядки и симония церковных трибуналов; посягательства на светскую власть с целью порабощения совести - все это излагалось с такой же откровенностью, как и энергично. Штаты дали папе понять, что человеческие традиции были источником всей этой коррупции, и в заключение сказали: "Если эти обиды не будут устранены в течение ограниченного времени, мы будем искать другие средства, чтобы избежать стольких притеснений и страданий". [289] Кьерегати, предвидя ужасный перерыв, который объявит сейм, поспешно покинул Нюрнберг, чтобы ему, возможно, не пришлось оглашать это печальное и дерзкое послание.

И все же не было ли оснований опасаться, что сейм попытается загладить свою смелость, принеся в жертву Лютера? Сначала люди так и думали, но дух справедливости и правды снизошел на это собрание. Оно требовало, как это сделал Лютер, созыва свободного собора в империи и добавляло, что тем временем должно проповедоваться только чистое Евангелие и ничто не должно печататься без одобрения определенного числа благочестивых и ученых людей. [290] Эти резолюции дают нам возможность оценить огромный прогресс, достигнутый Реформацией после вормского сейма; и все же рыцарь Фейлич, саксонский посланник, торжественно протестовал против этой цензуры, какой бы умеренной она ни была, которую предписывал сейм. Этот указ был расценен как первый триумф Реформации, за которым последуют другие, более решительные победы. Сами швейцарцы, находясь среди своих гор, трепетали от восторга. "Римский понтифик побежден в Германии", - сказал Цвингле. "Нам

больше ничего не остается, как лишить его оружия. Это битва, в которой нам сейчас предстоит сражаться, и она будет яростной. Но Христос - судья в этом конфликте ". [291] Лютер публично заявил, что сам Бог вдохновил князей составить этот указ. [292]

ПИСЬМО ПАПЫ РИМСКОГО ФРИДРИХУ.

Возмущение Ватиканом среди папских министров было очень велико. Что! разве недостаточно иметь папу, который не оправдывает всех ожиданий римлян и во дворце которого не поют и не играют; но, более того, светским князьям позволено придерживаться языка, который Рим ненавидит, и отказываться предать смерти виттембергского еретика!

Сам Адриан был полон негодования по поводу событий в Германии, и именно на голову курфюрста Саксонии он обрушил свой гнев. Никогда римские понтифики не издавали крика тревоги более энергичного, более искреннего и, возможно, более трогательного.

"Мы ждали долго — и, возможно, слишком долго, - сказал благочестивый Адриан в записке, адресованной им курфюрсту. - Нам не терпелось узнать, посетит ли Бог твою душу и не вырвешься ли ты наконец из сетей сатаны. Но когда мы посмотрели, чтобы собрать виноград, мы не нашли ничего, кроме кислого винограда. Воздуходувка дула напрасно; нечестие твое не иссякло. Открой же глаза твои, чтобы увидеть величие твоего падения!..

"Если единство Церкви нарушено; если простые люди отвернулись от той веры, которую они впитали у груди своих матерей; если храмы разрушены; если люди остались без священников; если священники не получают почестей, которые им причитаются; если христиане остались без Христа: кому это причитается, как не тебе? [293]..... Если христианский мир исчез с лица земли; если мир полон раздоров, мятежей, грабежей, убийств и пожаров; если призыв к войне раздается с востока на запад; если приближается вселенский конфликт: это ты —ты, кто является автором всего этого!

ЭМОЦИИ ФРЕДЕРИКА.

"Разве ты не видел, как этот святотатец (Лютер) раздирал своими нечестивыми руками и попирает своими нечистыми ногами изображения святых и даже святой крест Христов?..... Разве ты не видел, как он в своем нечестивом гневе подстрекает мирян обгагрять свои руки кровью священников и ниспровергать церкви Господа нашего?

- И какое это имеет значение, если священники, на которых он нападает, - злые священники? Разве Господь не сказал: *соблюдайте все, что они вам велят, соблюдайте и делайте; но не поступайте по их делам*; таким образом показывая честь, которая принадлежит им, даже когда их жизни достойны порицания. [294]

"Мятежный отступник! он не стыдится осквернять сосуды, посвященные Богу; он похищает из их святилищ святых дев, посвященных Христу, и отдает их дьяволу; он берет священников Господа и предает их гнусным блудницам... Ужасное осквернение! которые даже язычники с ужасом осудили бы в жрецах своих идолов!

"Как ты думаешь, какого наказания, какого мученичества, по нашему мнению, ты заслуживаешь?..... Пожалей себя; пожалей своих несчастных саксов; ибо, если вы все не вернетесь в лоно церкви, Бог изольет на вас свою месть.

"Во имя Всемогущего Бога и Господа нашего Иисуса Христа, представителем которого я являюсь на земле, я заявляю, что ты будешь наказан в этом мире и ввержен в вечный огонь в том, что грядет. Покайся и обрати себя!..... Два меча занесены над твоей головой — меч Империи и меч Церкви".

Благочестивый Фредерик содрогнулся, прочитав это угрожающее сообщение. Незадолго до этого он написал императору, что старость и болезнь сделали его неспособным принимать какое-либо участие в этих делах; и ему ответили самым дерзким письмом, которое когда-либо получал суверенный принц. Несмотря на преклонный возраст, он обратил свой взор на меч, который носил у гроба Господня в дни расцвета своей мужественной силы. Он начал думать, что ему придется обнажить его в защиту совести своих подданных и что, будучи уже на пороге могилы, ему не позволят спуститься к ней с миром. Он немедленно написал в Виттемберг, чтобы услышать мнение отцов Реформации.

МНЕНИЯ РЕФОРМАТОРОВ.

Там также ожидалась неприятности и преследования. "Что мне сказать?" - воскликнула кроткая Меланхтон. "Куда мне обратиться? Ненависть переполняет нас, и мир охвачен яростью против нас". [295] Лютер, Линк, Меланхтон, Бугенхаген и Амсдорф консультировались друг с другом по поводу ответа, который они должны дать избирателю. Их ответ был почти полностью того же содержания, и совет, который они ему дали, очень примечателен.

"Ни один правитель, - говорили они, - не может начать войну без согласия народа, из рук которого он получил свою власть. [296] Сейчас у людей нет желания сражаться за Евангелие, потому что они не верят. Поэтому пусть князья не берутся за оружие; они правители народов, а значит, и неверующих". Таким образом, именно пылкий Лютер посоветовал мудрому Фридриху вложить свой меч в ножны. Он не мог бы дать лучшего ответа на упрек папы в том, что он побудил мирян обогреть свои руки кровью духовенства. Мало кого из персонажей понимали так неправильно, как его. Этот совет был датирован 8 февраля. Фредерик сдержался.

Гнев папы вскоре принес свои плоды. Князья, которые высказывали свои претензии Риму, встревоженные собственной дерзостью, теперь желали загладить свою вину уступчивостью. Многие, кроме того, думали, что победа останется за римским понтификом, поскольку он казался более сильной стороной. "В наши дни, - сказал Лютер, - правители довольствуются тем, что говорят, что трижды три равно девяти; или же дважды семь равно четырнадцати": Подсчет верен; дело увенчается успехом. Тогда встает наш Господь Бог и говорит: "Сколько, по-вашему, меня?..... Возможно, для шифра?..... Затем он переворачивает их расчеты с ног на голову, и их счета оказываются ложными". [297]

ГЛАВА IV.

Преследования—Усилия герцога Георга—Монастырь в Антверпене—Мильтенберг—Три монаха из Антверпена—Эшафот—Брюссельские мученики.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ.

Поток огня, изливаемый смиренным и кротким Адрианом, разжег пожар; и его мерцающее пламя вызвало огромное волнение во всем христианском мире. Преследования, которые на некоторое время ослабли, вспыхнули с новой силой. Лютер дрожал за Германию и пытался утихомирить бурю. "Если князья, - сказал он, - воспротивятся истине, результатом будет смута, которая уничтожит князей и магистратов, священников и народ. Я боюсь вскоре увидеть всю Германию залитой кровью. [298] Давайте встанем стеной и защитим наш народ от гнева нашего Бога. Нации сейчас не таковы, какими они были до сих пор. [299] Меч гражданской войны занесен над головами наших королей. Они полны решимости уничтожить Лютера; но Лютер полон решимости спасти их. Христос жив и царствует; и я буду жить и царствовать с ним". [300]

Эти слова не произвели никакого эффекта; Рим спешил вперед, к эшафотам и кровопролитию. Реформация, подобно Иисусу Христу, пришла принести не мир, а меч. Преследование было необходимо в Божьих целях. Как определенные предметы закаляются в огне, чтобы защитить их от влияния атмосферы, так и испытание огнем было предназначено для защиты евангельской истины от влияния мира. Но огонь сделал еще больше: он послужил, как и в первобытные времена христианства, разжиганию в сердцах людей всеобщего энтузиазма по поводу дела, столь яростно преследуемого. Когда человек начинает познавать истину, он испытывает святое негодование против несправедливости и насилия. Инстинкт, ниспосланный небесами, толкает его на сторону угнетенных; и в то же время вера мучеников возвышает, завоевывает и ведет его к тому учению, которое придает такое мужество и спокойствие.

УСИЛИЯ ГЕРЦОГА ГЕОРГА.

Герцог Георг возглавил преследование. Но проводить его только в своих собственных штатах было сущим пустяком; он желал, прежде всего, чтобы это опустошило электоральную Саксонию, этот очаг ереси, и не жалел труда, чтобы сместить курфюрста Фридриха и герцога Иоанна. "Торговцы из Саксонии, - писал он им из Нюрнберга, - рассказывают странные вещи об этой стране, и такие, которые противоречат чести Бога и святых: они принимают таинство Вечери Господней своими руками!.....Хлеб и вино освящаются *на языке народа*; кровь Христа наливается в обычные сосуды; а в Эйленбурге человек, оскорбивший священника, въехал в церковь верхом на осле!..... Соответственно, каковы последствия? Рудники, которыми Бог обогатил Саксонию, пришли в упадок после новаторских проповедей Лютера. Молил бы Бог, чтобы те, кто хвастается тем, что возвысил Евангелие среди избирателей, скорее принесли его в Константинополь. Сорт Лютера сладок и приятен, но у него отравленный хвост, который жалит, как у скорпиона. Давайте теперь приготовимся к конфликту! Давайте заключим в тюрьму этих монахов-отступников и нечестивых священников, и это тоже без промедления, ибо наши волосы седеют так же, как и наши бороды, и это показывает нам, что у нас осталось совсем мало времени для действий ". [301]

Так писал герцог Георг курфюрсту. Последний ответил твердо, но мягко, что любой, кто совершил преступление в своих штатах, понесет должное наказание; но что касается совести, то такие вещи должны быть предоставлены Богу. [302]

АНТВЕРПЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

Георг, не сумев убедить Фредерика, поспешил преследовать последователей ненавистного ему дела. Он заключил в тюрьму монахов и священников, следовавших за Лютером; он отозвал студентов, принадлежащих к его штатам, из университетов, которых достигла Реформация; и приказал, чтобы все экземпляры Нового Завета на вульгарном языке были переданы магистратам. Те же меры были введены в действие в Австрии, Вюртемберге и герцогстве Брауншвейг.

Но именно в Нидерландах, находившихся под непосредственной властью Карла V. Преследование разразилось с наибольшей жестокостью. Монастырь августинцев в Антверпене был полон монахов, которые приветствовали истины Евангелия. Многие из братьев провели некоторое время в Виттемберге, и с 1519 года в их церкви с большой энергией проповедовалось спасение по благодати. Приор Джеймс Пробст, человек пылкого темперамента, и Мельхиор Мириш, который, с другой стороны, отличался своими способностями и благоразумием, были арестованы и доставлены в Брюссель примерно в конце 1521 года. Они предстали перед Алеандром, Глапионом и несколькими другими прелатами. Захваченный врасплох, сбитый с толку и встревоженный, Пробст отказался от своих слов. Мельхиор Мириш нашел средства успокоить своих судей; он избежал как отречения, так и осуждения.

Эти преследования не встревожили монахов, оставшихся в монастыре в Антверпене. Они продолжали с силой проповедовать Евангелие. Люди толпились, чтобы послушать их, и церковь августинцев в этом городе оказалась слишком маленькой, как это было в случае с церковью в Виттемберге. В октябре 1522 года разразилась буря, бушевавшая над их головами; монастырь был закрыт, а монахи брошены в тюрьму и приговорены к смерти. [303] Нескольким из них удалось сбежать. Несколько женщин, забыв о робости своего пола, вырвали одного из них (Генриха Цуфтена) из рук палачей. [304] Трое молодых монахов, Генри Воес, Джон Эш и Ламберт Торн, на время избежали поисков инквизиторов. Все священные сосуда монастыря были проданы; ворота были забаррикадированы; святое причастие было вынесено, словно из оскверненного места; Маргарет, губернатор Нидерландов, торжественно приняла его в церковь Пресвятой Богородицы; [305] были отданы приказы не оставлять камня на камне от этого еретического монастыря; и многие горожане и женщины, которые пострадали в результате нападения еретиков, радостно слушавшие Евангелие были брошены в тюрьму. [306]

Услышав эту новость, Лютер преисполнился печали. "Дело, которое мы защищаем, - сказал он, - больше не просто игра; в ней будет кровь, она требует наших жизней". [307]

МИРИШ И ПРОБСТ.

Мириша и Пробста ждали совершенно разные судьбы. Благоразумный Мириш вскоре стал послушным орудием Рима и проводником императорских указов против сторонников Реформации. [308] Пробст, напротив, вырвавшись из рук инквизиторов, оплакивал свое отступничество; он отказался от своего отречения и смело проповедовал в Брюгге во Фландрии доктрины, от которых он отрекся. Когда его снова арестовали и бросили в брюссельскую тюрьму, его смерть казалась неизбежной. [309] Францисканец сжалился над ним и помог ему бежать; и Пробст, "спасенный чудом Божьим", как говорит Лютер, добрался до Виттемберга, где его двойное освобождение наполнило радостью сердца друзей Реформации. [310]

MILTENBERG.

Со всех сторон римские священники были вооружены. Город Мильтенберг на реке Мэн, принадлежавший архиепископу Менцскому, был одним из немецких городов, которые приняли Слово Божье с величайшим рвением. Жители были очень привязаны к своему пастору Джону Драко, одному из самых просвещенных людей своего времени. Он был вынужден покинуть город, но римские священнослужители испугались и в то же время удалились, опасаясь мести народа. Остался только один евангельский дьякон, чтобы утешить их сердца. В то же время в город вошли войска из Менца: они растеклись по улицам, изрекая богохульства, размахивая мечами и предаваясь разврату. [311]

Некоторые евангельские христиане пали под их ударами; [312] другие были схвачены и брошены в темницы; римские обряды были восстановлены; чтение Библии было запрещено; а жителям было запрещено говорить о Евангелии даже на самых частных собраниях. При входе войск дьякон укрылся в доме бедной вдовы. На него донесли их командирам, которые послали солдата задержать его. Смиранный дьякон, услышав торопливые шаги солдата, который искал его жизни, спокойно ждал его, и как только дверь комнаты резко отворилась, он смиренно вышел вперед и, сердечно обняв его, сказал: "Приветствую тебя, брат; вот я; вложи свой меч в мою грудь". [313] Свирепый воин в изумлении выпустил меч из рук и защитил благочестивого евангелиста от дальнейшего вреда.

ТРИ МОНАХА ИЗ АНТВЕРПЕНА.

Тем временем инквизиторы Нидерландов, жаждущие крови, рыскали по стране, повсюду разыскивая молодых августинцев, бежавших от преследований в Антверпене. Эша, Воеса и Ламберта наконец обнаружили, заковали в цепи и отвели в Брюссель. Эгмонданус, Хохстратен и несколько других инквизиторов вызвали их к себе. "Отказываетесь ли вы от своего утверждения, - спросил Хохстратен, - что священник не имеет власти прощать грехи и что это принадлежит только Богу?" Затем он перешел к перечислению других евангельских доктрин, от которых они были призваны отречься. "Нет! мы ничего не откажемся, - твердо воскликнули Эш и Возс. - Мы не будем отрицать Слово Божье; мы скорее умрем за веру".

Инквизитор. — "Признайся, что тебя соблазнил Лютер".

Молодые августинцы. — "Как апостолы были соблазнены Иисусом Христом".

Инквизиторы. — "Мы объявляем вас еретиками, достойными сожжения заживо, и передаем вас в руки светских властей".

Ламберт хранил молчание; перспектива смерти ужасала его; отчаяние и сомнения терзали его душу. "Я прошу четыре дня", - сказал он сдавленным голосом. Его отвели обратно в тюрьму. Как только срок отсрочки истек, Эш и Воес были торжественно лишены своего священнического статуса и переданы совету губернатора Нидерландов. Совет доставил их, закованных в цепи, к палачу. Хохстратен и трое других инквизиторов сопровождали их к костру. [314]

Приблизившись к эшафоту, юные мученики спокойно смотрели на него; их твердость, их набожность, их возраст, [315] вызвали слезы даже у инквизиторов. Когда они были связаны, к ним подошли исповедники: "Мы еще раз спрашиваем вас, примете ли вы христианскую веру".

Мученики. — "Мы верим в христианскую церковь, но не в вашу".

Прошло полчаса: инквизиторы колебались, надеясь, что перспектива столь ужасной смерти устроит этих юношей. Но одни, спокойные среди бушующей толпы на площади, они пели псалмы, время от времени останавливаясь, чтобы смело заявить: "Мы умрем за имя Иисуса Христа".

"Обратитесь, обратитесь, — кричали инквизиторы, — или вы умрете во имя дьявола". - "Нет, - ответили мученики, - мы умрем как христиане и за истину Евангелия".

МУЧЕНИЧЕСТВО.

Стопка была подожжена. Пока пламя медленно поднималось, небесный покой наполнил их сердца, и один из них зашел так далеко, что сказал: "Кажется, я лежу на ложе из роз". [316] Торжественный час настал; смерть была близка: два мученика воскликнули громким голосом: "О Домине Иисусе! Фили Дэвид! *miserere nostri!* О Господь Иисус, Сын Давидов, помилуй нас!" Затем они начали торжественно повторять Апостольский символ Веры. [317] Наконец пламя добралось до них, опалив веревки, которыми они были привязаны к столбу, прежде чем у них испустилось дыхание. Один из них, воспользовавшись этой свободой, упал на колени посреди костра, [318] и, таким образом поклоняясь своему Учителю, воскликнул, сложив руки: "Господи Иисусе, Сын Давидов, помилуй нас!" Теперь пламя окружало их тела: они пели "*Te Deum*"; вскоре их голоса стихли, и от них не осталось ничего, кроме пепла.

Эта казнь длилась четыре часа. Таким образом, 1 июля 1523 года первые мученики Реформации отдали свои жизни за Евангелие.

Все порядочные люди содрогались, когда слышали об этом. Будущее наполняло их самыми острыми предчувствиями. "Казни начались", - сказал Эразмус. [319]— "Наконец, - воскликнул Лютер, - Христос собирает плоды нашей проповеди и создал новых мучеников".

Но радость, которую Лютер испытывал от постоянства этих двух молодых христиан, была омрачена мыслью о Ламберте. Последний был самым образованным из троих; он сменил Пробста на посту проповедника в Антверпене. Возмущенный в своей темнице и встревоженный перспективой смерти, он еще больше ужасался своей совести, которая упрекала его в трусости и побуждала исповедовать Евангелие. Вскоре он избавился от своих страхов и, смело провозгласив истину, умер, как и его братья. [320]

СОЧУВСТВИЕ ЛЮТЕРА.

Кровь этих мучеников собрала богатую жатву. Брюссель повернулся лицом к Евангелию. [321] "Где бы Алеандр ни копал, - сказал Эразм, - там он, похоже, сеял еретиков". [322]

"Ваши узы - мои, - сказал Лютер. - Ваши темницы и горящие костры - мои! [323].....Мы все с вами, и Господь во главе нас!" Затем он почтил память этих молодых монахов прекрасным гимном, и вскоре в Германии и Нидерландах, в городах и деревнях повсюду зазвучали эти мелодии, передавая энтузиазм по отношению к вере этих мучеников.

Нет! нет! их прах не умрет!
Но, разнесенные по всем землям,
Где упадет их святой прах,
вырастают святые племена.

Хотя сатана своей мощью может убивать
И заглушать их мощный голос,
Они торжествуют над ним в своей смерти,
И все еще радуются во Христе.

ГЛАВА V.

Новый папа Климент VII.—Легат Кампеджио—Нюрнбергский сейм—Требование легата—
Ответ сейма—Проект Светского собора—Тревога и усилия папы—Бавария—Ратисбонская
лига—Суровость и реформы—Политический раскол—Оппозиция—Интриги Рима—Декрет
Бургоса—Разрыв.

Адриан, несомненно, настаивал бы на этих насильственных мерах; бесполезность его усилий остановить реформу, его ортодоксальность, его рвение, его аскетизм и даже его добросовестность сделали бы его жестоким преследователем. Но этого Провидение не допустило. Он умер 14 сентября 1523 года, и римляне, вне себя от радости, что избавились от этого сурового иностранца, увенчали дверь кабинета его врача цветами и написали над ней такую надпись: "Спасителю своей страны".

КЛИМЕНТ VII.—КАМПЕДЖИО.

Джулио де Медичи, двоюродный брат Льва X., наследовал Адриану VI под именем Климента VII. Со дня его избрания больше не возникало вопроса о религиозной реформе. Новый папа, как и многие его предшественники, думал только о сохранении привилегий папства и использовании его ресурсов для своего собственного возвеличивания.

Стремясь исправить промахи Адриана, Климент послал в Нюрнберг легата своего круга, одного из самых искусных прелатов своего двора, человека с большим опытом в государственных делах и знакомого почти со всеми князьями Германии. Кардинал Кампеджио, ибо таково было его имя, после великолепного приема в итальянских городах по пути следования вскоре осознал перемены, произошедшие в империи. Войдя в Аугсбург, он хотел, как обычно, дать свое благословение народу, но они разразились смехом. Этого было достаточно: он въехал в Нюрнберг тайно, не заходя в церковь святого Себальда, где его ожидало духовенство. Навстречу ему не вышли священники в священнических украшениях; перед ним торжественно не несли креста; [324] можно было подумать, что это какое-то частное лицо, проходящее по улицам города. Все свидетельствовало о том, что правление папства подходит к концу.

Нюрнбергский сейм возобновил свои заседания в январе 1524 года. Национальному правительству угрожала буря из-за твердости Фридриха. Швабская лига, богатейшие города империи, и особенно Карл V. поклялись уничтожить его. Его обвинили в поддержке новой ереси. Соответственно, было решено реорганизовать эту администрацию без сохранения одного из ее бывших членов. Фридрих, убитый горем, немедленно покинул Нюрнберг.

ОТВЕТ ЛЕГАТА.

Приближался праздник Пасхи. Осиандер и евангельские проповедники удвоили свое рвение. Первый открыто заявлял в своих проповедях, что Антихрист вошел в Рим в тот самый день, когда Константин покинул его, чтобы устроить свою резиденцию в Константинополе. Освящение пальмовых ветвей и многие другие церемонии этого праздника были опущены: четыре тысячи человек приняли причастие в обоих видах, и королева Дании, сестра императора, таким же образом публично приняла его в замке. "Ах! — воскликнул эрцгерцог Фридрих, выходя из себя. - Если бы ты не была моей сестрой!" - "Нас родило одно чрево, - ответила королева, - и я пожертвую всем, чтобы угодить тебе, кроме Слова Божьего". [325]

Кампеджио содрогнулся, став свидетелем такой дерзости; но, делая вид, что презирает смех черни и речи проповедников, и опираясь на авторитет императора и папы, он напомнил сейму о вормсском эдикте и призвал его силой подавить реформацию. Услышав эти слова, многие князья и депутаты дали волю своему негодованию: "Что стало со списком претензий, представленным папе римским германским народом?" обратились они к Кампеджио. Легат, следуя его инструкциям, напустил на себя вид искренности и удивления и ответил: "Три копии этого списка достигли Рима; но мы не получали официального сообщения об этом, [326] и ни папа, ни коллегия кардиналов не могли поверить, что такой документ мог исходить от ваших светлостей. Мы думали, что это пришло от каких-то частных лиц, которые опубликовали это из ненависти к римскому двору. Вследствие этого у меня нет никаких инструкций по этому поводу".

Сейм был разгневан этим ответом. Если папа таким образом получит их представления, они также будут знать, как слушать тех, к кому он обращается. "Народ, - говорили многие депутаты, - жаждет Слова Божьего; и отнять его, как предписывает Вормсский эдикт, означало бы вызвать потоки крови".

ПЛАН СВЕТСКОГО СОВЕТА.

Сейм немедленно начал подготовку к ответу папе. Поскольку они не могли отменить вормсский эдикт, к нему был добавлен пункт, делающий его недействительным. Они сказали, "Люди должны соответствовать этому, *насколько это возможно*". [327] Теперь многие штаты объявили невозможным обеспечить его соблюдение. В то же время, поднимая назойливую тень Констанцского и Базельского соборов, сейм потребовал созыва генерального собора христианского мира, который должен был состояться в Германии.

Друзья Реформации этим не ограничились. Чего они могли ожидать от собора, который, возможно, никогда не будет созван и который при любых обстоятельствах будет состоять из епископов из всех стран? Подчинит ли Германия свои антиримские настроения прелатам из Франции, Испании, Италии и Англии? Правительство страны уже упразднено; вместо него должно быть создано национальное собрание для защиты интересов народа.

Напрасно Ханнарт, испанский посланник Карла V, и все сторонники Рима и императора пытались воспротивиться этому предложению; большинство членов сейма было непреклонно. Было решено, что сейм, светское собрание, должен собраться в Шпайерсе в ноябре месяце для урегулирования всех религиозных вопросов, и что штаты должны немедленно поручить своим теологам составить список спорных вопросов, которые будут представлены на рассмотрение этого августейского собрания.

Они немедленно приступили к выполнению своей задачи. Каждая провинция установила свой мемориал, и никогда еще Риму не угрожал более ужасный взрыв. Франкония, Бранденбург, Хеннебург, Виндсхайм, Вертхайм и Нюрнберг выступили в поддержку Евангелия и против семи таинств, злоупотреблений во время мессы, поклонения святым и папского превосходства. "Вот монета правильной марки", - сказал Лютер. Ни один из вопросов, волнующих общественное мнение, не будет оставлен без внимания в этом национальном совете. Большинство примет общие меры. Единство, независимость и реформирование Германии будут в безопасности.

УСИЛИЯ ПАПЫ РИМСКОГО—БАВАРИЯ.

Узнав об этом, папа не смог сдержать своего гнева. Что! как они смеют создавать светский трибунал для принятия решений по религиозным вопросам в прямом противоречии с его властью! [328] Если бы это чрезвычайное решение было выполнено, Германия, несомненно, была бы спасена, но Рим был бы потерян. Была срочно созвана консистория, и по тревоге сенаторов можно было подумать, что немцы идут маршем на Капитолий. "Мы должны снять избирательную шляпу с головы Фредерика", - сказал Алеандр. "Короли Англии и Испании должны пригрозить разорвать все торговые сношения со свободными городами", - сказал другой кардинал. В конце концов прихожане решили, что единственным средством безопасности будет сдвинуть небо и землю, чтобы предотвратить собрание в Шпайерсе.

Папа немедленно написал императору: "Если я первый, кто противостоит буре, то это не потому, что я единственный, кому буря угрожает, а потому, что я стою у руля. Права империи ущемлены еще больше, чем достоинство римского двора".

В то время как папа отправлял это письмо в Кастилию, он пытался найти союзников в Германии. Вскоре он приобрел власть над одним из самых могущественных домов империи - герцогами Баварскими. Вормсский эдикт соблюдался там не более строго, чем где бы то ни было, и евангелическая доктрина достигла большого прогресса. Но к концу 1521 года князья этой страны, побужденные доктором Эком, ректором Ингольштадтского университета, приблизились к Риму и опубликовали указ, предписывающий всем их подданным сохранять верность религии своих предков. [329]

Баварские епископы были встревожены этим посягательством светской власти. Эк отправился в Рим, чтобы просить папу о расширении полномочий в интересах князей. Папа даровал все и даже выделил герцогам пятую часть церковных доходов их страны.

РАТИСБОНСКАЯ ЛИГА.

Таким образом, в то время, когда Реформация не обладала организацией, римско-католицизм уже обращался за поддержкой к могущественным институтам; и католические князья с помощью папы наложили свои руки на доходы Церкви задолго до того, как Реформация осмелилась их коснуться. Что мы должны думать об упреках, которые римско-католики так часто высказывали в этом отношении?

Климент VII. мог бы рассчитывать, что Бавария предотвратит грозное собрание в Шпайерсе. Вскоре эрцгерцог Фердинанд, епископ Зальцбурга, и другие принцы, в свою очередь, были завоеваны.

Но Кампеджио хотел пойти еще дальше: Германия должна быть разделена на два враждебных лагеря; немцы должны быть противопоставлены немцам.

Некоторое время назад, во время своей резиденции в Штутгарде, легат согласовал с Фердинандом план создания лиги против Реформации. "В собрании, где слышен голос народа, есть чего опасаться", - сказал он. "Сейм Шпилей может разрушить Рим и спасти Виттемберг. Давайте сплотим наши ряды; давайте придем к взаимопониманию в день битвы". [330] Местом встречи был выбран Ратисбон.

Несмотря на ревность между домами Баварии и Австрии, Кампеджио удалось привезти герцогов Баварии и эрцгерцога Фердинанда в этот город в конце июня 1524 года. К ним присоединились архиепископ Зальцбурга и епископы Трента и Ратисбона. Епископы Шпайерса, Бамберга, Аугсбурга, Страсбурга, Базеля, Констанца, Фрейзингена, Пассау и Бриксена присутствовали в сопровождении заместителей.

Легат открыл их заседания, выразительно описав опасности, которыми Реформация угрожает как князьям, так и духовенству. "Давайте искореним ересь и спасем Церковь", - воскликнул он.

Конференция длилась пятнадцать дней в ратуше Ратисбона. Грандиозный бал, продолжавшийся до рассвета, оживил это первое католическое собрание, проведенное папством против зарождающейся Реформации. [331] После этого были приняты меры по уничтожению еретиков.

СТРОГОСТЬ И РЕФОРМА.

Легат считал, что, согласно пресловутой аксиоме Констанцкого собора, еретикам не следует хранить веру, [332] и тем временем он осуществлял этот великий принцип в небольших масштабах. Во время заседаний сейма в Нюрнберге Кампеджио взял глобус и книгу у бедного продавца астрономических инструментов: он оставил их себе и отказался выплачивать какую-либо компенсацию, потому что этот человек был лютеранином. Нашим авторитетом в связи с этим инцидентом является знаменитый Пиркхаймер, один из главных судей Нюрнберга. [333]

Князья и епископы обязались обеспечить соблюдение Вормсского и Нюрнбергского эдиктов; не допускать изменений в общественном богослужении; не терпеть женатого священника в своих государствах; отозвать всех своих подданных, которые могли учиться в Виттемберге; и использовать все доступные им средства для искоренения ереси. Они предписывали проповедникам при толковании трудных отрывков полагаться на отцов Латинской Церкви - Амвросия, Иеронима, Августина и Григория. Не решаясь перед лицом Реформации апеллировать к авторитету схоластов, они удовлетворились тем, что заложили первые основы римской ортодоксии.

Но, с другой стороны, поскольку они не могли закрывать глаза на скандалы и развращенную мораль священников, [334] они согласовали проект реформы, в котором попытались учесть те немецкие обиды, которые меньше всего касались римского двора. Священникам было запрещено торговать, посещать таверны, "часто бывать на танцах" и спорить за чашками о символах веры.

РИМСКИЕ ИНТРИГИ.

Таков был результат Ратисбонской конфедерации. [335] Даже поднимая оружие против Реформации, Рим кое в чем уступил; и в этих декретах мы можем наблюдать первое влияние Реформации шестнадцатого века, которое привело к внутреннему обновлению католицизма. Евангелие не может проявить свою силу без того, чтобы его враги не пытались так или иначе подражать ему. Эмсер опубликовал перевод Библии в противовес переводу Лютера; Эк его *Общие места*, в противовес переводу Меланхтона; [336] и теперь Рим противопоставлял Реформации те частичные очерки реформы, которыми обязан современный романизм. Но все эти работы на самом деле были тонкими уловками, чтобы спастись от надвигающейся опасности; ветви действительно были сорваны с дерева Реформации, но посажены в почву, которая их убила; в таких попытках не было и никогда не будет никакой жизнеспособности.

Здесь нам приходит на ум еще один факт. Римская партия сформировала при Ратисбоне первую лигу, нарушившую единство Германии. Сигнал к битве был дан из лагеря папы. Ратисбон был колыбелью этого разделения, этого политического раздиранья их родной земли, о котором так много немцев сожалеют по сей день. Национальное собрание Шпилей, санкционировав и обобщив реформу Церкви, обеспечило бы единство империи. Собрание сепаратистов в Ратисбоне навсегда разделило нацию на две партии. [337]

Однако планы Кампеджио поначалу не увенчались успехом, как ожидалось. Лишь немногие князья откликнулись на этот призыв. Самые решительные противники Лютера, герцог Георг Саксонский, курфюрст Иоахим Бранденбургский, церковные выборщики и имперские города, не принимали в этом участия. Считалось, что папский легат формирует в Германии римскую партию против самой нации. Народные симпатии уравнивали религиозные антипатии, и за короткое время *Ратисбонская реформация* стала всеобщим посмешищем. Но первый шаг был сделан, пример приведен. Предполагалось, что в конечном итоге укрепить и расширить римскую лигу не составит труда. Те, кто все еще колебался, обязательно были бы втянуты в это развитием событий. Легату Кампеджио принадлежит слава о том, что он вырыл подкоп, который самым серьезным образом угрожал свободам Германии, существованию империи и Реформации. Отныне дело Лютера перестало быть просто религиозным делом; спор с виттембергским монахом занял одно из первых мест среди политических событий Европы. Лютера вот-вот затмят; и Карл V, папа римский и принцы станут главными действующими лицами на сцене, где должна разыгаться великая драма шестнадцатого века.

БУРГОССКИЙ ЭДИКТ—РАЗРЫВ.

Тем не менее, собрание в Спайрсе все еще оставалось в поле зрения; оно могло исправить зло, причиненное Кампеджио в Ратисбоне. Рим приложил все усилия, чтобы предотвратить это. "Что?" - сказали папские наместники не только Карлу V, но и Генриху VIII. и другим князьям христианского мира: "Что? неужели эти наглые немцы притворяются, что решают вопросы веры в национальном собрании? Казалось бы, короли, имперская власть, весь христианский мир и весь мир должны подчиняться их указам!"

Момент был выбран удачно, чтобы воздействовать на императора. Война между этим принцем и Франциском I. была в самом разгаре. Пескара и коннетабль Бурбонский покинули Италию и, вступив во Францию в мае месяце, осадили Марсель. Папа римский, который недоброжелательно смотрел на это нападение, мог бы устроить мощную диверсию в тылу императорской армии. Карл, который, должно быть, боялся вызвать его неудовольствие, не

колеблясь, немедленно пожертвовал независимостью империи в пользу Рима и успеха своей борьбы с Францией.

15 июля Карл издал эдикт из Бургоса в Кастилии, в котором он заявлял властным и сердитым тоном, "что только папа имеет право созывать собор, а император требовать его проведения; что собрание, назначенное для проведения в Шпайерсе, не может и не должно быть терпимо; что странно, что немецкая нация взяла на себя задачу, которую все другие нации во вселенной, даже под руководством папы, не имели права выполнять; и что они должны поспешить привести в исполнение вормсский декрет против нового Магомета". . "

Таким образом, Испания и Италия нанесли удар, остановивший в Германии распространение Евангелия. Карл все еще не был удовлетворен. В 1519 году он предложил соединить свою сестру, эрцгерцогиню Екатерину, с Джоном Фредериком, сыном герцога Джона, брата курфюрста и наследника электората. Но разве не этот саксонский дом поддерживал в Германии те принципы религиозной и политической независимости, которые Карл ненавидел? Он решил полностью порвать с беспокойным и провинившимся представителем евангелических и национальных идей и выдал свою сестру замуж за Иоанна III, короля Португалии. Фредерик, который в 1519 году продемонстрировал свое безразличие к попыткам короля Испании, смог в 1524 году подавить негодование, которое он испытывал по поводу поведения императора; но герцог Иоанн высокомерно намекнул, что это действие очень глубоко ранило его чувства.

Таким образом, два враждебных лагеря, которым было суждено раздирать империю на столь длительный период, с каждым днем становились все более отчетливыми.

ГЛАВА VI.

Преследование —Гаспар Таубер—Книготорговец—Жестокости в Вюртемберге, Зальцбурге и Баварии—Померании—Генрих Цуфтенский.

Римскую партию это не удовлетворило. Ратисбонский союз не должен был быть простой формой; он должен был быть скреплен кровью. Фердинанд и Кампеджио вместе спустились по Дунаю из Ратисбона в Вену и во время своего путешествия связали друг друга жестокими обещаниями. Преследование немедленно вспыхнуло в австрийских государствах.

МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ГАСПАРА ТАУБЕРА.

Некто Гаспар Таубер, гражданин Вены, распространял труды Лютера и даже выступал против обращения к святым, чистилища и пресуществления. [338] Будучи брошенным в тюрьму, он был вызван своими судьями, как богословами, так и юристами, чтобы опровергнуть свои ошибки. Считалось, что он согласился, и в Вене были сделаны все приготовления, чтобы порадовать народ этим торжественным зрелищем. В праздник рождества Святой Марии на кладбище Святого Стефана были установлены две кафедры: одна для руководителя хора, который должен был своими песнопениями восхвалять раскаяние еретика, а другая для самого Таубера. Формула отречения была передана ему в руки; [339] народ и певчие ждали в тишине. То ли Таубер не давал никаких обещаний, то ли в момент отречения его вера внезапно возродилась с новой силой, он воскликнул: "Я не убежден, и я взываю к священной Римской империи!" Духовенство, певчие и простые люди были охвачены изумлением и тревогой. Но Таубер

продолжал призывать скорее к смерти, чем к отрицанию Евангелия. Он был обезглавлен, а его тело сожжено; [340] и его мужество произвели неизгладимое впечатление на жителей Вены.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ВЕНГРИИ И ВЮРТЕМБЕРГЕ.

В Буде в Венгрии евангелический книготорговец по имени Джон распространил Новый Завет Лютера и другие его труды по всей стране. Он был привязан к столбу; затем его преследователи сложили вокруг него его книги, окружив его, как в башне, а затем подожгли их. Иоанн проявил непоколебимое мужество, воскликнув из гущи пламени, что он рад пострадать за дело Господне. [341] "Кровь следует за кровью, - воскликнул Лютер, когда ему сообщили об этом мученичестве, - но та щедрая кровь, которую любит проливать Рим, в конце концов задушит папу вместе с его королями и их королевствами". [342]

Фанатизм становился свирепее с каждым днем; служители евангелической церкви были изгнаны из своих церквей; судьи были изгнаны; временами применялись самые ужасные наказания. В Вюртемберге инквизитор по имени Райхлер приказал повесить лютеран, и прежде всего проповедников, на деревьях. Были найдены варварские негодяи, которые бесчувственно пригвоздили пасторов за их языки к столбу; так что эти несчастные жертвы, яростно вырываясь из дерева, к которому они были привязаны, были ужасно изувечены в попытке вернуть себе свободу и, таким образом, лишены того дара, которым они долгое время пользовались для проповеди Евангелия. [343]

БАВАРСКИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ.

Аналогичные преследования имели место и в других штатах католической лиги. Евангелического служителя из окрестностей Зальцбурга отвели в тюрьму, где ему предстояло провести остаток своих дней; в то время как полиция, которая держала его под стражей, выпивала в придорожной пивной, двое молодых крестьян, движимые состраданием, ускользнули от их бдительности и освободили пастора. Гнев архиепископа возгорелся против этих бедных людей, и без какого-либо суда им было приказано обезглавить. Ранним утром их тайно вывели за город; и когда они прибыли на равнину, где им предстояло умереть, сам палач заколебался, ибо (сказал он) их еще не судили. "Делайте то, что я вам приказываю, - резко ответил посланник архиепископа, - и возложите ответственность на принца!" - и головы этих юных освободителей немедленно пали от меча. [344]

Наиболее жестокие преследования были во владениях герцога Баварского: священники были лишены своих должностей; дворяне изгнаны из своих замков; шпионы заполнили всю страну; и в каждом сердце царили недоверие и тревога. Когда Бернард Фихтель, мировой судья, направлялся в Нюрнберг по делам герцога, по дороге он встретился с Фрэнсисом Буркхардтом, профессором из Ингольштадта и одним из друзей доктора Эка. Буркхардт подошел к нему, и они отправились в путь вместе. После ужина профессор заговорил о религии; Фихтель, который был не чужд своему попутчику, напомнил ему, что новый эдикт запрещает подобные разговоры. "Между нами, - ответил Буркхардт, - бояться нечего". На это Фихтель заметил: "Я не думаю, что этот указ когда-либо может быть приведен в исполнение". Затем он продолжил двусмысленно высказываться о чистилище и сказал, что это ужасная вещь - наказывать смертью за религиозные разногласия. При этих словах Буркхардт не смог сдержаться: "Что может быть справедливее, - сказал он, - чем отрубить головы всем этим лютеранским негодяям!" Он дружески попрощался с Фихтелем, но тут же осудил его. Фихтеля бросили в тюрьму, и

несчастный человек, который никогда не думал о том, чтобы стать мучеником, и чьи религиозные убеждения были не очень глубокими, избежал смерти только благодаря позорному отречению. Ни в одном месте не было безопасности, даже в кругу друзей.

Но другие встретили ту смерть, от которой избежал Фихтель. Тщетно проповедовалось Евангелие втайне; [345] герцоги отслеживали его в неизвестности и тайне — под домашним кровом и в пустынных полях.

"Крест и гонения царят в Баварии, - сказал Лютер. - Эти дикие звери доводят себя до безумия". [346]

Даже север Германии не был свободен от этих жестокостей. Богислав, герцог Померании, был мертв, его сын, воспитанный при дворе герцога Георга, преследовал Евангелие; Суавен и Книпстроу были вынуждены бежать.

Но именно в Гольштейне произошел один из самых экстраординарных случаев фанатизма.

HENRY VON ZUPHTEN.

Генрих фон Зупфтен, сбежавший, как мы видели, из монастыря в Антверпене, проповедовал Евангелие в Бремене; Николас Бойе, пастор Мелдорфа в Дитмарше, и несколько благочестивых людей из того района пригласили его приехать и провозгласить среди них Иисуса Христа. Он выполнил их пожелания. Немедленно приор доминиканцев и викарий гамбургского чиновника посовещались. "Если он будет проповедовать, а люди будут слушать его, - говорили они, - все пропало!" Приор, проведя беспокойную ночь, встал рано и отправился на бесплодную и неведомую пустошь, где сорок восемь регентов страны обычно проводили свои собрания. "Бременский монах пришел погубить всех Дитмаршеров", - сказал он им. Эти сорок восемь простодушных и невежественных людей, будучи убеждены, что они приобретут великую известность, избавив мир от монаха-еретика, решили предать его смерти, даже не увидев и не услышав его.

Это было в субботу, и приор хотел помешать Генри проповедовать на следующий день. Он прибыл в дом пастора Бойе посреди ночи с письмом сорока восьми регентов. "Если будет Божья воля, чтобы я умер среди дитмаршеров, - сказал Генрих фон Цупфтен, - небеса там так же близки мне, как и везде; [347] Я буду проповедовать".

Он поднялся за кафедру и проповедовал с огромной энергией. Его слушатели, тронутые и взволнованные его христианским красноречием, едва успели покинуть церковь, как приор вручил им письмо сорока восьми регентов, запрещавшее монаху проповедовать. Они немедленно послали своих представителей на пустошь, и после долгого обсуждения Дитмаршеры согласились, что, учитывая их большое невежество, они подождут до Пасхи. Но разгневанный приор подошел к некоторым регентам и с новой силой разжег их рвение. "Мы напишем ему", — сказали они. "Думайте, что делаете, - ответил приор. - если он начнет говорить, мы ничего не сможем с ним поделать. Мы должны схватить его ночью и сжечь прежде, чем он успеет открыть рот.

Они твердо решили следовать этим курсом. С наступлением темноты на следующий день после праздника Зачатия зазвонил колокол *"Аве Мария"*. По этому сигналу собрались все окрестные жители в количестве пятисот человек, и их предводители, выпив три бочки гамбургского пива,

этим придали им большое мужество. Пробило полночь, когда они добрались до Мелдорфа; крестьяне были вооружены; монахи несли факелы; все маршировали в беспорядке, обмениваясь яростными криками. Войдя в деревню, они хранили глубокое молчание, опасаясь, что Генри сбежит.

Внезапно ворота пасторского дома распахнулись; пьяные крестьяне ворвались внутрь, круша все, что попадалось им на глаза; тарелки, чайники, кувшины, одежда были разбросаны в беспорядке; они схватили все золото и серебро, которые смогли найти, и, набросившись на бедного пастора, избили его с громкими криками "Убейте его! убей его!" - а затем швырнул его в грязь. Но они искали Генри; они вытащили его из постели, связали ему руки за спиной и потащили за собой, голого, в пронизывающе холодную ночь. "Зачем ты пришел сюда?" - спросили они. Когда Генрих ответил мягко, они закричали: "Долой его! долой его! если мы послушаем его, мы тоже станем еретиками!" Они тащили его голым по льду и снегу; его ноги кровоточили; он умолял, чтобы его посадили верхом. "Да, действительно, - ответили они, насмехаясь над ним, - мы найдем лошадей для еретиков!..... Марш!" — И они продолжали торопить его в сторону пустоши. Женщина, стоявшая в дверях своего коттеджа, когда слуга Божий проходил мимо, начала плакать. "Моя добрая женщина, - сказал Генри, - не плачь обо мне". Судебный пристав вынес ему приговор. После этого один из безумцев, притащивших его сюда, ударил проповедника Иисуса Христа мечом по голове; другой нанес ему удар дубинкой; после чего они привели к нему бедного монаха, чтобы тот исповедался. "Брат, - сказал Генри, - я когда-нибудь причинил тебе что-нибудь плохое?" — "Никакого", - ответил монах. "В таком случае мне не в чем перед вами исповедоваться, - продолжал Генри, - и вам не в чем меня прощать". Монах в замешательстве удалился. Было предпринято несколько безуспешных попыток разжечь костер; поленья не загорались. В течение двух часов мученик оставался таким перед разъяренными крестьянами — спокойным, поднимая глаза к небу. Пока они связывали его, чтобы бросить в огонь, он начал исповедовать свою веру. "Сначала сожги, - сказал крестьянин, ударив его кулаком по губам, - и тогда ты сможешь говорить!" Они попытались швырнуть его на кучу, но он упал набок. Джон Холм, схватив дубинку, ударил его в грудь, и он был уложен мертвым на горящую кучу. "Такова подлинная история страданий святого мученика Генриха фон Цуфтена".

[348]

ГЛАВА VI.

Разногласия—Вечеря Господня—Две крайности—Открытие Хозна—Карлштадт—Лютер—Мистицизм энтузиастов—Карлштадт в Орламунде—Миссия Лютера—Интервью за столом—Конференция Орламунда—Карлштадт изгнан.

В то время как римская партия повсюду обнажала меч против Реформации, эта работа претерпела новые изменения. Не в Цюрихе и не в Женеве, а в Виттемберге, средоточии лютеранского возрождения, мы должны искать начало той реформатской церкви, главным врачом которой стал Кальвин. Эти две великие семьи спали в одной колыбели. Союз подобным же образом должен был увенчать их зрелый возраст. Но когда однажды возник вопрос о Вечере Господней, Лютер яростно отверг реформатский элемент и связал себя и свою Церковь исключительно лютеранством. Досада, которую он испытывал по поводу этой конкурирующей доктрины, заставила его во многом утратить свою природную доброту и пробудила в нем недоверие, привычное недовольство и раздражение, к которым он до сих пор был незнаком.

ДВЕ КРАЙНОСТИ.

Спор разгорелся между двумя старыми друзьями, двумя чемпионами, которые бок о бок сражались в Лейпциге против Рима, — между Карлштадтом и Лютером. В каждом из них приверженность противоположным доктринам проистекала из склада ума, заслуживающего нашего уважения. Фактически, в вопросах религии есть две крайности: одна материализует, другая одухотворяет все. Первая из этих двух крайностей принадлежит Риму, вторая - мистикам. Религия, как и сам человек, состоит из тела и души; чистые идеалисты, так же как и материалисты, одинаково ошибаются как в религиозных воззрениях, так и в философских системах.

Таков великий вопрос, скрытый за дискуссией о Вечере Господней. В то время как на поверхностный взгляд мы не видим ничего, кроме тривиального спора о словах, более глубокое наблюдение раскрывает нам одно из самых важных противоречий, которые могут занимать человеческий разум.

Здесь реформаторы разделяются на две партии, но каждая уносит с собой частицу истины. Лютер и его последователи намерены выступить против преувеличенного спиритуализма; Карлштадт и реформаты нападают на ненавистный материализм. Каждый из них обличает ошибку, которая, по его мнению, кажется наиболее фатальной, и, критикуя ее, возможно, выходит за рамки истины. Но это не имеет значения; каждый из них верен в своей общей тенденции, и, хотя эти два прославленных учителя принадлежат к двум разным сонмам, они оба стоят под одним общим знаменем — знаменем Иисуса Христа, который один есть Истина в ее бесконечной протяженности.

Карлштадт считал, что ничто не может быть более пагубным для истинного благочестия, чем вера во внешние церемонии и в определенное магическое влияние таинств. Внешнее участие в Вечере Господней, согласно Риму, было достаточным для спасения, и этот принцип материализовал религию. Карлштадт не видел лучшего способа восстановить свою духовность, чем отрицание всякого присутствия тела Христова: и он учил, что этот святой праздник был для верующих просто залогом их искупления.

Пришел ли Карлштадт к этим выводам без посторонней помощи? Нет: в Церкви все взаимосвязано; и историческое происхождение реформатской доктрины, которое так долго упускалось из виду, теперь кажется четко установленным. Несомненно, мы не можем не увидеть в этом учении чувства нескольких Отцов Церкви; но если мы поищем в длинной цепи веков звено, которое более непосредственно связывает Карлштадта и швейцарских реформаторов, мы найдем его в Джоне Весселе, самом прославленном враче пятнадцатого века. [\[349\]](#)

ОТКРЫТИЕ ХОЭНА.

Христианский юрист из Голландии Корнелиус Хоэн (Honius), друг Эразма и брошенный в тюрьму в 1523 году за свою приверженность Евангелию, нашел среди бумаг Джеймса Хука, настоятеля Наельдвика и большого друга Вессела, несколько трактатов этого знаменитого врача, касающихся Вечери Господней. [\[350\]](#) Хоэн, убежденный в истинности духовного смысла, приписываемого Весселем этому таинству, счел своим долгом передать реформаторам эти документы, написанные его соотечественником. Поэтому он передал их двум своим друзьям, Джону Родиусу, президенту "Братьев общей жизни" в Утрехте, и Джорджу Сагарусу, или Саганусу, вместе с письмом на ту же тему и пожелал, чтобы они представили их все Лютеру.

Примерно в конце 1520 года два голландца прибыли в Виттемберг, где Карлштадт, по-видимому, с первого момента благосклонно принял их; в то время как Лютер, по своему обыкновению, пригласил этих иностранных друзей встретиться с некоторыми из своих коллег за обедом. Разговор, естественно, зашел о сокровищах, которые привезли с собой эти голландцы, и особенно о трудах Вессела о Вечере Господней.

Родиус предложил Лютеру принять доктрину, которую так ясно изложил великий врач пятнадцатого века, а Карлштадт умолял своего друга признать духовное значение Евхаристии и даже выступить против плотского вкушения тела Христа. Лютер покачал головой и отказался, на что Карлштадт горячо воскликнул: "Что ж, тогда, если ты не сделаешь этого, сделаю я, хотя и гораздо менее приспособленный, чем ты". Таково было начало раскола, который впоследствии произошел между этими двумя коллегами. [351] Двое нидерландцев, получив отказ в Саксонии, решили повернуть свои шаги в сторону Швейцарии, где мы встретимся с ними снова.

КАРЛШТАДТ И ЛЮТЕР —МИСТИЦИЗМ.

С этого момента Лютер пошел в диаметрально противоположном направлении. Поначалу он, по-видимому, придерживался мнения, на которое мы только что указали. В своем трактате о мессе, который появился в 1520 году, он сказал: "Я могу каждый день принимать участие в таинствах, если только буду вспоминать слова и обетования Христа и если я буду питать и укреплять ими свою веру". Ни Карлштадт, ни Цвингле, ни Кальвин никогда не использовали более сильных выражений, чем это. Похоже даже, что в тот период ему часто приходила в голову мысль, что символическое объяснение Вечери Господней было бы самым мощным оружием для переворота папской системы сверху донизу; ибо в 1525 году он сказал, что пятью годами ранее он подвергся многим суровым искушениям ради этой доктрины, [352] и что человек, который мог бы доказать ему, что существует только хлеб и вино в евхаристии оказали бы ему величайшую услугу.

Но новые обстоятельства заставили его выступить против тех самых мнений, к которым он так близко подошел, порой не без насилия. Фанатизм энтузиастов того времени объясняет направление, которое теперь избрал Лютер. Они не довольствовались недооценкой того, что они называли внешним Словом, то есть Библией, и претендовали на особые откровения от Святого Духа; они зашли так далеко, что презирали таинство Вечери Господней как нечто внешнее и говорили о внутреннем общении как о единственно истинном общении. С того времени в каждой попытке символически объяснить учение о Вечере Господней Лютер видел только опасность ослабления авторитета Священного Писания; замены их действительного значения произвольными аллегориями; одухотворения всего в религии; превращения ее не в дары Божьи, а во впечатления людей; и замены таким образом истинного христианства мистицизмом, теософией, фанатизмом, которые безошибочно стали бы его могилой. Мы должны признать, что, если бы не яростное сопротивление Лютера, мистическая, восторженная и субъективистская тенденция, тогда, возможно, добилась бы быстрого прогресса и обратила бы вспять поток благословений, которые Реформация должна была распространить по всему миру.

КАРЛШТАДТ В ОРЛАМУНДЕ.

Карлштадт, раздраженный тем, что ему не дают свободно разъяснять его доктрину в Виттемберге, побуждаемый своей совестью бороться с системой, которая, по его мнению,

"принижала смерть Христа и уничтожала его праведность", решил "публично засвидетельствовать это из любви к бедному и жестоко обманутому христианскому миру". Он покинул Виттемберг в начале 1524 года, не поставив в известность ни университет, ни капитул о своих намерениях, и направился в небольшой городок Орламунд, церковь которого была передана под его надзор. Он отправил в отставку действующего президента, назначил себя пастором вместо него и, несмотря на капитул, университет и электорат, утвердился на этом новом посту.

Вскоре он начал распространять свое учение. "Невозможно, - сказал он, - найти в реальном присутствии какое-либо преимущество, которое не проистекает из веры; следовательно, оно бесполезно". Объясняя слова Христа при учреждении Вечери Господней, он прибегнул к толкованию, которое не допускается реформатскими церквями. Лютер в диспуте в Лейпциге объяснил эти слова так: *Ты - Петр, и на этой скале Я построю свою Церковь*, разделив эти два положения и применив последнее к личности нашего Спасителя. "Подобным образом, - сказал Карлштадт, - слова *"возьми"*, *"ешь"* относятся к хлебу; но *это мое тело* относится к Иисусу Христу, который затем указал на себя и символом преломления хлеба дал понять, что его тело вскоре будет преломлено".

БЕСЕДА ЛЮТЕРА И КАРЛШТАДТА.

Карлштадт на этом не остановился. Едва он освободился от опеки Лютера, как почувствовал, что его рвение к изображениям возродилось. Его неосторожные речи и восторженный язык легко воспламеняли умы людей в эти беспокойные времена. Люди, вообразив, что слышат второго Илию, разбили идолов Ваала. Волнение вскоре распространилось по окрестным деревням. Курфюрст хотел вмешаться, но крестьяне ответили, что они должны повиноваться Богу, а не человеку. После этого принц решил послать Лютера в Орламунд для восстановления мира. Лютер считал Карлштадта человеком, снedaемым любовью к дурной славе, [353] фанатиком, который мог увлечься настолько, что развязал войну с самим Христом. Фредерик, возможно, сделал бы более мудрый выбор. Лютер ушел, и Карлштадту было суждено увидеть, как этот беспокойный соперник снова явился и нарушил его планы реформ и остановил его стремительный полет.

Йена находилась на пути в Орламунд. Лютер прибыл в этот город 23 августа, а 24-го поднялся за кафедру в семь утра; он полтора часа говорил в присутствии многочисленной аудитории против фанатизма, бунта, разрушения образов и презрения к реальному присутствию, наиболее энергично обрушиваясь с критикой на нововведения Орламунда. Он не назвал Карлштадта по имени, но каждый мог видеть, кого он имеет в виду.

Карлштадт, случайно или намеренно, оказался в Йене, в числе слушателей Лютера. Он, не колеблясь, стал искать объяснения этой проповеди. Лютер обедал с приором Виттемберга, бургомистром, городским писарем, пастором Йены и несколькими чиновниками императора и маркграфа, когда получил письмо из Карлштадта с требованием о встрече; он передал его своим соседям и ответил предъявителю: "Если доктор Карлштадт желает прийти ко мне, пусть приходит; если нет, я могу обойтись без него". Пришел Карлштадт. Его визит произвел оживленную сенсацию во всей компании. Большинство, горя желанием увидеть схватку двух львов, отложили трапезу и смотрели, в то время как более робкие побледнели от тревоги.

ВЫЗОВ.

Карлштадт, по приглашению Лютера, сел напротив него и сказал: "Доктор, в своей утренней проповеди вы причислили меня к тем, кто насаждает мятеж и убийства. Такое обвинение я объявляю ложным".

Лютер.— "Я не называл тебя по имени, но поскольку кепка тебе подходит, можешь носить ее".

После короткой паузы Карлштадт продолжил:

"Я берусь доказать, что в учении о таинстве вы противоречили сами себе и что никто со времен апостолов не учил этому так чисто, как я".

Лютер.— "Пиши! оспаривай мое мнение!"

Карлштадт. — "Я предлагаю вам публичный диспут в Виттемберге или в Эрфурте, если вы обеспечите мне охранную грамоту".

Лютер. — "Ничего не бойтесь, доктор".

Карлштадт.— "Вы связываете меня по рукам и ногам, а когда лишаете возможности защищаться, наносите мне удары". [\[354\]](#)

Последовало еще одно короткое молчание, после чего Лютер продолжил:—

"Пишите против меня, но открыто, а не тайно".

Карлштадт. — "Я бы так и сделал, если бы знал, что вы говорите искренне".

Лютер. — "Сделай это, и я дам тебе флорин".

Карлштадт. — Отдай его мне; я принимаю вызов.

При этих словах Лютер достал из кармана золотой флорин и, отдавая его Карлштадту, сказал: "Вот деньги: теперь бей смело".

Карлштадт, держа флорин в руке, повернулся к собравшимся и сказал: "Дорогие братья, это мой залог, ордер, который я уполномочен выписать против доктора Лютера; будьте свидетелями этого".

Затем, согнув флорин, чтобы его снова узнали, он положил его в свой кошелек и пожал руку Лютеру, который выпил за его здоровье, на что Карлштадт ответил тем же. "Чем энергичнее ваша атака, тем больше она мне понравится", - продолжил Лютер.

"Если я буду скучать по тебе, - ответил Карлштадт, - то это будет не по моей вине".

Они еще раз пожали друг другу руки, и Карлштадт вернулся в свое жилище.

Таким образом, говорит историк, как от одной искры часто загорается целый лес, так и от этого небольшого начала в Церкви возникло великое разделение. [\[355\]](#)

ЛЮТЕР И КАРЛШТАДТ В ОРЛАМУНДЕ.

Лютер отправился в Орламунд и прибыл туда очень плохо подготовленным к сцене в Йене. Он собрал совет и церковь и сказал: "Ни курфюрст, ни университет не признают Карлштадта вашим пастором". — "Если Карлштадт не наш пастор, - ответил казначей городского совета, - то св. Павел - лжеучитель, и ваши книги полны лжи, потому что мы избрали его".

Как только он это сказал, в комнату вошел Карлштадт. Некоторые из тех, кто был рядом с Лютером, предложили ему сесть, но Карлштадт, подойдя прямо к Лютеру, сказал: "Дорогой доктор, если вы позволите мне, я вас развлеку".

Лютер. — "Ты мой противник. Я дал тебе золотой флорин для этой цели".

Карлштадт. — "Я буду твоим противником до тех пор, пока ты остаешься врагом Бога и его истины".

Лютер. — "Покиньте комнату: я не могу позволить вам присутствовать здесь".

Карлштадт. — "Это публичное собрание. Если ваше дело правое, почему вы должны меня бояться?"

Лютер *своему слуге*. — Иди и запряги лошадей; я не имею никакого отношения к Карлштадту, и, поскольку он не хочет уезжать, я должен. [\[356\]](#)

В то же время Лютер поднялся со своего места, после чего Карлштадт вышел из комнаты.

После короткой паузы Лютер продолжил:—

"Докажите Священным Писанием, что мы должны уничтожить изображения".

Член совета, *открывающий Библию*. — "Доктор, вы, однако, согласитесь со мной, что Моисей знал Божьи заповеди? Что ж, тогда вот его слова: *Не делай себе никакого истукана или какого-либо подобия*."

Лютер. — "Этот отрывок относится только к идолопоклонническим изображениям. Если у меня в комнате висит распятие, и я не поклоняюсь ему, какой вред это может мне принести?"

Сапожник. — "Я часто снимал шляпу перед изображением, которое видел в комнате или на улице. Это идолопоклоннический акт, который лишает Бога славы, которая принадлежит ему одному".

Лютер. — "Должны ли мы тогда из-за их жестокого обращения предавать смерти наших женщин и выливать наше вино на улицы?" [\[357\]](#)

Другой член Церкви. — "Нет! это Божьи создания, которых нам не приказано уничтожать".

ИЗГНАНИЕ КАРЛШТАДТА.

После того, как конференция продлилась еще некоторое время, Лютер и его друзья вернулись в свой вагон, пораженные увиденным и не преуспевшие в том, чтобы убедить жителей, которые заявили о своем праве свободно толковать и объяснять Священное Писание. Волнение в Орламунде было очень велико; люди оскорбляли Лютера, и некоторые из них кричали: "Убирайтесь, во имя всех дьяволов! Чтобы ты не сломал себе шею, прежде чем выберешься из нашего города!" [\[358\]](#) Никогда реформатор не подвергался такому унижению.

Оттуда он отправился в Кале, где пастор также принял доктрины Карлштадта и решил проповедовать там. Но когда он взошел на кафедру, то обнаружил фрагменты распятия. Сначала его волнение было очень велико; но, придя в себя, он собрал осколки в угол и произнес проповедь без единого намека на это обстоятельство. Позже он сказал: "Я решил отомстить дьяволу своим презрением".

Чем ближе курфюрст подходил к концу своих дней, тем больше он опасался, как бы люди не зашли слишком далеко в Реформации. Он отдал приказ, чтобы Карлштадт был лишен своих должностей и чтобы он покинул не только Орламунд, но и избирательные штаты. Напрасно церковь этого места ходатайствовала в его пользу; напрасно они просили, чтобы ему разрешили остаться среди них в качестве частного лица, с разрешением время от времени проповедовать; напрасно они заявляли, что ценят Божью истину больше, чем весь мир или даже тысячу миров, [359] если бы Бог сотворил столько: Фредерик был непреклонен, и он никогда не отступал. даже зашел так далеко, что отказал Карлштадту в средствах, необходимых для его путешествия. Лютер не имел никакого отношения к этим суровым мерам принца; они были далеки от его расположения, как он показал позже. Но Карлштадт смотрел на него как на виновника всех своих несчастий и наполнял Германию своими жалобами и причитаниями. Он написал прощальное обращение к своим друзьям в Орламунде. Звон колоколов созвал людей, и письмо, которое было зачитано собравшейся церкви, вызвало слезы у всех на глазах. [360] Оно было подписано: "Эндрю Боденштайн, изгнан Лютером, не выслушан и не признан виновным".

УНЫНИЕ ЛЮТЕРА—ПУТЕШЕСТВИЯ КАРЛШТАДТА.

Нам не может не быть больно видеть соперничество между этими двумя мужчинами, которые когда-то были друзьями и которые оба были такими превосходными. Чувство печали овладело всеми последователями Реформации. Что стало бы с ней теперь, когда ее самые прославленные защитники таким образом противостояли друг другу? Лютер заметил эти опасения и попытался развеять их. "Давайте сражаться, - сказал он, - как будто сражаемся за другого. Причина - Божья, забота - Божья, работа - Божья, победа - Божья, и Богу принадлежит слава! [361] Он будет бороться и побеждать без нас. Пусть падет то, что должно пасть; пусть выстоит то, что должно выстоять. На карту поставлено не наше собственное дело и не наша собственная слава, которой мы добиваемся".

Карлштадт укрылся в Страсбурге, где опубликовал несколько работ. Он был хорошим знатоком латыни, греческого и иврита, говорит доктор Шер; и Лютер признавал его превосходную эрудицию. Наделенный возвышенным умом, он пожертвовал своей репутацией, своим положением, своим домом, самым своим хлебом ради своих убеждений. Впоследствии он отправился в Швейцарию; именно там он должен был начать свое преподавание: его независимость нуждалась в свободном воздухе, которым дышали Цвингле и Николампاديус. Его доктрина вскоре привлекла почти столько же внимания, сколько первые тезисы Лютера. Швейцария, казалось, была завоевана; Буцер и Капито, казалось, были увлечены этим.

Негодование Лютера тогда достигло апогея, и он опубликовал одну из самых сильных, но в то же время одну из своих самых жестоких и противоречивых работ — свою книгу "*Против небесных пророков*".

Таким образом, Реформация, атакованная папой, императором, князьями, начала также разрушать свои собственные жизненно важные органы. Казалось, что она должна была рухнуть под тяжестью стольких зол; и, несомненно, она рухнула бы, если бы была делом рук человека. Но вскоре с самого края гибели он восстал с удвоенной энергией.

ГЛАВА VIII.

Прогресс—Соппротивление ратисбонской лиге—Встреча Филиппа Гессенского и Меланхтона—Ландграф, обратившийся к Евангелию—Пфальц—Люнебург—Гольштейн—Великий магистр в Виттемберге.

СОПРОТИВЛЕНИЕ РАТИСБОНСКОЙ ЛИГЕ.

Католическая лига Ратисбона и последовавшие за ней гонения вызвали мощную реакцию среди немецкого народа. Они не были расположены допустить, чтобы их лишили того Слова Божьего, которое было наконец возвращено им; и на приказы Карла Пятого, на буллы папы римского, на угрозы и сожжения Фердинанда и других римско-католических князей они отвечали: "Мы сохраним его!"

Не успели члены лиги покинуть Ратисбон, как депутаты городов, епископы которых принимали участие в этом союзе, с удивлением и негодованием собрались в Шпилях и заявили, что их служители, несмотря на запрет епископов, должны проповедовать Евангелие, и ничего, кроме Евангелия, в соответствии с учением пророков и апостолов. Затем они приступили к составлению мемориала твердым и последовательным языком, который будет представлен национальному собранию.

Императорское письмо из Бургоса, это правда, встревожило их умы. Тем не менее, в конце года депутаты этих городов со многими дворянами собрались в Ульме и поклялись помогать друг другу в случае нападения.

Таким образом, лагерю, образованному Австрией, Баварией и епископами, свободные города немедленно противопоставили другой, в котором они установили знамя Евангелия и национальных свобод.

ВСТРЕЧА ДВУХ ФИЛИПОВ.

В то время как города, таким образом, оказывались в авангарде Реформации, многие князья перешли на ее сторону. В начале июня 1524 года, когда Меланхтон возвращался верхом из поездки к своей матери в сопровождении Камерария и нескольких других друзей, он встретил близ Франкфурта блестящий кортеж. Это был Филипп, ландграф Гессенский, который три года назад посетил Лютера в Вормсе и который в то время направлялся на турнир в Гейдельберг, где должны были присутствовать все принцы Германии.

Таким образом, Провидение последовательно свело Филиппа с двумя реформаторами. Когда стало известно, что знаменитый врач уехал к себе на родину, один из приближенных ландграфа сказал: "Я думаю, это Филипп Меланхтон". Молодой принц немедленно пришпорил своего коня и, подъехав к доктору, спросил: "Вас зовут Филипп?" — "Да", - ответил ученый, немного испуганный и почтительно готовящийся сойти. [362] "Оставайтесь на месте", - сказал принц. -

"Повернитесь и идите переночевать ко мне; есть кое-какие вопросы, о которых я хотел бы немного поговорить с вами; ничего не бойтесь". — "Чего я могу бояться от такого принца, как вы?" — ответил доктор. — "Ах! ах! — сказал ландграф со смехом. — Если бы я увез тебя отсюда и отдал в Кампеджио, я думаю, он бы не обиделся. Два Филиппа поехали дальше вместе, бок о бок, принц задавал вопросы, а доктор отвечал. Ландграф был в восторге от ясных и впечатляющих видов, открывшихся перед ним из-за Меланхтона. Последний, наконец, попросил разрешения продолжить свое путешествие, и Филипп Гессенский неохотно расстался с ним. "При одном условии, — сказал он, — что по возвращении домой вы тщательно изучите вопросы, которые мы обсуждали, и пришлете мне результат в письменном виде". [363] Меланхтон дал свое обещание. "Тогда иди, — сказал Филип, — и проедься по моим штатам".

ФИЛИПП ГЕССЕНСКИЙ —БЛАГОРОДНЫЙ ПРОЗЕЛИТ.

Меланхтон с присущим ему талантом составил *Краткое изложение возрожденной доктрины христианства*; [364] убедительный и краткий трактат, который произвел решительное впечатление на ландграфа. Вскоре после своего возвращения с турнира в Гейдельберге этот принц, не присоединяясь к вольным городам, издал эдикт, которым, в противовес ратисбонской лиге, приказывал проповедовать Евангелие во всей его чистоте. Он сам воспринял это с энергией, свойственной его характеру. "Я бы скорее отказался от своего тела и жизни, от своих подданных и своих состояний, — сказал он, — чем от Слова Божьего". Монах-минорит по имени Фербер, заметив склонность этого принца к Реформации, написал ему письмо, полное упреков, в котором заклинал его оставаться верным Риму. "Я останусь верен старому учению, — ответил Филипп, — но такому, какое содержится в Писании". Затем он очень убедительно доказал, что человек оправдывается исключительно верой. От изумления монах замолчал. [365] Ландграфа обычно называли "учеником Меланхтона". [366]

Другие принцы последовали в том же направлении. Курфюрст палатинский отказался подвергаться каким-либо преследованиям; герцог Люнебургский, племянник курфюрста Саксонского, начал реформировать свои собственные государства; а король Дании отдал приказ, чтобы в Шлезвике и Гольштейне каждый был волен служить Богу так, как подсказывает его совесть.

ВЕЛИКИЙ МАГИСТР ТЕВТОНСКИХ РЫЦАРЕЙ.

Реформация одержала еще более важную победу. Князь, чьему обращению к Евангелию было суждено оказать наибольшее влияние даже в наши дни, примерно в это время начал отворачиваться от Рима. Однажды примерно в конце июня, вскоре после возвращения Меланхтона в Виттемберг, Альберт, маркграф Бранденбурга и великий магистр Тевтонского ордена, вошел в покои Лютера. Этот глава военных монахов Германии, которая тогда владела Пруссией, отправился в Нюрнбергский сейм, чтобы призвать империю на помощь против Польши. Он вернулся в глубочайшем отчаянии. С одной стороны, проповедь Осиандера и чтение Библии убедили его в том, что его монашество противоречит Слову Божьему; а с другой стороны, падение национального правительства в Германии лишило его всякой надежды на получение помощи, за которой он отправился просить. Что же ему тогда делать?..... Саксонский советник фон Планиц, с которым он покинул Нюрнберг, посоветовал ему обратиться к реформатору. "Что вы думаете о правилах моего ордена?" спросил беспокойный и взволнованный принц. Лютер не испытывал никаких колебаний: он видел, что линия поведения, соответствующая Евангелию, была единственным, что могло спасти Пруссию. "Призовите на

помощь Бога, - сказал он великому магистру; - отбросьте бессмысленные и запутанные правила вашего ордена; положите конец этому отвратительному правлению, настоящему гермафродиту, который не является ни религиозным, ни светским; [367] откажитесь от этого ложного целомудрия и ищите истинное; возьмите жену, и вместо этого безымянный монстр, обретший законный суверенитет". [368] Эти слова отчетливо представили перед мысленным взором великого магистра положение вещей, которое он до сих пор представлял себе, но смутно. Улыбка осветила его черты; но у него было слишком много благоразумия, чтобы заявить о себе; он хранил молчание. [369] Присутствовавший Меланхтон высказался в том же духе, что и Лютер, и принц вернулся в свои штаты, оставив реформаторов в убеждении, что семя, посеянное ими в его сердце, однажды принесет плоды.

Таким образом, Карл V и папа выступили против национального собрания в Шпайерсе, опасаясь, что Слово Божье возобладает над всеми, кто мог бы присутствовать; но Слово Божье нельзя ограничить; они отказались допустить, чтобы оно было услышано в одном из залов города в Нижнем Пфальце; оно отомстило за себя, распространившись по всем провинциям; оно взволновало сердца людей, просветило князей и проявило во всех частях империи ту Божественную силу, которую никогда не смогут отнять ни буллы, ни эдикты.

ГЛАВА IX.

Реформы—Церковь всех Святых—Падение массового обучения—Христианские школы—Обучение, распространенное на мирян—Искусство—Нравственная религия—Эстетическая религия—Музыка—Поэзия—Живопись.

РЕФОРМИРОВАНООБЩЕСТВЕННОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ.

В то время как народы и их правители таким образом спешили вперед, к свету, реформаторы пытались все возродить, все пронизать принципами христианства. Состояние общественного богослужения в первую очередь привлекло их внимание. Время, назначенное реформатором по возвращении из Вартбурга, настало. "Теперь, - сказал он, - когда сердца людей укреплены Божественной благодатью, мы должны положить конец скандалам, оскверняющим царство Господне, и отважиться на что-нибудь во имя Иисуса". Он требовал, чтобы люди общались обоими видами (хлебом и вином); чтобы из церемонии евхаристии было исключено все, что делало ее жертвой; [370] что христиане никогда не должны собираться вместе без проповеди Евангелия; [371] что верующие или, по крайней мере, священники и ученые должны собираться каждое утро в пять или шесть часов, чтобы прочитать Ветхий Завет; и в соответствующий час вечером, чтобы прочитать Новый Завет; что каждое воскресенье вся Церковь должна собираться утром и днем, и что главной целью их поклонения должно быть распространение Слова Божьего. [372]

ЦЕРКОВЬ ВСЕХ СВЯТЫХ.

Церковь всех Святых в Виттемберге особенно вызвала негодование Лютера. Секендорф сообщает нам, что ежегодно там служилась 9901 месса и ежегодно сжигалось 35 570 фунтов воска. Лютер назвал это место "святотатственным тофетом". "Есть только три или четыре лентяя,

- сказал он, - которые все еще поклоняются этой постыдной мамоне, и если бы я не обуздал народ, этот дом Всех Святых или, вернее, всех дьяволов наделал бы в мире такого шума, какого никогда прежде не слышали".

Вокруг этой церкви началась борьба. Это напоминало древние языческие святилища в Египте, Галлии и Германии, которым было суждено пасть, чтобы могло утвердиться христианство.

Лютер, желая, чтобы месса в этом соборе была отменена, направил соответствующее прошение в капитул 1 марта 1523 года, а второе - 11 июля. [373] Каноники признали приказ курфюрста, Лютер ответил: "Что для нас приказ принца в этом случае? Он светский князь; ему принадлежит меч, а не проповедь Евангелия". [374] Здесь Лютер четко проводит различие между государством и Церковью. "Есть только одна жертва, которая забирает грехи, - снова сказал он, - Христос, который принес себя в жертву раз и навсегда; и в ней мы участвуем не делами или жертвами, но исключительно верой в Слово Божье".

Избиратель, чувствующий приближение своего конца, был против новых реформ.

Но к просьбам Лютера добавились новые. "Пришло время действовать", - обратился к курфюрсту настоятель собора Джонас. "Проявление Евангелия, столь поразительное, как то, которое мы имеем сейчас, обычно длится не дольше солнечного луча. Тогда давайте поторопимся". [375]

ОТМЕНА МЕССЫ.

Поскольку письмо Йонаса не изменило взглядов курфюрста, Лютер потерял всякое терпение; он подумал, что настал момент нанести решающий удар, и направил капитулу письмо с угрозами: "Я дружески и серьезно умоляю вас положить конец всему этому сектантскому богослужению. Если вы откажетесь, вы получите (с Божьей помощью) награду, которую вы заслужили. Я упоминаю об этом для вашего руководства и требую положительного и немедленного ответа — да или нет, — до следующего воскресенья, чтобы я мог знать, что мне нужно делать. Пусть Бог даст вам благодать следовать за его светом.

"Четверг, 8 декабря 1524 года.

"Мартин Лютер,
"Проповедник в Виттемберге. [376]

В то же время ректор, два бургомистра и десять членов совета посетили декана и умоляли его от имени университета, городского совета и города Виттемберг "отменить великое и ужасное нечестие, совершенное во время мессы против величия Бога".

Капитул был вынужден уступить; они заявили, что, будучи просвещены святым Словом Божьим, [377] они признали указанные злоупотребления и опубликовали новый порядок церковной службы, который начали соблюдать на Рождество 1524 года.

Так прошла месса в этом знаменитом святилище, которое так долго сопротивлялось неоднократным нападкам реформаторов. Курфюрст Фридрих, страдавший подагрой и быстро приближавшийся к своему концу, не смог, несмотря на все свои усилия, предотвратить эту великую победу Реформации. Он увидел в этом проявление Божественной воли и уступил.

Падение римских обрядов в церкви Всех Святых ускорило их отмену во множестве церквей по всему христианскому миру; везде оказывалось одно и то же сопротивление, везде был один и тот же триумф. Напрасно священники и даже князья во многих местах пытались чинить препятствия; они не могли добиться успеха.

Реформации было суждено изменить не только общественное богослужение. Школа рано была поставлена рядом с Церковью, и эти два великих института, столь могущественных для возрождения наций, были в равной степени возрождены ею. Реформация вошла в мир благодаря тесному союзу с ученостью; в час своего триумфа она не забыла своего союзника.

ЛЮТЕР О ХРИСТИАНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ.

Христианство - это не простое развитие иудаизма. В отличие от папства, оно не стремится снова заключить человека в тесные пеленки внешних таинств и человеческих доктрин. Христианство - это новое творение; оно овладевает внутренним человеком и преобразует его в глубочайших принципах его человеческой природы, так что человек больше не требует, чтобы другие люди навязывали ему правила; но с помощью Бога он может сам по себе различать, что истинно, и делать то, что правильно. [378]

Чтобы привести человечество к тому зрелому возрасту, который приобрел для него Христос, и освободить его от той опеки, под которой Рим держал его так долго, Реформация должна была развить всего человека; и, возрождая его сердце и волю Словом Божьим, просветлять его разум изучением мирских и священных знаний.

Лютер понимал это; он чувствовал, что для усиления Реформации необходимо работать с молодежью, улучшать школы и распространять по всему христианскому миру знания, необходимые для глубокого изучения Священного Писания. Это, соответственно, было одной из целей его жизни. Он особенно хорошо понимал это в тот период, до которого мы дошли, и написал советникам всех городов Германии, призывая их основывать христианские школы. "Уважаемые господа, - сказал он, - мы ежегодно тратим столько денег на аркебузы, дороги и дамбы, почему бы нам не потратить немного на то, чтобы дать одного или двух школьных учителей нашим бедным детям? Бог стоит у двери и стучит; блаженны мы, если откроем ему! Теперь Слово Божье изобилует. О мои дорогие немцы, покупайте, покупайте, пока рынок открыт перед вашими домами. Слово Божье и его благодать подобны ливню, который падает и проходит. Это было среди евреев; но это прошло, и теперь у них его больше нет. Павел перенес его в Грецию; но и в этой стране он исчез, и теперь там царствует турок. Оно пришло в Рим и Латинскую империю; но и там оно ушло в прошлое, и в Риме теперь есть папа. [379] О немцы, не надейтесь, что это Слово будет существовать вечно. Презрение, которое к нему проявляют, прогонит его прочь. По этой причине пусть тот, кто желает обладать им, овладеет им и сохранит!

ИСТИННОЕ БОГАТСТВО ГОСУДАРСТВА — ЯЗЫКИ.

"Займитесь детьми, - продолжает Лютер, по-прежнему обращаясь к судьям, - ибо многие родители подобны страусам; они ожесточены по отношению к своим малышам и, довольные тем, что снесли яйцо, не заботятся о нем впоследствии. Процветание города заключается не только в накоплении несметных сокровищ, в возведении крепких стен, в возведении великолепных особняков, в обладании сверкающим оружием. Если на него нападут безумцы, его разрушение будет только большим. Истинное богатство города, его безопасность и сила в том, чтобы иметь много образованных, серьезных, достойных граждан. И кого мы должны

винить за то, что в настоящее время так мало, кроме вас, магистратов, кто позволил нашей молодежи расти, как деревьям в лесу?"

Лютер особенно настаивал на необходимости изучения литературы и языков: "Можно спросить, какая польза в изучении латыни, греческого и иврита? Мы очень хорошо читаем Библию на немецком языке. Без языков, - отвечает он, - мы не смогли бы принять Евангелие..... Языки - это ножны, в которых находится меч Духа; [380] они - шкатулка, в которой хранятся драгоценности; они - сосуд, вмещающий вино; и, как сказано в Евангелии, они - корзины, в которых хранятся хлебы и рыба, чтобы накормить толпу. Если мы будем пренебрегать языками, то в конце концов не только потеряем Евангелие, но и не сможем говорить или писать по-латыни или по-немецки. Как только люди перестали их культивировать, христианский мир пришел в упадок, вплоть до тех пор, пока не попал под власть папы римского. Но теперь, когда языки снова пользуются уважением, они проливают такой свет, что весь мир поражен, и каждый вынужден признать, что наше Евангелие почти такое же чистое, как Евангелие самих апостолов. В прежние времена святые Отцы часто ошибались, потому что не знали языков; и в наши дни есть некоторые, которые, подобно вальденсам, не считают языки полезными; но хотя их учение хорошо, они часто ошибались в истинном значении священного текста; у них нет оружия против ошибок, и я очень боюсь, что их вера не останется чистой. [381] Если бы языки не сделали меня уверенным в значении Этого Слова, я мог бы быть благочестивым монахом и спокойно проповедовать истину в безвестности монастыря; но я бы оставил папу, софистов и их антихристианскую империю все еще непоколебимыми". [382]

ОБУЧЕНИЕ РАСПРОСТРАНИЛОСЬ И НА МИРЯН.

Лютер заботился не только об образовании духовенства; он хотел, чтобы знания не ограничивались Церковью; он предлагал распространить их на мирян, которые до сих пор были лишены их. Он призывал к созданию библиотек, которые должны включать не только издания и комментарии схоластов и отцов Церкви, но и произведения ораторов и поэтов, даже если они были язычниками, а также труды, посвященные изобразительному искусству, праву, медицине и истории. "Эти произведения, - сказал он, - служат для того, чтобы рассказать о делах и чудесах Божьих".

Это усилие со стороны Лютера - одно из самых важных, предпринятых Реформацией. Он вырвал науку из рук жрецов, которые монополизировали ее, как в древнем Египте, и сделал доступной для всех. Из этого импульса, данного Реформацией, вытекли величайшие события современности. Те миряне, будь то литераторы или ученые, которые сейчас поносят Реформацию, забывают, что они сами являются ее отпрысками и что без нее они все еще были бы, как невежественные дети, под розгами духовенства. Реформация осознала тесную связь, соединяющую все науки; она увидела, что, поскольку все знания исходят от Бога, они возвращают человека к Богу. Она желала, чтобы все люди учились, и чтобы они учились всему. "Те, кто презирает нечестивую литературу, - сказал Меланхтон, - ничуть не выше ценят теологию. Их презрение - всего лишь предлог, с помощью которого они пытаются скрыть свою праздность". [383]

ПРОТЕСТАНТИЗМ И ИСКУССТВО.

Реформация не удовлетворилась тем, что просто придала сильный импульс литературе; она придала также новый импульс искусству. Протестантизм часто упрекали как их врага, и многие протестанты охотно принимают этот упрек. Мы не будем выяснять, должна ли Реформация гордиться этим или нет; мы удовлетворимся замечанием, что беспристрастная история не подтверждает факт, на котором основано это обвинение. Пусть римско-католицизм гордится тем, что более благосклонен к искусству, чем протестантизм; пусть будет так: язычество было еще более благосклонно, и протестантизм помещает свою славу в другом месте. Есть некоторые религии, в которых эстетические наклонности человека занимают более важное место, чем его нравственная природа. Христианство отличается от этих религий тем, что нравственный элемент является его сущностью. Христианское чувство проявляется не в произведениях изобразительного искусства, а в произведениях христианской жизни. Каждая секта, которая откажется от этой моральной тенденции христианства, в силу самого этого обстоятельства утратит свои притязания на название христианской. Рим не отказался от нее полностью, но протестантизм лелеет эту существенную черту с гораздо большей чистотой. Его слава заключается в погружении во все, что касается нравственного существа, в оценке религиозных действий не по их внешней красоте и манере, в которой они поражают воображение, а в соответствии с их внутренней ценностью и связью, которую они имеют с совестью; так что, если папство - это прежде всего эстетическая религия, как доказал знаменитый писатель, [384] Протестантизм - это прежде всего нравственная религия.

МУЗЫКА И ПОЭЗИЯ.

И все же, хотя Реформация сначала обращалась к человеку как к нравственному существу, она обращалась ко всему человеку в целом. Мы только что видели, как это повлияло на его понимание и что это сделало для литературы; это также повлияло на его чувствительность, на его воображение и внесло свой вклад в развитие искусства. Церковь больше не состояла исключительно из монахов и священников; это было собрание верующих. Все должны были принять участие в его публичном богослужении, и за пением духовенства должно было последовать пение народа. Соответственно, Лютер, переводя Псалмы, думал о том, чтобы приспособить их к церковному пению. Таким образом, среди народа распространился вкус к музыке.

"После теологии, - сказал Лютер, - я ставлю на первое место музыку. [385] Школьный учитель должен уметь петь, - сказал он в другой раз, - иначе я даже смотреть на него не буду".

Однажды, когда некоторые из его друзей пели у него дома прекрасные песнопения, он с энтузиазмом воскликнул: "Если Господь наш Бог разбросал такие замечательные дары по этой земле, которая всего лишь темный уголок, чего только не будет в жизни вечной, в которой все будет совершенством!"..... Со времен Лютера люди пели; Библия вдохновляла их песни, а импульс, данный в эпоху Реформации, породил в последующие годы те благородные оратории, которые кажутся вершиной этого искусства.

Поэзия участвовала в общем движении. Воспевая хвалу Богу, люди не могли ограничиться простыми переводами древних гимнов. Души Лютера и многих его современников, возвышенные верой до самых возвышенных идей, воодушевленные конфликтами и опасностями, которые постоянно угрожали молодой Церкви, вдохновленные поэтическим гением Ветхого Завета и верой Нового, вскоре излили свои чувства в религиозных песнях, в которых поэзия и музыка соединили свои самые божественные черты. Таким образом, в

шестнадцатом веке были возрождены гимны, которые в первом веке утешали мучеников. В 1523 году Лютер, как мы уже видели, посвятил их памяти брюссельских мучеников; другие дети Реформации последовали его примеру; число этих гимнов увеличилось, они быстро распространились среди людей и внесли большой вклад в пробуждение их ото сна. Именно в этом же году Ганс Сакс сочинил "*Виттембергского соловья*". Доктрина, которая в течение последних четырех столетий господствовала в Церкви, была подобна лунному свету, во время которого люди заблудились в пустыне. Теперь соловей возвещает о рассвете и, паря над утренними туманами, празднует яркость наступающего дня.

В то время как лирическая поэзия, таким образом, обязана своим рождением самым возвышенным идеям Реформации, сатирические стихи и драмы, вышедшие из-под пера Хюттена и Мануэля, обрушивались на самые вопиющие злоупотребления.

Своим высочайшим взлетом величайшие поэты Англии, Германии и, возможно, Франции обязаны Реформации.

Покраска.

Из всех искусств живопись - это то, на что Реформация оказала наименьшее влияние. Тем не менее, она была обновлена и как бы освящена всеобщим движением, которое в то время волновало все силы человека. Лукас Кранах, великий мастер того времени, поселился в Виттемберге, был в близких отношениях с Лютером и стал художником Реформации. Мы видели, как он представлял контраст между Христом и Антихристом (папой римским), [386] и, таким образом, вошел в число наиболее влиятельных органов революции, преобразовавшей нацию. Как только он обрел новые убеждения, он посвятил свой целомудренный карандаш исключительно картинам, гармонирующим с христианскими чувствами, и наделил группы детей, благословленных нашим Спасителем, теми благосклонностями, которыми он ранее украшал легендарных святых. Альберт Дюрер также был покорен Словом Евангелия, и его гений получил новый импульс. К этому периоду относятся его шедевры. По штрихам, с которыми он с тех пор изображал евангелистов и апостолов, мы видим, что Библия была возвращена людям и что художник черпал оттуда глубину, силу, жизнь и возвышенность, которых он никогда бы не нашел в себе. [387]

И все же мы должны признать, что из всех искусств живопись - это то, религиозное влияние которого наиболее подвержено вполне обоснованным и решительным возражениям. Поэзия и музыка приходят с небес и будут снова обретены на небесах; но мы постоянно видим живопись, связанную с серьезными безнравственными поступками или печальными заблуждениями. После того как человек изучил историю или посетил Италию, он не ожидает ничего полезного для человечества от этого искусства. Какова бы ни была ценность этого исключения, которое мы считаем своим долгом сделать, наше общее замечание все же остается в силе.

Реформация в Германии, хотя и обращалась в первую очередь к нравственной природе человека, придала искусствам импульс, которого они еще не получили от римско-католицизма.

Таким образом, развивалось все: искусство, литература, духовность богослужения, умы правителей и народа. Но эта благородная гармония, которую повсюду вызывало Евангелие при его возрождении, была вот-вот нарушена. Песни виттембергского соловья должны были быть прерваны воем бури и львиным рыком. В одно мгновение туча накрыла всю Германию, и за прекрасным днем последовала глубочайшая тьма.

ГЛАВА X.

Политическое брожение—Лютер против восстания—Томас Мюнцер—Агитация—Шварцвальд—Двенадцать статей—Мнение Лютера—Хельфенштейн—Марш крестьян—Марш Императорской армии—Поражение крестьян—Жестокость князей.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ БРОЖЕНИЕ.

Политическое брожение, сильно отличающееся от того, которое было вызвано Евангелием, уже давно действовало в империи. Народ, согнутый гражданским и церковным гнетом, привязанный во многих странах к сеньориальным поместьям и переходивший вместе с ними из рук в руки, угрожал с яростью восстать и, наконец, разорвать свои цепи. Это возбуждение проявлялось многими симптомами задолго до Реформации, и даже тогда религиозный элемент смешивался с политическим; в шестнадцатом веке было невозможно разделить эти два принципа, столь тесно связанные в существовании наций. В Голландии в конце прошлого столетия крестьяне подняли восстание, изобразив на своих знаменах вместо оружия буханку хлеба и сыр - два величайших благословения этих бедных людей. "Союз башмаков" проявил себя в окрестностях Шпилей в 1502 году. [388] В 1513 году он снова появился в Брисгау, поощряемый священниками. В 1514 году в Вюртемберге возникла "Лига бедного Конрада", целью которой было путем восстания отстоять "Божье право". В 1515 году Каринтия и Венгрия были ареной ужасных волнений. Эти мятежи были подавлены потоками крови, но народу не было оказано никакого облегчения. Таким образом, политическая реформа была не менее необходима, чем религиозная. Люди имели на это право, но мы должны признать, что они не созрели для того, чтобы наслаждаться этим.

ЛЮТЕР ПРОТИВ ВОССТАНИЯ.

С начала Реформации эти народные волнения не возобновлялись; умы людей были заняты другими мыслями. Лютер, чей проницательный взгляд распознал состояние людей, уже с вершины Вартбурга обратился к ним с серьезными увещеваниями, рассчитанными на то, чтобы обуздать их взволнованные умы:

"Бунт, - сказал он, - никогда не приносит желаемого улучшения, и Бог осуждает его. Что значит бунтовать, если не для того, чтобы отомстить за себя? Дьявол стремится возбудить к бунту тех, кто принимает Евангелие, чтобы покрыть его позором; но те, кто правильно понял мое учение, не бунтуют". [389]

Все давало повод опасаться, что народное волнение долго сдерживать не удастся. Правительство, которое Фридрих Саксонский с таким трудом сформировал и которое пользовалось доверием нации, было распущено. Император, энергия которого могла бы эффективно заменить влияние этой национальной администрации, отсутствовал; князья, союз которых всегда составлял силу Германии, были разделены; а новые заявления Карла V против Лютера, уничтожив всякую надежду на будущую гармонию, лишили реформатора части морального влияния, с помощью которого в 1522 году ему удалось утихомирить бурю. Главные барьеры, которые до сих пор сдерживали поток, были разрушены, и ничто больше не могло сдерживать его ярость.

РЕФОРМАЦИЯ И ВОССТАНИЕ.

Не религиозное движение породило политическую агитацию, но во многих местах оно было унесено их стремительными волнами. Возможно, нам следует даже пойти дальше и признать, что движение, сообщенное народу Реформацией, придало новую силу недовольству, бродившему в стране. Жестокость писаний Лютера, бесстрашие его действий и языка, суровые истины, которые он говорил не только папе и прелатам, но и самим князьям, должно быть, все это способствовало воспламенению умов, которые и без того находились в состоянии возбуждения. Соответственно, Эразм не преминул сказать ему: "Сейчас мы пожинаем плоды, которые вы посеяли". [390] И более того, ободряющие истины Евангелия, наконец-то выявленные, взволновали все сердца и наполнили их предвкушением и надеждой. Но многие невозрожденные души не были подготовлены покаянием к вере и свободе христиан. Они были очень готовы сбросить папское иго, но они не приняли иго Христа. И поэтому, когда князья, преданные делу Рима, в своем гневе пытались задушить Реформацию, настоящие христиане терпеливо переносили эти жестокие преследования; но толпа сопротивлялась и восстала, и, видя, что их желания сдерживаются в одном направлении, дала им волю в другом. "Почему, - говорили они, - рабство должно увековечиваться в государстве, в то время как Церковь призывает всех людей к славной свободе? Почему правительства должны править только силой, когда Евангелие не проповедует ничего, кроме мягкости?" К несчастью, в то время, когда религиозная реформа была воспринята с равной радостью как князьями, так и народом, политическая реформа, напротив, настроила против себя самую могущественную часть нации; и в то время как у первых господствовало Евангелие в качестве опоры, у вторых вскоре не осталось никаких других принципов, кроме насилия и деспотизма. Соответственно, в то время как один был ограничен рамками истины, другой стремительно, подобно стремительному потоку, переступил все границы справедливости. Но закрывать глаза на косвенное влияние Реформации на смуты, разразившиеся в империи, означало бы проявлять пристрастие. В Германии разгорелся пожар религиозных дискуссий, в ходе которых невозможно было предотвратить появление нескольких искр, рассчитанных на то, чтобы разжечь страсти народа.

МИСТИЦИЗМ И РЕФОРМАЦИЯ—МЮНЦЕР.

Претензии нескольких фанатиков на Божественное вдохновение увеличили зло. В то время как Реформация постоянно апеллировала от мнимого авторитета Церкви к реальному авторитету Священного Писания, эти энтузиасты отвергали не только авторитет Церкви, но и само Писание; они говорили только о внутреннем Слове, о внутреннем откровении от Бога; и, не обращая внимания на естественную испорченность своих сердец, они поддались опьянению духовной гордыни и вообразили себя святыми.

"Для них Священное Писание было всего лишь мертвой буквой, - сказал Лютер, - и все они начали взывать: *Дух! дух!* Но совершенно точно я не последую за тем, куда ведет их дух. Пусть Бог в своей милости сохранит меня от Церкви, в которой нет никого, кроме святых. [391] Я желаю жить со смиренными, немощными, больными, которые знают и чувствуют свои грехи, и которые постоянно стонут и призывают к Богу из глубины своего сердца, чтобы получить его утешение и поддержку". Эти слова Лютера имеют большое значение и указывают на перемену, которая происходила в его взглядах на природу Церкви. В то же время они указывают на то, насколько религиозные взгляды повстанцев противоречили взглядам Реформации.

ПРЕТЕНЗИИ МЮНЦЕРА.

Самым известным из этих энтузиастов был Томас Мюнцер; он не был лишен таланта, читал Библию, был ревностным и мог бы творить добро, если бы смог справиться со своими взволнованными мыслями и обрести душевный покой. Но поскольку он не знал себя и ему не хватало истинного смирения, он был одержим желанием преобразовать мир и забыл, как это делают все энтузиасты, что реформация должна начинаться с него самого. Некоторые мистические писания, которые он читал в юности, дали ложное направление его уму. Впервые он появился в Цвиккау, покинул Виттемберг после возвращения Лютера, недовольный низкой ролью, которую он играл, и стал пастором маленького городка Альштадт в Тюрингии. Он не мог долго молчать и обвинил реформаторов в том, что они основали новое папство своей приверженностью букве и в формировании церквей, которые не были чистыми и святыми.

"Лютер, - сказал он, - освободил совесть людей от ига папы, но он оставил их на свободе плоти, а не привел их духом к Богу". [392]

Он считал себя призванным Богом исправить это великое зло. Откровения Духа были в его глазах средством, с помощью которого должна была быть осуществлена его реформа. "Тот, кто обладает этим Духом, - сказал он, - обладает истинной верой, хотя он никогда в жизни не увидит Священного Писания. Язычники и турки лучше приспособлены для ее принятия, чем многие христиане, которые называют нас энтузиастами". Здесь он имел в виду именно Лютера. "Чтобы принять этот Дух, мы должны умертвить плоть, - сказал он в другой раз, - носить рваную одежду, отрастить бороду, иметь печальное выражение лица, хранить молчание", [393] удалиться в пустынные места и молить Бога дать нам знак его благосклонности. Тогда Бог придет и заговорит с нами, как прежде Он говорил с Авраамом, Исааком и Иаковом. Если бы Он этого не сделал, Он не заслуживал бы нашего внимания. [394] Я получил от Бога поручение собрать его избранных в святой и вечный союз".

АГИТАЦИЯ — ПОЗИЦИЯ ЛЮТЕРА

Волнение и брожение, царившие в умах людей, были слишком благоприятны для распространения этих восторженных идей. Человек любит чудесное и все, что льстит его гордости. Мюнцер, убедив часть своей паствы принять его взгляды, отменил церковное пение и все другие церемонии. Он утверждал, что повиновение князьям, "лишенным разума", означало одновременно служить Богу и Велиалу. Затем, отправившись во главе своих прихожан в часовню в окрестностях Альштадта, куда привыкли стекаться паломники со всех концов света, он снес ее. После этого подвига, будучи вынужден покинуть ту местность, он скитался по Германии и дошел до Швейцарии, неся с собой и сообщая всем, кто хотел его слушать, план всеобщей революции. Повсюду он находил подготовленные умы людей; он бросал порох на горящие угли, и тотчас же происходил взрыв.

Лютера, который отверг воинственные предприятия Сикенгена, [395] не могли сбить с толку бурные движения крестьянства. К счастью для общественного порядка, Евангелие спасло его; ибо что было бы, если бы он перенес свое обширное влияние в их лагерь?..... Он всегда твердо придерживался различия между мирскими и духовными вещами; он постоянно повторял, что Христос освободил своим Словом бессмертные души; и если одной рукой он нападал на авторитет Церкви, другой он с равной силой поддерживал власть князей. "Христианин, - сказал он, - скорее должен вынести сотню смертей, чем хоть в малейшей степени вмешаться в

восстание крестьян". Он написал курфюрсту: "Особую радость мне доставляет то, что эти энтузиасты сами хвастаются перед всеми, кто готов их слушать, что они не принадлежат к нам. Дух побуждает их к этому, говорят они; а я отвечаю, что это злой дух, ибо он не приносит никаких других плодов, кроме разграбления монастырей и церквей; величайшие разбойники с большой дороги на земле могли бы сделать то же самое".

В то же время Лютер, желавший, чтобы другие пользовались свободой, на которую он претендовал сам, отговорил принца от любых суровых мер: "Пусть они проповедуют, что им заблагорассудится и против кого им заблагорассудится, - сказал он, - ибо это Слово Божье должно идти впереди битвы и сражаться против них. Если их дух истинный, он не испугается нашей суровости; если наш дух истинный, он не испугается их насилия. Давайте оставим духов бороться друг с другом. [396] Возможно, некоторых людей можно сбить с пути истинного; не бывает битвы без ран; но тот, кто сражается верно, будет коронован. Тем не менее, если они пожелают взяться за меч, пусть ваше высочество запретит им это и прикажет покинуть страну".

ЧЕРНЫЙ ЛЕС — ДВЕНАДЦАТЬ СТАТЕЙ.

Восстание началось в Шварцвальде, недалеко от истоков Дуная, которые так часто становятся ареной народных волнений. 19 июля 1524 года несколько турговских крестьян восстали против аббата Райхенау, который не предоставил им евангелического проповедника. Вскоре тысячи людей собрались вокруг маленького городка Тенген, чтобы освободить священнослужителя, который был там заключен в тюрьму. Восстание с невообразимой быстротой распространилось из Швабии в Рейнские провинции, Франконию, Тюрингию и Саксонию. В январе 1525 года все эти страны находились в состоянии восстания.

Примерно в конце этого месяца крестьяне опубликовали декларацию из двенадцати статей, в которой они требовали свободы выбирать себе пасторов, отмены малой десятины, рабства и штрафов за наследование, права охотиться, ловить рыбу и рубить лес и т.д. Каждое требование было подкреплено отрывком из Священного Писания, и в заключение они сказали: "Если нас обманули, пусть Лютер исправит нас с помощью Священного Писания".

Были заслушаны мнения виттембергских богословов. Лютер и Меланхтон высказали свои мнения отдельно, и они оба привели доказательства разницы своих характеров. Меланхтон, считавший преступлением любое нарушение общественного порядка, переходит границы своей обычной мягкости и не может найти достаточно сильных выражений, чтобы выразить свое возмущение. Крестьяне - преступники, против которых он применяет все законы человеческие и Божественные. Если дружеские переговоры бесполезны, магистраты должны преследовать их, как если бы они были грабителями и убийцами. "И все же, - добавляет он (и нам нужна хотя бы одна черта, напоминающая нам о Меланхтоне), - пусть они сжальтся над сиротами, когда прибегнут к смертной казни!"

Мнение Лютера о восстании было таким же, как и у Меланхтон; но у него было сердце, которое билось из-за страданий народа. В этом случае он проявил достойную беспристрастность и откровенно сказал правду обеим сторонам. Сначала он обратился к князьям, и особенно к епископам: —

МНЕНИЕ ЛЮТЕРА.

"Это вы, - сказал он, - являетесь причиной этого восстания; это ваши крики против Евангелия, ваше преступное притеснение бедных довели людей до отчаяния. Это не крестьяне, мои дорогие лорды, восстают против вас, — это сам Бог противостоит вашему безумию. [397] Крестьяне - всего лишь инструменты, которые он использует, чтобы унижить вас. Не воображайте, что вы можете избежать наказания, которое он готовит для вас. Даже если бы вам удалось уничтожить всех этих крестьян, Бог способен из камня на камне воздвигнуть других, чтобы наказать вашу гордыню. Если бы я желал мести, я мог бы посмеяться в рукав и посмотреть, как крестьяне выполняют свою работу, или даже усилить их ярость; но да сохранит меня Бог от подобных мыслей! Мои дорогие лорды, отбросьте свое негодование, относитесь к этим бедным крестьянам так, как здравомыслящий человек относится к пьяным или безумным людям. Утихомирите эти волнения мягкостью, чтобы не вспыхнул пожар и не сжег всю Германию. Среди этих двенадцати статей есть определенные требования, которые справедливы".

Этот пролог был рассчитан на то, чтобы укрепить доверие крестьян к Лютеру и заставить их терпеливо выслушать истины, которые он должен был им сказать. Он объяснил им, что большинство их требований были вполне обоснованными; но что восстать - значит поступить как язычники; что долг христианина - быть терпеливым, а не сражаться; что, если они будут упорствовать в восстании против Евангелия во имя Евангелия, он должен смотреть на них как на более опасных врагов, чем папа. "Папа и император, - продолжал он, - объединились против меня; но чем больше они бушевали, тем больше укреплялось Евангелие.....И почему это произошло? Потому что я никогда не обнажал меч и не призывал к мести; потому что я никогда не прибегал к смуте или восстанию: я всецело полагался на Бога и отдавал все в Его всемогущие руки. Христиане сражаются не мечами или аркебузами, а страданиями и крестом. Христос, их Предводитель, не держал в руках меча... Он был повешен на дереве".

НЕГОДОВАНИЕ ГЕЛЬФЕНШТЕЙНА—ЛЮТЕРА.

Но Лютер напрасно использовал этот христианский язык. Народ был слишком взволнован фанатичными речами вождей восстания, чтобы, как в былые времена, прислушиваться к словам реформатора. "Он лицемерит, - говорили они. - он льстит знати. Он объявил войну папе и все же хочет, чтобы мы подчинились нашим угнетателям".

Восстание, вместо того чтобы угаснуть, стало еще более грозным. В Вайнсберге граф Луи Гельфенштейнский и семьдесят человек, находившихся под его командованием, были приговорены повстанцами к смертной казни. Отряд крестьян подтянулся с опущенными пиками, в то время как другие гнали графа и его солдат к этой стальной стене. [398] Жена несчастного Гельфенштейна, внебрачная дочь императора Максимилиана, держа на руках двухлетнего младенца, опустилась перед ними на колени и с громкими криками умоляла сохранить жизнь ее мужу, тщетно пытаясь остановить это шествие убийц; мальчик, который был на службе у графа и присоединился к мятежникам, весело скакал перед ним и играл на его флейте "Марш смерти", как будто водил свои жертвы в танце. Все погибли; ребенок был ранен на руках матери, а ее саму бросили на телегу для перевозки навоза и таким образом доставили в Хайльбрунн.

При известии об этих жестокостях друзья Реформации издали крик ужаса, и в чувствительном сердце Лютера произошел ужасный конфликт. С одной стороны, крестьяне, высмеивая его советы, делали вид, что получают откровения с небес, нечестиво использовали угрозы Ветхого

Завета, провозглашали равенство рангов и общность имущества, защищали свое дело огнем и мечом и предавались варварским зверствам. С другой стороны, враги реформации со злобной насмешкой спрашивали реформатора, не знает ли он, что легче разжечь огонь, чем погасить его. Потрясенный этими крайностями, встревоженный мыслью, что они могут остановить продвижение Евангелия, Лютер больше не колебался, не тянул время; он обрушился на повстанцев со всей энергией своего характера и, возможно, переступил справедливые границы, в которых ему следовало себя сдерживать.

ВОЗМУЩЕНИЕ ЛЮТЕРА—МАРШ КРЕСТЬЯН.

- Крестьяне, - сказал он, - совершают три ужасных греха против Бога и человека и поэтому заслуживают смерти телом и душой. Во-первых, они восстают против своих должностных лиц, которым они поклялись в верности; затем они грабят монастыри и замки; и, наконец, они прикрывают свои преступления покровом Евангелия. Если вы не предадите смерти бешеную собаку, вы погибнете, а вместе с вами и вся страна. Тот, кто погибнет, сражаясь за магистратуру, будет настоящим мучеником, если он сражался с чистой совестью". Затем Лютер дает яркое описание преступного насилия крестьян, которые принуждают простых и миролюбивых людей вступать в свой союз и таким образом влекут их к такому же осуждению. Затем он добавляет: "По этой причине, мои дорогие Господа, помогите, спасите, избавьте, сжальтесь над этими бедными людьми. Пусть каждый бьет, пронзает и убивает, кто способен..... Если ты умрешь, ты не сможешь встретить более счастливой смерти; ибо ты умираешь на службе Богу и для спасения своего ближнего от ада". [399]

Ни мягкость, ни насилие не могли остановить популярный торрент. Церковные колокола больше не звонили к богослужению; всякий раз, когда в полях раздавались их глубокие и протяжные звуки, это был набат, и все бросались к оружию. Жители Шварцвальда сплотились вокруг Джона Мюллера из Булгенбаха. С внушительным видом, закутанный в красный плащ и красную шапочку, этот вождь смело переходил от деревни к деревне, сопровождаемый крестьянами. Позади него, на повозке, украшенной лентами и ветвями деревьев, был поднят трехцветный флаг, черный, красный и белый, — сигнал к восстанию. Герольд, одетый в те же цвета, зачитал двенадцать статей и пригласил людей присоединиться к восстанию. Тот, кто отказывался, изгонялся из общины.

Вскоре этот поход, который поначалу был мирным, стал вызывать все большее беспокойство. "Мы должны заставить лордов подчиниться нашему союзу", - воскликнули они. И чтобы побудить их к этому, они разграбили зернохранилища, опустошили погреба, опустошили рыбные пруды сеньоров, разрушили замки сопротивлявшихся дворян и сожгли монастыри. Противостояние распалило страсти этих грубых людей; равенство больше не удовлетворяло их; они жаждали крови и поклялись предать смерти каждого, кто наденет шпору.

НАСИЛИЕ—ДВОРЯНЕ—ВОССТАНИЕ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ.

При приближении крестьян города, которые не смогли им противостоять, открыли свои ворота и присоединились к ним. В какое бы место они ни входили, они срывали изображения и ломали распятия; вооруженные женщины расхаживали по улицам и угрожали монахам. Если они терпели поражение в одном квартале, они собирались снова в другом и бросали вызов самым грозным силам. В Хайльбрунне был создан комитет крестьян. Графы Левенштейн были взяты в плен, переодеты в рабочие халаты, а затем, вложив им в руки белый посох, они были вынуждены

поклониться в соблюдении двенадцати статей. "Брат Георг и ты, брат Альберт, - сказал жестящик из Орингена графам Гогенлоэ, которые отправились в свой лагерь, - поклонитесь вести себя как наши братья; ибо вы тоже теперь крестьяне; вы больше не лорды". Равенство рангов, мечта многих демократов, было установлено в аристократической Германии.

Многие дворяне, одни из страха, другие из честолюбия, затем присоединились к повстанцам. Знаменитый Гетц фон Берлихинген, обнаружив, что его вассалы отказываются ему повиноваться, пожелал бежать к курфюрсту Саксонии; но его жена, которая была при родах, желая удержать его рядом с собой, скрыла ответ курфюрста. Гетц, преследуемый по пятам, был вынужден встать во главе повстанческой армии. 7 мая крестьяне вошли в Вюрцбург, где горожане встретили их одобрительными возгласами. Войска князей и рыцарей Швабии и Франконии, собравшиеся в этом городе, покинули его и в смятении отступили в цитадель, последний оплот дворянства.

Но движение уже распространилось на другие части Германии. Шпайерс, Пфальц, Эльзас и Гессен приняли двенадцать статей, и крестьяне угрожали Баварии, Вестфалии, Тиролю, Саксонии и Лотарингии. Маркграф Баденский, отвергнув статьи, был вынужден бежать. Кoadьютор Фульды с улыбкой согласился на них. Жители небольших городов заявили, что у них нет копий, чтобы противостоять повстанцам. Менц, Тревес и Франкфурт получили свободы, на которые они претендовали.

МАРШ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ.

Во всей империи готовилась грандиозная революция. Церковные и светские привилегии, которые так тяжело ложились на крестьян, должны были быть упразднены; владения духовенства должны были быть секуляризованы, чтобы возместить ущерб князьям и обеспечить нужды империи; налоги должны были быть отменены, за исключением подати, выплачиваемой каждые десять лет; императорская власть должна была существовать одна, как это признается Новым Заветом; все остальные князья должны были прекратить правление; должны были быть учреждены шестьдесят четыре свободных трибунала, в которых должны были заседать люди всех классов; все звания должны были вернуться к прежним. их примитивное состояние; духовенство должно было отныне быть просто пастырями церквей; князья и рыцари должны были быть просто защитниками слабых; должно было быть введено единообразие в весах и мерах, и во всей империи должен был чеканиться только один вид денег.

Тем временем принцы стряхнули с себя первую летаргию, и Георг фон Трюхсесс, главнокомандующий имперской армией, наступал на берег Боденского озера. 2 мая он разбил крестьян при Беблингене, прошел маршем на город Вайнсберг, где погиб несчастный граф Хельфенштейн, сжег и сравнял его с землей, отдав приказ оставить руины как вечный памятник измене его жителей. В Фюрфельде он объединился с курфюрстом Палатинским и курфюрстом Тревским, и все трое двинулись во Франконию.

ПОРАЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН.

Фрауэнбург, цитадель Вюрцбурга, устоял перед принцами, и основная армия крестьян все еще стояла у его стен. Как только они услышали о марше Трухсесса, они решились на штурм, и в девять часов вечера 15 мая зазвучали трубы, был развернут трехцветный флаг, и крестьяне с ужасными криками бросились в атаку. Себастьян фон Ротенхан, один из самых ярых сторонников Реформации, был управляющим замком. Он привел крепость в состояние грозной

обороны и, призвав гарнизон мужественно отразить штурм, солдаты, подняв три пальца, поклялись сделать это. Тогда произошел самый ужасный конфликт. К ярости и отчаянию повстанцев, крепость ответила со своих стен и башен петардами, ливнями серы и кипящей смолы, а также артиллерийскими залпами. Крестьяне, пораженные таким образом своими невидимыми врагами, на мгновение растерялись; но в тот же миг их ярость стала еще более неистовой. С наступлением ночи борьба затянулась. Крепость, освещенная тысячью боевых костров, казалась в темноте огромным великаном, который, изрыгая пламя, в одиночку сражался среди раскатов грома за спасение империи против свирепой доблести этих разъяренных орд. Через два часа после полуночи крестьяне ушли, потерпев неудачу во всех своих усилиях.

Теперь они пытались вступить в переговоры либо с гарнизоном, либо с Трюхсесом, который наступал во главе своей армии. Но это было не по их пути; только насилие и победа могли спасти их. После небольшого колебания они решили выступить против имперских войск, но кавалерия и артиллерия произвели ужасный хаос в их рядах. При Кенигсгофене, а затем при Энгельштадте эти несчастные были полностью разбиты. Князья, знать и епископы, злоупотребляя своей победой, предавались самым неслыханным жестокостям. Пленников повесили на деревьях у обочины. Бежавший епископ Вюрцбурга теперь вернулся, обошел свою епархию в сопровождении палачей и полил ее одинаково кровью мятежников и мирных друзей Слова Божьего. Гетц фон Берлихинген был приговорен к пожизненному заключению. Маркграф Казимир Анспакский выколол глаза восьмидесяти пяти повстанцам, которые поклялись, что их глаза никогда больше не увидят этого принца; и он бросил этот отряд ослепленных индивидуумов в мир, которые бродили взад и вперед, держась друг за друга за руки, пробираясь ощупью, спотыкаясь и выпрашивая хлеб. Несчастный мальчишка, сыгравший на своей флейте похоронный марш при убийстве Гельфенштейна, был прикован цепью к столбу; вокруг него разожгли костер, и рыцари со смехом наблюдали за его ужасными корчами.

Общественное богослужение повсюду было восстановлено в его древних формах. Самые цветущие и густонаселенные районы империи не представляли для тех, кто проезжал через них, ничего, кроме груд мертвых тел и дымящихся руин. Погибло пятьдесят тысяч человек, и люди почти повсюду потеряли ту небольшую свободу, которой они до сих пор пользовались. Таково было ужасное завершение этого восстания на юге Германии.

ГЛАВА XI.

Мюнцер в Мюльхаузене — Обращение к народу — Марш князей — Конец восстания — Влияние реформаторов — Страдания — Перемены — Два результата.

МЮНЦЕР В МЮЛЬХАУЗЕНЕ.

Но зло не ограничивалось югом и западом Германии. Мюнцер, проехав часть Швейцарии, Эльзас и Швабию, снова направил свои стопы в Саксонию. Несколько жителей Мюльхаузена, что в Тюрингии, пригласили его в свой город и избрали своим пастором. Городской совет оказал сопротивление, Мюнцер сместил его и назначил другим, состоящий из его друзей, во главе с самим собой. Полный презрения к тому Христу, "сладкому, как мед", которого проповедовал Лютер, и решившись применить самые энергичные меры, он воскликнул:

"Подобно Иисусу Навину, мы должны предать мечу всех хананеев". Он основал сообщество добытчиков и грабил монастыри. [400] "Мюнцер, - писал Лютер Амсдорфу 11 апреля 1525 года, - Мюнцер не только пастор, но король и император Мюльхаузена". Бедняк больше не работал; если кому-то требовались зерно или ткань, он шел и требовал их у какого-нибудь богача; если последний отказывался, бедняк брал их силой; если он сопротивлялся, его вешали. Поскольку Мюльхаузен был независимым городом, Мюнцер мог осуществлять свою власть почти год без сопротивления. Восстание на юге Германии заставило его вообразить, что пришло время расширить свое новое королевство. Он приказал отлить несколько тяжелых орудий во францисканском монастыре и попытался поднять крестьянство и шахтеров Мансфельдта. "Как долго вы будете спать?" - обратился он к ним в фанатичном воззвании. "Встаньте и сражайтесь в битве Господней! Время пришло. Франция, Германия и Италия продвигаются вперед. Вперед, вперед, вперед!—Dran, Dran, Dran!.....Не обращайтесь внимания на стоны нечестивых. Они будут умолять вас, как дети, но будьте безжалостны.—Дран, Дран, Дран!.....Огонь горит: пусть твой меч всегда будет теплым от крови. [401]—Дран, Дран, Дран!.....Работай, пока еще день". Письмо было подписано "Мюнцер, слуга Божий против нечестивых".

ОБРАЩЕНИЕ К НАРОДУ —ТЕРРОР.

Сельские жители, жаждущие грабежа, столпились вокруг его штандарта. Во всех округах Мансфельдт, Штольберг и Шварцбург в Гессене, а также в герцогстве Брауншвейг крестьянство подняло восстание. Монастыри Михельштейна, Ильзенбурга, Валькенрида, Росслебена и многие другие в окрестностях Гарца или на равнинах Тюрингии были опустошены. В Рейнхардсбрунне, который посетил Лютер, были осквернены гробницы древних ландграфов, а библиотека уничтожена.

Ужас распространился повсюду. Даже в Виттемберге ощущалась некоторая тревога. Эти врачи, которые не боялись ни императора, ни папы римского, трепетали в присутствии сумасшедшего. Они всегда следили за новостями, и каждый шаг мятежников был на счету. "Мы здесь в большой опасности", - сказала Меланхтон. "Если Мюнцер добьется успеха, нам конец, если только Христос не спасет нас. Мюнцер действует с жестокостью хуже, чем у скифов, [402] и повторить его ужасные угрозы невозможно".

ШЕСТВИЕ ПРИНЦЕВ—ВЫБОРЩИКОВ.

Благочестивый курфюрст долго колебался, что ему делать. Мюнцер призывал его и всех принцев обратиться, потому что (сказал он) пришел их час; и он подписал эти письма: "Мюнцер, вооруженный мечом Гедеона". Фредерик хотел бы вернуть этих введенных в заблуждение людей мягкими мерами. 14 апреля, когда он был опасно болен, он написал своему брату Джону: "Возможно, мы дали этим несчастным людям не один повод для восстания. Увы! бедные во многих отношениях подвергаются угнетению со стороны своих духовных и светских господ". И когда его внимание было обращено на унижение, революции, опасности, которым он подвергнет себя, если не подавит восстание немедленно, он ответил: "До сих пор я был могущественным избирателем, у меня было в изобилии колесниц и лошадей; если Богу будет угодно отнять их у меня сейчас, я пойду пешком". [403]

Юный Филипп, ландграф Гессенский, был первым из принцев, взявшимся за оружие. Его рыцари и солдаты поклялись жить и умереть вместе с ним. После умиротворения своих собственных государств он направил свой марш в Саксонию. На их стороне герцог Иоанн, брат

курфюрста, герцог Георг Саксонский и герцог Генрих Брауншвейгский выступили вперед и объединили свои войска с войсками Гессена. Крестьяне, охваченные ужасом при виде этой армии, бежали на небольшой холм, где, без всякой дисциплины, без оружия и по большей части без мужества, они образовали крепостной вал из своих повозок. Мюнцер даже не подготовил боеприпасы для своих больших орудий. Помощь не пришла; повстанцы были окружены армией; они потеряли всякую уверенность. Князья, сжалившись над ними, предложили им предложения, которые они, по-видимому, были готовы принять. При этом Мюнцер прибегнул к самому мощному рычагу, который только может привести в действие энтузиазм. "Сегодня мы узрим руку Господню, - сказал он, - и все наши враги будут уничтожены". В этот момент над их головами появилась радуга; фанатичное воинство, несшее радугу на своих флагах, увидело в ней верное предзнаменование Божественной защиты. Мюнцер воспользовался этим: "Ничего не бойтесь, - сказал он горожанам и крестьянам. - Я поймаю все их яйца в рукав". [404] В то же время он жестоко предал смерти молодого джентльмена Матернуса фон Гехольфена, посланника принцев, чтобы лишить повстанцев всякой надежды на помилование.

КОНЕЦ ВОССТАНИЯ.

Ландграф, собрав своих всадников, сказал им: "Я хорошо знаю, что мы, принцы, часто бываем виноваты, ибо мы всего лишь люди; но Бог повелевает всем людям чтить сильных мира сего. Давайте спасем наших жен и детей от ярости этих убийц. Господь даст нам победу, ибо он сказал: *Всякий, кто противится силе, противится постановлению Божьему*". Затем Филипп подал сигнал к атаке. Это было 15 мая 1525 года. Армия пришла в движение, но крестьянское воинство стояло неподвижно, распевая гимн "Прииди, Дух Святой" и ожидая, что Небеса скажут в их пользу. Артиллерия вскоре разрушила их грубый вал, принесла смятение и смерть в ряды повстанцев. Фанатизм и мужество сразу покинули их; они были охвачены паническим ужасом и в беспорядке бросились бежать. Пять тысяч человек погибли во время бегства.

После битвы принцы и их победоносные войска вошли во Франкенхаузен. Солдат, зашедший на чердак в доме, где он квартировал, обнаружил мужчину в постели. [405] "Кто ты, - спросил он, - ты один из мятежников?" Затем, заметив записную книжку, он поднял ее и обнаружил несколько писем, адресованных Томасу Мюнцеру. "Ты Мюнцер?" спросил солдат. Больной ответил "Нет". Но когда солдат произнес ужасные угрозы, Мюнцер, ибо это действительно был он, признался, кто он такой. "Ты мой пленник", - сказал всадник. Когда Мюнцера привели к герцогу Георгу и ландграфу, он настойчиво повторял, что был прав, наказав принцев, поскольку они выступали против Евангелия. "Несчастный человек! - отвечали они. - Подумай обо всех тех, причиной чьей смерти ты был". Но он ответил, улыбаясь сквозь свою муку: "Они хотели бы, чтобы это было так!" Он принял причастие под одним видом и был обезглавлен одновременно с Пфайффером, своим лейтенантом. Мюльхаузен был взят, и крестьян заковали в цепи.

Один дворянин, заметив в толпе заключенных крестьянина приятной наружности, подошел и сказал ему: "Ну, дружище, какое правительство тебе нравится больше — крестьянское или князьское?" Бедняга ответил с глубоким вздохом: "Ах, милорд, ни один нож не режет так глубоко, как власть крестьянина над своими собратьями". [406]

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМАТОРОВ.

Остатки восстания были погашены кровью; герцог Георг, в частности, действовал с величайшей жестокостью. В штатах курфюрста не было ни казней, ни наказаний. [407] Слово Божье, проповедуемое во всей своей чистоте, показало свою силу сдерживать бурные страсти людей.

Действительно, с самого начала Лютер не переставал бороться с восстанием, которое, по его мнению, было предвестником судного дня. Не обошлось без советов, молитв и даже иронии. В конце статей, составленных повстанцами в Эрфурте, он добавил в качестве дополнительной статьи: "Пункт, следующая статья была опущена. Отныне достопочтенный совет не будет иметь никакой власти; он ничего не будет делать; он будет сидеть, как идол или деревянное бревно; общественность будет пережевывать пищу и управлять страной со связанными руками и ногами; отныне фургон будет вести лошадей, лошади будут держать поводья, и мы будем великолепно двигаться вперед в соответствии с великолепной системой, изложенной в этих статьях".

Лютер не ограничивался писательством. Пока беспорядки были еще в самом разгаре, он покинул Виттемберг и объехал несколько районов, где волнение было наибольшим. Он проповедовал, он трудился, чтобы смягчить сердца своих слушателей, и его рука, которой Бог дал силу, отвела в сторону, успокоила и вернула стремительные и бьющие через край потоки в их естественное русло.

В каждом квартале врачи Реформации оказывали подобное влияние. В Галле Бренц оживил упавший дух горожан обещаниями Слова Божьего, и четыре тысячи крестьян бежали на глазах у шестисот горожан. [408] В Ихтерхаузене толпа крестьян собралась с намерением снести несколько замков и предать смерти их лордов, Фридрих Миконий вышел к ним один, и сила его слов была такова, что они немедленно отказались от своего замысла. [409]

ДУХОВНАЯ АГОНИЯ ЛЮТЕРА.

Такова была роль реформаторов и Реформации в разгар этого восстания; они боролись с ним изо всех сил, мечом Слова и смело отстаивали те принципы, которые одни во все века могут сохранить порядок и подчинение среди народов. Соответственно, Лютер утверждал, что если бы сила здравого учения не сдержала ярость народа, восстание распространило бы свои разрушительные действия гораздо шире и свергло бы как Церковь, так и государство. Все наводит нас на мысль, что эти печальные прогнозы оправдались бы.

Если реформаторы таким образом боролись с подстрекательством к мятежу, то не обошлось без тяжких ран. Те моральные муки, которые Лютер впервые испытал в своей камере в Эрфурте, стали еще более серьезными после крестьянского восстания. Никакие великие перемены не происходят среди людей без страданий со стороны тех, кто является их инструментами. Рождение христианства было произведено крестными муками; но Тот, кто висел на этом кресте, обратился с такими словами к каждому из своих учеников: *Можете ли вы испить чашу, из которой буду пить Я, и креститься тем же крещением, которым крещен Я?*

Со стороны князей постоянно повторялось, что причиной восстания были Лютер и его учение, и, какой бы абсурдной ни была эта идея, реформатор не мог видеть, как ее так широко распространяют, не испытывая при этом глубочайшего горя. На стороне народа Мюнцер и все лидеры восстания представляли его как подлого лицемера, льстеца великим, [410] и этой клевете легко поверили. Жестокость, с которой Лютер выступил против повстанцев, вызвала недовольство даже умеренных людей. Друзья Рима ликовали; [411] все были против него, и он

испытывал тяжелый гнев своего времени. Но самым большим его огорчением было видеть, как работа небес таким образом увязает в трясине и ставится в один ряд с самыми фанатичными проектами. Он почувствовал, что здесь была его Гефсимания: он увидел горькую чашу, которая была ему уготована; и, предчувствуя, что он будет оставлен всеми, он воскликнул: "Возможно, скоро и я смогу сказать: *этой ночью все вы будете оскорблены из-за меня*". [412]

ИЗМЕНИТЬСЯ.

И все же, несмотря на эту глубокую горечь, он сохранил свою веру: "Тот, кто дал мне силу растоптать врага, - сказал он, - когда он восстал против меня подобно жестокому дракону или разъяренному льву, не позволит этому врагу сокрушить меня теперь, когда он предстает передо мной с предательским взглядом василиска. [413] Я стону, размышляя об этих бедствиях. Я часто спрашивал себя, не лучше ли было бы позволить папству спокойно существовать, чем быть свидетелем возникновения стольких проблем и мятежей в мире. Но нет! лучше вырвать несколько душ из пасти дьявола, чем оставить их всех между его смертоносными клыками". [414]

Теперь закончился переворот в сознании Лютера, начавшийся во время его возвращения из Вартбурга. Внутренняя жизнь больше не удовлетворяла его: Церковь и ее институты теперь стали в его глазах самыми важными. Смелость, с которой он все бросил, была остановлена при виде еще более масштабных разрушений; он чувствовал, что его долг - сохранять, управлять и созидать; и посреди обагренных кровью руин, которыми крестьянская война покрыла всю Германию, начало медленно подниматься здание новой Церкви.

Эти беспорядки оставили неизгладимый и глубокий след в умах людей. Народы были охвачены тревогой. Массы, которые не искали в Реформации ничего, кроме политических реформ, отказались от нее по собственной воле, когда увидели, что она предлагает им только духовную свободу. Оппозиция Лютера крестьянам заключалась в его отказе от эфемерной благосклонности народа. Вскоре установилось кажущееся спокойствие, и за шумом энтузиазма и подстрекательством к мятежу по всей Германии последовала тишина, вызванная ужасом. [415]

ДВА РЕЗУЛЬТАТА.

Таким образом, народные страсти, причина революции, интересы радикального равенства были подавлены в империи; но Реформация не сдалась. Эти два движения, которые многие путали друг с другом, были четко выделены различием их результатов. Восстание шло снизу, Реформация - сверху. Несколько всадников и пушек было достаточно, чтобы подавить одного; но другой никогда не переставал набирать силу, несмотря на неоднократные нападения империи и Церкви.

ГЛАВА XII.

Смерть курфюрста Фридриха—принца и реформатора—Римско-католический союз—
Планы Карла Пятого—Опасности.

Между тем казалось, что само дело Реформации вот-вот погибнет в пропасти, поглотившей свободы народа. Печальное событие, казалось, было обречено ускорить его падение. В тот

момент, когда князья выступали против Мюнцера, за десять дней до его поражения, престарелый курфюрст Саксонии, этот человек, которого Бог воздвиг для защиты Реформации от всех внешних опасностей, сошел в могилу.

Его силы убывали день ото дня; ужасы, сопровождавшие крестьянскую войну, терзали его чувствительное сердце. "Увы! - воскликнул он с глубоким вздохом. - если бы на то была воля Божья, я умер бы с радостью. Я не вижу ни любви, ни истины, ни веры, ни какого-либо другого добра, оставшегося на земле". [416]

СМЕРТЬ КУРФЮРСТА.

Отводя глаза от борьбы, царившей тогда по всей Германии, этот благочестивый принц, который в то время проживал в замке Лохау, спокойно приготовился к отъезду. 4 мая он позвал своего капеллана, верного Спалатина: "Вы правильно сделали, что пришли навестить меня, - мягко сказал он, когда капеллан вошел, - потому что наш долг - навещать больных". Затем, приказав подкатить свою кушетку к столу, возле которого сидел Спалатин, он приказал своим слугам покинуть комнату, а затем, нежно взяв своего друга за руку, фамильярно заговорил с ним о Лютере, крестьянах и его приближающемся отъезде. Спалатин снова пришел в восемь часов вечера; тогда престарелый принц излил свою душу и исповедался в своих грехах в присутствии Бога. На следующий день, это было 5 мая, он принял причастие в обоих видах. Никого из членов его семьи рядом с ним не было; его брат и племянник ушли с армией, но его слуги стояли вокруг него, согласно древнему обычаю тех времен. Когда они посмотрели на этого достопочтенного принца, служить которому было так приятно, все они разразились слезами. [417] "Дети мои, - нежно сказал он, - если я обидел кого-нибудь из вас, простите меня ради любви к Богу; ибо мы, принцы, часто обижаем бедных, а это неправильно". Таким образом, Фредерик подчинился наставлению апостола: *Пусть богатый радуется тому, что он унижен; потому что, как цветок на траве, он преидет.* [418]

Спалатин больше не покидал его; он изложил ему богатые обетования Евангелия, и благочестивый курфюрст с неописуемым умиротворением впитывал его могущественные утешения. Учение Евангелия больше не было для него тем мечом, который поражает заблуждение, преследуя его повсюду, где бы оно ни было обнаружено, и после энергичной борьбы, наконец, одерживая победу над ним; оно упало на его сердце подобно росе или мягкому дождю, наполняя его надеждой и радостью. Фредерик забыл о настоящем мире: он не видел ничего, кроме Бога и вечности.

ПРИНЦ И РЕФОРМАТОР.

Чувствуя быстрое приближение смерти, он уничтожил завещание, которое составил несколько лет назад и в котором вверял свою душу "Божьей Матери", и продиктовал другое, в котором призывал святые и единственные заслуги Иисуса Христа "для прощения его грехов", и заявлял о своей твердой уверенности, "что он был искуплен драгоценной кровью своего возлюбленного Спасителя". [419] Затем он добавил: "Больше я ничего не могу сказать!" и в тот вечер, в пять часов, он спокойно заснул. "Он был мирным ребенком, — воскликнул его врач, - и с миром он ушел". - "О горькая смерть всем, кого он оставил после себя!" - сказал Лютер. [420]

Лютер, который в то время путешествовал по Тюрингии, чтобы развеять ажиотаж, никогда не видел курфюрста, разве что издали, в Вормсе, рядом с Карлом Пятым. Но эти два человека сошлись духом с того самого момента, как появился реформатор. Фридрих боролся за

национальность и независимость, как Лютер боролся за истину и реформацию. Несомненно, Реформация была прежде всего духовной работой; но, возможно, для ее скорейшего успеха было необходимо, чтобы она была связана с какими-то национальными интересами. Соответственно, не успел Лютер восстать против индульгенций, как союз между принцем и монахом был молчаливо заключен: союз, который был чисто моральным, без договора, без письменности или даже слов, и в котором сильный человек не оказывал помощи слабому, а только позволял ему действовать. Но теперь, когда был срублен могучий дуб, под покровом которого постепенно росла Реформация, — теперь, когда враги Евангелия повсюду проявляли новую силу и ненависть, и что его сторонники были вынуждены прятаться или хранить молчание, казалось, ничто больше не могло защитить их от меча тех, кто преследовал его с такой яростью.

Союзники Ратисбона, покоровшие крестьян на юге и западе империи, во всех частях одинаково атаковали Реформацию и восстание. В Вюрцбурге и Бамберге они казнили многих самых миролюбивых горожан и даже некоторых из тех, кто сопротивлялся крестьянам. "Какое это имеет значение?" - открыто сказали они. "Эти люди были привязаны к Евангелию". Этого было достаточно, чтобы их головы упали на эшафот. [421]

СОЮЗ РОМАНИСТОВ —ПЛАНЫ КАРЛА.

Герцог Георг надеялся передать свою ненависть и привязанность ландграфу и герцогу Джону. "Смотрите, - сказал он им после поражения крестьян, указывая на поле битвы, - смотрите, какие страдания причинил Лютер!" Джон и Филип, казалось, вселяли в него надежду, что они примут его идеи. "Герцог Георг, - сказал реформатор, - воображает, что восторжествует, теперь, когда Фридрих мертв; но Христос царствует среди Своих врагов: напрасно они скрежещут зубами ... их желание погибнет". [422]

Георг, не теряя времени, сформировал конфедерацию на севере Германии, подобную Ратисбонской. Курфюрсты Менца и Бранденбурга, герцоги Генрих и Эрик Брауншвейгские, а также герцог Георг встретились в Дессау и заключили римский союз в июле месяце. [423] Георг призвал нового курфюрста и его зятя ландграфа присоединиться к нему. А затем, словно намекая на то, чего от этого можно было ожидать, он обезглавил двух граждан Лейпцига, в доме которых были найдены некоторые из трудов реформатора.

В то же время в Германию прибыли письма от Карла V., датированные из Толедо, согласно которым в Аугсбурге был созван еще один сейм. Карл хотел дать империи конституцию, которая позволила бы ему распоряжаться вооруженными силами Германии по своему усмотрению. Религиозные различия давали ему средства; ему нужно было только натравить католиков на последователей Евангелия, и когда они истощат свои силы, он легко одержит победу над обоими. Долой лютеран! таким образом, это был крик императора. [424]

ОПАСНОСТИ.

Таким образом, все объединилось против Реформации. Никогда еще дух Лютера не был охвачен таким количеством страхов. Остатки партии Мюнцера поклялись лишить его жизни; его единственного защитника больше не было; герцог Георг, как ему сообщили, намеревался арестовать его в самом Виттемберге; [425] принцы, которые могли бы защитить его, склонили

свои головы и, казалось, оставили Евангелие; ходили слухи, что университет, число студентов которого уже сократилось на эти волнения должны были быть вот-вот подавлены новым курфюрстом, и Карл, одержавший победу при Павии, собирал новый сейм, чтобы нанести смертельный удар Реформации. Каких опасностей не должен был предвидеть Лютер!.....Эта мука, эта внутренняя борьба, которые так часто доводили его до стонов, теперь терзали его душу. Как он может противостоять стольким врагам? Посреди этих волнений, перед лицом стольких опасностей, рядом с едва остывшим трупом Фридриха и трупами крестьян, которые все еще усеивали равнины Германии, Лютер — никто, конечно, не мог себе этого представить — Лютер женился.

ГЛАВА XIII.

Монахини Нимпча—Чувства Лютера—Распад монастыря—Брак Лютера—Семейное счастье.

МОНАХИНИ ИЗ НИМПЧА.

В монастыре Нимпч, недалеко от Гриммы в Саксонии, в 1523 году проживали девять монахинь, которые усердно читали Слово Божье и обнаружили контраст, существующий между христианской и затворнической жизнью. Их звали Магдален Штаупиц, Элиза Каниц, Ава Гроссен, Ава и Маргарет Шонфельдт, Ланета Голис, Маргарет и Кэтрин Зешау и Кэтрин Бора. Первым побуждением этих молодых женщин, после того как они освободились от монастырских суеверий, было написать своим родителям. "Спасение наших душ, - говорили они, - не позволит нам больше оставаться в монастыре". [426] Их родители, опасаясь неприятностей, которые могут возникнуть из-за такого решения, резко отвергли их молитвы. Бедные монахини были встревожены. Как они могут покинуть монастырь? Их робость была встревожена таким отчаянным шагом. Наконец ужас, вызванный папскими службами, возобладал, и они пообещали не покидать друг друга, а всем вместе отправиться в какое-нибудь респектабельное место, соблюдая порядок и благопристойность. [427] Двое достойных и благочестивых граждан Торгау, Леонард Коппе и Вольф Томичш, предложили свою помощь, [428] которую они приняли как исходящую от самого Бога, и покинули монастырь Нимпч без какого-либо сопротивления, и как будто рука Господня открыла им двери. [429] Коппе и Томич приняли их в своей повозке; и 7 апреля 1523 года девять монахинь, пораженные собственной смелостью, в сильном волнении остановились перед воротами старого Августинского монастыря, в котором жил Лютер.

"Это не моих рук дело, - сказал Лютер, принимая их. - Но молю Бога, чтобы я мог таким образом освободить всю плененную совесть и опустошить все монастыри!" [430]— нарушение совершено!" Многие люди предлагали принять этих монахинь в свои дома, и Катрин Бора нашла радушный прием в семье бургомистра Виттемберга.

Если Лютер в то время думал о подготовке к какому-либо торжественному событию, то это было восхождение на эшафот, а не приближение к алтарю. Много месяцев спустя он все еще отвечал тем, кто заговаривал с ним о браке: "Бог может изменить мое сердце, если ему будет угодно; но сейчас, по крайней мере, я не думаю о том, чтобы жениться; не то чтобы меня не привлекало это состояние; я не скот и не камень; но каждый день я ожидаю смерти и наказания еретика". [431]

КОНЕЦ МОНАСТЫРЯ.

Однако все в Церкви развивалось. Привычки монашеской жизни, изобретенные человеком, повсюду уступали место привычкам домашней жизни, установленным Богом. В воскресенье, 9 октября 1524 года, Лютер, встав, как обычно, снял рясу монаха-августинца и облачился в одеяние светского священника; затем он появился в церкви, где эта перемена вызвала живое удовлетворение. Обновленный христианский мир с восторгом приветствовал все, что возвещало о том, что старые вещи ушли в прошлое.

Вскоре после этого последний монах покинул монастырь; но Лютер остался; только его шаги отдавались эхом в длинных галереях; он сидел молчаливый и одинокий в трапезной, которая так недавно наполнялась бормотанием монахов. Красноречивое молчание, свидетельствующее о триумфе Слова Божьего! Монастырь прекратил свое существование. Примерно в конце декабря 1524 года Лютер отправил курфюрсту ключи от монастыря, сообщив ему, что тот должен посмотреть, где Богу будет угодно накормить его. [432] Курфюрст передал монастырь университету и пригласил Лютера продолжить в нем свое проживание. Обители монахов было суждено в скором времени стать святилищем христианской семьи.

Лютер, чье сердце было сформировано для того, чтобы вкушать сладости семейной жизни, чтил и любил супружество; вполне вероятно даже, что он испытывал некоторую симпатию к Кэтрин Бора. Долгое время его угрызения совести и мысль о клевете, к которой мог привести такой шаг, мешали ему думать о ней; и он предложил бедняжку Кэтрин сначала Баумгартнеру из Нюрнберга, [433], а затем доктору Глатцу из Орламунда. Но когда он увидел, что Баумгартнер отказывается жениться на ней, и когда она отказалась принять Глатца, он серьезно спросил себя, не следует ли ему самому подумать о женитьбе на ней.

МОТИВЫ ЛЮТЕРА.

Его престарелый отец, который был так опечален, когда он принял монашество, убеждал его вступить в супружескую жизнь. [434] Но одна идея превыше всего ежедневно присутствовала в сознании Лютера и с большей энергией: брак — это институт Бога, а безбрачие - институт человека. Он испытывал ужас перед всем, что исходило из Рима. Он говорил своим друзьям: "Я не желаю ничего сохранять из своей папистской жизни". [435] День и ночь он молился и умолял Господа избавить его от неуверенности. Наконец единственная мысль разорвала последние путы, которые все еще держали его в плену. Ко всем мотивам приличия и личного послушания, которые побудили его применить к себе это заявление Бога, *Нехорошо, что человек должен быть один*, [436] был добавлен мотив более высокой и могущественной природы. Он увидел, что если он был призван к брачному государству как мужчина, то он был также призван к нему как реформатор: это решило его.

"Если этот монах женится, - сказал его друг юрист Шурфф, - он заставит весь мир и самого дьявола лопнуть от смеха и разрушит начатую им работу". [437] Это замечание произвело на Лютера совсем иное впечатление, чем можно было предположить. Бросить вызов миру, дьяволу и его врагам и, совершив действие, которое, по их мнению, было рассчитано на то, чтобы погубить дело Реформации, не допустить, чтобы ему в какой—либо мере приписывали ее успех, - это было все, чего он желал. Соответственно, смело подняв голову, он ответил: "Что ж, тогда я сделаю это; я сыграю с дьяволом и всем миром эту шутку; я удовлетворю своего отца и женюсь на Кэтрин!" Своим браком Лютер еще более окончательно порвал с установлениями папства; он подтвердил доктрину, которую проповедовал, своим собственным примером и побудил робких людей полностью отказаться от своих заблуждений. [438] Рим, казалось, кое-где

восстанавливал утраченные позиции; она льстила себя надеждой на победу; и теперь громкий взрыв посеял ужас и удивление в ее рядах и еще более полно раскрыл ей мужество врага, которого, как ей казалось, она сокрушила. "Я буду свидетельствовать о Евангелии, - сказал Лютер, - не только своими словами, но и своими делами. Я полон решимости перед лицом моих врагов, которые уже ликуют и возвещают о победе, жениться на монахине, чтобы они могли видеть и знать, что они не победили меня. [439] Я беру жену не для того, чтобы долго прожить с ней; но, видя, как народы и князья дают волю своей ярости против меня, предвидя, что мой конец близок и что после моей смерти они снова растопчут ногами мое учение, я полон решимости в назидание слабым принести поразительное свидетельство о том, чему я учу здесь, внизу". [440]

ЖЕНИТЬБА ЛЮТЕРА — СЕНСАЦИЯ.

11 июня 1525 года Лютер отправился в дом своего друга и коллеги Амсдорфа. Он пожелал, чтобы Померанус, которого он подчеркнуто называл *Пастором*, благословил их союз. Свидетелями бракосочетания были знаменитый художник Лукас Кранах и доктор Джон Апелла. Меланхтон не присутствовал.

Как только Лютер женился, вся Европа была взбудоражена. На него посыпались обвинения и клевета со всех сторон. "Это кровосмешение", - воскликнул Генрих VIII. "Монах женился на весталке", - говорили некоторые. [441]— "Антихрист будет потомком такого союза", - говорили другие; "ибо пророчество возвещает, что он родится от монаха и монахини". На это Эразм ответил с саркастической улыбкой: "Если пророчество верно, каких только тысяч антихристов уже не существует в мире!" [442] Но пока Лютер подвергался таким нападкам, многие мудрые и умеренные люди, которых Римская церковь все еще причисляла к своим членам, взяли за его защиту. "Лютер, - сказал Эразм, - взял жену из благородной семьи Бора, но у нее нет приданого". [443] Теперь в его пользу было дано более ценное свидетельство. Магистр Германии Филипп Меланхтон, которого этот смелый шаг поначалу встревожил, сказал тем серьезным голосом, к которому с уважением прислушивались даже его враги: "Ложно и клеветнически утверждать, что в браке Лютера есть что-то неподобающее. [444] Я думаю, что, женившись, он, должно быть, совершил насилие над собой. Супружеская жизнь - это жизнь смирения, но это также святое состояние, если таковое вообще существует в мире, и Священные Писания повсюду представляют его как почетное в глазах Бога".

Лютер сначала был обеспокоен, когда увидел, какие потоки гнева и презрения изливаются на него; Меланхтон стал более искренним в дружбе и доброте по отношению к нему; [445] и вскоре реформатор смог увидеть знак одобрения Бога в этом противостоянии человека. "Если бы я не оскорбил мир, - сказал он, - у меня были бы основания опасаться, что то, что я сделал, негодно Богу". [446]

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ ЛЮТЕРА.

С момента, когда Лютер выступил против индульгенций, и до его брака с Кэтрин Бора прошло восемь лет. Было бы трудно приписать, как это делается до сих пор, его рвение против злоупотреблений Церкви "нетерпеливому желанию" вступить в брак. Ему было тогда сорок два года, а Катрин Бора уже два года жила в Виттемберге.

Лютер был счастлив в этом союзе. "Лучший дар Божий, - сказал он, - это благочестивая и дружелюбная жена, которая боится Бога, любит свою семью, с которой мужчина может жить в

мире и которой он может безопасно доверять". Через несколько месяцев после женитьбы он сообщил одному из своих друзей о беременности Кэтрин, [447] и через год после того, как они сошлись, она родила сына. [448] Сладости семейной жизни вскоре рассеяли бури, которые поначалу собирались вокруг него из-за раздражения его врагов. Его Кета, как он ее называл, проявляла к нему самую нежную привязанность, утешала его в унынии, повторяя отрывки из Библии, освобождала от всех домашних забот, сидела рядом с ним в минуты досуга, вышивала его портрет, напоминала ему о друзьях, которым он забыл написать, и часто забавляла его простотой своих вопросов. Определенное достоинство, по-видимому, было присуще ее характеру, поскольку Лютер иногда называл ее *милорд Кета*. Однажды он игриво сказал, что если бы ему пришлось снова жениться, он вырезал бы себе послушную жену из каменной глыбы, потому что, добавил он, "на самом деле найти такую невозможно". Его письма были переполнены нежностью к Кэтрин; он называл ее "своей дорогой и любезной женой, своей дорогой и любезной Кетой". Характер Лютера стал более жизнерадостным в обществе Кэтрин, и это счастливое расположение духа никогда не покидало его впоследствии, даже в разгар величайших испытаний.

ПРЕИМУЩЕСТВА ОТМЕНЫ ЦЕЛИБАТА.

Почти повсеместная развращенность духовенства вызвала всеобщее презрение к священству, из которого отдельные добродетели нескольких верных слуг Божьих не смогли его вывести. Домашний покой и супружеская верность, эти самые надежные основы счастья здесь, на земле, постоянно нарушались в городах и деревнях грубыми страстями священников и монахов. Никто не был застрахован от этих попыток обольщения. Они пользовались предоставленным им доступом в каждую семью, а иногда даже доверием исповедующихся, чтобы вселить смертельный яд в души своих кающихся и удовлетворить их преступные желания. Реформация, отменив безбрачие духовенства, восстановила святость супружеского союза. Браки духовенства положили конец огромному количеству тайных преступлений. Реформаторы стали образцом для своей паствы в самых интимных и важных жизненных отношениях, и люди не замедлили порадоваться, увидев служителей религии снова мужьями и отцами.

ГЛАВА XIV.

Ландграф—Курфюрст—Пруссия—Реформация—Секуляризация—Архиепископ Менца—Конференция во Фридвальте—Сейм—Альянс Торгау—Соппротивление реформаторов—Магдебургский союз—Католики удваивают свои усилия—Женитьба императора—Письма с угрозами—Две Стороны.

ЛАНДГРАФ—КУРФЮРСТ.

На первый взгляд, женитьба Лютера, по правде говоря, усугубила трудности Реформации. Он все еще страдал от удара, нанесенного ему восстанием крестьян; меч императора и принцев все еще был направлен против него из ножен, а его друзья, ландграф Филипп и новый курфюрст Иоанн, казались обескураженными и замолчали.

Однако такое положение вещей длилось недолго. Вскоре юный ландграф смело поднял голову. Такой пылкий и мужественный, как Лютер, благородный характер реформатора завоевал его уважение. Он бросился в Реформацию со всем энтузиазмом молодого человека и в то же время изучал ее со всей серьезностью выдающегося ума.

В Саксонии место Фридриха не могло быть обеспечено ни благоразумием, ни влиянием; но его брат, курфюрст Иоанн, вместо того чтобы ограничиться пассивной ролью защитника, вмешивался в религиозные дела более прямо и с большей смелостью. Покидая Веймар 16 августа 1525 года, он сказал собравшемуся духовенству: "Я желаю, чтобы в будущем вы проповедовали чистое Слово Божье, без каких-либо добавлений человека". Несколько престарелых священнослужителей, недоумевавших, как повиноваться его указаниям, простодушно ответили: "Но нам не запрещено служить мессу по усопшим или благословлять воду и соль?" — "Все, - сказал курфюрст, - церемонии, так же как и проповеди, должны соответствовать Слову Божьему".

Вскоре ландграф разработал экстраординарный проект обращения в христианство своего тестя, герцога Георга. В одно время он доказывал достаточность Священного Писания; в другое время он нападал на мессу, папство и обязательные обеты. Письмо следовало за письмом, и все утверждения Слова Божьего, в свою очередь, противоречили вере престарелого герцога. [449]

Эти усилия не оказались напрасными. Сын герцога Георга был склонен к новой доктрине. Но Филипп не преуспел в отношениях с отцом. "Через сто лет мы увидим, кто прав", - сказал последний. "Ужасное изречение, - заметил курфюрст Саксонский. - Что это за вера, требующая такого долгого опыта? [450] Бедный герцог!..... он будет ждать достаточно долго. Я боюсь, что Бог ожесточил его сердце, как он ожесточил сердце фараона в древности".

ГЛАВА ПАРТИИ РЕФОРМ—ПРУССИЯ.

В Филиппе евангелическая партия нашла смелого и умного лидера, способного противостоять ужасным нападениям, которые враг планировал против них. Но разве у нас нет причин сожалеть о том, что главой Реформации с этого момента должен был стать человек с мечом, а не просто ученик Слова Божьего? Человеческий элемент расширился в ходе Реформации, а духовный элемент пришел в упадок. Это было вредно для работы, ибо каждая работа должна развиваться сама по себе в соответствии с законами своей собственной природы, а Реформация носила по сути духовный характер.

Бог увеличивал число его сторонников. Пруссия, это могущественное государство на границах Германии, уже с радостью заняла свое место под знаменем Евангелия. Рыцарский и религиозный дух, лежавший в основе Тевтонского ордена, постепенно угасал с течением веков, в которые он возник. Рыцари, руководствуясь исключительно своими интересами, вызывали недовольство людей, находившихся под их властью. Польша воспользовалась этим в 1466 году, чтобы вынудить орден признать ее верховенство. Народ, рыцари, великий магистр, польское господство - было так много противоположных сил, которые постоянно сталкивались и делали невозможным процветание страны.

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ.

Затем пришла Реформация, и было понято, что это единственное средство спасения, оставшееся у несчастных людей. Брисман, Сператус, Полиандер, который был секретарем доктора Экка во время Лейпцигского диспута, и многие другие проповедовали Евангелие в Пруссии.

Однажды нищий из страны, находившейся под властью тевтонских рыцарей, прибыл в Виттемберг и, остановившись перед домом Лютера, торжественным голосом пропел прекрасный гимн Полиандра:

"Наконец-то к нам пришло спасение!" [451]

Реформатор, никогда не слышавший этого христианского напева, слушал с изумлением и восторгом; иностранный акцент певца усилил его восторг: "Снова, снова", - сказал он, когда нищенствующий закончил. Затем он спросил, где он выучил этот гимн, и у него потекли слезы, когда бедняга сообщил ему, что крик об избавлении раздается от берегов Балтийского моря даже до Виттемберга. Лютер сложил руки и возблагодарил Бога. [452]

Воистину, весть о спасении дошла именно туда.

"Сжальтесь над нашим жалким состоянием, - сказал народ Пруссии великому магистру, - и дайте нам проповедников, которые проповедуют чистое учение Евангелия". Альберт сначала ничего не ответил, но вступил в переписку с Сигизмундом, королем Польши, своим дядей и господином-сюзереном.

Последний признал его наследственным герцогом Пруссии, [453] и новый принц совершил публичный въезд в свою столицу Кенигсберг под звон колоколов и одобрительные возгласы народа; все дома были великолепно украшены, а улицы усыпаны цветами. "Есть только один порядок, - сказал Альберт, - и это христианство". Монашеские ордена исчезали, и этот Божественный порядок был восстановлен.

Епископы уступили свои светские права новому герцогу; монастыри были превращены в больницы, Евангелие проповедовалось в самых захудалых деревнях, а в следующем году Альберт женился на Доротее, дочери короля Дании, чья "вера в единого Спасителя" не была поколеблена.

Папа призвал императора принять суровые меры против этого монаха-"отступника", и Карл наложил на Альберта интердикт.

АРХИЕПИСКОП МЕНЦА—РЕФОРМЫ.

Другой принц бранденбургского рода, кардинал-архиепископ Менца, в то время был готов последовать примеру своего кузена. Крестьянские войны особенно угрожали церковным государствам; курфюрст, Лютер и вся Германия воображали, что они находятся накануне великой революции. Архиепископ, думая, что единственным способом сохранить свое княжество была бы его секуляризация, тайно пригласил Лютера подготовить народ к этому смелому шагу, [454] что последний и сделал в письме, адресованном архиепископу и предназначенном для обнародования: "Бог, - сказал он, - возложил свою тяжелую руку на духовенство; они должны пасть, их ничто не спасет". [455] Но крестьянская война закончилась

быстрее, чем ожидалось, кардинал сохранил свои мирские владения; его беспокойство исчезло, и он отказался от своих планов секуляризации.

В то время как Иоанн Саксонский, Филипп Гессенский и Альберт Прусский принимали столь видное участие в Реформации, а вместо благоразумного Фридриха были найдены три принца, полные решимости и мужества, святое дело продвигалось в Церкви и среди народов. Лютер умолял курфюрста учредить евангелическое служение вместо римского священства и направить всеобщее посещение церквей. [456] Примерно в то же время в Виттемберге начали осуществлять епископские функции и рукополагать служителей. "Пусть папа, епископы, монахи и священники не восклицают: "Мы - Церковь; всякий, кто отделяется от нас, отделяется от Церкви!" Нет другой Церкви, кроме собрания тех, у кого есть Слово Божье и кто им очищен." [457] Таков был язык Меланхтона.

Все это не могло быть сказано и сделано без того, чтобы не вызвать бурной реакции. Рим думал, что Реформация угасла в крови восставших крестьян, но ее пламя снова вспыхнуло во всех кварталах с еще большей силой и блеском. Она решила предпринять еще одну попытку. Папа и император писали письма с угрозами — одно из Рима, другое из Испании. Имперское правительство приготвилось поставить дело на прежнюю основу, и всерьез рассматривалась идея эффективного подавления Реформации на приближающемся сейме.

ФРИДЕВАЛЬТ—ДИЕТА.

7 ноября принц-выборщик Саксонии и ландграф в тревоге встретились в замке Фридевальт и договорились, что их депутаты в сейме должны действовать согласованно. Так в Саллингенском лесу были созданы первые элементы евангелического союза, противостоявшего лигам Ратисбона и Дессау.

Сейм открылся в Аугсбурге 11 декабря. Евангелические князья лично не присутствовали. С самого начала депутаты Саксонии и Гессена смело заявили: "Восстание крестьян, - сказали они, - произошло из-за невежливой суровости. Ни огнем, ни мечом Божья истина не может быть вырвана из сердца. Если вы решите применить насильственные меры против Реформации, вас постигнут более ужасные бедствия, чем те, от которых вы так недавно и так чудом избежали".

Чувствовалось, что какая бы резолюция ни была принята, ее результаты будут иметь величайшее значение. Каждый хотел оттянуть решающий момент, чтобы увеличить свои силы. Поэтому они решили снова собраться в Шпайерсе в мае следующего месяца; и что тем временем *перерыв* в Нюрнбергском процессе должен оставаться в силе. Затем, сказали они, мы подробно рассмотрим тему "святой веры, справедливости и мира".

Ландграф настаивал на своем плане. В конце февраля 1526 года у него была встреча с курфюрстом в Готе. Эти два князя согласились, что если на них нападут из-за Слова Божьего, они должны объединить свои силы, чтобы противостоять своим противникам. Этот союз был утвержден в Торгау, и ему было суждено привести к важным результатам.

СОПРОТИВЛЕНИЕ РЕФОРМАТОРОВ.

Союз Торгау не удовлетворил ландграфа. Убеденный в том, что Карл V пытается сформировать лигу "против Христа и его святого Слова", он писал курфюрсту письмо за письмом, объясняя ему

необходимость объединения с другими штатами. "Что касается меня, - писал он, - то я скорее умру, чем отрекусь от Слова Божьего и позволю свергнуть себя с моего трона". [458]

В суде по выборам царила большая неопределенность. Фактически, серьезное препятствие стояло на пути любого союза между евангельскими князьями, и этим препятствием были Лютер и Меланхтон. Лютер желал, чтобы евангельское учение защищал только Бог. Он думал, что чем меньше людей будет вмешиваться в это, тем более поразительным будет вмешательство Бога. Ему казалось, что какие бы меры они ни хотели принять, их следует приписать недостойной робости или достойному порицанию недоверию. Меланхтон опасался, что союз евангельских князей ускорит ту самую борьбу, которой они хотели избежать.

Эти соображения не могли остановить ландграфа, и он попытался привлечь соседние государства к союзу, но его усилия не увенчались успехом. Франкфурт отказался войти в него. Курфюрст Тревский отказался от своей оппозиции и принял пенсию от императора. Даже курфюрст палатинский, чей евангельский настрой был хорошо известен, отверг предложения Филиппа.

Таким образом, ландграф потерпел поражение на берегах Рейна; но курфюрст, вопреки мнению теологов Реформации, вступил в переговоры с князьями, которые во все времена объединялись вокруг могущественного саксонского дома. 12 июня курфюрст и его сын, герцоги Филипп, Эрнест, Отто и Франциск Брауншвейгский и Люнебургский, герцог Генрих Мекленбургский, принц Вольф Ангальтский, графы Альберт и Гебхард Мансфельдские собрались в Магдебурге; и там, под председательством курфюрста, они заключили союз, подобный союзу Торгау.

"Всемогущий Бог, - сказали эти князья, - по Своей неизреченной милости возродив среди людей свое святое и вечное Слово, пищу наших душ и наше величайшее сокровище здесь, на земле, и приложив огромные усилия со стороны духовенства и их приверженцев, чтобы подавить и искоренить его, мы, будучи твердо уверены, что Тот, кто послал это слово для прославления Его имени на земле, также будет знать, как его сохранить, обязуемся сохранять это благословенное Слово для нашего народа, и с этой целью использовать наше имущество, наши жизни, нашу жизнь". государства, наши подданные и все, чем мы владеем; полагаясь не на наши армии, а исключительно на всемогущество Господа, инструментами которого мы желаем быть". [459] Таков был язык князей.

МАГДЕБУРГСКИЙ СОЮЗ.

Два дня спустя город Магдебург был принят в альянс, и новый герцог Пруссии Альберт Бранденбургский присоединился к нему отдельным договором.

Таким образом, был создан евангелический союз; но опасности, которые он должен был предотвратить, с каждым днем становились все более угрожающими. Духовенство и князья, дружественные Риму, увидели, как Реформация, которую они считали подавленной, внезапно предстала перед ними в грозных очертаниях. Сторонники Реформации уже были почти такими же могущественными, как сторонники папы римского. Если бы у них было большинство в сейме, последствия для церковных государств можно было бы легко представить. Сейчас или никогда! Это больше не вопрос опровержения ереси; они должны бороться против могущественной партии. Для спасения христианского мира необходимы другие победы, кроме побед доктора Эка.

Эффективные меры предосторожности уже были приняты. Столичный капитул коллегиальной церкви в Менце созвал собрание всех своих суфражисток и принял решение направить депутацию к императору и папе римскому с призывом сохранить Церковь.

В то же время герцог Георг Саксонский, герцог Генрих Брауншвейгский и кардинал-курфюрст Альберт встретились в Галле и решили обратиться к мемориалу Карлу V. "Отвратительное учение Лютера, - сказали они, - быстро развивается. Каждый день предпринимаются попытки одержать верх даже над нами; и поскольку они не могут добиться успеха мягкими мерами, они стремятся принудить нас, побуждая наших подданных к восстанию. Мы умоляем императора о помощи". [460] Сразу после этой конференции сам Брансуик отправился в Испанию, чтобы повлиять на решение Чарльза.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА С УГРОЗОЙ ЖЕНИТЬБЫ.

Он не мог прибыть в более благоприятный момент; император только что заключил знаменитый Мадридский мирный договор с Францией; ему, казалось, больше нечего было опасаться в этой части, и теперь его взор был обращен исключительно на Германию. Франциск I предложил покрыть часть расходов на войну либо против еретиков, либо против турок.

Император находился в Севилье, где собирался жениться на принцессе Португалии, и берега Гвадалквивира оглашались шумом его празднеств. Сверкающая свита знати и огромное скопление людей заполнили эту древнюю столицу мавров. Под сводчатой крышей великолепного собора проходили все помпезные церковные церемонии; легат папы римского совершал богослужения, и никогда, даже под владычеством арабов, Андалусия не была свидетелем зрелища большего великолепия и торжественности.

В этот самый момент из Германии прибыл Генрих Брауншвейгский и умолял Карла спасти империю и Церковь от нападок виттембергского монаха. Его просьба была немедленно принята к сведению, и император принял решение о принятии решительных мер.

23 марта 1526 года он написал нескольким князьям и городам, которые остались верны Риму. В то же время он дал Генриху Брауншвейгскому специальное поручение устно сообщить им, что он был серьезно опечален, узнав, что непрерывное распространение лютеранской ереси угрожает наполнить Германию святотатством, опустошением и кровопролитием; что, напротив, он с чрезвычайным удовольствием наблюдал за верностью большинства государств; что, отложив все другие занятия, он собирался покинуть Испанию и отправиться в Рим, чтобы прийти к соглашению с папой, а оттуда отправиться в Германию для борьбы с отвратительным вредителем Виттембергом; что с их стороны, их долгом было придерживаться своей веры; и если лютеране попытаются ввести их в заблуждение с помощью хитрости или силы, они должны заключить тесный союз и смело противостоять им; и что он скоро прибудет и поддержит их всей своей силой. [461]

ПОМОЩЬ ЛЮТЕРА.

Когда Брауншвейг вернулся в Германию, римская партия была вне себя от радости и гордо подняла головы. Герцоги Брауншвейгский и Померанийский, Альберт Мекленбургский, Иоанн Юлийский, Георг Саксонский, герцоги Баварии и все князья Церкви считали себя уверенными в победе, когда читали грозные письма завоевателя Франциска I. Они решили присутствовать на приближающемся сейме, смирить принцев-еретиков, а если они не подчинятся, принудить их к

этому мечом. Сообщается, что герцог Георг сказал: "Я могу быть курфюрстом Саксонии, когда захочу"; [462] впоследствии, однако, он попытался придать этим словам другое значение. "Дело Лютера долго не продержится: пусть он позаботится об этом!" - сказал однажды канцлер герцога в Торгау с видом триумфатора.

Лютер, действительно, ожидал этого, но не в том смысле, в каком канцлер понимал это выражение; он внимательно наблюдал за действиями врагов Слова Божьего и, подобно Меланхтону, воображал, что видит тысячи мечей, обнаженных против Евангелия. Но он искал другую, более высокую силу, чем у человека. "Сатана, - писал он Фредерику Микониусу, - проявляет свою ярость; нечестивые понтифики плетут заговоры, и нам грозит война. Увещевайте людей доблестно сражаться перед престолом Господа верой и молитвой, чтобы наши враги, побежденные Духом Божиим, могли быть принуждены к миру. Наша главная потребность, наш главный труд - молитва; пусть люди знают, что теперь они беззащитны перед острием меча и яростью сатаны, и пусть они молятся". [463]

ДВЕ СТОРОНЫ.

Таким образом, все шло к решающей борьбе. На стороне Реформации были молитвы христиан, сочувствие народа и растущее влияние на умы людей, которое никакая сила не могла остановить. В пользу папства говорили древний порядок вещей, сила старых обычаев, рвение и ненависть грозных государей и могущество того могущественного императора, который правил двумя мирами и который незадолго до этого так грубо остановил честолюбие Франциска Первого.

Таково было положение дел, когда открылся Сейм в Шпайерсе. Теперь вернемся в Швейцарию.

КНИГА XI.

ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ.

ШВЕЙЦАРИЯ—ГЕРМАНИЯ. 1523-1527.

ГЛАВА I.

Единство в многообразии —Первобытная верность и свобода—Формирование единства Рима—Лев Иуда и монах—Тезисы Цвингля—Январский диспут.

ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ —ПРИМИТИВНАЯ СВОБОДА.

Мы собираемся рассмотреть многообразия, или, как их еще называют, *вариации* Реформации. Эти различия являются одной из его наиболее существенных характеристик.

Единство в разнообразии и многообразии в единстве - это закон как природы, так и Церкви.

Истина подобна солнечному свету: он нисходит с небес один и тот же; и все же на земле он приобретает различные цвета в зависимости от объектов, на которые он падает. Аналогичным

образом, несколько отличающиеся друг от друга формулировки иногда могут выражать одну и ту же христианскую идею, рассматриваемую в разных аспектах.

Каким скучным было бы творение, если бы это безграничное разнообразие форм и цветов, придающее ему красоту, было заменено абсолютным единообразием! Но каким печальным был бы и его вид, если бы все сотворенные существа не образовывали величественного единства!

Божественное единство имеет свои права, так же как и человеческое разнообразие. В религии мы не должны подавлять ни Бога, ни человека. Если у вас нет единства, ваша религия не от Бога; если у вас нет разнообразия, религия не от человека; но она должна быть от обоих. Стали бы вы вычеркивать из творения один из законов, которые сам Бог наложил на него, — закон бесконечного разнообразия? *И даже вещи, не дающие жизни, будь то свирель или арфа, за исключением того, что они дают различие в звуках, как можно узнать, что звучит на свирели или арфе?* [464] Но если в религии есть разнообразие, проистекающее из различия индивидуальностей, и которое, следовательно, должно существовать даже на небесах, то есть и такое, которое проистекает из восстания человека, и это действительно великое бедствие.

Есть две тенденции, которые в равной степени вводят нас в заблуждение. Одна преувеличивает разнообразие, другая - единство. Основные доктрины спасения являются границей между этими двумя направлениями. Требовать большего, чем эти доктрины, значит нарушать это разнообразие; требовать меньшего - значит нарушать единство.

Последний избыток присущ опрометчивым и мятежным умам, которые смотрят дальше Иисуса Христа, чтобы формировать человеческие системы и доктрины.

Первое существует в различных исключительных сектах, и особенно в секте Рима.

Церковь должна отвергнуть заблуждение, и пока это не будет сделано, христианство не сможет сохраниться. Но если бы эта идея была доведена до крайности, из этого следовало бы, что Церковь должна ополчиться против малейшего отклонения и привести себя в движение из-за простых словесных споров. Вера, таким образом, была бы скована, а чувства христиан низведены до рабства. Такого не было в состоянии Церкви во времена настоящей кафоличности — кафоличности первых веков. Она отвергала секты, которые нападали на фундаментальные истины Евангелия; но однажды принятые эти истины оставляли полную свободу вере. Рим вскоре отошел от этого мудрого курса, и по мере того, как в Церкви укреплялись господство и учение людей, рядом с ними возникало единство людей.

ФОРМИРОВАНИЕ РИМСКОГО ЕДИНСТВА.

Когда-то была изобретена чисто человеческая система, принуждение усиливалось из века в век. Христианская свобода, уважаемая католицизмом более ранних эпох, была сначала ограничена, затем поработана и, наконец, задушена. Убеждение, которое по законам человеческой природы и Слова Божьего должно было свободно формироваться в сердце и понимании человека, было навязано извне, полностью сформировано и симметрично устроено учителями человечества. Размышление, воля, чувство - все способности человеческого существа, которые, будучи подчинены Слову и Духу Божьему, должны были свободно работать и приносить плоды, были лишены своей свободы и вынуждены развиваться в формах, которые были определены заранее. Разум человека стал подобен зеркалу, в котором отражаются посторонние объекты, но которое само по себе ничем не обладает. Несомненно, все еще

существовало много душ, которые были научены непосредственно Богом. Но подавляющее большинство христиан того времени принимали только убеждения других; вера, присущая отдельному человеку, была редкостью; только Реформация вернула Церкви это сокровище.

И все же в течение некоторого времени существовало пространство, в пределах которого человеческому разуму было позволено перемещаться; существовали определенные мнения, которые можно было принимать или отвергать по своему желанию. Но как враждебная армия день ото дня приближается к осажденному городу, вынуждает гарнизон двигаться только в пределах узких границ его крепостных валов и, наконец, вынуждает его сдаться; так и иерархия из века в век и почти из года в год сокращала пространство, которое она временно предоставила человеческому разуму, пока, наконец, это пространство из-за постоянных посягательств не перестало существовать. Все, что человек должен любить, во что он должен верить или что должен делать, регулировалось и предписывалось римской канцелярией. Верующие были избавлены от усталости от изучения, размышлений, борьбы; все, что им нужно было делать, - это повторять формулы, которым их научили.

С того времени, если в лоне Римского католицизма появлялся кто-либо, унаследовавший католицизм апостольских времен, такой человек, чувствуя свою неспособность освободиться от уз, в которые он был заключен, был вынужден разорвать их и снова продемонстрировать изумленному миру раскрепощенность христианина, не признающего никакого закона, кроме закона Божьего.

Реформации, вернув свободу Церкви, было суждено также восстановить ее первоначальное разнообразие и населить ее семьями, объединенными большими чертами сходства, которые они унаследовали от своих общих родителей, но отличающимися второстепенными чертами и напоминающими нам о разнообразии, присущем человеческой природе. Возможно, было бы желательно, чтобы это разнообразие существовало во Вселенской Церкви, не приводя к сектантским разделениям. Тем не менее, мы не должны забывать, что эти секты являются всего лишь выражением этого разнообразия.

ШВЕЙЦАРИЯ И ГЕРМАНИЯ.

Швейцария и Германия, которые до этого времени развивались независимо друг от друга, начали соприкасаться в годы, историю которых мы собираемся проследить, и осознали разнообразие, о котором мы говорили, и которое должно было стать одной из характерных черт протестантизма. Там мы увидим людей, совершенно согласных во всех великих доктринах веры, и все же расходящихся во мнениях по некоторым второстепенным пунктам. Страсть, действительно, проникала в эти дискуссии; но, осуждая такое меланхолическое смешение, протестантизм, далекий от того, чтобы скрывать свое разнообразие, публикует и провозглашает его. Его путь к единству долг и труден, но это единство и есть настоящее единство.

Цвингль продвигался в христианской жизни. В то время как Евангелие освободило Лютера от глубокой меланхолии, которой он некогда поддался в Эрфуртском монастыре, и развило в нем безмятежность, которая часто доходила до веселости и о которой реформатор впоследствии привел так много доказательств, даже перед лицом больших опасностей, христианство произвело совершенно противоположное действие на жизнерадостное дитя Токенбургских гор. Вырвав Цвинглю из его бездумной и мирской жизни, это наложило отпечаток серьезности на его

характер, который был для него неестественным. Эта серьезность была ему очень необходима. Мы видели, как к концу 1522 года появились многочисленные враги, восставшие против Реформации. [465] Цвингле был завален упреками со всех сторон, и споры часто происходили даже в церквях.

ЛЕВ Иуда И МОНАХ—ТЕЗИСЫ ЦВИНГЛЯ.

Лео Джуда, который (по словам историка) был человеком небольшого роста, [466] но полный любви к бедным и рвения против лжеучителей, прибыл в Цюрих примерно в конце 1522 года, чтобы занять должность пастора церкви Святого Петра. В Айнзидлене его заменил Освальд Микониус. [467] Это было ценным приобретением для Цвингле и для Реформации.

Однажды, вскоре после своего прибытия, находясь в церкви, пастором которой он был назначен, он услышал, как монах-августинец настойчиво утверждал, что человек сам по себе способен удовлетворить праведность Бога. "Преподобный отец настоятель, - сказал Лео, - послушайте меня минутку, а вы, мои дорогие граждане, успокойтесь; я буду говорить так, как подобает христианину". Затем он доказал людям ложность учения, к которому прислушивался. [468] После этого в церкви поднялось большое волнение; и сразу же несколько человек гневно набросились на "маленького священника" из Айнзидлена. Цвингле предстал перед великим советом, требуя разрешения изложить свою доктрину в присутствии заместителей епископа; и совет, желая положить конец этим беспорядкам, созвал конференцию на 29 января 1523 года. Новость быстро распространилась по всей Швейцарии. Его противники с досадой восклицали: "В Цюрихе состоится сейм для бродяг; там будут все нищие с больших дорог".

Цвингле, желая подготовиться к борьбе, опубликовал шестьдесят семь тезисов. Горец из Токенбурга смело атаковал папу римского на глазах у всей Швейцарии.

"Все те (сказал он), кто утверждает, что Евангелие - ничто без подтверждения Церкви, хулят Бога.

"Иисус Христос - единственный путь спасения для всех тех, кто был, есть или будет.

"Все христиане - братья Христа и братья друг другу, и у них нет отца на земле: так рушатся ордена, секты и партии.

"Мы не должны сдерживать тех, кто не желает признавать свою ошибку, если только они не нарушают общественный покой своим мятежным поведением".

Таковы были некоторые из предположений Цвингле.

ЯНВАРСКИЙ ДИСПУТ.

Ранним утром в четверг, 29 января, в зале Большого совета в Цюрихе собралось более шестисот человек. Горожане и иностранцы, ученые, высокопоставленные лица и духовенство откликнулись на призыв совета. "Чем все это закончится?" - спрашивали они друг друга. [469] Никто не осмелился ответить; но внимание, эмоции и возбуждение, преобладавшие в этом собрании, ясно свидетельствовали о том, что они ожидали какого-то экстраординарного результата.

Бургомистр Раст, сражавшийся при Мариньяне, председательствовал на конференции. Шевалье Джеймс д'Анвил, великий магистр епископального суда в Констанце, генеральный викарий Фабер и многие другие врачи присутствовали в качестве представителей епископа. Себастьян Хофмайстер был послан Шаффхаузенем, и он был единственным депутатом от кантонов: такова все еще была слабость Реформации в Швейцарии. На столе в центре зала лежала Библия; перед ней сидел Цвингле: "Я взволнован и измучен со всех сторон, - сказал он, - и все же я стою твердо, полагаясь не на свои силы, а на Христа-скалу, с помощью которого я могу делать все". [470]

Цвингле встал и сказал: "Я проповедовал, что спасение можно найти только в Иисусе Христе, и по этой причине по всей Швейцарии меня клеймят как еретика, соблазнителя людей, мятежника..... Итак, во имя Бога, вот я здесь!" [471]

При этих словах все взгляды обратились к Фаберу, который встал и ответил: "Меня послали сюда не спорить, а просто послушать!" Удивленное собрание начало смеяться. "Нюрнбергский сейм, - продолжал Фабер, - пообещал созвать совет в течение года; мы должны дождаться его созыва".

"Что! - воскликнул Цвингле. - Разве это обширное и ученое собрание не так же хорошо, как любой совет?" Затем, повернувшись к президентам, он добавил: "Милостивые государи, защищайте Слово Божье".

МОЛЧАНИЕ—ПОБЕДА.

За этим обращением последовало глубокое молчание; оно было прервано бургомистром, который сказал: "Если здесь есть кто-то, кому есть что сказать, пусть он это сделает". Последовала еще одна пауза. "Я призываю всех тех, кто обвинял меня, а я знаю, что здесь есть несколько человек, - сказал Цвингле, - выступить вперед и обличить меня из любви к истине". Никто не произнес ни слова. Цвингле повторил свою просьбу во второй и третий раз, но безрезультатно. Фабер, оказавшийся под таким давлением, на мгновение отбросил навязанную ему сдержанность и заявил, что он обвинил пастора из Филиспаха в его ошибке и что теперь он заключен в тюрьму; но сразу же после этого снова стал играть роль наблюдателя. Тщетно его уговаривали изложить причины, с помощью которых он убедил этого пастора: он упрямо отказывался. Это молчание со стороны римских врачей истощило терпение собравшихся. Послышался голос, восклицающий из дальней части зала: "Где сейчас эти доблестные ребята, [472] которые так громко разговаривают на улицах? Давай, выходи вперед, вот твой мужчина! Никто не двинулся с места. На это бургомистр с улыбкой сказал: "Похоже, что этот знаменитый меч, которым вы поразили пастора Филиспаха, сегодня не выйдет из ножен", - и разогнал собрание.

Когда ассамблея снова собралась во второй половине дня, совет объявил, что магистр Ульрих Цвингле, не подвергаясь ничьему порицанию, может продолжать проповедовать святое Евангелие и что остальное духовенство кантона не должно учить ничему, что они не могли бы подтвердить Священным Писанием.

"Хвала Господу, который сделает так, что его святое Слово восторжествует на небесах и на земле!" - воскликнул Цвингле. Услышав это, Фабер не смог сдержать негодования. "Тезисы магистра Ульриха, - сказал он, - противоречат чести Церкви и учению Христа; и я докажу это". "Сделайте это", - ответил Цвингль. Но Фабер отклонил его вызов, за исключением того, что он

должен был состояться в Париже, Кельне или Фрибурге. "У меня не будет другого судьи, кроме Евангелия", - сказал Цвингле. "Скорее, чем вы сможете опровергнуть хотя бы одно из его слов, земля разверзнется перед вами". [473] "Евангелие! - усмехнулся Фабер. - Всегда Евангелие!..... Люди могли бы жить в святости, мире и милосердии, даже если бы Евангелия не было". [474]

При этих словах зрители возмущенно вскочили со своих мест. Так закончился диспут.

ГЛАВА II.

Папские искушения—Прогресс Реформации—Идол в Штадельхофене—Святотатство—Украшения Святых.

ПАПСКИЕ ИСКУШЕНИЯ.

Реформация одержала верх; теперь ей предстояло ускорить свои завоевания. После этой битвы при Цюрихе, в которой самые искусные защитники папства были немы, у кого хватило бы смелости выступить против новой доктрины? Но было испробовано оружие другого рода. Твердость Цвингле и республиканская выправка внушали благоговейный страх его противникам; соответственно, они прибегли к особым мерам, чтобы усмирить его. В то время как Рим преследовал Лютера своими анафемами, он пытался завоевать расположение цюрихского реформатора мягкостью. Едва спор закончился, как Цвингле навел капитан папской гвардии — сын бургомистра Руста. Его сопровождал легат Эйнсиус, доставивший папскую грамоту, в которой Адриан VI называл Цвингле своим любимым сыном и заверял его в "своем особом благоволении". [475] В то же время папа римский призвал Цинка одержать победу над Цвингле. "И что папа поручил вам предложить ему?" - спросил Освальд Миконий. "Все, - ответил Цинк, - кроме папского кресла". [476]

ТВЕРДОСТЬ ЦВИНГЛЕ —ВРАЖДЕБНОСТЬ ФАБЕРА.

Не было ни митры, ни посоха, ни кардинальской шапки, которые папа не отдал бы за взятку цюрихскому реформатору. Но Рим странным образом ошибся в этом отношении; все ее предложения оказались тщетными. В Цвингле римская церковь имела еще более безжалостного врага, чем Лютер. Его гораздо меньше, чем саксонского реформатора, интересовали идеи и церемонии прошлых веков; для него было достаточно того, что любой обычай, каким бы невинным он ни был сам по себе, был связан с каким-либо злоупотреблением; он яростно набрасывался на него. Слово Божье (думал он) должно стоять особняком.

Но если Рим так несовершенно понимал, что тогда происходило в христианском мире, то он нашел советчиков, которые попытались наставить его на путь истинный.

Фабер, раздраженный тем, что папа так унижается перед своим противником, поспешил просветить его. Он был придворным с постоянной улыбкой на губах и отточенными словами на устах; судя по его собственному языку, он был другом всех, даже тех, кого обвинял в ереси. Но его ненависть была смертельной. Соответственно, реформатор, играя на своем имени (Фабер), обычно говорил: "Констанцский викарий - кузнец лжи. Пусть он открыто возьмет в руки оружие и увидит, как Христос защищает нас". [477]

Эти слова не были пустым хвастовством, ибо в то время, как папа восхвалял Цвингле за его выдающиеся добродетели и особое доверие, которое он ему оказывал, врагов реформатора становилось все больше по всей Швейцарии. Солдаты-ветераны, знатные семьи, пастухи гор объединили свою ненависть против этой доктрины, которая противоречила их вкусам. В Люцерне, великолепный предствление Zwingli это *увлечение* было объявлено, по сути, люди тащили реформатора чучело на эшафот, кричали, что они собирались посадить еретика до смерти; и возлагать руки на некоторых Zurichers, кто оказался в Люцерн, они вынуждены быть зрителями этого имитировали расстрел. "Они не потревожат мой покой, - сказал Цвингле. - Христос никогда не будет нуждаться в своих последователях". [478] Даже сейм отозвался угрозами в его адрес. "Мои дорогие союзники, - обратился советник Маллинен к кантонам, - окажите своевременное сопротивление лютеранам. cause.....At Цюрих, человек больше не хозяин в своем собственном доме!"

РАСПЯТИЕ В ШТАДЕЛЬХОФЕНЕ.

Эта агитация среди врагов возвещала о происходящем в Цюрихе громче, чем могли бы сделать любые прокламации. Победа действительно приносила плоды; завоеватели постепенно овладевали страной, и с каждым днем Евангелие продвигалось все дальше. Двадцать четыре каноника и огромное количество капелланов добровольно обратились к совету с просьбой изменить их устав. Было решено заменить этих нерасторопных священников благочестивыми и образованными людьми с поручением дать цюрихской молодежи христианское и либеральное образование и установить вместо вечерни и латинских месс ежедневное разъяснение главы из Библии в соответствии с еврейскими и греческими текстами сначала для ученых, а затем и для народа.

СВЯТОТАТСТВО—УКРАШЕНИЯ СВЯТЫХ.

К сожалению, в каждой армии есть несколько таких отчаянных героев, которые покидают свои ряды и совершают несвоевременные атаки на точки, которые все еще следует уважать. Молодой священник Луи Хетцер опубликовал трактат на немецком языке под названием "*Суд Божий над образами*", который произвел большую сенсацию, и образы полностью завладели мыслями части людей. Человек может сосредоточить свое внимание на второстепенных вещах только в ущерб тем основам, которые должны занимать его ум. В местечке под названием Штадельхофен, за городскими воротами, стояло распятие, искусно вырезанное и богато украшенное. Самые ревностные приверженцы Реформации, потрясенные суевериями, порожденными этим изображением, не могли пройти мимо, не дав волю своему негодованию. Гражданин по имени Клод Хоттингер, "достойный человек, - говорит Буллингер, - и начитанный в Священном Писании", встретившись с мельником из Штадельхофена, которому принадлежало распятие, спросил его, когда он намеревается свергнуть своих идолов. "Никто не заставляет вас поклоняться им", — ответил мельник. - "Но разве вы не знаете, - возразил Хоттингер, - что Слово Божье запрещает нам иметь какие-либо резные изображения?" — "Что ж, - сказал мельник, - если вам разрешено убрать их, я оставляю их вам". Хоттингер счел себя уполномоченным действовать, и вскоре после этого, примерно в конце сентября, было замечено, как он проходил через ворота с группой горожан. Добравшись до распятия, они намеренно копали вокруг него, пока изображение, поддавшись их усилиям, с громким треском не упало на землю.

Этот дерзкий поступок посеял смятение со всех сторон: можно было подумать, что сама религия пала вместе с распятием Штадельхофена. "Они виновны в святотатстве! Они заслуживают смертной казни!" - воскликнули друзья Рима. Собор приказал арестовать нарушителей имиджа.

"Нет! - закричали Цвингле и его коллеги со своих кафедр. - Хоттингер и его друзья невиновны перед Богом и достойны смерти. [479] Но они могут быть наказаны за действия с применением насилия и без санкции мировых судей". [480]

Тем временем акты подобного характера происходили постоянно. Викарий церкви Святого Петра, однажды заметивший перед церковью нескольких бедных людей, плохо питавшихся и одетых в лохмотья, сказал одному из своих коллег, когда тот обратил свой взор на дорогие украшения святых: "Я бы хотел снять с этих деревянных идолов одежду для этих бедных членов церкви Иисуса Христа". Несколько дней спустя, в три часа утра, святые и все их украшения исчезли. Совет бросил священника в тюрьму, несмотря на то, что он заявлял о своей невинности в этом деле. "Что? - воскликнули люди. - Неужели Иисус приказал нам обтесать эти бревна? Неужели именно из-за этих изображений он скажет праведникам: *я был наг, и вы одели меня?*"

Таким образом, чем сильнее было сопротивление, тем выше взлетала Реформация; и чем сильнее она сжималась, тем энергичнее она рвалась вперед и угрожала опрокинуть все, что ей противостояло.

ГЛАВА III.

Октябрьский диспут—Цвингле о церкви—Церковь—Начало пресвитерианства—Дискуссия о массах—Энтузиасты—Язык осмотрительности—Победа—Характеристика швейцарской реформации—Умеренность—Освальд Микониус в Цюрихе—Возрождение литературы—Томас Платер из Вале.

ОКТАБРЬСКИЙ ДИСПУТ.

Даже этим эксцессам было суждено принести пользу; требовалось новое сражение, чтобы добиться новых триумфов; ибо в делах Духовных, как и в делах мирских, нет победы без борьбы; и поскольку солдаты Рима стояли неподвижно, конфликт должен был быть спровоцирован недисциплинированными сынами Реформации. На самом деле, судьи были смущены и взволнованы; они чувствовали необходимость просветить свою совесть и с этой целью решили назначить еще один публичный диспут на немецком языке, в ходе которого вопрос об идолах должен был быть рассмотрен в соответствии со Священным Писанием.

Соответственно, епископам Койре, Констанца и Базеля, университету последнего города и двенадцати кантонам было предложено направить депутатов в Цюрих. Но епископы отклонили приглашение и, вспомнив о жалкой фигуре, которую их заместители выставили во время предыдущего диспута, не имели ни малейшего желания повторять подобные унижительные сцены. Пусть евангелисты спорят, если им заблагорассудится, но пусть спорят они одни. В первом случае римская сторона хранила молчание; во втором они решили не появляться. Возможно, Рим вообразил, что великая битва прекратится из-за нехватки участников. Епископы

были не единственными, кто отказался присутствовать. Жители Унтервальдена ответили, что среди них нет ученых, а только достойные и благочестивые священники, которые объясняют Евангелие так, как это делали их отцы; что они не пошлют помощника к Цвингле "и его товарищам"; но что, если он попадет к ним в руки, они будут обращаться с ним таким образом, чтобы лишить его всякого желания повторять те же ошибки. [481] Представителей прислали только Шаффхаузен и Санкт-Галл.

ЦВИНГЛЬ О ЦЕРКВИ.

26 октября, после проповеди, собрание из более чем девятисот человек, состоящее из членов Большого Совета и трехсот пятидесяти священников, заполнило большой зал городского дома. Цвингле и Лео Джуда сидели за столом, на котором лежали Ветхий и Новый Завет на языках оригинала. Цвингле заговорил первым и, ниспровергнув мощной рукой авторитет иерархии и ее соборов, установил права каждой христианской церкви и провозгласил свободу первых веков — тех времен, когда Церковь не знала ни генеральных, ни провинциальных соборов.

"Вселенская церковь, - сказал он, - распространена по всему миру, везде, где есть вера во Христа, как в Индии, так и в Цюрихе.....А что касается конкретных церквей, то они есть у нас в Берне, в Шаффхаузене и даже здесь. Но папы со своими кардиналами и своими соборами не образуют ни вселенской Церкви, ни какой-либо отдельной Церкви. [482] Собрание, перед которым я сейчас выступаю, - энергично продолжал он, - является Цюрихской церковью; оно желает слышать Слово Божье и имеет право предписывать все, что может показаться ему соответствующим Священному Писанию".

Таким образом, Цвингле полагался на Церковь, но на истинную Церковь; не только на духовенство, но и на собрание христиан, на народ. Все, что Священное Писание говорит о Церкви в целом, он применил к конкретным церквям. Он не думал, что может ошибаться какая-либо церковь, которая послушно слушает Слово Божье. В его глазах Церковь была политически и церковно представлена Великим Собором. [483] Сначала он объяснял каждый вопрос с кафедры; и когда умы его слушателей были убеждены в истине, он вынес этот вопрос на рассмотрение Великого Совета, который, в согласии со служителями Церкви, принял такие решения, к которым призывала Церковь. [484]

КАНОНИК ХОФФМАН—ПРЕСВИТЕРИАНСТВО.

В отсутствие заместителей епископа Конрад Хоффманн, тот самый престарелый каноник, который добился избрания Цвингле в Цюрих, взял на себя защиту папы. Он утверждал, что Церковь, паства, "третье сословие" не имеют права обсуждать подобные вопросы. "Я провел тринадцать лет в Гейдельберге, - сказал он, - жил в доме очень большого ученого, которого звали доктор Джосс, достойный и набожный человек, с которым я долго ел и пил и вел веселую жизнь; но я всегда слышал, как он говорил, что не подобает обсуждать такие вопросы; так что, как видите..." Все были готовы разразиться смехом, но бургомистр остановил их. "Поэтому давайте подождем совета", - продолжал Гофман. "В данный момент я не буду спорить, но подчинюсь приказам епископа, даже если он лжец!"

"Подождите совета!" - ответил Цвингле. "А кто будет присутствовать на совете?" Папа с несколькими вялыми и невежественными епископами, которые будут делать только то, что им заблагорассудится. Нет! Церкви там нет! Хонг и Кюсснахт (это были две цюрихские деревни), безусловно, больше похожи на церковь, чем все епископы и папы вместе взятые!"

Таким образом Цвингле отстоял права христианского народа, которого Рим лишил их привилегий. Ассамблея, перед которой он выступал, по его мнению, была не Цюрихской церковью, а ее первым представителем. Это начало пресвитерианской системы в эпоху Реформации. Цвингле выводил Цюрих из-под юрисдикции констанцкого епископа, отделяя его от латинской иерархии и основывая на этой идее паствы, христианского собрания, новую церковную конституцию, к которой впоследствии должны были присоединиться другие страны.

МОЛЧАНИЕ СВЯЩЕННИКОВ И МОНАХОВ.

Спор продолжался. Многие священники встали на защиту изображений, но, не прибегая к Священному Писанию, Цвингле и другие реформаторы опровергли их с помощью Библии. "Если никто не выступит в защиту использования изображений с аргументами, заимствованными из Священного Писания, - сказал один из президентов, - мы назовем некоторых из их защитников поименно". Поскольку никто не встал, был вызван священник Вадишвиля. "Он спит", - ответил один из зрителей. Следующим был вызван священник Хоргена. "Он послал меня вместо себя, - ответил его викарий, - но я не буду отвечать за него". Очевидно, сила Слова Божьего давала о себе знать в этом собрании. Сторонники Реформации были полны энергии, свободы и радости; их противники казались безмолвными, встревоженными и подавленными. Они вызывали одного за другим приходских священников Лауфена, Глаттфельдена, Ветцикона, ректора и священника Пфаффикона, декана Элгга, священника Беретшвиля, а также доминиканцев и грейфрайеров, известных своими проповедями в защиту икон, богородицы, святых и мессы; но все отвечали, что ничего не могут сказать в их пользу и что отныне они займутся изучением истины. "До сих пор, - сказал один из них, - я доверял старым врачам; теперь я буду верить новым". — "Вы должны верить не в нас, а в Слово Божье", - воскликнул Цвингле. "Только Священное Писание никогда не допускает ошибок!" Заседание было долгим, и приближалась ночь. Президент, гофмейстер Шаффхаузена, встал и сказал: "Благословен будь Всемогуший и Вечный Бог за то, что он во всем даровал нам победу", а затем он призвал членов городского совета Цюриха снести все изображения.

Во вторник ассамблея собралась снова, чтобы обсудить доктрину мессы. Председателем был Вадиян. "Братья мои во Христе, - сказал Цвингле, - да будет далека от нас мысль, что в теле и крови Христа есть какой-либо обман. [485] Наша единственная цель - показать, что месса - это не жертва, которую один человек может принести Богу за другого, если только кто-нибудь не должен также утверждать, что человек может есть и пить за своего друга".

ПОБЕДА.

После того, как Вадиян дважды спросил, желает ли кто-либо из присутствующих подтвердить оспариваемую доктрину Священным Писанием, и никто не ответил, каноники Цюриха, капелланы и многие другие священнослужители заявили, что они согласны с Цвингле.

Но едва реформаторам удалось таким образом победить приверженцев старых доктрин, как им пришлось бороться с теми нетерпеливыми духами, которые призывают к внезапным и насильственным нововведениям, а не к мудрым и постепенным реформам. Несчастный Конрад Гребель встал и сказал: "Недостаточно спорить о мессе, мы должны положить конец злоупотреблениям". — "Совет издаст указ по этому вопросу", - ответил Цвингле. На это Саймон Штумпф воскликнул: "Дух Божий уже решил: зачем ссылаться на решение совета?" [486]

Командир Кюсснахта Шмидт серьезно поднялся и мудрым тоном сказал: "Давайте научим христиан принимать Христа в свои сердца. [487] До этого часа вы все стремились к идолам. Жители равнин бежали в горы, а жители гор - на равнину; французы - в Германию, а немцы - во Францию. Теперь вы знаете, куда вам следует идти. Бог соединил все во Христе. Вы, благородные граждане Цюриха! идите к истинному источнику, и пусть Христос, наконец, снова войдет на вашу территорию и там восстановит свою древнюю империю".

Эта речь произвела глубокое впечатление, и никто не встал, чтобы ответить на нее. Цвингле взволнованно встал и сказал: "Милостивые государи, Бог с нами Он защитит свое дело. Итак, вперед во имя Бога". Тут волнение Цвингле стало настолько велико, что он не мог продолжать. Он заплакал, и многие присоединились к его слезам. [488]

Так закончился диспут. Председатели встали; бургомистр поблагодарил их; и пожилой воин, повернувшись к совету, серьезно сказал тем голосом, который так часто можно было услышать на поле битвы: "Итак, ... возьмемся за меч Слова Божьего, и пусть Господь преуспеет в своем деле".

ХАРАКТЕР ШВЕЙЦАРСКОЙ РЕФОРМАЦИИ.

Этот спор, состоявшийся в октябре месяце 1523 года, стал решающим. Большинство священников, присутствовавших на нем, вернулись, полные рвения, в разные части кантона, и эффект этих двух дней ощущался по всей Швейцарии. Цюрихская церковь, которая всегда сохраняла определенную независимость по отношению к Констанцскому престолу, затем была полностью эмансипирована. Вместо того, чтобы полагаться на папу через епископа, отныне она опиралась через народ на Слово Божье. Цюрих вернул себе привилегии, отнятые у него Римом. Город и деревня соперничали друг с другом в заинтересованности в работе Реформации, а Великий Совет всего лишь следил за движениями людей. Во всех важных случаях город и деревни высказывали свое мнение. Лютер вернул Библию христианскому миру; Цвингль пошел дальше, он восстановил их права. Это характерная черта швейцарской реформации. Таким образом, поддержание здравого учения было доверено богом народу; и недавние события показали, что христианский народ может охранять это драгоценное сокровище лучше, чем священники и понтифики. [489]

Цвингле не позволил себе ликовать от победы; напротив, Реформация, согласно его желанию, проводилась с большой умеренностью. "Бог знает мое сердце, - сказал он, когда члены совета спросили его совета. - Он знает, что я склонен созидать, а не разрушать. Я знаю, что есть робкие души, которых следует умиротворить; поэтому пусть мессу еще некоторое время будут читать по воскресеньям во всех церквях, и давайте не будем оскорблять священников, которые ее совершают". [490]

Совет разработал указ с этой целью. Хоттингер и Хохрутинер, один из его друзей, были изгнаны из кантона на два года и им было запрещено возвращаться без разрешения.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ОБУЧЕНИЯ В ЦЮРИХЕ.

Реформация в Цюрихе следовала благоразумным и христианским курсом. С каждым днем возвышая этот город все больше и больше, он окружал ее славой в глазах всех друзей Слова Божьего. Соответственно, те в Швейцарии, кто приветствовал новый свет, озарявший Церковь, почувствовали сильное влечение к Цюриху. Освальд Микониус, изгнанный из Люцерна, прожил

шесть месяцев в Айнзидлене, когда однажды, возвращаясь из поездки, которую он совершил в Гларис, [491] подавленный усталостью и солнечной жарой, он увидел, как его маленький сын Феликс бежит ему навстречу, чтобы сказать, что его пригласили в Цюрих руководить одним из предприятий. школы. Освальд не мог поверить таким радостным вестям: он колебался между страхом и надеждой. [492] "Я твой", - написал он наконец Цвингле. Герольдсек с сожалением проводил его взглядом; мрачные мысли наполнили его голову. "Увы! - сказал он Освальду. - все те, кто исповедует Христа, едут в Цюрих; я боюсь, что однажды мы все погибнем там вместе". [493] Печальное предчувствие, которое из-за смерти самого Герольдсека и стольких других друзей Евангелия слишком скоро исполнилось на равнинах Каппеля.

В Цюрихе Миконий наконец нашел безопасное убежище. Его предшественник, которого из-за его высокого положения в Париже прозвали "великим дьяволом", пренебрегал своими обязанностями; Освальд посвятил их выполнению все свое сердце и силы. Он объяснял греческую и латинскую классику, преподавал риторику и логику, и молодежь города слушала его с восторгом. [494] Микониусу было суждено стать для подрастающего поколения тем, чем Цвингле был для людей более зрелых лет.

ТОМАС ПЛЕЙТЕР.

Сначала Миконий был встревожен преклонным возрастом учеников, находившихся под его опекой; но постепенно к нему вернулось мужество, и вскоре он различил среди своих учеников молодого человека двадцати четырех лет от роду, в глазах которого светилась любовь к учебе. Томас Платер, ибо таково было его имя, был уроженцем Вале. В этой прекрасной долине, где Вьежский поток катит свои шумные воды, вытекая из моря льда и снега, которое окружает гору Роза, между Сент-Николасом и Штальденом, на высоком холме, возвышающемся на правом берегу реки, все еще можно увидеть деревню Грахен. Это было место рождения Платера. Из окрестностей этих колоссальных Альп должен был родиться один из самых оригинальных персонажей, появившихся в великой драме шестнадцатого века. В возрасте девяти лет он был отдан на попечение священника, приходившегося ему родственником, который часто так жестоко избивал маленького крестьянина, что он плакал (как он сам рассказывает нам), как ребенок под ножом. Один из его двоюродных братьев водил его учиться в немецкие школы. Но ему уже исполнилось двадцать лет, и все же, бегая из школы в школу, он едва умел читать. [495] Приехав в Цюрих, он твердо решил получить знания; и, заняв свое место в школе Освальда, он сказал себе: "Там ты будешь учиться или умрешь". Свет Евангелия озарил его сердце. Однажды очень холодным утром, когда у него не было топлива для школьной печки, поддерживать которую в порядке было его обязанностью, он подумал про себя: "Зачем тебе дрова, когда в церкви много идолов!" В церкви еще никого не было, хотя Цвингле должен был проповедовать, и колокола уже созывали прихожан. Платер вошел очень тихо, взял изображение святого Иоанна, стоявшее на алтаре, и сунул его в печь, сказав: "Ложись, ибо ты должен войти". Совершенно очевидно, что ни Миконий, ни Цвингле не одобрили бы такой поступок.

По правде говоря, с недоверием и суевериями следовало бороться более совершенным оружием, чем это. Цвингле и его коллеги протянули руку помощи Микониусу, и последний ежедневно разъяснял Новый Завет в церкви Богоматери перед нетерпеливой и внимательной толпой. [496] Другой публичный диспут, состоявшийся 13 и 14 января 1524 года, снова оказался фатальным для Рима; и напрасно каноник Кох восклицал: "Папы, кардиналы, епископы, соборы — это моя церковь!"

В Цюрихе все шло своим чередом; умы людей становились более просвещенными, сердца - более решительными, а Реформация набирала силу. Цюрих был крепостью, завоеванной новой доктриной, и из ее стен она вот-вот должна была распространиться на всю конфедерацию.

ГЛАВА IV.

Люцернский сейм—Арест Хоттингера—Его смерть—Депутация от Сейма в Цюрих—Отмена религиозных процессов—Отмена изображений—Две реформации—Обращение к народу.

ДИЕТА НА ОСНОВЕ ЛЮЦЕРНЫ.

Противники понимали, какими могут быть последствия этих изменений в Цюрихе. Они чувствовали, что теперь должны принять решение о нанесении решительного удара. Они достаточно долго были молчаливыми зрителями. Закованные в железо воины Швейцарии решили наконец восстать; и всякий раз, когда они восстали, поле битвы было обагрено кровью.

Сейм собрался в Люцерне; духовенство пыталось склонить главный совет нации в свою пользу. Фрибург и Лесные кантоны показали себя послушными инструментами; Берн, Базель, Солер, Гларис и Аппенцель пребывали в нерешительности. Шаффхаузен склонялся к Евангелию, но только Цюрих смело выступил в его защиту. Сторонники Рима призвали ассамблею уступить их требованиям и предрассудкам. "Пусть народу будет запрещено, - говорили они, - проповедовать или повторять любое новое или лютеранское учение в частном порядке или публично, а также говорить или спорить о таких вещах в тавернах и за вином". [497] Таков был церковный закон, который они хотели установить в конфедерации.

С этой целью было разработано девятнадцать статей, одобренных всеми штатами, за исключением Цюриха, 26 января 1523 года и разосланных всем судебным приставам с приказом следить за их строгим соблюдением: "что вызвало великую радость среди священников, - говорит Буллингер, - и великую печаль среди верующих". Вот-вот должно было начаться преследование, регулярно организуемое верховной властью конфедерации.

ХОТТИНГЕР АРЕСТОВАН.

Одним из первых, кто получил мандат сейма, был Генри Флакенштейн из Люцерна, судебный пристав Бадена. Хоттингер, изгнанный из Цюриха за то, что снес распятие в Штадельхофене, удалился в этот округ, где не скрывал своих убеждений. Однажды, обедая в таверне "Ангел" в Цурзахе, он сказал, что священники неправильно истолковывают Священное Писание и что человек должен уповать только на Бога. [498] Хозяин гостиницы, который постоянно входил и выходил, чтобы принести хлеба или вина, слушал то, что казалось ему таким необычным языком. В другой раз Хоттингер нанес визит своему другу Джону Шютцу из Шнейссингена. После того, как они вместе поели и выпили, Шуц спросил его: "Что это за новая вера, которую проповедуют цюрихские пасторы?" "Они проповедуют, - ответил Хоттингер, - что Христос был принесен в жертву *однажды* за всех христиан; что этой единственной жертвой он очистил и искупил их от всех грехов; и они показывают Священным Писанием, что месса - ложь".

После этого (в феврале 1523 года) Хоттингер покинул Швейцарию и отправился по делам в Вальдсхут, на другой берег Рейна. Были приняты меры к его задержанию, и примерно в конце того же месяца бедный, ничего не подозревающий Цюрихер, переправившись через реку, едва

достиг Кобленца, деревни на левом берегу Рейна, как был арестован. Его отвезли в Клингенау, и когда он там откровенно исповедал свою веру, раздраженный Флакентштейн сказал: "Я отведу вас в такое место, где вы найдете людей, которые дадут вам подходящий ответ".

В сущности, судебный пристав последовательно проводил его к судьям Клингенау, к высшему трибуналу Бадена и, поскольку он не смог найти никого, кто признал бы его виновным, к заседанию сейма в Люцерне. Он был твердо намерен искать судей, которые осудили бы его заключенного.

МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ХОТТИНГЕРА.

Сейм, не теряя времени, приговорил Хоттингера к обезглавливанию. Когда ему сообщили о вынесенном приговоре, он воздал славу Богу: "Хватит, - сказал Джеймс Трогер, один из его судей. - Мы сидим здесь не для того, чтобы слушать проповеди. Вы можете продолжить свой разговор в другой раз. "На этот раз ему, должно быть, отрубят голову, - со смехом сказал бейлиф Ам Орт. - Если он когда-нибудь снова наденет ее, мы все примем его веру". "Пусть Бог простит всех тех, кто осудил меня", - сказал заключенный. Затем монах поднес к его губам распятие, но он убрал его, сказав: "Мы должны принять Иисуса Христа сердцем".

Когда его вели на казнь, многие зрители не могли удержаться от слез. "Я иду к вечному счастью", - сказал он, поворачиваясь к ним. Достигнув места, где ему предстояло умереть, он воздел руки к небу, восклицая: "В твои руки, о мой Искупитель, я вверяю свой дух!" В следующую минуту его голова покатила по эшафоту.

Едва кровь Хоттингера успела остыть, как враги Реформации воспользовались случаем, чтобы еще больше разжечь гнев союзников. Зло должно быть подавлено в самом Цюрихе. Ужасный пример, который только что был приведен, должно быть, поверг Цвингле и его сторонников в ужас. Еще одно энергичное усилие, и за смертью Хоттингера последовала бы смерть Реформы.....Сейм немедленно постановил направить в Цюрих депутацию с призывом к советам и гражданам отречься от своей веры.

21 марта депутация получила аудиенцию. "Древнее христианское единство нарушено, - заявили депутаты, - болезнь набирает силу; духовенство четырех лесных кантонов уже заявило, что, если магистраты не придут им на помощь, они должны прекратить свои функции. Союзники Цюриха, объедините свои усилия с нашими; подавите эту новую веру; [499] увольте Цвингле и его учеников, а затем давайте все объединимся, чтобы исправить раны, нанесенные папам и их придворным".

Так говорили противники: и что бы сделали граждане Цюриха? Дрогнули бы их сердца? Охладила ли их мужество кровь их согражданина?

Цюрих не оставляла надолго в напряжении ни своих друзей, ни врагов. Совет спокойно и благородно объявил, что они не могут пойти ни на какие уступки в том, что касается Слова Божьего, а затем перешел к еще более решительному ответу.

ОТМЕНА ПРОЦЕССИЙ И ИЗОБРАЖЕНИЙ.

Начиная с 1351 года, было принято, что многочисленная процессия, каждый участник которой нес крест, отправлялась в Уитмондей в паломничество в Айнзидлен, чтобы поклониться Пресвятой Деве. Этот фестиваль, учрежденный в память о битве при Татвилле, сопровождался

большими беспорядками. [500] Шествие должно было состояться 7 мая. По ходатайству трех пасторов оно было запрещено советом, и все остальные шествия, в свою очередь, были реформированы.

Они на этом не остановились. Мощи, этот источник бесчисленных суеверий, были с почестями преданы земле; [501] а затем, по просьбе трех пасторов, совет опубликовал указ о том, что, поскольку честь принадлежит одному Богу, изображения должны быть изъяты из всех церквей кантона, а их украшения проданы в пользу бедных. Двенадцать членов совета, по одному от каждой гильдии, три пастора, городской архитектор, кузнецы, плотники, строители и каменщики зашли в различные церкви и, закрыв двери, [502] сняли кресты, испортили фрески, побелили стены и унесли изображения, к великому удовольствию верующих, которые отнеслись к этому процессу с одобрением. (говорит Буллингер) как поразительное почтение истинному Богу. В некоторых деревенских церквях украшения были сожжены "в честь и славу Божию". Вскоре органы были изъяты из-за их связи со многими суеверными обрядами; и была составлена служба крещения, из которой было исключено все, что не соответствует Писанию. [503]

Бургомистр Раст и его коллега с угасающими глазами радостно приветствовали триумф Реформации. Они прожили достаточно долго и умерли как раз во время этого великого обновления общественного богослужения.

ДВЕ РЕФОРМАЦИИ.

Швейцарская реформация предстает здесь в несколько ином аспекте, чем немецкая реформация. Лютер восстал против бесчинств тех, кто разбил статуи в церквях Виттемберга; и в присутствии Цвингле идола пали в храмах Цюриха. Это различие объясняется тем, что два реформатора по-разному смотрели на один и тот же объект. Лютер желал сохранить в Церкви все, что прямо не противоречило Священному Писанию, а Цвингль - отменить все, что не могло быть ими доказано. Немецкий реформатор желал оставаться единым с Церковью предшествующих веков и был удовлетворен очищением ее от всего, что противоречило Слову Божьему. Цюрихский реформатор миновал эти века, вернулся к апостольским временам и, осуществив полное преобразование Церкви, попытался вернуть ее к ее первоначальному состоянию.

Таким образом, реформация Цвингля была более полной. Работа, которую Провидение доверило Лютеру, восстановление учения об оправдании верой, несомненно, была великой работой Реформации; но когда это было завершено, оставалось выполнить другие, которые, хотя и второстепенные, все же были важны; и на них усилия Цвингля были направлены более целенаправленно.

На самом деле перед реформаторами были поставлены две грандиозные задачи. Христианский католицизм, зародившийся среди еврейского фарисейства и греческого язычества, постепенно ощутил влияние этих двух религий, которые превратили его в римско-католицизм. Реформации, призванной очистить Церковь, было суждено очистить ее в равной степени от еврейского и языческого элемента.

Еврейский элемент преобладал главным образом в той части христианского учения, которая касается человека. Католицизм перенял от иудаизма фарисейские идеи самоправедности, спасения человеческой силой или делами.

Языческий элемент преобладал особенно в той части христианского учения, которая относится к Богу. Язычество извратило в католической церкви идею бесконечного Божества, чья сила, будучи совершенно самодостаточной, действует во все времена и во всех местах. Это установило в Церкви господство символов, образов и церемоний; и святые стали полубогами папства.

ЛЮТЕР И ЦВИНГЛЬ.

Реформа Лютера была направлена, по существу, против еврейского элемента. Именно с этим элементом ему пришлось бороться, когда дерзкий монах от имени папы занимался торговлей спасением душ.

Реформа Цвингля была особенно направлена против языческого элемента. Именно с этим элементом он соприкоснулся в храме Эйнзидленской Богородицы, когда толпа, собравшаяся со всех сторон, слепо пала ниц перед позолоченным идолом, как в древности в храме Эфесской Дианы.

Немецкий реформатор провозгласил великое учение об оправдании верой и вместе с ним нанес смертельный удар фарисейской праведности Рима. Реформатор Швейцарии, несомненно, сделал то же самое; неспособность человека спасти себя составляет основу работы всех реформаторов. Но Цвингле сделал нечто большее: он установил верховную, универсальную и исключительную власть Бога и таким образом нанес смертельный удар языческому богослужению Рима.

Римско-католицизм возвысил человека и принижал Бога. Лютер принижал человека, а Цвингле возвысил Бога.

Эти две задачи, которые были специально, но не исключительно их, дополняли друг друга. Лютер заложил фундамент здания; Цвингле поднял его венчающий камень.

Еще более одаренный гений мог с берегов озера Леман произвести совместное впечатление на этих двух персонажей Реформации. [\[504\]](#)

ОППОЗИЦИЯ.

Но в то время как Цвингле, таким образом, мощными шагами продвигался к посту главы конфедерации, настрой кантонов с каждым днем становился все более враждебным. Правительство Цюриха почувствовало необходимость опереться на народ. Более того, народ, то есть собрание верующих, был, согласно принципам Цвингле, высшей силой, к которой только можно было апеллировать на земле. Было решено проверить состояние общественного мнения, и судебным приставам было предписано потребовать от всех приходов, готовы ли они претерпеть все ради Господа нашего Иисуса Христа, "который, - сказал совет, - отдал свою жизнь и свою кровь за нас, грешных". [\[505\]](#) Весь кантон внимательно следил за ходом Реформации в городе, и во многих местах крестьянские дома превратились в христианские школы, где читали Священное Писание.

Постановление собора было прочитано и с энтузиазмом воспринято в каждом приходе. "Пусть наши лорды, - ответили они, - остаются бесстрашно верными Слову Божьему: мы поможем им отстаивать его; [506] и если кто-то попытается им досаждать, мы придем к ним на помощь как храбрые и верные сограждане". Крестьянство Цюриха показало тогда, что сила Церкви - в христианском народе.

Но люди были не одиноки. Человек, которого Бог поставил во главе их, достойно откликнулся на призыв. Цвингле, казалось, преумножал себя для служения Богу. К нему обращались все, кто подвергался гонениям в гельветических кантонах за дело Евангелия. [507] Ответственность за общественные дела, забота о церквях, тревоги славного конфликта, который происходил в каждой долине Швейцарии, тяжелым бременем легли на цюрихского евангелиста. [508] В Виттемберге известие о его мужественных действиях было встречено с радостью. Лютер и Цвингле были двумя великими светилами, жившими в Верхней и Нижней Германии; и доктрина спасения, столь мощно провозглашенная обоими, заполнила обширные пространства, простирающиеся от вершин Альп до берегов Балтийского и Северного морей.

ГЛАВА V.

Новая оппозиция—Похищение Ккслина—Семья Виртов—Население Иттингенского монастыря—Сейм Цуга—Вирты задержаны и переданы Сейму —Их осуждение.

НОВАЯ ОППОЗИЦИЯ.

Таким образом, Слово Божье не могло вторгнуться в обширные страны без того, чтобы его триумфы не приводили в раздражение папу в его дворце, священника в его пресвитерии и швейцарских магистратов в их советах. Их ужас возрастал день ото дня. С народом посоветовались; христиане приобрели значение в христианской церкви, и зывали к их сочувствию и вере, а не к постановлениям римской канцелярии! Столь мощная атака требовала еще более мощного сопротивления. 18 апреля папа обратился с кратким посланием к конфедератам, и сейм, собравшийся в июле месяце в Цуге, уступив настоятельным призывам понтифика, направил депутацию в Цюрих, Шаффхаузен и Аппенцель с поручением ознакомить эти штаты с твердой решимостью сейма сокрушить новую доктрину и преследовать ее приверженцев до лишения их имущества, почестей и даже жизни. Цюрих не без волнения выслушал это предупреждение, но был дан твердый ответ, что в вопросах веры необходимо повиноваться только Слову Божьему. Получив этот ответ, Люцерн, Швиц, Ури, Унтервальден, Фрибург и Цуг задрожали от ярости; и, не обращая внимания на репутацию и силу, которые присоединение Цюриха ранее придало молодой конфедерации, забыв о приоритете, который был немедленно предоставлен ей, о простых и торжественных клятвах, которые были ей даны, и о многих победах и поражениях, которые они разделили с ней, — эти государства заявили, что они больше не будут заседать на сейме с Цюрихом. Таким образом, в Швейцарии, как и в Германии, сторонники Рима первыми нарушили федеральное единство. Но угроз и разрыва союзов было недостаточно. Фанатизм кантонов требовал крови, и вскоре стало ясно, каким оружием Рим намеревался бороться со Словом Божьим.

ПАТРИАРХАЛЬНАЯ СЕМЬЯ.

Один из друзей Цвингле, достойный Хекслин, [509] был пастором Бурга на Рейне, по соседству со Штайном. Судебный пристав Ам-Берг, который, казалось, с восторгом слушал Евангелие, [510] желая получить этот судебный округ, пообещал ведущим людям Швица искоренить новую веру. Кслен, хотя и не входил в его юрисдикцию, был первым, на ком он применил свою суровость.

Около полуночи 7 июля 1524 года какие-то люди постучали в дверь пастора; это были солдаты судебного пристава, которые вошли в дом, схватили Икслина и увели его пленником, невзирая на его крики. Думая, что они хотят убить его, он закричал: "Убивают!" - жители в ужасе вскочили со своих постелей, и вскоре деревня превратилась в арену страшного шума, который был слышен даже в Стейне. Часовой, стоявший на страже в замке Гогенклинген, ударил в набат, и вскоре жители Штайна, Штаммхайма и прилегающих мест пришли в движение и спрашивали друг друга в темноте, в чем дело.

В Штаммхайме жил заместитель судебного пристава Вирт, двое старших сыновей которого, Адриан и Джон, оба молодые священники, полные благочестия и мужества, проповедовали Евангелие с великим усердием. Иоанн особенно преисполнился веры и был готов пожертвовать своей жизнью ради своего Спасителя. Это была поистине патриархальная семья. Ханна, мать, родившая судебному приставу много детей и воспитавшая их в страхе Господнем, была почитаема за свои добродетели во всей округе. Услышав шум беспорядков в Бурге, отец и двое старших сыновей вышли на улицу, как и их соседи. Отец был возмущен тем, что судебный пристав Фрауэнфельд воспользовался своими полномочиями вопреки законам страны. Сыновья с прискорбием узнали, что их брата, их друга, человека, хорошему примеру которого они с радостью следовали, уволокли как преступника. Каждый из них схватил по алебарде, и, несмотря на опасения нежной жены и матери, отец и двое его сыновей присоединились к отряду граждан Штейна с решимостью спасти своего пастора. К несчастью, к экспедиции присоединилось несколько негодяев, которые появляются при любом беспорядке; они преследовали приставов; последние, услышав набат и крики тревоги, удвоили скорость, увлекая за собой свою жертву, и вскоре река Тейр оказалась между ними и их преследователями.

ТОЛПА В ИТТИНГЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ.

Когда жители Штайна и Штаммхайма достигли берега реки и не нашли способа переправиться, они остановились и решили послать депутацию во Фрауэнфельд. "О! - воскликнул судебный пристав Вирт. - пастор из Штейна так дорог нам, что ради него я охотно пожертвовал бы своим имуществом, своей свободой и своей жизнью". [511] Население, оказавшись рядом с картезианским монастырем Иттингена, обитатели которого, как считалось, поощряли тиранию судебного пристава Ам-Берга, вошло в здание и завладело трапезной. Эти несчастные вскоре опьянели, и следствием этого стали постыдные беспорядки. Вирт тщетно умолял их покинуть монастырь; [512] ему грозила опасность подвергнуться жестокому обращению с их стороны. Его сын Адриан остался за пределами монастыря. Иоанн вошел, но вскоре вышел снова, огорченный увиденным. [513] Пьяные крестьяне принялись грабить винные погреба и кладовые, ломать мебель и жечь книги.

Когда весть об этих беспорядках достигла Цюриха, несколько депутатов городского совета поспешили на место и приказали всем лицам, находящимся под юрисдикцией кантона, вернуться по домам. Они немедленно это сделали. Но группа турговианцев, привлеченных

беспорядками, обосновалась в монастыре, чтобы поднять ему настроение. Внезапно вспыхнул пожар, никто не знал, как это произошло, и монастырь сгорел дотла.

ДИЕТА В ЦУГЕ.

Через пять дней после этого депутаты кантонов собрались в Цуге. В собрании не было слышно ничего, кроме угроз мести и смерти. "Давайте пройдем с развевающимися знаменами на Штайн и Штаммхайм, - говорили они, - и предадим жителей мечу". Заместитель судебного пристава и двое его сыновей долгое время были объектами особой неприязни из-за своей веры. "Если кто-то виновен, - сказал депутат Цюриха, - он должен быть наказан, но по законам справедливости, а не насилием". Вадриан, депутат Сен-Галля, поддержал это мнение. После этого избегатель Джон Хаг из Люцерна, не в силах больше сдерживаться, воскликнул со страшными проклятиями: [514] "Еретик Цвингль - отец всех этих восстаний; и вы тоже, доктор Святого Галла, поддерживаете его позорное дело и помогаете ему добиться его триумфа.....Вам не следует больше занимать место среди нас". Депутат от Цуга пытался восстановить мир, но тщетно. Вадриан покинул зал, и поскольку у населения были виды на его жизнь, он тайно покинул город и окольным путем добрался до монастыря Каппель.

ВИРТЫ ПОДЧИНИЛИСЬ СЕЙМУ.

Цюрих, намереваясь подавить все беспорядки, решил временно задержать тех лиц, которые были отмечены яростью конфедератов. Вирт и двое его сыновей спокойно жили в Штаммхайме. "Никогда враги Бога не смогут победить Его друзей", - сказал Адриан Вирт с кафедры. Отца предупредили об уготованной ему участи, и его умоляли бежать с двумя сыновьями. "Нет, - ответил он, - я подожду офицеров, уповаю на Бога". И когда солдаты появились у его дома, он сказал: "Милорды Цюриха могли бы избавить себя от всех этих хлопот: если бы они только прислали ребенка, я бы подчинился их призыву". [515] Трое виртов были доставлены в Цюрих и посажены в тюрьму. Рутиман, судебный пристав Нуссбаума, разделил их судьбу. Они были строго допрошены, но в их поведении не было обнаружено ничего предосудительного.

Как только депутаты кантонов узнали о заключении в тюрьму этих четырех граждан, они потребовали отправить их в Баден и приказали, чтобы в случае отказа их войска двинулись маршем на Цюрих и увезли их силой. "Цюриху принадлежит право установить, виновны эти люди или нет, - заявили депутаты этого штата, - и мы не нашли в них никакой вины". На это депутаты кантонов воскликнули: "Выдадите ли вы их нам? Отвечайте "да" или "нет", и ни слова больше". Два депутата от Цюриха вскочили на лошадей и со всей поспешностью поехали к своим избирателям.

Когда они прибыли, весь город был в волнении. Если бы пленным было отказано, конфедераты пришли бы за ними с вооруженными силами; выдать их означало согласиться на их смерть. Мнения разделились: Цвингль поддержал их отказ. "Цюрих, - сказал он, - должен оставаться верным своей конституции". В конце концов предполагалось, что найден средний путь. "Мы передадим заключенных в ваши руки, - заявили они сейму, - но при условии, что вы допросите их исключительно в связи с делом Иттингена, а не на основании их веры". Сейм согласился с этим предложением, и в пятницу перед днем Святого Варфоломея (18 августа 1524 г.) трое Виртов и их друг в сопровождении четырех государственных советников и нескольких вооруженных людей покинули Цюрих.

Весь город был глубоко обеспокоен судьбой, которая ожидала двух юношей и их пожилых товарищей. Когда они проходили мимо, были слышны только рыдания. "Увы! - восклицает современник. - какая скорбная процессия!" [516] Все церкви были полны. "Бог накажет нас!" - воскликнул Цвингле. "Давайте, по крайней мере, помолимся ему, чтобы он ниспослал свою благодать этим бедным заключенным и укрепил их в вере". [517]

ДОПРОС И ПЫТКИ.

В пятницу вечером обвиняемые прибыли в Баден, где их ждала огромная толпа. Сначала их отвезли в гостиницу, а оттуда в тюрьму. Они едва могли продвигаться вперед, толпа так теснилась вокруг, чтобы увидеть их. Отец, шедший впереди, повернулся к двум своим сыновьям и кротко заметил им: "Смотрите, мои дорогие дети, мы (как говорит апостол) люди, обреченные на смерть; ибо мы стали зрелищем для мира, и для ангелов, и для людей" (1 Кор. iv. 9). Затем, увидев в толпе своего смертельного врага Ам-Берга, причину всех своих несчастий, он подошел к нему и протянул руку, хотя бейлиф хотел отвернуться: "На небесах есть Бог, который знает все", - спокойно сказал он, пожимая руку своего противника.

Проверка началась на следующий день: сначала был доставлен судебный пристав Вирт. Его подвергли пыткам, не обращая никакого внимания на его характер или возраст, но он упорно заявлял о своей невинности в разграблении и сожжении Иттингена. Затем его обвинили в том, что он уничтожил изображение святой Анны. Ничего нельзя было доказать против других заключенных, за исключением того, что Адриан Вирт был женат и проповедовал в манере Цвингля и Лютера; и что Джон Вирт причащал больного человека без колокольчика и свечи. [518]

Но чем очевиднее была их невинность, тем больше была ярость их противников. С утра до полудня они подвергали старика жесточайшим пыткам. Его слезы не смогли смягчить судей. С Джоном Виртом обошлись с еще большим варварством. "Скажи нам, - спросили они его в разгар его страданий, - откуда ты узнал об этой еретической вере? От Цвингле или от любого другого человека?" И когда он воскликнул: "О милосердный и вечный Бог, помоги и утешь меня!" "Где сейчас твой Христос?" - спросил один из помощников шерифа. Когда Адриан появился, Себастьян из Штейна, бернский депутат, сказал ему: "Молодой человек, скажи нам правду; ибо, если ты откажешься это сделать, я клянусь рыцарским званием, которое я получил на том самом месте, где Господь принял мученическую смерть, что мы вскроем тебе вены одну за другой". Затем они привязали молодого человека к веревке и подняли его в воздух. "Вот, мой маленький хозяин, - сказал Штейн с дьявольской усмешкой, - вот твой свадебный подарок". [519] намекает на брак этого юного слуги Господа.

ОСУЖДЕНИЕ.

Когда рассмотрение было закончено, депутаты вернулись в свои кантоны, чтобы представить свой отчет, и встретились снова только через четыре недели. Жена судебного пристава, мать двух священников, отправилась в Баден с грудным ребенком на руках, чтобы ходатайствовать перед судьями. Джон Эшер из Цюриха сопровождал ее в качестве адвоката. Среди судей он увидел Джерома Стокера, ландаммана из Цуга, который дважды был судебным приставом Фрауэнфельда: "Ландамман! — сказал он. - Вы знаете судебного пристава Вирта; вы знаете, что он всегда был честным человеком". - "Вы говорите правду, мой дорогой Эшер, - ответил Стокер. - Он никогда никому не причинял вреда; сограждане и незнакомцы всегда были любезно

приняты за его столом; его домом были монастырь, гостиница и больница; [520] итак, если бы он совершил ограбление или убийство, я бы приложил все усилия, чтобы добиться его помилования. Но, видя, что он сжег святую Анну, бабушку Христа, он должен умереть!" — "Да смилуется над нами Господь", - воскликнул Эшер.

Теперь ворота были закрыты: было 28 сентября, и депутаты Берна, Люцерна, Ури, Швитца, Унтервальдена, Цуга, Глариса, Фрибурга и Солера, обсудив свое решение при закрытых дверях, как это было принято, вынесли смертный приговор судебному приставу Вирту, его сыну Джону, который был тверд в своей вере и который, по-видимому, увел остальных, и судебному приставу Рутиману. Адриан, второй сын, был удовлетворен слезами своей матери.

Офицеры отправились в тауэр за пленниками. "Сын мой, - сказал отец Адриану, - никогда не мсти за нашу смерть, хотя мы и не заслужили наказания". Адриан разрыдался. "Брат, - сказал Джон, - крест Христов всегда должен следовать его Слову". [521]

КАЗНЬ.

После оглашения приговора троих христиан отвели обратно в тюрьму; Джон Вирт шел первым, двое помощников судебных приставов следовали за ним, а священник - за ними. Когда они переходили замковый мост, на котором находилась часовня, посвященная святому Иосифу, священник крикнул двум старикам: "Падите ниц и призовите святых". Джон Вирт, шедший впереди, обернулся при этих словах и сказал: "Отец, будь тверд. Ты знаешь, что есть только один Посредник между Богом и человеком, Господь Иисус Христос". — "Несомненно, сын мой, - ответил старик, - и с помощью Его благодати я останусь верным до конца". После этого они все трое начали повторять Молитву Господню "Отче наш, сущий на небесах" и так перешли мост.

Затем их повели на эшафот. Джон Вирт, чье сердце было наполнено нежнейшей тревогой за своего родителя, попрощался с ним. "Мой нежно любимый отец, - сказал он, - отныне ты больше не мой отец, а я больше не твой сын, но мы братья во Христе, Господе нашем, за имя которого мы должны понести смерть. [522] Сегодня, если будет угодно Богу, мой возлюбленный брат, мы отправимся к Тому, Кто является Отцом всех нас. Ничего не бойся". "Амины!" - ответил старик. "и да благословит тебя Всемогущий Бог, мой возлюбленный сын и брат во Христе!"

Так, на пороге вечности, отец и сын простились друг с другом, приветствуя новые обители, в которых они должны были быть соединены вечными узами. Большая часть окружающих пролиwała потоки слез. [523] Судебный пристав Рутиман молча молился.

Затем все трое преклонили колени "во имя Христа", и их головы покатались по эшафоту.

Толпа, увидев следы пыток на их телах, громко выразила свое горе. У двух судебных приставов осталось двадцать два ребенка и сорок пять внуков. Ханна была обязана выплатить двенадцать золотых крон палачу, лишившему жизни ее мужа и сына.

Так была пролита кровь, невинная кровь. Швейцария и Реформация были крещены кровью мучеников. Великий враг Евангелия сделал свое дело; но, выполняя его, его власть была подорвана. Смерть Виртов должна была ускорить триумф Реформации.

ГЛАВА VI.

Отмена мессы —Мечта Цвингля—Празднование Вечери Господней—Братская благотворительность—Первородный грех—Олигархи выступают против реформы—Различные нападения.

ОТМЕНА МЕССЫ.

Не считалось желательным приступать к отмене мессы в Цюрихе сразу после запрета изображений; но теперь, казалось, подходящий момент настал.

Не только свет Евангелия распространился среди людей, но и жестокость ударов, нанесенных врагом, побудила друзей Божьих ответить им какой-нибудь впечатляющей демонстрацией своей неизменной верности. Каждый раз, когда Рим воздвигает эшафот и на него падают головы, Реформация будет превозносить святое Слово Господне и отвергать какие-то злоупотребления. Когда казнили Хоттингера, Цюрих запретил изображения; и теперь, когда головы виртов покатались по земле, Цюрих ответит отменой мессы. Чем больше Рим будет усиливать свои жестокости, тем больше будет набирать силу Реформация.

11 апреля 1525 года три пастора Цюриха в сопровождении Мегандера и Освальда Микониуса предстали перед Великим Советом и потребовали восстановления Вечери Господней. Их речь была торжественной; [524] все умы были погружены в медитацию; каждый человек чувствовал важность резолюции, которую совет был призван принять. Месса, это таинство, которое на протяжении более чем трех столетий было самой душой религиозного служения Латинской Церкви, должна была быть отменена, телесное присутствие Христа должно было быть объявлено иллюзией, а сама иллюзия удалена из умов людей. Для принятия такого решения требовалось мужество, и в совете были люди, которые содрогнулись от этой смелой мысли. Иоахим Ам-Грютт, заместитель государственного секретаря, встревоженный смелым требованием пасторов, выступал против этого изо всех сил. "Эти слова: *Сие есть тело мое*, - сказал он, - несомненно доказывают, что хлеб есть тело самого Христа". Цвингле заметил, что *εστί* (есть) - подходящее слово в греческом языке для выражения *значений*, и он привел несколько примеров, в которых это слово употребляется в переносном смысле. Великий Собор был убежден и не колебался; евангельские доктрины проникли в их сердца; кроме того, поскольку они отделялись от Римской церкви, было определенное удовлетворение в том, чтобы сделать это отделение как можно более полным и вырыть пропасть между ней и Реформацией. Поэтому совет приказал отменить мессу и постановил, что на следующий день, в Великий четверг, Вечеря Господня должна совершаться в соответствии с апостольскими обычаями.

МЕЧТА ЦВИНГЛЯ.

Цвингле был всерьез поглощен этими мыслями и, когда ночью закрывал глаза, все еще искал аргументы, с помощью которых можно было бы противостоять своим противникам. Предметы, которые так сильно занимали его ум в течение дня, предстали перед ним во сне. Ему казалось, что он спорит с Ам-Грюттом и что он не может ответить на его главное возражение. Внезапно перед ним возникла фигура и сказала: "Почему ты не процитируешь 11-й стих 12-й главы книги Исход: *Ешьте его* (агнца) *поспешно: это пасха Господня?*" Цвингле проснулся, вскочил с постели, взял перевод Септуагинты и нашел там то же самое слово *εστί* (есть), которое, по общему мнению, является синонимом *означающего* в этом отрывке.

Таким образом, именно здесь, в установлении пасхального праздника по ветхому завету, кроется тот самый смысл, который защищает Цвингле. Как он может избежать вывода о том, что эти два отрывка параллельны?

На следующий день Цвингле произнес проповедь на этот текст и говорил так убедительно, что устранил все сомнения.

Это обстоятельство, допускающее столь простое объяснение, и само выражение, которое использует Цвингл, чтобы показать, что он не мог вспомнить внешность фигуры, которую он видел во сне, [525] дали основание утверждать, что Цвингл получил это учение от дьявола.

ПРАЗДНОВАНИЕ ВЕЧЕРИ ГОСПОДНЕЙ.

Алтари исчезли; на их месте стояли простые столы с хлебом и вином для причастия, и вокруг них теснилась внимательная толпа. В этом множестве было что-то особенно торжественное. В Страстной четверг молодежь, в пятницу, в день Страстей Господних, взрослые мужчины и женщины, а в Пасхальное воскресенье престарелые по очереди праздновали смерть Господа. [526]

Диаконы зачитали вслух отрывки из Священного Писания, относящиеся к этому таинству; пастыри обратились к пастве с серьезным увещанием, призывая удалиться с этого священного праздника всех, кто, упорствуя в своем грехе, оскверняет тело Иисуса Христа. Люди преклоняли колени, хлеб разносили по кругу на больших блюдах или деревянных тарелках, и каждый отламывал по кусочку; затем вино разливали по деревянным кубкам: считалось, что таким образом они приближаются к простоте первобытного Ужина. Эмоции удивления или радости наполнили каждое сердце. [527]

Так была проведена Реформа в Цюрихе. Простое празднование Вечери Господней, казалось, заново пролило на Церковь любовь Бога и братьев. Слова Иисуса Христа снова стали духом и жизнью. В то время как различные ордена и партии в Римской церкви непрестанно спорили между собой, первым результатом Евангелия было восстановление любви среди братьев. Любовь первых веков возродилась тогда в христианском мире. Было видно, как враги отказываются от своей давней и закоренелой вражды и обнимают друг друга после того, как отведали священного хлеба. Цвингле, восхищенный этими трогательными проявлениями, возблагодарил Бога за то, что Вечеря Господня снова творит те чудеса милосердия, которые давно перестали совершаться жертвоприношениями во время мессы. [528]

БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ — ПЕРВОРОДНЫЙ ГРЕХ.

"В нашем городе царит мир, - воскликнул он. - среди нас нет ни мошенничества, ни раздоров, ни зависти, ни раздоров. Откуда может исходить такая гармония, как не от Господа, и что доктрина, которую мы проповедуем, склоняет нас к невинности и миру?" [529]

Тогда преобладали милосердие и единство, хотя единообразия не было. Цвингле в своем *Комментарии к "Истинной и ложной религии"*, [530], который он посвятил Франциску I. в марте 1525 года, в год битвы при Павии, он выдвинул некоторые истины способом, наилучшим образом рассчитанным на то, чтобы обеспечить их восприятие человеческим разумом, следуя в этом отношении примеру нескольких наиболее выдающихся богословов-схоластов. Таким

образом, Он дал название *болезни* нашей изначальной испорченности и приберег название *греха* для фактического нарушения закона. [531] Однако эти утверждения, вызвавшие некоторые возражения, не помешали братской любви; ибо Цвингле, даже когда он настаивал на том, чтобы называть первородный грех болезнью, добавил, что все люди погибли от этой болезни и что Иисус Христос был единственным лекарством. [532] В этой позиции нет ошибки пелагианства.

РАЗЛИЧНЫЕ АТАКИ.

Но в то время как празднование Вечери Господней в Цюрихе сопровождалось возвращением к христианскому братству, Цвингле и его друзьям пришлось вести более суровую борьбу со своими противниками извне. Цвингле был не только христианским учителем, но и истинным патриотом; и мы знаем, как рьяно он боролся против иностранных капитуляций, пенсий и союзов. Он был убежден, что эти внешние влияния должны иметь тенденцию разрушать благочестие, ослеплять разум и сеять раздор со всех сторон. Но его смелым протестам было суждено помешать продвижению Реформации. Почти в каждом кантоне вожди, получавшие пенсии иностранцев, и офицеры, которые вели молодежь Гельвеции в бой, образовали могущественные группировки, грозные олигархии, которые нападали на Реформацию не столько от имени Церкви, сколько из-за ущерба, который это нанесло бы их интересам и чести. Они уже одержали победу в Швице; и этот кантон, где преподавали Цвингле, Лео Джуда и Освальд Микониус и который, казалось, пойдет по стопам Цюриха, внезапно вернулся к капитуляции наемников и закрыл свои ворота перед Реформацией.

Даже в Цюрихе какие-то негодяи, подстрекаемые иностранными интригами, напали ночью на Цвингле, забросали его дом камнями, разбили окна и с громкими криками звали "рыжеволосого Ули, стервятника Глариса"; так что Цвингле очнулся ото сна и бросился к своему мечу. [533] Это действие очень характерно для мужчины.

Но эти отдельные нападения не могли парализовать движение, которым развивался Цюрих и которое начинало сотрясать всю Швейцарию. Это были камешки, брошенные в поток, чтобы остановить его течение. Повсюду его воды вздымались, угрожая смести самые грозные препятствия.

Бернцы сообщили жителям Цюриха, что несколько штатов отказались в будущем заседать вместе с ними в сейме: "Что ж, тогда, - спокойно ответили эти цюрихцы, воздев руки к небу, как герои Ратли в старые времена, - у нас есть твердая уверенность, что Бог, Отец, Сын и Святой Дух, во имя которых была создана конфедерация, не покинет нас и, наконец, по своей великой милости, усадит нас одесную своего суверенного величества". [534] Обладая такой верой, Реформации нечего было бояться. Но одержит ли она аналогичные победы в других штатах конфедерации? Не останется ли Цюрих в одиночестве на стороне Слова Божьего? Останутся ли Берн, Базель и другие кантоны подвластными власти Рима? В этом мы скоро убедимся. Поэтому давайте обратимся к Берну и изучим ход Реформации в самом влиятельном штате конфедерации.

ГЛАВА VII.

Берн—Ректор Ватвиль—Первые успехи реформатских доктрин—Халлер в монастыре—Обвинение и освобождение—Монастырь Кенигсфельдт—Маргарет Ватвиль в Цвингле—Открытие монастыря—Два чемпиона —Клара Мэй и ректор Ватвиль.

БЕРН—ВАТТЕВИЛЛИ.

Нигде борьба, вероятно, не была такой жестокой, как в Берне, ибо там Евангелие имело как могущественных друзей, так и грозных противников. Во главе партии реформаторов стояли знаменосец Джон Вайнгартен, Бартоломью Мэй, член Малого совета, его сыновья Вольфганг и Клавдий, его внуки Джеймс и Бенедикт, и, прежде всего, семья Ваттевиллей. Беглец Джеймс Ваттевиль, который с 1512 года занимал первую резиденцию в республике, рано прочитал труды Лютера и Цвингле и часто беседовал о Евангелии с Джоном Халлером, пастором из Ансельтингена, которого он защищал от его преследователей.

ПРОТИВНАЯ СТОРОНА В БЕРНЕ.

Его сын Николай, которому тогда был тридцать один год, в течение двух лет был настоятелем Бернской церкви и как таковой, в силу папских постановлений, пользовался большими привилегиями; соответственно, Бертольд Галлер называл его "нашим епископом". [535] Прелаты и папа не жалели усилий, чтобы привязать его к интересам Рима; [536] и казалось, что все будет удерживать его от познания Евангелия; но пути Божьи сильнее человеческой лести. Ватвиль был обращен от тьмы к мягкому свету Евангелия, говорит Цвингле. [537] Как друг Бертольда Галлера, он прочитал все письма, которые последний получал от Цвингле, и не мог найти слов, чтобы выразить свое восхищение. [538]

Влияние двух Ватвилей, один из которых стоял во главе государства, а другой - церкви, очевидно, увлекло за собой всю республику. Но противоположная сторона была не менее могущественна.

Среди ее лидеров были шультесс из Эрлаха, баннерет Вилладинг и многие патриции, чьи интересы совпадали с интересами монастырей, находившихся под их управлением. За этими влиятельными людьми стояло невежественное и коррумпированное духовенство, которое называло евангелическую доктрину "изобретением ада" — "Мои дорогие единомышленники, - сказал советник Маллинен перед полным собранием в июле месяце, - позаботьтесь о том, чтобы эта Реформация не пришла сюда; в Цюрихе человек не в безопасности в своем собственном доме, и он обязан иметь охрану для своей защиты". Соответственно, они пригласили в Берн чтеца доминиканцев Менца, некоего Джона Хайна, который поднялся за кафедру и выступил против реформации со словами: красноречие святого Фомы. [539]

Таким образом, две партии выстроились в боевой порядок друг против друга; борьба казалась неизбежной, и результат уже не вызывал сомнений. Фактически, одна общая вера объединила часть народа с самыми знатными семьями государства. Бертольд Галлер воскликнул, полный уверенности в будущем: "Если Божий гнев не обратится против нас, Слово Божье не может быть изгнано из этого города, ибо бернцы жаждут его!" [540]

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ РЕФОРМЫ.

Вскоре после этого два правительственных акта, казалось, склонили чашу весов в сторону Реформации. Епископ Лозанны объявил о посещении епископата, и совет наметнул ему через ректора Ватвиля, что ему лучше воздержаться от этого. [541] И в то же самое время Бернские соборы издали постановление, которое, хотя внешне и уступало в чем-то врагам Реформации, санкционировало принципы новых доктрин. Они постановили, что Евангелие и учение о Боге, как оно изложено в книгах Ветхого и Нового Завета, должны проповедоваться исключительно, свободно и открыто; и что служители должны воздерживаться от любого учения, обсуждения или написания, исходящего от Лютера или других учителей. [542] Велико было удивление противников Реформации, когда они увидели, как евангельские проповедники смело апеллируют к этому постановлению. Этот декрет, который лег в основу всех последующих, стал законным началом Реформации в Берне. С этого времени прогресс этого кантона стал более решительным, и Цвингле, чьи внимательные глаза следили за всем, что происходило в Швейцарии, смог написать губернатору Ватвилю: "Все христиане вне себя от радости из-за веры, которую только что принял благочестивый город Берн". [543]— "Дело есть дело Христа", - воскликнули друзья Евангелия; [544] и они посвятили себя этому с возрастающим мужеством.

Враги Реформации, встревоженные этими первыми преимуществами, сомкнули свои ряды и решили нанести удар, который обеспечил бы им победу. Они задумали проект избавления от этих министров, чьи смелые речи ниспровергали самые освященные веками обычаи; и вскоре представилась благоприятная возможность. В Берне, на месте, которое сейчас занимает больница Острова, существовал монастырь монахинь Святого Доминика, посвященный святому Михаилу. Годовщина архангела (29 сентября) была большим праздником в монастыре. В этом году присутствовали многие священнослужители, в том числе Виттенбах из Бьенна, Себастьян Мейер и Бертольд Халлер. Вступив в беседу с монахинями, среди которых была Клара, дочь Клавдия Мэя, сторонника Реформации, Галлер сказал ей в присутствии ее бабушки: "Достоинства монастырской жизни воображаемы, в то время как брак - это почетное состояние, установленное самим Богом". Некоторые монахини, которым Клара повторила слова Бертольда, пришли в ужас. "Галлер утверждает, - ходили слухи в городе, - что все монахини - дети дьявола". Возможность, которую искали враги Реформации, была найдена. Выступая перед Малым советом, они сослались на древний закон, согласно которому тот, кто похитил монахиню из ее монастыря, должен был лишиться головы, но просили смягчить наказание и, не выслушав трех министров, подвергнуть их пожизненному изгнанию. Малый Совет внял их молитве, и дело было немедленно передано на рассмотрение Большого Совета.

ХАЛЛЕР В МОНАСТЫРЕ —ОБВИНЕН И ОПРАВДАН.

Таким образом, Берн был близок к тому, чтобы лишиться своих реформаторов: интриги папской партии увенчались успехом. Но Рим, который восторжествовал, когда обратился к олигархам, потерпел поражение перед народом или его представителями. Едва они услышали имена Галлера, Мейера и Виттембаха, людей, которых почитала вся Швейцария, как Большой Совет проявил энергичную оппозицию Меньшему Совету и духовенству. "Мы не можем осудить обвиняемых, не выслушав их, - воскликнул Тиллманн. - Их показания, несомненно, столь же убедительны, как показания нескольких женщин". К ним были вызваны министры: дело было неловким. Наконец Джон Вайнгартен сказал: "Давайте отдадим должное обеим сторонам". Они так и сделали: служители были уволены с намеком ограничиться своими кафедрами и не

соваться в монастыри. Но кафедры им было достаточно. Усилия их противников привели к их собственному позору. Это была великая победа Реформации. Соответственно, один из патрициев воскликнул: "Теперь все кончено: дело Лютера должно продолжаться". [545]

КЕНИГСФЕЛЬДСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

И это действительно произошло, причем в тех самых местах, где они ожидали этого меньше всего. В Кенигсфельдте, на реке Ар, недалеко от замка Габсбургов, стоял монастырь, украшенный всем монастырским великолепием Средневековья, и где покоился прах нескольких членов этого прославленного дома, подарившего Германии так много императоров. Здесь дочери величайших семей Швейцарии и Швабии обычно принимали постриг. Это было недалеко от того места, где 1 мая 1308 года император Альберт пал от руки своего племянника Иоанна Швабского; и красивые расписные окна церкви Кенигсфельдта олицетворяли ужасные наказания, которым подверглись родственники и вассалы убийцы. Екатерина Вальдбург-Трюхзесс, настоятельница монастыря в период Реформации, числила среди своих монахинь Беатрис Ланденбергскую, сестру Констанцского епископа, Агнессу Маллиненскую, Екатерину Бонштеттенскую и Маргарет Ваттевильскую, сестру настоятеля. Свобода, которой пользовались в этом монастыре, которая в прежние времена давала простор для скандальных беспорядков, теперь позволяла знакомиться со Священным Писанием вместе с трудами Цвингля и Лютера; и вскоре новая жизнь полностью изменила свой облик. Рядом с той кельей, в которую удалилась королева Агнес, дочь Альберта, после того, как искупалась в потоках крови, как во время "майской росы", и где, работая прялкой или вышивая украшения для церкви, она сочетала упражнения в набожности с мыслями о мести, Маргарет Ваттевиль думала только о мире и делила свое время между чтением Священных Писаний и приготовлением полезных ингредиентов для приготовления превосходного электуария. Удалившись в свою келью, эта юная монахиня набралась смелости написать швейцарскому доктору. Ее письмо показывает нам лучше, чем могли бы показать любые размышления, христианский дух, который существовал в этих благочестивых женщинах, на которых до сих пор так жестоко клеветают даже в наши дни.

МАРГАРЕТ ВАТТЕВИЛЬ - ЦВИНГЛЮ.

"Пусть Бог, наш небесный Отец, всегда дает и приумножает вам благодать и мир в Господе Иисусе", - написала монахиня из Кенигсфельдта Цвингле. "Высокоученый, преподобный и дорогой сэр, я умоляю вас внимательно отнестись к письму, которое я вам сейчас адресую. Любовь, которая есть во Христе, заставляет меня делать это, особенно с тех пор, как я узнал, что учение о спасении распространяется день ото дня через вашу проповедь Слова Божьего. По этой причине я возношу хвалу вечному Богу за то, что он заново просвещает нас и посылает нам Своим Святым Духом так много вестников Своего благословенного Слова; и в то же время я возношу свои горячие молитвы о том, чтобы Он облек своей силой как вас, так и всех тех, кто возвещает Его благую весть, и чтобы, вооружая вас против всех врагов истины, Он сделал так, чтобы его Божественное Слово возрастало во всех людях. Высокоученый сэр, я осмеливаюсь послать вашему преподобию этот ничтожный знак моей привязанности; не пренебрегайте им; это подношение христианского милосердия. Если это избрание пойдет вам на пользу и вы пожелаете большего, умоляю, дайте мне знать; ибо для меня было бы большим удовольствием сделать все, что угодно вам; и так думаю не только я, но и все те, кто любит Евангелие в нашем Кенигсфельдском монастыре. Они

приветствуют ваше почтение к Иисусу Христу, и мы все непрестанно вверяем вас Его всемогущей защите. [546]

"Суббота перед *Летаром* 1523 года".

Таково было благочестивое письмо, которое монахиня из Кенигсфельдта написала швейцарскому врачу.

Монастырь, в который таким образом проник свет Евангелия, не мог упорствовать в соблюдении монашеской жизни. Маргарет Ваттевиль и ее сестры, убежденные, что они могли бы лучше служить Богу в кругу своих семей, чем в монастыре, попросили разрешения покинуть его. Встревоженный Бернский совет поначалу пытался образумить этих монахинь, а провинциалка и настоятельница поочередно прибегали к угрозам и обещаниям; но сестер Маргарет, Агнессу, Кэтрин и их подруг было не поколебать. После этого дисциплина в монастыре была ослаблена, монахини были освобождены от поста и заутрени, а их денежное довольствие увеличено. "Нам нужна не свобода плоти, - сказали они совету, - а свобода духа. Мы, ваши бедные и невинные узники, умоляем вас сжалиться над нами!" — "*Наши узники! наши пленники!* - воскликнул знаменосец Краухталер. - Они не будут моими пленниками!" Эти слова одного из самых решительных сторонников женских монастырей приняли решение совета; ворота монастыря были открыты, и вскоре после этого Кэтрин Бонштеттен вышла замуж за Вильгельма Дисбахского.

ДВА ЧЕМПИОНА.

И все же Берн, далекий от того, чтобы открыто встать на сторону реформаторов, придерживался среднего курса и пытался придерживаться системы качелей. Вскоре представилась возможность продемонстрировать эту колеблющуюся процедуру. Себастьян Мейер, читатель "Францисканцев", опубликовал опровержение своих римских заблуждений, которое произвело большую сенсацию и в котором, описывая монастырскую жизнь, он сказал: "В монастырях монахи живут более нечисто, чаще падают, медленнее приходят в себя, ходят более нетвердо, отдыхают более опасно, их реже жалеют, они медленнее очищаются, умирают в более отчаянии и подвергаются более суровому осуждению". [547] В то самое время, когда Мейер таким образом осуждал клойстерс, Джон Хейм, читатель "Доминиканцев", воскликнул с кафедры: "Нет! Христос, как учат евангелисты, не удовлетворил своего Отца раз и навсегда. Далее, необходимо, чтобы Бог каждый день примирялся с человеком через жертвоприношение мессы и добрые дела." Двое граждан, случайно оказавшихся при этом, прервали его, сказав: "Это неправда". В церкви немедленно поднялось большое волнение; Хейм хранил молчание; многие люди уговаривали его продолжать, но он покинул кафедру, не закончив своей проповеди. На следующий день Великий Совет нанес удар сразу по Риму и Реформации; они изгнали двух великих полемистов, Мейера и Хайма, из города. "Они ни мутные, ни прозрачные", [548] это было сказано о бернцах, обыграв слово *Лютер*, которое на древненемецком означает *ясный*. [549]

КЛАРА КЕЙ.

Но тщетно они пытались задушить Реформацию в Берне. Она наступала со всех сторон. Сестры монастыря на острове не забыли визит Халлера. Клара Мэй и несколько ее подруг, с тревогой размышляя о том, что им следует делать, написали ученому Генри Буллингеру. "Св. Павел, - ответил он, - предписывает молодым женщинам не давать обетов, а выходить замуж и не жить в

праздности, напуская на себя видимость благочестия. (1 Тимофею, ст. 13, 14.) Следуйте за Иисусом Христом в смирении, милосердии, терпении, чистоте и доброте". [550] Клара, молясь о помощи свыше, решила последовать этому совету и отказаться от жизни, столь противоречащей Слову Божьему, придуманному людьми и чреватому искушениями и грехом. Ее отец Бартоломью, прошедший пятьдесят лет на полях сражений или в зале заседаний совета, с восторгом услышал о решении своей дочери. Клара ушла из монастыря.

БАЗЕЛЬ.

Настоятель церкви Николас Ватвиль, все интересы которого связывали его с римской иерархией и который должен был получить первое вакантное епископство в Швейцарии, также отказался от своих титулов, своих доходов и своих ожиданий, чтобы сохранить незапятнанную совесть; и, разорвав все узы, которыми папы пытались опутать его, он вступил в брачный союз, установленный Богом от сотворения мира. Николас Ваттевиль женился на Кларе Мэй; и примерно в то же время ее сестра Маргарет, монахиня из Кенигсфельдта, сочеталась браком с Люциусом Чарнером из Койре. [551]

ГЛАВА VIII.

Базель—СЕКолампадий—Он посещает Аугсбург—Уходит в монастырь—Уединяется в замке Зикинген—Возвращается в Базель—Ульрих Хюттен—Его планы—Последнее усилие рыцарства—Хюттен умирает в Уфнау.

Таким образом, все предвещало триумфы, которые Реформация вскоре добьется в Берне. Базель, город не меньшего значения, который в то время был швейцарскими Афинами, также вооружался для великой битвы, отличившей шестнадцатый век.

СЕ КОЛЛАМПАДИЙ.

Каждый из городов конфедерации имел свой особый характер. Берн был городом великих семей, и казалось, что этот вопрос будет решен той ролью, которую займут некоторые из ведущих людей. В Цюрихе служители Слова — Цвингле, Лео Джуда, Миконий и Шмидт — привели с собой влиятельный класс граждан. Люцерн был городом оружия и военных капитуляций; Базель - городом образования и печатного станка. Здесь обосновался Эразм, глава литературной республики в шестнадцатом веке; и, предпочитая свободу, которой он наслаждался в этой столице, лестным приглашениям пап и королей, он стал центром многочисленного собрания литераторов.

Но скромному, кроткому и набожному человеку, хотя и уступавшему по гениальности Эразму, было суждено вскоре оказывать в этом самом городе более сильное влияние, чем влияние главы школ. Кристофер Утенгеймский, епископ Базельский, совместно с Эразмом пытался окружить себя людьми, способными совершить своего рода промежуточную Реформацию. С этой целью он пригласил Капитона и СЕКолампадия к своему двору. В последнем человеке был налет монашества, который часто раздражал прославленного философа. Но вскоре Колампадий страстно привязался к нему и, возможно, потерял бы всякую независимость в этой тесной близости, если бы Провидение не разлучило его со своим кумиром. В 1517 году он вернулся в Вайнсберг, на свою родину, где вскоре почувствовал отвращение к беспорядкам и

непристойным шуткам священников. Он оставил нам благородный памятник серьезного духа, который тогда вдохновлял его, в своей знаменитой работе о *Пасхальных гуляньях*, которая, по-видимому, была написана примерно в то время. [552]

СЕ КОЛАМПАДИЙ В МОНАСТЫРЕ.

Будучи приглашен в Аугсбург примерно в конце 1518 года в качестве кафедрального проповедника, он обнаружил, что город все еще взбудоражен знаменитой конференцией, состоявшейся там в мае месяце между Лютером и папским легатом. Ему пришлось выбирать между одной партией и другой; Колампадий не колебался и высказался в пользу реформатора. Эта откровенность вскоре вызвала яростное сопротивление против него; и, чувствуя себя убежденным, что его робость и слабость голоса нанесут ущерб его успеху в мире, он огляделся вокруг и остановил свой взгляд на монастыре монахов Святой Бриджит близ Аугсбурга, известном своим благочестием и глубокими и разносторонними исследованиями. Чувствуя потребность в покое, досуге, учебе и молитве, он обратился к этим монахам и спросил: "Могу ли я жить среди вас согласно Слову Божьему?" Последний ответил утвердительно, и 23 апреля 1520 года Николай поступил в монастырь с четким условием, что он будет свободен, если когда-нибудь служение Слову Божьему призовет его куда-нибудь еще.

Было хорошо, что будущий реформатор Базеля, подобно Лютеру, познакомился с монашеской жизнью, которая является высшим выражением римско-католицизма. Но и здесь он не нашел успокоения; его друзья винили его за этот шаг; и он сам открыто заявил, что Лютер был ближе к истине, чем его противники. Соответственно, Экк и другие римские врачи преследовали его своими угрозами даже во время его спокойного отступления.

В то время Никола Лампадий не был ни реформатором, ни последователем Рима; он стремился к некоему очищенному католицизму, которого нигде нет в истории, но идея которого часто наводила мосты на многие умы. Он начал исправлять правила своего ордена в соответствии со Словом Божьим. "Умоляю вас, - сказал он своим братьям, - не придавайте большего значения вашим уставам, чем постановлениям Божьим!" — "Мы не желаем никакого другого закона, - ответили братья, - кроме закона нашего Спасителя. Возьмите наши книги и отмечайте, как будто в присутствии самого Христа, все, что вы найдете противоречащим Его Слову". Се Колампадий взялся за это дело, но почти устал от этого труда. "О Всемогущий Бог! - воскликнул он. - каких только мерзостей не одобрил Рим в этих уставах!"

Как только он указал на некоторые из них, гнев монахов возгорелся. "Еретик! - воскликнули они. - Отступник! ты заслуживаешь быть брошенным в темницу до конца своих дней!" Они исключили его из публичных молитв. Но опасность извне была еще больше. Экк и его партия не отказались от своих проектов. "Через три дня, - сказали ему, - они будут здесь, чтобы арестовать тебя". Он подошел к братьям и спросил: "Вы выдадите меня убийцам?" Монахи были молчаливы и нерешительны; они не хотели ни спасать, ни уничтожать его. В этот момент несколько друзей СеКолампадия подъехали к монастырю на лошадях, чтобы отвезти его в безопасное место. Узнав об этом, монахи решили позволить уйти брату, который принес беду в их монастырь. "Прощайте", - сказал он и был свободен. Он почти два года прожил в монастыре Святой Бриджит.

СеКолампадий был спасен; наконец он начал дышать. "Я пожертвовал монахом, - писал он другу, - и вновь обрел христианина". Но его бегство из монастыря и его еретические писания

были известны повсюду, и везде люди отступали при его приближении. Он не знал, что с ним будет, когда весной 1522 года Зикинген предложил ему убежище, которое он принял.

КОЛЛАМПАДИЙ В ЭБЕРНБУРГЕ И БАЗЕЛЕ.

Его разум, угнетенный монашеским рабством, совершил новый полет среди благородных воинов Эбернбурга. "Христос - наша свобода, - воскликнул он, - и смерть, которую люди считают своим величайшим несчастьем, является для нас настоящим приобретением". Он сразу же начал читать народу Евангелия и Послания на немецком языке. "Как только зазвучат эти трубы, - сказал он, - стены Иерихона падут".

Таким образом, в крепости на берегу Рейна, среди неграмотных воинов, самый скромный человек своего века готовился к той перемене в вероисповедании, которую вскоре должно было претерпеть христианство. Но Эбернбург был слишком тесен для него, и он чувствовал потребность в другом обществе, кроме этих вооруженных людей. Книготорговец Кратандер пригласил его в Базель; Зикинген позволил ему уехать, и Колампадий, обрадованный мыслью снова увидеть своих старых друзей, прибыл в этот город 16 ноября 1522 года. Прожив там некоторое время просто как образованный человек без каких-либо общественных занятий, он был назначен викарием церкви Святого Мартина, и именно этот призыв к скромной и малоизвестной работе [553], возможно, решил реформацию Базеля. Огромная толпа заполняла церковь всякий раз, когда СЕКолампадий поднимался за кафедру. [554] В то же время публичные лекции, прочитанные им самим и Пелликаном, увенчались таким успехом, что даже Эразм был вынужден воскликнуть: "Колампадий торжествует". [555]

УСПЕХ И ТРЕВОГА—ХАТТЕН.

В сущности, этот мягкий, но твердый человек (говорит Цвингле) распространял вокруг себя сладкое благоухание Христа, и все, кто толпился вокруг него, возрастали в истине. [556] Действительно, часто ходили слухи, что он будет вынужден покинуть Базель и возобновить свое опасное паломничество. Его друзья, в частности Цвингле, были встревожены; но вскоре известия о новых победах, одержанных Колампадием, рассеяли их опасения и вселили надежду. Известность его лекций распространилась даже на Виттемберг и привела в восторг Лютера, который каждый день беседовал о нем с Меланхтоном. И все же саксонский реформатор не был лишен беспокойства. Эразм был в Базеле, и Эразм был другом СЕКолампадия..... Лютер считал своим долгом насторожить человека, которого он любил. "Я очень боюсь, - писал он, - что Эразм, подобно Моисею, умрет в стране Моав и никогда не приведет нас в землю обетованную". [557]

Эразм нашел убежище в Базеле, как в тихом городе, расположенном в центре литературного движения и из недр которого он мог, с помощью прессы Фробениуса, воздействовать на Францию, Германию, Швейцарию, Италию и Англию. Но ему не нравилось, когда люди приходили и беспокоили его там; и если он смотрел на Колампадия с подозрением, то другой человек внушал ему еще большие опасения. Ульрих Хюттен последовал за Николаем Лампадием в Базель. Долгое время он нападал на папу, как один рыцарь сражается с другим. "Топор, - сказал он, - уже положен у корня дерева. Немцы! не падайте в обморок в пылу битвы; жребий брошен; работа начата ... Свобода навеки!" Он отказался от латыни и теперь писал только по-немецки, потому что именно к этим людям он хотел обратиться.

ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ РЫЦАРСТВА.

Его взгляды были благородными и великодушными. Это была его идея проводить ежегодное собрание епископов для урегулирования интересов Церкви. Христианская конституция и, прежде всего, христианский дух должны были исходить из Германии, как в прежние времена из Иудеи, и распространяться по всему миру. Карл V должен был стать молодым героем, призванным воплотить в жизнь этот золотой век; но Хюттен, увидев крушение своих надежд в этой области, повернул к Зиккингену и добился от рыцарства того, в чем ему отказала империя. Зиккинген, стоявший во главе феодальной знати, играл выдающуюся роль в Германии; но князья осадили его в замке Ландштейн, и новое изобретение пушек разрушило эти старые стены, привыкшие к другим атакам. [558] Взятие Ландштейна стало окончательным поражением рыцарства, решительной победой артиллерии над щитами и копьями, триумфом нового времени над средневековьем. Таким образом, последнему подвигу рыцарей было суждено совершиться в пользу Реформации; первое усилие этого нового оружия и системы ведения войны должно было быть направлено против нее. Воины в кольчугах, которые пали под неожиданным градом шаров и лежали среди руин Ландштейна, уступили место другим солдатам. Вот-вот должны были начаться другие конфликты; духовное рыцарство сменило рыцарство дю Гекленов и Байяров. И эти старые и разрушенные зубчатые стены, эти разрушенные стены, эти умирающие герои провозгласили с большей энергией, чем это мог бы сделать даже Лютер, что не такими союзниками и не таким оружием Евангелие Князя мира одержит победу.

Падение Ландштейна и чивэла разрушило все надежды Хюттена. Стоя рядом с трупом Зикингена, он попрощался с теми светлыми днями, которые рисовало ему его воображение, и, потеряв всякое доверие к людям, искал только уединения и покоя. В поисках всего этого он посетил Erasmus в Швейцарии. Эти двое мужчин долгое время были друзьями; но неотесанный и буйный рыцарь, пренебрегающий мнением окружающих, всегда готовый взяться за меч, наносящий удары направо и налево всем, кого встречал, едва ли мог жить в согласии с брезгливым и робким голландцем, с его утонченными манерами, мягким и отточенным языком, его любовью к одобрению и готовностью пожертвовать всем ради этого, и он ничего на свете так не боялся, как спора. Прибыв в Базель, Хюттен, бедный, больной и скрывающийся от правосудия, немедленно осведомился о своем старом друге. Но Эразм трепетал при мысли принять за своим столом человека, находящегося под запретом папы римского и императора, который никого не пощадит, который будет занимать у него деньги и, без сомнения, потащит за собой толпу тех "Евангелистов", которых Эразм боялся все больше и больше. [559] Он отказался встретиться с ним, и вскоре после этого магистраты Базеля потребовали, чтобы Хюттен покинул город. Уязвленный за живое и разгневанный на своего робкого друга, Хюттен отправился в Мюльхаузен и там опубликовал яростный памфлет против Эразма, на который последний ответил в статье, изобилующей остроумием. Рыцарь схватил свой меч обеими руками и нанес сокрушительный удар своему противнику; ученый, ловко отступив в сторону, ловко ударил солдата в ответ. [560]

СМЕРТЬ ХАТТЕНА.

Хюттен снова был вынужден бежать; он добрался до Цюриха и там встретил щедрый прием у благородного Цвингле. Но интриги снова вынудили его покинуть этот город; и, проведя некоторое время в банях Пфефферса, он отправился туда с письмом от швейцарского

реформатора к пастору Джону Шнеппу, который жил на маленьком острове Уфнау в Цюрихском озере. Этот бедный священник проявил к больному и беглому рыцарю самое трогательное милосердие. Именно в этом мирном и безвестном убежище Ульрих Хюттен, один из самых замечательных людей шестнадцатого века, безвестно скончался примерно в конце августа 1523 года после самой беспокойной жизни, изгнанный одной партией, преследуемый другой, покинутый почти всеми и всегда боровшийся с суевериями, но, как может показаться, так и не узнавший истины. Бедный пастор, имевший некоторый опыт в искусстве врачевания, напрасно расточал на него все свои заботы. Вместе с ним угасло рыцарство. Он не оставил ни денег, ни мебели, ни книг — ничего на свете, кроме ручки. [561] Так была сломана железная рука, которая должна была поддерживать ковчег Божий.

ГЛАВА IX.

Эразм и Лютер—Колебания Эразма—Лютер Эразму—Трактат Эразма против Лютера о свободе воли—Три мнения—Влияние на Лютера—Лютер о свободе воли—Янсенисты и реформаторы—Дань уважения Эразму—Его гнев—Три дня.

ЭРАЗМ И ЛЮТЕР.

В Германии был человек, более грозный для Эразма, чем злополучный Хюттен: это был Лютер. Теперь настал момент, когда этим двум великим чемпионам эпохи предстояло померяться силами врукопашную. Две реформации, к которым они пришли, были очень разными. В то время как Лютер желал основательной реформы, Эразм, сторонник полумер, пытался добиться от иерархии уступок, которые объединили бы крайние партии. Колебания и непоследовательность Эразма вызывали отвращение у Лютера. "Вы хотите ходить по яйцам, не раздавливая их, - сказал последний, - и среди стаканов, не разбивая их". [562]

В то же время он решительно отреагировал на колебания Эразма. "Мы, христиане, - сказал он, - должны быть уверены в своем учении и уметь без колебаний сказать *да* или *нет*. Предполагать, что это помешает нам утверждать нашу веру с полной убежденностью, значит лишать нас самой веры. Святой Дух не скептик; [563] и Он начертал в наших сердцах твердую уверенность, которая делает нас такими же уверенными в нашей вере, как мы в самой жизни".

Одних этих слов достаточно, чтобы показать нам, на чьей стороне была сила. Для осуществления религиозной трансформации необходима твердая и живая вера. Спасительная революция в Церкви никогда не будет исходить из философских взглядов и простых человеческих мнений. Чтобы оплодотворить землю после долгой засухи, молния должна разогнать тучу и должны открыться небесные окна. Критика, философия, и даже история могут подготовить путь для истинной веры, но не могут заменить ее. Напрасно вы расчищаете русла и чините плотины, пока с небес не прольется дождь. Всякое человеческое обучение без веры - всего лишь водопровод без воды.

ОСТРОТА ЭРАЗМА.

Какими бы ни были существенные различия между Лютером и Эразмом, друзья Лютера и даже сам реформатор давно надеялись, что Эразм объединится с ними против Рима. Цитировалось

множество высказываний, которые допускал его едкий юмор, демонстрируя его несогласие с самыми рьяными защитниками романизма. Например, однажды, когда он был в Англии, у него состоялась острая дискуссия с Томасом Мором о пресуществлении: "Верьте, что у вас есть тело Христово, - сказал последний, - и оно действительно у вас есть". Эразм ничего не ответил. Вскоре после этого, покидая Англию, Мор одолжил ему лошадь, чтобы отвезти к морю; но Эразм взял ее с собой на Континент. Как только Мору сообщили об этом, он написал ему очень суровое письмо по этому поводу. В качестве ответа Эразм прислал ему следующие строки: —

"Вы сказали о телесном присутствии Христа:
верьте, что оно у вас есть, и вы обретете его!
На замечание, которое я получил, мой ответ тот же:
Верьте, что у вас есть, и он у вас есть!" [564]

Таким образом, Эразмус стал известен не только в Англии и Германии. В Париже говорили, что Лютер открыл дверь только после того, как Эразм взломал замок. [565]

Позиция, занятая Эразмом, была отнюдь не легкой: "Я не буду неверен делу Христа, - писал он Цвингле, - по крайней мере, насколько мне позволит возраст". [566] По мере того, как он видел, что Рим восстает против друзей Реформации, он благоразумно отступал. К нему обращались со всех сторон: папа, император, короли, принцы, ученые и даже его самые близкие друзья умоляли его написать статью против реформатора. [567] "Никакая работа, - писал папа, - не может быть более приемлемой для Бога и более достойной вас самих и вашего гения". [568]

Эразм долго сопротивлялся этим домогательствам; он не мог скрыть от самого себя, что дело реформаторов было делом религии так же, как и литературы. Кроме того, Лютер был противником, с которым все боялись померяться силами, и Эразм уже воображал, что чувствует на себе быстрые и энергичные удары виттембергского чемпиона. "Очень легко говорить, писать против Лютера, - ответил он римскому богослову, - но это дело, полное опасностей". [569] Так он поступил бы — и все же он этого не сделал.

ЛЮТЕР - ЭРАЗМУ.

Эта нерешительность со стороны Эразма навлекла на него нападки самых жестоких людей обеих партий. Сам Лютер не знал, как совместить уважение, которое он испытывал к учености Эразма, с негодованием, которое он испытывал по поводу его робости. Решив избавиться от столь болезненной дилеммы, он написал ему в апреле 1524 года письмо, которое доверил Камерариусу. "Вы еще не получили от Господа, - сказал Лютер, - мужества, необходимого, чтобы идти с нами против папистов. Мы миримся с вашей слабостью. Если ученость процветает, если с ее помощью сокровища Священного Писания открываются для всех, это дар, который Бог даровал нам через вас; благородный дар, и за который наша благодарность возносится до небес! Но не отказывайтесь от возложенной на вас задачи и переходите в наш лагерь. Без сомнения, ваше красноречие и гений могли бы быть нам очень полезны; но поскольку вам не хватает мужества, оставайтесь там, где вы есть. Я хотел бы, чтобы наш народ позволил вашей старости мирно уснуть в Господе. Величие нашего дела уже давно вышло за пределы ваших сил. Но с другой стороны, мой дорогой Эразм, воздержись от того, чтобы обильно осыпать нас той едкой солью, которую ты так хорошо умеешь прятать под цветами риторики; ибо быть слегка уязвленным Эразмом опаснее, чем быть растертым в порошок всеми папистами, вместе

взятыми. Будьте довольны тем, что остались зрителями нашей трагедии; [570] и не публикуйте книг против меня; и я, со своей стороны, не напишу ничего против вас".

ЭРАЗМ РЕШАЕТ НАПАСТЬ НА ЛЮТЕРА.

Так Лютер, человек раздора, просил мира; именно Эразм, человек мира, начал конфликт.

Эразм воспринял это сообщение реформатора как самое горькое из оскорблений; и если он еще не решил написать против Лютера, то, вероятно, сделал это тогда. "Возможно, - ответил он, - что Эразм, написав против вас, принесет Евангелию больше пользы, чем некоторые болваны, которые пишут за вас, [571] и которые не позволяют ему быть простым зрителем этой трагедии".

Но у него были и другие мотивы.

Генрих VIII. король Англии и знать этого королевства настойчиво настаивали на том, чтобы он открыто выступил против Реформации. Эразм в минуту мужества позволил вырвать у себя обещание. Его двусмысленное положение стало для него источником постоянных неприятностей; он любил покой, и необходимость, которую он чувствовал, постоянно оправдывать свое поведение, мешала ему существовать; он любил славу, и люди уже обвиняли его в том, что он боится Лютера и слишком слаб, чтобы отвечать ему; он привык занимать самое высокое место, а маленький виттембергский монах сверг с престола могущественного философа из Роттердама. Затем он должен был каким-то смелым шагом восстановить утраченное положение. Весь христианский мир, который придерживался старого культа, умолял его сделать это. Требовался мощный гений и величайшая репутация эпохи, чтобы противостоять Реформации. Эразм откликнулся на призыв.

ЧУВСТВА ЛЮТЕРА.

Но какое оружие он пустит в ход? Обрушит ли он громы на Ватикан? Будет ли он защищать злоупотребления, позорящие папство? Эразм не мог так поступить. Великое движение, взбудоражившее умы людей после стольких веков летаргии, наполнило его радостью, и он побоялся бы помешать ему. Не имея возможности быть защитником романизма в том, что он добавил к христианству, он взялся защищать его в том, что оно отняло. Нападая на Лютера, Эразм выбрал точку, в которой латинизм теряется в рационализме, — доктрину о свободной воле, или естественной силе человека. Таким образом, защищая Церковь, Эразм доставлял удовольствие людям мира, и, сражаясь за пап, он также выступал от имени философов. Говорили, что он неосмотрительно ограничился неясным и невыгодным вопросом. [572] Лютер, реформаторы и их эпоха судили совершенно по-разному; и мы согласны с ними. "Я должен признать, - сказал Лютер, - что в этом споре вы единственный человек, который докопался до сути вопроса. Я благодарю вас за это от всего сердца; ибо я предпочел бы заниматься этим предметом, чем всеми этими второстепенными вопросами о папе римском, чистилище и индульгенциях, которыми враги Евангелия до сих пор донимали меня". [573]

Его собственный опыт и внимательное изучение Священного Писания и св. Августин убедили Лютера, что естественные силы человека настолько склонны ко злу, что сам по себе он не может продвинуться дальше определенной внешней прямооты, совершенно недостаточной в глазах Божества. В то же время он осознал, что именно Бог дает истинную праведность, свободно совершая работу веры в человеке своим Святым Духом. Это учение стало главной

движущей силой его религии, преобладающей идеей в его богословии и точкой, вокруг которой развернулась вся Реформация.

В то время как Лютер утверждал, что все хорошее в человеке исходит от Бога, Эразм встал на сторону тех, кто думал, что это добро исходит от самого человека. Бог или человек, добро или зло — это, конечно, не пустяковые вопросы; и если "тривиальности" существуют, их следует искать в другом месте.

ЭРАЗМУС О СВОБОДЕ ВОЛИ.

Осенью 1524 года Эразм опубликовал свой знаменитый трактат, озаглавленный *"Диссертация о свободе воли"*; и едва он появился, философ едва мог поверить в собственную смелость. Не сводя глаз с арены, он с трепетом смотрел на перчатку, которую бросил своему противнику. "Жребий брошен, - с волнением писал он Генриху VIII. - Книга о *свободе воли* появилась.— Поверь мне, это дерзкий поступок. Думаю, меня за это побьют камнями.— Но я утешаю себя примером вашего величества, которого не пощадил гнев этих людей". [574]

Вскоре его тревога возросла до такой степени, что он горько пожалел о сделанном шаге. "Почему мне не позволили состариться в саду Муз?" - воскликнул он. - И вот я, шестидесятилетний, выгоняемый на арену, держу в руках цест и гладиаторскую сетку вместо лиры!—Я осознаю, - писал он епископу Рочестерскому, - что, написав по доброй воле, я вышел за рамки своей сферы деятельности..... Вы поздравляете меня с моими победами! Ах! Я не знаю, что торжествую победу. Фракция (*то есть* Реформация) распространяется с каждым днем. [575] Было ли так суждено, что в моем возрасте я превратился из друга Муз в жалкого гладиатора!"

Восстание против Лютера, без сомнения, было важным делом для робкого Эразма; однако он был далек от того, чтобы проявлять какую-либо большую смелость. В своей книге он, по-видимому, лишь немного приписывает человеческой воле и большую часть оставляет Божественной благодати; но в то же время он подбирал свои аргументы таким образом, чтобы заставить поверить, что человек делает все, а Бог ничего. Не осмеливаясь открыто выражать свои мысли, он утверждает одно, а доказывает другое; и поэтому нам позволено предположить, что он верил в то, что доказывал, а не в то, что утверждал.

ТРИ МНЕНИЯ — ВЛИЯНИЕ НА ЛЮТЕРА.

Он выделяет три различных мнения, в трех разных степенях противоположных пелагианству. "Некоторые думают, - сказал он, - что человек не может ни хотеть, ни начинать, а тем более совершать какое-либо доброе дело без особой и постоянной помощи Божественной благодати; и это мнение кажется достаточно вероятным. Другие учат, что воля человека бессильна, кроме как ко злу, и что только благодать творит в нас какое-либо добро; и, наконец, есть некоторые, которые утверждают, что никогда не было свободной воли ни у ангелов, ни у Адама, ни у нас, ни до, ни после благодати, но что Бог творит в человеке как добро, так и зло, и что все происходит по абсолютной необходимости". [576]

Эразм, хотя и кажется, что он признает первое из этих мнений, использует аргументы, которые опровергают его и которые мог бы использовать самый убежденный пелагианин. Таким образом, цитируя отрывки из Священного Писания, в которых Бог предлагает человеку выбор

между добром и злом, он добавляет: "Следовательно, человек должен обладать силой желать и выбирать; ибо было бы нелепо говорить кому-либо: "Выбирай!" когда это было не в его власти".

Лютер не боялся Эразма. "Истина, - сказал он, - могущественнее красноречия. Победа остается за тем, кто шепелявит правду, а не за тем, кто произносит ложь плавным языком". [577] Но когда он получил трактат Эразма в октябре 1524 года, он нашел его настолько слабым, что не решался ответить на него. "Что?! столько красноречия в столь дурном деле! - сказал он. - это все равно, что подавать грязь и навоз на серебряных и золотых блюдах. [578] Никто не может тебя удержать. Ты подобен угрю, который ускользает сквозь пальцы, или сказочному Протею, который менял свой облик прямо в руках тех, кто хотел его схватить".

Но поскольку Лютер не ответил, монахи и схоластические богословы начали издавать победные крики: "Ну, и где теперь ваш Лютер? Где великий Маккавей? Пусть он выйдет на ристалище! пусть выйдет! Ах, ах! наконец-то он встретился со своим соперником! Теперь он научился оставаться в тени; он узнал, как держать язык за зубами". [579]

ОТВЕТ ЛЮТЕРА.

Лютер понимал, что должен написать ответ; но только в конце 1525 года он был готов это сделать; а Меланхтон сообщил Эразму, что Лютер будет умеренным, и философ был сильно встревожен. "Если я написал с умеренностью, - сказал он, - таков мой характер; но Лютер охвачен гневом сына Пелея (Ахилла). А как может быть иначе? Когда судно выдерживает шторм, подобный тому, что разразился на "Лютере", какой якорь, какой балласт, какой руль не требуются, чтобы не сбить его с курса! Поэтому, если он ответит мне в манере, не соответствующей его характеру, эти подхалимы закричат, что мы в сговоре". [580] Мы увидим, что Эразм вскоре избавился от этого опасения.

Доктрина Божьего избрания как единственной причины спасения человека всегда была дорога реформатору; но до сих пор он рассматривал ее только в практическом свете. В своем ответе Эразму он исследовал это, в частности, с умозрительной точки зрения и попытался доказать с помощью таких аргументов, которые показались ему наиболее убедительными, что Бог совершает все для обращения человека и что наши сердца настолько отчуждены от любви Божьей, что в них не может быть искреннего стремления к праведности, кроме как благодаря возрождающему влиянию Святого Духа.

"Называть нашу волю свободной волей, - сказал он, - значит подражать тем принцам, которые носят длинные титулы, называя себя владыками различных королевств, княжеств и отдаленных островов (Родоса, Кипра, Иерусалима и т.д.), в то время как они не имеют ни малейшей власти над ними". Здесь, однако, Лютер проводит важное различие, ясно показывая, что он никоим образом не разделял третье мнение, на которое указал и вменил ему Эразм. "Воля человека может быть названа свободной волей не по отношению к тому, что находится над ним, то есть к Богу; но по отношению к тому, что находится ниже, то есть к земным вещам. [581] Что касается моей собственности, моих полей, моего дома, моей фермы, я могу свободно действовать и управлять ими. Но в делах спасения человек является пленником; он подчинен воле Бога или, скорее, дьявола. [582] Покажите мне хотя бы одного из всех этих защитников свободы воли (воскликает он), который нашел в себе достаточно сил, чтобы вынести пустяковую травму, приступ гнева или просто взгляд своего врага и перенести это с радостью; тогда — даже не

спрашивая его, готов ли он отказаться от своего тела, своей жизни, своего богатства, своей чести и всего остального — я признаю, что вы обрели свое дело". [583]

СИЛА ЧЕЛОВЕКА И БОГА.

Взгляд Лютера был слишком пронизательным, чтобы не заметить противоречий, в которые впал его оппонент. И соответственно, в своем ответе он пытается опутать философа сетью, в которую тот сам себя запутал. "Если приведенные вами отрывки, - сказал он, - доказывают, что нам легко творить добро, то почему мы спорим? Какая нам нужда во Христе и Святом Духе? Тогда Христос поступил бы глупо, пролив свою кровь, чтобы приобрести для нас силу, которой мы уже обладали от природы ". По правде говоря, отрывки, процитированные Эразмом, следует понимать совсем в другом смысле. Этот широко обсуждаемый вопрос яснее, чем кажется на первый взгляд. Когда Библия говорит человеку: "Выбирай", это предполагает помощь Божьей благодати, только с ее помощью он может делать то, что она повелевает. Бог, давая заповедь, также дает силу для ее исполнения. Если Христос сказал Лазарю: "Выйди", это означало не то, что Лазарь обладал силой восстановить себя; но то, что Христос, повелев ему покинуть гробницу, дал ему также силу сделать это и сопровождал Свои слова Своей созидательной силой. Он заговорил, и дело было сделано. Более того, совершенно верно, что человек, к которому обращается Бог, должен желать; именно он желает, а не кто-либо другой; он может получить эту волю только от одного Бога; но именно в нем должна быть эта воля, и сама заповедь, к которой обращается к нему Бог и которая, согласно Эразму, определяет способности человека, настолько согласуется с деяниями Бога, что именно этими средствами осуществляется действие. Именно говоря человеку "Обрати себя", Бог обращает его.

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ ЧАСТИ КНИГИ ЛЮТЕРА.

Но идея, на которой главным образом остановился Лютер в своем ответе, заключается в том, что отрывки, цитируемые Эразмом, предназначены для того, чтобы научить людей их долгу и их неспособности выполнять его, но никоим образом не для того, чтобы донести до них мнимую власть, приписываемую им. "Как часто это случается, - говорит Лютер, - когда отец подзывает к себе своего слабого ребенка и говорит: "Приди, сын мой! тогда иди, иди!", чтобы ребенок научился звать его на помощь и позволять нести себя". [584]

Опровергнув аргументы Эразма в пользу свободы воли, Лютер защищает свои собственные от нападок своего оппонента. "Дорогая диссертация, - иронически говорит он, - могущественная героиня, которая гордится тем, что опровергла эти слова Господа Нашего в Евангелии от Иоанна: "Без меня вы ничего не сможете сделать", которые ты, тем не менее, рассматриваешь как опору моих аргументов и называешь их *Ахиллесом Лютера*, послушай меня. Пока ты не сможешь доказать, что это слово *ничто* не только может, но и должно означать *мало*, все твои высокопарные фразы, твои великолепные примеры будут иметь не больше эффекта, чем если бы человек попытался затушить огромный пожар охапкой соломы. Что значат для нас подобные утверждения: *Это может означать; это можно понять.....* хотя твоим долгом было показать нам, что это следует понимать именно так..... Если ты этого не сделаешь, мы примем это заявление в его буквальном значении и посмеемся над всеми твоими примерами, твоими грандиозными приготовлениями и твоими помпезными триумфами". [585]

Наконец, в заключительной части Лютер показывает, и всегда на основе Священного Писания, что благодать Божья совершает все. "Короче говоря, - говорит он в конце, - поскольку Писание повсюду противопоставляет Христа тому, что не имеет духа Христова; поскольку оно заявляет, что все, что не является Христом и во Христе, находится под властью заблуждения, тьмы, дьявола, смерти, греха и гнева Божьего, из этого следует, что все эти отрывки Библии, в которых говорится о Христе, противоречат свободной воле. Теперь таким отрывкам нет числа; ими полны Священные Писания". [586]

ЯНСЕНИСТЫ И РЕФОРМАТОРЫ.

Мы понимаем, что дискуссия, возникшая между Лютером и Эразмом, аналогична той, которая столетием позже произошла между янсенистами и иезуитами, между Паскалем и Молиной. [587] Как получилось, что, в то время как результаты Реформации были столь огромны, янсенизм, хотя и украшенный благороднейшими гениями, растратился впустую и угас? Это потому, что янсенизм вернулся к Августину и полагался на Отцов Церкви, в то время как Реформация вернулась к Библии и опиралась на Слово Божье. Это потому, что янсенизм пошел на компромисс с Римом и хотел установить средний путь между истиной и заблуждением, в то время как Реформация, полагаясь только на Бога, расчистила почву, смела весь мусор прошлых веков и обнажила первобытный камень. Останавливаться на полпути - бесполезная работа; во всем мы должны упорно идти до конца. Соответственно, хотя янсенизм ушел в прошлое, судьбы мира связаны с евангельским христианством.

Далее, убедительно опровергнув ошибку, Лютер отдал блестящую, но, возможно, несколько саркастичную дань уважения самому Эразму. "Я признаю, - сказал он, - что вы великий человек; где мы когда-либо встречали человека с большей ученостью, умом или способностями как в устной, так и в письменной речи? Что касается меня, то я не обладаю ничем подобным; есть только одно, из чего я могу черпать какую-то славу, - я христианин. Пусть Бог бесконечно возвысит вас надо мной в познании Евангелия, чтобы вы могли превзойти меня в этом отношении настолько же, насколько вы уже превзошли меня во всем остальном". [588]

Эразм был вне себя, когда прочитал ответ Лютера; и не увидел бы в его похвалах ничего, кроме меда из отравленной чаши или объятий змеи в тот момент, когда она вонзит свое отравленное жало. Он немедленно написал курфюрсту Саксонии, требуя справедливости; и так как Лютер хотел умиротворить его, он потерял свое обычное самообладание и, по словам одного из его самых рьяных апологетов, начал "изливать брань прерывающимся голосом и седыми волосами". [589]

Эразм был побежден. До сих пор умеренность была его сильной стороной, и он потерял ее. Страсть была его единственным оружием против энергии Лютера. Мудрому человеку не хватало мудрости. Он публично ответил в своих *"Гиперасписах"*, обвинив реформатора в варварстве, лжи и богохульстве. Философ даже отважился пророчествовать. "Я пророчествую, - сказал он, - что ни одно имя под солнцем не будет вызывать большего отвращения, чем имя Лютера". Юбилей 1817 года по прошествии трехсот лет откликнулся на это пророчество энтузиазмом и одобрительными возгласами всего протестантского мира.

ТРИ ДНЯ.

Таким образом, в то время как Лютер с Библией ставил себя во главе своего века, Эразм, противостоя ему, хотел занять то же место в философии. За кем из этих двух лидеров

последовали? Несомненно, за обоими. Тем не менее влияние Лютера на народы христианского мира было бесконечно большим, чем влияние Эразма. Даже те, кто не до конца понимал подоплеку спора, видя убежденность одного противника и сомнения другого, не могли удержаться от убеждения, что первый прав, а второй неправ. Было сказано, что три последних столетия, шестнадцатое, семнадцатое и восемнадцатое, можно представить как грандиозную битву продолжительностью в три дня. [590] Мы охотно принимаем это прекрасное сравнение, но не ту роль, которая отводится каждому из дней. Одна и та же борьба была отнесена к шестнадцатому и восемнадцатому векам. В первый день, как и в последний, именно философия ломает ряды. Философия шестнадцатого века!.....Странная ошибка! Нет: каждый из этих дней имеет свой ярко выраженный характер. В первый день конфликта восторжествовало Слово Божье, Евангелие Христа; а затем Рим потерпел поражение, как и человеческая философия в лице Эразма и других ее представителей. На второй день, мы допускаем, что Рим, его авторитет, его дисциплина, его доктрина возродились и были близки к триумфу благодаря интригам знаменитого общества и власти эшафота, которым помогали люди благородного характера и возвышенного гения. На третий день человеческая философия восстала во всей своей гордыне и, обнаружив на поле битвы не Евангелие, а Рим, быстро справилась со своей задачей и вскоре захватила все укрепления. Первый день был битвой Бога, второй - битвой священника, третий - битвой разума. Каким будет fourth?.....In наше мнение, запутанная борьба, смертельное состязание всех этих сил вместе, которое закончится победой Того, кому принадлежит триумф.

ГЛАВА X.

Три противника—Источник истины—Гребель—Фанатики и Цвингле—Конституция Церкви—Тюрьма—Пророк Блаурок—Фанатизм в Сен—Галль—Шукер и семья—Дискуссия в Цюрихе—Пределы Реформации-Наказание фанатиков.

ТРОЕ ПРОТИВНИКОВ.

Но битва, которую Реформация вела в великий день шестнадцатого века под знаменем Слова Божьего, была не единой, а многообразной. У Реформации было много врагов, с которыми приходилось бороться одновременно; и после того, как она сначала протестовала против декреталий и превосходства папы, а затем против холодных апофегм рационалистов, философов или схоластов, ей пришлось в равной степени бороться с мечтаниями энтузиазма и галлюцинациями мистицизма, одинаково противопоставляя этим трем силам щит и меч Божественного откровения.

Следует признать, что между этими тремя могущественными противниками существует большое сходство, поразительное единство. Ложные системы, которые во все века были наиболее враждебны евангельскому христианству, всегда отличались тем, что заставляли религиозное знание исходить изнутри самого человека. Рационализм заставляет его исходить из разума; мистицизм - из определенного внутреннего света; а романизм - из озарения папы римского. Эти три заблуждения ищут истину в человеке: евангельское христианство ищет ее всецело в Боге; и в то время как мистицизм, рационализм и романизм допускают постоянное вдохновение в некоторых наших братьях и, таким образом, открывают дверь всякой экстравагантности и разнообразию, евангельское христианство признает это вдохновение

исключительно в писаниях апостолов и пророков и только оно представляет то великое, прекрасное и живое единство, которое остается неизменным во все века.

Задачей Реформации было восстановление прав Слова Божьего в противовес не только латинизму, но также мистицизму и рационализму.

ГРЕБЕЛЬ И ФАНАТИКИ.

Фанатизм, который был подавлен в Германии возвращением Лютера в Виттемберг, вновь с полной силой проявился в Швейцарии и угрожал зданию, которое Цвингле, Галлер и Колампадиус построили на Слове Божьем. Томас Мюнцер, вынужденный покинуть Саксонию в 1521 году, достиг границ Швейцарии. Конрад Гребель, чей беспокойный и пылкий нрав мы уже заметили, [591] с ним связались Феликс Манц, сын каноника, и несколько других цюрихцев; и Гребель немедленно попытался завоевать расположение Цвингле. Напрасно последний пошел дальше Лютера; он увидел, что возникла группа, желавшая продвинуться еще дальше. "Давайте сформируем сообщество истинно верующих, - сказал ему Гребель, - ибо только им принадлежит обетование, и давайте основаем церковь, в которой не будет греха". [592]— "Мы не можем создать рай на земле, - ответил Цвингле, - а Христос учил нас, что мы должны позволить плевелам расти вместе с пшеницей". [593]

КОНСТИТУЦИЯ ЦЕРКВИ.

Гребель, потерпев неудачу с реформатором, хотел бы обратиться к народу. "Все сообщество Цюриха, - сказал он, - должно принимать окончательное решение в вопросах веры". Но Цвингле опасался влияния, которое эти радикальные энтузиасты могут оказать на большое собрание. Он считал, что, за исключением чрезвычайных случаев, когда людей можно было бы призвать выразить свое согласие, было бы лучше доверить интересы религии коллегии, которая могла бы считаться избранными представителями Церкви. Соответственно, Совету Двухсот, который осуществлял высшую политическую власть в Цюрихе, была также доверена церковная власть при четком условии, что они должны во всем соответствовать Священному Писанию. Без сомнения, было бы лучше основательно организовать Церковь и призвать ее назначить своих собственных представителей, которым следует доверить исключительно религиозные интересы народа; ибо человек может быть очень способным управлять интересами государства и все же очень неискушенным в интересах Церкви; верно и обратное. Тем не менее неудобства тогда не были столь серьезными, как в наши дни, поскольку члены Великого Совета откровенно присоединились к религиозному движению. Но, как бы то ни было, Цвингле, апеллируя к Церкви, старался не делать ее слишком заметной и предпочитал представительную систему фактическому суверенитету народа. Это то, чем по прошествии трех столетий занимались европейские государства в политическом мире на протяжении последних пятидесяти лет.

Получив отказ от Цвингле, Гребель перешел в другой квартал. Рубли, бывший пастор в Базеле, Бродтлайн, пастор в Золликоне, и Луи Герцер приняли его с готовностью. Они решили сформировать независимую конгрегацию посреди великого собрания, Церковь внутри Церкви. Крещение только взрослых верующих должно было стать их средством объединения своей паствы. "Крещение младенцев, - говорили они, - это ужасная мерзость, вопиющее нечестие, изобретенное злым духом и Николаем II, папой Римским". [594]

Совет Цюриха был встревожен и распорядился провести публичное обсуждение; и поскольку они по-прежнему отказывались отречься от своего мнения, некоторые цюрихцы из их числа

были брошены в тюрьму, а несколько иностранцев были сосланы. Но преследования только разожгли их рвение: "Не одними словами, - кричали они, - но своей кровью мы готовы засвидетельствовать истинность нашего дела". Некоторые из них, опоясавшись веревками или озеровыми прутьями, бегали по улицам, восклицая: "Еще несколько дней, и Цюрих будет разрушен! Горе тебе, Цюрих! Горе! горе!" Простодушные и благочестивые были взволнованы и встревожены. Четырнадцать мужчин, среди которых был Феликс Манц, и семь женщин были задержаны, несмотря на заступничество Цвингле, и посажены на хлеб и воду в башне еретика. Проведя взаперти две недели, они сумели ночью отодвинуть несколько досок и, помогая друг другу, совершили побег. "Ангел, - сказали они, - открыл темницу и вывел их наружу". [595]

ПРОРОК БЛАУРОК.

Сбежавший из своего монастыря монах, Джордж Якоб из Койре, прозванный Блауроком, судя по синему платью, которое он постоянно носил, присоединился к их секте и за свое красноречие был прозван *вторым Павлом*. Этот отважный монах путешествовал с места на место, своим внушительным рвением принуждая многих принять его крещение. Однажды в воскресенье, когда в Цолликоне пылкий монах прервал проповедь дьякона, выкрикнув громовым голосом: "Написано, *Мой дом - дом молитвы, но вы превратили его в вертеп воров*". Затем, подняв посох, который держал в руке, он нанес четыре сильных удара.

"Я дверь, - воскликнул он. - всякий, кто войдет через меня, найдет пастбище. Я добрый пастырь. Мое тело Я отдаю тюрьме; мою жизнь Я отдаю мечу, столбу или колесованию. Я есмь начало крещения и хлеба Господня". [596]

В то время как Цвингле противостоял этому потоку в Цюрихе, Сен-Галль вскоре был затоплен им. Гребель прибыл туда и был встречен братьями радостными возгласами; а в вербное воскресенье он отправился на берега Ситтера с большим количеством своих приверженцев, которых он там крестил.

ЦВИНГЛЕ НАРОДУ СЕНТ-ГАЛЛА.

Новость быстро распространилась по соседним кантонам, и огромная толпа людей стеклась из Цюриха, Аппенцеля и нескольких других мест в "Маленький Иерусалим".

Сердце Цвингля сжалось при виде этого волнения. Он видел бурю, разразившуюся в этих районах, где семя Евангелия только начинало прорастать. [597] Решив выступить против этих настроений в отношении крещения, [598] он написал трактат на эту тему, [599] который собор Святого Галла, которому он был адресован, приказал прочитать в церкви перед всем народом.

"Мои дорогие братья в Господе, - сказал Цвингле, - вода потоков, которые бьют из наших скал, уносит с собой все, что находится в пределах ее досягаемости. Сначала это всего лишь мелкие камешки; но они яростно наталкиваются на более крупные, пока, наконец, поток не становится таким сильным, что уносит все, что встречает, и оставляет на своем пути стенания и напрасные сожаления, а плодородные луга превращаются в дикую местность. Дух раздора и самоправедности действует подобным образом: он возбуждает раздор, разрушает благотворительность, и там, где он нашел красивые и процветающие церкви, не оставляет после себя ничего, кроме стад, погруженных в траур и запустение".

Так говорил Цвингле, дитя токенбургских гор. "Дайте нам Слово Божье, - воскликнул один из присутствующих в церкви, - а не слово Цвингля". Сразу же послышались смущенные голоса: "Долой книгу! долой книгу!" - кричала толпа. После этого они встали и вышли из церкви, выкрикивая: "Вы можете придерживаться учения Цвингле; что касается нас, мы будем соблюдать Слово Божье". [600]

Теперь фанатизм вылился в самые прискорбные беспорядки. Утверждая, что Господь увещевал нас стать подобными детям, эти несчастные создания начали хлопать в ладоши и скакать по улицам, танцевать в хороводе, садиться на землю и валять друг друга в пыли. Некоторые сожгли Новый Завет, сказав: "Буква убивает, Дух дает жизнь". Другие, впадая в конвульсии, притворялись, что получают откровения от Святого Духа.

ДЖОН ШУКЕР И СЫНОВЬЯ.

В уединенном доме на Мюллеге близ Сент-Галла жил пожилой фермер Джон Шукер со своими пятью сыновьями. Все они, включая прислугу, приняли новую религию, а двое сыновей, Томас и Леонард, отличались своим фанатизмом. На масленицу (7 февраля 1526 года) они пригласили к себе домой большую компанию, и их отец зарезал теленка для угощения. Яства, вино и это многочисленное собрание разожгли их воображение; вся ночь прошла в фанатичных разговорах и жестикуляции, конвульсиях, видениях и откровениях. [601]

Утром Томас, все еще взволнованный этой беспорядочной ночью и, как могло показаться, потерявший рассудок, взял мочевой пузырь теленка и поместил в него часть желчи, намереваясь таким образом подражать символическому языку пророков, подошел к своему брату Леонарду, сказав мрачным голосом: "Такая горькая смерть уготована тебе!" Затем он добавил: "Брат Леонард, преклони колени!" Леонард упал на колени; вскоре после этого: "Брат Леонард, встань!" Леонард встал. Отец, братья и другие члены компании смотрели с удивлением, спрашивая себя, что бы сделал Бог. Вскоре Томас продолжил: "Леонард, снова встань на колени!" Он так и сделал. Зрители, встревоженные мрачным выражением лица несчастного человека, сказали ему: "Подумай о том, что ты делаешь, и позаботься о том, чтобы не случилось беды". — "Не бойся, - ответил Фома, - ничего не произойдет, кроме воли Отца". В то же время он поспешно схватил меч и, нанеся сильный удар своему брату, преклонив перед ним колени, как преступник перед палачом, отрубил ему голову, воскликнув: "Теперь воля Отца исполнена". Все прохожие в ужасе отшатнулись от содеянного, и ферма огласилась стонами и причитаниями. Томас, на котором не было ничего, кроме рубашки и штанов, выбежал из дома босиком и с непокрытой головой, с бешеной жестикуляцией побежал в Сен-Галль, вошел в дом бургомистра Иоахима Вадьяна и сказал ему с изможденным видом и дикими криками: "Я возвещаю тебе день Господень!" Ужасная весть вскоре распространилась по Сент-Галлу. "Он убил своего брата, как Каин убил Авеля", - говорили люди. [602] Преступник был задержан. "Это правда, что я сделал это, - постоянно повторял он, - но это Бог сделал это через меня". 16 февраля это несчастное создание лишилось головы от меча палача. Фанатизм сделал свое последнее усилие. У людей открылись глаза, и, согласно старому историку, тот же удар снес голову Томасу Шукеру и фанатизму в Сен-Галле.

ДИСКУССИЯ В ЦЮРИХЕ.

Это все еще преобладало в Цюрихе. 6 ноября предыдущего года в зале совета состоялась общественная дискуссия на тему крещения младенцев [603], когда Цвингле и его друзья предложили следующие тезисы:—

"Дети, рожденные от верующих родителей, являются детьми Божиими, подобно тем, кто родился во времена Ветхого Завета, и, следовательно, могут получить крещение. [603]

"Крещение [603] согласно Новому Завету - это то, чем было обрезание в Ветхом; следовательно, теперь крещение должно проводиться детям, как это было раньше.

"Мы не можем доказать обычай повторного крещения [603] ни примерами, ни текстами, ни аргументами, почерпнутыми из Священного Писания; а те, кто повторно крещен, заново распинают Иисуса Христа".

ПРЕДЕЛЫ РЕФОРМАЦИИ.

Но спор не ограничивался религиозными вопросами; они призывали к отмене десятины на том основании, что она не была назначена Богом. Цвингле ответил, что содержание школ и церквей зависит от десятины. Он желал полной религиозной реформы; но было решено не допускать ни малейшего потрясения общественного порядка или политических институтов. Это был предел, на котором он воспринял то слово с небес, написанное рукой Божьей: "Доныне ты придешь, и не далее". [604] Необходимо было где-то остановиться, и здесь Цвингле и реформаторы остановились, несмотря на тех упрямых людей, которые пытались поторопить их еще больше.

Но если реформаторы остановились, они не смогли остановить энтузиастов, которые, казалось, были рядом с ними, как бы в противовес их благоразумию. Им было недостаточно создать церковь; этой церковью в их глазах было государство. Когда их вызвали в суд, они заявили, что не признают гражданскую власть, что это всего лишь пережиток язычества и что они не будут повиноваться никакой другой силе, кроме Бога. Они учили, что христианам запрещено занимать государственные должности или носить меч; и, напоминая в этом отношении некоторых нерелигиозных энтузиастов, появившихся в наши дни, они смотрели на общность благ как на совершенство человечества. [605]

Таким образом, опасность возрастала; существование гражданского общества находилось под угрозой. Оно восстало, чтобы отвергнуть из своих недр эти разрушительные элементы. Правительство, встревоженное, позволило себе прибегнуть к странным мерам. Решив подать пример, оно приговорило Манца к утоплению. 5 января 1527 года его посадили в лодку; его мать (пожилая наложница каноника) и его брат были в толпе, которая последовала за ним к кромке воды. "Упорствуйте до конца", - восклицали они. Когда палач приготовился бросить Манца в озеро, его брат разрыдался; но его мать, спокойная и решительная, сухими и горящими глазами наблюдала за мученической смертью своего сына. [606]

В тот же день Блаурока выпороли розгами. Когда они выводили его за пределы города, он отряхнул свой синий плащ и пыль со своих ног, демонстрируя состояние Цюриха. [607] Оказалось, что два года спустя это несчастное существо было сожжено заживо римско-католиками Тироля.

СВОБОДА И НЕТЕРПИМОСТЬ.

Несомненно, дух мятежа существовал; несомненно, старый церковный закон, приговаривающий еретиков к смерти, все еще оставался в силе, и Реформация не смогла за один или два года исправить все ошибки; и далее, нет сомнений в том, что римские штаты обвинили бы протестантские штаты в поощрении беспорядков, если бы те не наказали этих энтузиастов; но эти соображения могут объяснить, хотя и не могут оправдать, суровость магистратов. Они могли бы принимать меры против всего, что посягало на гражданскую власть; но религиозные заблуждения, с которыми учителя боролись, должны были пользоваться полной свободой перед гражданскими судами. Такие мнения не изгоняются бичом; их не топят, бросая их приверженцев в воду; они снова всплывают из глубины пропасти; и огонь служит лишь для того, чтобы разжечь в их приверженцах еще более неистовый энтузиазм и жажду мученичества. Цвингле, с чувствами которого по этому поводу мы знакомы, не принимал участия в этих строгостях. [608]

ГЛАВА XI.

Прогресс и неподвижность—Цвингле и Лютер—Возвращение Лютера к схоластике—Уважение к традиции—Оккам—Противоположная тенденция в Цвингле—Начало спора—СЕКолампадий и швабская синграмма—Страсбург выступает посредником.

Однако различия должны были преобладать не только в отношении крещения [609]; более серьезные разногласия должны были возникнуть в учении о Вечере Господней.

ПРОГРЕССИРОВАНИЕ И НЕПОДВИЖНОСТЬ.

Человеческий разум, освобожденный от гнета, которое давило на него столько веков, воспользовался своей свободой; и если римско-католицизму приходится опасаться косяков деспотизма, протестантизм в равной степени подвержен косякам анархии. Прогрессирование - характер протестантизма, так же как неподвижность - характер романизма.

Римско-католицизм, обладающий в папстве средством постоянного утверждения новых доктрин, на первый взгляд действительно содержит принцип, в высшей степени благоприятствующий вариациям. По правде говоря, он в значительной степени воспользовался этим, и из века в век мы видим, как Рим выдвигает или утверждает новые доктрины. Но после завершения своей системы римско-католицизм объявил себя поборником неподвижности. В этом заключается его безопасность; он напоминает те здания, которые дрожат при малейшем движении и из которых ничего нельзя извлечь, не разрушив их полностью. Разрешите римским священникам жениться или нанесите удар по доктрине пресуществления, и вся система пошатнется, все здание рассыплется в прах.

С евангельским христианством дело обстоит иначе. Его принцип гораздо менее благоприятен для вариаций, и в гораздо большей степени для развития и жизни. Фактически, с одной стороны, она признает Священное Писание только как источник истины, единый и всегда один и тот же, от начала Церкви до конца: как же тогда оно должно меняться, как это делало папство? Но, с другой стороны, каждый христианин должен пойти и почерпнуть для себя из этого источника; и отсюда последуют действие и свобода. Соответственно, евангельское христианство, хотя оно такое же в девятнадцатом, как и в шестнадцатом веке, и как в первом, в

каждую эпоху полно спонтанности и движения, и сейчас наполняет мир своими исследованиями, своими трудами, библиями, миссионерами, светом, спасением и жизнью.

Было бы большой ошибкой объединять и почти смешивать евангельское христианство с мистицизмом и рационализмом и приписывать ему их неправильности. Движение заложено в самой природе христианского протестантизма; оно прямо противоположно неподвижности и летаргии; но именно движение здоровья и жизни характеризует его, а не отклонения человека, лишённого разума, или конвульсии болезни. Мы увидим, как эта характеристика проявляется в учении о Вечере Господней.

ЦВИНГЛЬ И ЛЮТЕР.

Такого результата можно было ожидать. В прежние века Церкви это учение понималось совершенно по-разному, и это разнообразие существовало до того времени, когда доктрина пресуществления и схоластическое богословие начали одновременно господствовать в средние века. Но когда это господство пошатнулось, старым различиям было суждено появиться вновь.

Цвингле и Лютер, каждый из которых развивался отдельно, один в Швейцарии, а другой в Саксонии, однако однажды встретились лицом к лицу. Обоими двигал один и тот же дух и во многих отношениях один и тот же характер. Оба в равной степени были преисполнены любви к истине и ненависти к несправедливости; оба были от природы вспыльчивы; и эта вспыльчивость умерялась в каждом искренним благочестием. Но в характере Цвингле была одна черта, которой суждено было увлечь его дальше, чем Лютера. Он любил свободу не только как человек, но и как республиканец и соотечественник Телля. Привыкший к решениям свободного государства, он не позволил остановить себя тем соображениям, перед которыми отступал Лютер. Кроме того, он менее глубоко изучал схоластическое богословие и, таким образом, находил свои движения менее скованными. Оба были горячо привержены своим собственным убеждениям; оба были полны решимости защищать их; и, не привыкшие уступать убеждениям другого, они должны были теперь встретиться, подобно двум гордым боевым коням, которые, проносясь сквозь ряды соперников, внезапно сталкиваются друг с другом в разгар схватки.

Практическая тенденция преобладала в характере Цвингле и в Реформации, автором которой он был, и эта тенденция была направлена на две великие цели: простоту богослужения и освящение жизни. Привести богослужение в соответствие с потребностями разума, который ищет не внешней помпезности, а невидимых вещей, — это было первой целью Цвингле. Поэтому идея телесного присутствия Христа на Вечере Господней, лежащая в основе стольких церемоний и суеверий Церкви, должна быть упразднена. Но другое желание швейцарского реформатора привело к тем же результатам. Он обнаружил, что римское учение о евхаристии и даже учение Лютера предполагали определенное магическое влияние, наносящее ущерб освящению; он опасался, что христиане, воображающие, что они приняли Иисуса Христа в освященном хлебе, отныне будут менее искренне стремиться соединиться с ним верой в сердце. "Вера, - сказал он, - это не знание, мнение, воображение; это реальность. [610] Это ведет к реальному единению с Божественными вещами ". Таким образом, что бы ни утверждали противники Цвингле, к его своеобразным доктринам его привела не склонность к рационализму, а глубоко религиозные взгляды.

Но в убеждениях Цвингле был и другой элемент: он был подвержен тем историческим влияниям, которые мы должны повсюду признавать, как в анналах Церкви, так и в анналах мира. Долгое время предполагалось, что он был знаком с чувствами Ратрама, Уиклиффа и Питера Уолдо; но у нас есть гораздо более надежный исторический ключ к пониманию убеждений швейцарского реформатора.

ГОЛЛАНДЦЫ В ЦЮРИХЕ.

Два голландца, Родиус и Сагарус, которых мы видели прибывшими в Виттемберг, и именно здесь произошло первое различие между Лютером и Карлштадтом, повернули в сторону Швейцарии, захватив с собой рукописи Весселя, и достигли Базеля, где сам Лютер передал их Николампадию. Последний человек, обладавший робким характером, обнаружив, что Лютер не одобряет взглядов, которые пытались распространять эти братья из Голландии, не рискнул открыто заявить о своих чувствах и отправил их Цвингле. Они прибыли в Цюрих в 1521 году и, прислужив реформатору, сразу же перевели разговор на учение о Вечере Господней. [611]

РЕЗУЛЬТАТ РАССПРОСОВ ЦВИНГЛЕ.

Родиус и его друг сначала не стали высказывать свое мнение, но, выслушав Цвингле, возблагодарили Бога за то, что он избавил их от столь великого заблуждения. [612] Затем они представили письмо Корнелиуса Хоэна, которое Цвингле прочитал и опубликовал вскоре после этого.

Это письмо оказало неисчислимое влияние на судьбы Реформации. Хоэн, основывая свои аргументы на словах Христа в шестой главе Евангелия от Иоанна, сказал: "Христос отдает себя нам через хлеб: [613] но давайте проводить различие между хлебом, который мы получаем устами, и Христом, которого мы принимаем верой. Тот, кто думает, что он получает только то, что берет в рот, не различает тела Господня и ест и пьет свое собственное осуждение, потому что едой и питьем он свидетельствует о присутствии Христа, в то время как своим неверием он остается далеко от Него". — В то же время нидерландцы изложили тезисы Весселя Цвингле. [614] Эти труды произвели глубокое впечатление на сознание реформатора.

Результат расспросов Цвингля соответствовал его наклонностям. Изучая Священное Писание в целом, что было его обычным делом, а не отдельные отрывки, и прибегая к классической древности для решения языковых трудностей, он пришел к убеждению, что слово *is*, используемое в формуле установления Вечери Господней, следует понимать (как сказал Хоэн) в значении *означает*, и уже в 1523 году он написал своему другу Виттембаху, что хлеб и вино в Евхаристии то же, что вода в крещении. "Было бы напрасно, - добавил он, - бросать человека тысячу раз в воду, если он не верит. Вера - единственное, что необходимо". [615]

Кроме того, представляется, что Цвингле был подготовлен, [616], по крайней мере косвенно, к этим взглядам Erasmus. Меланхтон говорит: "Цвингле признался мне (в Марбурге), что первоначально свое мнение о Вечере Господней он почерпнул из трудов Эразма". На самом деле Эразм писал в 1526 году: "Чувства Николампадия не вызвали бы у меня неудовольствия, если бы свидетельство Церкви не было против них. Я не вижу, что может сделать бесчувственное тело или какую пользу можно было бы извлечь из него, даже если бы мы могли это почувствовать; достаточно того, что в символах можно найти духовную благодать". [617]

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЮТЕРА К СХОЛАСТИКЕ.

Сначала Лютер исходил, по крайней мере внешне, из принципов, очень похожих на принципы цюрихского врача. "Освящает не таинство, - сказал он, - а вера в таинство". Но экстравагантность тех, чей мистицизм одухотворял все, привела к большой перемене в его взглядах. Когда он увидел энтузиастов, которые претендовали на особое вдохновение, ломали образы, отвергали крещение, [618] и отрицали присутствие Христа на Вечере Господней, он был встревожен; у него было своего рода пророческое предчувствие опасностей, которые будут угрожать Церкви, если эта ультрадуховная тенденция возьмет верх, и он, соответственно, взял прямо противоположный курс; подобно пилоту, который, увидев, что Христос присутствует на Вечере Господней, его лодка слишком сильно накренилась на один борт и, едва не затонув, он переваливается на другой, чтобы восстановить равновесие.

С этого времени Лютер придавал таинствам еще большее значение. Он утверждал, что это были не только знаки, с помощью которых христиане отличались внешне, как сказал Цвингле, но и свидетельства Божественной воли, призванные укрепить нашу веру. Более того, Христос, по его мнению, решил дать верующим полную уверенность в их спасении, и, чтобы скрепить это обещание наиболее эффективным образом, он присоединил к хлебу и вину свое настоящее тело. "Подобно тому, как железо и огонь, - продолжал он, - которые, тем не менее, являются двумя различными субстанциями, смешиваются вместе в нагретой железной массе, так что в каждой из ее частей есть одновременно железо и огонь; подобным образом и с гораздо большим основанием прославленное тело Христово находится во всех частях хлеба".

УВАЖЕНИЕ К ТРАДИЦИЯМ.

Таким образом, в этот период, по-видимому, произошел некоторый возврат Лютера к схоластическому богословию. В своем учении об оправдании верой он полностью отказался от него; но в учении о таинстве он отказался только от одного пункта, пресуществления, и сохранил другой - телесное присутствие. Он даже зашел так далеко, что сказал, что предпочел бы пить кровь только с папой римским, чем вино только с Цвингле.

Великим принципом Лютера было никогда не отступать от доктрины и обычаев Церкви, за исключением случаев, когда язык Священного Писания делал это абсолютно необходимым. "Где Христос повелел нам возвысить воинство и показать его людям?" — Спросил Карлштадт. - "А где Христос запретил это?" - был ответ Лютера. В этом ответе заключается принцип двух реформаций. Саксонскому реформатору были дороги церковные традиции. Если он и отделился от них по нескольким пунктам, то только после ужасной борьбы и потому, что, прежде всего, было необходимо повиноваться Священным Писаниям. Но когда буква Слова Божьего оказалась в гармонии с традицией и обычаями Церкви, он придерживался ее с непоколебимой твердостью. Вот что произошло в вопросе о евхаристии. Он не отрицал, что слово *есть* может быть понято в смысле, указанном Цвингле. Он признал, например, что в словах "*Этой скалой был Христос*", [619] это следует понимать именно так; но он отрицал, что это слово должно иметь то же значение в установлении Вечери Господней.

Он нашел у одного из позднейших схоластов, Оккама, [620] которого он предпочитал всем остальным, мнение, которое он принял. Подобно Оккаму, он отказался от постоянно повторяющегося чуда, благодаря которому, согласно Римской церкви, тело и кровь Христа заменяли хлеб и вино после каждого освящения священником; и этим врачом он заменил универсальное чудо, совершенное раз и навсегда, — чудо повсеместности и вездесущности

тела Иисуса Христа. "Христос, - сказал он, - присутствует в хлебе и вине, потому что он присутствует везде, и прежде всего там, где он желает быть". [621]

СКЛАД УМА ЦВИНГЛЯ.

Образ мыслей Цвингля сильно отличался от образа мыслей Лютера. Он был менее склонен сохранять определенный союз со Вселенской Церковью и поддерживать свою связь с традициями прошлых веков. Как богослов, он обращался только к Священному Писанию, и только оттуда он мог принять свою веру свободно и немедленно, не беспокоясь о том, что думали другие до него. Как республиканец, он рассчитывал на свою *коммуну* в Цюрихе. Именно идея нынешней Церкви занимала его мысли, а не идея Церкви прежних времен. Он особенно цеплялся за эти слова святого Павла: *Ибо нас много, и мы - один хлеб и одно тело*; и он видел в Вечере Господней знак духовного общения между Христом и всеми христианами. "Всякий, кто поступает недостойно, - сказал он, - виновен перед телом Христовым, членом которого он является". Эта мысль оказала огромное практическое влияние на умы людей; и последствия, которые она произвела в жизни многих, утвердили Цвингля в ней.

Таким образом, Лютер и Цвингль незаметно отделились друг от друга. Вероятно, однако, что мир между ними сохранялся бы дольше, если бы беспокойный Карлштадт, который продолжал курсировать туда-сюда между Швейцарией и Германией, не разжег эти противоположные мнения.

НАЧАЛО ПОЛЕМИКИ.

Шаг, предпринятый с целью поддержания мира, привел к взрыву. Совет Цюриха, желая предотвратить все споры, запретил продажу работ Карлштадта. Цвингле, который не одобрял его насилие и винил его мистические и неясные выражения, [622] считал, что теперь он призван защищать свое учение как с кафедры, так и перед советом; и вскоре после этого написал письмо Альберту, пастору Ройтлингена, в котором он сказал: "Независимо от того, говорит ли Христос о таинстве в шестой главе. о святом Иоанне совершенно очевидно, что он там прививает способ употребления в пищу его плоти и питья его крови, в котором нет ничего телесного". [623] Затем он продолжил доказывать, что Вечеря Господня, напоминая верующим, согласно намерению Христа, о его теле, которое было преломлено за них, обеспечила им ту духовную пищу, которая единственная действительно полезна.

И все же Цвингле боялся разрыва с Лютером; он трепетал при мысли, что эти печальные споры могут разорвать на куски то новое общество, которое тогда формировалось посреди павшего христианского мира. Но с Лютером все было не так. Он без колебаний причислил Цвингле к тем энтузиастам, против которых он уже сломал столько копий. Он не подумал о том, что если изображения были сняты в Цюрихе, то это было сделано законно и по распоряжению государственных органов. Привыкший к порядкам немецких княжеств, он мало что знал о порядках швейцарских республик; и он нападал на серьезных богословов Гельветии так же, как он нападал на мюнцеров и Карлштадтов.

После публикации Лютером своего *Трактата против Небесных пророков*, Цвингле больше не колебался и почти в то же время представил миру свое *Письмо Альберту* и свой *Комментарий об истинной и ложной религии*, посвященный Франциску I. В последнем он сказал: "Поскольку Христос в шестой главе Святого Иоанна приписывает вере силу дарования вечной жизни и соединения верующего с Ним в самом тесном союзе, в чем еще мы нуждаемся? Почему Он

впоследствии приписал эту добродетель Своей плоти, в то время как сам заявляет, что Его плоть ничего не приносит пользы? Плоть Христова, поскольку она претерпела смерть за нас, имеет неисчислимую пользу, ибо спасает нас от гибели; поскольку мы ее употребляем в пищу, от нее нет никакой пользы".

Началась борьба. Померанус, друг Лютера, вмешался в конфликт и слишком пренебрежительно напал на цюрихского евангелиста. Затем Колампадий начал краснеть из-за того, что так долго боролся со своими сомнениями и проповедовал доктрины, которые уже начали колебаться в его сознании. Он набрался смелости и написал из Базеля Цвингле: "Догма о реальном присутствии - это крепость и защита их нечестия. Пока они хранят этого идола, никто не сможет победить их". Затем он попал в списки, опубликовав книгу о значении слов нашего Господа: *Сие есть тело мое*. [624]

ШВАБСКАЯ СИНГРАММА.

Сам факт того, что Колампадий присоединился к цюрихским реформаторам, произвел огромную сенсацию не только в Базеле, но и во всей Германии. Это глубоко тронуло Лютера. Бренц, Шнепфф и двенадцать других пасторов Швабии, которым Николай посвятил свою книгу и большинство из которых были его учениками, испытали самую острую скорбь. "В этот самый момент, когда я расстаюсь с ним по правому делу, - сказал Бренц, берясь за ручку, чтобы ответить ему, - я уважаю его и восхищаюсь им настолько, насколько это возможно для человека. Узы любви между нами не разорваны, потому что мы не придерживаемся единого мнения". Затем он совместно со своими друзьями опубликовал знаменитую *Швабскую синграмму*, в которой он ответил Николампадию твердо, но с милосердием и уважением. "Если император, - говорили авторы, - дает жезл судье, говоря: "Возьми; это сила судить", то жезл, без сомнения, является простым знаком; но если добавить эти слова, у судьи есть не только символ, но и сама власть". Истинные члены реформатских церквей могут согласиться с этим примером. *Синграмма* была встречена одобрительными возгласами; на ее авторов смотрели как на поборников истины; многие богословы и даже миряне, желая разделить их славу, начали защищать доктрину, подвергшуюся нападкам, и обрушились на Колампадия.

Затем Страсбург выступил посредником между Швейцарией и Германией. Капито и Буцер были сторонниками мира, и обсуждаемый вопрос, по их мнению, имел второстепенное значение; поэтому они встали между двумя партиями, послали одного из своих коллег, Джорджа Касселя, к Лютеру и заклинали его остерегаться разрыва уз братства, которые соединяли его со швейцарскими богословами.

ХАРАКТЕР ЛЮТЕРА —ПОСЛЕДСТВИЯ.

Нигде характер Лютера не проявился так ярко, как в этом споре о Вечере Господней. Никогда еще так ясно не проявлялась та твердость, с которой он цеплялся за убеждения, которые считал христианскими, его верность в том, что он не искал никакого другого основания, кроме Священного Писания, проницательность его защиты, его живое красноречие и часто ошеломляющая сила аргументации. Но никогда еще так ясно не проявлялось упрямство, с которым он придерживался своего собственного мнения, то малое внимание, которое он уделял доводам своих оппонентов, и та немилосердная поспешность, с которой он приписывал их

ошибки порочности их сердец или козням дьявола. "Кто—то из нас, - сказал он страсбургскому посреднику, - должен быть служителями сатаны - швейцарцы или мы сами".

Это было то, что Капитон назвал "неистовством саксонского Ореста"; и за этим неистовством последовало истощение. Они повлияли на здоровье Лютера; однажды он потерял сознание на руках своей жены и друзей; целую неделю он находился как бы в "смерти и аду". [625]— "Он потерял Иисуса Христа, - сказал он, - и его швыряло туда-сюда бурями отчаяния. Мир уходил, и чудеса возвещали, что последний день близок".

Но разногласиям среди друзей Реформации было суждено иметь еще более роковые последствия. Римские богословы ликовали, особенно в Швейцарии, оттого, что смогли противопоставить Лютера Цвингле. И все же, если по прошествии трех столетий воспоминание об этих разделах донесет до евангельских христиан драгоценные плоды единства в разнообразии и милосердия в свободе, они не будут напрасными. Даже тогда реформаторы, выступая друг против друга, показали, что ими не руководила слепая ненависть к Риму и что истина была главным объектом их поисков. В этом мы должны признать, что есть нечто великодушное; и столь бескорыстное поведение не преминуло принести плоды и вызвать чувство интереса и уважения даже у врагов.

РАЗНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ.

И более того, здесь мы можем снова распознать ту суверенную руку, которая управляет всеми вещами и ничего не допускает без самого мудрого замысла. Лютер, несмотря на свою оппозицию папству, был в значительной степени консерватором. Цвингле, напротив, был склонен к радикальным реформам. Эти две противоположные тенденции были необходимы. Если бы Лютер и его друзья остались в одиночестве во время Реформации, работа была бы остановлена слишком рано, и принцип реформирования не выполнил бы поставленную перед ним задачу. Если бы, напротив, существовал только Цвингль, нить была бы слишком резко оборвана, и Реформация оказалась бы изолированной от предшествующих эпох.

Этим двум тенденциям, которые поверхностному наблюдателю могли показаться существовавшими только для борьбы друг с другом, было суждено дополнить друг друга; и по прошествии трех столетий мы можем сказать, что они выполнили свою миссию.

ГЛАВА XII.

Токенбург—Народное собрание—Реформация—Граубюндоны—Диспут в Иланце—
Результаты—Реформация в Цюрихе.

Таким образом, Реформации приходилось бороться за сохранение во всех кругах, и после борьбы с рационалистической философией Эразма и фанатизмом некоторых анабаптистов, [626] ей все еще предстояла внутренняя война. Но его главный конфликт всегда был с папством; и наступление, начатое в городах равнины, теперь продолжалось среди самых отдаленных гор.

Горы Токенбурга слышали звуки Евангелия, и трое священнослужителей были там преследуемы по приказу епископа как склонные к ереси. "Убедите нас Словом Божьим, - сказали Милитус, Дюринг и Фарер, - и мы подчинимся не только ордену, но даже наименьшему

из наших братьев во Христе; в противном случае мы не будем повиноваться никому, даже самым могущественным среди людей". [627]

ВСТРЕЧА В ТОКЕНБУРГЕ.

Таков был истинный дух Цвингле и Реформации. Вскоре после этого произошло обстоятельство, воспламенившее умы жителей этих возвышенных долин. В день Святой Екатерины состоялось народное собрание; горожане были в сборе, и двое мужчин из Швица, приехавших в Токенбург по делам, сели за один из столов; они вступили в беседу. "Ульрих Цвингле, - сказал один из них, - еретик и грабитель!" Государственный секретарь Штайгер взял на себя защиту Цвингле. Их шум привлек внимание всего собрания. Георг Брюггманн, дядя Цвингле, сидевший за соседним столиком, сердито вскочил со своего места, воскликнув: "Конечно, они говорят о мастере Ульрихе!" Все гости встали и последовали за ним, опасаясь драки. [628] Поскольку беспорядки продолжали нарастать, судебный пристав поспешно собрал совет на улице и попросил Бруггманна, ради мира, удовольствоваться тем, что сказать этим людям: "Если вы не откажетесь от своих слов, это вы виновны во лжи и воровстве". — "Вспомните, что вы только что сказали", - ответили люди из полиции. Швиц: "будьте уверены, мы их запомним". Затем они сели на лошадей и галопом поскакали по дороге в Швиц. [629]

Затем правительство Швица направило жителям Токенбурга письмо с угрозами, которое посеяло среди них смятение. "Будьте смелыми и бесстрашными", - [630] написал Цвингле совету своего родного города. "Не обращайтесь внимания на ложь, которую они произносят против меня! Любой скандалист может назвать меня еретиком; но воздерживайтесь от оскорблений, беспорядков, разврата и корыстных войн; помогайте бедным, защищайте угнетенных, и какие бы оскорбления ни обрушивались на вас, сохраняйте непоколебимую уверенность во Всемогущем Боге". [631]

Увещевания Цвингле произвели желаемый эффект. Совет все еще колебался, но люди, собравшись в своих приходах, единогласно постановили, что мессу следует отменить и что они будут верны Слову Божьему. [632]

ГРАУБЮНДОНЫ—ДИСКУССИИ В ИЛАНЦЕ.

Завоевания были не менее важны и в Реции, которую Саландроний был вынужден покинуть, но где Командор смело провозглашал Евангелие. Энтузиасты, действительно, проповедуя свои фанатичные доктрины в Граубюндене, поначалу причинили большой вред Реформации. Люди разделились на три партии. Некоторые приняли взгляды этих новых пророков; другие, изумленные и сбитые с толку, с тревогой смотрели на этот раскол; и, наконец, сторонники Рима громко выражали свое ликование. [633]

В Иланце, в серой лиге, состоялось собрание для публичного диспута; сторонники папства, с одной стороны, и друзья Реформации - с другой, собрали свои силы. Викарий епископа сначала искал способ уклониться от боя. "Эти споры приводят к большим расходам, - сказал он. - я готов выложить десять тысяч флоринов, чтобы удовлетворить их; но я требую, чтобы противоположная сторона сделала столько же". — "Если в распоряжении епископа есть десять тысяч флоринов, — раздался грубый голос крестьянина из толпы, - то он выжал их из нас; давать еще столько же этим бедным священникам было бы слишком плохо". - "Мы бедные люди с пустыми кошельками, - сказал Командер, пастор из Койре. - У нас едва ли есть средства купить

еду: где же тогда мы можем найти десять тысяч флоринов?" [634] Все посмеялись над этим решением, и дело продолжилось.

БИБЛИИ —ТЕЗИС.

Среди зрителей были Себастьян Хофмайстер и Джеймс Амман из Цюриха; они держали в руках Святую Библию на греческом и иврите. Викарий епископа пожелал, чтобы все посторонние были исключены. Хофмайстер понял, что это было направлено против него. "Мы пришли с Библией на греческом и иврите, - сказал он, - чтобы не допустить какого-либо насилия над Священным Писанием. И все же, чем препятствовать конференции, мы готовы уйти". — "Ах! - воскликнул священник из Динтцена, глядя на книги цюрихцев. - "Если бы греческий и древнееврейский языки никогда не проникали в нашу страну, ересей было бы меньше!" [635] — "Святой Иероним, — сказал другой, — перевел для нас Библию; нам не нужны книги евреев!" - "Если цюрихцев выгонят, - сказал баннерет Иланца, - коммуна вмешается". - "Что ж, - ответили другие, - пусть они слушают, но молчат". . " Соответственно, цюрихцы остались, и их Библия была с ними.

После этого Командер встал и зачитал первый из опубликованных им тезисов; он гласил: "Христианская церковь рождена из Слова Божьего; она должна соблюдать это Слово и не слушать никакого другого голоса". Затем он доказал то, что выдвинул, многочисленными отрывками из Священного Писания. "Он ступал твердой поступью", - сказал очевидец, [636] "каждый раз ставя ногу с твердостью быка". — "Всего этого слишком много", — сказал викарий. - "Когда он сидит за столом со своими друзьями и слушает the pipers, - сказал Хофмайстер, - ему это не кажется слишком долгим". [637]

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ—ТАИНСТВА—РЕЗУЛЬТАТЫ.

Затем из середины толпы поднялся человек и двинулся вперед, размахивая руками, нахмутив брови, моргая глазами, [638] и который, казалось, потерял рассудок; он бросился к реформатору, и многие подумали, что он собирается ударить его. Он был школьным учителем в Койре. "Я поручил записать несколько вопросов, — сказал он Командеру. - Отвечайте на них немедленно". - "Я здесь, - сказал реформатор из Граубюндон, - чтобы защищать свое учение: нападайте на него, и я буду защищать его; или же возвращайтесь на свое место. Я отвечу вам, когда закончу. Учитель на мгновение замер в нерешительности. "Очень хорошо", - сказал он наконец и вернулся на свое место.

Было предложено перейти к учению о таинствах. Настоятель церкви Святого Луки заявил, что не может подходить к подобному предмету без благоговения, и перепуганный викарий в тревоге осенил себя крестным знамением.

Школьный учитель из Койре, который уже предпринял одну попытку напасть на Командера, начал с большой словоохотливостью приводить доводы в пользу доктрины причастия в соответствии с текстом: "Это есть мое тело". — "Мой дорогой Берре, — сказал Командер, — как вы понимаете эти слова, Джон - это Элиас?" - "Я понимаю, - ответил Берре, который понял, к чему клонил Командер, - что он был действительно и по сути Элиасом". - "Почему же тогда, - продолжал Командер, - сам Иоанн Креститель?" сказать фарисеям, что он не был Илией?" Учитель молчал; наконец он ответил: "Это правда". Все начали смеяться, даже те, кто уговаривал его заговорить.

Настоятель монастыря Святого Луки произнес длинную речь о евхаристии, которая закрыла конференцию. Семь священников приняли евангельское учение; была провозглашена полная религиозная свобода, и римское богослужение было отменено в нескольких церквях. "Христос, - выражаясь языком Саландрониуса, - рос повсюду в этих горах, как нежная весенняя трава; и пастыри были подобны живым фонтанам, орошавшим эти высокие долины". [639]

В Цюрихе Реформа продвинулась еще более быстрыми шагами. Доминиканцы, августинцы, капуцины, так долго враждовавшие, были доведены до необходимости жить вместе; предвкушение ада для этих бедных монахов. На месте этих развращенных учреждений были основаны школы, больница, теологический колледж: ученость и благотворительность повсюду вытесняли леность и эгоизм.

ГЛАВА XIII.

Олигархи—Бернский мандат 1526 года в пользу папства—Дискуссия в Бадене—Правила дискуссии—Богатство и бедность—Экк и СЕСolampadius—Дискуссия—Участие Цвингле в дискуссии—Хвалебные высказывания романистов—Оскорбительный язык монаха—Завершение диспута.

ОЛИГАРХИ—ДЕПУТАЦИЯ В БЕРН.

Эти победы Реформации не могли остаться незамеченными. Монахи, священники и прелаты, пребывая в смятении, чувствовали, что почва повсюду ускользает у них из-под ног и что Римская церковь находится на грани гибели из-за беспрецедентных опасностей. Кантоновые олигархи, сторонники иностранных пенсий и капитуляций, увидели, что они не могут больше медлить, если хотят сохранить свои привилегии; и в тот самый момент, когда Церковь была напугана и начала тонуть, они протянули свои закованные в кольчуги руки, чтобы спасти ее. Некий Штейн и некий Джон Хаг из Люцерна объединились с неким Джоном Фабером; и гражданские власти поспешили на поддержку той иерархической власти, которая открывает свои уста для богохульства и ведет войну со святыми. [640]

Их первые усилия были направлены против Берна. Семь римско-католических кантонов в сговоре с бернскими олигархами направили в этот город депутацию, которая подала свои жалобы в городской совет в понедельник 1526 года. "В Церкви разрушен всякий порядок, - сказал шультесс (главный магистрат) Люцерна, - Бог поносится, таинства, Божья мать и святые презираются, а неминуемые и ужасные бедствия угрожают распустить нашу достойную похвалы конфедерацию". В то же время бернские сторонники Рима, действуя в согласии с Лесными кантонами, вызвали в Берн депутатов страны, выбранных из тех, кто был предан папству. У некоторых из них хватило смелости высказаться в пользу Евангелия. Заседание было бурным. "Берн должен отказаться от евангельской веры и идти с нами", - заявили жители Лесных кантонов. Бернские соборы постановили, что они будут поддерживать "древнюю христианскую веру, святые таинства, богоматерь, святых и украшения церквей". [641] Таким образом, Рим восторжествовал, и мандат 1526 года был близок к аннулированию мандата 1523 года. Фактически, все женатые священники, родившиеся не в кантоне, были вынуждены покинуть его; они изгнали со своих границ всех, кого подозревали в лютеранстве; они

осуществляли бдительную цензуру в отношении каждого произведения, продаваемого книготорговцами, и некоторые книги были публично сожжены. Даже Джон Фабер, нагло солгав, публично заявил, что Галлер обязался перед советом снова отслужить мессу и проповедовать римское учение. Было решено воспользоваться столь благоприятной возможностью, чтобы сокрушить новую веру.

ПРЕДЛАГАЕТСЯ ДИСПУТ.

Долгое время общественное мнение требовало обсуждения; это было единственное оставшееся средство успокоить людей. [642] "Убедите нас Священным Писанием, — обратился совет Цюриха к сейму, - и мы выполним ваши пожелания". - "Цюрихцы, - говорилось повсюду, - дали вам обещание; если вы можете убедить их Библией, почему бы не сделать этого? если вы не можете, почему вы не соответствуете Библии?"

Конференции, проведенные в Цюрихе, оказали огромное влияние, и было сочтено необходимым противопоставить им конференцию, проведенную в римском городе, со всеми необходимыми предосторожностями, чтобы обеспечить победу партии папы.

Правда, эти обсуждения были признаны незаконными, но были найдены средства обойти эту трудность. "Это сделано только для того, - сказали они, - чтобы проверить и осудить пагубные доктрины Цвингле". [643] Когда это было решено, они стали искать энергичного защитника, и доктор Эк предложил себя. Он ничего не боялся. "Цвингле, без сомнения, доил коров больше, чем прочитал книг", - сказал он, по словам Хофмайстера. [644]

ОПАСЕНИЯ ЗА ЦВИНГЛЕ.

Большой совет Цюриха выслал доктору Эку охранную грамоту для поездки прямо в Цюрих; но Экк ответил, что будет ждать ответа конфедерации. Затем Цвингле предложил провести диспут в Сен-Галле или Шаффхаузене; но совет, действуя на основании статьи федерального соглашения, которая предусматривала, "что каждое обвиняемое лицо должно быть судимо по месту его жительства", приказал Цвингле отозвать свое предложение.

Наконец сейм постановил, что конференция должна состояться в Бадене 16 мая 1526 года. Эта встреча обещала быть важной, ибо она была результатом и печатью союза, который только что был заключен между духовенством и олигархами конфедерации. "Посмотрите, - сказал Цвингле Вадьяну, - на что теперь отваживаются Фабер и олигархи". [645]

Соответственно, решение сейма произвело большую сенсацию в Швейцарии. Не вызывало сомнений, что конференция, проведенная под такой эгидой, будет благоприятствовать Реформации. Разве пять кантонов не являются самыми преданными верховному папе в Бадене, сказали цюрихцы? Разве они уже не объявили доктрину Цвингле еретической и преследовали ее огнем и мечом? Разве чучело Цвингле не было сожжено в Люцерне со всеми признаками позора? Разве во Фрибурге не были преданы огню его труды? Разве повсюду не призывают к его смерти? Разве кантоны, пользующиеся суверенными правами в Бадене, не заявили, что, в какой бы части их территории ни появился Цвингле, он должен быть задержан? [646] Разве Уберлингер, один из их руководителей, не говорил, что единственное, чего он желает в мире, - это повесить Цвингле, хотя его следовало бы называть палачом до конца его дней? [647] И разве сам доктор Экк на протяжении многих лет не кричал, что еретиков следует атаковать огнем и

мечом? Чем же тогда закончится эта конференция? какой еще результат она может иметь, кроме смерти реформатора?

МУЧЕНИКИ ЛИНДАУ И ФРИБУРГА.

Таковы были опасения, которые волновали комиссию, назначенную в Цюрихе для расследования этого дела. Цвингле, очевидец их волнения, встал и сказал: "Вы знаете, что случилось в Бадене с доблестными людьми Штаммхайма и как кровь виртов окрасила эшафот и они вызывают нас на само место их казни!..... Пусть для конференции будут выбраны Цюрих, Берн, Сен-Галль или даже Базель, Констанц и Шаффхаузен; пусть будет решено обсуждать только существенные моменты, не используя ничего, кроме Слова Божьего; пусть не будет судьи. сядь над ним, и тогда я буду готов появиться". [648]

Между тем фанатизм уже бушевал и расправлялся со своими жертвами. Консистерия, возглавляемая тем же Фабером, который бросил вызов Цвингле, 10 мая 1526 года, примерно за неделю до дискуссии в Бадене, приговорила к сожжению как еретика евангелического священника по имени Джон Хюгель, пастор Линдау, [649], который шел к месту казни, распевая *Te Deum*. В то же время другой священник, Питер Шпенглер, был утоплен во Фрибурге по приказу констанцкого епископа.

Зловещие слухи доходили до Цвингле со всех сторон. Его шурин, Леонард Тремп, написал ему изерна: "Я умоляю вас, поскольку вы дорожите своей жизнью, не возвращаться в Баден. Я знаю, что они не будут соблюдать ваши правила безопасности". [650]

Утверждалось, что был составлен план схватить его, заткнуть ему рот кляпом, бросить в лодку и увезти в какое-нибудь тайное место. [651] Учитывая эти угрозы и преследования, совет Цюриха постановил, что Цвингле не следует ехать в Баден. [652]

СЕКОЛАМПАДИЙ—ПРАВИЛА.

Поскольку обсуждение было назначено на 19 мая, участники спора, а также представители кантонов и епископов начали постепенно прибывать. На стороне римско-католиков выступил на первое место воинственный и тщеславный доктор Экк; на стороне протестантов - скромный и кроткий Николампадий. Последний был хорошо осведомлен об опасностях, сопутствующих этой дискуссии. "Он долго колебался, как робкий олень, которого потревожили разъяренные собаки", - говорит старый историк; в конце концов он решил отправиться в Баден, предварительно сделав торжественное заявление: "Я не признаю никакого другого критерия суждения, кроме Слова Божьего". Сначала он искренне желал, чтобы Цвингле разделил с ним опасность; [653] но вскоре он убедился, что, если бы бесстрашный доктор появился в этом фанатичном городе, гнев романистов, разгоревшийся при его виде, привел бы к смерти их обоих.

Они начали с определения регламента конференции. Доктор Экк предложил наделить депутатов Лесных кантонов полномочиями выносить окончательное решение, которое, по правде говоря, предвосхищало осуждение реформированных доктрин. Томас Платер, приехавший из Цюриха для участия в коллоквиуме, был послан Николампадиусом спросить совета у Цвингле. Прибыв ночью, он с трудом был допущен в дом реформатора. "Незадачливый нарушитель спокойствия, - сказал ему Цвингле, протирая глаза. - Шесть недель я не ложился спать из-за этого разговора. [654].....Какие у вас новости? Платер изложил требования Эка. "И

кто может объяснить этим крестьянам такие вещи?" "им было бы гораздо удобнее доить своих коров", - ответил Цвингле. [655]

ЭК И СЕ КОЛАМПАДИЙ.

21 мая открылась конференция. Экк и Фабер в сопровождении прелатов, магистратов и врачей, облаченных в одежды из дамаста и шелка и украшенных кольцами, цепями и крестами, [656] направились в церковь. Эк надменно взошел на великолепно украшенную кафедру, в то время как скромный Колампадий, бедно одетый, был вынужден занять место перед своим оппонентом на грубо вырезанном табурете. "Все время, пока длилась конференция, - рассказывает хронист Буллингер, - Экк и его друзья проживали в доме баденского священника, жили роскошно, весело и скандально и пили много вина, которым их угощал аббат Веттингена. [657] Эк принимал ванны в Бадене (так говорили) but.....in вино. Евангелисты, напротив, имели жалкий вид, и люди смеялись над ними, как над сборищем нищенствующих. Их образ жизни резко отличался от образа жизни папских защитников. Хозяин "Щуки", гостиницы, в которой остановился Колампадий, из любопытства узнав, что последний делал в своей комнате, сообщил, что каждый раз, когда он заглядывал туда, он заставлял его читающим или молящимся. Следует признаться (сказал он), что он очень набожный еретик".

Диспут длился восемнадцать дней, и в течение всего этого времени духовенство ежедневно совершало торжественную процессию, распевая ектении, чтобы обеспечить победу. Один только Эк выступил в защиту римских доктрин. Он по-прежнему был чемпионом в лейпцигском диспуте, с тем же немецким акцентом, широкоплечий и с сильными легкими, превосходный городской глашатай и внешне больше походил на мясника, чем на теолога. По своему обычаю, он спорил с большой яростью, стараясь разозлить своих противников сарказмом и время от времени произнося ругательства. [658] Но президент так и не призвал его к порядку.

Эк топает ногами и молотит руками,
он бушует, он клянется и он бранится;
Чему бы ни учили папа и кардиналы,
он заявляет, что придерживается веры. [659]

ОБСУЖДЕНИЕ — ДОЛЯ ЦВИНГЛА.

Напротив, Колампадий, с его спокойными чертами лица, благородным и патриархальным видом, говорил с такой кротостью и в то же время с таким мужеством и способностями, что даже его противники, растроганные и впечатленные, говорили друг другу: "О! что высокий желтоватый мужчина был на нашей стороне. [660]..... Однако временами он был тронут, когда видел ненависть и жестокость своих слушателей: "С каким нетерпением они слушают меня!" - сказал он; "но Бог не оставит Своей славы, и это все, чего мы ищем". [661]

Се Колампадиус оспорил первый тезис доктора Экка о реальном присутствии, а Галлер, приехавший в Баден после открытия конференции, выступил против второго. Но непривычный к подобным совещаниям, робкий по характеру, связанный приказами своего правительства и смущенный внешностью своего сторонника Гаспара де Маллинеа, ярого врага Реформации, Галлер не обладал надменной уверенностью своего оппонента; но у него было больше реальной силы. Когда Галлер закончил, СеКолампадий вернулся к бою и прижал Экка так близко, что последний был вынужден отступить к обычаям Церкви. "Обычай, - ответил Колампадий, - не

имеет силы в нашей Швейцарии, если только он не соответствует конституции; теперь, в вопросах веры, Библия - наша конституция".

Последовательно обсуждались третий тезис о призывании святых, четвертый - об изображениях, пятый - о чистилище. Никто не поднялся, чтобы оспорить истинность двух последних, которые касались первородного греха и крещения.

Цвингле принимал активное участие во всей дискуссии. Римская партия, которая назначила четырех секретарей, запретила всем остальным лицам делать записи под страхом смерти. [662] Но Джером Уолш, студент из Вале, обладавший превосходной памятью, запечатлел в уме все, что услышал, и, вернувшись домой, поспешил записать это. Томас Платор и Циммерман из Винтертура каждый день приносили эти записки в Цвингле вместе с письмами от Николампадия и привозили ответы реформатора. У всех ворот Бадена были выставлены вооруженные алебардами солдаты, и только под разными предложениями эти два гонца избежали расспросов часовых, которые не могли понять, почему они так часто снуют туда-сюда. [663] Таким образом, Цвингле, хотя и отсутствовал в Бадене физически, присутствовал духом.

Он давал советы и укреплял своих друзей и опровергал своих противников. "Цвингле, - сказал Освальд Микониус, - своими размышлениями, бессонными ночами и советами, которые он передал Бадену, добился большего, чем если бы обсуждал это лично среди своих врагов". [664]

РИМСКОЕ ХВАСТОВСТВО — НАДРУГАТЕЛЬСТВО Над МОНАХОМ.

В течение всей конференции римско-католики были в смятении, рассылали письма во все стороны и громко хвастались своей победой. "Колампадий, - восклицали они, - побежденный доктором Эком и распростертый на ристалище, отрекся от престола; [665] власть папы будет повсюду восстановлена". [666] Эти заявления были распространены по кантонам, и люди, склонные верить всему, что они слышат, отдавали должное всем похвалам римских партизан.

КОНЕЦ ДИСКУССИИ.

Когда спор был окончен, монах Мурнер из Люцерна по прозвищу "кот" выступил вперед и зачитал сорок обвинений против Цвингле. "Я думал, - сказал он, - что этот трус придет и ответит им; но он не появился. Что ж, тогда по всем законам, как человеческим, так и божественным, я сорок раз заявляю, что цюрихский тиран и все его сторонники являются предателями, лжецами, клятвопреступниками, прелюбодеями, неверными, грабителями, святотатцами, висельниками и тому подобными, что каждый честный человек должен краснеть при любых сношениях с ними". Таково было оскорбление, которое в то время было удостоено названия "христианский спор" со стороны докторов, от которых римская церковь должна была бы сама отречься.

В Бадене царило сильное возбуждение; общее впечатление было такое, что римские чемпионы говорили громче всех, но аргументировали слабее всех. [667] Только СеКолампадий и десять его друзей проголосовали против тезисов Экка; в то время как семьдесят человек, включая председателей дебатов и всех монахов Виттингена, приняли их. Халлер покинул Баден еще до окончания конференции.

Тогда большинство членов сейма постановило, что, поскольку Цвингле, глава этой пагубной доктрины, отказался явиться, а прибывшие в Баден министры сопротивлялись всякому осуждению, они все вместе были изгнаны из лона католической церкви. [668]

ГЛАВА XIV.

Последствия в Базеле, Берне, Сен—Галле и других местах—Сейм в Цюрихе—Маленькие кантоны—Угрозы в адрес Берна-Иностранная поддержка.

ПОСЛЕДСТВИЯ В БАЗЕЛЕ И БЕРНЕ.

Но этой знаменитой конференции, благодаря усердию олигархов и духовенства, было суждено стать фатальной для обоих. Те, кто боролся за Евангелие, по возвращении домой должны были наполнить своих соотечественников энтузиазмом по отношению к делу, которое они защищали, и с этого момента два самых важных кантона гельветического союза, Берн и Базель, должны были начать свое отделение от папства.

Первые удары должны были обрушиться на Колампадиуса, чужака в Швейцарии; и он вернулся в Базель не без опаски. Но его беспокойство вскоре рассеялось. Мягкость его речи поразила всех беспристрастных свидетелей, гораздо больше, чем крики доктора Экка, и все благочестивые люди встретили его одобрительными возгласами. Противники, по правде говоря, прилагали все усилия, чтобы согнать его с кафедры, но тщетно; он учил и проповедовал с большей энергией, чем раньше, и люди никогда еще не проявляли такой жажды Слова. [669]

Аналогичные результаты последовали и в Берне. Конференция в Бадене, призванная сокрушить Реформацию, придала ей новый импульс в этом кантоне, самом могущественном из всех швейцарских союзов. Не успел Галлер прибыть в столицу, как Малый Совет вызвал его к себе и приказал отслужить мессу. Галлер потребовал разрешения выступить с ответом перед Великим Советом, и люди, считая своим долгом защитить своего пастора, поспешили на место. Галлер в тревоге заявил, что скорее уедет из города, чем станет причиной каких-либо беспорядков. После этого спокойствие было восстановлено: "Если от меня потребуется совершить эту церемонию, - сказал реформатор, - я должен сложить с себя полномочия; честь Бога и истинность его Святого Слова мне дороже, чем любая забота о том, что я буду есть или во что буду одет". Халлер произнес эти слова с чувством; члены совета были тронуты; даже некоторые из его оппонентов расплакались. [670] Еще раз было обнаружено, что умеренность сильнее власти. Чтобы в какой-то степени удовлетворить Рим, Галлер был лишен своего канонического звания, но назначен проповедником. Его самые ярые враги, Льюис и Энтони Дизбах, а также Энтони д'Эрлах, разгневанные этим решением, немедленно покинули совет и город и отказались от своего гражданства. "Берн споткнулся, - сказал Галлер, - но снова поднялся с большей силой, чем когда-либо". Эта твердость бернцев произвела глубокое впечатление на Швейцарию. [671]

ЛИКОВАНИЕ ЦВИНГЛЯ.

Но результаты конференции в Бадене не ограничились Базелем и Берном. В то время как эти события происходили в этих могущественных городах, движение, более или менее похожее, происходило в нескольких других штатах конфедерации. Проповедники Санкт-Галла, вернувшись из Бадена, провозгласили Евангелие; [672] изображения были изъяты из приходской церкви Святого Лаврентия после конференции, а жители продали свои дорогие одежды, драгоценности, кольца и золотые цепочки в благотворительные организации.

Реформация грабила, но для того, чтобы одеть бедных; и добычей были сами реформированные. [673]

В Мюльхаузене Евангелие проповедовалось с новой смелостью; "Турговия" и "Рейнтал дейли" все больше и больше приближались к Цюриху. Сразу же после диспута Цурцах убрал изображения из своих церквей, и почти весь баденский район получил Евангелие.

Ничто не могло лучше показать, какая партия на самом деле одержала победу; и поэтому Цвингле, оглядываясь вокруг, воздавал славу Богу. "На нас нападали многими способами, - сказал он, - но Господь выше не только их угроз, но и самих войн. В городе и кантоне Цюрих существует замечательное согласие в пользу Евангелия. Мы преодолеем все трудности молитвами, возносимыми с верой". [674] И вскоре после этого, обращаясь к Халлеру, Цвингле сказал: "Все здесь, внизу, идет своим чередом. За резким северным ветром следует легкий бриз. После палящего летнего зноя осень изливает свои сокровища. И теперь, после суровых состязаний, Создатель всего сущего, которому мы служим, открыл нам путь в лагерь наших противников. Наконец-то мы можем приветствовать среди нас христианское учение, которое голубка так долго отвергала и которое не переставало ожидать часа своего возвращения. Будь ты тем Ноем, который примет и спасет ее".

В том же году Цюрих совершил важное приобретение. Конрад Пелликан, настоятель францисканцев в Базеле, профессор богословия в возрасте двадцати четырех лет, был приглашен усилиями Цвингле на должность профессора иврита в Цюрихе. "Я уже давно отрекся от папы римского, - сказал он по прибытии, - и желал жить для Иисуса Христа". [675] Пелликан, благодаря своим критическим талантам, стал одним из самых полезных работников в работе Реформации.

СЕЙМ В ЦЮРИХЕ — МАЛЫЕ КАНТОНЫ.

Цюрих, все еще исключенный из сейма римскими кантонами, желая воспользоваться более благоприятным расположением, проявленным некоторыми конфедератами, созвал в начале 1527 года сейм, который должен был состояться в самом Цюрихе. На нем присутствовали депутаты Берна, Базеля, Шаффхаузена, Аппенцелля и Сен-Галля. "Мы желаем, - заявили депутаты Цюриха, - чтобы Слово Божье, которое ведет нас исключительно к распятому Христу, было единственным, что проповедуется, чему учат и что возвышают. Мы отказываемся от всех человеческих доктрин, какими бы ни были обычаи наших предков; будучи уверены, что если бы они обладали этим светом Божественного Слова, которым наслаждаемся мы, они восприняли бы его с большим почтением, чем мы, их слабые потомки". [676] Присутствующие депутаты пообещали принять во внимание представления Цюриха.

КОНСЕРВАТИВНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ.

Таким образом, брешь в стенах Рима с каждым днем расширялась. Дискуссия в Бадене была направлена на то, чтобы исправить это; и с того времени, напротив, колеблющиеся кантоны, казалось, были готовы идти на поводу у Цюриха. Жители равнин уже склонялись к Реформации; она уже окружала горы; уже вторгалась в них, и примитивные кантоны, которые были как колыбель, так и до сих пор остаются цитаделью Швейцарии, запертые в своих высокогорных Альпах, казалось, единственные твердо придерживались учения своих прародителей. Эти горцы, постоянно подвергающиеся сильным штормам, сходам лавин, разливающимся потокам и рекам, вынуждены всю свою жизнь бороться с этими грозными врагами и жертвовать всем,

чтобы сохранить луг, на котором пасутся их стада, и хижину, где они укрываются от штормов и которую сносит первым же наводнением. Соответственно, в них сильно развито консервативное начало, которое передается из века в век, из поколения в поколение. Сохранение того, что они получили от своих отцов, составляет всю мудрость этих гор. Эти грубые гельветы боролись тогда против Реформации, целью которой было изменение их веры и вероисповедания, как они борются и по сей день против потоков, которые с грохотом низвергаются с их заснеженных вершин, или против новых политических идей, которые утвердились у самых их дверей в окружающих кантонах. Они будут последними, кто сложит оружие перед этой двоякой силой, которая уже поднимает свои знамена на всех холмах вокруг и угрожает этим консервативным районам ежедневно и все чаще.

Соответственно, в тот период, который я описываю, эти кантоны, еще более раздраженные против Берна, чем против Цюриха, и дрожащие от страха, что это могущественное государство покинет их, собрали своих депутатов в самом Берне через неделю после конференции в Цюрихе. Они призвали собор низложить новых учителей, преследовать их доктрины и поддерживать древнюю и истинную христианскую веру, подтвержденную прошлыми веками и исповедуемую мучениками. "Созовите всех бейливиков кантона, - добавили они. - если вы откажетесь, мы возьмем это на себя". Бернцы раздраженно ответили: "У нас самих достаточно власти, чтобы говорить с теми, кто находится под нашей юрисдикцией".

Этот ответ только усилил гнев Лесных кантонов, и эти кантоны, которые были колыбелью политической свободы Швейцарии, встревоженные прогрессом религиозной свободы, начали искать союзников даже извне, чтобы уничтожить ее. Для борьбы с врагами иностранной службы разумно было бы прибегнуть к этой иностранной службе; и если швейцарской олигархии одной было недостаточно, разве не естественно было бы обратиться к князьям, их союзникам? Фактически Австрия, которая сочла невозможным сохранить свою собственную власть в конфедерации, была готова вмешаться, чтобы укрепить власть Рима. Берн с тревогой узнал, что Фердинанд, брат Карла V. Готовился против Цюриха и всех тех, кто придерживался Реформации. [\[677\]](#)

КРИТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ.

Обстоятельства становились все более критическими. Черода событий, более или менее прискорбных, эксцессы фанатиков, споры с Лютером о Евхаристии и другие, по-видимому, серьезно скомпрометировали Реформацию в Швейцарии. Дискуссия в Бадене обманула надежды папской партии, и меч, которым они размахивали против своих противников, сломался в их руках; но это только усилило их досаду и гнев, и они готовились к новому усилию. Уже сама императорская власть пришла в движение; и австрийские отряды, разбитые в ущельях Моргартена и на высотах Семпах, были готовы вступить в Швейцарию с развевающимися знаменами, чтобы восстановить пошатнувшееся могущество Рима. Момент был критический; больше невозможно было колебаться между двумя мнениями и не быть ни "мутным, ни ясным". Берну и другим кантонам, которые долго колебались, теперь предстояло прийти к решению. Они должны либо немедленно вернуться к папству, либо с новым мужеством встать под знамена Христа.

Француз с гор Дофини по имени Уильям Фарель в это время дал мощный импульс Швейцарии, положил начало Реформации римской Гельвеции, все еще погруженной в глубокий сон, и таким образом склонил чашу весов во всей конфедерации в пользу новых доктрин. Фарел прибыл на поле битвы подобно тем свежим войскам, которые, когда исход сражения висит на волоске, бросаются в самую гущу сражения и решают исход победы. Он подготовил дорогу в Швейцарии для другого француза, чья суровая вера и командирский гений должны были положить конец Реформации и довести дело до конца. С помощью этих выдающихся людей Франция приняла участие в том огромном волнении, которое взбудоражило христианское общество. Настало время обратить наши взоры на эту страну.

КНИГА XII.

ФРАНЦУЗЫ. 1500-1526.

ГЛАВА I.

Универсальность христианства—Враги реформы во Франции—Ересь и преследования в Дофини—Загородный особняк—Семья Фарель—Паломничество к Святому Кресту—Безнравственность и суеверия—Уильям желает стать студентом.

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА.

Универсальность - одна из существенных характеристик христианства. С человеческими религиями дело обстоит иначе. Они приспособлены к определенному народу и к достигнутой им степени развития; они удерживают эти народы на месте, или, если в силу каких-либо чрезвычайных обстоятельств люди достигают более полного роста, их религия остается позади и, таким образом, становится для них бесполезной.

Существовали египетская, греческая, латинская и даже еврейская религии; христианство - единственная религия человечества.

Его отправной точкой в человеке является грех; и это характеристика, не свойственная ни одной расе, но являющаяся наследием каждого человека. Следовательно, Евангелие, удовлетворяющее всеобщие и самые возвышенные потребности нашей природы, воспринимается как исходящее от Бога самыми варварскими и самыми цивилизованными нациями. Она не обожествляет национальные особенности, подобно религиям древности, но и не уничтожает их, как это сделал бы современный космополитизм. Это приносит больше пользы; это освящает, облагораживает и поднимает их к святому единству благодаря новому и живому принципу, который оно им сообщает.

Пришествие христианства в мир произвело великую революцию в истории. До тех пор существовала только история наций; теперь есть история человечества; и идея всеобщего образования человеческой расы, осуществленная Иисусом Христом, стала компасом историка, ключом к истории и надеждой народов.

Но христианство оказывает свое влияние не только на все народы, но и на каждый период их истории.

В момент своего появления мир был подобен факелу, который вот-вот погаснет, и христианство вновь зажгло его огнем с небес.

Впоследствии варварские племена, напав на Римскую империю, все разрушили и смешали; и христианство, остановив этот опустошающий поток крестом, покорило им диких детей севера и придало обществу новую форму.

Однако элемент коррупции уже таился в религии, которую отважные миссионеры несли этим варварским племенам. Их вера пришла из Рима почти в той же степени, что и из Библии. Этот элемент вскоре набрал силу; человек повсюду заменил Бога собой — существенная характеристика римской церкви; и обновление религии стало необходимым. Это христианство совершило в эпоху, о которой мы рассказываем.

История Реформации в странах, которые мы до сих пор обследовали, показала нам новую доктрину, отвергающую сумасбродства энтузиастов и новых пророков; но в стране, на которую мы сейчас обращаем наше внимание, неверие — это отшельник, с которым ему приходится сталкиваться. Нигде не звучали более смелые протесты против суеверий и злоупотреблений Церкви; нигде не наблюдалось более поразительного развития определенной любви к знаниям, независимой от христианства, которая часто заканчивается безбожием. Франция носила в своем лоне две реформации одновременно — одну — человеческую, другую — Божью. "Два народа были в ее чреве, и два вида людей должны были быть отделены от ее недр". [678]

ВРАГИ РЕФОРМ ВО ФРАНЦИИ.

Во Франции Реформации пришлось бороться не только с неверностью, но и с суевериями, но был и третий антагонист, с которым она еще не сталкивалась, по крайней мере в такой силе, среди людей немецкого происхождения: это была безнравственность. Скандалы в Церкви были очень велики; разврат восседал на троне Франциска I и Екатерины Медичи; а суровые добродетели реформаторов раздражали этих "Сарданапалов". [679] Несомненно, везде, но особенно во Франции, Реформация была необходима не только доктринально и церковно, но и морально.

Те яростные враги, с которыми Реформация одновременно столкнулась во Франции, придали ей совершенно особый характер. Нигде оно не обитало так часто в подземельях и не было так сильно похоже на первобытное христианство в вере, в милосердии и в количестве своих мучеников. Если в странах, о которых мы до сих пор говорили, Реформация была более славной своими триумфами, то в той, которая сейчас привлекает наше внимание, она была еще более славной своими поражениями. Если в других местах это могло указывать на троны и суверенные советы, то здесь это могло указывать на эшафоты и собрания "на склонах холмов". Тот, кто знает, в чем заключается истинная слава христианства на земле и какие черты его присущи с головой, будет изучать с более живым чувством уважения и любви часто запятнанную кровью историю, которую мы сейчас переходим к изложению.

Большинство людей, впоследствии блиставших на мировой сцене, родились в провинциях, где их умы впервые начали расширяться. Париж — это дерево, радующее глаз множеством цветов и

плодов, но корни которого уходят далеко в недра земли, чтобы черпать оттуда питательные соки, которые они преобразуют. Реформация также следовала этому закону.

Альпам, которые видели, как в каждом кантоне и почти в каждой долине Швейцарии вырастают смелые христиане, было суждено и во Франции покрыть своей удлинившейся тенью детство некоторых из первых реформаторов. Веками они более или менее бережно хранили сокровище в своих высокогорных долинах, среди жителей пьемонтских округов Люцерн, Ангрон и Ла Пейруз. Истина, до которой Рим не мог добраться там, распространилась из этих долин по другую сторону этих гор и вдоль их подножия в Прованс и Дофини.

Через год после восшествия на престол Карла VIII, сына Людовика XI, болезненного и робкого ребенка, Иннокентия VIII. надел папскую тиару (1484). У него было семь или восемь сыновей от разных матерей, и поэтому, согласно эпиграмме того времени, Рим единодушно приветствовал его именем Отца. [680]

ЕРЕСЬ И ГОНЕНИЯ В ДОФИНИ.

В то время на всех склонах Дофинских Альп и по берегам реки Дюранс возрождались старые вальденсовские взгляды. "Корни, - говорит старый хронист, - постоянно пускали новые побеги во всех направлениях". [681] Смелые люди называли Римскую церковь церковью дьяволов и утверждали, что молиться в конюшне так же выгодно, как и в церкви.

Священники, епископы и римские легаты подняли крик тревоги, и в 5-е календы мая (27 апреля) 1487 года Иннокентий VIII, отец римлян, издал буллу против этих смиренных христиан. "К оружию, - сказал понтифик, - и растопчите этих еретиков, как ядовитых змей". [682]

При приближении легата, сопровождаемого восемнадцатитысячной армией и несколькими добровольцами, пожелавшими разделить добычу вальденсов, последние покинули свои дома и укрылись в горах, пещерах и расселинах скал, подобно птицам, улетающим в поисках убежища, когда буря начинает стихать. Ни одна долина, ни лес, ни скала не ускользнули от их преследователей; повсюду в этой части Альп, и особенно на итальянской стороне, на этих бедных учеников Христа охотились, как на хищных зверей. Наконец спутники папы были измотаны; их силы иссякли, их ноги больше не могли взбираться по крутым склонам "еретиков", а руки отказывались наносить удары.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ И СЕМЬЯ ФАРЕЛА.

В этих альпийских районах, тогда охваченных римским фанатизмом, в трех лье от древнего города Гап, [683] в направлении Гренобля, недалеко от цветущего дерна, покрывающего плоскогорье горы Баярд, у подножия Эгюиля и недалеко от перевала Глаиз, по направлению к месту, где берет начало Бузон, стоял и до сих пор стоит группа домов, наполовину скрытых окружающими деревьями, и носит название Фарель, или, на местном диалекте, Фароу. [684] На обширной террасе, возвышающейся над соседними коттеджами, можно увидеть дом того класса, который называется *Gentilhommière*, усадебный дом. Он был окружен фруктовым садом, который вел к деревне. Здесь в эти смутные дни жила благородная семья, признанная благочестивой, известная под именем Фарел. [685] В 1489 году, в том самом году, когда папство применяло самые суровые меры в отношении Дофини, в этом скромном особняке родился сын, получивший имя Уильям. Три брата, Дэниел, Уолтер и Клод, и одна сестра выросли вместе с Уильямом и вместе с ним занимались спортом на берегах Бузона и у подножия Баярда.

Там прошли детство и ранняя юность Уильяма. Его родители были одними из самых преданных слуг папства. "Мои отец и мать верили всему", - рассказывает он нам сам; [686] "и соответственно они воспитывали своих детей во всех обрядах римской набожности".

ПАЛОМНИЧЕСТВО К СВЯТОМУ КРЕСТУ.

Бог наградил Уильяма Фарела редкими качествами, которые позволили ему превзойти своих собратьев. Обладая проницательным умом и живым воображением, искренний и честный, обладая величием души, которое никогда не позволяло ему, несмотря ни на какой риск, предавать убеждения своего сердца, он отличался также пылкостью, огнем, неукротимой отвагой и отважностью, которые никогда не останавливались ни перед каким препятствием. Но в то же время у него были все недостатки, связанные с этими качествами, и его родителям часто приходилось сдерживать его порывистость.

Уильям всей душой погрузился в суеверные привычки своей легковерной семьи. "Я прихожу в ужас, - сказал он, - когда вспоминаю о часах, молитвах и божественных почестях, которые я сам воздавал и заставлял других воздавать кресту и другим подобным вещам". [687]

В четырех лигах к югу от Гэпа, недалеко от Таллара, на холме, возвышающемся над бурным потоком Дюранс, находилось пользующееся большой репутацией место под названием Сент-Круа (святой крест). Уильяму было всего семь или восемь лет, когда его отец и мать решили взять его с собой в паломничество. [688] "Крест в том месте, - сказали они ему, - сделан из того самого дерева, на котором был распят Христос".

Семья отправилась в путь и, наконец, достигла весьма почитаемого креста, перед которым все они пали ниц. Посмотрев некоторое время на священное дерево и медь креста, последний был сделан (как сказал им священник) из чаши, в которой Христос омыл ноги своим апостолам, паломники обратили свои взоры на маленькое распятие, прикрепленное к кресту: "Когда дьяволы посылают на нас град и гром, - продолжал священник, - это распятие движется с такой силой, что кажется, будто оно соскальзывает с креста, как будто желая броситься на дьявола, и продолжает выбрасывать огненные искры против бури; если бы не это, оно было бы разрушено". на земле ничего бы не осталось". [689]

Благочестивые паломники были глубоко тронуты рассказом об этих чудесных явлениях. "Никто, - продолжал священник, - ничего не видит и не знает об этих вещах, кроме меня и этого человека". Паломники повернули головы и увидели стоящего рядом с ними человека странного вида. "На него было страшно смотреть", - сказал Фарел. [690] Белые чешуйки покрывали зрачки его глаз, "были ли они там на самом деле, или сатана только заставил их казаться такими". Этот необыкновенный человек, которого недоверчивые называли "волшебником священника", когда последний обратился к нему, немедленно ответил, что чудо было правдой. [691]

БЕЗНРАВСТВЕННОСТЬ И СУЕВЕРИЯ.

Новый эпизод дополнил картину, смешав подозрения в криминальных беспорядках с этими суевериями. "К ним подошла молодая женщина, настроенная на иное служение, кроме поклонения кресту, неся своего младенца, завернутого в ткань. Затем подошел священник, взял женщину и ребенка на руки и повел их в часовню. Я могу с уверенностью утверждать, что никогда танцор не брал женщину и не выводил ее на улицу с такой любовью, как это делали эти двое. Но такова была наша слепота, что ни их взгляды, ни их жесты, даже когда они вели себя

неподобающим образом перед нами, не казались иначе, как добрыми и святыми. Было ясно, что женщина и мой галантный священник досконально поняли чудо и сделали его прикрытием для своего общения ". [692]

Такова достоверная картина религии и морали во Франции в начале Реформации. Мораль и вера были одинаково отравлены, и обе требовали мощного обновления. Чем большее значение придавалось внешним делам, тем дальше люди удалялись от освящения сердца; мертвые таинства повсюду заменяли христианскую жизнь, и между самым скандальным развратом и самой суеверной набожностью установился странный, но не противоестественный союз. Кража была совершена перед алтарем, соблазнение практиковалось в исповедальне, яд был подмешан к освященным элементам, прелюбодеяние совершено у подножия креста. Суеверие, разрушив веру, разрушило мораль.

УИЛЬЯМ ХОЧЕТ УЧИТЬСЯ.

Однако в средневековом христианстве было множество исключений. Даже суеверная вера могла быть искренней, и примером этого является Уильям Фарел. То же самое рвение, которое впоследствии побудило его путешествовать по стольким разным местам, чтобы распространять знания об Иисусе Христе, в это время привлекало его везде, где Церковь являла чудо или требовала какого-либо поклонения. В Дофини было семь чудес света, которые долгое время поражали воображение людей. [693] Но красоты природы, которые окружали его, также оказали свое влияние на возвышение его души к Творцу.

Величественная цепь Альп, эти вершины, покрытые вечными снегами, — эти огромные скалы, здесь вздымающие свои острые вершины к небесам, там простирающие свои необъятные и зазубренные хребты высоко над облаками, словно остров, подвешенный в воздухе; — все эти чудеса творения, которые в то время возвышали душу Ульриха Цвингле в Токенбурге, вызвали также немой, но сильным языком к сердцу Уильяма Фареля среди гор Дофини. Он жаждал жизни, знаний и света; — он стремился стать кем-то великим; — он просил разрешения учиться.

Это было большим ударом для его отца, который считал, что молодой дворянин не должен знать ничего, кроме четок и меча. В то время слава трубила о доблести молодого соотечественника Уильяма Фареля, такого же дофинца, как и он сам, по имени Дю Террай, но более известного как Байярд, который в битве при Таре, по другую сторону Альп, только что продемонстрировал знаковое мужество. "Такие сыновья, - говорилось, - подобны стрелам в руке сильного человека. Блажен человек, чей колчан полон ими!" Соответственно, отец Фарела выступал против склонности Уильяма к учебе. Но молодого человека было не поколебать. Бог предназначил его для более благородных завоеваний, чем у Баярда. Он настаивал на своих мольбах, и старый джентльмен наконец уступил. [694]

Фарел немедленно принялся за учебу с удивительным рвением. Учителя, которых он нашел в Дофини, мало помогали ему, и ему приходилось бороться с плохими методами и неспособностью своих учителей. [695] Эти трудности возбуждали, а не обескураживали его, и вскоре он преодолел эти препятствия. Его братья последовали его примеру. Впоследствии Дэниел занялся политической карьерой и участвовал в важных переговорах, касающихся религии. [696] Вальтер завоевал полное доверие графа Фюрстенберга.

ФАРЕЛЬ ЕДЕТ В ПАРИЖ.

Фарель, страстно стремившийся к знаниям, изучив все, что можно было приобрести в его провинции, обратил свои взоры в другое место. Слава Парижского университета давно распространилась по христианскому миру. Он желал увидеть "эту мать всего знания, этот истинный светильник Церкви, который никогда не знал затмения, это чистое и отполированное зеркало веры, не затуманенное ни одним облаком и не запятнанное никаким прикосновением". [697] Он получил разрешение своих родителей и отправился в столицу Франции.

ГЛАВА II.

Людовик XII. и Ассамблея Тура—Франциск и Маргарита—Ученые мужи—Лефевр—Его курсы в университете—Встреча Лефевра и Фареля—Колебания и исследования Фареля—Первое пробуждение—Пророчество Лефевра—Учит оправданию верой—Возражения—Беспорядок в колледжах—Влияние на Фареля—Избрание—Освящение жизни.

ЛЮДОВИК XII.—ФРАНЦИСК И МАРГАРИТА.

Однажды в 1510 году, или вскоре после этого, молодой дофинез прибыл в Париж. Провинция сделала из него ярого последователя папства; столица должна была сделать из него нечто совершенно иное. Во Франции Реформации не суждено было выйти, как в Германии, из маленького города. Все движения, волнующие людей, исходят из метрополии. Стечение обстоятельств сделало Париж в начале шестнадцатого века центром, откуда могла легко вырваться искра жизни. Молодому человеку из окрестностей Гэпа, который прибыл туда скромным и невежественным, суждено было получить эту искру в свое сердце, а вместе с ним и многим другим.

Людовик XII, отец своего народа, только что созвал представителей французского духовенства на встречу в Туре. Этот принц, по-видимому, предвосхитил времена Реформации; так что, если бы эта великая революция произошла во время его правления, вся Франция могла бы стать протестантской. Турское собрание объявило, что король обладает правом вести войну с папой и приводить в исполнение постановления Базельского собора. Эти меры были предметом общих разговоров в колледжах, сити и при дворе и, должно быть, произвели глубокое впечатление на молодого Фарела.

В то время при дворе Людовика XII росли двое детей. Одним из них был принц высокого роста, с поразительными чертами лица, который проявлял мало умеренности в своем характере и слепо следовал туда, куда вели его страсти; так что у короля вошло в привычку говорить: "Этот великий мальчик все испортит". [698] Это был Франциск Ангулемский, герцог Валуа, двоюродный брат короля. Однако Буази, его наставник, научил его уважать литературу.

Рядом с Франциском была его сестра Маргарет, старше его на два года, "принцесса, - говорит Брантом, - большого ума и способностей, как природных, так и приобретенных". [699] Соответственно, Людовик не жалел сил на ее образование, и самые образованные люди королевства поспешили признать ее своей покровительницей.

Действительно, этих двух Валуа уже окружала группа выдающихся людей. Уильям Будус, человек, дающий волю своим страстям, любящий охоту, живущий только ради своих ястребов, лошадей и гончих, внезапно, в возрасте двадцати трех лет, остановился, продал свой охотничий

поезд и занялся учебой с тем рвением, которое он раньше проявлял, прочесывая поля и леса со своими собаками; [700] полицейский-врач Фрэнсис Ватабл, чьим знанием иврита восхищались сами евреи; Джеймс Тусан, знаменитый эллинист; и многие другие, поощряемые Стефаном Понше, епископом Парижа, Луи Рузе, лейтенантом гражданской службы, и Франсисом де Люином, и уже находившиеся под защитой двух молодых Валуа, сопротивлялись яростным нападкам Сорбонны, которая рассматривала изучение греческого и иврита как самую смертоносную ересь. В Париже, как и в Германии и Швейцарии, восстановлению здоровой доктрины должно было предшествовать возрождение литературы. Но во Франции рукам, которые таким образом готовили материалы, не суждено было построить это здание.

УЧЕННЫЕ МУЖИ —ЛЕФЕВР.

Среди всех врачей, украшавших тогда столицу, был замечен человек очень маленького роста, невзрачной внешности и скромного происхождения, [701] чей интеллект, ученость и мощное красноречие обладали необъяснимой привлекательностью для всех, кто его слушал. Его звали Лефевр, и он родился около 1455 года в Этапле, деревне в Пикардии. Он получил грубое, или, как называет это Теодор Беза, варварское образование; но его гений восполнил недостаток учителей; и его благочестие, ученость и благородство души засияли еще ярче. Он много путешествовал, и, по-видимому, его желание приобрести знания привело его в Азию и Африку. [702] Еще в 1493 году Лефевр, в то время доктор богословия, был профессором Парижского университета. Он сразу же занял выдающееся положение и, по оценке Эразма, был первым. [703]

ЛЕКЦИИ В УНИВЕРСИТЕТЕ.

Лефевр понял, что ему нужно выполнить задание. Хотя он был привержен практике Римской церкви, он решил напасть на варварство, царившее тогда в университете; [704] он начал преподавать различные разделы философии с доселе неизвестной ясностью. Он пытался возродить изучение языков и изучал древность. Он пошел дальше этого; он понял, что в том, что касается работы по возрождению, философии и учености недостаточно. Поэтому, отказавшись от схоластики, которая на протяжении стольких веков безраздельно господствовала в школах, он вернулся к Библии и возродил в христианском мире изучение Священного Писания и евангельских учений. Он не посвящал свое время сухим исследованиям, он проникал в самое сердце Библии. Его красноречие, его искренность, его дружелюбие пленили все сердца. Серьезный и пылкий за кафедрой, он позволял себе милую фамильярность со своими учениками. "Он безмерно любит меня", - писал Глареан, один из них, своему другу Цвингле. "Полный искренности и доброты, он часто поет, молится, спорит и смеется вместе со мной над безумствами мира". [705] Соответственно, огромное количество учеников из каждой страны сидело у его ног.

ПРЕДАННОСТЬ ФАРЕЛА ПАПЕ РИМСКОМУ.

Этот человек, при всей его образованности, с простотой ребенка подчинялся всем церковным обрядам. Он проводил в церквях столько же времени, сколько в своем кабинете, так что, казалось, этому тесному союзу суждено было объединить престарелого доктора из Пикардии и молодого ученого из Дофини. Когда две столь похожие натуры встречаются вместе, хотя бы и в пределах большой столицы, они стремятся сблизиться друг с другом. Совершая благочестивые паломничества, юный Фарел вскоре заметил пожилого человека и был поражен его

набожностью. Он пал ниц перед образами и долго оставался на коленях, усердно молясь и благочестиво повторяя свои часы. "Никогда, - сказал Фарел, - я не видел, чтобы певчий мессы пел ее с большим благоговением". [706] Этим человеком был Лефевр. Уильям Фарель немедленно пожелал познакомиться с ним; и не смог сдержать своей радости, когда обнаружил, что его любезно принял этот знаменитый человек. Приехав в столицу, Уильям добился своей цели. С тех пор его величайшим удовольствием было беседовать с доктором Этапля, слушать его, выслушивать его замечательные уроки и благоговейно преклонять с ним колени перед теми же святынями. Часто можно было видеть, как престарелый Лефевр и его юный ученик украшают изображение Пресвятой Девы цветами; и в одиночестве, вдали от всего Парижа, вдали от его ученых и докторов, они хором шептали горячие молитвы, которые возносили Марии. [707]

Привязанность Фареля к Лефевру была замечена многими. Уважение, испытываемое к старому доктору, отразилось и на его молодом ученике. Эта выдающаяся дружба вывела дофинезийца из его безвестности. Вскоре он приобрел репутацию ревностного человека, и многие набожные богатые люди в Париже доверяли ему различные суммы денег, предназначенные для поддержки более бедных студентов. [708]

Прошло некоторое время, прежде чем Лефевр и его ученик пришли к ясному восприятию истины. Фареля с папой связывала не надежда на богатое пособие или склонность к распутной жизни; эти вульгарные узы были созданы не для таких душ, как у него. Для него папа был видимым главой Церкви, своего рода божеством, по заповедям которого души могли быть спасены. Всякий раз, когда он слышал, как кто-то говорит против этого высокочтимого понтифика, он скрежетал зубами, как разъяренный волк, и призывал молнию с небес, "чтобы повергнуть виновного негодяя в полное разорение и смятение". — "Я верю, - сказал он, - в крест, в паломничество, изображения, обеты и реликвии. То, что священник держит в руках, кладет в коробку и там закрывает ее, ест и дает есть другим, - это мой единственный истинный Бог, и для меня нет другого ни на небесах, ни на земле". [709] — "Сатана, - говорит он в другом месте, - настолько поселил папу, папство и все, что принадлежит ему, в моем сердце, что даже у папы было не так много этого в себе".

НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ И ВОПРОШЕНИЕ — ПЕРВОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ.

Таким образом, чем больше Фарел, казалось, искал Бога, тем больше ослабевало его благочестие и росло суеверие в его душе; все шло от плохого к худшему. Он сам описал это состояние энергичным языком: [710] "Увы! как я содрогаюсь от себя и своих ошибок, - сказал он, - когда думаю об этом; и как велико и чудесно то, что человек когда-либо был вытащен из такой пропасти!"

Из этой бездны он выбирался лишь постепенно. Сначала он изучал нечестивых авторов; его благочестие не находило в них пищи, и он начал размышлять о жизнеописаниях святых; какими бы увлеченными он ни был прежде, эти легенды только еще больше разожгли его страсть. [711] Затем он обратился к нескольким врачам того времени; но поскольку он пришел к ним в отчаянии, он оставил их еще более несчастными. Наконец он начал изучать древних философов и ожидал научиться у Аристотеля, как быть христианином; и снова его надежды были обмануты. Книги, изображения, реликвии, Аристотель, Мария и святые — все оказалось бесполезным. Его пылкая душа скиталась от одной человеческой мудрости к другой, не находя средств утолить свою жгучую жажду.

Тем временем папа, разрешив называть писания Ветхого и Нового Заветов *Святой Библией*, Фарел начал читать их, как это делал Лютер в монастыре в Эрфурте; он был поражен [712], увидев, что все на земле отличается от того, чему учат Священные Писания. Возможно, он был близок к постижению истины, но внезапно сгустившаяся тьма погрузила его в другую бездну. "Сатана внезапно напал на меня, - сказал он, - чтобы не потерять свою добычу, и поступил со мной по своему обычаю". [713] Тогда в его сердце произошла ужасная борьба между Словом Божьим и словом Церкви. Если он встречал какие-либо отрывки из Священного Писания, противоречащие римским обычаям, он опускал глаза, краснел и не смел поверить тому, что читал. [714] "Увы!" - сказал он, боясь не отрывать взгляда от Библии, - "Я не очень хорошо понимаю эти вещи; я должен придать Священным Писаниям совсем иной смысл, чем тот, который они, по-видимому, имеют. Я должен придерживаться толкования Церкви и даже папы Римского".

ПАНТЕОН —ПРОРОЧЕСТВО ЛЕФЕВРА.

Однажды, когда он читал Библию, случайно зашедший врач резко упрекнул его. "Ни один человек, - сказал он, - не должен читать Священное Писание до того, как он изучит философию и получит степень в области искусств". Апостолы не требовали такой подготовки, но Фарел поверил ему. "Я был, - говорит он, - самым несчастным из людей, закрывал глаза, чтобы не видеть". [715]

С этого времени к молодому дофинезийцу вернулся его римский пыл. Легенды о святых воспламенили его воображение. Чем суровее были монашеские правила, тем большее влечение он испытывал к ним. Посреди лесов близ Парижа несколько картезианцев обитали в группе мрачных келий; он посещал их с благоговением и разделял их аскетизм. "Я был всецело занят, днем и ночью, служением дьяволу, - сказал он, - по образцу этого грешного человека, папы римского. В моем сердце был свой Пантеон и такой отряд посредников, спасителей и богов, что я вполне мог бы сойти за папского священника".

Тьма не могла сгуститься; скоро должна была взойти утренняя звезда, и ей было суждено появиться на голос Лефевра. В докторе Этапльском уже появились проблески света; внутреннее убеждение подсказывало ему, что Церковь не сможет долго оставаться в своем нынешнем положении; и часто, в тот самый момент, когда он возвращался с мессы или вставал перед каким-нибудь образом, старик поворачивался к своему юному ученику и, схватив его за руку, говорил серьезным тоном: "Мой дорогой Уильям, Бог обновит мир, и ты это увидишь!" [716] Фарел не совсем понял эти слова. Однако Лефевр не ограничился этим таинственным языком; великой перемене, произошедшей тогда в нем, было суждено произвести аналогичный эффект и на его ученика.

ЛЕГЕНДЫ И СЛОВО БОЖЬЕ.

Старый доктор был занят кропотливой работой; он тщательно собирал легенды о святых и мучениках и располагал их в том порядке, в каком их имена встречаются в календаре. Уже было напечатано два месяца, когда один из тех лучей света, которые исходят с небес, внезапно озарил его душу. Он не мог устоять перед отвращением, которое подобные ребяческие суеверия всегда должны вызывать в сердце христианина. Возвышенность Слова Божьего заставила его осознать ничтожную природу этих басен. Теперь они казались ему не более чем "серой, пригодной для разжигания огня идолопоклонства". [717] Он оставил свою работу и,

отбросив эти легенды в сторону, пылко обратился к Священному Писанию. В тот момент, когда Лефевр, оставив чудесные рассказы о святых, положил руку на Слово Божье, во Франции началась новая эра, положившая начало Реформации.

В сущности, Лефевр, отвыкший от басен Требника, начал изучать Послания святого Павла; свет быстро разгорелся в его сердце, и он немедленно передал своим ученикам то знание истины, которое мы находим в его комментариях. [718] Станными доктринами были те, что для школы и для возраста были впервые услышаны в Париже и распространены прессой по всему христианскому миру. Мы можем легко понять, что молодые ученики, которые слушали их, были возбуждены, впечатлены и изменены ими; и что таким образом, до 1512 года рассвет более светлого дня готовился для Франции.

ОПРАВДАНИЕ ВЕРОЙ—ВОЗРАЖЕНИЯ.

Доктрина оправдания верой, которая одним ударом опровергла тонкости схоластов и обряды папства, была смело провозглашена в недрах Сорбонны. "Это один Бог", - сказал доктор, и сводчатые крыши университета, должно быть, были поражены, поскольку они вторили таким странным звукам. "Это один Бог, который своей благодатью, через веру, оправдывает для вечной жизни. [719] Есть праведность по делам, есть праведность по благодати; одна исходит от человека, другая от Бога; одна земная и преходящая, другая небесная и вечная; одна - тень и знамение, другая - свет и истина; одна открывает нам грех, чтобы мы могли избежать смерти, другая открывает благодать, чтобы мы могли обрести жизнь ". [720]

"Что же тогда?" - спросили его слушатели, слушая это учение, противоречащее учению четырех столетий. "Был ли когда-нибудь хоть один человек оправдан без дел?" - Один! - ответил Лефевр. - Их неисчислимо много. Сколько людей с беспорядочной жизнью, которые горячо молились о благодати крещения, обладая одной верой во Христа, и которые, если бы они умерли через мгновение после этого, вошли в жизнь блаженных без дел!" — "Следовательно, если мы не оправдываемся делами, то напрасно совершаем их", - ответили некоторые. Парижский врач ответил, и другие реформаторы, возможно, не совсем одобрили бы этот ответ: "Конечно, нет! они не напрасны. Если я подношу зеркало к солнцу, в нем отражается изображение; чем больше я его полирую и очищаю, тем ярче становится отражение; но если мы позволяем ему потускнеть, великолепие солнца тускнеет. То же самое происходит и с оправданием тех, кто ведет нечистую жизнь ". В этом отрывке Лефевр, как и Августин во многих других, возможно, не проводит достаточного различия между освящением и оправданием. Доктор Этапльский сильно напоминает нам епископа Гиппонского. Те, кто ведет нечестивый образ жизни, никогда не получали оправдания и поэтому не могут его потерять. Но Лефевр, возможно, хотел сказать, что христианин, впавший в какой-либо грех, теряет уверенность в спасении, а не само спасение. Если это так, то против его доктрины нельзя выдвинуть никаких возражений.

БЕСПОРЯДКИ В КОЛЛЕДЖАХ —ПЕРЕПОЛОХ.

Таким образом, новая жизнь и новое учение проникли в Парижский университет. Доктрина веры, некогда проповедовавшаяся в Галлии Потинном и Иринеем, была услышана там снова. С этого времени в этой великой школе христианского мира было две партии, два человека. Уроки Лефевра и усердие его учеников составляли наиболее разительный контраст со схоластическим преподаванием большинства врачей и нерегулярной и легкомысленной жизнью большинства студентов. В колледжах они были гораздо более усердно заняты

разучиванием своих ролей в комедиях, маскарадах и шуточных фарсах, чем изучением Божьих оракулов. В этих пьесах часто подвергалась нападкам честь великих людей, принцев, самого короля. В этот период вмешался парламент и, вызвав к себе директоров нескольких колледжей, запретил этим снисходительным преподавателям разрешать представление подобных драм в своих домах. [721]

Но для исправления этих беспорядков внезапно появилось более мощное средство, чем постановления парламента. Проповедовался Иисус Христос. На университетских скамьях поднялся большой шум, и студенты начали почти так же увлекаться евангельскими доктринами, как школьными придирками или комедиями. Многие из тех, чья жизнь была наименее безупречной, придерживались, однако, учения о делах; и, чувствуя, что учение о вере осуждает их образ жизни, они делали вид, что святой Иаков был противником святого Павла. Лефевр, решивший защитить обнаруженное им сокровище, продемонстрировал согласие этих двух апостолов: "Разве святой Иаков в своей первой главе не провозглашает, что всякий добрый и совершенный дар нисходит *свыше*? Итак, кто будет отрицать, что оправдание - это добрый и совершенный дар?..... Если мы видим, как человек движется, дыхание, которое мы ощущаем, является для нас признаком жизни. Таким образом, дела необходимы, но только как знаки живой веры, которая сопровождается оправданием. [722] Выделяют ли глазные мази или лосьоны свет на еуе?.....Но ! это влияние солнца. Что ж, тогда эти лосьоны и мази для глаз - наша работа. Луч солнца, падающий сверху, - само оправдание ". [723]

ВЛИЯНИЕ На ФАРЕЛА — ПЕРЕКРЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ.

Фарел внимательно слушал это учение. Эти слова о спасении по благодати сразу же приобрели для него неопишемое очарование. Все возражения отпали, всякая борьба прекратилась. Как только Лефевр выдвинул эту доктрину, Фарель принял ее со всем пылом своей души. Он достаточно много трудился и переживал конфликты, чтобы осознать, что не может спасти себя сам. Соответственно, сразу же увидев в Слове, что Бог спасает даром, он поверил. "Лефевр, - сказал он, - избавил меня от ложного представления о человеческих достоинствах и научил меня, что все исходит от благодати, в которую я поверил, как только это было произнесено". [724] Таким образом, обращение, столь быстрое и решительное, как обращение святого Павла, привело Фареля к вере — того Фареля, который (как говорит Теодор Беза), не побоявшись трудностей, угроз, оскорблений или ударов, покори́л Иисусу Христу Монбельяр, Невшатель, Лозанну, Эгль и, наконец, Женеву. [725]

Тем временем Лефевр, продолжая свои уроки и наслаждаясь, как это делал Лютер, использованием контрастов и парадоксов, содержащих веские истины, превозносил величие тайн искупления: "Невыразимый обмен, - восклицал он, - невинный осужден, а преступник оправдан; Благословение проклято, и тот, кто был проклят, благословлен; жизнь умирает, а мертвые оживают; слава покрыта позором, и Тот, кто был посрамлен, покрыт славой". [726] Благочестивый врач, идя еще глубже, признал, что всякое спасение исходит из всевластия Божьей любви. "Те, кто спасен, - сказал он, - спасены по избранию, по благодати, по воле Божьей, а не по своей собственной. Наше собственное избрание, воля и дела бесполезны: полезно только избрание Бога. Когда мы обращаемся, не наше обращение делает нас избранными Божьими, а благодать, воля и избрание Божье обращают нас". [727]

ОСВЯЩЕНИЕ ЖИЗНИ.

Но Лефевр не ограничивался одними доктринами: если он воздавал славу Богу, он требовал послушания от человека и настаивал на обязательствах, вытекающих из великих привилегий христианина. "Если ты член Церкви Христа, ты также член его тела, - сказал он. - и если ты член тела Христа, ты полон Божественности; ибо в нем обитает полнота Божества телесно. О! если бы люди только могли понять эту привилегию, как целомудренно, чисто и свято жили бы они, и они смотрели бы на всю славу этого мира как на позор по сравнению с той внутренней славой, которая скрыта от глаз плоти ". [728]

Лефевр понимал, что должность учителя Слова - это высокое положение, и исполнял ее с непоколебимой преданностью. Коррупция того времени, и особенно коррупция духовенства, вызвала его негодование и стала предметом сурового порицания. "Как это возмутительно, - сказал он, - видеть, как епископ приглашает людей выпить с ним, играет в азартные игры, играет в кости, проводит время с ястребами и собаками, а также на охоте, охотится за грачами и оленями и посещает дома с дурной славой! [729].....О люди, заслуживающие более сурового наказания, чем сам Сарданапал!"

ГЛАВА III.

Фарел и Святые—Университет—Обращение Фарела—Фарел и Лютер—Другие ученики—Дата проведения реформы во Франции—Спонтанное возникновение различных реформ—Какая из них была первой?— Дом Лефевра.

ФАРЕЛ И СВЯТЫЕ —УНИВЕРСИТЕТ.

Так учил Лефевр. Фарель слушал, дрожа от волнения; он воспринял все и внезапно устремился по новому пути, который открывался перед ним. Был, однако, один пункт его древней веры, от которого он еще не мог полностью отказаться; это было обращение к святым. У лучших духов часто есть эти пережитки тьмы, за которые они цепляются после своего просветления. Фарел был поражен, услышав, как знаменитый доктор заявил, что следует призывать только Христа. "У религии есть только одно основание, - сказал Лефевр, - одна цель, одна Глава, Иисус Христос, благословенный во веки веков: один Он ступил на винный пресс. Давайте тогда не будем называть себя в честь святого Павла, или Аполлоса, или святого Петра. Только крест Христов открывает врата рая и закрывает врата ада". Когда он услышал эти слова, в душе Фарела произошел жестокий конфликт. С одной стороны, он видел множество святых вместе с Церковью; с другой - Иисуса Христа наедине со своим учителем. То он склонялся на одну сторону, то на другую; это была его последняя ошибка и его последняя битва. Он колебался, он все еще цеплялся за тех почтенных мужчин и женщин, к ногам которых в восхищении припадает Рим. Наконец решающий удар был нанесен свыше. Пелена спала с его глаз. Казалось, что только Иисус заслуживал его поклонения. "Затем, - сказал он, - папство было полностью свергнуто; я начал ненавидеть его как дьявольское, и святое Слово Божье заняло главное место в моем сердце". [730]

Общественные мероприятия ускорили продвижение Фарела и его друзей. Томас де Вио, который впоследствии спорил с Лютером в Аугсбурге и Лейпциге, выдвинув в одной из своих работ утверждение, что папа был абсолютным монархом Церкви, Людовиком XII. книга была

передана университету в феврале 1512 года. Джеймс Олмейн, один из самых молодых докторов, человек глубокого гения и неутомимого прилежания, зачитал перед теологическим факультетом опровержение утверждений кардинала, которое было встречено бурными аплодисментами. [731]

МИР И РАДОСТЬ.

Какое впечатление, должно быть, произвели такие беседы на умы молодых учеников Лефевра! Могли ли они колебаться, когда университет казался нетерпеливым под игом папы? Если основные силы сами пришли в движение, разве они не должны были броситься вперед как застрельщики и расчистить путь? "Было необходимо, - сказал Фарел, - чтобы папизм мало-помалу покинул мое сердце, потому что оно не рухнуло при первом потрясении". [732] Он размышлял о бездне суеверий, в которую его погрузили. Стоя на краю, он еще раз окинул тревожным взглядом глубину и отпрянул с чувством ужаса. "О! какой ужас я испытываю перед самим собой и своими грехами, когда думаю об этих вещах!" - воскликнул он. [733] "О Господь, - продолжал он, - если бы моя душа служила тебе с живой верой, как это делали твои покорные слуги; если бы она молилась и почитала тебя так же сильно, как я отдал свое сердце мессе и подаче этой волшебной облатки, воздавая ей все почести!" В таких выражениях юный дофинец сожалел о своей прошлой жизни и со слезами повторял, как св. Августин говорил раньше: "Я узнал Тебя слишком поздно; слишком поздно я полюбил Тебя!"

Фарел нашел Иисуса Христа; и, добравшись до порта, он был рад обрести покой после таких ужасных штормов. [734] "Теперь, - сказал он, - все предстает передо мной в новом свете. [735] Писание прояснилось; пророчество открылось; апостолы пролили яркий свет на мою душу. [736] Голос, до сих пор неизвестный, голос Христа, моего Пастыря, моего Учителя, говорит со мной с силой". [737] Он настолько изменился, что "вместо кровожадного сердца хищного волка он вернулся, - говорит он нам, - тихо, как кроткий и безвредный ягненок, полностью отняв свое сердце от папы и отдав Иисусу Христу". [738]

Спасшись от столь великого зла, он обратился к Библии, [739] и начал серьезно изучать греческий и иврит. [740] Он постоянно читал Священные Писания со все возрастающей любовью, и Бог просвещал его изо дня в день. Он все еще продолжал посещать церкви установленного богослужения; но что он там нашел? громкие голоса, бесконечные песнопения и слова, произносимые без понимания. [741] Соответственно, стоя посреди толпы, проходившей мимо изображения или алтаря, он восклицал: "Ты один - Бог! ты один мудр! ты один добр! [742] Ничто не должно быть отнято от твоего святого закона и ничего не добавлено. Ибо ты один - Господь, и ты один хочешь и должен повелевать".

Так упали в его глазах все люди и все учителя с той высоты, на которую вознесло их его воображение, и теперь он не видел в мире ничего, кроме Бога и его Слова. Другие врачи Парижа своими преследованиями Лефевра уже упали в его глазах; но вскоре сам Лефевр, его любимый наставник, был не более чем таким же человеком, как он сам. Он по-прежнему любил и почитал его, но только Бог стал его хозяином.

ФАРЕЛ И ЛЮТЕР.

Из всех реформаторов Фарел и Лютер, возможно, являются теми, чье раннее духовное развитие нам известно лучше всего, и кому пришлось пройти через величайшую борьбу. Быстрые и пылкие, люди конфликтов и раздоров, они прошли через самые суровые испытания, прежде

чем достигли мира. Фарель - пионер Реформации во Франции и Швейцарии; он бросается в лес и рубит своим топором старых лесных великанов. Кальвин пришел позже, как и Меланхтон, от которого он действительно отличается по характеру, но на которого он похож в своей роли теолога и организатора. Эти два человека, имеющие нечто общее с законодателями древности, — один в своем изяществе, другой в своем суровом стиле, — застроили, заселили и издали законы на территории, завоеванной первыми двумя реформаторами. Если, однако, Лютер и Фарель близки в некоторых своих чертах, мы должны признать, что последний напоминает саксонского реформатора только в одном аспекте. Помимо своего выдающегося гения, Лютер во всем, что касалось Церкви, обладал умеренностью и мудростью, знакомством с прошлым, всесторонним суждением и даже организаторскими способностями, которых не было в той же степени у дофинского реформатора.

Фарель был не единственным молодым французом, в сознании которого тогда засиял новый свет. Доктрины, слетавшие с уст прославленного доктора Этапля, волновали толпу, слушавшую его лекции, и в его школе обучались отважные солдаты, которым в час битвы предстояло сражаться даже у подножия эшафота. Они слушали, сравнивали, обсуждали и горячо спорили с обеих сторон. Вполне вероятно, что среди небольшого числа ученых, защищавших истину, был молодой Питер Роберт Оливетан, родившийся в Нуайоне примерно в конце пятнадцатого века, который впоследствии перевел Библию на французский язык с версии Лефевра и который, по-видимому, был первым, кто привлек внимание юноши из своей семьи, также уроженца Нуайона, к Евангелию, и который стал самым прославленным вождем Реформации. [743]

ДАТА ПРОВЕДЕНИЯ РЕФОРМЫ ВО ФРАНЦИИ.

Таким образом, в 1512 году, в то время, когда Лютер не произвел никакого впечатления на мир и направлялся в Рим по какому-то пустяковому монашескому делу, — в эпоху, когда Цвингле еще не начал серьезно заниматься священным учением и переходил Альпы с союзниками, чтобы сражаться за папу римского, — Париж и Франция внимали учению о тех жизненно важных истинах, из которых должна была исходить Реформация; и души, готовые распространять их, впитывали их со святой жаждой. Поэтому Теодор Беза, говоря о Лефевре, приветствует его как человека, "который смело начал возрождение чистой религии Иисуса Христа". [744] и отмечает, что "как в древние времена школа Исократа выпускала лучших ораторов, так и из лекционного зала доктора Этапля вышли многие из лучших людей эпохи и Церкви". [745]

СПОНТАННОЕ РОЖДЕНИЕ РЕФОРМЫ.

Таким образом, Реформация не была привнесена во Францию извне. Она родилась на французской земле; она проросла в Париже; она пустила свои первые побеги в самом университете, этом втором авторитете в римско-христианском мире. Бог посеял семена этой работы в простых сердцах пикарцев и дофинцев еще до того, как они начали прорастать в любой другой стране на земле. Швейцарская реформация, как мы видели, [746] была независимой от немецкой реформации; и, в свою очередь, реформация во Франции была независимой от реформации в Швейцарии и Германии. Работа началась в одно и то же время в разных странах, без какой-либо связи друг с другом; как в битве все дивизии начинают движение в один и тот же момент, хотя одна из них не приказывала другой выступать, но потому, что одна и та же команда, исходящая от высшей силы, была услышана всеми. Время пришло, народы были готовы, и Бог повсюду начал возрождение своей Церкви в одно и то же время. Такие факты демонстрируют, что великая революция шестнадцатого века была делом Божиим.

Если мы посмотрим только на даты, то должны признать, что ни Швейцарии, ни Германии не принадлежит честь начала этой работы, хотя до сих пор только эти две страны претендовали на нее. Эта честь принадлежит Франции. Это правда, факт, который мы стремимся установить, потому что до сих пор это, возможно, упускалось из виду. Не останавливаясь на влиянии, которое Лефевр оказывал прямо или косвенно на многих людей, и в частности, на самого Кальвина, как мы предполагаем, давайте поразмышляем о том, что он оказал только на одного из своих учеников — на Фареля, и об энергичной деятельности, которую этот слуга Божий проявлял впоследствии. Можем ли мы после этого сопротивляться убеждению, что, если бы Цвингле и Лютер никогда не появились, во Франции все еще существовало бы реформаторское движение? Без сомнения, невозможно подсчитать, каковы могли быть его масштабы; мы должны даже признать, что сообщения о том, что происходило по ту сторону Рейна и Юры впоследствии, воодушевили и ускорили продвижение французских реформаторов. Но они были первыми разбужены трубой, прозвучавшей с небес в шестнадцатом веке, и они были первыми пешими и с оружием в руках на поле битвы.

Тем не менее Лютер - великий деятель шестнадцатого века и в самом полном смысле первый реформатор. Лефевр не так совершенен, как Кальвин, Фарель и Лютер. Он родом из Виттемберга и Женевы, но в нем все еще есть привкус Сорбонны; он первый католик в реформаторском движении и последний из реформаторов в католическом движении. Он до конца остается своего рода посредником, посредником, не совсем свободным от тайны, призванным напоминать нам о связи между старым и новым, которые, казалось, навсегда разделены непроходимой пропастью. Хотя он отвергнут и преследуется Римом, он все еще цепляется за Рим на тонкой нити, которую у него нет желания разрывать. Лефевр из Этапля занимает особое место в богословии шестнадцатого века: он является связующим звеном, соединяющим древность с современностью, и человеком, в котором совершается переход от богословия средневековья к богословию Реформации.

ГЛАВА IV.

Характер Франциска I.—Начало Нового времени—Свобода и послушание—Маргарита Валуа—Двор—Брисонне, граф Монбрен—Лефевр обращается к Библии—Франциск I. и "его дети"—Евангелие, принесенное Маргарите—Обращение—Обожание—Характер Маргариты.

ХАРАКТЕР ФРАНЦИСКА I.

Таким образом, весь университет пребывал в состоянии беспокойства. Но Реформация во Франции должна была стать делом рук не только ученых. Она должна была занять свое место среди великих мира сего и даже при дворе государя.

Юный Франциск I Англемский стал преемником своего тестя и двоюродного брата Людовика XII. Его красота и обходительность, его мужество и любовь к удовольствиям сделали его первым рыцарем своего времени. Однако он стремился стать чем-то большим; он желал быть великим и даже хорошим королем при условии, что все будет подчиняться его суверенному желанию. Доблесть, вкус к литературе и любовь к галантности - вот три термина, которые будут выражать характер Франциска и дух его эпохи. Два других прославленных короля, Генрих IV. и особенно

Людовик XIV, проявивший те же черты в последующие годы. Но эти государи хотели того, о чем говорит Евангелие; и хотя в нации всегда существовали элементы святости и христианского возвышения, мы можем сказать, что эти три великих монарха современной Франции в какой-то мере наложили на своих подданных отпечаток своих собственных особенностей, или, скорее, что они сами были верными отражениями характера своего народа. Если бы Евангелие пришло во Францию с самыми прославленными представителями рода Валуа, оно принесло бы нации то, чего у нее нет, — духовную направленность, христианскую святость, знание божественных вещей и, таким образом, довело бы ее до совершенства в том, что составляет реальную силу и величие народа.

НАЧАЛО НОВОГО ВРЕМЕНИ.

Именно в правление Франциска I. Франция и Европа перешли от средневековья к современности. Новый свет, который тогда был в зародыше, вырос и вступил во владение. Два класса людей оказали свое влияние на новое состояние общества. С одной стороны, были люди веры, а также мудрости и святости; а рядом с ними были придворные писатели, друзья мира и порока, которые свободой своих принципов внесли такой же вклад в разложение нравов, какой первые внесли в их реформирование.

Если бы Европа во времена Франциска I не стала свидетелем возвышения реформаторов и по суровому приговору Провидения была передана неверующим новаторам, ее судьба и судьба христианства были бы решены. Опасность была велика. В течение некоторого времени эти два класса воюющих сторон, антагонисты папы и противники Евангелия, были смешаны вместе; и поскольку они оба претендовали на свободу, казалось, что они использовали одно и то же оружие против одних и тех же врагов. Неопытный глаз не смог бы различить их среди пыли и облаков на поле боя. Если бы первые позволили увлечь себя вторым, все было бы потеряно. Враги иерархии быстро впадали в крайности нечестия и толкали христианское общество в страшную пропасть; само папство способствовало этой ужасной катастрофе и ускоряло своими амбициями и беспорядками разрушение остатков истины и жизни, все еще сохранившихся в Церкви. Но Бог воздвиг Реформацию, и христианство было спасено. Реформаторы, которые кричали о свободе, вскоре призвали к послушанию. Те самые люди, которые низвергли трон, с которого римский понтифик изрекал свои оракулы, пали ниц перед Словом Божьим. Затем произошло четкое разделение; более того, две организации вступили в войну друг против друга. Одна сторона желала свободы только для себя, другие требовали ее во имя Слова Божьего. Реформация стала самым грозным врагом того недоверия, к которому Рим часто бывает так снисходителен. Вернув свободу Церкви, реформаторы вернули религию миру. Из этих двух даров последний был самым необходимым.

МАРГАРИТА ВАЛУА.

"Друзья неверности" какое-то время надеялись включить в свое число Маргариту Валуа, герцогиню Алансонскую, которую Франциск нежно любил и всегда называл "*са миньон*", свою любимицу, как мы узнаем от Брантома. [747] Брата и сестру отличали одинаковые вкусы, одинаковые приобретения. Обладая, как и Фрэнсис, привлекательной внешностью, Маргарет сочетала с теми выдающимися качествами, которые делают великих персонажей, те более мягкие добродетели, которые завоевывают расположение. В миру, на веселых развлечениях при дворе короля и императора, она блистала как королева, очаровывая, удивляя и пленяя все сердца. Страстно любившая литературу и наделенная редким гением, она уединялась в своей

каморке и там предавалась сладостным удовольствиям размышлений, учебы. Но ее главной страстью было творить добро и предотвращать зло. Когда король принял послов, они отправились засвидетельствовать свое почтение Маргарет. "Они были совершенно очарованы ею, - говорит Брантом, - и с восторгом рассказали о ней своим соотечественникам". И король часто обращался к ней с важными вопросами, "оставляя их исключительно на ее усмотрение". [748]

Эта знаменитая принцесса отличалась строгостью своих нравов; но в то время как многие придерживаются этой строгости на словах и небрежны в своем поведении, Маргарет поступала наоборот. Безупречная в поведении, она не была полностью свободна от порицания в своих произведениях. Вместо того чтобы удивляться этому, мы могли бы скорее удивиться, что у такой распутной женщины, как Луиза Савойская, должна быть такая чистая дочь, как Маргарет. Посещая вместе с придворными разные уголки страны, она развлекалась описанием нравов того времени, и особенно беспорядков среди священников и монахов. "Я слышал, - говорит Брантом, - как она рассказывала такие истории моей бабушке, которая всегда сопровождала ее в носилках в качестве фрейлины и которая заботилась о ее чернильнице". [749]

ПРИДВОРНЫЙ—БРИСОННЕ.

Эта Маргарет, такая красивая, такая остроумная, жившая в атмосфере развращенного двора, была одной из первых, кого увлекло религиозное движение, зарождавшееся тогда во Франции. Но как могла до герцогини Алансонской дойти Реформация среди столь нечестивого двора и распущенные истории, которыми он забавлялся? Ее возвышенная душа ощущала потребности, которые могло удовлетворить только Евангелие; благодать действует повсюду; и христианство, которое еще до появления апостола в Риме уже имело последователей в доме Нарцисса и при дворе Нерона, [750] в период своего обновления быстро проникло при дворе Франциска I. Знатные дамы и вельможи обращались к принцессе на языке веры; и это солнце, восходившее тогда над Францией, пролило свои первые лучи на прославленную голову, которые немедленно отразились на герцогине Алансонской.

Среди самых выдающихся дворян при дворе был Вильгельм де Монбрен, сын кардинала Брисонне из Сен-Мало, который поступил в церковь после смерти своей жены. Граф Вильгельм, любивший учиться, принял священный сан и последовательно стал епископом Лодева и Мо. Будучи дважды послан послом в Рим, он вернулся в Париж, не получив образования от лести и помпезности Льва X.

В период его возвращения во Францию сок начал распространяться повсюду. Фарель, в то время магистр искусств, читал лекции в знаменитом колледже кардинала Лемуана, одном из четырех главных колледжей теологического факультета Парижа, равном по рангу Сорбонне. Два соотечественника Лефевра, Арно и Жерар Руссель, вместе с несколькими другими, расширили круг либеральных и великодушных умов. Брисонне, только что вернувшийся с веселых развлечений и празднеств Рима, был поражен тем, что произошло в Париже за время его отсутствия. Жаждающий истины, он возобновил свои прежние отношения с Лефевром и провел много драгоценных часов с доктором Сорбонны, с Фарелем, двумя Русселями и их друзьями. [751] Этот прославленный, но скромно мыслящий прелат желал получать наставления от самых скромных христиан, но особенно от самого Господа. "Я нахожусь во тьме, - сказал он, - ожидая милости Божественного милосердия, из которого я изгнан своими недостатками". Его разум был как бы ослеплен великолепием Евангелия. Его веки опустились перед его несравненной

яркостью. "Глаз всех людей, - добавил он, - недостаточно, чтобы воспринять весь свет этого великого светила". [752]

БРИСОННЕ ЧИТАЕТ БИБЛИЮ.

Лефевр рекомендовал епископу обратиться к Библии; он указал на нее как на ключ, который всегда возвращает людей к изначальной истине христианства, к тому, чем оно было, когда школы, секты, таинства и традиции были неизвестны, и как на мощное средство обновления религии Иисуса Христа. Брисонне читал Библию. "Сладость этой Божественной пищи такова, - сказал он, - что она делает ум ненасытным; чем больше мы вкушаем ее, тем сильнее жаждем". [753] Простая и могущественная истина спасения очаровала его: он нашел Христа, он нашел самого Бога. "Какой сосуд, - сказал он, - способен воспринять безмерную полноту этой неисчерпаемой сладости?" Но жилище расширяется в соответствии с нашим желанием принять хорошего гостя. Вера - это распорядитель, который единственный может найти для него место или, вернее, тот, кто заставляет нас пребывать в нем ". Но в то же время добрый епископ, огорченный тем, что это учение о жизни, которое Реформация вернула миру, так мало ценилось при дворе, в городе и среди народа, воскликнул: "О необычное и наиболее достойное нововведение, и все же для моих собратьев оно совершенно неприемлемо!"

ФРАНЦИСК I. И ЕГО ДЕТИ.

Именно таким образом евангелические взгляды проникли в среду легкомысленного, распутного и литературного двора Франциска I. Многие из людей, составлявших его и пользовавшихся полным доверием короля, такие как Джон дю Белле, Будей, придворный врач Копа, и даже Пти, королевский духовник, казалось, благосклонно относились к чувствам Брисонне и Лефевра. Франциск, который любил ученость, который приглашал в свои государства ученых людей, склонных к лютеранству, и который думал (как говорит Эразм) "таким образом украсить и проиллюстрировать свою эпоху более великолепно, чем он мог бы сделать с помощью трофеев, пирамид или самых помпезных сооружений", сам был увлечен своей сестрой, Брисонне и литераторами своего двора и университетов. Он часто присутствовал на беседах ученых людей, с восторгом прислушивался к их разговорам за столом и называл их "своими детьми". Он подготовил путь для Слова Божьего, основав профессуры иврита и греческого. И поэтому Теодор Беза, помещая свой портрет во главе реформаторов, говорит: "Благочестивый зритель! не содрогайтесь при виде этого противника! Разве не должен он принять участие в этой чести, изгнавший варварство из мира и твердой рукой заменивший его тремя языками и основательной ученостью, чтобы стать как бы порталами в новое здание, которое вскоре должно было быть возведено?" [754]

МАРГАРЕТ ПРИНИМАЕТ ЕВАНГЕЛИЕ.

Но при дворе Франциска I. была, в частности, одна душа, которая, казалось, была готова воспринять евангелическое влияние доктора Этапля и епископа Мо. Маргарет, все еще колеблющаяся среди окружавшего ее развращенного общества, искала поддержки и нашла ее в Евангелии. Она повернулась к этому свежему дыханию, которое оживляло мир, и с наслаждением вдохнула его, как эманацию с небес. От некоторых придворных дам она узнала, чему учат новые доктора; они одолжили ей свои труды, свои книжечки, называемые на языке того времени "трактатами", и рассказали ей о "первоначальной Церкви, о чистом Слове Божьем, о поклонении в духе и истине, о христианской свободе, которая сбрасывает с людей

ярмо суеверий и традиций, чтобы еще ближе привязать их к одному Богу". [755] Вскоре принцесса беседовала с Лефевром, Фарелем и Русселем; их усердие, набожность, чистота нравов — все в них поразило ее воображение; но особенно епископ Мо, который долгое время пользовался ее дружбой, стал ее наставником на пути веры.

Таким образом, при блестящем дворе Франциска I и в распутном доме Луизы Савойской было совершено одно из тех обращений сердец, которые, хотя и не являются полностью евангельскими, не являются плодом простой эстетической религии. Впоследствии Маргарет запечатлела в своих стихах различные движения своей души в этот важный период своей жизни; и в них мы можем проследить путь, по которому она тогда прошла. Мы видим, что чувство греховности сильно овладело ею и что она плакала над легкомыслием, с которым относилась к мирским скандалам. Она воскликнула:

Есть ли пропасть зла, такая глубокая и широкая,
Что может хватить хотя бы десятой доли, чтобы скрыть
мои мерзкие грехи?

Эту порчу, о которой она так долго не подозревала, она обнаруживала повсюду теперь, когда у нее открылись глаза.

Я хорошо чувствую, что внутри меня есть корень,
Снаружи - ветвь и листва, цветок и плод. [756]

ОБОЖАНИЕ.

И все же, несмотря на тревогу, вызванную состоянием ее души, она почувствовала, что ей явился Бог мира:

Боже мой, ты сошел на землю ко мне, —
Ко мне, хотя я и голый червяк. [757]

И вскоре чувство любви Божьей во Христе распространилось в ее сердце.

Маргарет обрела веру, и ее восторженная душа предалась священному блаженству. [758]

Слово Божественное, Иисус Спаситель,
Единственный Сын вечного Отца,
Первый, последний; всего обновитель,
Епископ и король, и могущественный триумфатор,
От смерти смертью наш освободитель.
Верой мы созданы сынами Творца.

С этого времени в герцогине Алансонской произошла большая перемена:—

Хотя я беден, и слаб, и невежествен,
Насколько я богат, насколько силен, насколько мудр в Тебе! [759]

Но сила греха еще не была покорена в ней. Она обнаружила борьбу, разлад в своей душе, который встревожил ее: [760]—

Духом благороден, — но по природе раб;
Бессмертен я, —стремлюсь к могиле;
Сущность небес, — и все же земного рождения;
Божье жилище, — и все же как мало стою.

Маргарет, ища в природе символы, которые могли бы выразить желания и привязанности ее души, выбрала в качестве своей эмблемы (говорит Брантом) ноготки, "которые своими лучами и листьями больше похожи на солнце и поворачиваются, куда бы оно ни шло". [761]—Она добавила это устройство:—

Non inferiora secutus,
я не ищу того, что ниже,

"в знак того, - добавляет придворный писатель, - что все свои действия, мысли, желания и привязанности она направляла к тому великому солнцу, которое есть Бог; и поэтому ее подозревали в приверженности к лютеранской религии". [762]

ХАРАКТЕР И ВЛИЯНИЕ МАРГАРЕТ.

На самом деле, вскоре после этого принцесса на собственном опыте убедилась в истинности высказывания о том, что *все, кто будет жить благочестиво в Иисусе Христе, будут подвергаться гонениям*. При дворе говорили о новых взглядах Маргарет, и сюрприз был велик. Что! даже сестра короля принимает участие в этих людях! На мгновение могло показаться, что гибель Маргариты неизбежна. На нее донесли Франциску I. Но король, который был нежно привязан к своей сестре, притворился, что думает, что это неправда. Характер Маргарет постепенно ослабил сопротивление. Все любили ее, говорит Брантом: "она была очень доброй, кроткой, милостивой, милосердствующей, приветливой, великой подательницей милостыни, никого не презиравшей и завоевавшей все сердца своими превосходными качествами". [763]

Посреди разврата и легкомыслия того века разум с восторгом останавливается на этой избранной душе, которую благодать Божья удержала под таким грузом тщеславия и величия. Но ее женственный характер удерживал ее. Если бы Франциск I разделял убеждения своей сестры, он, несомненно, последовал бы им. Робкое сердце принцессы дрогнуло перед гневом короля. Она постоянно колебалась между своим братом и Спасителем и не могла решиться пожертвовать ни тем, ни другим. Мы не можем признать в ней христианку, достигшую совершенной свободы детей Божьих: она представляет собой правильный тип тех возвышенных душ, которых так много во все века, особенно среди женщин, которые, сильно привлеченные к небу, не имеют достаточной силы, чтобы полностью отделиться от земли.

Однако, такой, какая она есть, она является приятным персонажем на исторической сцене. Ни Германия, ни Англия не представляют ее параллели. Она - звезда, без сомнения, слегка затуманенная, но излучающая неопишное и нежное сияние, и в то время, о котором я рассказываю, ее лучи сияли еще ярче. Только спустя годы, когда гневные взгляды Франциска I. изобличают смертельную ненависть к Реформации, его испуганная сестра заслонит свою святую веру от дневного света. Но теперь она поднимает голову посреди этого развращенного двора и предстает невестой Христовой. Оказываемое ей уважение, высокое мнение о ее разуме и сердце защищают дело Евангелия при французском дворе гораздо лучше, чем это мог бы сделать любой проповедник. Мягкое влияние женщины обеспечило признание новой доктрины. Возможно, именно к этому периоду следует отнести склонность французской знати к протестантизму. Если бы Франциск последовал за своей сестрой, если бы вся нация открыла свои врата христианству, обращение Маргариты могло бы стать спасением Франции. Но в то время как знать приветствовала Евангелие, король и народ оставались верны Риму; и наступило время, когда наличие в рядах Реформации наваррца и Конде стало причиной серьезных неудач.

ГЛАВА V.

Враги Реформации—Луиза Дюпра—Болонский конкордат—Оппозиция парламента и университета—Сорбонна—Беда—Его Характер—Его тирания—Беркен, ученейший из дворянства—Интриганы Сорбонны—Ересь трех Магдалин—Осужденный в Париже Лютер—Обращение Сорбонны к королю—Лефевр покидает Париж ради Мо.

ВРАГИ РЕФОРМАЦИИ.

Таким образом, Евангелие уже совершило выдающиеся завоевания во Франции. Лефевр, Брисонне, Фарель и Маргарет радостно поддались в Париже движению, которое уже начинало сотрясать мир. Самого Франциска I, казалось, в то время больше привлекало величие литературы, чем отталкивала суровость Евангелия. Друзья Слова Божьего возлагали самые приятные надежды; они думали, что небесное учение будет беспрепятственно распространено по их стране в тот самый момент, когда при дворе и в Сорбонне организовывалась грозная оппозиция. Франция, которой почти на три столетия предстояло прославиться среди римско-католических государств своими преследованиями, с безжалостной суровостью восстала против Реформации. Если семнадцатый век был веком кровавых побед, то шестнадцатый был веком жестокой борьбы. Вероятно, нигде реформатские христиане не встречались с более безжалостными противниками на том самом месте, где они подняли знамя Евангелия. В Германии их враги были обнаружены в римских государствах; в Швейцарии - в римских кантонах; но во Франции они встретились лицом к лицу. Распутная женщина и алчный министр возглавляли тогда длинный список врагов Реформации.

ЛУИЗА—ДЮПРА—КОНКОРДАТ.

Луиза Савойская, мать короля и Маргариты, известная своей галантностью, непреклонная в своей воле и окруженная свитой фрейлин, чья распущенность положила начало при французском дворе длинной череде безнравственных поступков и скандалов, естественно, выступила против Слова Божьего; ее следовало опасаться тем больше, что она всегда сохраняла почти неограниченное влияние на своего сына. Но Евангелие столкнулось с еще

более грозным противником в лице фаворита Луизы, Энтони Дюпра, который под ее влиянием был назначен канцлером королевства. Этот человек, которого современный историк называет самым порочным из всех двуногих, [764] был более алчным, чем Луиза распутной. Сначала обогатившись за счет правосудия, он пожелал впоследствии увеличить свое состояние за счет религии и вступил в духовный сан, чтобы обеспечить себе самые богатые средства к существованию.

Похоть и алчность, таким образом, характеризовали этих двух людей, которые, будучи оба преданы папе, пытались скрыть беспорядки своей жизни кровью еретиков. [765]

Одним из их первых действий было передать королевство под церковное владычество папы римского. Король после битвы при Мариньяне встретился со Львом X в Болонье, и там был заключен знаменитый *конкордат*, в силу которого эти два князя разделили между собой церковную добычу. Они отменили верховенство соборов, чтобы передать его папе; и, лишив церкви их права заполнять вакантные епископства и средства к существованию, передали это королю. После этого Франциск I, сопровождая свиту понтифика, направился в собор Болоньи, чтобы ратифицировать эти переговоры. Он сознавал несправедливость конкордата и, повернувшись к Дюпра, прошептал ему на ухо: "Этого достаточно, чтобы проклясть нас обоих". [766] Но что было для него спасением? Деньги и союз с папой римским были тем, чего он хотел.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПАРЛАМЕНТА И УНИВЕРСИТЕТА.

Парламент яростно сопротивлялся конкордату. Король заставил своих депутатов ждать несколько недель в Амбуазе, а затем однажды, вызвав их к себе, встал из-за стола и сказал: "Во Франции есть король, и я не допущу, чтобы в моих владениях формировался венецианский сенат". Затем он приказал им отбыть до захода солнца. Евангелической свободе нечего было надеяться на такого принца. Три дня спустя верховный камергер Ла Тремуиль появился в парламенте и приказал зарегистрировать конкордат.

После этого университет пришел в движение. 18 марта 1518 года торжественная процессия, на которой присутствовали все студенты и холостяки в капюшонах, направилась к церкви Святой Екатерины Ученых, чтобы умолять Бога сохранить свободы Церкви и королевства. [767] "Колледжи были закрыты, сильные группы студентов ходили с оружием по городу, угрожая, а иногда и жестоко обращаясь с высокопоставленными лицами, которые публиковали и выполняли упомянутый конкордат по приказу короля". [768] Университет в конце концов смирился с исполнением этого указа; но не отменил резолюций, по которым он заявил о своем несогласии; и с этого времени, по словам венецианского посла Корреро, "король начал щедрой рукой раздавать епископства по просьбе придворных дам и даровать аббатства своим солдатам; так что при французском дворе была налажена торговля". в епископствах и аббатствах, как в Венеции в перце и корице". [769]

СОРБОННА—БЕДА.

В то время как Луиза и Дюпра готовились уничтожить Евангелие путем уничтожения свобод Галликанской церкви, против Библии формировалась фанатичная и могущественная партия. Христианской истине всегда приходилось сталкиваться с двумя могущественными противниками - развращенностью мира и фанатизмом священников. Схоластическая Сорбонна и распутный двор теперь должны были рука об руку выступить против исповедников Иисуса Христа. На заре существования Церкви неверующие саддукеи и лицемерные фарисеи были

самыми яростными врагами христианства; и такими они оставались во все века. Вскоре из тьмы школ вышли самые безжалостные противники Евангелия. Во главе их стоял Ноэль Бедье, обычно называемый Беда, уроженец Пикардии и синдик Сорбонны, слывший величайшим скандалистом и самым мятежным духом своего времени. Воспитанный на сухих максимах схоластики, воспитанный на тезисах и антитезисах Сорбонны, питающий большее почтение к отличиям школы, чем к Слову Божьему, он был охвачен гневом против тех, чьи дерзкие уста осмеливались выдвигать другие доктрины. Обладая беспокойным нравом, неспособный наслаждаться отдыхом, постоянно требующий новых занятий, он был мучением для всех окружающих; неразбериха была его родной стихией; казалось, он рожден для раздоров; и когда у него не было противников, он обижался на своих друзей. Этот безудержный шарлатан наполнил университет глупыми и яростными речами против литературы, против новшеств эпохи и против всех тех, кто, по его мнению, недостаточно усердствовал в их подавлении. Многие улыбались, слушая его, но другие отдавали должное бранным словам неистового оратора, и жестокость его характера обеспечила ему тираническое влияние в Сорбонне. У него всегда должен быть какой-нибудь новый враг для борьбы, какая-нибудь жертва, которую нужно потащить на эшафот; и соответственно, он создал еретиков еще до того, как они появились, и призвал к сожжению Мерлина, генерального викария Парижа, за попытку оправдать Оригена. Но когда он увидел, что появились новые враги, он подскочил, как дикий зверь, который внезапно почувствовал легкую добычу в пределах своей досягаемости. "В одной Бедѣ три тысячи монахов", - сказал осторожный Эразм. [770]

Однако эти эксцессы нанесли ущерб его делу. "Как! - восклицали мудрейшие люди того времени. - неужели Римская церковь опирается на плечи такого Атласа, как этот? [771] Откуда берется все это беспокойство, кроме как из-за нелепостей самого Беды?"

LOUIS DE BERQUIN.

По сути, те самые оскорбления, которые пугали слабые умы, вызывали отвращение у более щедрых душ. При дворе Франциска I. был дворянин из Артуа по имени Луи де Беркен, которому тогда было около тридцати лет и который никогда не был женат. Чистота его жизни, [772] его глубокие знания, которые принесли ему титул "ученейшего из дворян", [773] открытость его характера, его нежная забота о бедных и безграничная привязанность к друзьям выделяли его среди равных. [774] Не было более благочестивого наблюдателя церковных церемоний, постов, праздников и месс; [775] и он с величайшим ужасом воспринял все это был объявлен еретиком. Было удивительно наблюдать такую преданность при дворе.

Казалось, ничто не могло заставить такого человека склониться на сторону Реформации; однако в его характере были одна или две черты, которые могли привести его к Евангелию. Он питал отвращение ко всякому притворству, и, поскольку сам никогда не хотел причинять кому-либо вред, ему было невыносимо видеть, как страдают другие. Тирания Беды и других фанатиков, их пререкания и преследования наполняли его щедрую душу негодованием; и поскольку он никогда ничего не делал наполовину, он привык, куда бы он ни пошел, в город или при дворе, "даже среди высших особ королевства", [776] с предельной яростью выступать против тирании об этих врагах и нападают "в самых их гнездах", - говорит Теодор Беза, - "на тех отвратительных шершней, которые тогда наводили ужас на мир". [777]

На этом он не остановился: неприятие несправедливости побудило Беркена искать истину. Он желал узнать это священное Писание, столь дорогое людям, против которых бушевали Беда и его приспешники; и едва он начал читать эту книгу, как она покорила его сердце. Беркен немедленно присоединился к Маргарет, Лефевру, Брисонне и всем тем, кто любил это Слово, и в их обществе вкусил чистейших радостей. Он чувствовал, что ему нужно сделать что-то еще, помимо противостояния Сорбонне, и хотел бы донести убеждения своей души до всей Франции. Он немедленно начал писать и переводить несколько христианских книг на французский. Ему казалось, что каждый человек должен признать и принять истину так же быстро, как это сделал он сам. Ту стремительность, которую Беда проявлял, служа человеческим традициям, Беркен использовал в служении Слову Божьему. Хотя он был моложе синдика Сорбонны, менее благоразумен и менее искусен, в его пользу говорил благородный энтузиазм истины. Это были два сильных борца, которым предстояло выяснить, кто из них победит другого. Но Беркен преследовал другую цель, помимо победы над Бедой: он хотел бы излить потоки правды на всех своих соотечественников. И поэтому Теодор Беза говорит, что Франция могла бы найти второго Лютера в Беркене, если бы он нашел второго курфюрста во Франциске I. [778]

ГЛАВАРИ СОРБОННЫ.

Многочисленным препятствиям было суждено помешать его усилиям. Фанатизм находит последователей повсюду; это огонь, который распространяется далеко и близко. Монахи и невежественные священники приняли участие вместе с синдиком Сорбонны. Партийный дух пронизывал весь отряд, которым управляли несколько интригующих и фанатичных лидеров, которые ловко пользовались ничтожеством или тщеславием своих коллег, чтобы заразить их своими собственными предрассудками. На всех своих собраниях эти вожди были единственными ораторами: они господствовали над своей партией своим насилием и заставляли умеренных и слабоумных замолчать. Едва они успели внести какое-либо предложение, как эти зачинщики воскликнули: "Теперь мы скоро увидим, кто принадлежит к лютеранской фракции". [779] Стоило кому-нибудь высказать разумное мнение, как дрожь охватывала Беду, Лекутьере, Дюшен и всю группу; и все разом восклицали: "Он хуже Лютера". Этот маневр удался; робкие умы, предпочитающие мир спорам, те, кто готов отказаться от собственного мнения ради собственной выгоды, те, кто не понимает простейших вопросов, и, наконец, те, кто всегда увлекается криками других, — все они стали добровольными новобранцами Беды и его спутников. Одни молчали, другие кричали, все подчинялись тому влиянию, которое гордый и тиранический ум оказывает на вульгарные души. Таково было состояние этой ассоциации, которая считалась столь почтенной и которая в то время была самым яростным врагом евангельского христианства. Часто бывает достаточно одного взгляда на самые знаменитые организации, чтобы оценить по достоинству войну, которую они ведут против истины.

РАБОЛЕПИЕ ГАЛЛИКАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА.

Таким образом, университет, который при Людовике XII аплодировал стремлениям Олмейна к независимости, при Дюпра и Луизе Савойской снова внезапно погрузился в фанатизм и раболепие. Если не считать янсенистов и нескольких других врачей, благородной и реальной независимости никогда не существовало среди галликанского духовенства. Они никогда не делали ничего большего, чем колебались между раболепием перед двором и раболепием перед папой. Если бы при Людовике XII. или Людовике XIV. у них была некоторая видимость

свободы, это было потому, что их хозяин в Париже враждовал с их хозяином в Риме. И таким образом, у нас есть объяснение изменения, на которое мы указали. Университет и епископы забыли о своих правах и обязанностях, как только король перестал предписывать их соблюдение.

В течение долгого времени Беда был взбешен против Лефевра; известность лекций пикардийского доктора раздражала его соотечественника и задевала его гордость; он с радостью заставил бы его замолчать. Беда уже однажды напал на доктора Этапля, и, поскольку он еще плохо разбирался в евангельских доктринах, он напал на своего коллегу по вопросу, который, каким бы странным это ни казалось, чуть не отправил Лефевра на эшафот. [780] Этот врач утверждал, что Мария, сестра Лазаря, Мария Магдалина и "женщина, которая была грешницей", о которой святой Лука говорит в седьмой главе своего Евангелия, были тремя разными личностями. Греческие отцы церкви различали их; латинские отцы церкви смешали их воедино. Эта ужасная ересь трех Магдалин привела Беду и все его воинство в движение; христианский мир был взбудоражен; Фишер, епископ Рочестерский, один из самых выдающихся прелатов того времени, написал письмо против Лефевра, и тогда вся Церковь выступила против мнения, которое сейчас признает каждый римско-католик. Лефевр, осужденный Сорбонной, уже подвергался судебному преследованию парламентом как еретик, когда Франциск I, обрадованный возможностью нанести удар по Сорбонне и смирить монахов, спас его из рук преследователей.

ЛЮТЕР ОСУЖДЕН В ПАРИЖЕ.

Беда, взбешенный тем, что его жертву вырвали из его рук, решил в другой раз лучше прицелиться. Имя Лютера начало звучать во Франции. Реформатор после спора с доктором Эком в Лейпциге согласился признать Эрфуртский и Парижский университеты своими судьями. Усердие, проявленное последним университетом в отношении конкордата, без сомнения, вселило в него надежду, что он найдет беспристрастных судей в его членах. Но времена менялись, и чем решительнее богословский факультет выступал против посягательств Рима, тем больше он стремился продемонстрировать свою ортодоксальность. Беда, соответственно, счел себя вполне расположенным присоединиться к его взглядам.

20 января 1520 года казначей французской нации [781] купил двадцать экземпляров конференции между Лютером и Эком для распространения среди членов комиссии, которые должны были выступить с докладом по этому вопросу. На это расследование ушло больше года. Немецкая реформация начала вызывать сильную сенсацию во Франции. Университеты, которые в то время были истинно католическими учреждениями, в которые приезжали студенты из всех стран христианского мира, привели Германию, Францию, Швейцарию и Англию к более тесным и быстрым отношениям друг с другом в том, что касается теологии и философии, чем в наши дни. Распространенные в Париже слухи об успехе Лютера укрепляли позиции таких людей, как Лефевр, Брисонне и Фарель. Каждая из его побед увеличивала их мужество. Многие доктора Сорбонны были поражены замечательными истинами, которые они нашли в трудах виттембергского монаха. Уже было много смелых признаний; но также было и ужасное сопротивление. "Вся Европа, - говорит Кревье, - ждала решения Парижского университета". Конкурс казался сомнительным. В конце концов Беда одержал верх, и в апреле 1521 года университет постановил, что работы Лютера должны быть публично сожжены, а автора вынудили взять свои слова обратно.

СОРБОННА ОБРАЩАЕТСЯ К КОРОЛЮ.

Этого было недостаточно. На самом деле ученики Лютера пересекли Рейн даже быстрее, чем его труды. "За короткое время, - говорит иезуит Мамбур, - университет наполнился иностранцами, которые, поскольку немного знали иврит и больше греческий, приобрели известность, проникли в дома знатных людей и позволили себе дерзкую вольность толкования Библии". [782] Поэтому профессорско-преподавательский состав назначил депутацию, чтобы донести свои протесты до короля.

Франциск I, мало заботящийся о спорах теологов, продолжал свою увеселительную карьеру; и, переходя из замка в замок со своими кавалерами и дамами, составлявшими двор его матери и сестры, он предавался всевозможным беспорядкам вдали от назойливых наблюдателей со стороны жителей столицы. Таким образом, он продвигался по Бретани, Анжу, Гиене, Ангумуа и Пуату, ведя такую же роскошную жизнь в деревнях и лесах, как если бы он был в Париже в своем дворце Турнель. Это был очередной раунд турниров, бутафорских боев, маскарадов, дорогостоящих развлечений и банкетов, с которыми не могли сравниться даже игры Лукулла (как говорит Брантом). [783]

Однако на мгновение он прервал течение своих удовольствий, чтобы принять серьезных депутатов Сорбонны; но в тех, кого факультет назвал еретиками, он видел только образованных людей. Мог ли принц, который хвастался тем, что поставил королей Франции *на кон* (вне подозрений), склонить голову перед несколькими врачами-фанатиками? Он ответил: "Я не допущу, чтобы к этим людям приставали. Преследование тех, кто учит нас, помешало бы способным ученым приехать в нашу страну". [784]

Депутация покинула присутствие короля в великом гневе. Каковы будут последствия? Болезнь усиливается с каждым днем; еретические мнения уже называются "чувствами гениальных людей"; всепожирающее пламя проникает в самые потаенные уголки; вскоре пожар вырвется наружу, и по всей Франции здание веры рухнет со страшным грохотом.

ЛЕФЕВР ВОЗВРАЩАЕТСЯ В МО.

Беда и его сторонники, не сумев получить разрешения короля на возведение своих эшафотов, прибегают к преследованиям более жестокого характера. Не было такого рода неприятностей, которым не подвергались бы евангельские учителя. Свежие донесения и разоблачения следовали друг за другом ежедневно. Престарелый Лефевр, измученный этими невежественными фанатиками, жаждал покоя. Благочестивый Брисонне, который был непоколебим в своем почитании доктора Этапля, [785] предложил ему убежище. Лефевр покинул Париж и удалился в Мо. Это была первая победа, одержанная над Евангелием, и тогда стало ясно, что если римской партии не удастся привлечь гражданскую власть на свою сторону, то существует тайная и фанатичная полиция, с помощью которой она может добиться своего.

ГЛАВА VI.

Брисонне посещает свою епархию—Реформа—Врачи, преследуемые в Париже—Филиберта Савойская—Переписка Маргариты и Брисонне.

Таким образом, Париж начал восстать против Реформации и наметил контуры той стены, которой более трех столетий было суждено преграждать доступ реформатскому богослужению. Божьей волей было, чтобы первые лучи света озарили столицу; но люди немедленно поднялись, чтобы погасить их; дух *Шестнадцати* [786] уже бродил в метрополии, и другие города были готовы принять свет, который отверг Париж.

РЕФОРМЫ БРИСОННЕ.

Брисонне, вернувшись в свою епархию, проявил рвение христианина и епископа. Он посетил каждый приход и, собрав деканов, должностных лиц и их викариев, церковных старост и основных прихожан, расспросил об учении и жизни проповедников. Во время сбора (ответили они) францисканцы Мо начинают свой обход; один проповедник посещает четыре или пять приходов в день, всегда произнося одну и ту же проповедь, но не для того, чтобы накормить души своих слушателей, а чтобы набить свой живот, кошелек и свой монастырь. [787] Их кошельки однажды пополнились, их цель достигнута, проповеди окончены, и монахи больше не появляются в церквях, пока не придет время для очередного сбора пожертвований. Единственное занятие этих пастухов - стричь своих овец. [788]

Большинство приходских священников тратили свои стипендии в Париже. "Увы! - воскликнул благочестивый епископ, обнаружив пустынным дом пресвитерии, который он отправился навестить. - разве они не предатели, которые таким образом оставляют служение Иисусу Христу?" [789] Брисонне решил применить средство от этого зла и созвал синод всего своего духовенства на 13 октября 1519 года. Но эти мирские священники, которые мало обращали внимания на увещевания своего епископа и для которых Париж имел так много очарования, воспользовались обычаем, в силу которого они могли подменять одного или нескольких викариев, чтобы те пасли их стада в их отсутствие. Из ста двадцати семи этих викариев только четырнадцать были одобрены Брисонне после экзамена.

Мирские священники, слабоумные викарии, монахи, думавшие только о своем животе, — таково было тогда состояние Церкви. Брисонне запретил францисканцам подниматься за кафедру; [790] 27 октября 1520 года он опубликовал мандат, в котором объявил "предателями и дезертирами всех тех пасторов, которые, бросая свои стада, ясно показывают, что они любят свое руно и свою шерсть; отобрал других, которые были признаны способными, и раздал их бедным". овцы, искупленные пресвятой кровью Иисуса Христа"; [791] и, будучи убежден, что единственным способом обеспечить способных служителей для его епархии было обучать их самостоятельно, он решил основать теологическую школу в Мо под руководством благочестивых и образованных врачей. Необходимо было найти их, и Беда вскоре предоставил их.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ПАРИЖЕ.

Этот фанатик и его банда не ослабляли своих усилий; и, горько жалуясь на терпимость своего правительства, заявили, что они будут вести войну с новыми доктринами с их помощью, без нее и против нее. Напрасно Лефевр покинул столицу; разве Фарель и его друзья не остались там? Фарел, правда, не проповедовал, поскольку не был посвящен в священный сан; но в университете и в городе, с профессорами и священниками, студентами и горожанами, он смело отстаивал дело Реформации. Другие, вдохновленные его примером, проповедовали Евангелие более открыто. Знаменитый проповедник Мартиал Мазурье, президент колледжа Святого

Михаила, отбросил всякую сдержанность, изобразил беспорядки эпохи в самых мрачных и в то же время правдивых красках, и казалось невозможным устоять перед потоком его красноречия. [792] Гнев Беды и его друзей-богословов достиг своего апогея. "Если мы будем терпеть этих новаторов, - сказал он, - они захватят весь мир, и все будет кончено с нашим учением, нашими традициями, нашими местами и уважением, которое испытывают к нам Франция и весь христианский мир!"

Богословы Сорбонны были более сильной стороной. Фарель, Мазурье, Жерар Руссель и его брат Арнольд вскоре обнаружили, что их активным усилиям повсюду препятствуют. Епископ Мо умолял своих друзей приехать и присоединиться к Лефевру; и эти превосходные люди, преследуемые Сорбонной и надеявшиеся сформировать под защитой Брисонне священную фалангу во имя торжества истины, приняли приглашение епископа и отправились в Мо. [793] Таким образом, свет Евангелия постепенно покидал столицу, где Провидение зажгло его первые искры. *И это осуждение состоит в том, что свет пришел в мир, и люди возлюбили тьму больше, чем свет, потому что их дела были злыми.* [794] Невозможно не заметить, что тогда Париж навлек на свои стены Божий суд, указанный в этих словах Иисуса Христа.

ФИЛИБЕРТА САВОЙСКАЯ.

Маргарита Валуа, последовательно лишенная Брисонне, Лефевра и их друзей, испытывала беспокойство из-за своего одинокого положения посреди Парижа и распущенного двора Франциска I. Молодая принцесса Филиберта Савойская, сестра ее матери, жила с ней в тесной близости. Филиберта, которую король Франции выдал замуж за Юлиана Великолепного, брата Льва X, в подтверждение конкордата отправилась в Рим после своей свадьбы, когда папа, восхищенный столь блестящим союзом, потратил 150 000 дукатов на пышные празднества по этому случаю. [795] Юлиан, который тогда командовал папской армией, умер, оставив своей вдове всего восемнадцать лет. Она привязалась к Маргарет, которая своими талантами и добродетелями оказывала огромное влияние на всех окружающих. Горе Филиберты открыло ее сердце голосу религии. Маргарет делилась с ней всем, что читала; и вдова генерал-лейтенанта Церкви начала вкушать сладость учения о спасении. Но Филиберта была слишком неопытна, чтобы поддержать свою подругу. Маргарет часто дрожала, думая о своей невероятной слабости. Если любовь, которую она питала к королю, и страх вызвать его неудовольствие побуждали ее к какому-либо поступку, противоречащему ее совести, в ее душу немедленно входило беспокойство, и, с грустью обратившись к Господу, она находила в нем брата и наставника, более сострадательного и дорогого ее сердцу, чем сам Франциск. Именно тогда она сказала Иисусу Христу:— [796]

Милый брат, который, когда ты мог бы справедливо пожурить
Свою глупую сестру, привлекает ее на свою сторону;
И дарит ей благодать и любовь в награду за
ропот, обиды и великую обиду.
Слишком много, слишком много, дорогой брат, ты сделал,
Увы, слишком много! для такого ничтожества.

МАРГАРЕТ БРИСОННЕ —ОТВЕТ.

Маргарет, видя, что все ее друзья удаляются в Мо, печально смотрела им вслед из гущи придворных празднеств. Казалось, все снова покидает ее. Ее муж, герцог Алансонский, отправлялся в армию; ее юная тетя Филиберта направлялась в Савойю. Герцогиня повернулась к Брисонне.

"Господин де Мо, - писала она, - зная, что необходим только Один человек, я обращаюсь к вам, умоляя вас молитвой стать средством, которым Ему будет угодно руководить согласно Его святой воле, господин д'Алансонец, который по приказу короля назначается генерал-лейтенантом в свою армию, которая, я боюсь, не будет распущена без войны. И думая, что, помимо общественного блага королевства, у вас есть хороший титул во всем, что касается его и моего спасения, я молюсь о вашей духовной помощи. Завтра моя тетя из Немура уезжает в Савойю. Я вынужден вмешиваться во многие дела, которые вызывают у меня большой страх. А потому, если бы вы узнали, что мастер Майкл мог предпринять путешествие сюда, это было бы для меня утешением, о котором я молю только ради чести Бога". [797]

Майкл из Аранды, к помощи которого обратилась Маргарет, был членом евангелического общества Мо и впоследствии подвергал себя многим опасностям, проповедуя Евангелие.

БРИСОННЕ — МАРГАРИТЕ ФИЛИБЕРТЕ.

Эта благочестивая принцесса с тревогой наблюдала, как противодействие истине с каждым днем становилось все более грозным. Дюпра и приспешники правительства, Беда и сотрудники Сорбонны, наводили на нее ужас. Брисонне, чтобы подбодрить ее, ответил: "Это война, о которой кроткий Иисус сказал нам в Евангелии, что он пришел послать на землю ... а также огонь ... великий огонь, который превращает земное в небесное. Я всем сердцем желаю помочь вам, мадам, но от моего собственного ничтожества не жду ничего, кроме воли. Тот, у кого есть вера, надежда и любовь, имеет все, что ему требуется, и не нуждается в помощи или поддержке..... Один Бог есть все во всем, и вне его ничего нельзя найти. Чтобы сражаться, возьми с собой этого великого великана любовь невыразима..... Войну ведет любовь. Иисус требует присутствия сердца: несчастен человек, который отдаляется от него. Тот, кто сражается лично, уверен в победе. Тот часто терпит неудачу, кто сражается за других". [798]

Епископ Мо на личном опыте начинал понимать, что значит бороться за Слово Божье. Богословы и монахи, раздраженные убежищем, которое он предоставил друзьям Реформации, обвинили его с такой жестокостью, что его брат, епископ Сен-Мало, приехал в Париж, чтобы разобраться в этом деле. [799] Поэтому Маргарет была еще больше тронута утешениями, с которыми Брисонне обратился к ней, и она ответила предложениями помощи.

"Если в чем-то, - писала она, - ты думаешь, что я могу доставить удовольствие тебе или твоим близким, я молю тебя поверить, что все неприятности обернутся для меня утешением. Да пребудет с вами вечный мир после этих долгих войн, которые вы ведете за веру, в битве за которую вы желаете умереть

- Всецело твоя дочь,
Маргарет. [800]

Следует сожалеть, что Брисонне не погиб в этом состязании. Однако тогда он был полон рвения. Филиберта Немурская, которую все уважали за ее искреннюю преданность, щедрость по отношению к бедным и великую чистоту своей жизни, с возрастающим интересом читала

евангелические писания, переданные ей епископом Мо. "У меня есть все брошюры, которые вы мне прислали, - писала Маргарет Брисонне, - часть из которых принадлежит моей тетушке из Немура, и я перешлю ей последнюю, потому что она в Савойе на свадьбе своего брата, что для меня немалая потеря; поэтому я умоляю вас сжалиться над моим одиночеством". К несчастью, Филиберта прожила недостаточно долго, чтобы открыто заявить о своей поддержке Реформации. Она умерла в 1524 году в замке Вирье-ле-Гран в Бюже в возрасте двадцати шести лет. [801] Это стало серьезным ударом для Маргарет. У нее отняли подругу, сестру, ту, кто мог полностью понять ее. Возможно, был только один человек, ее брат, смерть которого причинила бы ей больше горя, чем это:

Из моих глаз льются такие потоки слез, что
Они скрывают от взора и землю, и небо. [802]

ЕДИНСТВЕННОЕ УЕДИНЕНИЕ.

Маргарита, чувствуя свою неспособность противостоять своему горю и соблазнам двора, умоляла Брисонне призвать ее к любви к Богу, и смиренный епископ ответил:

"Пусть кроткий и нежный Иисус, который желает и который один способен осуществить то, чего он могуществен, в своей бесконечной милости посетит ваше сердце, призывая вас любить его всем своим существом. Кроме него, мадам, никто не в силах сделать это; вы не должны искать свет во тьме или тепло в холоде. Привлекая, он зажигает; и теплом он привлекает следовать за ним, расширяя сердце. Мадам, вы пишете мне, чтобы я сжалился над вами, потому что вы одиноки. Я не понимаю этого слова. Тот, кто живет в мире и держит там свое сердце, одинок; ибо многие и зло идут рука об руку. Но та, чье сердце спит для мира и бодрствует для кроткого и нежного Иисуса, своего истинного и верного мужа, действительно одинока, ибо она живет единственной потребностью; и все же она не одинока, не покинута тем, кто наполняет и сохраняет все сущее. Жаль, что я не могу и не должен испытывать такого одиночества, которое заслуживает большего уважения, чем весь мир, от которого я убежден, что любовь Божья спасла вас и что вы больше не его дитя..... Оставайтесь, мадам, наедине со своим единственным которому было угодно претерпеть мучительную и позорную смерть и страсти.

"Мадам, веряя себя вашему благосклонности, я умоляю вас больше не употреблять таких слов, как в ваших последних письмах. Ты дочь и невеста только Бога: другого отца тебе не следует искать Я увещаю тебя, что ты будешь такой же хорошей дочерью для него, как он является хорошим Отцом для тебя и поскольку ты не можешь достичь этого, потому что конечное не может соответствовать бесконечности, я молюсь, чтобы он сподобился увеличить твою силу, чтобы ты могла любить его и служить ему всем своим сердцем ". [803]

ЗАБЛУДШАЯ ОВЦА—ЛЕС.

Несмотря на эти увещания, Маргарет не утешилась. Она горько сожалела о духовных наставниках, которых потеряла; новые пастыри, вынужденные вернуть ее, не пользовались ее доверием, и, что бы ни говорил епископ, она чувствовала себя одинокой посреди двора, и все вокруг казалось ей темным и опустошенным. "Как овца в незнакомой стране, - писала она Брисонне, - блуждающая, не зная, где найти свое пастбище, из-за незнания своих новых пастухов, естественно поднимает голову, чтобы поймать ветерок из того квартала, где главный

пастух когда-то привык кормить ее сладостями, так и я вынуждена молиться о твоём милосердии Спустишься с высокой горы и из сострадания отнесись к этому невежественному народу, самому слепому из всего твоего стада.

"Маргарет". [804]

Епископ Мо в своём ответе, взяв образ заблудшей овцы, под которым Маргарет изобразила себя, использует его для описания тайн спасения под изображением дерева: "Овца, входящая в лес, ведомая Святым Духом, - сказал он, - сразу же очарована добротой, красотой, прямоотой, длиной, широтой, глубиной и высотой, а также ароматной и бодрящей сладостью этого леса и когда она огляделась вокруг, увидела во всем только Его и все в Нем; [805] и, быстро продвигаясь по его глубинам, находит это настолько приятным, что путь - это жизнь, и радость, и утешение". [806] Затем епископ показывает ей овец, тщетно ищущих границы леса (образ души, которая постигла бы тайны Божьи), встречающихся с высокими горами, на которые она пытается взобраться, находя повсюду "недоступную и непостижимую бесконечность". Затем он показывает ей путь, по которому душа, вопрошающая Бога, преодолевает все эти трудности; он показывает, как овца среди наемников находит "хижину великого Пастыря" и "верой взлетает на крыльях размышления"; все становится гладким, все объясняется; и она начинает петь: "Я нашла того, кого любит моя душа".

ОГОНЬ И ЛЕД.

Так писал епископ Мо. В то время он горел рвением и с радостью увидел бы, как Евангелие возродит всю Францию. [807] Особенно часто его мысли останавливались на тех трех великих личностях, которые, казалось, вершили судьбы его народа, — короле, его матери и его сестре. Он думал, что если бы королевская семья была просветленной, то и весь народ был бы таким же, а священники, подстрекаемые к соперничеству, наконец пробудились бы от своей летаргии. "Мадам, - писал он Маргарет, - я смиренно умоляю Всемогущего Бога, чтобы ему было угодно по своей доброте разжечь огонь в сердцах короля, его матери и в вашей own.....so чтобы от вас исходил свет, горящий и сияющий для остальной нации; и особенно для того класса, из-за холодности которого все остальные заморожены".

Маргарет не разделяла этих надежд. Она не говорит ни о своём брате, ни о своей матери; это были темы, которых она не осмеливалась касаться; но, отвечая епископу в январе 1522 года, с сердцем, раздираемым равнодушием и суётностью окружающих, она сказала: "Времена такие холодные, моё сердце такое ледяное"; и подписала своё письмо: "твоя замерзшая, измученная жаждой дочь,

"Маргарет".

Это письмо не обескуражило Брисонне, но заставило его задуматься; и, чувствуя, как сильно он, желающий оживлять других, нуждается в том, чтобы оживиться самому, он вверил себя молитвам Маргариты и мадам де Немур. "Мадам, - писал он с величайшей простотой, - я умоляю вас разбудить бедную спящую своими молитвами". [808]

Таковы были в 1521 году настроения при французском дворе. Без сомнения, странная переписка, которую по прошествии более чем трёх столетий нам открыла рукопись из Королевской библиотеки. Было ли это влияние Реформации на столь высоких постах благом для

нее или несчастьем? Жало истины пронзило двор; но, возможно, это только разбудило дремлющего зверя и, возбудив его ярость, заставило его с еще большей яростью наброситься на самых смиренных из стада.

ГЛАВА VII.

Начало строительства церкви в Мо—Священные Писания на французском языке—
Ремесленники и епископ—Евангельская жатва—Послания святого Павла королю—Лефевр
и Рома—Монахи перед епископом—Монахи перед парламентом—Брисонне уступает.

НАЧАЛО СТРОИТЕЛЬСТВА ЦЕРКВИ В МО.

Действительно, приближалось время, когда буря должна была разразиться над Реформацией; но сначала нужно было разбросать еще несколько семян и собрать в несколько снопов. Этот город Мо, прославленный полтора столетия спустя возвышенным защитником [809] галликанской системы против автократических притязаний Рима, был призван стать первым городом Франции, где возрожденное христианство установит свое господство. Тогда это было поле, на котором работники расточали свои усилия и семена и где колосья уже падали перед жнецами. Брисонне, менее погруженный в дремоту, чем он говорил, оживлял, проверял и направлял всех. Его состояние равнялось его рвению; никогда еще человек не тратил свое богатство на более благородные цели, и никогда такая благородная преданность не обещала поначалу принести таких славных плодов. Самые благочестивые учителя, переведенные из Парижа в Мо, с того времени действовали с большей свободой. Там была свобода слова, и Реформация во Франции тогда сделала большой шаг вперед. Лефевр энергично излагал то Евангелие, которым он был бы рад наполнить мир. Он воскликнул: "Короли, принцы, знать, люди, все нации должны думать и стремиться только к Христу. [810] Каждый священник должен быть похож на того архангела, которого Иоанн видел в Апокалипсисе, летящего по воздуху, держащего в руке вечное Евангелие и несущего его каждому народу, нации, языку и царю. Приближайтесь, понтифики, приближайтесь, короли, приближайтесь, великодушные сердца!.. Народы, пробудитесь к свету Евангелия и вдохните небесную жизнь. [811] Слово Божье самодостаточно". [812]

СЛОВО БОЖЬЕ САМОДОСТАТОЧНО.

Таков, по правде говоря, был девиз этой школы: Слово Божье самодостаточно. В этом устройстве воплощена вся Реформация. "Знать Христа и его Слово, - говорили Лефевр, Руссель и Фарель, - это единственная живая и универсальная теология ... Тот, кто знает это, знает все". [813]

Истина произвела глубокое впечатление на Мо. Сначала состоялись частные собрания, затем конференции и, наконец, Евангелие было проповедано в церквях. Но новая попытка нанесла Риму еще более сокрушительный удар.

Лефевр хотел дать возможность христианам Франции читать Священное Писание. 30 октября 1522 года он опубликовал французский перевод четырех Евангелий; 6 ноября - остальные книги Нового Завета; 12 октября 1524 года - все эти книги вместе в доме Коллена в Мо; а в 1525 году - французскую версию Псалмов. [814] Таким образом, во Франции, почти в то же время, что и в

Германии, было начато печатание и распространение Священных Писаний на вульгарном языке, который три столетия спустя был так чудесно развит во всем мире. Во Франции, как и по другую сторону Рейна, Библия оказала решающее влияние. Опыт научил многих французов тому, что, когда они стремились познать Божественные вещи, сомнения и мрак окружали их со всех сторон. В течение скольких мгновений, а возможно, и лет своей жизни, они испытывали искушение считать самые определенные истины всего лишь заблуждениями! Нам нужен луч с небес, чтобы осветить нашу тьму. Таково было восклицание многих душ в эпоху Реформации. С такими страстными желаниями числа получили священные писания из рук Лефевра; их читали в своих семьях и наедине; беседы о Библии стали частыми; Христос явился этим душам, столь долго вводимым в заблуждение, как центр и солнце всего откровения. Им больше не требовались доказательства того, что Писание было от Бога; они знали это, ибо благодаря ему они были перенесены из тьмы к свету.

РЕМЕСЛЕННИКИ И ЕПИСКОП.

Таков был путь, с помощью которого столь многие выдающиеся люди во Франции достигли познания Бога. Но были еще более простые и распространенные пути, если таковые вообще возможны, которыми многие представители низших классов были приведены к истине. Город Мо был почти полностью населен ремесленниками и торговцами шерстью. "Во многих зародилось, - говорит хронист шестнадцатого века, - столь горячее желание познать путь спасения, что ремесленники, валяльщики и гребенщики шерсти, работая своими руками, не находили другого развлечения, кроме как беседовать друг с другом о Слове Божьем и утешать себя им. Особенно воскресенья и праздники были посвящены чтению Священного Писания и вопрошанию о благоволении Господа". [815]

Брисонне радовался, видя, что благочестие занимает место суеверия в его епархии. "Лефевр, которому помогла слава о его великой учености, - говорит современный историк, - ухитрился так задобрить и обойти мессира Гийома Брисонне своими правдоподобными речами, что заставил его с горечью отвернуться, так что до сего дня было невозможно освободить город и епархию Мо от этой пагубной доктрины, где она так чудесным образом распространилась. Введение в заблуждение этого доброго епископа было большой обидой, поскольку до тех пор он был так предан Богу и Деве Марии". [816]

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ЖАТВА.

Однако не все были так жестоко отвергнуты, как говорит францисканец, которого мы только что процитировали. Город разделился на две партии. С одной стороны, были монахи святого Франциска и друзья римского учения; с другой - Брисонне, Лефевр, Фарель и все те, кто любил новую проповедь. Человек из беднейших слоев населения по имени Леклерк был одним из самых раболепных приверженцев монахов; но его жена и двое сыновей, Питер и Джон, с энтузиазмом приняли Евангелие, а Джон, который был чесальщиком шерсти, вскоре отличился среди новых христиан. Джеймс Паванн, образованный и молодой пикарец, "человек большой искренности и прямоты", которого Брисонне пригласил в Мо, проявил горячее рвение к Реформации. Мо стал средоточием света. Люди, призванные туда по делам, слышали Евангелие и принесли его домой. Не только в городе люди изучали Священные Писания; "многие деревни поступали так же, - говорится в хронике, - так что в этой епархии был виден сияющий образ обновленной церкви".

Окрестности Мо были покрыты обильными посевами, и в сезон сбора урожая толпы рабочих стекались туда из окрестных стран. Отдыхая после своих трудов в середине дня, они беседовали с местными жителями, которые рассказывали им о других сроках посева и других урожаях. Многие крестьяне из Тираша, и особенно из Ландузи, по возвращении домой упорствовали в доктринах, которые они слышали, и вскоре в этом районе была образована евангелическая церковь, которая является одной из старейших церквей в королевстве. [817] "Слава об этом великом благословении распространилась по Франции", - говорит хронист. [818] Сам Брисонне провозглашал Евангелие с кафедры и пытался рассеять вокруг себя "тот бесконечный, сладкий, кроткий, истинный и единственный свет (используя его собственные слова), который ослепляет и просвещает каждое создание, способное воспринять его, и который, просвещая его, возвышает его через усыновление до достоинства сына Божьего". [819] Он умолял свою паству не прислушиваться к тем, кто отворачивает их от Слова. "Хотя ангел с небес, - сказал он, - проповедовал бы любое другое Евангелие, не слушайте его". Иногда мрачные мысли овладевали его душой. Он не был уверен в себе: он в тревоге отступил назад, размышляя о фатальных последствиях своей неверности; и, предупреждая своих слушателей, он сказал им: "Даже если я, ваш епископ, изменю свой язык и свое учение, остерегайтесь изменяться подобно мне". [820] В тот момент ничто, казалось, не указывало на возможность такого несчастья. "Слово Божье не только проповедовалось, - говорится в хронике, - но ему следовали; там совершались все дела милосердия и любви; мораль была реформирована, а суеверия искоренены". [821]

ПРЕДЧУВСТВИЯ БРИСОННЕ —ПОДАРОК КОРОЛЮ.

Все еще цепляясь за идею завоевать расположение короля и его матери, епископ послал Маргарите "послания святого Павла, переведенные и великолепно иллюстрированные, смиреннейшим образом умоляя ее представить их королю; что не может не радовать из ваших рук", - добавил добрый епископ. "Это королевское блюдо, - продолжал он, - оно откармливает без порчи и исцеляет от всевозможных болезней. Чем больше мы пробуем их на вкус, тем сильнее мы жаждем их с неутолимым желанием, и это никогда не надоедает". [822]

Какое еще приветственное послание могла получить Маргарет? Момент казался благоприятным. Майкл Аранда находился в Париже, задержанный по приказу матери короля, для которой он переводил отрывки из Священного Писания. [823] Но Маргарет предпочла бы, чтобы Брисонне сам подарил эту книгу ее брату. "Вам следовало бы приехать сюда, - писала она, - поскольку вы знаете, какое доверие оказывают вам мадам и король". [824]

Таким образом, вероятно, Слово Божье было помещено в то время (в 1522 и 1523 годах) перед глазами Франциска I и Луизы Савойской. Они соприкоснулись с тем Евангелием, которое впоследствии стали преследовать. Мы не находим, чтобы это Слово произвело на них какое-либо благотворное воздействие. Порыв любопытства побудил их открыть Библию, которая тогда производила столько шума; но они закрыли ее, как только открыли.

БОРЬБА МАРГАРЕТ.

Самой Маргарет было трудно бороться с суетностью, которой она была повсюду окружена. Ее нежная привязанность к брату, послушание, которым она была обязана своей матери, и лесть, расточаемая ей придворными, - все это, казалось, сговорились против любви, в которой она

покаялась Христу. Христос был один против многих. Иногда душа Маргарет, подвергшаяся нападению стольких противников и оглушенная шумом мира, отворачивалась от своего Учителя. Тогда, осознав свою вину, принцесса запиралась в своих покоях и, давая выход своему горю, издавала крики, совсем не похожие на радостные звуки, которыми Франциск и молодые лорды, спутники его разврата, наполняли королевские дворцы в разгар своих развлечений и празднеств:

Оставил тебя, что у меня есть, чтобы следовать голосу удовольствия,
Оставил тебя, что у меня есть, и по злему выбору,
Оставил тебя, что у меня есть, и куда я пришел?..... [825]

Затем, повернувшись к Мо, Маргарет в отчаянии восклицала: "Я возвращаюсь к вам, к месье Фабри (Лефевру) и всем вашим джентльменам, умоляя вас вашими молитвами добиться от невыразимой Милости спасения для бедной, слабой и сонной, пробудить ее от тяжелого и смертельного сна". [826]

Таким образом, Мо стал центром, откуда исходил свет Евангелия. Друзья Реформации тешили себя лестными иллюзиями. Кто мог бы устоять перед Евангелием, если бы сила Франциска расчистила путь? Тогда развращающее влияние двора превратилось бы в святое влияние, и Франция обрела бы моральную силу, которая сделала бы ее благодетельницей мира.

РОМА —МОНАХИ И ЕПИСКОП.

Но, со своей стороны, друзья Рима подняли тревогу. Среди тех, кто был в Мо, был монах-якобинец по имени Рома. Однажды, когда Лефевр, Фарель и их друзья разговаривали с ним и некоторыми другими папскими сторонниками, Лефевр не мог подавить своих предвкусений. "Евангелие уже завоевывает сердца великих и простого народа, - сказал он, - и через короткое время, распространившись по всей Франции, оно повсюду опровергнет выдумки людей". Пожилой врач был оживлен; его глаза блестели; его измученный голос звучал; его можно было бы сравнить с престарелым Симеоном, возвращающимся с благодарностью к Господу за то, что его глаза увидели Свое спасение. Друзья Лефевра разделяли его эмоции: их изумленные оппоненты были немые. Внезапно Рома порывисто вскочил и воскликнул тоном народного трибуна: "Тогда я и все другие верующие будем проповедовать крестовый поход; мы поднимем народ; и если король разрешит проповедовать ваше Евангелие, мы изгоним его из королевства его собственными подданными". [827]

Так монах осмелился восстать против монарха-рыцаря. Францисканцы приветствовали этот язык. Они не должны допустить, чтобы пророчество доктора сбылось. Монахи уже ежедневно возвращались с уменьшившимися пожертвованиями. Францисканцы в тревоге ходили по частным семьям. "Эти новые учителя - еретики, - говорили они, - они нападают на самые священные обряды и отрицают самые священные тайны". Затем, осмелев, самые разгневанные из них вышли из своего монастыря и направились к резиденции епископа. Получив допуск, они сказали прелату: "Сокрушите эту ересь, иначе эпидемия, которая уже опустошает город Мо, распространится по всему королевству".

Брисонне был тронут и на мгновение встревожен этим нападением, но не сдался; он испытывал слишком большое презрение к этим невежественным монахам и их заинтересованным крикам. Он поднялся за кафедру, оправдал Лефевра и назвал монахов фарисеями и лицемерами. Тем не

менее, это противостояние уже вызвало беспокойство и конфликт в его душе; он пытался подбодрить себя убеждением, что такие духовные сражения необходимы. "Этой войной, - сказал он на своем несколько мистическом языке, - мы достигаем животворящей смерти, а постоянно умерщвляя жизнь, мы умираем живыми и живем, умирая". [828] Путь был бы более надежным, если бы, бросившись на Спасителя, как апостолы, когда их бросало ветрами и волнами, он воскликнул: "Господи, помоги мне! или я погибну".

МОНАХИ И ПАРЛАМЕНТ.

Монахи Мо, разгневанные неблагоприятным приемом, оказанным им епископом, решили передать свои жалобы в вышестоящий суд. У них была возможность подать апелляцию. Если епископ не уступит, его могут принудить к уступчивости. Их лидеры отправились в Париж и согласовали меры с Бедой и Дюшеном. Они поспешили предстать перед парламентом и осудили епископа и учителей-еретиков. "Город и все окрестности, - говорили они, - заражены ересью, и ее загрязненные воды вытекают из епископского дворца".

Так во Франции начали раздаваться крики о преследовании Евангелия. Священническая и гражданская власть, Сорбонна и парламент, схватились за оружие, которое должно было быть обагрено кровью. Христианство научило человечество тому, что существуют обязанности и права, предшествующие всем гражданским объединениям; оно раскрепостило религиозный ум, способствовало свободе совести и произвело большие изменения в обществе; ибо античность, которая рассматривала гражданина повсюду, а человека нигде, сделала религию простым государственным делом. Но едва эти идеи свободы были даны миру, как папство извратило их; деспотизм монарха оно заменило деспотизмом священника; и нередко это поднимало и монарха, и священника против христианского народа. Требовалась новая эмансипация; она произошла в шестнадцатом веке. Где бы ни утвердилась Реформация, она сбросила римское иго, и религиозный разум снова получил свободу действий. Но склонность к тирании над истиной настолько укоренилась в природе человека, что у многих протестантских народов Церковь, освобожденная от произвола священника, в наши дни снова попала под иго гражданской власти; ей суждено, подобно своему основателю, переходить от одного деспотизма к другому, от Каиафы к Пилату, а от Пилата к Каиафе.

ПАДЕНИЕ БРИСОННЕ.

Брисонне не обладал мужеством, необходимым для сопротивления. Он не уступил бы всего, но то, что он уступил, удовлетворило Рим. "Мы вполне можем обойтись без писаний Лютера, - думал он, - если будем придерживаться Евангелия; мы можем легко согласиться с определенным обращением к Деве, если добавим, что только при посредничестве Иисуса Христа она обладает каким-либо влиянием". Если рядом с истиной мы поместим силу заблуждения, папство будет удовлетворено. Но жертвой, которую Брисонне чувствовал глубже всего и которая все же от него потребовалась, была потеря его друзей. Если епископ хочет спастись, он должен пожертвовать своими братьями. Робкий по характеру, но не готовый отказаться от своего богатства и положения ради Христа, и без того встревоженный, потрясенный и поверженный, он был еще больше введен в заблуждение вероломными советниками: если евангелические врачи покинут Мо (говорили некоторые), они перенесут Реформацию в другое место. Его сердце разрывалось от мучительной борьбы. Наконец мудрость этого мира возобладала; он уступил и 15 октября 1523 года опубликовал три предписания, первое из которых предписывало молиться за умерших и взывать к Пресвятой

Деве и святым; второе запрещало кому бы то ни было покупать, брать займы, читать, владеть или носить с собой труды Лютера и предписывало разорвать их на куски, развеять по ветру или сжечь; и последнее в недвусмысленных выражениях излагало доктрину чистилища. Затем, 13 ноября того же года, Брисонне запретил приходским священникам и их викариям разрешать "лютеранам" проповедовать. [829] Это было еще не все. Первый президент парижского парламента и Эндрю Вержюс, советник того же суда, перед которым вскоре после этого должен был предстать Брисонне, прибыли в Мо во время Великого поста 1524 года, без сомнения, чтобы убедиться в действиях епископа. Бедный прелат делал все, что мог, чтобы угодить им. Уже 29 января он взял изображения святых под свое особое покровительство; теперь он начал посещать свои церкви, проповедовать и упорно бороться в присутствии первого президента и члена совета Верджуса, чтобы "искоренить ересь, которая там разрасталась". [830] Депутаты парламента вернулись в Париж полностью удовлетворенными. Это было первое падение Брисонне.

ЛЕФЕВР И ФАРЕЛЬ—ПРЕСЛЕДОВАНИЕ.

Лефевр был особым объектом враждебности. Его комментарий к четырем Евангелиям, и особенно приложенное к нему "Послание к читателям-христианам", разожгли гнев Беды и его союзников. Они осудили это сочинение перед преподавательским составом. "Неужели он не осмеливается рекомендовать всем верующим читать Священное Писание?" сказал вспыльчивый синдик. "Разве он не говорит там, что тот, кто не любит Слово Христа, не христианин; [831] и что Слова Божьего достаточно, чтобы привести к вечной жизни?"

Но Франциск I воспринял это обвинение как простую теологическую перепалку. Он назначил комиссию, и Лефевр, оправдав себя перед ней, вышел из этой атаки со всеми военными почестями.

Фарель, у которого было не так уж много покровителей при дворе, был вынужден покинуть Мо. Похоже, что сначала он отправился в Париж; [832] и что, беспощадно атаковав ошибки Рима, он больше не мог там оставаться и был вынужден удалиться в Дофини, куда ему не терпелось нести Евангелие.

Во времена рассеяния христиан в Мо другой француз, покинув свою родину, переступил порог монастыря августинцев в Виттемберге, где жил Лютер. Это было в январе 1523 года.

Фарель был не единственным человеком на юге Франции, которого Бог подготовил для его работы. Немного южнее Гапа, на берегах Роны, в городе Авиньоне, названном Петраркой "третьим Вавилоном", все еще можно увидеть стены "апостольского дворца", который папы и кардиналы долгое время наполняли своей роскошью и развратом и в котором теперь жил римский легат, одинокий и унылый посреди этого пустынного города, по узким грязным улочкам которого редко ступали ноги монахов и священников.

ФРЭНСИС ЛАМБЕРТ —ЕГО ПОСЛУШНИК.

Однако маленький двор легата иногда оживлялся красивым, дружелюбным и смеющимся мальчиком, который резвился по его залам. [833] Это был Фрэнсис Ламберт, сын секретаря апостольского дворца, родившийся в 1487 году, за два года до Фарела. Сначала ребенок был поражен безбожием и преступлениями этих прелатов — "преступлениями столь многочисленными и столь чудовищными, - говорит он, - что я не могу их описать". [834] Однако

постепенно он привык к ним, и, по-видимому, его самого соблазнил дурной пример. [835] Однако Бог вложил в его сердце стремление к святости. Поскольку его отец умер, мать взяла на себя заботу о его образовании и, по обычаю того времени, поручила его попечению францисканцев. Освященный вид этих монахов подействовал на Франциска, и он с уважением провожал их робкими взглядами, когда видел, как они, одетые в грубые одежды, босиком или в одних грубых сандалиях, ходят взад и вперед, просят милостыню в городе и обращаются к его матери; и если им случалось улыбнуться ему, он воображал себя (по его словам) чуть ли не на небесах. [836] Монахи работали над этим предрасположением, и Фрэнсис, привлеченный ими, принял рясу в возрасте пятнадцати лет. "Богу было угодно, - сказал он спустя годы, - чтобы я поведал миру о нечистоте этих белых гробниц".

АПОСТОЛЬСКИЕ ТРУДЫ ЛАМБЕРТА.

В течение года его послушничества все шло гладко; его старательно держали в неведении; но как только он произнес свои обеты, монахи показали себя во всем своем уродстве, и ореол святости, который он обнаружил вокруг их голов, исчез, а он остался разгневанным, встревоженным и удрученным. Франциск вскоре начал ощущать в себе тайную силу, которая принудительно подталкивала его к Священному Писанию, [837] и обязывала его верить и учить Слову Божьему. В 1517 году он был назначен апостольским проповедником монастыря, и вместо того, чтобы бегать, как его коллеги, за "жирными подарками и хорошо накрытыми столами", он занялся пешими путешествиями по пустынной стране и призывал к обращению тех невежественных людей, которых огонь и искренность его речи собирали вокруг него толпы. Но когда, проведя несколько месяцев в разъездах по графству Венессен и прилегающим округам, он вернулся измученный в свой монастырь на муле, который был дан ему для перевозки его ослабленного тела, и отправился искать краткого отдыха в своей бедной келье, некоторые монахи приняли его холодно, другие с насмешками, а третьи с гневом; и они поспешили продать животное, которое, по их общему мнению, было единственной выгодой этих евангелических путешествий.

Однажды, когда брат Франциск проповедовал в одном городе с серьезностью, вполне апостольской, и живостью уроженца юга: "Разожги огонь, - воскликнул он, - перед этим священным портиком, и там пожри плоды твоей роскоши, твоего мирского мышления и твоего разврата". Тотчас же все собрание пришло в смятение; одни разожгли костер; другие побежали в свои дома и вернулись с игральными костями, картами и непристойными картинками; а затем, подобно христианам Эфеса во время проповеди святого Павла, бросили все это в огонь. Вокруг костра собралась большая толпа, и среди них несколько францисканцев, которые, заметив непристойный рисунок молодой женщины, хитро забрали его и спрятали под одним из своих платьев, "чтобы подлить масла в огонь", - говорит Ламберт. Это не ускользнуло от внимания брата Франциска; в нем вспыхнуло святое негодование, и, смело обращаясь к монахам, он обличал их распутство и воровство. Смущенные тем, что их обнаружили, они опустили головы, отказались от картины, но поклялись отомстить. [838]

ТРУДНОСТИ ЛАМБЕРТА — ОН ПОКИДАЕТ АВИНЬОН.

Ламбер, окруженный развратом и ставший объектом ненависти монахов, время от времени испытывал горячее желание вернуться в мир, который казался ему бесконечно более святым, чем монастырь; но он нашел кое-что еще лучше. Работы Лютера, которые везли на лионские ярмарки, спустились по Роне и попали в его камеру. Вскоре их у него отобрали и сожгли; но

было слишком поздно. Дух, одушевлявший августина Виттембергского, перешел к францисканцу Авиньонскому: он был спасен. Напрасно до этого он прибегал к частому посту; напрасно он спал, сидя на табурете; [839] напрасно он избегал женских взглядов, носил повязку на голове, бичевал себя и так ослабил свое тело, что едва мог держаться прямо, а иногда даже падал в обморок в церквях и на полях, когда проповедовал людям. Все это, по его словам, не могло погасить желания и изгнать мысли, которые преследовали его, и только в вере в даровую милость Божью и в святость супружеской жизни он обрел чистоту и покой. [840] Это один из тех многочисленных примеров, которые доказывают, что брак, будучи Божественным предназначением, является средством благодати и святости, и что безбрачие священников и монахов, изобретение человека, является одним из наиболее эффективных средств, способствующих нечистоте, оскверняющих воображение, нарушающих мир в семьях и наполняющих общество бесчисленными беспорядками.

Наконец монах принял решение; он уйдет из монастыря, он откажется от папства, он покинет Францию. Он пойдет туда, где потоки Евангелия текут обильно и чисто, и там окунется в них и погасит пожирающий его огонь. [841] Поскольку все его усилия тщетны, он отправится в Виттемберг, к этому великому слуге Божьему, одно имя которого вызывает дьявола и вселяет ужас, чтобы обрести покой. [842] Он воспользовался некоторыми письмами, которые должны были быть доставлены одному из настоятелей ордена, и, надев свое облачение, покинул францисканский монастырь в Авиньоне весной 1522 года, после двадцати лет борьбы. Он поднялся по Роне, пересек Лион и пересек леса, покрывающие нижние хребты Юры. Этот высокий, худой, неблагодарный монах все еще носил рясу своего ордена и ездил верхом на осле, его босые ноги почти касались земли. Мы уже видели, как он проезжал через Женеву, Лозанну, Берн и Цюрих. [843] В начале 1523 года он был в Виттемберге и принял Лютера. Но давайте вернемся во Францию и к церкви в Мо.

ГЛАВА VIII.

Преследуемые Лефевр и Фарель—Разница между лютеранской и реформатской Церквями—Леклерк вывешивает свои плакаты—Клеймо Леклерка—Рвение Беркена—Беркен перед парламентом—Спасен Франциском I.—Отступничество Мазурье—Падение и раскаяние Паванны—Мец—Шатлен—Питер Туссен становится внимательным—Леклерк разрушает образы—Осуждение Леклерка и пытки—Мученичество Шатлена—Бегство.

ЛЕФЕВР И ФАРЕЛЬ ПОДВЕРГЛИСЬ ПРЕСЛЕДОВАНИЯМ.

Запуганный Лефевр, отступающий Брисонне, вынужденный бежать Фарель — вот начало победы. В Сорбонне уже воображали, что овладели движением; врачи и монахи поздравляли друг друга с триумфом. Но этого было недостаточно; кровь не пролилась. Они снова принялись за работу, и кровь, поскольку так и должно было быть, вскоре удовлетворила фанатизм Рима.

Евангельские христиане Мо, видя, что их лидеры разошлись, стремились назидать друг друга. Чесальщик шерсти Джон Леклерк, которого уроки врачей, чтение Библии и некоторых трактатов обучили христианской доктрине, [844] прославился своим рвением и легкостью в толковании Священного Писания. Он был одним из тех людей, которых Дух Божий наполняет мужеством,

[845] и вскоре ставит во главе религиозного движения. Это было незадолго до того, как церковь Мо стала считать его своим служителем.

ЛЮТЕРАНСКАЯ И РЕФОРМАТСКАЯ ЦЕРКВИ.

Идея всеобщего священства, столь жизненный принцип среди первых христиан, была восстановлена Лютером в шестнадцатом веке. [846] Но тогда эта идея, по-видимому, существовала только в теории в лютеранской церкви, и на самом деле действовала исключительно среди реформированных христиан. Лютеранские церкви (и здесь они согласны с англиканской церковью), возможно, выбрали средний путь между Римской и реформатской церквями. Среди лютеран все исходило от пастора или священника; и ничто не считалось действительным в Церкви, что не проходило регулярно через ее руководителей. Но реформатские церкви, хотя и сохраняли Божественное назначение служения, которое отрицают некоторые секты, приблизились к примитивному состоянию апостольских общин. С тех времен, о которых мы говорим, они признали и провозгласили, что христианские пастыри не должны просто получать то, что дает пастор; что члены Церкви, так же как и ее руководители, владеют ключом к тому сокровищу, откуда последние черпают свои наставления, ибо Библия в руках всех; что милости Божьи, дух веры, мудрости, утешения, света даруются не только пастору; что каждый человек призван использовать полученный им дар на благо всех; и что определенный дар, необходимый для назидания других, может быть использован только пастором. церкви, может быть отказано служителю и все же предоставлено одному из его пастыри. Таким образом, пассивное состояние Церкви сменилось затем состоянием всеобщей активности; и во Франции, в особенности, эта революция была совершена. В других странах реформаторами были почти исключительно пастыри и врачи; но во Франции образованные люди с самого начала имели в союзниках благочестивых людей из народа. В этой стране Бог избрал в качестве своих первых работников доктора Сорбонны и гребенщика шерсти.

ПЛАКАТЫ ЛЕКЛЕРКА — ФИРМЕННЫЙ ЗНАК.

Гребенщик шерсти Леклерк начал ходить из дома в дом, утверждая учеников. Но, не останавливаясь на этих обычных заботах, он хотел бы видеть, как рушится здание папства и Франция из этих руин с криком радости обращается к Евангелию. Его неосмотрительное рвение может напомнить нам о рвении Хоттингера в Цюрихе и Карлштадта в Виттемберге. Он написал воззвание против Римского антихриста, объявив, что Господь собирается уничтожить Рим дыханием своих уст. Затем он смело вывесил свои "плакаты" на воротах собора. [847] В настоящее время все было в смятении вокруг этого древнего сооружения. Верующие были поражены; священники пришли в ярость. Что? человек, занимающийся расчесыванием шерсти, осмеливается равняться с папой римским! Францисканцы вели себя возмутительно и требовали, чтобы хотя бы в этот раз был подан ужасный пример. Леклерк был брошен в тюрьму.

Суд над ним закончился через несколько дней на глазах у самого Брисонне, которому теперь предстояло быть свидетелем всего происходящего и терпеть его. Чесальщика приговорили к тому, что его три дня подряд били плетью по городу, а на третий - поставили клеймо на лбу. Вскоре началось это печальное зрелище. Леклерка вели по улицам со связанными руками и обнаженной спиной, и палачи наносили ему удары, которые он сам навлек на себя, восстав против римского епископа. Огромная толпа следовала по следу, отмеченному кровью мученика. Некоторые кричали от ярости против еретика; другие своим молчанием не давали

ему однозначных знаков своего нежного сострадания. Одна женщина подбодрила несчастного мужчину своим видом и словами: она была его матерью.

КРИК МАТЕРИ —СОБРАНИЯ ВЕРУЮЩИХ.

Наконец, на третий день, когда окровавленная процессия завершилась, они с Леклерком остановились на обычном месте казни. Палач приготовил огонь, раскалил железо, которым предстояло нанести горящую метку на евангелиста, и, подойдя к нему, поставил ему клеймо на лбу как еретика. Послышался крик, но исходил он не от мученика. Его мать, видевшая ужасную сцену и терзаемая муками, пережила жестокую борьбу: это был энтузиазм веры, борющийся в ее сердце с материнской любовью; наконец вера восторжествовала, и она воскликнула голосом, заставившим противников задрожать: "Слава Иисусу Христу и Его свидетелям!" [848] Так эта француженка шестнадцатого века исполнила заповедь Сына Божьего: "Тот, кто любит своего сына больше, чем меня, недостоин меня". Подобная смелость и в такой момент заслуживала сурового наказания; но эта мать-христианка потрясла сердца как священников, так и солдат. Вся их ярость была обуздана более сильной рукой, чем их собственная. Толпа, почтительно расступаясь, позволила матери мученицы медленно вернуться в свое скромное жилище. Монахи и даже городские сержанты смотрели на нее, не двигаясь. "Ни один из ее врагов не осмеливался поднять на нее руку", - сказал Теодор Беза. После этой казни Леклерк, выйдя на свободу, удалился в Розэ в Бри, маленьком городке примерно в шести лье от Мо, а затем в Мец, где мы еще встретимся с ним.

Противники торжествовали. "Кордельеры, вновь захватив кафедры, как обычно, распространяли свою ложь и надувательство". [849] Но бедные рабочие города, лишенные возможности слышать Слово Божье на регулярных собраниях, "начали встречаться тайно, - говорит наш хронист, - подобно сынам пророков во времена Ахава и христианам первоначальной Церкви; и, когда предоставлялась возможность, они собирались то в доме, то в какой-нибудь пещере, иногда также в винограднике". или в лесу. Там тот из них, кто был наиболее сведущ в Священном Писании, увещевал остальных; и после этого все они молились вместе с большим мужеством, поддерживая друг друга надеждой, что Евангелие возродится во Франции и что тирании антихриста придет конец". [850] Нет силы, способной остановить продвижение истины.

РВЕНИЕ БЕРКЕНА — ВИЗИТ ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА.

Но одной жертвы было недостаточно; и если первый, против кого было возбуждено преследование, был гребцом шерсти, то второй был придворным джентльменом. Необходимо было напугать как знать, так и народ. Их преподобие из Парижской Сорбонны и подумать не могли, что францисканцы из Мо их опередят. Беркен, "ученейший из дворян", черпал новую смелость в Священном Писании и, напав в некоторых эпиграммах на "шершней Сорбонны", открыто обвинил их в нечестии. [851]

Беда и Дачезне, которые не осмелились ответить в своей обычной манере на остроты королевского придворного, изменили свое мнение, как только обнаружили серьезные убеждения, скрытые за этими нападка. Беркен стал христианином: его гибель была предreshена. Беда и Дачезне, захватив некоторые из его переводов, нашли в них материал для сожжения не одного еретика, а нескольких. "Он утверждает, - сказали они, - что неправильно призывать Деву Марию вместо Святого Духа и называть ее источником всякой благодати. [852]

Он осуждает практику называть ее *нашей надеждой, нашей жизнью* и говорит, что эти титулы принадлежат только Сыну Божьему". Помимо этого, были и другие дела. Кабинет Берквина был похож на лавку книготорговца, откуда по всему королевству распространялись коррупционные материалы. *Общие места* Меланхтона, в частности, благодаря элегантности своего стиля поколебали веру французских литераторов. Этот благочестивый дворянин, живший только среди своих фолиантов и *трактатов*, из христианского милосердия стал переводчиком, корректором, печатником и книготорговцем.....Было важно остановить этот грозный поток у самого его истока.

БЕРКЕН ПЕРЕД ПАРЛАМЕНТОМ.

Однажды, когда Беркен спокойно сидел за своими занятиями, среди своих любимых книг, его дом внезапно окружили вооруженные сержанты, которые яростно постучали в дверь. Это были Сорбонна и ее агенты, которые, получив полномочия от парламента, совершали визит по месту жительства. Беда, грозный синдик, был во главе их, и никогда инквизитор не выполнял свой долг лучше; в сопровождении своих спутников он вошел в библиотеку Берквина, рассказал ему о своем деле, приказал не спускать с него глаз и начал поиски. Ни одна книга не ускользнула от его пронзительного взгляда, и по его приказу была составлена точная опись всего этого. Здесь был трактат Меланхтона, там книга Карлштадта; дальше - труд Лютера. Здесь были еретические книги, переведенные с латыни на французский самим Беркеном; там - другие его собственного сочинения. Все работы, которые изъясил Беда, за исключением двух, были наполнены лютеранскими ошибками. Он вышел из дома, унося свою добычу, и в более приподнятом настроении, чем когда-либо, генерал был нагружен добычей побежденных народов. [853]

Беркен понял, что над ним разразилась великая буря, но его мужество не поколебалось. Он слишком презирал своих врагов, чтобы бояться их. Тем временем Беда не терял времени. 13 мая 1523 года парламент издал указ о том, что все книги, изъятые в доме Беркена, должны быть переданы теологическому факультету. Вскоре было озвучено мнение Сорбонны; 25 июня она осудила все работы, за исключением двух уже упомянутых, к сожжению как еретические и приказала Беркену отречься от своих ошибок. Парламент ратифицировал это решение.

Дворянин предстал перед этим грозным органом. Он знал, что следующим шагом может быть эшафот; но, подобно Лютеру в Вормсе, он оставался непреклонным. Тщетно парламент приказывал ему отречься. Беркен не был одним из тех, *кто отпадает после того, как стал причастником Святого Духа. Всякий, рожденный от Бога, хранит себя, и тот нечестивый не прикасается к нему.* [854] Каждое падение доказывает, что предыдущее обращение было только кажущимся или частичным; но обращение Берквина было реальным. Он твердо ответил суду, перед которым предстал. Парламент, более суровый, чем Вормсский сейм, приказал своим чиновникам схватить обвиняемого и отвести его в тюрьму Консьержери. Это было 1 августа 1523 года. 5-го парламент передал еретика епископу Парижа, чтобы этот прелат мог разобраться в этом деле и с помощью врачей и советников вынести приговор преступнику. Его перевели в епископальную тюрьму. [855]

ПРОИЗНЕСЕНО ФРАНЦИСКОМ I.—ЭРАЗМОМ И БЕРКЕНОМ.

Так Беркен переходил из суда в суд и из одной тюрьмы в другую. Беда, Дачезне и их клика держали свою жертву в своих руках; но двор все еще лелеял обиду на Сорбонну, а Франциск был более могущественным, чем Беда. Эта сделка вызвала сильное возмущение среди знати.

Неужели эти монахи и священники забыли, чего стоит меч джентльмена? "В чем его обвиняют?" сказали они Франциску I: "обвинять обычай призывать Деву Марию вместо Святого Духа? Но Эразм и многие другие обвиняют его точно так же. Неужели из-за таких пустяков сажают в тюрьму королевского офицера? [856] Эта атака направлена против литературы, истинной религии, благородства, рыцарства, но не против самой короны ". Король был рад еще одной возможности позлить всю компанию. Он разослал письма, в которых передал дело королевскому совету, и 8 августа в тюрьму епископа явился пристав с приказом короля освободить Берквина.

Теперь вопрос заключался в том, уступят ли монахи дорогу. Франциск I, который ожидал некоторого сопротивления, сказал агенту, уполномоченному выполнять его приказы: "Если вы встретите какое-либо сопротивление, я разрешаю вам взломать ворота". Этот язык был ясен. Монахи и Сорбонна смирились с оскорблением, и Беркен, вернувшийся на свободу, предстал перед королевским советом, который оправдал его. [857]

Так Франциск I унизил Церковь. Беркен вообразил, что Франция при его правлении может освободиться от папства, и подумывал о возобновлении войны. С этой целью он вступил в контакт с Эразмом, который сразу признал в нем достойного человека. [858] Но, всегда робкий и выжидающий, философ сказал ему: "Остерегайся наступать на осиное гнездо и спокойно продолжай свои исследования. [859] Прежде всего, не впутывай меня в свои дела; это не пойдет на пользу ни тебе, ни мне." [860]

Этот отпор не обескуражил Беркена; если самый могущественный гений эпохи отступит, он уповает на Бога, который никогда не колеблется. Божья работа будет выполнена либо с помощью человека, либо без нее. "Беркен, - сказал Эразм, - имел некоторое сходство с пальмой; он снова восстал и стал гордым и возвышающимся над теми, кто пытался встревожить его". [861]

ВЕРООТСТУПНИЧЕСТВО МАЗУРЬЕ.

Таковы были не все, кто принял евангельское учение. Мартиал Мазурье был одним из самых ревностных проповедников. Его обвинили в распространении очень ошибочных мнений, [862] и даже в совершении определенных актов насилия во время учебы в Мо. "Этот воинственный Мазурье, находясь в Мо, - говорится в рукописи об этом городе, которую мы уже цитировали, - зайдя в церковь преподобного Грейфрайерса и увидев изображение святого Франциска с пятью ранами за монастырскими воротами, где сейчас стоит изображение Святого Роха, швырнул его и разбил вдребезги". Мазурье был задержан и отправлен в консьержери, [863] где он внезапно погрузился в глубокие размышления и сильную тоску. Именно мораль, а не учение Евангелия привлекли его в ряды реформаторов; а мораль лишила его сил. Встревоженный перспективой казни на костре и твердо уверенный в том, что во Франции победа останется за Римом, он легко убедил себя, что будет пользоваться большим влиянием и почестями, вернувшись на папский престол. Соответственно, он отказался от того, чему учил, и выдвинул доктрины, прямо противоположные тем, которые, как он ранее считал, проповедовались в его приходе; [864] и впоследствии, присоединившись к самым фанатичным врачам, и особенно к знаменитому Игнатию Лойоле, он стал с того времени самым ревностным сторонником папского дела. [865] Со времен императора Юлиана отступники после своей неверности всегда становились самыми безжалостными преследователями доктрин, которые они когда-то исповедовали.

ПАДЕНИЕ И РАСКАЯНИЕ ПАВАННЫ.

Мазурье вскоре нашел возможность проявить свое рвение. Юный Джеймс Паванн также был брошен в тюрьму. Мартиал надеялся, что, заставив его пасть таким же, как он сам, он сможет скрыть свой собственный позор. Молодость, дружелюбие, образованность и прямота Паванна вызвали всеобщий интерес в его пользу, и Мазурье вообразил, что сам он был бы менее виноват, если бы смог убедить мастера Джеймса последовать его примеру. Он навестил его в тюрьме и начал свои маневры с того, что притворился, будто продвинулся дальше Паванна в познании истины: "Ты ошибаешься, Джеймс, - часто повторял он ему, - ты не погружался в морские глубины; ты знаешь только поверхность вод". [866] Не было пощады ни софистике, ни обещаниям, ни угрозам. Несчастный юноша, соблазненный, взволнованный и потрясенный, в конце концов пал жертвой этих вероломных нападков и публично отказался от своих мнимых ошибок на следующий день после Рождества 1524 года. Но с этого часа Всемогущий наслал на Павана дух уныния и раскаяния. Им овладела глубокая печаль, и он постоянно вздыхал. "Увы! - повторил он. - В жизни для меня нет ничего, кроме горечи". Печальная расплата за неверие!

МЕЦ—АГРИППА И ШАТЛЕН.

Тем не менее, среди тех, кто принял Слово Божье во Франции, были люди более бесстрашные духом, чем Мазурье и Паванн. Примерно в конце 1523 года Леклерк уехал в Мец в Лотарингии, и там, по словам Теодора Безы, он последовал примеру святого Павла в Коринфе, который, занимаясь своим ремеслом изготовителя палаток, убедил евреев и греков. [867] Леклерк, все еще продолжая свою профессию чесальщика шерсти, наставлял людей своего круга; и многие из них действительно обратились. Так этот скромный ремесленник заложил фундамент церкви, которая впоследствии стала знаменитой.

Леклерк был не первым человеком, который попытался пролить новый свет Евангелия на Мец. Ученый, известный в ту эпоху своим искусством в оккультных науках, магистр Агриппа Неттесгеймский, "удивительно образованный клерк небольшого роста, много времени проводивший в путешествиях, говоривший на всех языках и изучавший все науки", [868] обосновался в Меце и даже стал городским синдиком. Агриппа раздобыл труды Лютера и передал их своим друзьям, [869] и среди прочих мастеру Джону, священнику Сент-Круа, который сам был крупным клерком и с которым мастер Агриппа был очень близок. Многие представители духовенства, знати и горожан, воодушевленные мужеством, проявленным Лютером в Вормсе, перешли на его сторону, [870] и уже в марте 1522 года евангелический плакат, восхваляющий то, что сделал Лютер, был вывешен крупными буквами на углу епископского дворца и привлек большое общественное внимание. Но когда появился Леклерк, пламя, на мгновение погасшее, вспыхнуло с новой силой. В зале заседаний совета, в зале капитула и в домах горожан разговор постоянно крутился вокруг лютеранских дел. "Многие выдающиеся клерки и ученые люди ежедневно задавали вопросы, обсуждали и дебатировали этот вопрос, и по большей части принимали сторону Лютера, и уже проповедовали и провозглашали эту проклятую секту". [871]

Вскоре евангелическое дело получило мощное подкрепление. "Примерно в это же время (1524 г.), - говорится в хронике, - в Мец приехал монах-августинец по имени Джон Шателлен (Chatelain), человек преклонных лет, приятных манер, великий проповедник и очень красноречивый, чудесный утешитель бедняков. Этим он завоевал расположение большинства людей (не всех), особенно большинства священников и великих раввинов, против которых упомянутый монах Иоанн ежедневно проповедовал, излагая их пороки и прегрешения, говоря,

что они жестоко обращались с бедными людьми, из-за чего была возбуждена великая вражда ". [872]

ЛАМБЕРТ В ВИТТЕМБЕРГЕ.

Джон Шатлен, монах-августинец из Турне и доктор богословия, был приведен к познанию Бога [873] благодаря общению с августинцами Антверпена. Учение Христа, проповедуемое им в ризе и палантине, казалось жителям Меца менее необычным, чем когда оно сорвалось с уст бедного ремесленника, который отложил гребень, которым расчесывал шерсть, чтобы объяснить французскую версию Евангелия.

В Меце все кипело во время того знаменитого Великого поста 1524 года, когда на сцене появился новый персонаж - священник, врач, бывший монах и (чего еще никогда не видели во Франции или Лотарингии) с женой. [874] Это был Ламберт Авиньонский.

По прибытии Ламберта в Виттемберг, который был целью его путешествия после выхода из монастыря, он был хорошо принят Лютером, и реформатор поспешил порекомендовать Спалатину и курфюрсту этого монаха, который "из-за преследований выбрал бедность и изгнание Он нравится мне во всех отношениях", - добавил Лютер. [875] Ламберт начал читать лекцию о пророке Осии в университете перед аудиторией, которая не могла скрыть своего удивления, услышав такие вещи из уст галла. [876] А затем, постоянно обращая взор к своей родной стране, он начал переводить на французский и итальянский несколько евангелических брошюр, опубликованных Лютером и другими врачами. Он был не единственным французом в Виттемберге: там он встречался с графами, рыцарями, дворянами и другими людьми, приехавшими из Франции, чтобы повидаться с курфюрстом и побеседовать с Лютером, "надзирателем за работами, которые совершались в мире". [877] Эти французы взаимно поощряли друг друга и, как это обычно бывает с эмигрантами, преувеличивали положение дел, воображая, что быстрая революция приведет к триумфу в их собственной стране дела, которое им было так дорого. "Почти вся Галлия взбудоражена", - писал Ламберт курфюрсту Саксонии. "Хотя во Франции у правды нет хозяина и вожака, ее друзей очень много". [878]

ЕВАНГЕЛИЧЕСКАЯ ПРЕССА В ГАМБУРГЕ.

Только одно сдерживало этих французов в Виттемберге: печатание брошюр, предназначенных для их соотечественников. "Если бы я мог найти кого-нибудь, - воскликнул Ламберт, - кто умел бы печатать не только на латыни, но и на французском и даже на итальянском". [879] Таково было положение дел, когда появились некие незнакомцы: они были из Гамбурга. "Мы пришли попросить у вас несколько французских трактатов, - сказали они Ламберту, - потому что у нас есть кое-кто в Гамбурге, кто тщательно их напечатает". [880] По-видимому, в Гамбурге было также несколько французских эмигрантов и печатник среди прочих. Ламберт не мог сдержать своей радости, но возникло еще одно затруднение: "И как, — спросил он, - мы можем доставить эти книги во Францию с берегов Эльбы?" - "Морем; на судах, которые плавают туда-сюда", - ответили Гамбургеры. [881] "Были приняты все необходимые меры". Таким образом, едва Евангелие было восстановлено в Церкви, как океан стал инструментом его распространения. *Господь проложил путь в море.* [882]

Однако этого могло быть недостаточно; каждый француз, возвращающийся во Францию, должен был иметь при себе несколько книг, хотя наградой за его предприятие мог стать эшафот. *Сейчас* больше разговоров, *тогда* было больше действий. Молодой французский дворянин Клод де Торо, покинувший Виттемберг в мае 1523 года, увез с собой большое количество евангелических трактатов и писем, которые Ламберт написал многим самым выдающимся людям Франции и Савойи. [883]

ЖЕНИТЬБА ЛАМБЕРТА —ТОСКА ПО ФРАНЦИИ.

13 июля 1523 года Ламберт, которому тогда было тридцать шесть лет, "решивший (по его собственным словам) покинуть пути нечистоты, как делал всегда", вступил в священные узы брака за два года до Лютера и первым из французских монахов или священников. Женившись, он вспомнил, что ему следует думать не о том, "как он мог бы угодить своей жене, а о том, как он мог бы угодить Господу". Кристина, дочь достойного гражданина Герцберга, была готова стать спутницей его страданий. Ламберт сказал своим виттембергским друзьям, что намерен вернуться во Францию.

Лютер и Меланхтон пришли в ужас от этой мысли. "Вам следует ехать скорее из Франции в Германию, - сказал Лютер, - чем из Германии во Францию". [884] Ламберт, все мысли которого были во Франции, не обратил внимания на советы реформаторов. [885]

ЖРЕБИЙ.

И все же чувства Лютера не могли не произвести на него некоторого впечатления. Должен ли он отправиться в Цюрих, куда его призывает Лютер? или во Францию или Лотарингию, куда его зовут Фарел и, как он верит, сам Христос? Он был в большом замешательстве. [886] В Цюрихе он найдет покой и безопасность; во Франции - опасность и смерть. [887] Его покой был нарушен, он не мог найти покоя; [888] он бродил по улицам Виттемберга с опущенными глазами, и его жена не могла вернуть ему безмятежность. Наконец он упал на колени и воззвал к Господу, чтобы тот положил конец его борьбе, объявив Свою волю при бросании жребия. [889] Он взял два листка бумаги; на одном он написал *Франция*, на другом *Швейцария*; он закрыл глаза и вытянул; жребий пал на Франция. [890] Он снова упал на колени: "О Боже, - сказал он, - если ты не закроешь эти уста, которые желают вознести хвалу тебе, сообрази о своем удовольствии". [891] Он попробовал еще раз, и ответом по-прежнему была *Франция*. И несколько часов спустя, вспомнив (сказал он), что Гедеон, когда его призвали выступить против мадианитян, трижды просил знамения с небес возле дуба Офры, [892] он помолился Богу в третий раз, и в третий раз лот ответил *Франция*. С этого часа он больше не колебался, и Лютер, который не мог так довериться жребию, ради мира перестал настаивать на своих возражениях, и Ламберт в феврале или марте 1524 года, взяв с собой жену, отбыл в Страсбург, откуда направился в Мец.

Вскоре он сблизился с Шатленом, которого называл "своим Джонатаном", и, появившись перед собранием, которому было поручено расспросить о его доктринах: "Позвольте мне проповедовать публично, - сказал житель Авиньона, - и я немедленно опубликую сто шестнадцать тезисов, объясняющих мою доктрину, и которые я буду защищать от кого угодно".

Палата XIII, господа клерки и господа судьи, к которым был вызван Ламбер, испугались такой просьбы и отказали в разрешении; и вскоре после этого, по словам Ламбера, весь отряд Антихриста пришел в смятение; каноники, монахи, инквизиторы, чиновники епископа и все их

сторонники попытались схватить его и бросить в темницу какого-нибудь монастыря. [893] Магистраты защитили Ламберта, но намекнули, что ему лучше покинуть город. Ламберт повиновался. "Я сбегу, - сказал он своему Хозяину, - но все равно признаю твое имя! Всякий раз, когда тебе будет угодно, я буду терпеть смерть. Я в твоих руках; я бегу, и все же я не бегу; это бегство, которое подобает всем тем, кто достиг совершенства". [894] Ламберта и двух недель не было в Меце. Ему предстояло узнать, что Бог объявляет свою волю иными средствами, чем жеребьевка. Этот монах с берегов Роны был предназначен не для Франции; вскоре мы увидим, как он играет важную роль в Германии как реформатор Гессена. Он вернулся в Страсбург, оставив Шатлена и Леклерка в Меце.

ПИТЕР ТУССЕН.

Благодаря усердию этих двух людей свет Евангелия все больше и больше распространялся по всему городу. У очень набожной женщины по имени Туссен, принадлежавшей к среднему сословию, был сын по имени Питер, с которым в разгар его занятий спортом она часто беседовала с серьезным напряжением. Повсюду, даже в домах горожан, ожидалось что-то экстраординарное. Однажды ребенок, предаваясь естественным для его возраста развлечениям, катался верхом на палке в комнате своей матери, когда последняя, беседуя со своими друзьями о делах Божьих, сказала им взволнованным голосом: "Антихрист скоро придет с великой силой и уничтожит тех, кто был обращен проповедью Илии". [895] Эти часто повторяемые слова привлекли внимание ребенка, и он еще долго вспоминал их. Питер Туссен уже не был ребенком, когда доктор теологии и комбайнер проповедовали Евангелие в Меце. Его родственники и друзья, удивленные его юношеским гением, надеялись когда-нибудь увидеть его занимающим видное положение в Церкви. Один из его дядей, брат его отца, был настоятелем Меца; это было высшее достоинство в капитуле. [896] Кардинал Иоанн Лотарингский, сын герцога Рене, содержавший крупное заведение, выказывал большое уважение к настоятелю и его племяннику. Последний, несмотря на свою молодость, только что получил пребенду, когда начал внимательно прислушиваться к Евангелию. Не может ли проповедь Шатлена и Леклерка быть проповедью Элиаса? Это правда, Антихрист уже вооружается против него повсюду. Но это не имеет значения. "Давайте поднимем наши головы к Господу, - сказал он, - ибо он придет и не будет медлить". [897]

Д'Эш — ОБРАЗЫ.

Евангельское учение проникало в первые семьи Меца. Шевалье Д'Эш, человек весьма уважаемый и близкий друг декана, только что был обращен. [898] Друзья Евангелия возрадовались. "Рыцарь, наш достойный господин", - повторил Питер, добавив с благородной прямоотой: "Если, однако, нам будет позволено иметь хозяина на земле". [899]

Таким образом, Мец был близок к тому, чтобы стать средоточием света, когда неосторожное рвение Леклерка внезапно остановило этот медленный, но верный прогресс и вызвало бурю, которая угрожала полному разрушению восходящей церкви. Простые жители Меца продолжали придерживаться своих старых суеверий, и сердце Леклерка было раздосадовано, когда он увидел, что этот великий город погряз в "идолопоклонстве". Приближался один из их великих праздников. Примерно в лиге от города стояла часовня с изображениями Пресвятой Богородицы и самых знаменитых святых страны, куда все жители Меца имели обыкновение совершать паломничество в определенный день в году, чтобы поклониться изображениям и получить прощение своих грехов.

РАЗБИТЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ —ПРОЦЕССИЯ.

Наступил канун праздника: набожная и мужественная душа Леклерка была сильно взволнована. Разве Бог не сказал: *ты не должен преклоняться перед их богами; но ты должен полностью низвергнуть их и полностью разрушить их изображения?* [900] Леклерк подумал, что этот приказ адресован ему, и, не посоветовавшись ни с Шатленом, ни с Эшем, ни с кем-либо из тех, кто, как он мог подозревать, отговорил бы его, покинул город вечером, как раз когда надвигалась ночь, и приблизился к часовне. Там он некоторое время размышлял, молча сидя перед статуями. В его власти все еще было отступить; но ... завтра, через несколько часов, весь город, который должен поклоняться одному Богу, преклонит колени перед этими деревянными и каменными блоками. В груди шерстокрута завязалась борьба, подобная той, которую мы прослеживаем у столь многих христиан первых веков существования Церкви. Какое ему дело до того, что он видит изображения святых, а не языческих богов и богинь? Разве поклонение, которое люди оказывают этим изображениям, не принадлежит одному Богу? Подобно Полиевкту перед идолами в храме, его сердце содрогается, его мужество возрождается:

Ne perdons plus de temps, le sacrifice est prêt,
Allons y du vrai Dieu soutenir l'intérêt;
Allons fouler aux pieds ce foudre ridicule,
Dont arme un bois pourri ce peuple trop crédule;
Allons en éclairer l'aveuglement fatal,
Allons briser ces dieux de pierre et de métal;
Abandonnons nos jours à cette ardeur céleste—
Faisons triompher Dieu;—qu'il dispose du reste. [901]
Корнель, Полиевкт.

Леклерк встал, подошел к изображениям, снял их и разбил вдребезги, в негодовании разбросав обломки перед алтарем. Он не сомневался, что Дух Господень побудил его к этому поступку, и Теодор Беза думает так же. [902] После этого Леклерк вернулся в Мец, в который он въехал на рассвете, незамеченный, за исключением нескольких человек, когда он входил в ворота. [903]

ЛЕКЛЕРК ОСУЖДЕН И ПОДВЕРГНУТ ПЫТКАМ.

Тем временем в древнем городе все пришло в движение; звонили колокола; собирались братства; и все население Меца во главе с канониками, священниками и монахами вышло торжественной процессией; они читали молитвы или пели гимны святым, которым собирались поклоняться; кресты и знамена двигались в должном порядке, а музыкальные инструменты или барабаны отзывались на голоса верующих. Наконец, после почти часового перехода процессия достигла места паломничества. Но каково же было изумление священников, когда, подойдя с кадильницей в руке, они обнаружили изображения, которым они пришли поклониться, изуродованными и покрывающими землю своими фрагментами. Они в ужасе отшатнулись и объявили толпе об этом святотатственном поступке. Внезапно пение прекратилось, инструменты замолчали, знамена были приспущены, и вся толпа пришла в неопишемое волнение. Каноники, священники и монахи пытались воспламенить их умы и побуждали людей искать преступника и требовать его смерти. [904] Но один крик сорвался с губ каждого: "Смерть, смерть святотатцу!" Они вернулись в Мец в спешке и беспорядке.

Леклерк был известен всем; много раз он называл изображения идолами. Кроме того, разве его не видели на рассвете возвращающимся со стороны часовни? Он был схвачен; он немедленно признался в своем преступлении и призвал людей поклоняться одному Богу. Но эти слова еще больше привели в ярость толпу, которая была готова предать его немедленной смерти. Когда его привели к судьям, он смело заявил, что поклоняться следует только Иисусу Христу, Богу, явленному во плоти. Его приговорили к сожжению заживо и доставили к месту казни.

МУЖЕСТВО МУЧЕНИКА—СОЖЖЕННЫЙ ШАТЛЕН.

Здесь его ожидала ужасная сцена. Жестокость его преследователей измышляла все, чтобы сделать его наказание еще более ужасным. Возле эшафота люди нагревали щипцы, которые должны были послужить орудиями их ярости. Леклерк, твердый и спокойный, невозмутимо слушал дикие вопли монахов и людей. Они начали с того, что отрубили ему правую руку; затем, взяв горящие щипцы, они оторвали ему нос; после этого они изрезали ему руки, и когда они таким образом искалечили их в нескольких местах, они завершили тем, что сожгли его грудь. [905] Пока его враги таким образом мстили его телу, разум Леклерка пребывал в покое. Он произнес торжественно и громким голосом [906] эти слова Давида: *Их идолы - серебро и золото, творение рук человеческих. У них есть рты, но они не говорят; у них есть глаза, но они не видят; у них есть уши, но они не слышат; у них есть носы, но они не обоняют; у них есть руки, но они не прикасаются; у них есть ноги, но они не ходят; и говорят они не горлом. Те, кто их создает, подобны им; таков и каждый, кто уповает на них. О Израиль, уповай на Господа; Он - их помощь и щит.* (Псалом схв. 4-9). Вид такой стойкости устрасил врагов и укрепил верующих; [907] люди, которые прежде проявляли столько гнева, были поражены и тронуты состраданием. [908] После этих пыток Леклерк был сожжен на медленном огне в соответствии с вынесенным ему приговором. Такова была смерть первого евангельского мученика во Франции.

Но священники Меца не были удовлетворены. Напрасно они пытались поколебать постоянство Шатлена. "Он глух, как гадюка, - говорили они, - и отказывается слышать правду". [909] Он был схвачен приспешниками кардинала Лотарингского и доставлен в замок Номмени.

Затем он был унижен служителями епископа, которые сняли с него священническое облачение и поскребли ему пальцы осколком стекла, сказав: "Этим поскребыванием мы лишаем тебя силы приносить жертвы, освящать и благословлять, которую ты получил через помазание рук". [910] Затем, набросив на него одежду мирянина, они передали его светской власти, которая приговорила его к сожжению заживо. Вскоре свая была воздвигнута, и служитель Христа был поглощен пламенем. "Тем не менее лютеранство распространилось по всему округу Мец", - говорят авторы "Истории Галликанской церкви", которые в других отношениях весьма одобряют эту суровость.

ФАРЕЛ И ЕГО БРАТЬЯ.

Как только эта буря обрушилась на церковь в Меце, в семью Туссена вошла скорбь. Его дядя, декан, не принимавший активного участия в мерах, направленных против Леклерка и Шатлена, содрогнулся при мысли, что его племянник принадлежал к их партии. Тревога его матери была еще сильнее. Нельзя было терять ни минуты; свобода и жизнь всех, кто прислушивался к Евангелию, были в опасности. Кровь, пролитая инквизиторами, только усилила их жажду:

вскоре будут возведены новые эшафоты. Питер Туссен, рыцарь Эш и многие другие поспешно покинули Мец и искали убежища в Базеле.

ГЛАВА IX.

Фарел и его братья—Фарела изгнали из Гэпа—Он проповедует в Полях—Рыцарь Анемон из Кокта—Минорит—Анемон покидает Францию—Лютер герцогу Савойскому—Фарел покидает Францию.

С такой силой обрушился шторм преследований на Мо и Мец. Север Франции отверг Евангелие: Евангелие на какое-то время отступило. Но Реформация лишь изменила почву, и ареной действий стали юго-восточные провинции.

ФАРЕЛ ИЗГНАН ИЗ ГЭПА —СЕЛЬСКАЯ ПРОПОВЕДЬ.

Фарель, укрывшийся у подножия Альп, трудился там с большой активностью. Для него не имело большого значения наслаждаться сладостями домашней жизни в кругу своей семьи. Слух о том, что произошло в Мо и Париже, поверг его братьев в некоторый ужас; но неведомая сила влекла их к новым и замечательным вещам, о которых Уильям беседовал с ними. Последний умолял их со всей пылкостью своего рвения обратиться к Евангелию; [911] и Даниил, Уолтер и Клод были, наконец, покорены тому Богу, которого провозгласил их брат. Сначала они не отказались от религиозного поклонения своим предкам; но когда начались гонения, они мужественно пожертвовали своими друзьями, своим имуществом и своей страной, чтобы свободно поклоняться Иисусу Христу. [912] Братья Лютер и Цвингле, по-видимому, не были столь решительно обращены в Евангелие; французская реформа с самого начала носила более нежный и домашний характер.

Фарел не ограничивался своими увещеваниями для своих братьев; он провозглашал истину своим родственникам и друзьям в Гэпе и по соседству. Если верить рукописи, может даже показаться, что, пользуясь дружбой определенных священнослужителей, он начал проповедовать Евангелие в нескольких церквях; [913] но другие авторитетные источники положительно заявляют, что в это время он не поднимался на кафедру. Как бы то ни было, доктрина, которую он исповедовал, вызвала большое волнение. Толпа и духовенство желали заставить его замолчать. "Что это за новая и странная ересь?" - спросили они. "Неужели все занятия благочестием должны быть признаны тщетными? Он не монах и не священник: ему незачем проповедовать". [914]

Вскоре все гражданские и церковные власти Гэпа объединились против Фарела. Очевидно, он был агентом той секты, против которой выступает вся страна. "Давайте отбросим эту головню раздора подальше от нас", - воскликнули они. Фарела вызвали на допрос, с ним жестоко обошлись и насильно изгнали из города. [915]

Однако он не покинул свою родную страну: разве на полях, в деревнях, на берегах Дюранса, Гизанны и Изера не было многих душ, нуждавшихся в Евангелии? и если бы ему грозила какая-нибудь опасность, разве не мог бы он найти убежище в тех лесах, пещерах и отвесных скалах, которые он так часто пересекал в юности? Поэтому он начал разъезжать по стране, проповедуя в частных домах и на уединенных полях и ища убежища в лесах и на берегу ручьев. [916] Это

была школа, в которой Бог готовил его к другим трудам. "Кресты, преследования и козни сатаны, о которых я был предупрежден, не прошли даром, - сказал он. - они гораздо суровее, чем я мог бы вынести сам; но Бог - мой отец; Он дал и всегда будет давать мне силу, в которой я нуждаюсь". [917] Огромное количество жителей этих сельских округов услышали правду из его уст. Таким образом, преследования, изгнавшие Фареля из Парижа и из Мо, способствовали распространению Реформации в провинциях Сона, Рона и Альпы. Каждая эпоха была свидетелем исполнения изречения Писания: *Рассеянные повсюду ходили, проповедуя Слово.* [918]

АНЕМОН ДЕ КОК.

Среди французов, которые в то время были привлечены к Евангелию, был дворянин из Дофини, шевалье Анемон де Кок, младший сын аудитора Кока, сеньора Шатлара. Он был деятельным, пылким и жизнерадостным, искренне набожным и врагом реликвий, процессий и духовенства; он с большой готовностью воспринял евангельское учение и вскоре был всецело предан ему. Он не выносил форм в религии и с радостью отменил бы все церковные обряды. Религия сердца, внутреннее богослужение, была, по его мнению, единственно верной. "Никогда, - сказал он, - мой дух не находил покоя во внешнем. Суть христианства заключена в этих словах: *Иоанн истинно крестил водой, но вы будете крещены Духом Святым; вы должны облечься в нового человека.*" [919]

Кок, наделенный всей живостью француза, говорил и писал то по-латыни, то по-французски. Он читал и цитировал Доната, Фому Аквинского, Ювенала и Библию! Его стиль был резким, он внезапно переходил от одной идеи к другой. Всегда в движении, он появлялся везде, где, казалось, была открыта дверь для Проповеди Евангелия или можно было услышать знаменитого врача. Своей сердечностью он завоевал сердца всех своих знакомых. "Он отличается высоким званием и ученостью, - сказал Цвингле позже, - но еще больше отличается набожностью и приветливостью". [920] Анемон относится к типу многих французов-реформаторов. Живость, простодушие, рвение, иногда доходящее даже до безрассудства, - вот качества, часто встречающиеся у тех его соотечественников, которые приняли Евангелие. Но на противоположной стороне французского характера мы находим серьезные черты Кальвина, весомый противовес легкомыслию Кока. Кальвин и Анемон - это два полюса, между которыми вращается весь религиозный мир Франции.

СЕМЬЯ АНЕМОНДА — МОНАХ-МИНОРИТ.

Как только Анемонд получил знание об Иисусе Христе от Фарела, [921], он сам попытался привлечь новообращенных в это учение о духе и жизни. Его отец умер; его старший брат, обладавший резким и надменным характером, презрительно отталкивал его. Лоуренс, младший в семье, искренне любивший его, казалось, понимал его лишь наполовину. Анемонд, обнаружив, что его отвергли собственные сородичи, направил свою деятельность в другую сторону.

До сих пор пробуждение в Дофини касалось исключительно мирян. Фарель, Анемон и их друзья желали видеть священника во главе этого движения, которое, казалось, должно было потрясти провинции Альп. В Гренобле жил священник-минорит по имени Питер Себвилл, проповедник великого красноречия, с честным и добрым сердцем, не советовавшийся с плотью и кровью, и которого Бог постепенно привлекал к себе. [922] Себвилл вскоре осознал, что нет

непогрешимого учителя, кроме Слова Божьего; и, отказавшись от доктрин, которые поддерживаются только человеческим свидетельством, он по своему разумению решил проповедовать Слово "чисто, ясно и свято". [923] В этих трех словах суммируется вся Реформация. Кок и Фарел были в восторге, услышав, как этот новый проповедник благодати возвысил свой красноречивый голос в их провинции, и подумали, что отныне их собственное присутствие будет менее необходимым.

АНЕМОН ПОКИДАЕТ ФРАНЦИЮ И НАВЕЩАЕТ ЛЮТЕРА.

Чем больше распространялось пробуждение, тем более ожесточенной становилась оппозиция. Анемонд, желавший познакомиться с Лютером и Цвингле и посетить те страны, где зародилась Реформация, и возмущенный неприятием Евангелия своими соотечественниками, решил попрощаться со своим домом и семьей. Он составил завещание, распорядившись своим имуществом, находившимся в то время в руках его старшего брата, лорда Шатлара, в пользу своего брата Лоуренса; [924] а затем покинув Дофини и Францию, он со всей стремительностью юга направился через страны, пересечь которые в ту эпоху было нелегко, и проезжая через Швейцарию, почти не останавливаясь в Базеле, он прибыл в Виттемберг, где проживал Лютер. Это было вскоре после второго Нюрнбергского сейма. Французский джентльмен обратился к саксонскому доктору со своей обычной живостью; с энтузиазмом беседовал с ним о Евангелии и охотно изложил ему свои планы по распространению истины. Саксонская серьезность улыбнулась южному воображению шевалье; [925] и Лютер, несмотря на определенные предубеждения против французского характера, был очарован и увлечен Анемоном. Его тронула мысль, что этот джентльмен приехал из Франции в Виттемберг ради Евангелия. [926] "Несомненно, - сказал реформатор своим друзьям, - этот французский рыцарь превосходный, образованный и благочестивый человек". [927] Молодой дворянин произвел одинаковое впечатление на Цвингля и на Лютера.

АНЕМОН И ЛЮТЕР —ЛЮТЕР ГЕРЦОГУ САВОЙСКОМУ.

Анемонд, видя, что натворили Лютер и Цвингле, подумала, что если они обратят свое внимание на Францию и Савойю, ничто не сможет им противостоять. Соответственно, поскольку он не мог уговорить их поехать туда, он умолял их хотя бы написать. В частности, он просил Лютера направить письмо герцогу Карлу Савойскому, брату Луизы и Филиберты и дяде Франциска I и Маргариты. "Этот принц, - сказал он доктору, - испытывает большое влечение к благочестию и истинной религии, [928] и любит беседовать о Реформации с некоторыми людьми при его дворе. Он как раз тот человек, который поймет вас; ибо его девиз таков: *Ни во что не вмешиваться*, [929] и это устройство тоже ваше. Раненый по очереди империей и Францией, униженный, раздосадованный и постоянно находящийся в опасности, его сердце нуждается в Боге и его благодати: все, чего он хочет, - это мощный импульс. Если бы его привлекло Евангелие, он оказал бы огромное влияние на Швейцарию, Савойю и Францию. Напишите ему, умоляю вас".

Лютер был стопроцентным немцем по характеру и чувствовал бы себя неловко вне Германии; тем не менее, воодушевленный истинным католицизмом, он простирали руки, как только видел братьев, и везде, где требовалось произнести какое-либо слово увещевания, он заботился о том, чтобы оно было услышано. Иногда он писал в один и тот же день в самые отдаленные уголки Европы, в Нидерланды, Савойю и Ливонию.

"Несомненно, - ответил он на просьбу Анемонды, - любовь к Евангелию - редкий дар и бесценная драгоценность для принца". [930] И он адресовал герцогу письмо, которое Анемон, вероятно, доставил в Швейцарию.

ВЕРА ЛЮТЕРА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.

"Да простит меня ваше высочество, - писал Лютер, - если я, слабый и презираемый человек, осмеливаюсь обращаться к вам; или, скорее, приписываю эту смелость славе Евангелия; ибо я не могу видеть, как этот славный свет восходит и сияет где бы то ни было, не ликуя при виде радостного sight.....It это мое желание, чтобы мой Господь Иисус Христос приобрел много душ по примеру вашего светлейшего высочества. И по этой причине я хочу изложить вам наше учение..... Мы верим, что началом спасения и итогом христианства является вера во Христа, который одной своей кровью, а не нашими делами, искупил грех и положил конец владычеству смерти. Мы верим, что эта вера - дар Божий, и что она создана Святым Духом в наших сердцах, а не обретена нашими собственными трудами. Ибо вера - это живое существо, [931] которое духовно порождает человека и делает его новым творением".

Затем Лютер перешел к последствиям веры и показал, что ею нельзя овладеть, не сместив все строительные леса ложных доктрин и человеческих деяний, которые Церковь с таким трудом воздвигла. "Если благодать, - сказал он, - достигается кровью Христа, то это не наши собственные дела. Вот причина, по которой все труды всех монастырей бесполезны, и эти учреждения должны быть упразднены, как противоречащие крови Иисуса Христа и побуждающие людей полагаться на свои собственные добрые дела. Привитым ко Христу, нам ничего не остается, кроме как творить добро, ибо, став добрыми деревьями, мы должны свидетельствовать об этом добрыми плодами.

"Милостивый принц и повелитель, - сказал Лютер в заключение, - пусть ваше высочество, положившее столь счастливое начало, поможет распространять это учение; не силой меча, который повредил бы Евангелию, но пригласив в свои штаты ученых врачей, которые могут проповедовать Слово. Именно дыханием своих уст Иисус уничтожит Антихриста, чтобы, как говорит Даниил (гл. viii. ver. 25), он может быть сломан без руки. По этой причине, светлейший принц, пусть ваше высочество раздует искру, зажженную в вашем сердце; пусть из дома Савойских вырвется пламя, как в прежние времена из дома Иосифа; [932] пусть вся Франция сгорит, как солома в этом огне; пусть оно горит, пылает и очищает, чтобы это прославленное королевство действительно могло быть называется *самой христианской*, чем она обязана, вплоть до сего часа, исключительно рекам крови, пролитой на службе Антихристу".

ФАРЕЛЬ ПОКИДАЕТ ФРАНЦИЮ.

Таким образом, Лютер пытался распространить Евангелие во Франции. Мы не знаем, какое впечатление произвело на принца это письмо; но мы не видим, чтобы он когда-либо проявлял желание отделиться от Рима. В 1522 году он обратился с просьбой к Адриану VI. стать крестным отцом своего старшего сына; и вскоре после этого папа пообещал кардинальскую шапку своему второму сыну. Анемонд, предприняв попытку увидеться с двором и курфюрстом Саксонии и получив письмо от Лютера с этой целью, [933] вернулся в Базель, более чем когда-либо решив посвятить свою жизнь Евангелию. В своем пылу он был бы рад обладать силой, способной поднять на ноги всю Францию. "Все, что я есть, - сказал он, - все, чем я буду, все, что у меня есть, все, что я буду иметь, я полон решимости посвятить во славу Божью". [934]

Анемон нашел своего соотечественника Фареля в Базеле. Письма Анемона пробудили в нем большое желание увидеть реформаторов Швейцарии и Германии. Более того, Фарелу требовалась сфера деятельности, в которой он мог бы более свободно проявлять свои силы. Поэтому он покинул Францию, которая уже не предлагала ничего, кроме эшафотов и костра для проповедников чистого Евангелия. Следуя окольными путями и прячась в лесах, он спасся, хотя и с трудом, от рук своих врагов. Он часто сбивался с пути. Наконец, в начале 1524 года он добрался до Швейцарии. Там ему было суждено провести свою жизнь в служении Евангелию, и именно тогда Франция начала посылать в Гельвецию тех благородно мыслящих евангелистов, которые должны были основать Реформацию в Швейцарии *Романда*, [935] и придать ей новый и мощный импульс в других частях конфедерации и во всем мире.

ГЛАВА X.

Католицизм реформации—Дружба Фарела и СЕОлампадия—Фарел и Эразмус—Ссора—Фарел требует диспута—Тезисы—Писание и вера—Обсуждение.

КАТОЛИЦИЗМ РЕФОРМАЦИИ

Католичность Реформации - благородная черта ее характера. Немцы перебираются в Швейцарию; французы - в Германию; в последние времена люди из Англии и Шотландии перебираются на континент, а врачи с континента - в Великобританию. Реформаторы в разных странах возникают почти независимо друг от друга; но едва они появляются на свет, как протягивают руку товарищества. Среди них одна единственная вера, один дух, один Господь. По нашему мнению, было ошибкой писать, как до сих пор, историю Реформации для одной страны; работа едина, и с самого своего возникновения протестантские церкви образуют "единое целое, прочно соединенное воедино". [936]

Многие беженцы из Франции и Лотарингии в это время основали в Базеле Французскую церковь, члены которой сбежали с эшафота. Там они поговорили о Фареле, о Лефевре и о событиях в Мо; и когда первый прибыл в Швейцарию, он уже был известен как один из самых преданных поборников Евангелия.

ДРУЖБА СЕКОЛАМПАДИЯ И ФАРЕЛА.

Его немедленно отвели к СЕКолампадиусу, который незадолго до этого вернулся в Базель. Редко случается, чтобы два человека с более противоположными характерами встретились. Колампадий был очарован его мягкостью, Фарель увлекал слушателей своей порывистостью: но с первого момента эти двое почувствовали, что они соединены навеки. [937] Это была еще одна встреча Лютера и Меланхтона. Колумпадий принял Фарела в своем доме, предоставил ему скромную комнату, скромный стол и представил его своим друзьям; и вскоре ученость, набожность и мужество молодого француза покорили сердца всех. Пелликан, Имели, Вольфгард и другие служители Базеля почувствовали, что его энергичный язык укрепил их в вере. Колампадиус был в то время сильно подавлен духом: "Увы! - сказал он Цвингле. - Я говорю напрасно и не вижу ни малейшей причины надеяться. Возможно, среди турок я добился бы большего успеха! [938]... Увы! - добавил он с глубоким вздохом, - я возлагаю вину только на

себя". Но чем больше он видел Фарела, тем больше веселело его сердце, и мужество, которое он получил от дофинезийца, легло в основу их вечной привязанности. "О мой дорогой Фарел, - сказал он, - я надеюсь, что Господь сделает нашу дружбу бессмертной, и если мы не сможем жить вместе здесь, на земле, наша радость будет только больше, когда мы соединимся одесную Христа на небесах". [939] Благочестивые и трогательные мысли!..... Прибытие Фареля было для Швейцарии, очевидно, помощью свыше.

ФАРЕЛ И ЭРАЗМУС.

Но хотя этот француз был в восторге от Колампадия, он холодно и с благородной гордостью отшатнулся от человека, к ногам которого пали ниц все народы христианского мира. Принц школ, тот, от кого каждый ждал слова или взгляда, мастер эпохи — Эразм — был забыт Фарелом. Молодой дофинец отказался пойти и отдать дань уважения старому мудрецу из Роттердама, презирая тех людей, которые лишь наполовину на стороне истины и которые, хотя и ясно осознают последствия ошибок, полны снисхождения к тем, кто их распространяет. Таким образом, мы являемся свидетелями в Фареле того решения, которое стало одним из отличительных признаков Реформации во Франции и Французской Швейцарии и которое некоторые называли жесткостью, исключительностью и нетерпимостью. Спор, возникший из-за комментариев доктора Этапля, начался между двумя великими врачами того времени, и на каждом представлении гости выступали с Эразмом против Лефевра, а Лефевр против Эразма. [940] Фарел колебался, стоит ли принимать сторону своего хозяина. Но что особенно раздражало его, так это трусость философа из Роттердама по отношению к евангельским христианам. Эразм закрыл перед ними дверь. Хорошо! Фарел не пойдет умолять о приеме. Для него это была пустяковая жертва, поскольку он чувствовал, что Эразм не обладал тем благочестием сердца, которое является основой всего истинного богословия. "Жена Фробениуса разбирается в теологии больше, чем он", - сказал Фарель; и возмущенный поведением Эразма, который в письме давал папе рекомендации, как приступить к тушению лютеранского пожара, он смело заявил, что Эразм хотел задушить Евангелие. [941]

ДОСАДА И ГНЕВ ЭАЗМА.

Эта независимость молодого Фарела приводила в ярость прославленного ученого. Принцы, короли, врачи, епископы, папы, реформаторы, священники, светские люди — все были готовы отдать ему дань восхищения; даже Лютер относился к нему с определенной снисходительностью; и этот дофинец, не знавший славы и находившийся в изгнании, осмелился бросить вызов его власти. Такая дерзкая вольность вызвала у Эразма больше раздражения, чем почтение всего мира могло доставить ему удовольствие; и соответственно он не упускал ни одной возможности выместить свое дурное настроение на Фареле; кроме того, нападая на столь известного еретика, он очищал себя в глазах католиков от всех подозрений в ереси. "Я никогда не встречал ничего более лживого, более жестокого и более мятежного, чем этот человек", [942] сказал он; "его сердце полно тщеславия, его язык переполнен злобой". [943] Но гнев Эразма не ограничивался Фарелем; он был направлен против всех французских беженцев в Базеле, чья откровенность и решение оскорбили его. Они мало уважали людей; и если истина не провозглашалась открыто, они не заботились об этом человеке, каким бы возвышенным ни был его гений. Возможно, им в какой-то мере не хватало учтивости Евангелия; но их верность напоминает нам о силе древних пророков; и отраднo встречаться с людьми, которые не преклоняются перед тем, что обожает мир. Эразм, пораженный таким

высокомерным пренебрежением, жаловался на это всем подряд. "Что? - писал он Меланхтону. - Неужели мы отвергнем понтификов и епископов, чтобы иметь на их месте более жестоких, подлых и свирепых тиранов?.. ибо именно таких послала нам Франция". [944] — "Некоторые французы, - писал он секретарю папы римского в письме, сопровождавшем его книгу о *свободе воли*, - все еще больше не в своем уме, чем даже немцы. У них на устах всегда пять выражений: *Евангелие, Слово Божье, Вера, Христос, Святой Дух*; и все же я сомневаюсь, не побуждается ли ими дух сатаны ". [945] Вместо Farellus он часто писал *Fallicus*, таким образом обозначая одного из самых откровенных людей своего времени эпитетами плута и обманщика.

СВЯТЫЕ—ФАРЕЛ ПРОСИТ ОБСУЖДЕНИЯ.

Досада и гнев Эразма достигли апогея, когда ему сообщили, что Фарел назвал его *Валаамом*. Фарел полагал, что Эразм, как и этот пророк, позволил себе (возможно, бессознательно) поддаться влиянию подарков, чтобы проклясть народ Божий. Ученый голландец, не в силах больше сдерживаться, решил наказать дерзкого дофинца; и однажды, когда Фарель беседовал с несколькими друзьями о доктринах христианства в присутствии Эразма, последний, грубо прервав его, сказал: "Почему вы называете меня Валаамом?" [946] Фарел, поначалу удивленный столь резким вопросом, вскоре пришел в себя и ответил, что это не он дал ему этот титул. Когда его попросили назвать имя преступника, он сказал, что это Дю Бле из Лиона, беженец в Базеле, как и он сам. [947] "Возможно, это он употребил это слово, - ответил Эразмус, - но это вы научили его". А затем, устыдившись того, что вышел из себя, он быстро перевел разговор на другую тему. "Почему, - сказал он Фарелу, - вы утверждаете, что мы не должны взывать к святым? Это потому, что это не предписано Священным Писанием?" — "Да!" — ответил француз. - "Ну что ж! - продолжал Эразм. - Я призываю вас доказать с помощью Священного Писания, что мы должны призывать Святого Духа". Фарел дал этот простой и правдивый ответ: "Если Он Бог, мы должны призвать Его". [948] — "Я прекратил разговор, - говорит Эразмус, - потому что приближалась ночь". [949] С того часа всякий раз, когда имя Фарела сходило с его пера, он представлял его как ненавистного человека, которого следует всеми силами избегать. Письма реформатора, напротив, полны умеренности в отношении Эразма. Евангелие мягче философии, даже в самых вспыльчивых выражениях.

Евангелическое учение уже имело много друзей в Базеле, как в совете, так и среди народа; но университетские доктора сопротивлялись ему изо всех сил. ОЕ Колампадий и старший пастор из Листала выдвинули против них несколько тезисов. Фарель считал своим долгом также исповедовать в Швейцарии великий принцип евангелической школы Парижа и Мо: *Слово Божье самодостаточно*. Он попросил разрешения университета сохранить некоторые тезисы, "чтобы меня скорее упрекнули, - добавил он, - если я ошибаюсь, чем учили других". [950] но университет отказался.

ТЕЗИСЫ —ПИСАНИЕ И ВЕРА.

По этому поводу Фарел обратился к совету; и совет опубликовал публичное уведомление о том, что христианин по имени Уильям Фарел, вдохновленный Святым Духом, составил определенные статьи в соответствии с Евангелием, [951] они разрешили ему поддерживать их на латыни. Университет запретил всем священникам и студентам присутствовать на диспуте, но совет разослал прокламацию об обратном.

Ниже приведены некоторые из тринадцати предложений, выдвинутых Фарелем:

"Христос дал нам самое совершенное правило жизни: никто не имеет права ничего отнимать у нее или добавлять к ней.

"Жить по любым другим заповедям, кроме заповедей Христа, прямо ведет к нечестию.

"Истинное служение священников состоит в том, чтобы заниматься служением Слова; и для них нет более высокого достоинства.

"Лишать благую весть о Христе ее достоверности - значит уничтожать ее.

"Тот, кто надеется быть оправданным своей собственной силой и своими собственными заслугами, а не верой, возводит себя в ранг Бога.

"Иисус Христос, которому все повинуются, - наша полярная звезда и единственная звезда, за которой мы должны следовать". [952]

Так этот "Француз" проявил себя в Базеле. [953] Это было дитя гор Дофини, воспитанное в Париже у ног Лефевра, который таким образом смело изложил в этом прославленном швейцарском университете и в присутствии Эразма великие принципы Реформации. Две ведущие идеи пронизывали тезисы Фареля: одна - о возвращении к Священному Писанию; другая - о возвращении к вере: две вещи, которые папство в начале 18 века отчетливо осудило как нечестивые и еретические в знаменитой конституции *Unigenitus*, и которые, тесно связанные друг с другом, фактически ниспровергают всю папскую систему. Если вера во Христа является началом и концом христианства, то из этого следует, что мы должны прилепиться к Слову Христа, а не к голосу Церкви. Более того: если вера во Христа объединяет души, то зачем нужна внешняя связь? Не с помощью ли жезлов, булл и диадем формируется их святое единство? Вера соединяет в духовном и истинном единстве всех тех, в чьих сердцах она находит свое пристанище. Таким образом, единым ударом исчезло тройное заблуждение о достойных трудах, человеческих традициях и ложном единстве; и это суть римско-католицизма.

В СПОРЕ —КРОТОСТЬ И ПОРЫВИСТОСТЬ.

Диспут начался на латыни. [954] Фарел и OEcColampadius изложили и доказали свои статьи, неоднократно призывая своих оппонентов ответить; но ни одна из них не появилась. Эти софисты, как называет их Колампадий, вели себя как хвастуны, но в темных норах и углах. [955] Таким образом, люди начали презирать трусость священников и ненавидеть их тиранию. [956]

Таким образом, Фарель занял свою позицию среди защитников Реформации. Они были очень рады видеть француза, сочетающего в себе столько учености и благочестия, и уже начали предвкушать самые благородные триумфы. "Он достаточно силен, - говорили они, - чтобы в одиночку уничтожить всю Сорбонну". [957] Его прямота и откровенность покорили каждое сердце. [958] Но среди всей своей деятельности он не забывал, что каждая миссия должна начинаться с наших собственных душ. Кроткий Колампадий заключил соглашение с пылким Фарелем, по которому они взаимно обязались проявлять смирение и кротость в своих привычных разговорах. Эти смелые люди даже на поле битвы готовили себя к выполнению мирных обязанностей. Следует, однако, отметить, что порывистость лютера и Фарела были необходимыми добродетелями. Когда мир должен измениться, а Церковь обновиться, требуются определенные усилия. В наши дни мы слишком склонны забывать эту истину,

которую тогда признавали самые кроткие люди. "Есть определенные люди, - писал Николампадиус Лютеру, представляя ему Фарела, - которые хотели бы, чтобы их рвение в борьбе с врагами истины было более умеренным; но я не могу не видеть в том же самом рвении замечательную добродетель, которая, при надлежащем применении, не менее необходима, чем сама мягкость". [959] Потомство утвердило решение СЕКолампадия.

ФАРЕЛ В СТРАСБУРГЕ.

В мае 1524 года Фарель с несколькими друзьями из Лиона посетил Шаффхаузен, Цюрих и Констанц. Цвингле и Микониус с радостью приветствовали это изгнание из Франции, и Фарель всю свою жизнь помнил их доброту. Но по возвращении в Базель он застал Эразма и других своих врагов за работой и получил приказ покинуть город. Напрасно его друзья громко выражали свое неудовольствие таким злоупотреблением властью; он был вынужден покинуть территорию Швейцарии, которая уже в этот ранний период была убежищем для преследуемых. "Вот так мы проявляем гостеприимство, - сказал возмущенный Колампадий, - мы, истинные дети Содомы!" [960]

В Базеле Фарель подружился с шевалье Эшем, который решил составить ему компанию, и они отправились в путь с письмами для Лютера и Капитона от Николампадиуса, которому базельский врач похвалил Фареля как "того Уильяма, который так много трудился в деле Божьем". [961] В Страсбурге Фарель сблизился с Капито, Буцером и Хедио; но, похоже, он не зашел так далеко, как Виттемберг.

ГЛАВА XI.

Новая кампания—Призыв Фареля к служению—Аванпост—Лион—Себвиль в Гренобле—Собрания—Проповедь в Лионе—Мегрэ в тюрьме—Маргарет запугана.

НОВАЯ КАМПАНИЯ —ЗВОНИЛ ФАРЕЛ.

Бог обычно уводит своих слуг с поля битвы только для того, чтобы вернуть их обратно более сильными и лучше вооруженными. Фарель и его друзья из Мо, Меца, Лиона и Дофини, изгнанные из Франции преследованиями, вновь оказались в Швейцарии и Германии среди старейших реформаторов; и теперь, подобно армии, сначала рассеянной врагом, но тут же сплотившейся, они разворачивались и маршировали вперед во имя Господа. Эти друзья Евангелия собирались не только на границах; во Франции они также набирались храбрости и готовились возобновить наступление. Горны уже трубили побудку; солдаты опоясывались оружием и собирались вместе, чтобы умножить свои атаки; их предводители планировали боевой порядок; сигнал "Иисус, его Слово и его благодать", более мощный в час битвы, чем звуки военной музыки, наполнил все сердца одинаковым энтузиазмом; и во Франции все готовилось ко второй кампании, которая должна была ознаменоваться новыми победами и новыми, еще более значительными поражениями.

Монбельяр в то время искал работника в Евангелии. Молодой герцог Ульрих Вюртембергский, вспыльчивый и жестокий принц, лишенный своих владений Швабской лигой в 1519 году, нашел убежище в этом графстве, своем единственном оставшемся владении. В Швейцарии он познакомился с реформаторами; его несчастья оказались для него спасительными, и он

находил удовольствие в Евангелии. [962] СЕ Колампадий намекнул Фарелю, что в Монбельяре была открыта дверь, и последний тайно отправился в Базель.

СЛУЖЕНИЕ —ЕВАНГЕЛИЕ, А НЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ.

Фарел нечасто приступал к служению Слова, но в этот период его жизни мы находим в нем все, что необходимо для того, чтобы стать служителем Господа. Он поступил на службу Церкви нелегко и не по собственному побуждению. "Учитывая мою слабость, - сказал он, - я не осмелился бы проповедовать, ожидая, что Господь пошлет более подходящих людей". [963] Но Бог в это время обратился к нему с тройным призывом. Как только он прибыл в Базель, Колумпадий, тронутый нуждами Франции, умолял его посвятить себя этому делу. "Смотрите, - сказал он, - как мало известно об Иисусе Христе всем тем, кто говорит на французском языке. Не дашь ли ты им какие-нибудь наставления на их родном языке, чтобы они могли лучше понимать Священные Писания?" [964] В то же время жители Монбельяра пригласили его к себе, и принц дал свое согласие на этот призыв. [965] Не было ли это тройным призывом от Бога?....."Я не думал, - сказал он, - что для меня было законно сопротивляться. Я повиновался во имя Бога". [966] Скрываясь в доме СЕКолампадия, борясь с возложенной на него ответственностью и все же вынужденный подчиниться столь ясному проявлению воли Бога, Фарел принял это обвинение, и СЕКолампадий отделил его, призвав имя Господа, [967] и обращается к своему другу на языке, полном мудрости. "Чем больше вы склонны к насилию, - сказал он, - тем больше вам следует проявлять мягкости; умерьте свою львиную отвагу кротостью голубя". [968] Фарел откликнулся на этот призыв всей душой.

Таким образом, Фарел, некогда ревностный последователь старой Церкви, собирался стать слугой Бога в новой. Если Рим императивно требует для действительного рукоположения наложения рук епископа, который происходит от апостолов в непрерывной преемственности, то это потому, что он ставит человеческие традиции выше Слова Божьего. В каждой церкви, где авторитет Слова не является абсолютным, необходимо искать какой-то другой авторитет. И потом, что может быть естественнее, чем просить у самых почитаемых Божьих служителей того, чего они не могут найти в самом Боге? Если мы не говорим от имени Иисуса Христа, то не лучше ли, по крайней мере, говорить от имени святого Иоанна или святого Павла? Тот, кто говорит от имени античности, сильнее рационалиста, который говорит только от своего собственного имени. Но христианский служитель обладает еще более высоким авторитетом: он проповедует не потому, что он происходит от святого Златоуста или святого Петра, а потому, что Слово, которое он провозглашает, исходит от самого Бога. Идея преемственности, [969] какой бы почтенной она ни казалась, она тем не менее является человеческой системой, заменившей систему Бога. В рукоположении Фарела не было человеческой преемственности. Более того: мы не видим в этом того, что необходимо в лоне Господа, где все должно делаться *пристойно и в порядке*, и чей Бог не является Богом беспорядка. Он не был рукоположен Церковью регулярно, но чрезвычайные времена оправдывают чрезвычайные меры. В эту достопамятную эпоху вмешался сам Бог. Чудесными устроениями Он посвятил тех, кого призвал к возрождению мира. В рукоположении Фарела мы видим непогрешимое Слово Божье, данное человеку Божьему, чтобы он мог нести его миру, — призыв Бога и людей, — посвящение сердца и торжественное назначение одним из служителей Церкви; и все это было лучшей заменой, которую допускал его случай, полной и официальной печати Церкви на его служении. Фарель отправился в Монбельяр вместе с Эшем.

ПЕРЕДОВОЙ ПОСТ.

Таким образом, Фарел оказался как бы на передовом посту. Позади него Базель и Страсбург поддерживали его своими советами и своими типографиями; перед ним лежали провинции Франш-Конте, Бургундия, Лотарингия, Лион и остальная Франция, где Божьи люди начинали борьбу с заблуждениями посреди глубокой тьмы. Он немедленно начал проповедовать Иисуса Христа и увещевать верующих не позволять отклонять себя от Священного Писания ни угрозами, ни хитростями. Начав задолго до Кальвина работу, которую этот реформатор должен был выполнить в гораздо большем масштабе, Фарель был в Монбельяре, подобно генералу на холме, чей пронизательный взгляд окидывает поле битвы, подбадривая тех, кто активно сражается с врагом, сплывая те ряды, которые были сломлены стремительностью атаки, и воодушевляя своим мужеством тех, кто отступает. [970] Эразм немедленно написал своим друзьям-католикам, что француз, сбежавший из Франции, устраивает большие беспорядки в этих регионах. [971]

ПРОГРЕСС ЕВАНГЕЛИЯ—ЛИОН.

Труды Фарела не были бесплодными. "Со всех сторон, - писал он своему соотечественнику, - появляются люди, которые посвящают все свои силы и свою жизнь распространению царства Христа как можно шире". [972] Друзья Евангелия возблагодарили Бога за то, что его благословенное Слово с каждым днем все ярче сияло во всех частях Франции. [973] Противники были поражены. "*Фракция*, - писал Эразм епископу Рочестерскому, - распространяется с каждым днем и проникает в Савойю, Лотарингию и Францию". [974]

В течение некоторого времени Лион, казалось, был центром евангелической деятельности в королевстве, в отличие от Базеля. Франциск I, направлявшийся на юг в поход против Карла V. Прибыл в этот город со своей матерью, сестрой и двором. Маргарет привела с собой многих джентльменов, преданных Евангелию. "Всех других людей, от которых она удалила информацию о своей персоне", - говорится в письме, написанном в это время. [975] В то время как Франциск I спешил через Лион с армией, состоящей из 14 000 швейцарцев, 6000 французов и 1500 копейщиков знати, чтобы отразить вторжение империалистов в Прованс; в то время как этот великий город оглашался звоном оружия, топотом лошадей и звуком трубы, друзья Евангелия маршировали к более мирным завоеваниям. Они хотели попробовать в Лионе то, что им не удалось сделать в Париже. Возможно, вдали от Сорбонны и парламента Слово Божье могло бы иметь более свободный ход? Возможно, второму городу в королевстве было суждено стать первым для распространения Евангелия. Не здесь ли примерно четыре столетия назад превосходный Питер Уолдо начал провозглашать Божественное Слово? Уже тогда он потряс всю Францию. И теперь, когда Бог приготовил все для освобождения своей Церкви, разве не может быть надежды на более длительный и решительный успех? Таким образом, жители Лиона, которые в целом не были "бедняками", как в двенадцатом веке, начали более мужественно обращаться с "мечом Духа, который есть Слово Божье".

ARANDE, PAPILLON, VAUGRIS, DU BLET.

Среди тех, кто окружал Маргарет, был ее благодетель Майкл д'Аранде. Герцогиня распорядилась о публичной проповеди Евангелия в Лионе; и мастер Майкл смело и чисто провозглашал Слово Божье перед огромным количеством слушателей, привлеченных отчасти очарованием, которое сопутствует благой вести, где бы она ни была опубликована, а отчасти

также благосклонностью, которой пользовались проповедь и проповедница любимой сестры короля. [976]

Энтони Папийон, человек высокообразованного ума, элегантный знаток латыни, друг Эразма, "первый во Франции по знанию Евангелия", [977] принцессу также сопровождал. По просьбе Маргарет он перевел работу Лютера о монашеских обетах, "вследствие чего у него было много споров с этими парижскими паразитами", - говорит Себвилл; [978] но Маргарет защитила его от нападок Сорбонны и обеспечила ему назначение директором по запросам дофина с местом в Большом совете. [979] Он был не менее полезен Евангелию своей преданностью, чем своим благоразумием. Купец по имени Вогри и особенно джентльмен по имени Энтони дю Бле, друг Фареля, возглавили Реформацию в Лионе. Последний, человек большой деятельности, служил связующим звеном между христианами, рассеянными по этим странам, и поддерживал их связь с Базелем. В то время как вооруженные войска Франциска I просто проходили через Лион, духовные воины Иисуса Христа остановились там вместе с Маргаритой; и, предоставив первой вести войну в Провансе и на равнинах Италии, они начали евангельскую битву в самом Лионе.

СОНА И МАКОН—СЕБВИЛЬ В ГРЕНОБЛЕ.

Но они не ограничились своими усилиями городом. Они осматривали все вокруг; кампания была начата в нескольких местах одновременно; и христиане Лиона ободряли своими усилиями всех тех, кто исповедовал Христа в окрестных провинциях. Они сделали больше: они пошли и провозгласили это в тех местах, где это еще было неизвестно. Новое учение поднялось по Соне, и евангелист прошел по узким и неровным улочкам Мейкона. Майкл д'Аранде сам посетил это место в 1524 году и, воспользовавшись именем Маргарет, получил разрешение проповедовать в этом городе, [980] которому позже было суждено наполниться кровью и навсегда запомниться своими *соте*. [981]

После исследования окрестностей Соны лионские христиане, всегда насторожившиеся, расширили свои набег в направлении Альп. В Лионе жил доминиканец по имени Мегрэ, который был вынужден покинуть Дофини, где он смело проповедовал новое учение, и который искренне просил, чтобы кто-нибудь поехал и ободрил его братьев из Гренобля и Гапа. Папийон и Дю Блэ отправились туда. [982] Там только что разразилась сильная буря против Себвилла и его проповедей. Доминиканцы перевернули небо и землю; и, обезумев оттого, что от них ускользнуло так много евангелистов (таких, как Фарель, Анемон и Мегрэ), они охотно раздавили бы тех, кто оставался в пределах их досягаемости. [983] Поэтому они потребовали ареста Себвилла. [984]

ЛЮБОВЬ К СИМВОЛАМ—УСЛОВНОСТЯМ.

Друзья Евангелия в Гренобле были встревожены; неужели Себвилл тоже должен быть отнят у них!..... Маргарет вступилась за своего брата; многие из самых выдающихся личностей Гренобля, королевский адвокат среди прочих, открытые или тайные друзья Евангелия, выступили в защиту евангелического грейфрайара, и, наконец, их объединенные усилия спасли его от ярости противников. [985]

Но если жизнь Себвилла была спасена, то ему заткнули рот. "Сохраняйте молчание, — сказали они, - или вас поведают на эшафот". - "Молчание было наложено на меня, - писал он Анемон де Кок, - под страхом смерти". [986] Эти угрозы встревожили даже тех, на кого возлагались самые благоприятные надежды. Королевский адвокат и другие друзья Евангелия теперь не проявляли

ничего, кроме холодности. [987] Многие вернулись к римскому богослужению, притворяясь, что тайно в своих сердцах поклоняются Богу, и придавая духовное значение внешним обрядам романизма. Меланхолическое заблуждение, ведущее от неверности к неверности. Нет такого лицемерия, которое нельзя было бы оправдать таким же образом. Неверующий посредством своих систем мифов и аллегорий будет проповедовать Христа с христианской кафедры; а философ сможет, проявив немного изобретательности, найти в отвратительном суеверии язычников прообраз чистой и возвышенной идеи. В религии главное - истина. Некоторые гренобльские христиане, среди которых были Амадей Гальберт и двоюродный брат Анемон, все еще крепко держались за свою веру. [988] Эти благочестивые люди тайно встречались с Себвиллом в домах друг у друга и *говорили* о Евангелии. Они удалялись в какое-нибудь уединенное место; они навещали какого-нибудь брата ночью; или тайно встречались, чтобы помолиться Христу, как воры, скрывающиеся с преступной целью. Часто ложная тревога тревожила скромное собрание. Противники согласились не обращать внимания на эти тайные собрания, но они поклялись, что ставка будет уделом любого, кто осмелится говорить о Слове Божьем публично. [989]

ПРОПОВЕДЬ В ЛИОНЕ —МЕГРЭ ЗАКЛЮЧЕН В ТЮРЬМУ.

Таково было положение дел, когда Дю Бле и Папийон прибыли в Гренобль. Обнаружив, что Себвилла заставили замолчать, они призвали его отправиться проповедовать Евангелие в Лион. Великий пост следующего года предоставит благоприятную возможность для провозглашения Евангелия многочисленной толпе. Мишель д'Аранд, Мегрэ и Себвиль предложили сражаться во главе евангельской армии. Таким образом, все готовилось к поразительному проявлению евангельской истины во втором городе Франции. Слух об этом евангельском Великом посте распространился даже по Швейцарии. "Себвилл свободен и будет читать Великопостные проповеди в соборе Святого Павла в Лионе", - написала Анемонд Фарелу. [990] Но великая катастрофа, повергшая в смятение всю Францию, вмешалась и предотвратила эту духовную битву. Именно в мирное время достигаются победы Евангелия. Поражение при Павии, произошедшее в феврале месяце, расстроило смелый проект реформаторов.

Тем временем, не дожидаясь Себвиля, Мегрэ в начале зимы начал проповедовать спасение только Иисусом Христом, несмотря на яростное сопротивление лионских священников и монахов. [991] В этих проповедях не было ни слова о поклонении творению, святым, деве Марии, силе священства. Великая тайна благочестия, "Бог, явленный во плоти", была провозглашена в одиночку. Говорили, что старая ересь лионских бедняков возрождается, и в более опасной форме, чем когда-либо! Но, несмотря на это сопротивление, Мегрэ продолжал свое служение; вера, окрылявшая его душу, нашла выражение в сильных словах: истине свойственно ободрять сердца тех, кто ее получил. И все же Риму было суждено восторжествовать как в Лионе, так и в Гренобле. Мегрэ был арестован, несмотря на защиту Маргарет, протащен по улицам и брошен в тюрьму. Купец Вогри, который затем покинул город по дороге в Швейцарию, распространил новость повсюду по пути своего следования. Все были поражены и подавлены. Одна мысль, однако, придала уверенности сторонникам Реформации: "Мегрэ схвачен, - сказали они, - но *мадам д'Алансон там; хвала Господу!*" [992]

МАРГАРЕТ БЫЛА НАПУГАНА.

Вскоре они были вынуждены отказаться даже от этой надежды. Сорбонна осудила некоторые из предложений этого верного священника. [993] Маргарет, положение которой с каждым днем становилось все тяжелее, обнаружила, что смелость сторонников Реформации и ненависть к сильным мира сего растут бок о бок. Франциска I начало раздражать рвение этих евангелистов: он смотрел на них просто как на фанатиков, подавлять которых было хорошей политикой. Маргарет, таким образом, колеблясь между желанием служить своим братьям и своей неспособностью защитить их, послала им весточку, чтобы они не подвергались новым опасностям, поскольку она больше не могла ходатайствовать перед королем в их пользу. Друзья Евангелия верили, что это решение не было бесповоротным. "Бог даровал ей благодать, - говорили они, - говорить и писать только то, что необходимо бедным душам". [994] Но если отнять эту человеческую поддержку, Христос все равно останется. Хорошо, что душа лишена всякой другой защиты, чтобы она могла полагаться только на Бога.

ГЛАВА XII.

Французы в Базеле—Поддержка швейцарцев—Опасения разногласий—Перевод и печать в Базеле—Распространение Библий и трактатов во Франции.

ФРАНЦУЗЫ В БАЗЕЛЕ — ВООДУШЕВЛЕННЫЕ ШВЕЙЦАРЦАМИ.

Усилия друзей Евангелия во Франции были парализованы. Люди, стоявшие у власти, начинали проявлять свою враждебность к христианству; Маргарита росла в тревоге; ужасные новости скоро придут через Альпы и погрузят нацию в траур, наполняя ее только одной мыслью — о спасении короля, о спасении Франции. Но если лионские христиане были остановлены в своих трудах, то разве в Базеле не было солдат, которые бежали с поля битвы и были готовы начать борьбу снова? Изгнанники из Франции никогда не забывали ее. Изгнанные из своей страны почти на три столетия фанатизмом Рима, их последние потомки были замечены приносящими в города и поля своих предков те сокровища, которых папа до сих пор лишает их. [995] В тот самый момент, когда воины Христа во Франции скорбно складывали оружие, беженцы в Базеле готовились к бою. Поскольку они видели, как монархии Людовика Святого и Карла Великого падают от рук Франциска I. не почувствуют ли они побуждения завладеть *королевством, которое невозможно сдвинуть с места*. [996]

Фарель, Анемон, Эш, Туссен и их друзья основали евангелическое общество в Швейцарии с целью спасения своей страны от ее духовной тьмы. Со всех сторон до них доходили вести о том, что во Франции растет жажда Слова Божьего; [997] было желательно воспользоваться этим и поливать и сеять, пока еще не пришло время посева. Николампадиус, Цвингле и Освальд Миконий постоянно призывали их делать это, протягивая правую руку общения и передавая им часть их собственной веры. В январе 1525 года швейцарский школьный учитель написал французскому шевалье: "Несмотря на то, что вы изгнаны из своей страны тиранией антихриста, даже ваше присутствие среди нас доказывает, что вы смело действовали во имя Евангелия. Тирания христианских епископов в конце концов заставит народ смотреть на них как на обманщиков. Будьте тверды; недалек тот час, когда мы войдем в гавань покоя, будем ли мы повержены нашими тиранами, или они сами будут повержены; [998] тогда для нас все будет хорошо, при условии, что мы были верны Христу Иисусу".

СТРАХИ И РАЗДЕЛЕНИЯ.

Эти ободрения были очень ценны для французских беженцев; но удар, нанесенный теми самыми христианами Швейцарии и Германии, которые стремились подбодрить их, жестоко ранил их сердца. Недавно спасшиеся от эшафота или сожжения на костре, они с ужасом видели, как евангельские христиане по другую сторону Рейна нарушают покой, которым они наслаждались, своими прискорбными разногласиями. Начались обсуждения Вечери Господней. Глубоко тронутые и взволнованные, остро ощущая необходимость братского единства, французы пошли бы на любые жертвы, чтобы примирить эти разделенные чувства. Это стало их ведущей идеей. В эпоху Реформации никто так не нуждался в христианском единстве, как они; впоследствии Кальвин был тому доказательством. "Молю Бога, чтобы я мог купить мир, согласие и единение в Иисусе Христе ценой своей жизни, которая, по правде говоря, мало чего стоит", - сказал Питер Туссен. [999] Французы, чья проницательность была верной и быстрой, сразу поняли, что эти растущие разногласия остановят работу Реформации. "Все шло бы гораздо благополучнее, чем многие себе представляют, если бы мы только были согласны между собой. Многие с радостью вышли бы на свет божий; но когда они видят эти разногласия среди ученых, они стоят в нерешительности и замешательстве". [1000]

Французы были первыми, кто предложил примирительные меры. "Почему, - писали они из Страсбурга, - Буцера или какого-нибудь другого ученого человека не послали к Лютеру? Чем дольше мы ждем, тем сильнее будут эти разногласия". Их опасения усиливались с каждым днем. [1001] В конце концов, обнаружив, что все их усилия бесполезны, эти христиане печально отвели свои взоры от Германии и устремили их исключительно на Францию.

Франция — обращение Франции отныне занимало исключительно сердца этих великодушных людей, о которых история, вписавшая на свои страницы имена стольких личностей, тщетно преувеличивавших собственную славу, в течение трех столетий обходила молчанием. Выброшенные на чужую землю, они упали на колени и ежедневно, в тишине и неизвестности, зывали к Богу от имени страны своих предков. [1002] Молитва была силой, с помощью которой Евангелие распространялось по королевству, и великим инструментом, с помощью которого были достигнуты победы Реформации.

ПЕРЕВОД И ПЕЧАТЬ В БАЗЕЛЕ.

Но эти французы были не просто молитвенниками: никогда еще в евангелической армии не было бойцов, более готовых пожертвовать своей жизнью в день битвы. Они чувствовали важность распространения Священного Писания и благочестивых книг в своей стране, все еще окутанной мраком суеверий. Дух исследования витал над всем королевством: казалось необходимым со всех сторон расправить паруса по ветру. Анемонд, всегда стремительный в действиях, и Майкл Бентин, такой же беженец, как и он сам, решили объединить свое рвение, свои таланты, свои ресурсы и свой труд. Бентен хотел открыть типографию в Базеле, а шевалье, воспользовавшись тем немногим немецким, который он знал, перевел лучшие труды реформаторов на французский. "О, - говорили они, радуясь своим планам, - если бы Бог пожелал, чтобы Франция была наполнена евангелическими томами, чтобы повсюду, в хижинах бедняков, во дворцах знати, в монастырях и пресвитериях, нет, в сокровенном святилище сердца, можно было нести мощное свидетельство о благодати Иисуса Христа!" [1003]

ТРАКТАТЫ, РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ВО ФРАНЦИИ.

Для такого предприятия были необходимы средства, а у беженцев ничего не было. Вугри был тогда в Базеле; при его отъезде Анемон передал ему письмо для лионских братьев, многие из которых были богаты богатствами этого мира и которые, хотя и были угнетены, были верны Евангелию; он просил их прислать ему некоторую помощь; [1004] но этого было недостаточно; французы хотели установить в Базеле несколько типографий, которые должны были работать по ночам и каждый день, чтобы наводнить Францию Словом Божиим. [1005] В Мо, в Меце и в других местах были люди богатые и могущественные, достаточно способные поддержать это предприятие. Никто не мог обращаться к французам с таким авторитетом, как сам Фарель, и именно к нему обратился Анемон. [1006]

Не похоже, что проект шевалье был реализован, но работа была выполнена другими. Типографии Базеля были постоянно заняты печатанием французских произведений; они пересылались Фарелю, и он с неослабевающей активностью ввозил их во Францию. Одним из первых трудов, присланных этим Религиозным обществом, было *"Объяснение молитвы Господней" Лютера*. "Мы продаем Pater в розницу по четыре базельских денье за штуку, - писал Вугри Фарелю, - но оптом мы продаем их по цене два флорина за двести, то есть примерно дешевле". [1007]

Анемон посылала Фарелю из Базеля все полезные книги, которые появлялись или доставлялись из Германии; в одно время это была работа о назначении евангельских служителей, в другое - трактат о воспитании детей. [1008] Фарель изучал эти работы; он сочинял, переводил или заставлял других переводить их на французский и, казалось, в одно и то же время полностью отдавался активным усилиям и трудам исследования. Анемонд настаивал на печатании и руководил им. и эти послания, молитвы, книги и листовки были средством возрождения эпохи. В то время как распутство сошло с престола, а тьма со ступеней алтаря, только эти незамеченные писания распространили по всей стране лучи света и семена святости.

НОВЫЙ ЗАВЕТ—ИЛЛЮСТРАЦИЯ.

Но именно к Слову Божьему взывал лионский купец-евангелист от имени своих соотечественников. Эти люди шестнадцатого века, столь жаждущие интеллектуальной пищи, должны были воспринять на своем родном языке те древние памятники первых веков мира, в которых дышит новое дыхание первобытного человечества, и те святые оракулы евангельских времен, в которых сияет полнота откровения Христа. Вугрис написал Фарелю: "Я умоляю вас, если возможно, поручить перевод Нового Завета какому-нибудь человеку, который сможет сделать это эффективно: это было бы большим благословением для Франции, Бургундии и Савойи. И если вам нужны подходящие шрифты, я прикажу привезти их из Парижа или Лиона; но если в Базеле найдутся хорошие шрифты, это будет еще лучше".

Лефевр уже издавал в Мо книги Нового Завета на французском языке, но отдельными частями. Вугрис пожелал, чтобы кто-нибудь тщательно переработал его и проследил за полным изданием. Лефевр взялся за это дело и опубликовал его, как мы уже видели, 12 октября 1524 года. Дядя Вогриса по имени Конрар, также беженец в Базеле, немедленно раздобыл копию. Шевалье Кок случайно оказался в доме друга 18 ноября, увидел там книгу и преисполнился радости. "Не теряйте времени и перепечатайте это, - сказал он, - поскольку я сомневаюсь, что потребуется не так уж много". [1009]

Таким образом, Слово Божье было предложено Франции в противовес традициям Церкви, которые Рим все еще продолжает преподносить ей. "Как мы можем отличить то, что в ваших традициях от человека, и то, что от Бога, - говорили реформаторы, - кроме как по Священным Писаниям Бога? Максимы Отцов Церкви, декреты понтификов не могут быть правилом нашей веры. Они показывают нам, каково было мнение этих древних докторов; но только Слово учит нас, каков суд Божий. Мы должны во всем подчиняться правилу Священного Писания".

Таковы были основные средства, с помощью которых распространялись эти труды. Фарель и его друзья передавали книги неким разносчикам или *колпортерам*, простым и набожным людям, которые, нагруженные своей драгоценной ношей, переходили из города в город, из деревни в деревню и из дома в дом во Франш-Конте, Лотарингии, Бургундии и прилегающих провинциях, стучась в каждую дверь. Они закупали книги по низкой цене, "чтобы с большей охотой продавать их". [1010] Таким образом, уже в 1524 году в Базеле существовали Библейское общество, общество трактатов и ассоциация коллекционеров на благо Франции. Ошибочно полагать, что эти усилия восходят только к нашему времени; в сущности, они восходят не только ко временам Реформации, но и еще дальше, к первобытным эпохам Церкви.

ГЛАВА XIII.

Продвижение в Монбельяре—Сопrotивление и волнения—Туссен покидает
Николампадия—Изображение святого Антония—Смерть Анемон—Страсбург—Письмо
Ламберта Франциску I.—Последовательные поражения.

ПРОДВИЖЕНИЕ В МОНБЕЛЬЯРЕ.

Внимание, которое Фарель уделял Франции, не отвлекало его внимания от места, где он проживал. Прибыв в Монбельяр примерно в конце июля 1524 года, он едва успел посеять семена, как начали появляться первые плоды урожая (если воспользоваться словами СЕColampadius). Фарел написал своему другу с большим ликованием. "Нетрудно, - ответил базельский доктор, - внушить нашим слушателям несколько догм, но изменить их сердца - во власти одного Бога". [1011]

Шевалье де Кок, обрадованный этим известием, со своей обычной живостью побежал к Питеру Туссену. - Завтра я отправляюсь навестить Фарела, - поспешно сказал он. Туссен, более спокойный, писал евангелисту из Монбельяра: "Будьте осторожны, - сказал он Фарелю. - вы занимаетесь важным делом; оно не должно быть осквернено советами людей. Могущественные обещают вам свое благоволение, поддержку и кучи золота.....Но полагаться на эти вещи - значит оставлять Христа и ходить во тьме ". [1012] Туссен заканчивал это письмо, когда вошел шевалье; последний взял его и отбыл в Монбельяр.

СОПРОТИВЛЕНИЕ — ПРИЗЫВ К МЯГКОСТИ.

Он застал город в большом волнении. Многие из знати были встревожены и говорили, презрительно глядя на Фарела: "Что этому жалкому парню нужно от нас? Лучше бы он никогда не приходил! Он не может оставаться здесь, потому что погубит всех нас, так же как и самого себя. Лорды, нашедшие убежище у герцога в Монбельяре, опасались, что беспорядки, повсюду

сопровождаяшие Реформацию, привлекут внимание Фердинанда и Карла V. И что они будут изгнаны из своего последнего убежища. Но именно духовенство, в частности, оказало сопротивление Фарелу. Настоятель францисканцев Безансона поспешил в Монбельяр и разработал план обороны совместно с местным духовенством. В следующее воскресенье Фарел едва начал проповедь, как его прервали, назвав лжецом и еретиком. В одно мгновение все собрание подняло шум. Зрители встали и призвали к тишине. Герцог поспешил на место, схватил Фарела и настоятеля и приказал последнему либо доказать, либо взять свои обвинения обратно. Францисканец принял последнюю альтернативу, и был опубликован официальный отчет обо всем этом деле. [1013]

Эта атака взволновала Фарела еще больше; он подумал, что теперь его долг без зазрения совести разоблачить этих заинтересованных священников; и, обнажив меч Слова, он энергично пустил его в ход. Он был более склонен подражать Иисусу, когда тот изгнал менял из храма и опрокинул их столы, чем когда дух пророчества провозгласил о нем: *Он не будет ни бороться, ни вопиять, и никто не услышит его голоса на улицах*. СЕ Колампадий был напуган. Эти двое мужчин представляли собой идеальные воплощения двух характеров, диаметрально противоположных друг другу, и все же оба достойны восхищения. "Ты был послан, - писал Николампадиус Фарелю, - мягко подводить людей к истине, а не тащить их силой; распространять Евангелие, а не проклинать их. Врачи прибегают к ампутации только тогда, когда другие средства не помогают. Действуйте как врач, а не как палач. По моему мнению, недостаточно быть мягким по отношению к друзьям Евангелия; вы также должны одержать победу над противниками. Если волков прогонят из овчарни, пусть овцы хотя бы услышат голос пастуха. Влейте масло и вино на раны и ведите себя как евангелист, а не как судья или тиран". [1014]

ЗАГОВОР ПРОТИВ ТУССЕНА.

Слух об этих подвигах распространился по Франции и Лотарингии, и Сорбонна и кардинал Гиз начали беспокоиться из-за этой встречи беженцев в Базеле и Монбельяре. Они охотно разорвали бы опасный союз, ибо ошибка не знает большего торжества, чем привлечение какого-нибудь дезертира под свои знамена. Марциал Мазурье и другие уже предоставили папской партии во Франции возможность порадоваться позорному отступничеству; но если бы им удалось соблазнить одного из этих исповедников Христа, который нашел убежище на берегах Рейна и который так много пострадал за имя Господа, какой великой была бы победа римской иерархии! Поэтому они установили свои батареи, и объектом их нападения стал самый молодой из этих беженцев.

Декан, кардинал Лотарингии и все те, кто присутствовал на многочисленных собраниях, проходивших в особняке этого прелата, выразили сожаление по поводу печальной судьбы Питера Туссена, который когда-то так справедливо обещал. Он в Базеле, сказали они, в доме Колампадия, живет с одним из лидеров этой ереси! Они писали ему с жаром, как будто это могло спасти его от вечного осуждения. Эти письма были тем более болезненны для молодого человека, что он не мог не распознать в них признаки искренней привязанности. [1015] Один из его родственников, вероятно, сам декан, убедил его переехать в Париж, в Мец или в любое другое место в мире, при условии, что это будет подальше от этих лютеран. Этот родственник, памятуя обо всем, чем Туссен был ему обязан, не сомневался, что он немедленно подчинится; но когда он обнаружил, что его усилия бесполезны, его привязанность сменилась яростной

ненавистью. В то же время это сопротивление разозлило всю семью и всех его друзей против молодого беженца. Они пошли к его матери, которая была "под властью монахов"; [1016] священники столпились вокруг нее, пугая и убеждая, что ее сын совершил преступления, о которых они не могли упоминать без содрогания. После этого убитая горем мать написала своему сыну трогательное письмо, "полное слез" (сказал он), в котором она описывала свои страдания душераздирающими словами. "О! несчастная мать! - воскликнула она. - О! неестественный сын! будь прокляты груди, вскормившие тебя, и колени, обнажающие тебя! [1017]

ОН ПОКИДАЕТ КОЛАМПАДИЯ.

Несчастный Туссен растерялся: что ему делать? Он не мог вернуться во Францию. Покинув Базель и отправившись в Цюрих или Виттемберг, недоступные для своей семьи, он только усугубил бы их горе. Колампадий посоветовал поступить иначе: "Покинь мой дом", - сказал он. [1018] С сердцем, полным печали, он принял предложение и ушел жить к невежественному и малоизвестному священнику, [1019] тот, кто хорошо приспособился успокаивать своих родственников. Какая перемена для Туссена! Он никогда не встречался со своим хозяином, кроме как за трапезой, когда они постоянно обсуждали вопросы веры; и как только трапеза заканчивалась, Туссен удалялся в свою комнату, где в одиночестве, вдали от шума и споров, внимательно изучал Слово Божье. "Господь мне свидетель, - сказал он, - что в этой долине слез у меня есть только одно желание - увидеть, как царство Христа расширяется, чтобы все едиными устами могли прославлять Бога". [1020]

Произошло одно обстоятельство, которое утешило Туссена. Враги Евангелия в Меце с каждым днем становились все сильнее. По его просьбе шевалье д'Эш отбыл в январе 1525 года, чтобы ободрить евангельских христиан в этом городе. Он пересек леса Вогезов и добрался до места, где Леклерк сложил свою жизнь, неся с собой несколько книг, которыми снабдил его Фарель. [1021]

ПОСЛАНИЕ ОТ ДОФИНИ—ИДОЛОПОКЛОНСТВО.

Эти французы обратили свои взоры не только на Лотарингию. Шевалье де Кок получил письма от одного из братьев Фареля, в которых в самых мрачных красках описывалось положение Дофини. Он тщательно избегал показывать их, чтобы не встревожить слабонервных, и довольствовался тем, что горячо искал у Бога поддержки в его всемогущих руках. [1022] В декабре 1524 года Питер Верье, гонец из Дофина, прибыл верхом в Монбельяр с поручениями для Анемон и Фареля. Шевалье со свойственной ему живостью немедленно принял решение вернуться во Францию. "Если Питер принес какие-нибудь деньги, - писал он Фарелю, - сохраните их; если он принес какие-нибудь письма, вскройте и скопируйте их, а затем перешлите мне. Однако не продавайте лошадь, а позаботьтесь о ней, потому что, возможно, она мне понадобится. Я склонен тайно въехать во Францию и обратиться к Якобусу Фаберу (Лефевру) и Арандиусу. Напишите и скажите мне, что вы об этом думаете." [1023]

Таковы были доверие и открытость, которые существовали между этими беженцами. Один вскрывал письма другого и получал свои деньги. Это правда, что де Кок уже был должен тридцать шесть крон Фарелю, кошелек которого всегда был открыт для его друзей. В желании шевалье вернуться во Францию было больше рвения, чем осмотрительности. Он был слишком опрометчивым человеком, чтобы не подвергнуть себя неминуемой смерти. Это Фарел, без

сомнения, объяснил ему. Он покинул Базель и переехал в маленький городок, где у него были "большие надежды овладеть немецким языком, если Бог даст". [1024]

Фарель продолжал проповедовать Евангелие в Монбельяре. Его душа была раздосадована, когда он увидел, что большинство людей в этом городе полностью отдались поклонению изображениям. Это было, по его мнению, возрождением старого языческого идолопоклонства.

СВЯТОГО АНТОНИЯ БРОСИЛИ В РЕКУ.

Однако увещевания Николампадия и боязнь скомпрометировать истину, возможно, еще долго сдерживали бы его, если бы не непредвиденное обстоятельство. Однажды, примерно в конце февраля (это был праздник святого Антония), Фарел прогуливался по берегу небольшой речки, протекающей через город, под высокой скалой, на которой построена цитадель, когда, дойдя до моста, он встретил процессию, которая пересекала его, читая молитвы святому Антонию, и возглавляемую двумя священниками, несущими изображение этого святого. Фарел внезапно оказался лицом к лицу с этими суевериями, не стремясь, однако, к ним. В его душе произошла жестокая борьба. Должен ли он уступить? должен ли он спрятаться? Разве это не было бы трусливым актом неверия? Эти безжизненные изображения, которые несли на плечах невежественные священники, заставили его кровь закипеть. Фарел смело подошел, выхватил из рук священника раку святого отшельника и сбросил ее с моста в реку. А затем, повернувшись к охваченной благоговейным страхом толпе, он воскликнул: "Бедные идолопоклонники, неужели вы никогда не откажетесь от своего идолопоклонства!" [1025]

Священники и народ стояли неподвижно от изумления. Религиозный страх, казалось, приковал их к месту. Но вскоре они вышли из оцепенения. "Изображение тонет", - воскликнул кто-то из толпы, и восторг и крики ярости сменили их гробовое молчание. Толпа бросилась бы на святотатца, который только что бросил предмет их обожания в воду. Но Фарел, мы не знаем, как, избежал их насилия. [1026]

Мы осознаем, что есть причина сожалеть о том, что реформатора поторопили совершить поступок, который скорее имел тенденцию препятствовать распространению истины. Никто не должен считать себя уполномоченным нападать с применением насилия на любое учреждение, санкционированное государственной властью. Однако в рвении реформатора есть нечто более благородное, чем то холодное благоразумие, столь распространенное среди людей, которые сжимаются перед малейшей опасностью и боятся принести малейшую жертву ради продвижения царства Божьего. Фарель не был в неведении, что таким образом он подвергает себя участи Леклерка. Но его собственная совесть свидетельствовала, что он желал только способствовать славе Божьей, и это делало его выше всякого страха.

СМЕРТЬ АНЕМОНДА—СТРАСБУРГ.

После этой истории с мостом, которая является характерной чертой в истории Фареля, реформатору пришлось скрыться, и вскоре после этого он покинул город. Он нашел убежище в Базеле у Колумпадия, но навсегда сохранил ту привязанность к Монбельяру, которую слуга Божий никогда не перестает питать к первым плодам своего служения. [1027]

Печальные вести ожидали Фареля в Базеле. Если он и был беглецом, то его друг Анемон де Кок был серьезно болен. Фарель немедленно отправил ему четыре золотые кроны, но в письме, написанном Освальдом Микониусом 25 марта, сообщалось о смерти шеваляе. "Давайте жить

так, - сказал Освальд, - чтобы мы могли войти в тот покой, в который, как мы надеемся, уже вошла душа Анемонда". [1028]

Так Анемон преждевременно сошел в могилу; он был все еще молод, полон активности и сил, готов был приложить все усилия для евангелизации Франции и сам по себе был настоящим хозяином. *Божьи пути - это не наши пути*. Незадолго до этого, в окрестностях Цюриха, другой шевалье, Ульрих Хюттен, испустил дух. В характерах немецких и французских рыцарей есть некоторое сходство, но благочестие и христианские добродетели дофинца ставят его намного выше остроумного и бесстрашного врага папы римского и монахов.

Вскоре после смерти Анемон Фарель, не имея возможности оставаться в Базеле, откуда он когда-то был изгнан, присоединился к своим друзьям Капито и Буцеру в Страсбурге.

ЛАМБЕРТ ФРАНЦИСКУ I.

Страсбург, имперский город, во главе которого стоял Штурм, один из самых выдающихся людей Германии, и в стенах которого проживало много знаменитых врачей, был как бы передовым форпостом Реформации, заброшенным за Рейн, в котором нашли убежище преследуемые христиане Франции и Лотарингии и откуда они надеялись привлечь эти страны к Евангелию Иисуса Христа. Благочестивым стремлением Ламберта было стать для Франции тем, кем Лютер был для Германии, и, соответственно, едва покинув Мец, он прибыл в Страсбург, как начал готовиться, ожидая момента, когда ему будет предоставлена возможность пронести меч Евангелия в самое сердце страны, которую он так нежно любил. [1029]

Сначала он обратился к Франциску I. "Папа, - сказал он, - будь его воля, превратил бы каждого короля в нищего. Прислушайся к истине, превосходнейший принц, и Бог сделает тебя великим среди принцев земли. Горе всем народам, чьим повелителем является папа. О, Авиньон, город моего рождения, разве ты не несчастная дочь Вавилона? Передан легату не святости, а нечестия и ереси; [1030] ты видишь, как в твоих стенах множатся непристойные развлечения, нескромные танцы и прелюбодеяние, и все вокруг твоих полей опустошаются ежедневными охотничьими отрядами, а твоих бедных работников угнетают.

"О самый христианский король, твой народ жаждет Слова Божьего". В то же время, обращаясь к папе, он сказал: "Вскоре та могущественная Франция, которую ты привык называть своей рукой, отделится от тебя". [1031] Таковы были иллюзии Ламберта!

Обнаружив, что его послание не произвело никакого эффекта, он написал второе в еще более серьезном тоне. "Как? - воскликнул он. - Арабы, халдеи, греки и евреи владеют Словом Божьим на своем родном языке, а французы, немцы, итальянцы и испанцы не могут владеть им на своем! Стоит только Богу заговорить с народами на языке народа, и империя гордыни рассыплется в прах". [1032]

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЕ ПОРАЖЕНИЯ—ПАВИЯ.

Эти ожидания не оправдались. В Монбельяре и Базеле, как и в Лионе, ряды реформаторов пострадали. Некоторых из самых преданных бойцов унесла смерть, других - преследования и изгнание. Напрасно воины Евангелия повсюду поднимались на штурм; везде они были отброшены. Но если силы, которые они сосредоточили сначала в Мо, затем в Лионе, а затем в Базеле, были последовательно рассеяны, то тут и там все еще оставались бойцы, которые в

Лотарингии, в Мо и даже в Париже более или менее открыто боролись за утверждение Слова Божьего во Франции. Хотя колонны Реформации были разбиты, у нее все еще были отдельные сторонники. Против них Сорбонна и парламент были готовы обратить свой гнев. Они не оставили бы на земле Франции ни одного из этих благородно мыслящих людей, которые взялись водрузить на ней знамя Иисуса Христа; и неслыханные несчастья, казалось, теперь вступили в сговор с врагами Реформации, чтобы помочь им в выполнении их задачи.

ГЛАВА XIV.

Франциск взят в плен в Павии—Реакция против Реформации—Тревога Маргариты за своего брата—Луиза консультируется в Сорбонне—Комиссия по борьбе с еретиками—Брисонне предстал перед судом—Апелляция в парламент—Падение—Отречение—Обвиняемый Лефевр—Осуждение и бегство—Лефевр в Страсбурге—Луи Беркен заключен в тюрьму—Нападение на Эразма—Шух в Нанси—Его мученичество—Борьба с Кароли—Скорбь Паванны—Его мученичество—Христианский отшельник—Собрание в Нотр-Дам.

ТРЕВОГА МАРГАРИТЫ ЗА ФРАНЦИСКА I.

В последний период пребывания Фареля в Монбельяре на мировом театре происходили великие события. Ланнуа и Пескара, генералы Карла, покинув Францию при приближении Франциска I. Этот принц перешел Альпы и блокировал Павию. 24 февраля 1525 года на него напала Пескара. Бонниве, Ла Тремуйль, Палисс и Лескюр погибли, сражаясь вокруг своего государя. Герцог Алансонский, муж Маргариты, первый принц крови, бежал с арьергардом и умер от стыда и горя в Лионе; а Франциск, сброшенный с лошади, отдал свой меч Шарлю Ланнуа, вице-королю Неаполя, который принял его, преклонив колени. Король Франции был пленником императора. Его пленение казалось величайшим из несчастий. "У меня не осталось ничего, кроме чести и жизни", - писал король своей матери. Но никто не испытывал большей скорби, чем Маргарет. Слава ее страны запятнана, Франция осталась без монарха и подверглась величайшим опасностям, ее любимый брат в плену у своего надменного врага, ее муж обесчещен и мертв.....Какие это были горькие мысли!.....Но у нее был утешитель, и пока ее брат, чтобы утешиться, повторял: "*Ты навсегда, fors l'honneur*, все потеряно, кроме чести!" — она смогла сказать:

Fors Jésus seul, mon frère, fils de Dieu! [1033]

Спаси только Христа, дорогой брат, Сын Божий!

Маргарет думала, что в час испытания Франциск может получить Слово Божье. За несколько месяцев до этого король уже предал религиозные чувства в связи со смертью своей дочери принцессы Шарлотты. Герцогиня Алансонская скрыла от него болезнь ребенка, Франциск, который, без сомнения, что-то подозревал, трижды видел во сне, что его дочь говорит ему: "Прощай, мой король, я отправляюсь в рай". Он догадался, что она мертва, и поддался "сильному горю", но написал своей сестре, что "скорее умрет, чем пожелает иметь ее в этом мире вопреки воле Бога, да будет благословенно имя его". [1034]

Маргарита думала, что ужасная катастрофа в Павии завершит то, с чего началось первое судебное разбирательство; и, искренне желая, чтобы Слово Божье было с Франциском в его

тюрьме, она написала маршалу Монморанси, который был взят в плен вместе с королем, очень трогательное письмо, заслуживающее сохранения. Весьма вероятно, что она говорит о себе и епископе Брисонне в изящной аллегории, которая служит вступлением к ее просьбе:

"Дорогой кузен, есть один очень набожный отшельник, который в течение последних трех лет постоянно убеждал человека, которого я знаю, молиться Богу за короля, что он и сделал; и он уверен, что, если королю будет угодно ежедневно, находясь в своем уединении, читать послания Святого Павла, он будет предан славе Божьей; ибо Он обещает в Своем Евангелии, что всякий, кто любит истину, *истина сделает его свободным*. И поскольку я думаю, что у него их нет, я посылаю вам свои, умоляя вас умолять его от моей стороны, чтобы он прочитал их, и я твердо верю, что Святой Дух, пребывающий в письме, совершит через него такие же великие дела, какие он совершил через тех, кто их написал; ибо Бог не менее могуществен и добр, чем Был, и его обещания никогда не обманывают. Он смирил вас пленением, но он не оставил вас, дав вам терпение и надежду на Свою благодать, которая всегда сопровождается утешением и более совершенным знанием о Нем, которое, я уверен, лучше, чем когда-либо знает король, чей разум менее свободен из-за заточения тела.

- Твоя добрая кузина Маргарет.

РЕАКЦИЯ ПРОТИВ РЕФОРМЫ.

В таких выражениях Маргарита Валуа, полная тревоги за спасение души своего брата, обращалась к королю после битвы при Павии. К сожалению, ее письмо и Послания святого Павла не были отправлены непосредственно Франциску; она не могла бы выбрать худшего посредника, чем Монморанси.

Письма, которые король писал из замка Пиццигитоне, где он был заключен, служили его сестре некоторым утешением. В начале апреля она написала ему: "После скорби Страстей это был Святой Дух (*т. е. Пятидесятница*), видящий благодать, которую явил вам наш Господь". [1035] Но, к несчастью, заключенный не нашел в Слове Божьем той *истины, которая делает свободным*, и которой Маргарет так искренне желала. он мог бы обладать.

Вся Франция - принцы, парламент и народ - была охвачена ужасом. Вскоре, как и в первые три эпохи существования Церкви, бедствие, постигшее страну, было вменено христианам; и со всех сторон раздавались фанатичные крики, призывавшие к крови как средству предотвращения еще больших бедствий. Момент, таким образом, был благоприятный; недостаточно было выбить евангельских христиан с трех сильных позиций, которые они заняли; необходимо было воспользоваться всеобщей паникой, ковать железо, пока горячо, и очистить все королевство от той оппозиции, которая стала столь грозной для папства.

ОБВИНЕНИЯ И УГРОЗЫ.

Во главе этого заговора и этих шумих были Беда, Дюшен и Лекутьерье. Эти непримиримые враги Евангелия льстили себя надеждой, что они смогут легко добиться от общественного террора жертв, в которых им до сих пор отказывали. Они немедленно пустили в ход все средства: разговоры, фанатичные разглагольствования, причитания, угрозы, клеветнические публикации, чтобы вызвать гнев нации, и особенно своих правителей. Они изрыгали огонь на своих

противников и осыпали их самыми непристойными оскорблениями. [1036] В их глазах все средства были хороши; они выбирали несколько слов тут и там, пренебрегая контекстом, который мог бы объяснить цитируемый отрывок; заменяли выражения врачей, которых они осуждали, собственными и опускали или добавляли, в зависимости от того, было ли необходимо очернить характер их противников. [1037] У нас есть это по свидетельству самого Эразма.

Ничто так не вызывало их гнева, как фундаментальная доктрина христианства и Реформации — спасение по благодати. "Когда я вижу этих трех мужей, - сказал Беда, - Лефевра, Эразма и Лютера, в других отношениях наделенных таким пронизательным гением, объединяющихся и устраивающих заговор против достойных деяний и возлагающих всю тяжесть спасения только на веру", [1038] Я больше не удивляюсь тому, что тысячи людей, соблазненных этими доктринами, научились сказать: "Зачем мне поститься и умерщвлять свое тело?" Давайте изгоним из Франции это ненавистное учение о благодати. Это пренебрежение добрыми делами - фатальное заблуждение дьявола".

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ И ЕВАНГЕЛИЕ.

Таким языком Синдик Сорбонны пытался бороться с верой. Ему было суждено найти сторонников при развращенном дворе и в другой части нации, более респектабельной, но не менее враждебной Евангелию; я имею в виду тех серьезных людей, тех жестких моралистов, которые, посвятив себя изучению законов и форм юриспруденции, рассматривают христианство не более чем как систему законодательства; Церковь - как моральную полицию; и которые, неспособные приспособиться к тем принципам юриспруденции, которые поглощают все их мысли, - доктринам о духовной неспособности человека, о новом рождении и оправдании верой, - смотрят на них как на причудливые мечты, опасные для общества. мораль и процветание государства. Эта враждебная тенденция к доктрине благодати проявилась в шестнадцатом веке в двух совершенно разных эксцессах: в Италии и Польше - в доктрине Социна, потомка прославленной семьи юристов из Сиенны; а во Франции - в постановлениях о преследовании и сожжении зданий парламента.

Парламент, фактически, презирая великие истины Евангелия, провозглашенные реформаторами, и считая себя призванным что-то предпринять в условиях столь сокрушительной катастрофы, обратился к Луизе Савойской с обращением, полным решительных замечаний по поводу поведения правительства в отношении новой доктрины. "Ересь, - говорили они, - подняла голову среди нас, и король, не позаботившись привести еретиков на эшафот, навлек гнев небес на нацию".

В то же время с кафедр раздавались причитания, угрозы и проклятия; громко требовались незамедлительные и примерные наказания. Марциал Мазурье особенно выделялся среди парижских проповедников; стремясь своей жестокостью изгладить воспоминание о своей прежней связи с приверженцами Реформации, он выступал с речью против "тайных учеников Лютера". "Ты знаешь, как быстро действует этот яд?" воскликнул он. "Ты знаешь его силу? Что ж, мы можем трепетать за Францию, поскольку она действует с непостижимой активностью и за короткое время может уничтожить тысячи душ". [1039]

ЛУИЗА КОНСУЛЬТИРУЕТСЯ В СОРБОННЕ И У ПАПЫ Римского.

Настроить регента против сторонников Реформации было нетрудно. Некоторые фанатики указывали на ее дочь Маргариту, первую особу двора, саму Луизу Савойскую, которая всегда была так предана римскому понтифику, как на сторонницу Лефевра, Беркена и других новаторов. Разве она не читала их трактаты и переводы Библии? Королева-мать желала очистить себя от таких возмутительных подозрений. Она уже отправила своего духовника в Сорбонну, чтобы проконсультироваться с этим органом о средствах искоренения этой ереси. "Проклятое учение Лютера, - сказала она преподавателям, - с каждым днем приобретает новых приверженцев". Преподаватели улыбнулись, получив это сообщение. До тех пор к его заявлениям не прислушивались, и теперь в этом вопросе смиренно спрашивали их совета. Наконец, они смогли удержать в своих руках ту ересь, которую так долго хотели подавить. Они поручили Ноэлю Беде немедленно направить ответ регенту. "Видя, что проповеди, диспуты, книги, с помощью которых мы так часто выступали против ереси, потерпели неудачу в ее уничтожении, - сказал фанатичный синдик, - все писания еретиков должны быть запрещены королевским указом; и если этого средства недостаточно, мы должны применить силу и принуждение против *личностей* этих лжеучителей; ибо те, кто сопротивляется свету, должны быть покорены *пытками и террором*". [1040]

КОМИССИЯ ПРОТИВ ЕРЕТИКОВ.

Но Луиза не стала дожидаться этого ответа. Едва Франциск попал в руки императора, как она написала папе, чтобы узнать его мнение относительно еретиков. Для политики Луизы было очень важно заручиться благосклонностью понтифика, который мог поднять всю Италию против победителя при Павии, и она была готова примирить его ценой небольшого количества французской крови. Папа, обрадованный тем, что он может осуществить свою месть в "самом христианском королевстве" против ереси, которую он не мог уничтожить ни в Швейцарии, ни в Германии, немедленно отдал приказ о введении инквизиции во Франции и обратился с кратким посланием к парламенту. В то же время Дюпра, которого понтифик произвел в кардиналы и которому он даровал Санское архиепископство и богатое аббатство, старался ответить на благосклонность римского двора проявлением неутомимой враждебности к еретикам. Таким образом, папа, регент, доктора Сорбонны, парламент и канцлер вместе с самой невежественной и фанатичной частью нации сговорились разрушить Евангелие и предать смерти его исповедников.

Инициативу взял на себя парламент. Требовалось не что иное, как первый орган в королевстве, чтобы начать кампанию против этой доктрины, и, более того, разве это не было их особым занятием, поскольку на карту была поставлена общественная безопасность? Соответственно, парламент, "движимый святым рвением и неприязнью к этим нововведениям", [1041] издал указ о том, что епископ Парижский и другие прелаты должны быть обязаны поручить господину Филиппу Поту, председателю комиссии по запросам, и Эндрю Верджюсу, члену совета, и господам Уильяму Дюшену и Николасу Леклерку, докторам богословия, чтобы учредить и провести судебный процесс над теми, кто должен быть запятнан лютеранским учением.

"И поскольку могло показаться, что эти уполномоченные действовали скорее под руководством Церкви, чем парламента, его святейшеству было угодно направить свой отчет от 20 мая 1525 года, одобряющий назначение указанных уполномоченных.

"Вследствие чего все те, кто был объявлен лютеранами епископом или церковными судьями этим депутатам, были переданы светской власти, то есть вышеупомянутому парламенту, который после этого приговорил их к сожжению заживо". [1042]

Это язык рукописи того времени.

Такова была ужасная комиссия по расследованию, назначенная во время пленения Франциска I. против евангельских христиан Франции по соображениям общественной безопасности. Она состояла из двух мирян и двух священнослужителей, и одним из последних был Дюшен, после Беды, самый фанатичный доктор Сорбонны. У них хватило скромности не ставить его во главе своих, но от этого его влияние было только более прочным.

ОБВИНЕНИЯ Против БРИСОННЕ.

Таким образом, машина была заведена; ее пружины были хорошо подготовлены; результатом каждого ее удара была смерть. Теперь встал вопрос, на кого они должны нанести свой первый удар. Беда, Дачезне и Леклерк при содействии президента Филипа Пота и члена совета Эндрю Верджюса встретились, чтобы обсудить этот важный вопрос. Разве там не было графа Монбрена, старого друга Людовика XII и бывшего посла в Риме, Брисонне, епископа Мо? Комитет общественной безопасности, собравшийся в Париже в 1525 году, считал, что, начав с человека столь высокого положения, они наверняка посеют смятение по всему королевству. Это было достаточной причиной, и достопочтенному епископу был объявлен импичмент.

Это правда, что Брисонне дал гарантии подчинения Риму, парламенту и народным суевериям; но было сильное подозрение, что он сделал это просто для того, чтобы отразить удар, который вот-вот должен был обрушиться на него, и что он все еще втайне поддерживал ересь. По-видимому, после того, как он уступил, к нему отчасти вернулось мужество; обстоятельство, вполне гармонирующее с этими нерешительными характерами, которых швыряет из стороны в сторону, как морские волны под порывами ветра. В разных местах ему приписывалось несколько действий, которые могли бы стать наиболее показательным отказом от его злополучных указов 1523 и 1524 годов. Чем выше его положение в Церкви и государстве, тем более роковым был его пример, и тем более необходимо было также добиться от него решительного отречения от своих заблуждений или наложить на него еще более суровое наказание. Следственная комиссия усердно собирала улики против него. Они приняли во внимание любезный прием, оказанный епископом еретикам; они заявили, что через неделю после того, как настоятель Кордельеров произнес проповедь в церкви Святого Мартина в Мо в соответствии с инструкциями Сорбонны по восстановлению здравого учения, Брисонне сам поднялся за кафедру и публично опроверг оратора, назвав его и других Грейфрайеров фанатиками, лицемерами и лжепророками; и что, не удовлетворившись этим публичным оскорблением, он через своего чиновника вызвал настоятеля предстать перед ним лично.

[1043] Из рукописи "Таймс" даже следует, что епископ пошел гораздо дальше и что осенью 1524 года в сопровождении Лефевра Этапльского он провел три месяца в путешествии по своей епархии и сжег все изображения, за исключением одного распятия. Такое дерзкое поведение, которое доказывало бы, что Брисонне обладал большой смелостью в сочетании с большой робостью, не может, если это правда, возлагать на него вину за других нарушителей имиджа; ибо он был главой той Церкви, суеверия которой он реформировал, и действовал в сфере своих прав и обязанностей. [1044]

ПАРИЖСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ.

Как бы то ни было, Брисонне не мог не чувствовать себя виновным в глазах врагов Евангелия. Он атаковал не только Церковь в целом; он боролся с самой Сорбонной, этой организацией, высшим законом которой были ее собственная слава и сохранение. Соответственно, он пришел в восторг, услышав о проведении экзамена против своего противника; и Джон Бочарт, один из самых знаменитых адвокатов того времени, поддержавший обвинение против Брисонне в парламенте, воскликнул, повысив голос: "Против профессорско-преподавательского состава ни епископ Мо, ни какое-либо частное лицо не может поднять голову или открыть рот. Факультет также не призван вступать в дискуссию, приводить и излагать свои доводы перед упомянутым епископом, который не должен противиться мудрости этого святого общества, которое он должен рассматривать как Божью помощь ". [1045]

ТРЕВОГА ЕПИСКОПА.

В результате этой реквизиции парламент 3 октября 1525 года издал указ, которым, санкционировав арест всех тех, против кого было сообщено, он распорядился, чтобы епископа допросили Джеймс Менаджер и Эндрю Верджус, советники суда, касающиеся фактов, в которых его обвиняли. [1046]

Этот указ парламента поразил епископа. Брисонне, посол двух королей — Брисонне, епископа и принца, друга Людовика XII. и Франциск I. — подвергнуться допросу двух придворных советников!..... Тот, кто надеялся, что Бог зажжет в сердце короля, его матери и его сестры огонь, который распространится по всей нации, теперь увидел, как нация отвернулась от него, чтобы погасить пламя, которое он получил с небес. Король в плену, его мать стоит во главе врагов Евангелия, а Маргарита, встревоженная несчастьями, обрушившимися на Францию, не осмеливается отразить удары, которые вот-вот обрушатся на ее самых дорогих друзей и будут направлены в первую очередь против того духовного отца, который так часто утешал ее; или, если она и осмелится, то не сможет. Совсем недавно она написала Брисонне письмо, полное благочестивых излияний: "О! чтобы мое бедное, безжизненное сердце почувствовало хоть какую-то искру любви, от которой я хочу, чтобы оно сгорело дотла". [1047] Но теперь речь шла о буквальном сжигании. Этот мистический язык был больше неуместен, и тот, кто теперь желал исповедовать свою веру, должен был смело взойти на эшафот. Бедный епископ, который так искренне надеялся увидеть, как евангелическая реформа постепенно и мягко проникает в каждое сердце, был напуган и затрепетал, увидев, что теперь он должен купить ее ценой своей жизни. Возможно, никогда эта ужасная мысль не приходила ему в голову, и он отшатнулся от нее в агонии и ужасе.

ОБРАЩЕНИЕ К ПАРЛАМЕНТУ — ИСКУШЕНИЕ.

И все же у Брисонне оставалась одна надежда: если бы ему разрешили предстать перед собравшимися палатами парламента, как подобает человеку его ранга, при этом величественном и многочисленном дворе, он был бы уверен, что найдет великодушные сердца, откликнувшиеся на его призыв и взявшиеся за его защиту. Поэтому он умолял суд оказать ему эту услугу; но его враги в равной степени рассчитывали на исход такого слушания. Разве они не видели, как Лютер предстал перед немецким сеймом и потряс самые решительные сердца? Стремясь исключить любую возможность для безопасности, они приложили столько усилий,

что парламент отказал Брисонне в этой услуге указом от 25 октября 1525 года в подтверждение ранее изданного. [1048]

Тогда епископ Мо был передан, как самый скромный священник, под юрисдикцию Джеймса Менажера и Эндрю Верджюса. Эти два юриста, послушные инструменты в руках Сорбонны, не были бы тронуты теми высшими соображениями, к которым могла бы относиться вся палата; они были обычными людьми: отличался ли епископ от этого общества или нет? Это все, что они желают знать. Таким образом, осуждение Брисонне было обеспечено.

ЕПИСКОП ОТСТУПАЕТ.

Пока парламент таким образом заносил меч над головой епископа, монахи, священники и врачи не бездействовали; они видели, что отречение Брисонне принесет им больше пользы, чем его наказание. Его смерть только разожгла бы рвение всех тех, кто придерживался одной с ним веры; но его отступничество повергло бы их в глубочайшее уныние. Они приступили к работе соответственно. Они посетили его и умоляли, в частности, Мартиал Мазурье, пытавшийся заставить его пасть, как он сделал это сам. Не было недостатка в аргументах, которые могли показаться Брисонне благовидными. Хотел бы он быть лишенным своих обязанностей? Не мог бы он, оставаясь в церкви, использовать свое влияние на короля и двор, чтобы принести неисчислимое количество добра? Что станет с его старыми друзьями, когда он больше не будет у власти? Не может ли его сопротивление поставить под угрозу реформу, которая, чтобы быть полезной и долговечной, должна проводиться под законным влиянием духовенства? Сколько душ он оскорбил бы, сопротивляясь Церкви; сколько душ он привлек бы, наоборот, уступив дорогу!..... Они, как и он сам, стремились к реформе. Все незаметно продвигается вперед; при дворе, в городе и провинциях все движется вперед..... и неужели он по простому безрассудству сердца разрушит столь прекрасную перспективу!..... В конце концов, они не призывали его поступиться своим мнением, а только подчиниться установленному порядку Церкви. Хорошо ли было с его стороны, когда Франция переживала столько неудач, сеять новую неразбериху? "Во имя религии, вашей страны, ваших друзей и самой Реформации, убедитесь", - говорили они. Подобными софизмами губятся самые благородные дела.

Однако каждое из этих соображений оказало свое влияние на сознание епископа. Искуситель, желавший низвергнуть нашего Спасителя в пустыню, таким образом, предстал перед Брисонне в благовидных тонах, но вместо того, чтобы сказать вместе со своим Учителем: "Отойди от меня, сатана!" - он выслушал, приветствовал и обдумал эти предложения. С этого часа его верности пришел конец.

Брисонне никогда не отдавался всем сердцем, подобно Лютеру или Фарелю, движению, которое в то время возрождало Церковь; в нем была определенная мистическая тенденция, которая ослабляет умы людей и лишает их той твердости и мужества, которые проистекают только из веры, основанной на Слове Божьем. Крест, который он был призван взять, чтобы следовать за Христом, был слишком тяжел. [1049] Потрясенный, встревоженный, ошеломленный и отвлеченный, [1050] он споткнулся о камень, искусно поставленный у него на пути..... он пал, и вместо того, чтобы броситься в объятия Иисуса, он бросился в объятия Мазурье, [1051] и позорным отречением запятнал славу благородной верности. [1052]

ПОСЛЕДСТВИЯ —РЕТРАКЦИЯ.

Так пал Брисонне, друг Лефевра и Маргариты; так самый первый сторонник Евангелия во Франции отверг благую весть о благодати, виновато полагая, что если он останется верным, то потеряет свое влияние на Церковь, двор и Францию. Но то, что представлялось ему спасением его страны, возможно, стало ее гибелью. Каким был бы результат, если бы Брисонне обладал мужеством Лютера? Если бы один из первых епископов Франции, любимый королем и народом, взошел на эшафот и, подобно малым мира сего, запечатлел истину Евангелия смелым исповеданием и христианской смертью, разве сама Франция не была бы тронута; и кровь епископа, ставшая, подобно крови Поликарпа и Киприана, семенем Церкви, разве мы не увидели бы, как эта страна, столь прославленная во многих отношениях, выходит в шестнадцатом веке из того духовного мрака, которым она все еще омрачена?

Брисонне подвергся чисто формальному допросу в присутствии Джеймса Менаджера и Эндрю Верджюса, которые заявили, что он в достаточной степени признал себя виновным в вменяемом ему преступлении. Затем он был подвергнут епитимье и собрал синод, на котором осудил книги Лютера, отрекся от всего, чему тот учил вопреки доктрине Церкви, восстановил обращение к святым, попытался вернуть тех, кто оставил римское богослужение, и, желая не оставить сомнений в своем примирении с папой и Сорбонной, соблюдал торжественный пост накануне Дня Тела Христова и отдал приказ о помпезных процессиях, в которых он появлялся лично, еще больше свидетельствуя о своей вере своим великолепием и всеми видами благочестивых обрядов. [1053] В своем завещании он вверил свою душу Деве Марии и небесному хору рая и пожелал, чтобы после его смерти (которая произошла в 1533 году) было отслужено тысяча двести месс за упокой его души.

ОБВИНЯЕМЫЕ БРИСОННЕ И ФЕНЕЛОН—ЛЕФЕВР.

Падение Брисонне, пожалуй, самое запоминающееся в истории Реформации. Нигде больше мы не встретим человека, столь искренне набожного и так глубоко вовлеченного в реформу, который так внезапно оборачивается против нее; и все же мы должны ясно понимать его характер и его падение. Брисонне был в отношении Рима тем же, чем Лефевр был в отношении Реформации. Они оба были сторонниками полумер, по сути не принадлежавшими ни к одной из партий. Доктор Этапля склонялся к Слову, в то время как епископ Мо склонялся к иерархии; и когда этим двум людям, соприкасающимся друг с другом, пришлось принимать решение, один встал под знамя Рима, а другой - Иисуса Христа. Однако мы не можем быть уверены, что Брисонне полностью изменял убеждениям своей веры; ни в какой период после его отречения римские врачи не оказывали ему полного доверия. Но он поступил, возможно, так же, как впоследствии поступил архиепископ Камбрэ, на которого он был во многом похож; он думал, что может внешне подчиниться папе, оставаясь внутренне приверженцем своих старых убеждений. Такая слабость несовместима с принципами Реформации. Брисонне был одним из руководителей мистической, или квиетистской, школы во Франции, и мы знаем, что одним из ее ведущих принципов всегда было приспособление к церкви, в которой она существует, какой бы эта церковь ни была.

Виновное падение Брисонне тронуло сердца его старых друзей и стало печальным предвестником тех прискорбных отступничеств, которые мирской дух так часто совершал во Франции в прошлые века. Человек, который, казалось, держал в своих руках бразды правления Реформацией, был внезапно сброшен со своего места; и с тех пор Реформации было суждено

следовать своим курсом во Франции без человеческого лидера, без вождя, в смирении и безвестности. Но ученики Евангелия подняли головы и с тех пор с еще большей верой смотрели на этого небесного Наставника, чья верность, как они знали, была непоколебима.

ОСУЖДЕНИЕ И БЕГСТВО.

Сорбонна одержала победу; это был большой шаг к разрушению Реформы во Франции; и было важно без промедления одержать еще одну победу. Следующим после Брисонне встал Лефевр. Соответственно, Беда немедленно обратил атаку против него, опубликовав книгу против этого знаменитого врача, полную такой грубой клеветы, что, по словам Эразма, "даже кузнецы и сапожники могли бы указать на них". Его ярость была особенно вызвана доктриной оправдания через веру, которую Лефевр был первым, кто проповедовал христианскому миру в шестнадцатом веке. До этого момента Беда постоянно повторялся как статья, которая, по его словам, ниспровергала Церковь. "Что? - воскликнул он. - Лефевр утверждает, что всякий, кто возлагает свое спасение на самого себя, несомненно погибнет; в то время как человек, который оставляет все свои силы и полностью отдается в руки Иисуса Христа, будет спасен!..... О, что за ересь! учить неэффективности достойных дел!.....Какая адская ошибка! какая коварная ловушка дьявола! Давайте противодействовать ей всеми нашими силами!" [1054]

Эта машина преследования, приводящая либо к отречению, либо к смерти, была немедленно обращена против доктора из Этапля, и уже тешились надежды увидеть, как Лефевр разделит участь бедного шерстобитчика или прославленного Брисонне. Его обвинение было вскоре составлено; и декрет парламента (от 28 августа 1525 г.) осудил девять положений, извлеченных из его комментариев к Евангелиям, и поместил его перевод Священных Писаний в список запрещенных книг. [1055]

Это была только прелюдия, и ученый доктор это знал. При первых признаках преследования он почувствовал, что в отсутствие Франциска I он должен пасть под натиском своих врагов и что теперь настал момент повиноваться заповеди Господа: *когда вас преследуют в одном городе, бегите в другой*. [1056] Лефевр покинул Мо, где после отступничества епископа он не испытал ничего, кроме чаши горечи, и увидел, что вся его деятельность парализована; и, уходя от своих преследователей, он отряхнул от них пыль со своих ног, "не для того, чтобы навлечь на них зло, но в знак того зла, которое их ожидало; ибо (говорит он в одном месте) подобно тому, как этот прах отряхивается от наших ног, они отвергаются от лица Господа". [1057]

Преследователи упустили свою жертву, но они утешали себя мыслью, что Франция, по крайней мере, избавлена от отца еретиков.

ЛЕФЕВР В СТРАСБУРГЕ—ВСТРЕЧА ФАРЕЛЯ И ЛЕФЕВРА.

Беглец Лефевр прибыл в Страсбург под чужим именем; там он немедленно объединился с друзьями Реформации; и какой, должно быть, была его радость, когда он услышал, что Евангелие, которое он был первым, проповедуется публично в Церкви! Вот она, его вера! это было именно то, чему он намеревался учить! Казалось, он родился во второй раз для христианской жизни. Жерар Руссель, один из тех евангелистов, которые, подобно доктору Этаплю, не достигли полной эмансипации, также был вынужден покинуть Францию. Вместе они следовали учению Капито и Буира; [1058] у них были частые частные беседы с этими верными врачами, [1059] и был распространен отчет, что им даже было поручено сделать это Маргарет, сестра короля. [1060] Но Лефевр был больше занят размышлениями о путях Божьих, чем

полемикой. Окинув взглядом христианский мир, полный изумления при виде происходящих великих событий, тронутый благодарностью, с сердцем, полным предвкушения, он упал на колени и взмолился Господу "усовершенствовать то, что, как он видел, тогда начиналось".

[1061]

Одно особое удовольствие ожидало его в Страсбурге; Фарел, его ученик, его сын, с которым он был разлучен преследованиями почти на три года, прибыл туда раньше него. Престарелый доктор Сорбонны нашел в своем юном ученике человека, полного сил, христианина со всей энергией веры. Фарел нежно пожал морщинистую руку, которая направляла его первые шаги, и испытал неописуемую радость от новой встречи со своим отцом в евангелическом городе и от того, что увидел его в окружении верующих людей. Вместе они слушали чистые наставления прославленных учителей; вместе они вкусили Вечерю Господню в соответствии с установлением Христа; вместе они получили трогательные доказательства любви своих братьев. "Помнишь ли ты, — сказал Фарел, — что ты однажды сказал мне, когда мы оба были погружены во тьму: Уильям, Бог обновит мир, и ты увидишь это!..... Вот начало того, что ты тогда сказал мне". - "Да, - ответил благочестивый старик, - "Бог обновляет мир". world.....Му дорогой сын, продолжай смело проповедовать святое Евангелие Иисуса Христа". [1062]

ГОРОД—УБЕЖИЩЕ -ЛУИ БЕРКЕН.

Лефевр, несомненно, из излишней осторожности, пожелал жить в Страсбурге никому не известным и взял имя Энтони Пилгрим, в то время как Руссель взял имя Сонин. Но знаменитый врач не мог оставаться незамеченным; вскоре весь город и даже дети с уважением приветствовали пожилого француза. [1063] Он жил не один; но жил в доме Капито с Фарелем, Русселем, Ведастусом, которого восхваляли за его неуверенность в себе, и неким Симоном, обращенным евреем. Дома Капитона, Колампадия, Цвингле и Лютера были тогда подобны постоянным дворам. Такова была в то время сила братской любви. В этом городе на берегу Рейна жило много других французов, и они основали церковь, в которой Фарель часто проповедовал учение о спасении. Это христианское общество смягчало боль изгнания.

ЖАЛОБА ЗАКЛЮЧЕННОГО —ERASMUS.

В то время как эти братья, таким образом, наслаждались убежищем, предоставленным им братской любовью, жители Парижа и других частей Франции подвергались большим опасностям. Брисонне отказался от участия; Лефевр покинул Францию; это, без сомнения, было чем-то для Сорбонны; но ей все еще оставалось ждать наказаний, которые она рекомендовала. Беда и его группа не нашли жертв Один человек раздражал их еще больше, чем Брисонне и Лефевр; это был Луи Беркен. Дворянин из Артуа, обладавший более решительным характером, чем двое его хозяев, не упускал случая помучить монахов и теологов и разоблачить их фанатизм. Живя поочередно в Париже и в провинции, он собирал и переводил труды Лютера и Эразма: [1064] он сам сочинял противоречивые работы, защищал и распространял новое учение со всем рвением новообращенного. Епископ Амьенский донес на него; Беда поддержал обвинение, и парламент приказал бросить его в тюрьму. "Этот, - сказали они, - не ускользнет от нас, как Брисонне или Лефевр". По сути, они держали его в тесном заключении. Напрасно глава картезианцев и другие умоляли его извиниться; он смело заявил, что не уступит ни в одном пункте. "Казалось, не оставалось другого выхода, - говорит хронист, - кроме как повести его на костер". [1065]

Маргарита, в ужасе от того, что случилось с Брисонне, боялась увидеть, как Беркена потащат на эшафот, с которого епископ так позорно сбежал. Не осмеливаясь навестить его в тюрьме, она попыталась передать ему несколько слов утешения; и, возможно, именно для него принцесса сочинила эту трогательную жалобу заключенного, в которой последний, обращаясь к Господу, восклицает:— [1066]

Но все же, где бы ни была моя тюрьма,
Ее ворота никогда не смогут удержать Тебя
Ни на миг, где я, Ты со мной.

Но Маргарет на этом не остановилась; она немедленно написала своему брату, прося прощения у этого джентльмена. Она была бы счастлива, если бы смогла вовремя избавить его от ненависти его врагов.

ЭРАЗМ АТАКОВАЛ — ЕГО ЗАЩИТА.

Ожидая этой жертвы, Беда решил запугать врагов Сорбонны и монахов, сокрушив самых знаменитых из них. Эразм взялся за перо против Лютера, но это не имело большого значения. Если им удастся уничтожить Эразма, то по гораздо более веским причинам гибель Фареля, Лютера и их соратников будет неизбежной. Самый надежный способ достичь цели - стремиться превзойти ее. Когда однажды Рим поставит свою ногу на шею роттердамского философа, где найдется врач-еретик, который сможет избежать его мести? Лекутьюрье, широко известный под своим латинским именем *Sutor* (сапожник), уже начал атаку, выпустив из своей одиночной картезианской кельи трактат, изобилующий насилием, в котором он называл своих оппонентов богословами и ослиами, обвиняя их в скандальных преступлениях, ереси и богохульстве. Затрагивая темы, в которых он не разбирался, он напоминал своим читателям старую поговорку: *Не будь суровым*, Пусть сапожник держится до последнего.

Беда поспешил на помощь своему брату. Он приказал Эразму больше ничего не писать; [1067] и, взяв перо, которое он приказал отложить величайшему писателю эпохи, он собрал всю клевету, которую монахи изобрели против прославленного философа, перевел их на французский и составил книгу, которую распространял в городе и при дворе, стремясь поднять против него всю Францию . [1068] Эта работа стала сигналом к нападению; на Erasmus нападали со всех сторон. Старый кармелит из Лувена Николас Экмонд восклицал каждый раз, когда поднимался за кафедру: "Между Лютером и Эразмом нет разницы, за исключением того, что Эразм - больший еретик"; [1069] и где бы Кармелит ни находился, за столом, в карете или на лодке, он называл Эразма ересиархом и фальсификатором . [1070] Парижский университет, возбужденный этими шумами, подготовил порицание знаменитому писателю.

ОБРАЩЕНИЕ К КОРОЛЮ И ИМПЕРАТОРУ.

Эразм был поражен. Итак, это конец всей его снисходительности и даже его враждебности по отношению к Лютеру. Он взобрался на брешь с большей отвагой, чем кто-либо другой; и теперь они хотят сделать из него ступеньку и растоптать его ногами, чтобы надежнее атаковать общего врага. Эта мысль вызвала у него отвращение: он немедленно повернулся и, почти не успев прекратить свои нападки на Лютера, обрушился на этих фанатичных врачей, которые напали на него сзади. Никогда еще его переписка не была такой активной, как сейчас. Он оглядывает все вокруг, и его пронзительный взгляд вскоре обнаруживает, в чьих руках зависит его судьба. Он

не колеблется: он возложит свои жалобы и увещевания к ногам Сорбонны, парламента, короля и самого императора. "Что же разожгло этот огромный лютеранский пожар?" он написал тем богословам Сорбонны, от которых все еще ожидал некоторой беспристрастности: "что раздуло это, если не злобность Беда и его товарищей? [1071] На войне солдат, выполнивший свой долг, получает награду от своего генерала; и все вознаграждение, которое я получу от вас, лидеров этой войны, должно быть оправдано клеветой таких, как Беда и Лекутюрье".

"Как! - писал он парламенту, - когда я боролся с этими лютеранами и когда я вел ожесточенную борьбу по приказу императора, папы и других государей, даже с риском для жизни, Беда и Лекутюрье напали на меня сзади со своими грязными клеветами! Ах, если бы судьба не лишила нас короля Франциска, я призвал бы этого мстителя муз против нового нашествия варваров. [1072] Но теперь ваш долг положить конец такой несправедливости!"

Как только у него появилась возможность передать письмо королю, он немедленно написал ему. Его пронизывающий взгляд распознал в этих фанатичных докторх Сорбонны зародыши лиги, предшественников тех трех священников, которые в один прекрасный день подняли *Шестнадцать* против последнего из Валуа; его гений предупредил короля о преступлениях и несчастьях, о которых его потомкам суждено было узнать слишком хорошо. "Религия - их предлог, - сказал он, - но они стремятся к тирании даже над принцами. Они движутся уверенным шагом, хотя их путь лежит под землей. Если принц не будет склонен подчиняться им во всем, они объявят, что он может быть низложен Церковью, то есть несколькими лжемонархами и теологами, которые замышляют заговор против общественного спокойствия". [1073] Эразм в письме Франциску I. не мог затронуть более щекотливого вопроса.

ПАРИЖ И ЛОТАРИНГИЯ—ЭШ ЗАКЛЮЧЕН В ТЮРЬМУ.

Наконец, чтобы быть более уверенным в спасении от своих врагов, Эразм призвал на защиту Карла V. "Непобедимый император, - сказал он, - определенные личности, которые под предлогом религии желают установить свое собственное обжорство и деспотизм, поднимают ужасный шум против меня. [1074] Я сражаюсь под вашими знаменами и знаменами Иисуса Христа. Пусть ваша мудрость и сила восстановят мир в христианском мире".

Так князь литературы обратился к великим людям своего времени. Опасность была предотвращена; вмешались мировые силы; стервятники были вынуждены бросить добычу, которая, как им казалось, уже была в их когтях. После этого они обратили свои взоры в другой квартал в поисках новых жертв, которые вскоре были найдены.

Лотарингия была первым местом, где снова пролилась кровь. С первых дней Реформы между Парижем и страной гизов существовал фанатичный союз. Когда в Париже воцарилось затишье, Лоррен взялась за это дело; и тогда Парис возобновила свои труды, в то время как Мец и Нанси восстанавливали силы. В июне 1525 года Питер Туссен вернулся в Мец вместе с Фарелем. Они пожелали заслушать их светлости *Тринадцать*, а получив отказ, обратились к *эшевину*. Уже были составлены планы бросить их в тюрьму, когда, испугавшись опасности, они быстро покинули город, путешествуя всю ночь, чтобы их не настигли. [1075]

ЭШ ЗАКЛЮЧЕН В ТЮРЬМУ—SCHUCH В НАНСИ.

Первым ударом, по-видимому, было суждено обрушиться на прекрасного человека, одного из беженцев из Базеля, друга Фареля и Туссена. Шевалье д'Эш не смог избежать подозрений

священников в Меце. Они обнаружили, что он поддерживал связь с евангельскими христианами и был заключен в тюрьму в Понт-а-Муссоне, примерно в пяти милях от Меца, на берегу Мозеля [1076] Эти новости повергли французских беженцев и самих швейцарцев в печаль. "О сердце, полное невинности!" - воскликнул Колампадий. "Я уверен в Господе, - добавил он, - что он сохранит этого человека для нас либо при жизни как проповедника праведности, чтобы провозгласить Его имя, либо как мученика, чтобы исповедать его после смерти". [1077] Но в то же время Никола Лампадий не одобрял порывистость, энтузиазм и неосмотрительность этого человека. рвение, отличавшее французских беженцев. "Я бы хотел, - сказал он, - чтобы мои дорогие лорды Франции не спешили возвращаться в свою страну, прежде чем они должным образом все осматрят"; [1078] ибо дьявол расставляет свои сети со всех сторон. Тем не менее, пусть они повинуются Духу Христа, и пусть этот Дух никогда не покидает их".

По правде говоря, были основания опасаться за шевалье. Ярость врага разразилась в Лотарингии с удвоенной силой. Провинциал из Кордельеров, Бонаventura Ренель, духовник герцога Антония Доброго, человек, лишенный стыда и не очень похвальный с точки зрения морали, дал этому слабому государю, правившему с 1508 по 1544 год, большую свободу в своих удовольствиях и убедил его, почти в качестве епитимьи, уничтожить новаторов без милосердия. "Каждому достаточно знать своего *Отца* и его *Аве*", - сказал бы этот принц, которого так хорошо обучил Ренель. "Чем лучше врач, тем больше беспорядков". [1079]

Ближе к концу 1524 года герцогскому двору сообщили, что пастор по имени Шух проповедует какое-то новое учение в городке Святого Ипполита, у подножия Вогезских гор. "Пусть они вернутся к своему долгу, - сказал Антоний *Добрый*, - иначе я выступлю против города и уничтожу его огнем и мечом". [1080]

ЕГО ОСУЖДЕНИЕ И МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ.

После этого верный пастырь решил посвятить себя служению своей пастве и отправился в Нанси, где проживал принц. Как только он прибыл, его бросили в грязную тюрьму под охраной жестоких людей, и монах Бонаventura наконец увидел еретика в своей власти. Именно он председательствовал на суде. "Еретик! Иуда! дьявол!" - воскликнул он. Шух, спокойный и собранный, ничего не ответил на это оскорбление; но, держа в руках Библию, всю испещренную заметками, он кротко, но настойчиво исповедал распятого Христа. Внезапно он оживился; он смело встал и, повысив голос, словно исполненный Духа свыше, посмотрел своим судьям в лицо и пригрозил им страшными судами Божиими.

Брат Бонаventura и его спутники, пораженные и охваченные яростью, бросились на него с яростными криками, вырвали Библию, из которой он читал этот угрожающий текст, "и, как бешеные псы, - говорит хронист, - не в силах укунить его учение, сожгли его в своем монастыре". [1081]

Весь лотарингский двор возмущался упрямством и дерзостью священника святого Ипполита, и принц, которому было любопытно послушать еретика, пожелал присутствовать при его последнем допросе, но тайно, скрытый от посторонних глаз. Поскольку экзамен проходил по латыни, он не мог понять ни слова, но его поразило твердое выражение лица священника, который не казался ни побежденным, ни сбитым с толку. Раздосадованный таким упрямством, Антоний Добрый встал и, уходя, сказал: "Почему вы все еще спорите? Он отрицает причастие

мессы; пусть они приступят к казни против него". [1082] Шух был немедленно приговорен к сожжению заживо. Когда приговор был доведен до его сведения, он поднял глаза к небу, мягко сказав: "Я был рад, когда они сказали мне: пойдём в дом Господень". [1083]

19 августа 1525 года весь город Нанси был в движении. Колокола звонили о смерти еретика. Скорбная процессия тронулась в путь. Нужно было пройти мимо монастыря Кордельеров, которые, ликуя и чего-то ожидая, собрались у ворот. В тот момент, когда появился Шух, отец Бонаventura, указывая на резные изображения над порталами монастыря, воскликнул: "Еретик! воздайте почести Богу, его матери и святым". — "Вы, лицемеры!" - ответил Шух, выпрямляясь перед этими деревянными и каменными блоками. - "Бог уничтожит вас и разоблачит ваши обманы!"

СОРЕВНОВАНИЕ БЕДЫ С КАРОЛИ

Когда мученик достиг места казни, его книги были сожжены у него на глазах; затем его призвали отречься; но он отказался, сказав: "Это ты, о Боже, призвал меня, и ты дашь мне силу до конца". [1084] После этого он начал повторять вслух пятьдесят первый псалом: "Помилуй меня, Господи, по милости твоей". Взорвавшись на кучу, он продолжал читать псалом до тех пор, пока дым и пламя не заглушили его голос.

Таким образом, гонители Франции и Лотарингии стали свидетелями возобновления своих побед; наконец люди прислушались к их советам. Прах еретика был развеян по ветру в Нанси; это был вызов столице Франции. Что?! беда и Лекютюрье будут последними, кто проявит свое рвение к папе римскому! Пусть пламя ответит на пламя, и ересь, сметенная с лица земли королевства, вскоре будет полностью отброшена за Рейн.

Но прежде чем он смог добиться успеха, Беде пришлось выдержать бой, наполовину серьезный, наполовину нелепый, с одним из тех людей, для которых борьба против папства - всего лишь интеллектуальное развлечение, а не искренняя цель сердца.

БОРЬБА С УНЫНИЕМ КАРОЛИ—ПАВАННЫ.

Среди ученых, которых Брисонне привлек в свою епархию, был доктор Сорбонны по имени Питер Кароли, тщеславный и легкомысленный человек, не менее сварливый и склонный к тяжбам, чем сам Беда. В новой доктрине Кароли видел средство досадить Беде, господства которого он не мог вынести. Соответственно, по возвращении из Мо в Париж он произвел большую сенсацию, взойдя на кафедру так называемого "нового способа проповеди". Затем началась неутомимая борьба между двумя врачами; это был удар за ударом и уловка за уловкой. Беда вызвал Кароли в Сорбонну, а Кароли вызвал его в епископский суд в порядке возмещения ущерба. Факультет продолжил экзамен, и Кароли направил уведомление об апелляции в парламент. Ему временно запретили подниматься за кафедру, и он проповедовал во всех церквях Парижа. Поскольку вообще было категорически запрещено проповедовать, он публично читал лекции о Псалмах в колледже Камбрэ. Преподавательский состав запретил ему продолжать свой курс, и он попросил разрешения закончить объяснение 22-го псалма, которое он только начал. Наконец, получив отказ в своей просьбе, он вывесил на воротах колледжа следующий плакат: *"Питер Кароли, желая подчиниться приказам священного факультета, прекратил читать лекции; он возобновит свои лекции (когда это будет угодно Богу) стихом, на котором он остановился: Они пронзили мои руки и ноги"*. Так Беда, наконец, нашел себе пару. Если бы Кароли всерьез защищал истину, горящий костер вскоре стал бы его

наградой; но он был слишком нечестивым духом, чтобы быть преданным смерти. Как могли судьи сурово наказать человека, который заставил их потерять серьезность. Ни епископский суд, ни парламент, ни совет никогда не могли прийти к определенному решению по его делу. Два таких человека, как Кароли, утомили бы деятельность самого Беда; но Реформация не привела к появлению параллели с ним. [1085]

Как только это несвоевременное состязание закончилось, Беда занялся более серьезными делами. К счастью для синдика Сорбонны, нашлись люди, которые справились с преследованиями лучше, чем Кароли. Брисонне, Эразм, Лефевр и Фарель ускользнули от него; но поскольку он не может достучаться до этих выдающихся личностей, он довольствуется личностями более посредственными. Бедный юноша Джеймс Паванн после своего отречения от престола на Рождество 1524 года не делал ничего, кроме слез и вздохов. Его можно было видеть с печальным видом, устремившим глаза в землю, внутренне стонающим и сурово упрекающим себя за то, что он отрекся от своего Спасителя и своего Бога. [1086]

ЕГО РАДОСТЬ И МУЧЕНИЧЕСТВО — ОТШЕЛЬНИК.

Паван, несомненно, был самым застенчивым и безобидным из людей: но какое это имело значение! он был в Мо, и в те дни этого было достаточно. "У Паванны рецидив, - раздался крик. - собака снова обратилась к собственной блевотине, а свинья, которую вымыли, барахтается в грязи". Он был немедленно арестован, брошен в тюрьму и предстал перед судьями. Это было все, что требовалось юному Джеймсу. Он почувствовал утешение, как только оказался в цепях, и нашел в себе достаточно сил, чтобы смело исповедовать Иисуса Христа. [1087] Жестокие преследователи улыбнулись, увидев, что, по крайней мере, на этот раз ничто не могло спасти их жертву; не было ни отречения, ни бегства, ни могущественного покровительства. Мягкость молодого человека, его прямота и мужество не смогли смягчить его противников. Он относился к ним с любовью, ибо, бросив его в тюрьму, они вернули ему спокойствие и радость; но его нежный вид только ожесточил их сердца. Суд над ним вскоре завершился: на Грее был воздвигнут памятник, где Паванн умер в радости, укрепляя своим примером всех тех, кто в этом большом городе открыто или тайно верил в Евангелие Христа.

Сорбонне этого было недостаточно. Если они вынуждены жертвовать малыми мира сего, их количество должно, по крайней мере, компенсировать их качество. Пламя на Грее вселило ужас в Париж и всю Францию; но новый костер, зажженный в другом месте, удвоит этот ужас. Об этом будут говорить при дворе, в колледжах и в народных мастерских; и такие доказательства покажут яснее, чем любые эдикты, что Луиза Савойская, Сорбонна и парламент полны решимости принести самого последнего еретика в жертву римской анафеме.

ОТШЕЛЬНИК ИЗ ЛИВРИ.

В лесу Ливри, в трех лье от Парижа, недалеко от того места, где когда-то стояло древнее аббатство Августинцев, жил отшельник, который во время своих прогулок встретился с несколькими жителями Мо и принял евангельское учение в свое сердце. [1088] Бедный отшельник почувствовал себя богатым в своем уединении, когда однажды, возвращаясь со скудной пищей, которой его одаривала общественная благотворительность, он принес обратно Иисуса Христа и его благодать. С того времени он обнаружил, что лучше отдавать, чем получать. Он ходил от дома к дому в окрестных деревнях, и как только он открывал двери бедных крестьян, которых навещал в их скромных хижинах, он говорил им о Евангелии, о совершенном

прощении, которое оно предлагает обремененной душе и которое намного лучше отпущения грехов. [1089] Вскоре добрый отшельник из Ливри был известен в окрестностях Парижа; люди приходили навестить его в его скромной келье, и он стал мягким и пылким миссионером для простых душ этого района.

Слух о деяниях этого нового евангелиста не преминул достичь ушей Сорбонны и магистратов Парижа. Отшельника схватили, вытащили из его убежища, из его леса, с тех полей, по которым он обычно бродил ежедневно, бросили в тюрьму в том великом городе, которого он всегда избегал, и приговорили "к примерному наказанию в виде медленного сожжения на костре". [1090]

ЕГО МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ.

Чтобы сделать этот пример более ярким, было решено сжечь его заживо перед Нотр-Дам, перед этим великолепным собором, этим величественным символом римско-католицизма. Было созвано все духовенство, и была продемонстрирована такая же пышность, как и на самых торжественных празднествах. [1091] Они, если бы это было возможно, собрали бы вокруг костра весь Париж: "большой колокол церкви Нотр-Дам (говорит историк) торжественно звонил, чтобы разбудить горожан". [1092] Люди толпами стекались по всем улицам, которые вели на площадь. Глубокие звуки колокола отвлекали рабочего от его тяжелого труда, ученого от его книг, торговца от его торговли, солдата от его безделья, и уже обширное пространство было заполнено огромной толпой, которая все увеличивалась. Отшельника, одетого в одежду, подобающую упрямым еретикам, с обнаженной головой и ногами, привели к воротам собора. Спокойный, твердый и собранный, он ничего не ответил на увещевания исповедников, которые подарили ему распятие, за исключением заявления, что его единственная надежда - на прощение Божье. Доктора Сорбонны, находившиеся в первых рядах зрителей, видя его постоянство и тот эффект, который оно производило на людей, громко закричали: "Он проклят: они ведут его в геенну огненную!" [1093] Большой колокол все еще продолжал звонить, и его громкие звуки, оглушая слух толпы, усиливали торжественность этого скорбного зрелища. Наконец колокол умолк, и мученик, ответив на последние вопросы своих врагов, что он решил умереть в вере в Господа своего Иисуса Христа, был сожжен на медленном огне в соответствии с содержанием вынесенного ему приговора. И вот, перед Собором Парижской Богоматери, под крики и волнение целого народа, под сенью башен, воздвигнутых благочестием Людовика младшего, мирно скончался человек, чье имя история не донесла до нас иначе, как "Отшельник из Ливри".

ГЛАВА XV.

Ученик Нуайона—Характер юного Кальвина—Раннее образование—Посвящен в богословие—Епископ дает ему постриг—Он покидает Нуайон из—за чумы—Два Кальвина—Клевета—Реформация создает новые языки—Преследования и террор—Туссен посажен в тюрьму—Преследования становятся все более яростными—Смерть Дю Бле, Мулена и Папийона—Бог спасает Церковь—Проект Маргариты—Ее отъезд в Испанию.

ЗНАТОК НОЙОНА.

В то время как люди таким образом предавали смерти первых исповедников Иисуса Христа во Франции, Бог готовил более могущественных, чтобы занять их места. Беда поспешил на костер непритязательным ученым, скромным отшельником, и думал, что тащит за собой почти всю Реформу. Но у Провидения есть ресурсы, которые неизвестны миру. Евангелие, подобно сказочному фениксу, содержит в себе принцип жизни, который пламя не может поглотить, и оно возрождается из собственного пепла. Часто именно в тот момент, когда буря в самом разгаре, когда кажется, что удар грома поразили истину, и когда густая тьма скрывает ее от нашего взора, появляется внезапный проблеск, предвестник великого избавления. В это время, когда все человеческие силы во Франции вооружались против Евангелия для полного уничтожения Реформации, Бог готовил инструмент, слабый на вид, который однажды поддержит Его права и будет защищать Его дело с большей, чем у смертных, отвагой. Посреди преследований и пылающих свалок, которые следовали друг за другом в тесной последовательности после того, как Франциск стал пленником Карла, давайте обратим наш взор на юношу, который однажды будет призван возглавить великую армию в священной войне Израиля.

ХАРАКТЕР МОЛОДОГО КЭЛВИНА.

Среди жителей города и колледжей Парижа, услышавших звон большого колокола, был молодой ученый шестнадцати лет, уроженец Нуайона в Пикардии, среднего роста, с желтоватыми чертами лица, чей пронизательный взгляд и оживленный вид выдавали незаурядную пронизательность. [1094] Его одежда, чрезвычайно опрятная, но совершенно простая, свидетельствовала о порядке и умеренности. [1095] Этот молодой человек по имени Джон Ковин или Кэлвин, в то время учился в колледже Ла Марш под руководством Матюрина Кордые, ректора, известного своей честностью, эрудицией и особой пригодностью для обучения молодежи. Воспитанный на всех суевериях папства, ученый из Нойона был слепо покорен Церкви, радостно соблюдая все ее обряды, [1096] и убежден, что еретики вполне заслужили свою участь. Кровь, которая тогда лилась в Париже, усугубляла преступление ереси в его глазах. Но хотя от природы он был робок и боязлив и сам называл себя мягким и малодушным, [1097] он обладал той прямоотой и великодушием сердца, которые заставляют человека жертвовать всем ради своих убеждений. Соответственно, напрасно его юность была потрясена этими ужасными зрелищами, напрасно смертоносное пламя пожирало верных последователей Евангелия на Грече и перед Собором Парижской Богоматери; воспоминание об этих ужасах не могло помешать ему однажды вступить на новый путь, который, казалось, вел только к тюрьме или костру. Более того, в характере юного Кэлвина уже были заметны определенные черты, которые предвещали, кем он станет. Строгость морали в нем вела к строгости доктрины, и шестнадцатилетний ученый уже обещал стать человеком, который будет серьезно относиться к каждому принципу, который он исповедовал, и который будет твердо требовать от других того, что ему самому было так легко выполнить. Тихий и серьезный на уроках, никогда не разделяющий забав или безумств своих школьных товарищей в часы отдыха, держащийся отчужденно, [1098] и преисполненный ужаса перед грехом, он часто строго и даже с горечью выговаривал за их проступки. [1099] И поэтому, как сообщает нам канон Нойона, его сокурсники прозвали его *винительным падежом*. [1100] Среди них он был представителем совести и долга, настолько он был далек от того, каким его изобразили некоторые из его клеветников. Бледные черты лица и пронизательный взгляд шестнадцатилетнего школьника уже внушали его товарищам большее уважение, чем черные мантии их учителей; и этот робкий пикардийский юноша, ежедневно занимавший свое место на скамьях в колледже Ла Марш, уже

тогда, по серьезности своих разговоров и жизни, был бессознательным проповедником и реформатором.

Не только в этих деталях юный Нойон уже намного превосходил своих школьных товарищей. Его великая робость иногда мешала ему проявить весь ужас, который он испытывал перед тщеславием и пороком; но он уже посвятил себя изучению всей силы своего гения и своей воли, и, взглянув на него, можно было увидеть, что он был человеком, который проведет свою жизнь в тяжелом труде. Он постигал все с непостижимой легкостью; он бегал в своих занятиях, в то время как его товарищи лениво крались вперед, и он глубоко запечатлел в своем глубоком гении то, на что другие тратят много времени, изучая поверхностно. Соответственно, его учитель был вынужден забрать его из классов и самостоятельно познакомить с новыми занятиями. [1101]

ОТЕЦ КЭЛВИНА—МАМОЧКИ

Среди его сокурсников были молодые Де Момморы, принадлежавшие к первой знати Пикардии. Джон Кальвин был очень близок с ними, особенно с Клодом, который впоследствии стал аббатом Святого Элуа и которому он посвятил свой комментарий к Сенеке. Именно в компании этих молодых дворян Кальвин приехал в Париж. Его отец, Джерард Кальвин, апостольский нотариус, прокурор-фискал графства Нойон, секретарь епархии и проктор капитула, [1102] был рассудительным и способным человеком, чьи таланты подняли его на должности, востребованные лучшими семьями, и который завоевал уважение всего дворянства провинции, и в частности местных жителей. знатная семья Матери. [1103] Жерар проживал в Нуайоне; [1104] он женился на молодой женщине из Камбрея, замечательной красоты и непритязательного благочестия, по имени Джейн Лефранк, которая имела она уже родила ему сына по имени Чарльз, когда 10 июля 1509 года родила второго сына, получившего имя Джон и крещенного в церкви Святой Годаберты. [1105] Третий сын, Антоний, который умер молодым, и две дочери составляли семью прокуратора-фискала Нойона.

РАННЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Джерард Кальвин, находившийся в дружеских отношениях с главами духовенства и видными людьми провинции, желал, чтобы его дети получали такое же образование, как дети из лучших семей. Джон, чьи не по годам развитые привычки он наблюдал, воспитывался вместе с сыновьями семьи Момморов; он жил в их доме как один из них и изучал те же уроки, что и Клод. В этой семье он постиг первые азы литературы и жизни; таким образом, он получил более высокий лоск, чем, казалось, ему было суждено приобрести. [1106] Впоследствии он был отправлен в колледж капетингов, основанный в городе Нойон. [1107] Ребенок наслаждался отдыхом, но мало. Аскетизм, который был одной из характерных черт сына, был присущ и отцу. Джерард воспитывал его в строгости; с самых ранних лет Джон был вынужден подчиняться непреклонному правилу долга, которое вскоре стало для него привычным, а влияние отца противодействовало влиянию семьи Момморов. Кальвин, обладавший робким и несколько простоватым характером (как он сам говорит), [1108] и ставший еще более робким из-за суровости своего отца, избегал великолепных покоев своих покровителей и любил оставаться в одиночестве и безвестности. [1109] Таким образом, на пенсии его молодой ум сформировался для великих мыслей. По-видимому, он иногда ездил в деревню Пон-л'Эвек, недалеко от

Нуайона, где его дед проживал в маленьком коттедже, [1110] и где также другие родственники, которые позже сменили фамилию из отвращения к ересиарху, любезно приняли сына прокуратора-фискала. Но юный Кэлвин посвящал свое время главным образом учебе. В то время как Лютер, которому предстояло воздействовать на народ, воспитывался как дитя народа, Кальвин, которому предстояло действовать прежде всего как богослову и глубокому мыслителю и стать законодателем обновленной Церкви, еще в детстве получил более либеральное образование. [1111]

ЗАНИМАЕТСЯ ТЕОЛОГИЕЙ.

Дух благочестия рано проявился в сердце ребенка. Один автор рассказывает, что в раннем детстве он привык молиться на открытом воздухе, под небесным сводом; эта привычка способствовала пробуждению в его сердце чувства вездесущности Бога. [1112] Но, хотя Кальвин, возможно, даже в младенчестве слышал голос Божий в своем сердце, никто в Нойоне не был так строг в соблюдении церковных предписаний, как он. И поэтому Джерард, заметив это, задумал посвятить своего сына богословию. [1113] Эта перспектива, без сомнения, способствовала запечатлению в его душе той серьезной формы, того богословского штампа, которым она впоследствии отличалась. Его дух был таков, что в ранние годы производил сильное впечатление и с детства знакомился с самыми возвышенными мыслями. Сообщение о том, что в то время он был певчим, не имеет под собой оснований, как признают даже его противники. Но они уверяют нас, что в детстве его видели присоединяющимся к религиозным процессиям и несущим меч с крестообразной рукоятью вместо распятия. [1114] "Предзнаменование, - добавляют они, - того, кем он должен был однажды стать!" "Господь сделал уста мои подобными острому мечу", - говорит слуга Иеговы в книге пророка Исаии. То же самое можно сказать и о Кальвине.

ПОСТРИГ —ОН ПОКИДАЕТ НОЙОНА.

Джерард был беден; образование сына обошлось ему дорого, и он хотел окончательно приобщить его к Церкви. Кардинал Лотарингии был помощником епископа Меца в возрасте четырех лет. В то время было обычной практикой наделять детей церковными титулами и доходами. Альфонсо Португальский был назначен кардиналом Львом X в возрасте восьми лет, а Одетт Шатийонский - Климентом VII. в одиннадцать лет; а после дня Кальвина знаменитая мать Анжелика из Порт-Ройяла была назначена коадьютрисой этого женского монастыря в возрасте семи лет. Жерар, умерший добрым католиком, пользовался благосклонностью мессира Шарля де Хангеста, епископа Нуайонского, и его генеральных викариев. Соответственно, когда капеллан Ла-Гезина подал в отставку, епископ 21 мая 1521 года даровал это пособие Джону Кальвину, которому тогда было почти двенадцать лет. О назначении было сообщено в капитул через двенадцать дней. Накануне Праздника Тела Христова епископ торжественно остриг волосы ребенка; [1115] и благодаря этой церемонии пострижения Джон стал членом духовенства, способным вступить в священный сан и проводить бенефиции, не проживая на месте.

Таким образом, Кальвин был призван лично судить злоупотребления Римской церкви. Из всех, кто носил тонзуру во Франции, не было никого более серьезного в своем благочестии, чем капеллан Ла-Жизина, и серьезный ребенок, вероятно, сам был поражен работой епископа и его главных викариев. Но в своей простоте он испытывал слишком большое почтение к этим возвышенным личностям, чтобы позволить себе хоть малейшее подозрение в законности

своего пострига. Он носил титул около двух лет, когда Нойона посетила ужасная эпидемия. Несколько каноников обратились в капитул с просьбой разрешить им покинуть город. *Великая смерть* уже унесла многих жителей, и Джерард начал опасаться, что его сын Джон, надежда всей его жизни, может в одно мгновение быть отнят у него бичом Божиим. Молодые де Мамы собирались продолжить учебу в Париже; это было то, чего фискал-прокурор всегда желал для своего сына. Почему он должен разлучать Джона с его сокурсниками? 5 августа 1523 года он обратился в капитул с просьбой предоставить молодому капеллану "свободу ходить куда ему заблагорассудится во время чумы, не теряя своего содержания; которое было предоставлено ему до праздника Сен-Реми". [1116] Джон Кальвин покинул отчий дом в возрасте четырнадцати лет. Требуется большая смелость в клевете, чтобы приписать его уход другим причинам и в простом распутстве бросить вызов тому позору, который справедливо ложится на тех, кто распространяет обвинения, ложность которых была столь достоверно продемонстрирована. Похоже, что в Париже Кальвин поселился в доме одного из своих дядей, Ричарда Ковена, который жил недалеко от церкви Сен-Жермен-л'Оксерруа. "Спасаясь таким образом от чумы, - говорит каноник Нойона, - он отправился ловить ее в другом месте".

ДВА КАЛЬВИНА —КЛЕВЕТА.

Через несколько лет после того, как Кальвин покинул Нойон, в этот город прибыл еще один человек с тем же именем. [1117] Джон Ковен был молодым человеком с порочными принципами, но поскольку он приехал из другой части Франции и был чужаком (*или* неизвестен) в Нуайоне, его приняли среди священников, которые пели в хоре, и вскоре ему выделили часовню, как в случае с первым Кальвином. Поскольку это произошло в то время, когда последний уже "обратился к ереси", добрые каноники восприняли приезд Ковина как своего рода награду и утешение; но прошло совсем немного времени, прежде чем беспорядочная жизнь этого несчастного человека вызвала тревогу среди его защитников. Ему сделали выговор, наказали и даже лишили стипендии: но на это он не обратил внимания, [1118] постоянно впадая в недержание мочи. "Видя тогда, - говорит каноник, - его жестокосердие, которое заставляло его пренебрегать любыми увещаниями", каноники лишили Джона Ковина его капеллы и исключили его из хора. Джеймс Десмей, священник и доктор богословия, изучивший в Нойоне все, что касалось этой церкви, добавляет, что в 1552 году он подвергся бичеванию в частном порядке, а затем был изгнан из города. [1119] Это действительно позорный конец для священника! Каноник Левассер оспаривает бичевание, но признает все остальное.

В следующем году те же обстоятельства повторились, ибо история папства изобилует подобными приключениями.

Некий Болдуин младший, также капеллан в Нойоне, скандально сожительствовал с некоторыми женщинами подозрительного характера, [1120] был приговорен посещать каждую службу в церкви в течение месяца и подвергаться бичеванию. [1121]

Хотя эти два автора-романиста согласны в описании беспорядков и наказаний, которым подвергались эти молодые священнослужители, они также согласны в заявлении, что в Нуайоне или в его реестрах они не нашли ничего, что противоречило бы морали великого французского реформатора, и довольствуются осуждением его ошибки; "ибо назвать человека еретиком - значит назвать его самым позорным из имен". [1122]

Настоятель Нуайона идет еще дальше в своем рвении к папству и рассказывает, что Джон Ковен, изгнанный в 1552 году за невоздержанность, умер *добрым католиком*. "Благодарение Богу, - добавляет он, - что он так и не сменил мундир и религию, к которой, казалось, склоняли его распутная жизнь и пример его тезки Кальвина". Декан завершает свое странное повествование, открытие которого чрезвычайно ценно для истории Реформации, следующими словами: "Я счел своим долгом добавить эту главу к истории первого Кальвина-реформатора, *ad diluendam homonymiam* (чтобы остерегаться сходства имен), опасаясь, что одно будет принято за другое". , католик для еретика". [1123]

Никогда страх не был так обоснован. Мы знаем, что привыкли делать папистские писатели. Они используют в своих интересах злодеяния Джона Кавина в Нойоне и приписывают их реформатору. Они серьезно сообщают своим читателям, что он был изгнан из своего родного города за недостойное поведение, после того как был приговорен к бичеванию и даже заклеен. Несмотря на все усилия, предпринятые настоятелем Нуайона, чтобы добавить главу *из опасения, что одного примут за другого, католика за еретика*, апологеты Рима не преминули приписать реформатору распутство его тезки. Что занимало мысли каноника из Нойона, так это слава Джона Кавина, который умер добрым католиком, и он боялся, как бы ему не приписали ересь Кальвина. И, соответственно, он четко относит *невоздержанность* к одному, а *ересь* к другому. Как он говорит, действительно были *двусмысленности*, но в противоположном направлении. Давайте теперь вернемся к Кальвину в Париже.

НОВЫЙ МИР —НОВЫЕ ЯЗЫКИ.

Новый мир открылся перед молодым человеком в столице литературы. Он воспользовался этим, применил свои знания и добился больших успехов в латинской литературе. Он познакомился с Цицероном и научился у этого великого мастера пользоваться языком римлян с легкостью, чистотой и непринужденностью, которые вызывали восхищение даже у его врагов. Но в то же время он нашел богатство в этом языке, которое впоследствии перенес на свой собственный.

ВЛИЯНИЕ КАЛЬВИНА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК.

До этого времени латынь была единственным языком ученых; и до наших дней она остается языком Римской церкви. Реформация создала или, по крайней мере, освободила вулгарный язык. Исключительная должность священника прекратилась; люди были призваны учиться и познавать сами. В этом одном факте было замешано разрушение языка священника и торжественное открытие языка народа. Новые идеи должны быть адресованы уже не только Сорбонне, нескольким монахам, священнослужителям или литераторам, но и дворянам, гражданам и труженикам. Теперь проповедовать нужно всем людям; более того, все должны стать проповедниками — гребенщиками шерсти и рыцарями, а также врачами и приходскими священниками. Необходим новый язык, или, по крайней мере, язык народа должен претерпеть огромную трансформацию, великое предоставление избирательных прав и, заимствованный из повседневного обихода, должен получить свой патент благородства от обновленного христианства. Евангелие, так долго дремавшее, пробудилось; оно говорит и обращается к целым народам, повсюду разжигая великодушные чувства; оно открывает сокровища небес поколению, которое думало только о низменных вещах на земле; оно потрясает массы; оно говорит им о Боге, о человеке, о добре и зле, о папе и Библии, о короне на небесах и, возможно, об эшафоте на земле. Народный язык, который до сих пор был языком только хронистов и трубадуров, был призван Реформацией сыграть новую роль и, следовательно, к новому

развитию. Перед обществом открывается новый мир, и для нового мира должны существовать новые языки. Реформация освободила французов от пеленок, которыми они до сих пор были связаны, и вырастила их до совершеннолетия. С этого времени язык полностью овладел теми возвышенными привилегиями, которые принадлежат деятельности разума и небесным сокровищам, которых он был лишен под опекой Рима. Несомненно, язык формируется самими людьми: они изобретают те веселые слова, те энергичные и образные выражения, которые придают языку такой колорит и жизнь. Но есть ресурсы, недоступные им и которые могут исходить только от людей с интеллектом. Кальвин, когда его призвали обсуждать и доказывать, обогатил свой родной язык способами связи и зависимости, тенями, переходами и диалектическими формами, которыми он еще не обладал.

Эти элементы уже начали бродить в голове молодого студента колледжа Ла Марш. Этот юноша, которому было суждено так сильно овладеть человеческим сердцем, должен был также подчинить себе язык, который ему предстояло использовать в качестве своего оружия. Протестантская Франция впоследствии привыкла к французскому языку Кальвина, а протестантская Франция охватывает наиболее образованную часть нации; из нее вышли те семьи ученых и достойных магистратов, которые оказали столь мощное влияние на утонченность народа; из нее возник Порт-Рояль, [1124] один из величайших инструментов, которые когда-либо способствовали формированию национальной культуры. проза и даже поэзия Франции, и который, попытавшись перенести в галликанский католицизм доктрину и язык Реформации, потерпел неудачу в одном из своих проектов, но преуспел в другом; ибо римско-католическая Франция была вынуждена отправиться учиться у своих янсенистских и реформатских противников тому, как владеть тем языковым оружием, без которого она не может противостоять им. [1125]

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И ТЕРРОР.

В то время как будущий реформатор религии и языка, таким образом, достигал зрелости в колледже Ла Марш, все было в смятении вокруг молодого и серьезного ученого, который еще не принимал участия в великих движениях, будораживших общество. Пламя, поглотившее отшельника и Паванну, посеяло ужас по Парижу. Но преследователи не были удовлетворены; система террора была введена в действие по всей Франции. Друзья Реформации больше не осмеливались переписываться друг с другом, опасаясь, что их перехваченные письма предадут мести трибуналов как тех, кто их писал, так и тех, кому они были адресованы. [1126] Однако один человек отважился передать сведения из Парижа и Франции беженцам в Базеле, зашив письмо без подписи под свой камзол. Он избежал эскадронов аркебузирова, маршалов нескольких округов, экзаменов у провостов и лейтенантов и добрался до Базеля, так и не обыскав таинственный камзол. Его известие наполнило Туссена и его друзей тревогой. "Ужасно, - сказал Туссен, - слышать о тех великих жестокостях, которые там творились!" [1127] Незадолго до этого два францисканских монаха прибыли в Базель, преследуемые сотрудниками юстиции. Один из них по имени Джон Прево проповедовал в Мо, а затем был брошен в парижскую тюрьму. [1128] Все, что они рассказали о Париже и Лионе, через которые они проезжали, возбудило сострадание этих беженцев. "Пусть наш Господь пошлет туда свою милость, - писал Туссен Фарелю. - Уверю вас, что иногда я нахожусь в большом беспокойстве и скорби".

НАДЕЖДА И СВОБОДА.

Эти превосходные люди все еще сохраняли мужество; напрасно были настороже все парламенты; напрасно шпионы Сорбонны и монахов проникали в церкви, колледжи и даже в частные семьи, чтобы уловить любое слово евангелической доктрины, которое могло быть произнесено там; напрасно солдаты короля арестовывали на дорогах все, что, казалось, несло на себе печать Реформации: те французы, за которыми Рим и его сателлиты охотились и топтали ногами, верили в грядущие лучшие дни и уже издалека предчувствовали конец этой эпохи. Вавилонский плен, как они это называли. "Наконец наступит семидесятый год, год освобождения, - говорили они, - и нам будет дарована свобода духа и совести". [1129] Но этим семидесяти годам было суждено продлиться почти три столетия, и только после бедствий, не имеющих аналогов, этим надеждам суждено было осуществиться. Однако беженцы возлагали какие-либо надежды не на человека. "Те, кто начал танец, - сказал Туссен, - не остановятся на дороге". Но они верили, что Господь "знал тех, кого он избрал, и избавит свой народ крепкой рукой". [1130]

Шевалье д'Эш, в сущности, был освобожден. Сбежав из тюрьмы в Понт-а-Муссоне, он поспешил в Страсбург, но пробыл там недолго. "Во славу Божью, - немедленно написал Туссен Фарелю, - постарайтесь убедить рыцаря, нашего достойного господина, [1131] вернуться как можно скорее; ибо наши братья очень нуждаются в таком руководителе". По правде говоря, у французских беженцев появился новый повод для тревоги. Они трепетали, опасаясь, что спор о Вечере Господней, который так сильно беспокоил их в Германии, перейдет Рейн и вызовет новые волнения во Франции. Франциск Ламбер, монах из Авиньона, после посещения Цюриха и Виттемберга побывал в Меце; но они не доверяли ему полностью; они опасались, что он проникнется чувствами Лютера и что спорами, бесполезными и "чудовищными" (как называет их Туссен), он может остановить прогресс Реформации. [1132] Поэтому Эш вернулся в Лотарингию; но ему снова пришлось подвергнуться большим опасностям, "вместе со всеми теми, кто искал славы Иисуса Христа". [1133]

ТУССЕН В ПАРИЖЕ — ЗАКЛЮЧЕН В ТЮРЬМУ.

Однако Туссен был не склонен посылать в бой других, не участвуя в нем сам. Лишенный ежедневного общения с Николампадием, вынужденный общаться с невежественным священником, он искал общения со Христом и чувствовал, что его мужество возросло. Если он не может вернуться в Мец, то не мог бы он, по крайней мере, поехать в Париж? Правда, груды "Павана" и "отшельника из Ливри" все еще дымились и, казалось, отталкивали от столицы всех, кто придерживался той же веры, что и они. Но если колледжи и улицы Парижа были охвачены ужасом, так что никто не осмеливался даже упоминать Евангелие и Реформацию, разве это не причина, по которой он должен был отправиться туда? Туссен покинул Базель и вступил в те стены, где фанатизм занял место буйства и разврата. Продвигаясь в изучении христианства, он пытался установить связь с братьями, которые учились в колледжах, и особенно в колледже кардинала Лемуана, где преподавали Лефевр и Фарель. [1134] Но он не мог долго делать это свободно. В столице безраздельно царила тирания парламентских комиссаров и теологов, и всякий, кто вызывал их недовольство, обвинялся в ереси. [1135] Герцог и аббат, имена которых нам неизвестны, объявили Туссена еретиком; и однажды королевские сержанты арестовали юношу из Лотарингии и посадили его в тюрьму. Разлученный со всеми своими друзьями и с которым обращались как с преступником, Туссен еще острее ощутил свое несчастье. "О Господи, - воскликнул он, - не отводи от меня своего Духа! ибо без этого я всего лишь плоть и поглотитель беззакония". Пока его тело было в цепях, сердцем он обратился к тем, кто все еще

свободно сражался за Евангелие. Там был Николампадий, его отец, и "чьим делом я являюсь в Господе", - сказал он. [1136] Был Леклерк, которого он, без сомнения, считал из-за своего возраста "неспособным вынести тяжесть Евангелия"; [1137] Вугрис, проявивший все рвение "самого любящего брата", чтобы спасти его из рук врагов; [1138] Руссель, "через которого он надеялся, что Господь приведет великие дела еще впереди"; [1139] и, наконец, Фарел, которому он написал: "Я вверяю себя вашим молитвам, опасаясь, что я паду в этой войне". [1140] Как, должно быть, имена всех этих людей смягчили горечь его заключения, поскольку он не подавал признаков падения. Смерть, это правда, казалось, нависла над ним в этом городе, где кровь многих его братьев должна была пролиться, как вода; [1141] друзья его матери, его дяди, декана Меца, и кардинала Лотарингии, сделали ему самые щедрые предложения. [1142]....."Я презираю их, - ответил он. - Я знаю, что они - искушение дьявола. Я предпочел бы страдать от голода, я предпочел бы быть рабом в доме Господнем, чем жить с богатством во дворцах нечестивых". [1143] В то же время он смело исповедал свою веру. "Это моя слава, - воскликнул он, - быть названным еретиком теми, чья жизнь и доктрины противоположны Иисусу Христу". [1144] И этот интересный и смелый молодой человек подписывал свои письма: "Питер Туссен, недостойный называться христианином".

ТВЕРДОСТЬ И МУЖЕСТВО.

Таким образом, в отсутствие короля Реформации постоянно наносились новые удары. Беркен, Туссен и многие другие были в тюрьме; Шух, Паванн и отшельник из Ливри были казнены; Фарель, Лефевр, Руссель и многие другие защитники святого учения были в изгнании; уста могущественных были немы. Свет Евангельского дня тускнел; непогода ревела не переставая, сгибая и сотрясая, как будто хотела вырвать с корнем молодое деревце, которое рука Божья так недавно посадила во Франции.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ БОЛЕЕ ЭНЕРГИЧНОЕ —ДЮ БЛЕ И МУЛЕН.

И это еще не все. С скромные жертвы, которые уже пали, должны были сменить более прославленные мученики. Враги Реформы во Франции, потерпев неудачу, когда они начали с высокопоставленных лиц, подчинились желанию начать с низов, но с надеждой постепенно подняться, пока не добьются осуждения и смерти самых возвышенных личностей. Им удалось добиться обратного прогресса. Едва пепел, которым преследование покрыло Грев и аллеи Нотр-Дам, был развеян ветром, как начались новые атаки. Мессир Энтони Дю Блэ, этот превосходный человек, лионский купец, погиб под преследованиями этих врагов истины вместе с другим учеником, Франсисом Муленом, о судьбе которого не сохранилось никаких подробностей. [1145] Они пошли еще дальше; теперь они поставили перед собой более высокую цель; была знаменитая личность, до которой они не могли добраться, но которую они могли поразить в тех, кто был ей дорог. Это была герцогиня Алансонская. Майкл д'Аранде, капеллан сестры короля, ради которого Маргарет распустила других своих проповедников и который провозглашал чистое учение Евангелия в ее присутствии, стал объектом нападков, и ему угрожали тюремным заключением и смертью. [1146] Примерно в то же время Энтони Папийон, для которого принцесса получила должность главного распорядителя запросов при дофине, внезапно скончался, и даже среди врагов ходили слухи, что он был отравлен. [1147]

УЖАС И СКОРБЬ.

Таким образом, гонения распространились по королевству и с каждым днем приближались к личности Маргариты. После того как силы сторонников Реформы, сосредоточенные в Мо, Лионе и Базеле, были рассеяны, они уничтожили одного за другим тех отдельных бойцов, которые то тут, то там выступали за нее. Еще несколько усилий, и земля Франции будет свободна от ереси. Коварные ухищрения и тайные практики заняли место шума и костра. Они будут воевать днем, но они также будут вести ее и в темноте. Если фанатизм использует трибунал и эшафот для низших, то яд и кинжал припасены для великих. Врачи прославленного общества слишком хорошо использовали эти средства, и даже короли падали от кинжала ассасинов. Но справедливость требует, чтобы мы помнили, что если в Риме во все века были свои фанатичные убийцы, то в нем также были такие люди, как Винсент де Поль и Фенелон. Эти удары, нанесенные в темноте и тишине, были хорошо приспособлены для того, чтобы сеять ужас со всех сторон.

К этой вероломной политике и фанатичным преследованиям изнутри добавились фатальные неудачи извне. Над всей нацией нависла пелена траура. Не было семьи, особенно среди знати, чьи слезы не лились бы по поводу потери отца, мужа или сына, погибших на полях Италии, [1148] или чьи сердца не трепетали бы за свободу и даже жизнь одного из ее членов. Великие невзгоды, обрушившиеся на нацию, пробудили закваску ненависти к еретикам. Народ и парламент, церковь и трон взялись за руки.

Разве герцогине Алансонской было недостаточно того, что поражение при Павии лишило ее мужа и сделало ее брата пленником? Должен ли факел Евангелия, мягкому свету которого она так радовалась, погаснуть, возможно, навсегда? В мае 1525 года она почувствовала нарастающую печаль. Карл Ланнуа получил приказ доставить своего пленника в Испанию. Маргарита прибегла к утешениям веры и, найдя их, немедленно сообщила о них своему брату. "Мой господь, - писала она, - чем дальше ты удаляешься от нас, тем сильнее моя надежда на твое избавление: ибо когда разум человека смущается и терпит неудачу, тогда Господь совершает свои могущественные дела. — И теперь, если он сделает вас участником тех страданий, которые он перенес ради вас, я умоляю вас, милорд, поверить, что это только для того, чтобы испытать, как сильно вы любите его, и дать вам возможность узнать, как он любит вас; ибо он получит все ваше сердце, поскольку он через любовь отдал свое собственное. Соединив вас с собой через скорбь, Он предаст вас своей славе и вашему утешению благодаря заслугам своего победоносного воскресения, чтобы через вас Его имя могло быть известно и освящено не только в вашем королевстве, но и во всем христианском мире до обращения неверующих. О! каким благословенным будет ваше краткое пленение, благодаря которому Бог избавит так много душ от неверия и вечного осуждения!" [1149] Франциск I. обманул надежды своей благочестивой сестры.

БОГ ХРАНИТ ЦЕРКОВЬ.

Новости из Испании вскоре усилили всеобщую скорбь. Унижение и болезнь поставили под угрозу жизнь надменного Франциска. Если король останется пленником, если он умрет, если регентство его матери продлится еще много лет, не будет ли Реформация подавлена навсегда? "Но когда кажется, что все потеряно, - сказал позже молодой ученый из Нойона, - Бог чудесным образом спасает свою Церковь". [1150] Церкви Франции, которая находилась как бы в родовых муках, предстояло немного отдохнуть, прежде чем ее боли вернуться; и с этой целью Бог использовал слабую женщину, которая никогда открыто не высказывалась в пользу

Реформации. В то время она больше думала о спасении короля и королевства, чем о спасении малоизвестных христиан, которые, тем не менее, возлагали на нее большие надежды. [1151] Но под великолепием мирских дел Бог часто скрывает таинственные способы, которыми он управляет своим народом. В голове герцогини Алансонской возник благородный проект. Пересечь море или Пиренеи и спасти Франциска от власти Карла V. Теперь это было целью ее жизни.

ПРОЕКТ МАРГАРЕТ.

Маргарита Валуа объявила о своем намерении, подсказанном ее матерью, и вся Франция приветствовала это криками благодарности. Ее великий гений, приобретенная ею репутация, любовь, которую она испытывала к своему брату, и любовь Франциска к ней были в глазах Луизы и Дюпра отличным противовесом ее приверженности новому учению. Все взоры были обращены на нее, как на единственного человека, способного вывести королевство из его опасного положения. Пусть Маргарита посетит Испанию, пусть она поговорит с могущественным императором и его министрами, и пусть она использует тот восхитительный гений, которым наделило ее Провидение, для освобождения своего брата и своего короля!

Однако совсем другие чувства наполнили сердца знати и народа, когда они увидели герцогиню Алансонскую, идущую в гущу вражеских советов и среди свирепых солдат короля-католика.

Все восхищались мужеством и преданностью этой молодой женщины, но не разделяли их. У друзей принцессы были опасения за нее, которые были слишком близки к осуществлению. Евангельские христиане были полны надежды. Плен Франциска I навлек на сторонников Реформы неслыханные страдания; они думали, что его освобождение может положить им конец. Открыть ворота Испании перед королем означало бы закрыть те тюрьмы, в которые были брошены слуги Слова Божьего. Маргарет вдохновила себя на проект, к которому всю ее душу влекло так много различных мотивов:

Высота Небес не может помешать моему прохождению,
Ни силы ада не могут преградить мне путь,
У моего Спасителя ключи от обоих.

Ее женское сердце было укреплено той верой, которая побеждает мир, и ее решение было бесповоротным. К этому важному и опасному путешествию были сделаны все необходимые приготовления.

Архиепископ Эмбрунский, впоследствии кардинал Турнонский, и сам президент уже были в Мадриде, готовясь к освобождению короля. Они были отданы в распоряжение Маргариты, как и епископ Тарбский, впоследствии кардинал Граммонский; все полномочия были переданы только принцессе. В то же время Монморанси, впоследствии столь враждебно относившийся к Реформе, был со всей поспешностью отправлен в Испанию, чтобы обеспечить безопасность сестры короля. [1152] Император сначала возражал и сказал, что только его министры обязаны организовать это дело. "Часовая конференция, - воскликнул Селвес, - между вашим величеством, королем, моим повелителем, и герцогиней Алансонской продвинула бы заключение договора больше, чем месячные обсуждения между дипломатами". [1153]

МИССИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ.

Маргарет, которой не терпелось прибыть из-за болезни короля, отправилась в путь без охранной грамоты в сопровождении великолепной свиты. [1154] Она покинула двор, отправившись в Средиземное море; но пока она была в пути, Монморанси вернулась с письмами от Чарльза, гарантирующими ей свободу только на три месяца. Это не имеет значения; ее никто не остановит. Стремление к этому путешествию было так велико, что герцогиня была вынуждена спросить короля, кого ей следует выбрать для сопровождения. "У ваших добрых слуг так велико желание увидеть вас, что каждый молится о том, чтобы им разрешили поехать со мной", - написала она своему брату.

Едва Маргарет достигла берегов Средиземного моря, как опасения окружающих по поводу недостаточности гарантий безопасности, но особенно плохая погода и буря, заставили ее остановиться. "Сами моряки, - писала она Монморанси, - встревожены". 27 августа она приняла решение. "Податель письма, - написала она королю в тот же день, - податель письма расскажет вам, как небеса, море и мнения людей задержали мой отъезд. Но Тот единственный, кому все повинуются, даровал такую благоприятную погоду, что любая трудность разрешима.....Я не стану медлить ни из-за моей собственной безопасности, ни из-за волнения на море, которое неспокойно в это время года, и поспешу туда, где смогу увидеть вас; ибо страх смерти, тюремного заключения и всякого рода зла теперь настолько привычны для меня, что я легкомысленно отношусь к своей жизни, здоровью, славе и почестям, думая таким образом разделить ваше состояние, которое я хотел бы нести в одиночку". [1155] Следовательно, ничто не могло задержать эту принцессу в Эг-Морте, [1156] и в этом порту Маргарет поднялась на борт приготовленного для нее корабля. Ведомая Провидением в Испанию скорее для освобождения смиренных и угнетенных христиан, чем для освобождения могущественного короля Франции из его плена, она вверила себя волнам того моря, которое унесло ее брата в плен после катастрофической битвы при Павии.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО ТОМА.

СНОСКИ:

[1] Хроника Буллингера, Фрауэнфельд, 1838-1840.

[2] La Papauté considérée dans son origine et dans son développement au moyen âge, ou réponse aux allégations de M. Merle D'Aubigné dans son Histoire de la Réformation au seizième siècle, par l'abbé C. Magnin, docteur en théologie. Genève, chez Berthier-Guers, 1840.

[3] Св. Епифаний говорит, что наш Господь вверил Иакову Старшему в Иерусалиме свой престол на земле (τον θρονον αὐτου ἐπὶ τῆς γῆς): и, говоря о епископах, собравшихся в Иерусалиме, он заявляет, что весь мир (παντα κοσμου) должен подчиниться их воле. авторитет. Эпиф. Hæres., 70, 10; 78, 7.

[4] Дневник преподобного Джозефа Вольфа. Лондон, 1839, стр. 225.

[5] Поскольку во французском оригинале не указан источник, откуда взята эта цитата, возможно, будет уместно упомянуть, что ее можно найти в *Всемирной истории* Теодора Агриппы Д'Обинье, 3 тома, Амстердам, 1626 год. Д'Обинье в то время был беженцем в Женеве, и в предисловии к этому труду, который содержит историю мира и, в особенности, Франции и

французского протестантизма при его жизни, он завещает своим детям задачу завершить историю, которую он частично проследил, и предписывает им (в процитированном выше отрывке), в каком духе это должно быть выполнено. Он вряд ли думал, что пройдет два с половиной столетия, прежде чем его наследие будет принято и история протестантизма завершится. [Примечание переводчика.]

[6] Хьюм и другие.

[7] Нис....мое мнение недействительно, я хочу полюбить капитуляцию французской жены. L. Epp. ii. 5.

[8] Et inter festinantes cursu equites ipsum pedestrem raptim tractum fuisse ut sanguis e digitis erumperet. Улитка, стр. 39.

[9] Если тестатус сядет, увидит, как переливается труп Лютера.....Паллавичини, История. Конц. Трид. i. 122.

[10] Моль вульгарного животного, не являющегося поссунтом. L. Epp. ii. 13.

[11] Я сумасшедший либеро, я не могу победить его в решающей и начинающейся борьбе. Там же.

[12] Никто не спасет, никто не спасет, никто не спасет, никто не спасет. Там же.

[13] Гербелии Ер. в ср. Хекелианис. Lindner, Leb. Лут. стр. 244.

[14] Mirabilis in iis voluptas, immo ambrosia quædam cælestis. Корпоративная ссылка. i. 128.

[15] Спиртовой мартини нолим темере в качестве причины недоразумений. Там же. i. 211.

[16] Да здравствует святой отец кариссимус. Корпоративная ссылка. i. 389.

[17] Параграф ужасов. Там же.

[18] Указательная карта, запрещающая промахи во время войны в Инсбруке. Там же.

[19] Кворум схоластов над миллионом иби в будущем. "Анналы Спалатини", 1521 год, октябрь.

[20] Равноправие сторон в отношении vix agnoscere. L. Epp. ii. 11.

[21] Решение о смерти, решение об освобождении пленников. L. Epp. ii. 3, 12 мая.

[22] Quanquam et hilariter et libenter omnia mihi ministret. Там же. 13, 15 августа.

[23] Ego mirabilis captivus добровольно и ненамеренно перенесло седео. Там же. 4, 12 мая.

[24] Вот факты обо мне: как и прежде, они есть у меня. Quicquid de me fit in publico, nihil mœror; ego in quiete tandem sedeo. Там же. 10 июня 1521 года.

[25] Я страдаю от всего, что связано с лицом Церкви до моей конституции. L. Epp. ii. 1.

[26] Верьте, что вы не являетесь свидетелем дезертирства. Там же.

[27] Mallem inter carbones vivos ardere, quam solus semivivus, atque utinam non mortuus putere. Там же. 10.

[28] Является объектом общественного фурора. Там же. 89.

[29] Ничейный волхв, где происходит яростное противодействие, преследует яго. Там же. 1.

[30] Этиам си переам, нихиль перибит Евангелио. L. Epp. ii. 10.

[31] Нет ничего подобного в асие: не спрашивайте меня. Там же. 2.

[32] Quo citius id tentaverit, hoc citius et ipse et sui peribunt, et ego revertar. Там же. 10.

[33] Auctum est malum, quo Wormatiæ laborabam. Там же. 17.

[34] Седео доленс, послеродовой период, лакер, соус и круентус. L. Epp. ii. 50, 9 сентября.

[35] Граций Христос, да пребудет со мной святая реликвия креста без нарушения закона. Там же.

[36] Nihil gemens pro ecclesia Dei. Там же. 22, 13 июля.

[37] Утинам хак вили анима меа ипсий витам эмере квам. Корпоративная ссылка i. 415, 6 июля.

[38] Промежуточная запись scribo. L. Epp. ii. 6, 16.

[39] Cum quiescere non posset. Cochl. Действуй. Лют. стр. 39.

[40] Und der Pabst müsse ihm beichten. L. Opp. xvii. 701.

[41] Кора головного мозга, которая является самой мощной на протяжении всей жизни, отложила ядро головного мозга и другие части мозга. Там же. Лат. ii. 213.

[42] Zu zeiten gehet er in die Erdbeer am Schlossberg. Математика. стр. 33.

[43] Том II. стр. 226.

[44] Богословская этика иби между религией и тростями.....тантум мизерикордии и мистерия печали. L. Epp. ii. 43.

[45] Quid enim ista imago, nisi Diabolum significat per insidias suas et impios magistros canes suos.....Ibid.

[46] Пусть Папа и сатана служат этим животным вечно. Там же. 44.

[47] Том I. стр. 219.

[48] Поймите меня, следовательно, человеческие традиции нарушены, необходимо служить закону божьему. Ссылка на корпорацию i. 441.

[49] Ha mihi non obtrudent uxorem. L. Epp. ii. 40.

[50] Me enim vehementer movet, quod sacerdotum ordo, a Deo institutus, est liber, non autem monachorum qui sua sponte statum eligerunt. L. Epp. ii. 34.

[51] Владыка Иисус эрудирован и свободен для нас, согласно мизерикордиям суам, в свободной стране. Меланхтону, о безбрачии, 6 августа 1521 года. Там же. 40.

[52] L. Opp. (W.) xxii. 1466.

[53] Es ist nicht mehr denn eine einige Geistlichkeit, die da heilig ist, und heilig macht.....L. Opp. xvii. 718.

[54] Освобожденные подростки из истории инферно cœlibatus. L. Opp. ii. 95.

[55] Dass unser Blut möcht schreien, und dringen sein Gericht, dass sein bald ein Ende würde. L. Epp. ii. 105.

[56] Продолжение вторжения в идол Могунтинум, окончание lupanari Hallensi. L. Epp. ii. 59, 7 октября.

[57] Секретный документ о продаже acerrimo. Корпоративная ссылка. i. 463.

[58] Non passurum principem, переписанный в Могунтинуме. L. Epp. ii. 94.

[59] Potius te et principem ipsum perdam et omnem creaturam. L. Epp. ii. 94.

[60] Не так, Спалатин; не так, принцепс. Там же.

[61] Ut acerbiora radat. Там же. 110.

[62] Derselbig Gott lebet noch, da zweifel nur niemand an.....L. Epp. ii. 113.

[63] Хелвинг, Геш. der Brandeb. ii. 605.

[64] Это собственное дело человека (например, март. Brandenburg), ut quam semel in religione sententiam approbaverint, non facile deserant. Leutingeri Opp. i. 41.

[65] Личинка кардинала и помпам епископальным ablegare. L. Epp. ii. 132.

[66] Диплом Кодекса. Ecclesiæ Magunt. iv. 460.

[67] Псалмы 6, 32, 38, 51, 102, 130, 147.

[68] И все, что связано с языком, языком, глазами, auribus, cordibus versaretur. L. Epp. ii. 116.

[69] Библейское общество.

[70] Мишле в своих *Воспоминаниях о Лютере* посвящает более тридцати страниц различным отчетам об этих сатанинских посещениях.

[71] Хранитель Вартбурга по-прежнему внимательно обращает внимание путешественников на пятна, оставленные чернильницей Лютера.

[72] Machete er sich heimlich aus seiner Patmo auf. L. Opp. xviii. 238.

[73] Определение теологического парижского высшего учения лютеранской церкви. Ссылка на корпорацию i. 366-388.

[74] Будь прокляты триумвиры *Беда, Кверкус и Христопор*. Nomina sunt horum monstrorum etiam vulgo nunc nota *Belua, Stercus, Christotomus*. Цвинглий Эпп. i. 176.

[75] Корпоративная ссылка. i. 396.

[76] Что касается меня, то я позирую животным города, которому доверяю. Там же.

[77] Евангелий-обскурат существует, исчезает..... Вне христианства, вопреки всеобщему чувственному духу, на самом деле существует философское отношение к жизни. Там же. 400.

[78] Согласно неприятным слухам, распространяющимся о неконтролируемом вторжении. Л. Эпп. ii. 109.

[79] Лисс в книге "До сих пор жива сена, новое поколение". Л. Указ. xviii. 238.

[80] Смерть фортиуса тулери стала причиной смерти его отца. Корпоративная ссылка. i. 453, 455.

[81] Omnia vehementer placent для видео и аудио. L. Epp. ii. 109.

[82] Einem 2 oder 3 befehlen Mess zu halten und die andern 12 von denen, das Sacrament *sub utraque specie*, mit empfangen. Корпоративная ссылка. i. 460.

[83] Der meiste Theil jener Parthei Niederländer seyn. Корпоративная ссылка. i. 476.

[84] Сидящий и эгоистичный, не обращающий внимания на частную жизнь, в *eternum*. L. Epp. ii. 36.

[85] Wollen die Mönche nicht Mess halten, sie werden's bald in der Küchen und Keller empfinden. Ссылка на корпорацию i. 461.

[86] Mit dem Mess halten keine Neuerung machen. Там же.

[87] Signa ab hominibus reperta admonent tantum; signa a Deo tradita, præterquam quod admonent, certificant etiam cor de voluntate Dei. Корпоративная ссылка. i. 478.

[88] Kein Mönch werde in der Kappe selig. Корпоративная ссылка. i. 433.

[89] Dass man nicht oben Stück von einem Kloster da sey gestanden, merken möge. Там же. 483.

[90] Эта улица Бюргерна, эта улица Студенческая, - говорит приор в своей жалобе избирателю. Там же.

[91] In summa es sollen die Aufruhr etliche Studenten von Erffurth erweckt haben. Ссылка на корпорацию i. 490.

[92] Ссылка на корпорацию i. 456. Редакторы относят это постановление к октябрю месяцу, предшествовавшему тому, как монахи покинули монастырь в Виттемберге.

[93] Und die anderen *Schirymstege* alle aussen lassen. Корпоративная ссылка. i. 512.

[94] Wer mit Sünden beschwert and nach der Gnade Gottes hungrig und durstig. Там же. 540.

- [95] Я связался с мужчиной в шляпе, поэтому пою мужчине: *Агнус Деи* Кармен. Ссылка на корпорацию i. 540.
- [96] Mir ist das Wort fast in grosser Geschwindigkeit eingefallen. Там же. 545.
- [97] Keinen offenbaren Sünder zu dulden.....Ibid. 540.
- [98] Решением Латеранского собора в 1215 году.
- [99] Священный конституционный суд между Богом и населением. Т. Аквин. Сумма, iii. 22.
- [100] Совершенное святилище не существует в обычной вере, оно освящено материей. Там же. Задание. 80.
- [101] Совет Габриэля Ангелума. *Camerarii Vita*. Mel. p. 48.
- [102] Бревитер, последний проповедник, который является пророком и апостоликом. Корп. Ссылка. i. 514. Автор ссылается на последователей Ирвинга.—Тр.
- [103] Ut rerum potiat et instauret sacra et respublicas tradat sanctis viris tenendas. *Camerar. Vita*. Mel. стр. 45.
- [104] Вопрос не в документе, а в факте.
- [105] Einen Priester der das Venerabile getragen mit Steinen geworfen. С. 482.
- [106] Суть и проблема в предположении винчулы. Mel. Corp. Ссылка i. 513.
- [107] Huc advolarunt tres viri, duo lanifices, literarum rudes, literatus tertius est. Там же.
- [108] В отношении *Ланцкнехта* dicimus. L. Epp. ii. 245.
- [109] Суть сиби с точки зрения фамильярных коллоквиумов, вид будущего.....Мел.Электори, 27 декабря 1521 г. Ссылка на корпорацию i. 514.
- [110] Censebat enim neque admittendum neque rejiciendum quicquam temere. Камера. Вита Мел. стр. 49.
- [111] Электори люцерна, Израиль. Камера. Жизнеописание. стр. 513.
- [112] Дарюбер из лейдена был морским пехотинцем лейдена. Там же, стр. 537.
- [113] Не принцепс манус круэнте в пророчестве. Л. Эпп. ii. 135.
- [114] Ubi fiebant omnia y dies difficiliora. Камера. Вита Мел. стр. 49.
- [115] Статистика исправления и сноса. Там же.
- [116] Die Bilder zu stürmen und aus den Kirchen zu werfen. Математика. стр. 81.
- [117] Etliche Fürsten ihre Bewandten abgefordert. Ссылка на корпорацию i. 560.
- [118] Воспаление и глазного дна. Камера. Вит. Мел. стр. 52.
- [119] Лютеранский отзыв из heremo suo magnis de causis. Корпоративная ссылка. i. 566.

- [120] Möchte ich ehe zehn Tode leyden. *Wieder Emser*. L. Opp. xviii. 613.
- [121] Что такое сейнер Gnaden. L. Opp. xviii. 615.
- [122] Quæras num experti sint spirituales illas angustias et natiuitates diuinas, mortes infernosque. L. Epp. ii. 215.
- [123] Mit Schweinen und Schellen.....in Koth geworfen. Weimar. Ann. C. 482.
- [124] In ihre laïsche Hände reiche. L. Opp. xviii. 285.
- [125] Германцы в сангвиническом натуре. L. Epp. ii. 157.
- [126] Ita enim res postulat ipsa. Там же. 135.
- [127] So machte er sich mit unglaublicher Freudigkeit des Geistes, im Nahmen Gottes auf den Weg. C. 458.
- [128] Смотрите рассказ Кесслера со всеми его деталями и простым языком того времени в *книге Бернета, Иоганна Кесслера*, стр. 27. Ханхарда Эрзехлунгена, iii. 300, и Мархайнеке Геш. der Ref. ii. 321, 2-е издание.
- [129] In einem rothem Schlöpli, in blossen Hosen und Wamms.....Hahn-hard Erzählungen, iii. 300, and Marheinecke Gesch. der Ref. ii. 321, 2-е издание.
- [130] Furit Satanas; et fremunt vicini undique, nescio quot mortibus et infernis. L. Epp. ii. 153.
- [131] Er hält meinen Herrn Christum für ein Mann aus Stroh geflochten. L. Epp. ii. 139.
- [132] Und ja nicht wehren.....so sie mich fahen oder tödten will. L. Epp. ii. 140.
- [133] Der wahre, dritte und lezte Elias.....L. Opp. (L.) xviii. 271.
- [134] L. Epp. ii. 143. Лютер был вынужден изменить это выражение по просьбе курфюрста.
- [135] Домини энимус витэ и мортис. L. Epp. ii. 150.
- [136] Non enim ad fidem et ad ea quæ fidei sunt, ullus cogendus est.....L. Epp. ii. 151.
- [137] Ich wollte nicht einen Birnstiel drauf geben. L. Opp. (L.) xviii. 225.
- [138] Grosse Freude und Frohlocken unter Gelahrten und Ungelahrten. L. Opp. xviii. 266.
- [139] Aus sonderlicher Schickung des Allmächtigen.....Ibid.
- [140] Imo, inquit, angeli, non hominis vocem mihi audisse videor. Камера. стр. 12.
- [141] У alium virum mutatus est. L. Epp. ii. 156.
- [142] Сам Карлштадиум оскорблен, вопрос постановлений суда решен. Там же. 177.
- [143] Лекции Филиппи и Карлштадии, лучшие времена. Там же. 284.
- [144] 1 Царств xviii. 29.

- [145] Rursum ad ipsum confluere.....Camer. p. 52.
- [146] Неистовый, надменный и нетерпеливый.....L. Epp. ii. 179.
- [147] Послушать Лютера плацида. Камера. стр. 52.
- [148] Cum et solum pedibus et propositam mensulam manibus feriret. Там же.
- [149] Услуга по защите прав животных. Там же, стр. 53.
- [150] Ihren Geist haue er über die Schnauze. L. Opp. Altenburg. Ausg. iii. 137.
- [151] Спумабат, фримебат и фуребат. L. Epp. ii. 179.
- [152] Gans klare und gründliche Schrift.
- [153] Истинный наставник римуса, Филиппа и его эго. L. Epp. ii. 176.
- [154] См. Том II. стр. 71.
- [155] Разработка лаборатории и студии. L. Epp. ii. 236.
- [156] Предок Михаэлиса, не имеющий абсолютного значения, quanquam singulis diebus разрушает миллию чартарумов к югу от первой трибы.....Там же.
- [157] Полтора флорина, примерно полкроны.
- [158] Немецкий язык. Bibel Uebersetz.
- [159] Том I. стр. 265.
- [160] Qui et alicubi in unum congesti rogam publice combusti sunt.
- [161] Ut sutores, mulieres, et quilibet idiotæ.....avidissime legerent. Улитка, стр. 50.
- [162] Противник как таковой не является нобилем, ут ита дикам, Эркюль опус эст. Корпоративная ссылка. i. 137.
- [163] Видео-догмат о том, как получить инструкции против тираннидема фарисеев. Er. Epp. стр. 949.
- [164] "Теологическая ночь", отец Филипп Меланктон, Женева, 1551 год. Jehan Calvin aux Lecteurs.
- [165] Librum invictum (сказал он по другому поводу) non solum immortalitate sed et canone ecclesiastico dignum. De Servo Arbitrio.
- [166] Loci Communes Theologici, Базель, 1521, стр. 35. Это издание очень редкое. Для последующих изменений обратитесь к изданию Эрлангена 1828 года, основанному на издании Базеля 1561 года.
- [167] Вульт те интуитивный Филиал Деи седентем и декстрам Патрис, посредник интерпеллант про нобис. Там же.

[168] Quandoquidem omnia quæ eveniunt, necessario eveniunt juxta divinam prædestinationem, nulla est voluntatis nostræ libertas. Loc. Com. Theol. Базель, 1521, стр. 35.

[169] Смотрите издание 1561 года, переизданное в 1829 году, стр. 14-44, несколько глав: —О трибуне личности;—О божественном происхождении;—О природе человека во Христе;—Свидетельство о том, как сын сидит персоной;—Свидетельство опровержения Ариана;—О различении собственности человека. et divinæ naturæ Christi; —О Святом Духе и т. д.

[170] Hoc est Christum cognoscere, beneficia ejus cognoscere. Там же.

[171] Boy! infelicem hoc novo partu Germaniam! Улитка.

[172] Jactant libellum regis Angliæ; sed *leum* illuminate suspector sub pelle tectum: намек на Ли, королевского капеллана, и каламбур на слово *leo*, лев. L. Epp. ii. 213.

[173] Collier, Экл. История Великобритании, том ii. 1.

[174] Доми суэцкое сладострастие омниум сакрариум фекит, постоянный посетитель *ducebat*. Полид. Virgilius, Angl. История, Базель, 1570, fol. стр. 633. Полидор, по-видимому, страдал от гордыни Вулси и был склонен преувеличивать недостатки министра.

[175] Cum illis adolescentibus una psallebat, saltabat, sermones leporis plenos habebat, ridebat, jocabatur, &c. Polyd. Virgilius, Angl. История. Базель, 1570, fol. стр. 633.

[176] Eximia corporis forma præditus, в качестве объяснения этих видов regia majestatis augusta quædam. Сандерус де Схизмат Англикано, стр. 4. Эту работу Сандерса, папского нунция в Ирландии, следует читать очень осторожно; поскольку она изобилует ложными и клеветническими утверждениями, как было отмечено кардиналом Кирины и римско-католическим доктором Лингардом. Смотрите "Историю Англии" последнего, том vi. 173.

[177] Surgebat media nocte ut nocturnis religiosorum представляет определенный интерес. Там же. 5.

[178] К югу от вестибюля *Францисканского* поселения. Сандерс, стр. 5.

[179] Legebat studios libros divi Thomæ Aquinatis. Пол. Девичник. с. 634.

[180] Primum libros Lutheranos, quorum magnus jam numerus pervenerat in manus suorum Anglorum, comburendos curavit. Пол. Девичник. стр. 664.

[181] ИМП золотистого цвета, имп пульвино золотистого цвета, имп вело золотистого цвета у мужчин. Там же.

[182] Primus episcoporum et cardinalium, vestitum exteriorem sericum sibi induit. Там же, стр. 633.

[183] Кардинальская галерея, знак отличия, возвышенный священнослужитель.....главный алтарь. Там же, стр. 645.

[184] Начлезе Кнаппа, ii. 458.

[185] Противник венерический ячмень враждебен возражающим. Assertio septem sacramentorum adv. M. Lutherum, in prologo.

[186] Всевышний Христос, всевышний эт, всевышний секс, всевышний орден согласия. Там же.

[187] И вовсе без слов, просьба подать пример. Assertio septem sacramentorum adv. M. Lutherum, in prologo.

[188] Mirum est quanto nixu parturiens, quam nihil peperit, nisi merum ventum. Там же.

[189] Коллиер, Экл. История. стр. 17.

[190] Бернет, историк Англии. i. 30.

[191] Внутрибрюшинные менструации, вызванные множественным халькографированием при множественности миллионов. Улитка, стр. 44.

[192] Ut totum orbem christianum et gaudio et admiratione repleverit. Там же.

[193] Ему показалось, что это было написано с некоторой степенью вдохновения. Бернет, Предисловие.

[194] Mea при ipsos exercebo cornua, раздражении сатаны, исходе вирусных и конатибулярных инфекций в se ipso. L. Epp. ii. 236.

[195] Вспышка и фуорр insulsissimorum asinorum et Thomisticorum porcorum. Contra Henricum Regem, Opp. Lat. ii. 331. Этот язык напоминает нам ирландского агитатора. Однако в ораторе 16 века больше силы и благородства, чем в ораторе 19 века. Смотрите *Британское ревю* за ноябрь 1835 года. *Le Règne d'O'Connel*. "Намыленная свинья цивилизованного общества" и проч., стр. 30.

[196] Конфузи и поверженный на лицо истиус тонитруи. Contra Henricum reg. Opp. Lat. ii. 336.

[197] Hic sto, hic sedeo, hic maneo, hic glorior, hic triumphor, hic insulto papistis.....Ibid. 342.

[198] Nec magnum si ego regem terræ contemno. Ibid. 344, verso.

[199] L. Opp. Прыжки. xviii. 209.

[200] Можем ли мы уничтожить бешеную, имо хищную волчанку, но не можем спасти урсам. Улитка, стр. 60.

[201] Преподобный брат, патер, потатор, Лютер. Улитка, стр. 61.

[202] Си... Там же, стр. 62.

[203] Сторожевые башни, клоаки, отхожие места.....стеркора. Там же, стр. 63.

[204] Диплом suis.....et стеркорибус.....откажись. Там же, стр. 63. Кохлус с удовольствием цитирует эти отрывки, выбирая, по его вкусу, лучшие места в ответе Мора. М. Нисар, напротив, признается в своей статье о Море, которого он защищает с большой теплотой и эрудицией, что в этом тексте "нечистоплотность, продиктованная гневом католика, такова, что любая попытка перевода невозможна". *Revue des deux Mondes*, v. 592.

[205] So ergiest er, gleich wie eine Schlang vom Himmel geworfen. L. Opp. xviii. 212. Оригинал на латыни: Velut e cœlo dejectus serpens, распространение вируса на земле.

- [206] Und durch sein schädlich Anblasen das höllische Feuer aussprühe. Там же. 213.
- [207] Oder aber auch mit Blut vergiessen. L. Opp. xviii. 213.
- [208] История. Тридентский собор. стр. 15, 16.
- [209] Der übrigen Prediger Feindschafft, Neid, Nachstellungen, Praticken, und Schrecken. Секендорф, стр. 559.
- [210] Секендорф, стр. 811; Стенцель, сценарий. Rer. Сайлес. i. 457.
- [211] Ranke, Deutsche Geschichte, ii. 70.
- [212] Постоянно подсказываю, рассказываю, красноречив. Улитка, стр. 52.
- [213] Соборное католическое население. Улитка, стр. 52.
- [214] В экстремальной редакции inopiam, aliunde sibi victum является важным аргументом. Там же, стр. 53.
- [215] Новый триумфальный прецедент, приводящий к распространению слова нового Евангелия над герцогом. Там же.
- [216] Multi, omissa re domestica, in speciem veri Evangelii, parentes et amicos relinquebant. Там же.
- [217] Верный признак того, что в гражданском обществе есть настоящая любовь.....Там же. 54.
- [218] Мир в эпоху либерализма. Улитка, стр. 53.
- [219] Обратите внимание на основные немецкие рекомендации. Там же.
- [220] Совершенство и братство во Христе. Там же.
- [221] Лютеранский лаик, заменяющий Священное Писание, как монахи, так и пресвитериане. Там же, стр. 54.
- [222] Репутация католической церкви в соответствии с правилами Священного Писания. Улитка, стр. 54.
- [223] Итог веро ювентуем, литература красноречия, студия linguarumque deditam.....in разделим наш путь. Там же.
- [224] Ветеринарный фарш.
- [225] Танковая летопись Германии. Litt.; Ranke's Deutsch. Gesch. ii. 79.
- [226] Апостатарий, монашеская реликвия, бесконечное число, в особом библиополаруме. Улитка, стр. 54.
- [227] Мы рискнули использовать слова *colporteur* и *colportage* для обозначения профессии и титула этих странствующих книготорговцев. Помимо неадекватности нашего английского эквивалента, эти слова, похоже, проникают в наш словарный запас. (Переводчик.)

[228] catholicorum, великая доктрина и ветеранский варварский сценарий, современник. Улитка, стр. 54.

[229] В публичной рекламе франкоязычных стран и их алиби, в качестве препятствия для поездки. Там же.

[230] Von dem Rathhaus unter einem Zulauf von 25,000 Menschen. С. 539.

[231] Der Teufel indem er sich in Gestalt eines alten Weibes. Там же.

[232] "Бубен немен" Девушки дю режиссера.....Далее. стр. 430.

[233] So liessen sie eine Canzel machen, die man von einem Ort zum andern.....Seck. p. 436.

[234] Aliquot ministri canonicorum, capiunt D. Valentinum Mustæum et vinctum manibus pedibusque, injecto in ejus os freno, deferunt per trabes in inferiores cœnobii partes, ibique in cella cerevisiaria eum castrant. Hamelmann, Historia renati Evangelii, p. 880.

[235] Herren und Siegmänner des Todes. L. Epp. ii. 164.

[236] Ich kenne auch selbst nicht den Luther. Там же. 168.

[237] Виттембергер Нахтигалл, поэма Ганса Сакса, 1523.

[238] Право Пфеффеля опубликовано. de l'Allemagne, 590. Робертсон, Карл V. iii. 114. Ranke, Deutsche Gesch.

[239] Святое святых... Паллав. i. 130.

[240] Essendo tornato dalla Dieta che sua Maestà haveva fatta in Wormatia, escluso d'ogni conclusion buona d'ajuti e di favori che si fussi proposto d'ottenere in essa. Инструкции кардиналу Фарнезе. Рукопись из библиотеки Корсини, опубликованная Ранке.

[241] Сам Цезарь, руда субриденти, зрелище правдоподобное. Паллав. i. 130.

[242] Суть в изяществе тела. История любви, 1586, стр. 3.

[243] Эквилибристика и доспехи, используемые в повседневной практике. Там же.

[244] Участие во фракции rixarumque periculis, участие в аматорской весании.....tempus consumeret. Там же.

[245] Глазная язва, отвратительный вид вероломства, сводный зрительный нерв, в арцемическом единстве. Там же, стр. 6.

[246] Tam acri ac vehementi oratione commilitonibus dissuasit. История любви, 1586, стр. 6.

[247] С рудиментарными признаками отчуждения от коррупции. Там же, стр. 7.

[248] Nullum aliud indicium dedit doloris, nisi ut coactos in pugnum digitos valde constringeret. Там же, стр. 8.

[249] Quid si ego hoc agerem quod fecit beatus Franciscus, quid si hoc quod beatus Dominicus? Acta Sanct. vii. 634.

[250] Не эра кондесса, ни герцогиня, мас эра су эстадо мас альто. Там же.

[251] Иби дуче дружески приветствует его, и тайный совет суорум для точной проверки. Маффеи, стр. 16.

[252] Pretiosa vestimenta quibus erat ornatus, pannoso cuidam largitus, sacco sese alacer induit ac fune præcinxit. Там же, стр. 20.

[253] Ярость оппонента в отношении либидо. Маффеи, стр. 21.

[254] Конечная кость, результат лечения в частном порядке. Там же, стр. 23.

[255] Tunc subito, nulla præcedente significatione, prorsus exui nudarique se omni gaudio sentiret. Там же, стр. 27.

[256] NEC с вареньем в precibus, neque в psalmis.....ullam inveniret реквием delectationem авт. Там же.

[257] Исчезает агитационный террор, умирает ночной флет джунглей. Там же, стр. 28.

[258] Никто не сможет смягчить участь группы, видевшей это. М., стр. 29.

[259] Et sæculi commodis repetendis magno quodam impetu cogitaverit. Там же, стр. 30.

[260] Sine ulla dubitatione constituit præteritæ vitæ labes perpetua oblivione conterere. Там же, стр. 31.

[261] Вопрос о том, почему люди разумно понимают. М., стр. 32.

[262] На иллюстрации о технике.

[263] Вопрос сводится к нулю, мистерия веры в документе. Святой акт.

[264] Вопрос о том, что является основным в жизни человека. М., стр. 34.

[265] Том I. стр. 203.

[266] В этом случае мы имеем право изменить вульт в его статусе, изменить анимацию в его либрисе. Паллав. i. 128.

[267] У Пэриса де Грасси, церемониймейстера, есть такая запись в его дневнике. "В четверг, 10 января, после завтрака папа отправился в Тосканелло и его окрестности. Он пошел без палантина и, что хуже всего, без роше, и, что хуже всего, в сапогах. Diar. отредактировано".

[268] Si unirono in un oratorio, chiamato del divino amore, circa sessanta di loro. Caracciolo, Vita da Paolo IV. MS. Ranke.

[269] Доктора медицины принимают участие в консилиуме среди известных выпускников. Паллав. стр. 136.

[270] Слэйдан, История. de la Ref. i. 124.

- [271] Certum est quod (Pontifex) potuit errare in iis quæ tangunt fidem, hæresim per suam determinationem aut decretalem asserendo. Связь. в библиотеке. 4. Сентенциарный квест. de Sacr. Подтверждаю. Рим, 1522 год, фолиант.
- [272] Сарпи, История. Тридентский собор, стр. 20.
- [273] Per longa esperienza delle cose del mundo, molto prudente e accorto. Нарди. История. Фиор. библиотека. vii.
- [274] Сарпи, История. Тридентский собор, стр. 21.
- [275] Das man die Nachfolger derselben vergiften Lehre, mit dem Schwert strafen mag. L. Opp. xvii. 321.
- [276] Cum fama sit fortis, Cæsarem и papam Nurnbergam conventuros. L. Epp. ii. 214.
- [277] Отпусти Христа, чтобы продолжить это дело. Там же. 215.
- [278] Quod ex ea regione venirent, unde nobis secundum carnem origo est. Папский отчет. L. Opp. Lat. ii. 352.
- [279] Эр волле эйнен Барабан для пальцев.....Сек. стр. 568.
- [280] Лечение имп, мембранное замятие, нарушение целостности организма. Паллавичини, i. 158.
- [281] Эйнен гроссен Шрекен эйнджейагт. С. 552.
- [282] Nicht anders geschrien denn: *Crucifige! crucifige!* L. Opp. xviii. 367.
- [283] Проведем аукцион кураторства понтифика у истоков каперентура. Ссылка на корпорацию i. 606.
- [284] Приускам или каперентур, в городе сессурос, ессе. Там же.
- [285] In eam sedem aliquot jam annos quædam vitia irrepsisse, abusus in rebus sacris, in legibus violationes, in cunctis denique perversionem. Паллав. i. 160. См. также Сарпи, стр. 25; L. Opp. xviii. 329 и др.
- [286] Liberioris tamen, quam par erat, sinceritatis fuisse visum est, ea conventui patefacere. Там же. 162.
- [287] В eos, в vestras res, domos, uxores, liberos, ditiones, dominatus, templa quæ colitis. L. Opp. Lat. ii. 536.
- [288] Quod in tali concilio eis qui interesse deberent vel ecclesiastici vel laicalis ordinis libere liceret loqui. Гелдарт, Конституция. Импер. i. 452.
- [289] Wie sie solcher Beschwerde und Drangsaal entladen werden. L. Opp. xviii. 354.
- [290] Ut pie placideque purum Evangelium prædicaretur. Pall. i. 166; Слэйдан, i. 135.
- [291] Победа над расточительной фермой римско—германского понтифика. Zw. Epp. 313.-11 октября 1523г.

- [292] Основные положения Э.Г. эйнгебена. L. Opp. xviii. 476.
- [293] Dass die Kirchen ohne Volk sind, dass die Völker ohne Priester sind, dass die Priester ohne Ehre sind, und dass die Christen ohne Christo sind. Там же. 37.
- [294] Wen sie gleich eines verdammten Lebens sind. L. Opp. xviii. 379.
- [295] Что делать dicam? quo me vertam? Корпоративная ссылка. i. 627.
- [296] Принцип нулевого разрешения войны, общественное согласие, признание империи. Там же. 601.
- [297] So kehrt er ihnen auch die Rechnung gar um. L. Opp. xxii. 1831.
- [298] Ut videar mihi videre Germaniam in sanguine natate. L. Epp. ii. 156.
- [299] Убедительные доводы населения о том, что ничто не предвещает беды. Там же. 157.
- [300] Да здравствует мое царство, да здравствует мое царство. Там же. 158.
- [301] Wie ihre Bärt und Haare ausweisen. Дополнение. стр. 482.
- [302] Müsse man solche Dinge Gott überlassen. Там же, стр. 485.
- [303] Для получения верной информации. С. 548.
- [304] Quomodo mulieres vi Henricum liberarint. L. Epp. ii. 265.
- [305] Почетное звание госпожи Маргареты. L. Epp. ii. 265.
- [306] Аликвоты граждан, их причины для беспокойства и наказания. Там же.
- [307] Насущным и кровопролитным. Там же. 181.
- [308] Есть исполнитель Cæsaris contra nostros. Там же. 207.
- [309] Главный капитал, излишний кредит. Там же. 214.
- [310] Иаков, освободитель божий, не знающий зла. L. Epp. ii. 182. Это письмо, помещенное в коллекции М. де Ветта под датой 14 апреля, должно быть, датировано июнем; поскольку 26 июня Лютер пишет, что Пробст был схвачен во второй раз и будет сожжен. Мы не можем допустить, что Пробст посетил Виттемберг между двумя своими тюремными заключениями, поскольку Лютер не сказал бы о христианине, спасшем ему жизнь отречением, что он был освобожден чудом Божиим. Возможно, нам следует прочесть дату письма в "*die S. Turiafi*", вместо в "*die S. Tiburtii*", что привело бы к 13 июля, что, на мой взгляд, является гораздо более вероятной датой.
- [311] So sie doch schändlicher leben denn Huren und Buben. L. Epp. ii. 482.
- [312] Шлаг этлихе Тодт. С. 604.
- [313] Сей гегрюст, майн Брудер. Скульптет. Анна. i. 173.

- [314] Факт обращения к Брюсселю публично опубликован. L. Epp. ii. 361.
- [315] Nondum triginta annorum. Там же.
- [316] Dit schijnen mij als roosen te zijn. Brandt, Hist. der Reformatie, i. 79.
- [317] Адмото игне, может служить основным символом веры, говорит Эразм. Epp. i. 1278.
- [318] Da ist der eine im Feuer auf die Knie gefallen. L. Opp. xviii. 481.
- [319] Cœpta est carnificina. Epp. i. 1429.
- [320] Четверть после исхода и третья часть брата Ламберта. L. Epp. ii. 361.
- [321] Причина смерти многих лютеранок. Er. Epp. стр. 952; В конечном итоге, это civitas favere Luthero. Там же. стр. 1676. Эразм герцогу Георгу; Ea civitas antea purissima. Там же. стр. 1430.
- [322] Ubi cumque fumos excitavit nuntius, ibi diceres fuisse factam heresean sementem. Там же.
- [323] Vestra vincula mea sunt, vestri carceres et ignes mei sunt. L. Epp. ii. 464.
- [324] Communi habitu, quod per sylvas et campos ierat per mediam urbem.....sine clero, sine prævia cruce. Cochl. стр. 82.
- [325] Война за прекращение войны. Второе. стр. 613.
- [326] Три единственных примера того, что может быть передано римлянам, в качестве частной собственности, за пределами Снг в Сибири. Sleidan. lib. iv.
- [327] Квантовый eis возможен. Улитка, стр. 84.
- [328] Pontifex ægerrime tulit.....intelligens novum de religione tribunal co pacto excitari citra ipsius auctoritatem. Палав. i. 182.
- [329] Основные требования к религии. Winter, Gesch. der Evang. Lehre in Baiern, i. 310.
- [330] Winter, Gesch. der Evang. Lehre in Baiern, i. 156.
- [331] Ранке, Немецкий журнал. ii. 159.
- [332] Не существует французской веры в ео, поэтому мы поддерживаем францию. Декрет. Конц. Сессия. быт. 19. 23 сентября 1415 г.
- [333] Верм. Штробеля. Beyträge zur Gesch. der Litt. Nürnberg. 1775, p. 98.
- [334] Improbis clericorum abusibus et perditis moribus. Улитка, стр. 91.
- [335] Лютеранская фракция, эффективно сопротивляющаяся власти, ультраправая конфедерация, ограничивающая себя. Там же.
- [336] Энхиридион, другие населенные пункты, находящиеся против греков. 1525.
- [337] Ранке, Немецкий журнал. ii. 163.

[338] По собственному усмотрению, на основании личного текста трактата. Улитка, стр. 92, версо.

[339] См. Cochl., ibid. Cum igitur ego Casparus Tauber, etc.

[340] Credo te vidisse Casparis Tauber historiam martyris novi Viennæ, quem cæsum capite scribunt et igne exustum pro verbo Dei. Лютер Хаусманну, 12 ноября 1524 г., ii. 563.

[341] Idem accidit Budæ in Ungaria bibliopolæ cuidam Johanni, simul cum libris circa eum positis exusto, fortissimeque passo pro Domino. Лютер - Хаусману, ii. 563.

[342] Sanguis sanguinem tangit, qui suffocabit papam cum regibus et regnis suis. Там же.

[343] Ранке, Немецкий журнал. ii. 174.

[344] Заунер, Зальцбургская хроника. iv. 381.

[345] Слова, не относящиеся к семинати. L. Epp. ii. 559.

[346] В Баварии multum regnat crux et persecutio. L. Epp. ii. 559.

[347] Der Himmel wäre da so nahe als anderswo. L. Opp. xix. 330.

[348] История войны и с. L. Opp. L. xix. 333.

[349] См. Том I. стр. 100.

[350] См. Харденберг *Vita Вессли*; Гердес. *Ист. Evang. renov.* i. 228-230; Gieseler, Kirchen G. iii. 190; Ulman Joh. Вессель (2-е изд.), стр. 564.

[351] Харденберг, *Vita Вессели*; W. Opp. Амстердам, стр. 13. Харденберг ссылается на Родиуса, Госвина, Меланхтона и Т. Блаурер, от которого, по его словам, он получил свой отчет, и добавляет: Временно исполняющий обязанности велим иллис креди, ут вирис бонис; михи салтем, ут фидели релятори.

[352] Ich habe wohl so harte Anfechtungen da erlitten. L. Epp. ii. 577.

[353] Huc perpulit eum insana gloriæ et laudis libido. L. Epp. ii. 551.

[354] Ihr bandet mir Hände und Füße, darnach schlugt Ihr mich. L. Opp. xix. 150.

[355] Что же касается сцинтиллы, то здесь сильвам комбурит. М. Адами Вита Карлст. стр. 83. Наше повествование в основном взято из *Деяний Рейнхардта*, пастора из Йены, очевидца, но друга Карлштадта, которого Лютер обвинил в неточности.

[356] Spann an, spann an. L. Opp. xix. 154.

[357] Итак, я пропустил алебарду Брауха. Там же. 155.

[358] Два самых выдающихся современных историка Германии (доктор Маркейнеке, ссылка на Gesch. ii. 139, и Фред. von Raumer, Gesch. Europ. i. 371), добавляет, что жители Орламунда забрасывали Лютера грязью и камнями; но он утверждает совершенно обратное: "Я был в тюрьме, я был в тюрьме, где меня держали, и я был рад сбежать, не будучи заброшенным камнями и грязью". L. Epp. ii. 579.

[359] Höher als tausend Welten. C. 628.

[360] Публичные выступления в кампанской лекции по одновременному использованию flentibus. L. Epp. ii. 558.

[361] Causa Dei est, cura Dei est, opus Dei est, victoria Dei est, gloria Dei est! Там же. 556.

[362] Honoris causa de equo descensus. Камерариус, стр. 94.

[363] Ut de quæstionibus quas audiisset moveri, aliquid diligenter conscriptum curaret. Там же, стр. 94.

[364] Воплощение обновленной церковной доктрины.

[365] Секкендорф, стр. 738.

[366] Принцепс ille discipulus Philippi будет апеллировать к квибусдаму. Камера. стр. 95.

[367] На месте illius abominabilis principatus, qui hermaphrodita quidem. L. Epp. ii. 527.

[368] Ut contempta ista stulta confusaque regula, uxorem duceret. Там же.

[369] Если кто-то спрашивает, я не отвечаю. Там же.

[370] Weise christliche Messe zu halten. L. Opp. (L.) xxii. 232.

[371] Die christliche Gemeinde nimmer soll zusammen kommen, es werde denn daselbst Gottes Wort geprediget. Там же. 226.

[372] Dass das Wort im Schwange gehe. Там же. 227.

[373] L. Epp. ii. стр. 308, 354.

[374] Welchem gebührt das Schwert, nicht das Predigtamt zu versorgen. L. Opp. xviii. p. 497.

[375] Corp. Ref. i. 636.

[376] L. Epp. ii. 565.

[377] Durch das Licht des heiligen göttlichen Wortes.....L. Opp. xviii. 502.

[378] Послание к Евреям viii. 11.

[379] Aber hin ist hin (*но потерянное есть потерянное*); sie haben nun den Pabst. L. Opp. W. x. 535.

[380] Die Sprachen sind die Scheide, darinnen dies Messer des Geistes stecket. L. Opp. W. x. 535.

[381] Es sey oder werde nicht lauter bleiben. L. Opp. W. x. 535.

[382] Ich hätte wohl auch können fromm seyn und in der Stille recht predigen. Там же.

[383] Hunc titulum ignaviæ suæ prætextunt. Корпоративная ссылка. i. 613.

[384] Шатобриан, Жени христианства.

[385] Ich gebe nach der Theologie, der Musica den nächsten Locum und höchste Ehre. L. Opp. W. xxii. p. 2253.

[386] См. Том II. стр. 174.

[387] Ранке, Немецкая история, ii. 85.

[388] См. Том 1. стр. 79.

[389] Luther's treue Ermahnung an alle Christen sich vor Aufruhr und Empörung zu hüten. Opp. xviii. 288.

[390] Habemus fructum tui spiritus. Эразм. Hyperasp. b. iv.

[391] Der barmherzige Gott behüte mich ja für der christlichen Kirche, darin eitel Heilige sind. Об Иоанне i. 2. L. Opp. (W.) vii. 1469.

[392] Führete sie nicht weiter in Geist und zu Gott. Л. Опп xix. 294.

[393] Заур сехен, ден Барт нихт абсшнейден. Там же.

[394] Munzer's language is low and impious: Er wollt in Gott scheissen wenn er nicht mit ihm redet, wie mit Abraham. История. "О Мюнцере" Меланхтона. Там же. 295.

[395] См. Том I. стр. 137.

[396] Man lasse die Geister auf einander platzen und treffen. L. Epp. ii. 347.

[397] Gott ist's selber der setzt sich wider euch. L. Opp. xix. 254.

[398] Und jagten den Grafen durch die Spiesse. Матезиус, стр. 46

[399] Deinen Nächsten zu retten aus der Hölle. L. Opp. xix. 266.

[400] Одновременное общение. L. Opp. xix. 292.

[401] Lasset euer Schwerdt nicht kalt werden von Blut. L. Opp. xix. 289.

[402] Монсеррус плюс скифский скот, выращенный на огороде. Ссылка на корпорацию i. 741.

[403] So wolle er hinkünftig zu fuss gehen. C. 685.

[404] Ihr sollt sehen dass ich alle Büchsensteine im Ermel fassen will. L. Opp. xix. 297.

[405] Так что найди что-нибудь интересное.

[406] Kein Messer scherpfer schirrt denn wenn ein Baur des andern Herr wird. Математика. стр. 48.

[407] Нис nulla carnificina, нулевая добавка. Ссылка на корпорацию i. 752.

[408] Eorum animos fractos et perturbatos verbo Dei erexit. M. Adami Vit. Брентии, стр. 441.

[409] Сельский совет, ведущий мероприятия в демельендских арках, единственный оратор в Мире. М. Адами Вита Фред. Миконии, стр. 178.

- [410] Основной голосовой адулятор Quod. L. Epp. ii. 671.
- [411] Яркий папист ностро диссидио. Там же. 612.
- [412] Мэтт. xxvi. 31. L. Epp. ii. 671.
- [413] Qui cum toties hactenus sub pedibus meis calcavit et contrivit leonem et draconem, non sinet etiam basiliscum super me calcare. Там же.
- [414] Es ist besser einige aus dem Rachen des Teufels herausreissen. L. Opp. H. Ed. ix. 961.
- [415] ЕА РЭС incussit.....вульго заметить ограничительную оговорку нигилу ут usquam moveatur. Ссылка на корпорацию i. 752.
- [416] Noch etwas gutes mehr in der Welt. Второе. стр. 702.
- [417] Dass alle Umstehende zum weinen bewegt. Второе. стр. 702.
- [418] Джеймс i. 10.
- [419] Durch das theure Blut meines allerliebsten Heylandes erlöset. C. 703.
- [420] О морс амара! L. Epp. ii. 659.
- [421] Ранке, Немецкий журнал. ii. 226.
- [422] Дукс Джорджиус, моруто Фредерико, отряд всесоюзных сил. Л. Эпп. iii. 22.
- [423] Привычка к примирению, конъюнктура, восстановление после смерти.....Там же.
- [424] Слэйдан. Хист. de la Réf. i. 214.
- [425] Кейл, "Жизнь Лютера", стр. 160.
- [426] Der Seelen Seligkeit halber. L. Epp. ii. 323.
- [427] Mit aller Zucht und Ehre an redliche Stätte und Orte kommen. L. Epp. ii. 322.
- [428] Согласно доводам добросовестных граждан-торговцев. Там же. 319.
- [429] Уклонение от использования Mirabiliter. Там же.
- [430] Und alle Klöster ledig machen. Там же. 322.
- [431] Cum expectem quotidie mortem et meritum heretici supplicium. L. Epp. ii. 570. Письмо Сплатину, 30 ноября 1524 г.
- [432] Muss und will Ich sehen wo mich Gott ernähret. L. Epp. ii. 582.
- [433] Си вис Кетам туам а Бора тенере. Там же. 553.
- [434] Aus Begehren meines lieben Vaters. Там же. iii. 2.
- [435] Там же. 1.
- [436] Бытие ii. 18.

- [437] Рисование мира универсального и дьявольского изнутри. М. Адами Вита Лут. стр. 130.
- [438] Документально подтверждаю, что в "танте люсе Евангелии" много малодушных. Л. Эпп. iii. 13.
- [439] Утечка протока нонны в триумфальном аспекте и кламантии Джо! Джо! hostium. Там же. 21.
- [440] Non duxi uxorem ut diu viverem, sed quod nunc propiorem finem meum suspicarer. L. Еpp. iii. 32.
- [441] Монах и весталка совокупляющиеся, М. Ad. Vit. Лут. стр. 131.
- [442] "Антихристорум миллия джем олим хабет мундус". Er. Еpp. стр. 789.
- [443] Эразм добавляет, ссылаясь на сообщения, распространяемые врагами Лютера, что он был женат не более двух недель, когда его жена уже уложила в постель сына; "Partu maturo спонсирует слух о ванусе эрате". Там же. стр. 780, 789.
- [444] Οτι ψευδος τουτο και διαβολη εστι. Корпорация, Ссылка i. 753, ad Camerarius.
- [445] Πασα σπουδη και ευνοια Πασα σπουδη και ευνοια. Там же.
- [446] И он добавляет: Этические нарушения в книге божественного ипсиуса и творца. L. Еpp. iii. 32.
- [447] Это письмо датировано 21 октября 1525 года. Catena mea simulat vel vere implet illud Genes. 3. Tu dolore gravida eris. Там же. 35.
- [448] Mir meine liebe Kethe einen Hansen Luther bracht hat, gestern um zwei. Там же. 116. 8 июня 1526г.
- [449] "Уркунденбух" Роммеля, i. 2.
- [450] Was das für ein Glaube sey, der eine solche Erfahrung erfordert. C. 739.
- [451] Что такое Хейл без комментариев к ней.
- [452] Данкте Готт мит Фрейден. C. 668.
- [453] Слэйдан, История. Ссылка. стр. 220.
- [454] Второе. стр. 712.
- [455] Эр мусс херунтер. Л. Эпп. ii. 674.
- [456] L. Еpp. iii. 28, 38, 51 и с.
- [457] Dass Kirche sey allein diejenige, so Gottes Wort haben und damit gereinigt werden. Ссылка на корпорацию i. 766.
- [458] Секендорф, стр. 768.
- [459] Allein auf Gott den Allmächtigen, als dessen Werkzeuge sie handeln. Hortleber, Ursache des Deutschen Krieges. i. 1490.

- [460] Шмидт, немецкий ученый. viii. 202.
- [461] Государственные документы Веймара. Секендорф, стр. 768.
- [462] Ранке, Германия. Gesch. ii. p. 349; Rommel Urkunden, p. 22.
- [463] Ut in mediis gladiis et furoribus Satanæ posito et periclitanti. L. Epp. iii. 100.
- [464] 1-е Коринфянам xiv. 7.
- [465] См. Том II. книга viii. ближе к концу.
- [466] После войны курцер Манн. Füsslin Beyträge. iv. 44.
- [467] В публикации abitum Leonis, monachis aliquidum legam. Zw. Epp. 253.
- [468] Дж. Дж. Хоттингер, Хелв. Kirch. Gesch. iii. 605.
- [469] Ein grosses Verwunderen, was doch uss der Sach werden wollte. Bullinger Chronik. i. 97.
- [470] Укрощенный манео, не имеющий нервов никсус, умерший петрой Христо, in quo omnia possum. Zw. Epp. стр. 261.
- [471] Nun wohlan in dem Namen Gottes, hie bin ich. Bullinger Chronik. p. 98.
- [472] Sc. монахи. Wo sind nun die grossen Hansen.....Zw. Opp. i. 124.
- [473] Es müss das Erdrych brechen. Zw. Opp. i. 148.
- [474] Man möcht denocht früntlich, fridlich und tugendlich läben, wenn glich kein Evangelium were. Булла. Хроника. стр. 107; Zw. Opp. i. 152.
- [475] Окончание дела об особо важных добродетелях, присущих знати. Zw. Epp. стр. 266.
- [476] Официальный ответ: Всенепременно претер седем папалем. Вита Цвингли, согласно Osw. Мус.
- [477] Продюсер воло, военный капитан паламе. Zw. Epp. стр. 292.
- [478] Христос спасет нас от дефекта. Там же, стр. 278.
- [479] Изложение тех же принципов можно увидеть в выступлениях М. де Бройля и Руайе-Коллара во время знаменитых дебатов о законе о святотатстве во Франции 1824 года.
- [480] Dorum habend ir unser Herren kein rächt zu inen, sy zu töden. Булла. Хроника. стр. 127.
- [481] So wollten wir Ihm den Lohn geben, dass er's nimmer mehr thäte. Симмлер Сэммл. МИСС ix.
- [482] Der Päbste, Cardinäle und Bischöffe Concilia sind nich die christliche Kirche. Ссопа. Бейтр. iii. 20.
- [483] Diacosion Senatus summa est potestas Ecclesiae vice. Zw. Opp. iii. 339.

[484] Перед всеобщим множественным расследованием, которое является фактическим фактом, *ut quidquid diacosii* (великий совет двухсот), *cum verbi ministris ordinarent, jamdudum in animis fidelium ordinatum esset*. Zw. Opp. iii. 339.

[485] Dass einigerley Betrug oder Falschsyg in dem reinen Blut und Fleisch Christi. Zw. Opp. i. 498.

[486] Основные сведения об уртейле. Zw. Opp. i. 529.

[487] Wie sy Christum in iren Herzen sollind bilden and machen. Там же. 534.

[488] Dass er sich selbst mit vil andren bewegt zu weinen. Там же. 537.

[489] В 1839 году знаменитый пантеист и неверующий Штраус был назначен профессором догматической теологии в Цюрихском университете, жители всего кантона воспротивились назначению и привели к власти новое правительство.

[490] Ohne dass jemand sich unterstehe die Messpriester zu beschimpfen. Wirtz. H. K. G., v. 208.

[491] В обязательном порядке, за исключением моего возвращения из Глареаны. Zw. Epp. стр. 322.

[492] Между нами и металлом. Там же.

[493] Ac deinde omnes simul pereamus. Там же, стр. 323.

[494] Аудит иллюминатора "Ювентуса" любенса. Там же, стр. 264.

[495] Смотрите его автобиографию.

[496] Вайзе, Фюсслин Бейт. iv. 66.

[497] Es soll nieman in den Wirtzhüseren, oder sunst hinter dem Wyn von Lutherischen, oder newen Sachen uzid reden. Bull. Chr. стр. 144.

[498] Wie wir unser pitt Hoffnung und Trost allein uf Gott. Bull. Chr. стр. 146.

[499] Zurich selbigen ausreuten und untertruckten helfe. Хотт. Хелв. К. Г. iii. 170.

[500] Uff einen Creitzgang, sieben unehelicher kinden überkommen wurdend. Bull. Chr. стр. 160.

[501] И лучшая шляпа эрлиха. Там же. 161.

[502] Habend die nach inen zu beschlossenen. Там же, 175.

[503] См. Примечание, том I. стр. 145.

[504] Литературный журнал *Anzeiger*, 1840, № 27.

[505] Der sin rosenfarw Blüt alein fur uns arme Sünder vergossen hat. Булла. Хроника. стр. 180.

[506] Meine Herrn sollten auch nur dapfer bey dem Gottsworte verbleiben. Фюсслин Бейтр. iv. стр. 107, в котором содержатся ответы, данные всеми приходами.

[507] Описание фермы Гельветов всемогущих перед наступлением Рождества. Zw. Epp. стр. 348.

- [508] negotiorum strepitus et ecclesiarum curæ ita me unique quatiunt. Там же.
- [509] См. Том II. стр. 312.
- [510] Der war anfangs dem Evangelio günstig. Bull. Chr. стр. 180.
- [511] Кто умирает Куттеном в Бухаресте в вагоне. Bull. Chr. стр. 193.
- [512] Und badt sy um Gottes willen uss dem Kloster zu gand. Там же, стр. 183.
- [513] Дан эс Им лейд был. Там же, стр. 195.
- [514] Руководство и практика. Bull. Chr. стр. 184.
- [515] Данн хеттинд си мир в добром смысле. Там же, стр. 186.
- [516] О да! was elender Fahrt war das! Bern. Вейсс. Фуссл. Бейт. iv. стр. 56.
- [517] Тросте и в варем-глоубен-старокте. Bull. Chr. стр. 188.
- [518] On Kerzen, Schellen und anders so bisshar geüpt ist. Bull. Chr. стр. 196.
- [519] Alls man inn am folter seyl uffzog, sagt der zum Stein: Herrli, das ist die Gaab die wir üch zu üwer Hussfrowen schänckend. Там же, стр. 190.
- [520] Sin Huss ist alwey gsin wie ein Kloster, Wirtshuss und Pitall. Bull. Chr. стр. 198.
- [521] Посвящается Крейцу дарби. Там же.
- [522] Furohin bist du nitt me min Vatter und ich din Sun, sondern wir sind Brüdern in Christo. Bull. Chr. стр. 204.
- [523] Des gnadens weyneten vil Lüthen herzlich. Там же.
- [524] Вермантенд умирает эрнстлихом. Булла. Хроника. стр. 263.
- [525] Атер фуэрит - альбус нихил мемини (я не помню, был ли он белым или черным); сомниум эним нарро.
- [526] Фусслин Бейтраге, iv. 64.
- [527] Mit grossen verwundern viler Lüthen und noch mit vil grössern fröuden der Gläubigen. Булла. Хроника. стр. 264.
- [528] Изложение веры. Zw. Opp. ii. 241.
- [529] Ut tranquillitatis et innocentiae studiosos reddat. Zw. Epp. стр. 390.
- [530] De vera et falsa religione commentarius. Zw. Opp. iii. 145-325.
- [531] Peccatum ergo *morbus* est cognatus nobis, quo fugimus aspera et gravia, sectamur jucunda et voluptuosa: secundo loco accipitur *peccatum* pro eo quod contra legem fit. Там же. 204.
- [532] Originali morbo perdimur omnes; remedio vero quod contra ipsum invenit Deus, incolumitati restituimur. De pecc. опиг. declaratio ad Urbanum Rhegium. Там же. i. 632.

[533] Для хирурга Цвинглиуса и всего ансамбля. Zw. Opp. iii. 411.—Ули - это сокращение от Ульриха. Цвингле был священником в Гларисе.

[534] Bey ihm zuletzt sitzen. Кирхгофер против Берна. стр. 55.

[535] Episcopus noster *Вадивиллиус*. Zw. Epp. стр. 285.

[536] Tantum favoris et amicitiae quæ tibi cum tanto summorum pontificum et potentissimorum episcoporum cœtu hactenus intercessit. Zw. Opp. i. anc. ed. лат. 305.

[537] Скрытое невежество в произведении amœnam Evangelii lucem. Там же.

[538] Эпистолярный, эрудиция и гуманизм, локализация яичек. Zw. Epp. стр. 287.

[539] Закон Томистского рынка об обратном. Там же.

[540] Famem verbi Bernates habent. Там же. 295.

[541] Ut nec oppidum, nec pagos Bernatum visitare prætendat omnino. Там же.

[542] Allein das heilig Evangelium und die lehr Gottes frey, öffentlich und unverborgen. Bull. Chr. стр. 111.

[543] Alle Christen sich allenthalben fröuwend des glaubens. Zw. Opp. i. 426.

[544] Christi negotium agitur. Zw. Epp. 9 мая 1523г.

[545] Это монахиня гетан. Der Lutherische Handel muss vorgehen. Аншельм, Вирц, К. Г. н. 290.

[546] Cujus præsidio auxilioque præsentissimo, nos vestram dignitatem assidue commendamus. Zw. Epp. p. 280.

[547] Langsamer gereiniget, verzweifelter stirbt, härter verdammet. Кирхгофер, Реформа. против Берна. стр. 48.

[548] Дасс зи ведер лютер нох трюб сейен. Там же, стр. 50.

[549] Римские писатели, и в частности М. де Галлер, вслед за Салатом и Чуди, обоими врагами Реформации, цитируют фальшивое письмо Цвингле, адресованное примерно в это же время Кольбу в Берн. Это выглядит следующим образом:—

"Здоровья и благословения от Бога, Господа нашего. Дорогой Фрэнсис, действуй осторожно; сначала брось медведю только одну кислую грушу из множества сладких; затем две, а затем и три; а когда он начнет их есть, бросай ему все больше и больше — кислую и сладкую одновременно; наконец, полностью вытряхни из мешка все твердое и мягкое, сладкое, кислое и незрелое; он съест их все и больше не позволит ни их забрать, ни себя прогнать от них. —Цюрих, понедельник перед днем Святого Георгия, 1525 г.

"Твой слуга во Христе, Ульрих Цвингль".

Есть решающие доводы против подлинности этого письма.—I. В 1525 году Кольб был пастором в Вертхаймере; он переехал в Берн только в 1527 году. (См. Zw. Epp. стр. 526.) — М. де Галлер, действительно, очень произвольно заменяет 1527 на 1525 год: это исправление, без сомнения,

было сделано с очень хорошими намерениями; но здесь, к сожалению, Галлер расходится с Салатом и Чуди, которые, хотя и не согласны относительно дня, когда это письмо было упомянуто в сейме, единодушны в отношении года, который у обоих явно 1525.—II. Есть разница в том, каким образом это письмо было обнародовано; согласно одной версии, оно было перехвачено; согласно другой, кто-то из прихожан Кольба передал его жителю небольших кантонов, случайно оказавшемуся в Берне.—III. Оригинал на немецком; но Цвингле всегда писал своим ученым друзьям по—латыни; и, кроме того, он приветствовал их как их *брата*, а не как их *слугу*. Если мы прочтем письма Цвингле, то увидим, что невозможно найти два стиля, более непохожих, чем стиль мнимого письма и его собственный. Цвингле никогда бы не написал письмо, в котором говорилось бы так мало; его послания обычно длинные и полны новостей. Называть жалкую шутку, сохраненную Салатом, *письмом*, — это просто издевательство. -V. Как историк, Салат не заслуживает особого доверия, и Чуди, похоже, скопировал его с несколькими вариациями. Возможно, что человек из небольших кантонов получил сообщение от какого-нибудь бернца о письме Цвингле к Галлеру, о котором мы упоминали во втором томе (стр. 359), где Цвингле с большим достоинством использует то же сравнение медведей, которое, более того, встречается у всех авторов того времени. Возможно, это натолкнуло какого-нибудь остряка на мысль выдумать это поддельное письмо, адресованное Цвингле Кольбу.

[550] Эрем Херрн Иисус нахфольгет в Демуте. Кирхх. Ссылка на v. В. 60.

[551] Zw. Epp. annotatio, стр. 451. От этого брака произошли бернские чайники.

[552] Херцог, "Исследование и критика", 1840, стр. 334.

[553] Причина не в сегодняшнем дне и не в видении. Коллега. ад Пирекх. de Eucharistia.

[554] Das er kein Predigt thate, er hatte ein mächtig Volk darinn, says his contemporary Peter Ryf. Wirtz. v. 350.

[555] OE Коллампадий победоносный. Эпохи. Цвинг нашей эры. Цвинг. Эпп. стр. 312.

[556] Illi magis ac magis in omni bono augescunt. Эпохи. Цвинг нашей эры. Цвинг. Эпп. стр. 312.

[557] И в terram promissionis ducere non potest. L. Epp. ii. 353.

[558] Том I. стр. 13.

[559] "Ille egens et omnibus rebus destitutus quærebat nidum aliquem ubi moveretur. Эразм прославился, пройдя несколько миль, и получил чесотку в доме получателя, одновременно получив титул хора *Евангеликорум*", - пишет Эразм Меланхтону в письме, в котором он пытается оправдаться. Er. Epp. стр. 949.

[560] Обвинение Хаттени.—Эрасми Спонгия.

[561] Нулевые нормы поведения, абсолютный ноль, терпящий бедствие. Zw. Epp. стр. 313.

[562] Auf Eyern gehen und keines zu treten. L. Opp. xix. 11.

[563] Der heilige Geist ist kein Scepticus. Там же. 8.

[564]

Quod mihi dixisti nuper de corpore Christi:
Crede quod habes, et habes;
Hoc tibi rescribo tantum de tuo caballo:
Crede quod habes, et habes.

Paravicini Singularia, p. 71.

[565] Histoire Cathol. de notre temps, par S. Fontaine, de l'ordre de St. François, Paris, 1562.

[566] Quantum hoc seculum patitur. Zw. Epp. стр. 221.

[567] понтифик, цезарь, регент и принципат, доктор этиам и кариссимус амицис, провокатор.
Эразм. Zw. Epp. стр. 308.

[568] Nulla te et ingenio, eruditione, eloquentiaque tua dignior esse potest. Adrianus Papa, Epp. Er. p. 1202.

[569] Res est periculi plena. Er. Epp. стр. 758.

[570] Зрительский танец трагической судьбы. L. Epp. ii. 501.

[571] Как стойко писать в защиту себя. Unschuldige Nachricht, p. 545.

[572] По этому поводу М. Нисар говорит (Erasme, Revue des deux mondes, iii. 411): "Мы скорбим о нашем роде, когда видим людей, способных бороться с вечными истинами, всю свою жизнь защищаясь от тривиальностей, подобно гладиаторам, сражающимся с мухами".

[573] L. Opp. xix. 146.

[574] Это всегда так..... audax, mihi crede, facinus..... ожидаем лапидации. Er. Epp. стр. 811.

[575] Триумфатор нецио.....Факт крещения в смерти лация. Там же. 809.

[576] Обличительная речь арбитра либеро. Эпохи. Opp. ix. 1215, sqq.

[577] Виктория - это истинный источник, не оправдывающий ложных красноречий. L. Epp. ii. 200.

[578] Als wenn einer in silbern oder guldern Schusseln wolte Mist und Unflath auftragen. L. Opp. xix. 4.

[579] Сехет, сехет нун да зу! wo ist nun Luther. L. Opp. xix. 3.

[580] Ille si hic multum sui dissimilis fuerit, clamabunt sycophantæ colludere nos. Эразм. Epp. стр. 819.

[581] Der Wille des Menschen mag.....L. Opp. xix. 29.

[582] Там же. 33.

[583] Там же.

[584] L. Opp. xix. 55.

[585] Там же. 116.

[586] L. Opp. xix. 143.

[587] Нет необходимости утверждать, что я не говорю о личных беседах между этими двумя людьми, один из которых умер в 1600 году, а другой родился только в 1623 году.

[588] L. Opp. xix. стр. 146, 147.

[589] М. Нисард, Эразм, стр. 419.

[590] Порт-Рояль, М. Сент-Бев, i. 20.

[591] Том II. стр. 348.

[592] Vermeintend ein Kilchen ze versammlen die one Sünd wär. Zw. Opp. ii. 231.

[593] Там же. iii. 362.

[594] Impietatem manifestissimam, a sacodæmone, a Nicolao II. esse. Хоттингер iii. 219.

[595] Wie die Apostel von dem Engel Gottes gelediget. Bull. Chr. стр. 261.

[596] Ich bin ein Anfänger der Taufe und des Herrn Brodes. Füssl. Бейтр. i. 264.

[597] Майкл бедурет провидец дас унговиттер. Zw. на Собор Святого Галла, ii. 230.

[598] См. Том I. стр. 145 бот.

[599] Vom Tauf, vom Widertauf, und vom Kindertauf. Zw. Совету Святого Галла, ii. 230.

[600] Итак, у нас есть сусло. Там же. 237.

[601] Mit wunderbaren geperden und gesprächen, verzucken, gesichten und offenbarungen. Bull. Chr. i. 324.

[602] Glych wie Kain den Abel sinen Bruder ermort hat! Булла. Хрон. i. 324.

[603] См. Примечание, том I. стр. 145.

[604] Задание xxxviii. 11.

[605] Фюссли Бейтраге, i. 229-258; ii. 263.

[606] Ohne das er oder die Mutter, sondern nur der Bruder, geweinet. Хотт. Helv. K. Gesch. iii. 385.

[607] Und schüttlet sinen blauen Rock und sine Schüh über die Statt Zurich. Булла. Глава i. 382.

[608] Quod homines seditiosi, reipublicæ turbatores, magistratum hostes, justa Senatus sententia, damnati sunt, num id Zwinglio fraudi esse poterit? Под. Gualteri Ep. ad lectorem, Opp. 1544, ii.

[609] Том I. стр. 145, бот.

[610] Веруем в суть, без науки, без мнения, без воображения. Комментарий. религия веры. Zw. Opp. iii. 230.

[611] Factum est ut Johannes Rhodius et Georgius Sagarus, pii et docti viri, Tigurum venirent, ut de Eucharistia cum Zwinglio conferrent. Lavateri Hist. de origine contro. sacram. Тирури, 1564, стр. 1.

[612] Qui cum ejus sententiam audivissent dissimulantes suam, gratias egerunt Deo, quod a tanto errore liberati essent atque Honii Batavi epistolam protulerunt. Там же.

[613] Доминус для всех, кто придерживается общих традиций. Epist. Christiana per Honnium Batavum Hist. Ev. i. 231-260.

[614] Высказывания евангелиста от всего тела и сангвиника Кристи сумендо и др. Неясно, получил ли Цвингле в это время трактат Весселя "О евхаристии".

[615] Haud aliter hic panem et vinum esse puto quam aqua est in baptismo. Э. Д. Виттенбахия, 15 июня 1523 г.

[616] Zwinglius mihi confessus est, se ex Erasmi scriptis primum hausisso opinionem suam de cœna Domini. Ссылка на корпорацию iv. 970.

[617] Nec enim video quid agat corpus insensibile, nec utilitatem allaturum si sentiretur, modo adsit in Symbolis gratia spiritualis. Er. Opp. iii. 941.

[618] Т. I. стр. 145 бот.

[619] 1 Кор. x. 4.

[620] Diu multumque legit scripta Occami cujus acumen anteferebat Thomæ et Scoto. Меланкт. Вита Лут.

[621] Оккам и Лютер, *Исследования и критика*, 1839, стр. 69.

[622] Кто такой моросиор (Карлштадиус) в церемонии, не ферендис, не адмодум пробо. Zw. Epp. стр. 369.

[623] A manducatione cibi, qui ventrem implet, transiit ad verbi manducationem, quam cibum vocat cœlestem, qui mundum vivificet. Zw. Opp. iii. 573.

[624] Он использовал слово *is* в его обычном понимании, но под *телом* он понимал символ тела.

[625] In morte et in inferno jactatus. L. Epp. iii. 132.

[626] Термин, применяемый к ним их оппонентами, но который они никогда не признавали применимым к себе.

[627] В чем потенциал, так это в том, что мы говорим словами. Zw. Epp. стр. 370.

[628] Общее собрание последователей, великий конфликт времен. Zw. Epp. стр. 371.

[629] Auf solches, ritten sie wieder heim. Там же, стр. 374.

[630] Что происходит между нами? Там же, стр. 351.

[631] Вербис Дайрис abstinete.....откройте Ферте egenis.....спэм certissimam в Део omnipotente reponatis. Zw. Epp. стр. 351. Должно быть, ошибка в датах одного из писем, 14-го и 23-го числа (1524 год), иначе одно из писем Цвингле к своим соотечественникам утеряно.

[632] Статус единства мнений в словах божьих. Там же, стр. 423.

[633] Часть третьего папизма существует в безмерном гладианском расколе между факто. Zw. Epp. стр. 400.

[634] Sie wären gute arme Gesellen mit lehren Secklen. Füssl. Бейтр. i. 358.

[635] Wäre die Griechische und Hebraische Sprache nicht in das Land gekommen. Füssl. Бейтр. i. 360.

[636] Satzte den Fuss wie ein müder Ochs. Там же. 362.

[637] Den Pfeiffern zuzuhören, die.....wie den Fürsten hofierten. Там же.

[638] Blintzete mit den Augen, rumfete die Stirne. Там же. 368.

[639] Vita, moribus et doctrina herbescenti Christo apud Rhætos fons irrigans. Zw. Epp. стр. 485.

[640] Откровение xiii. 5, 6, 7.

[641] Действуй, здравствуй. Pfingsel Montag, 1526. Tschudi.

[642] Дас дер гейнман, один из участников Спора, который все еще был. Bull. Chr. i. 331

[643] Диета из люцерны, 13 марта 1526 года.

[644] Er habe wohl mehr Kühe gemolken, als Bücher gelesen. Zw. Opp. ii. 405.

[645] Видео о том, как одаренный олигарх атк Фабер. Zw. Epp. стр. 484.

[646] Zwingli in ihrem Gebiet, wo er betreten werde, gefangen zu nehmen. Zw. Opp. ii. 422.

[647] Da wollte er gern all sein Lebtag ein Henker genannt werden. Там же. 454.

[648] Wellend wir ganz geneigt syn ze erschynen. Zw. Opp. ii. 423.

[649] Hunc hominem hæreticum damnamus, projicimus et conculcamus. Горячий. Helv. K. Gesch. iii. 300.

[650] С оговорками в конце vestrum.....Zw . Epp. стр. 483.

[651] Навигационный колпачок, оболочка из мокса, депортандумное содержимое моллюсков. Osw. Mус. Vit. Zw.

[652] Цвинглиум Сенатус Тигуринус Баденам димиттер отозван. Там же.

[653] периклитаберис, периклитабимур омнес текум. Zw. Epp. стр. 312.

[654] Ich bin in sechs Wochen nie in das Beth Kommen. Жизнь Платера, стр. 263.

[655] Sie verstunden sich bas auf Kuh mälken. Там же.

[656] Институт Сидена, Дамаст и Саммет беклейдет. Булла. Глава i. 351.

[657] Вербручтен вил вин. Булла. Глава i. 351.

[658] Итак, продолжайте в том же духе. Там же.

[659]

Egg zablet mit fussen and henden
Fing an schelken und schenden, &c.

Современные стихи Николаса Мануэля из Берна.

[660] О том, что ланге был человеком, которого никто не знал. Bull. Chr. i. 353.

[661] Домино за нашу славу, за спасение купимуса и утику пустыни. Zw. Epp. стр. 511.

[662] Man sollte einem ohne aller weiter Urtheilen, den Kopf abhauen. Том. Plateri Lebens Beschreib. р. 262.

[663] Когда они спросили меня: "Что ты собираешься делать?" Я ответил: "Я везу цыплят, чтобы продать джентльменам в банях", потому что они дали мне несколько цыплят в Цюрихе, и часовые не могли понять, как я доставал их всегда и за такое короткое время. Автобиография Плалера, стр. 262. Leben's Beschrieb.

[664] Как лабораторный спор между хостингами. Osw. Мус. Vita. Zw.—Смотрите также несколько работ Цвингле, имеющих отношение к баденскому спору. Указ. ii. Стр. 398-520.

[665] OE Колампадий победил жаке на арене распростертых мертвецов, хербам поррексит. Zw. Epp. стр. 514.

[666] вкратце о том, что происходит перед восстановлением власти. Там же. 513.

[667] Die Evangelische weren wol überschryen, nicht aber überdisputiert worden. Горячий. Helv. K. Gesch. iii. 320.

[668] Фон гемайнер Кирхен уссгестоссен. Bull. Chr. стр. 355.

[669] Plebe Verbi Domini admodum sitiente. Zw. Epp. стр. 518.

[670] Тиллиер, Дело против Берна., iii. 242.

[671] Профессор нобис Бернатес там декстре в деле сервандо берхтольдо суо эгиссе. Экология. объявление Zw. Epp. стр. 518.

[672] Официальные органы Сан-Галленсеса по-прежнему действуют. Zw. Epp. стр. 518.

[673] Kostbare Kleider, Kleinodien, Ring, Ketten, &c. freywillig verkauft. Хотт. iii. стр. 338.

[674] Fideli enim oratione omnia superabimus. Zw. Epp. стр. 519.

[675] Джамдудум папайи, отречение от престола и рождение Христа. Zw. Epp. стр. 455.

[676] Mit höherem Werth and mehr Dankbarkeit dann wir angenommen. Цюрих. Archiv. Absch. Sonntag nach Lichtmesse.

[677] Из Берна в Цюрих, понедельник после *Мизерикорда*. Kirchhoff. B. Haller, p. 85.

[678] Бытие ххv. 23.

[679] Сарданапал (Генрих II.) среди смертных. Эпп Кэлвина. МИСС

[680]

Octo nocens pueros genuit totidemque puellas.
Hunc merito poterit dicere Roma Patrem.

[681] В документе Ebredunensi archiepiscopatu veteres Waldensium hæreticorum fibræ repullularunt. Рейнальд, "Анналы Экклза". 1487 год от Рождества христового.

[682] Повстанческая армия, эскавайр велути аспидес вененососос..... Булла Иннокентия VIII. хранится в Кембридже. Leger, ii. 8.

[683] Главный город Верхних Альп.

[684] "Ревю дю Дофине", июль 1837 г., стр. 35. По пути из Гренобля в Гап, в четверти часа езды от последней почтовой станции и примерно в двух шагах справа от большой дороги, можно увидеть деревню Фарель. До сих пор показано место, где находился дом, в котором жил отец Фарела. Сейчас там находится только коттедж, но по его размерам видно, что он не мог принадлежать обычному дому. Нынешний житель носит фамилию Фарель. Я в долгу за эту информацию перед М. Бланком, пастором Менса.

[685] Gulielmum Farellum, дельфиниум, благородное семейство ортум. Без Икон. Кальвин в письме кардиналу Садоле подчеркивает бескорыстие Фареля—*sorti de si noble maison* (происходил из столь знатной семьи). Опускула, стр. 148.

[686] Du vray usage de la croix, par Guillaume Farel, p. 237.

[687] Использование креста Дю Вреем, У. Фарель, стр. 232.

[688] Я живу в маленьком форте и на берегу савойских лип. Там же, стр. 237. Le premier pèlerinage auquel j'ay esté a esté à la sainte croix. Там же, стр. 233.

[689] Там же, стр. 235-239.

[690] Du vray usage de la croix, par Guillaume Farel, p. 237.

[691] Там же, стр. 238.

[692] Там же, стр. 235.

[693] Горящий источник, цистерны Сассенажа, манна Бриансонская и т. Д.

[694] Cum a parentibus vix impetrassem ad literas concessum. (Фарель, Натали Галеото, 1527. СР. письма, принадлежащие консистории Невшателя.)

[695] A præceptoribus præcipue in Latina lingua ineptissimis institutus. Послание Фарелли.

[696] Жизнь Фареля. СР. в Женеве.

[697] Парижский университет, всеобщий научный центр зеркало веры и политики Главное..... Universit. an. 1396, BulœUs, iv. стр. 806.

[698] Мезерей, том iv. 127.

[699] Брант., Иллюстрированные дамы, стр. 331.

[700] Его жена и сыновья приехали в Женеву в 1540 году, после его смерти.

[701] Unius neque genere insignis. Без икон.

[702] В его Комментарий ко Второму Посланию к Фессалоникийцам. будет найден любопытный рассказ о Мекке и ее храме, предоставленный ему каким-то путешественником.

[703] Фабро, ви́ро-кво-ви́х в многомиллионных репериях полностью интегрирован и полностью гуманизирован, говорит Эразмус. Ерр. стр. 174.

[704] Барбарийская нобилиссимская академия.....действующий президент. Beza Icones.

[705] Выше модуса, я имею в виду целое число и кандидатуру, я могу решать, лудить, оспаривать, управлять всем. Zw. Ерр. стр. 26.

[706] Ер. о взаимоотношениях между сеньорами, людьми и пастырями.

[707] Floribus jubebat Marianum idolum, dum una soli murmuraremus preces Marianas ad idolum, ornari. Фарел - Пелликану, 1556 год.

[708] Geneva MS.

[709] Ер. de Farel. A tous seigneurs и т. Д.

[710] То же самое касается перджере и промовере, а также усиления ретроцедебатов. Фареллус Галеото, МИСС Письма в Невшатель.

[711] Quæ de sanctis conscripta offendebam, verum ex stulto insanum faciebant. Фареллус Галеото, МИСС Письма в Невшатель.

[712] Farel. A tous seigneurs и т. Д.

[713] Там же.

[714] Глаза ослаблены, видимость не подтверждена. Farellus Natali Galeoto.

[715] Глаза люси авертебам. Farellus Natali Galeoto.

[716] Для вас, сеньоры.—Смотрите также его письмо Пелликану. Ante annos plus minus quadraginta, me manu apprehensum ita alloquebatur: "Gulielme, oportet orbem immutari et tu videbis!"

[717] Для сеньоров, людей и пастырей.

[718] Первое издание его Комментария к Посланиям Святого Павла, если я не ошибаюсь, датировано 1512 годом. Копия сохранилась в Королевской библиотеке Парижа. Я цитирую второе издание. Ученый Симон говорит ("Наблюдения над Новым Заветом"), что "Джеймс Лефевр заслуживает того, чтобы быть причисленным к самым искусным комментаторам своего времени". Мы должны воздавать ему больше хвалы, чем эта.

[719] Solus enim Deus est qui hanc justitiam per fidem tradit, qui sola gratia ad vitam justificat æternam. Фабри Комм. в Епп. Паули, стр. 70.

[720] Illa umbratile vestigium atque signum, hæc lux et veritas est. Fabri Comm. в Епп. Паули, стр. 70.

[721] Кревье, историк. de l'Université, v. 95.

[722] Опера "Знак живой веры", с последующим обоснованием. Фабри Комм. в Епп. Паули, стр. 73.

[723] Радиус седалищной кости уменьшает вибрацию подошвы, это оправданно. Там же.

[724] Farel. A tous seigneurs.

[725] Отсутствует сложная фракция, отсутствует небольшая, извилистая, словесная причина, причиняющая боль территории. Без икон.

[726] О неэффективная реклама!.....Fabri Comm. 145, verso.

[727] Inefficax est ad hoc ipsum nostra voluntas, nostra electio: Dei autem electio efficacissima et potentissima est, &c. Ibid. p. 89, verso.

[728] Si de corpore Christi, божественное изобилие. Fabri Comm. p. 176, verso.

[729] И девственные гремио-тенентем, и учтивые проповеди- ошибка. Там же, стр. 208.

[730] Далеко. A tous seigneurs.

[731] Кревье, Hist. de l'Université de Paris, v. 81.

[732] Далеко. A tous seigneurs.

[733] Далеко. A tous seigneurs.

[734] Animus per varia jactatus, verum nactus portum, soli hæsit. Фарел Галеото.

[735] Повторная фация джема. Там же.

[736] Notior scriptura, apertiores prophetæ, lucidiores apostoli. Там же.

[737] Агнита пасторис, магистр и проповедник Христа, вокс. Там же.

[738] Далеко. A tous seigneurs.

[739] Конструктор Lego sacra ut causam inveniam. Фарел Галеото.

[740] Рукопись "Жизнь Фареля, Женевы и Шупара".

- [741] Звуков много, песен бесчисленное множество. Фарел Галеото, госпожа Невшатель
- [742] Верьте в решение проблемы. Фарел Галеото, госпожа Невшатель
- [743] Биограф. Университет искусств. *Оливетан*. История. "о кальвинизме", Майбур, стр. 53.
- [744] Религия чистоты побуждает к борьбе с агрессией. Beza Icones.
- [745] Так в оригинале ex Stapulensis auditorio представлена множеством продуктов. Там же.
- [746] См. Том II. стр. 281.
- [747] "Жизнь иллюстративных дам", стр. 333. La Haye, 1740.
- [748] Там же. стр. 337.
- [749] "Жизнь иллюстративных дам", стр. 346.
- [750] Римлянам xvi. 11; Филиппам iv. 22.
- [751] История возрождения. de l'édit. de Nantes, i. 7. Maimbourg, Hist. дю Кальв. стр. 12.
- [752] Этот отрывок взят из рукописи Королевской библиотеки в Париже, озаглавленной *Письма Маргариты, королевы Наваррской*, и помечен S. F. 337. У меня еще будет возможность часто цитировать рукопись, расшифровка которой вызвала у меня большие трудности.
- [753] Там же.
- [754] Будущий король потенциальных возможностей.....квази-предсердия человека и будущего. Без Икон.—Disputationibus eorum ipse interfuit. Флор. Ræmundi Hist. de ortu hæresum, vii. 2.
- [755] Майбург, История. du Calvinisme, p. 17.
- [756] Маргарита де ла Маргарита де принцесс. Лион. 1547, том i. Мир печали, стр. 15. Копия, которой я воспользовался, по-видимому, принадлежала самой королеве Наваррской, и некоторые заметки, содержащиеся в нем, как говорят, сделаны ее собственной рукой. Сейчас она находится во владении друга автора.
- [757] Там же. стр. 18, 19.
- [758] Маргариты и др. Разногласия между духом и креслом, стр. 73. (Переводчик постарался сохранить оригинальность оригинала как в рифме, так и в ритме).
- [759] Там же. Miroir de l'ame, p. 22.
- [760] Там же. Разногласия в духе, стр. 71.
- [761] "Иллюстрированная жизнь женщин", стр. 33.
- [762] Там же.
- [763] "Иллюстрированная жизнь женщин", стр. 341.
- [764] Двуногий омниум ближайший. Белкарий, xv. 435.

[765] Сисмонди, Hist. des Français. xvi. 387.

[766] Матье, i. 16.

[767] Кревье, в. 110.

[768] Фонтейн, Hist. Католич., Париж, 1562, стр. 16.

[769] Раумер, Геш. Европа. i. 270.

[770] В книге ооо Беда солнца три миллиона монахов. Эразм. Ерр. стр. 373.

[771] Талиб Атлантибус нититур Римская Церковь. Там же, стр. 1113.

[772] Но не слухи о том, что такое наглость, остаются безнаказанными в illum exortus. Ер. Ерр. стр. 1278.

[773] Гайяр, Hist. de François I.

[774] Мир добра в эгеносе и друзьях. Ер. Ерр. стр. 1238.

[775] Constitutionum ac rituum ecclesiasticorum observantissimus. Там же.

[776] Деяния мучеников деКрепена, стр. 103.

[777] Максимальный омниум крабоедов в иписе черной дыры.....Без икон.

[778] Gallia fortassis alterum esset Luterum nacta. Без икон.

[779] Нис, осведомленный, одетый как синт-лютеранская фракция. Ер. Ерр. стр. 889.

[780] Гайяр, Hist. de François I. iv. 228.

[781] Раньше в Парижском университете было принято делить своих членов на четыре нации: а именно. Франция, Пикардия, Нормандия и Германия.—Тр.

[782] Хист. du Calvinisme, p. 10.

[783] Иллюстрированная жизнь людей, i. 326.

[784] Maimbourg, стр. 11.

[785] В пользу многочисленных выгод, в пользу тантиса и студийного товара. Epist. посвящение Эпп. Pauli.

[786] Примерно в это же время (1579 г.) среди членов Лиги сформировалось популярное общество, более жестокое по своим принципам, которое получило название *Шестнадцать* (Seize) по числу его руководящего комитета, каждый из которых стал религиозным агитатором во многих кварталах Парижа. Всеобщая история Уайта, стр. 459.

[787] Решение суда по поводу сѳеобium illorum ac ventrem explendum имеет отношение к делу. Закон Март. стр. 334.

[788] Г-жа Мо. Я в долгу перед любезностью месье Ладевеза, пастора в Мо, за копию этой рукописи, которая хранится в этом городе.

[789] Г-жа Мо.

[790] Это в епархии *universa sua prædicationem interdixit*. Закон. Март. стр. 334.

[791] *Histoire Généalogique de la maison des Briçonnets*, by Eug. Бритонно, опубликованный в 1621 году и цитируемый в *Semeur* от 4 мая 1842 года.

[792] Часто встречающиеся признаки перерождения человека при умирании. Ланной, История Наваррской гимназии. стр. 261.

[793] *Ce fut la persécution qui se suscita contre eux à Paris en 1521, qui les obligea à quitter cette ville. Vie de Farel, par Choupard.*

[794] Иоанн iii. 19.

[795] Гишемон, историк. *de Savoie*, ii. 180.

[796] Мир вишересс. *Marguerites de la Marguerite*, i. 36.

[797] Письма Маргариты, королевы Наваррской, из Королевской библиотеки в Париже. S. F. 337 (1521).

[798] Письма Маргариты, госпожи С. Ф. от 12 июня 1521 года.

[799] Г-жа де Мо.

[800] MS. S. F. 227, de la Bibl. Королевский дворец.

[801] Гишемон, История. *de la maison de Savoie*, ii. 181.

[802] *Chanson spirituelle après la mort du Roi. Маргариты*, i. 473.

[803] Г-жа Библ. Roy. S. F. 337, датированная 10 июля.

[804] Там же.

[805] Все во Христе.

[806] Г-жа S. F. 337. Библ. Рой.

[807] Подлинная студия *aliis declarandæ inflammatus*. Акт. Мартирум, стр. 334.

[808] Г-жа Библ. Королевский дворец.

[809] Боссюэ.

[810] *Reges, principes, magnates omnes et subinde omnium nationum populi, ut nihil aliud cogitent.....ac Christum.* Фабри. Связь. на еванг. Præf.

[811] Уничтожение генциума опытного человека и Евангелия луки. Фабри Комм. на еванг. Præf.

[812] Глагол Dei достаточен. Там же.

- [813] Hæc est universa et sola vivifica Theologia.....Christum et verbum ejus esse omnia. Там же. у Ев. Йохана. стр. 271.
- [814] Длина файла. Библиотека. sacrée, 2d edit. p. 42.
- [815] Закон. Рынок. стр. 182.
- [816] Histoire Catholique de notre temps, par Fontaine, de l'ordre de St. François. Париж, 1562 год.
- [817] Эти сведения взяты из нескольких старых и сильно выцветших бумаг, найденных в церкви Ландузи-ла-Вилль в департаменте Эна М. Колани, в то время пастором этого места.
- [818] Закон. Март. стр. 182.
- [819] Г-жа Библ. Рой. С. Ф. № 337.
- [820] История. Catholique de Fontaine.
- [821] Закон. Март. стр. 182.
- [822] Г-жа Библ. Рой. С. Ф. № 337.
- [823] Par le commandement de Madame à quy il a lyvré quelque chose de la sainte Escripature qu'elle désire parfaire. Там же.
- [824] Там же.
- [825] "Маргариты", i. 40.
- [826] Г-жа Библ. Рой. С. Ф. № 337.
- [827] Фарель, эпитр герцога Лотарингского, генерал 1634г.
- [828] M.S. Bibl. Roy. S. F. № 337.
- [829] История. Généalogique de Briçonnet, ad annum.
- [830] Г-жа Библ. Рой. С. Ф. № 337.
- [831] Что касается глагола, то здесь модно не усердствовать, что касается христианской сути. Præf. Связь. в Еванг.
- [832] Фарель, как избежать существования в Париже. Беза, История. Еккл. i. 6.
- [833] Во дворце версатус, как родоначальник дипломатической миссии и секретариата ессет. Ягненок. Epistola ad Galliæ Regem.
- [834] Влечет за собой множество ужасных последствий. Там же.
- [835] Олим соблазнитель и преступник. Там же.
- [836] Нормы поведения как второстепенные в разговоре, привычка отвергать. Wittenberg, 1523.

[837] Настоятельно призываю меня со скрытой силой ответить на вопросы (конфиденциально не чужой, а Домини спириту) священной литературной студии. Толкование в "Апокалипсисе Святого Иоанна", преф.

[838] Ламберт фон Авиньон, автор профессора Баума.

[839] Non aliter dormuisse multo tempore quam in scamno nudo sedentem. Lamb. de sacro conjugio.

[840] Сделать второе высшее правосудие сопряженным фактом. Там же.

[841] Уребар тамен этиамси неизвестен Али. Там же.

[842] Тамеси не может жить спокойно и по-разному на континенте, не может жить спокойно хабуи. Там же.

[843] Том II. стр. 381.

[844] Алис паукулис либеллис старательный лектис. Без икон.

[845] Полнота веры. Там же.

[846] См. Том II. стр. 97.

[847] Cet hérétique écrivit des pancartes qu'il attacha aux portes de la grande église de Meaux (MS. de Meaux). Смотри также Иконы Безе; Деяния мучеников Креспена и др.

[848] История. Экклз. de Th. de Bèze, p. 4. Hist. des Martyrs de Crespin, p. 92.

[849] Деяния мучеников, стр. 183.

[850] Там же.

[851] Суть обвинения, там голос, там сценарий. Без икон.

[852] Не соответствует призыву Богородицы к Святому Духу. Эразм. Epp. 1279.

[853] История Гайяра. de François I. iv. 241. Crévier, Univ. de Paris, v. 171.

[854] К Евреям vi. 4; 1 Иоанна v. 18.

[855] В карцере есть проток, реус хересеос периклитатус. Эрасми Эпп. 1279; Кревье; Гайяр; лок. цит.

[856] О том, что произошло с pœnias. Эразм. Epp. 1279.

[857] В судебных инстанциях, ubi виноват в причинно-следственных связях, по сути, нулевом моменте, абсолютизирует человека. Там же.

[858] Из послания к вам есть mihi vir bonus. Там же.

[859] Синерет крабон и его студийный обтекатель. Там же.

[860] Поймите, я не вовлечен в это дело. Там же.

- [861] Ille, ut habebat quiddam, коммуна Пальма, противодействие врагам. Там же. Вероятно, имеется в виду "Естественная история" Плиния, xvi. 42.
- [862] История. de l'Université, par Crévier, v. 203.
- [863] Гайяр, Hist. de François I. v. 234.
- [864] "Комильфо, человек ловкий, эсквайр осужден", - говорится в Кревье, против 203.
- [865] Заключение Игнацио Лойолу в амицитиам. Лауной, История гимназии Наварры, стр. 621.
- [866] Деяния мучеников, стр. 99.
- [867] Деяния Апостолов, xviii. 3, 4.—Второй пример апостолов Коринфских. Без икон.
- [868] Les chroniques de la ville de Metz. Metz, 1838.
- [869] Апуд встречался с mihi nonnulla Lutherana communicare dignatus sis. Дружба с Агриппой, Epp. lib. iii. ep. 10.
- [870] Ламберт фон Авиньон, автор Prof. Баум, стр. 59.
- [871] Хроники Меца, 1523 год.
- [872] Там же. стр. 808.
- [873] Обращение к познанию Мира. Закон. Март. стр. 180.
- [874] Y vient ung, se disant docteur, qui premier avait esté religieux et à présent estait marié. Chroniques de Metz, p. 807.
- [875] Против преследования на самом деле нищих; михи на всеобщее обозрение vir. L. Epp. ii. 302.
- [876] Aliquid nostri Martini consilio exordiar, vel Oseam Prophetam, vel Psalmos, vel Lucam, vel aliquid tale. Schelhorn, Amœnitates Litt. iv. 336.
- [877] Veniunt passim Wittembergam Comites, Equites, Nobiles, et alii etiam e Gallia nostra ut te inclytum Ducem (the Elector) videant, et Præfectum Operum, M. Lutherum. Комментарий. в Осейм преф.
- [878] В Галлии существует всеобщая и абсолютная магистратура, искренне желающая истинных дилетантов. Шельхорн, Аман. iv.
- [879] Si inveniatur qui imprimat non tantum Latine sed Gallice et Italice, hæc atque alia tradam. Там же.
- [880] Quod ad me ex Amburgo nuntii advenerint tractatus Gallicos postulantes; aiunt enim quod illic sit qui ea lingua elimatissimos posset cudere libros. Там же, стр. 343.
- [881] Суть навигации в книге Галлиама миттита. Там же.
- [882] Исайя xliii. 16.

[883] Многозначный сценарий потиссимуа в галльской миси. Junior quippe nobilis Claudius de Tauro abiit. Там же.

[884] Potius ad nos illinc, quam ad vos hinc, cuiquam migrandum esse. L. Epp. ad Gerbellium Strasburg, ii. 438.

[885] Общий аудит Нес, так называемый "оккупационный" по собственному усмотрению. Там же. 437.

[886] B gravissima вызывает недоумение. Lambert de Fidelium vocatione, cap. 22.

[887] In priore vocatione erat pax et serenitas; in alia vero multa et eadem gravissima, etiam mortis pericula erant.

[888] Никаких просьб о мизеро, если мы попросим виксдум сомниум каперет. Там же.

[889] Является Доминирующим, а не противоречащим какому-то правилу. Там же.

[890] Et sors cecidit super vocatione secunda. Lambert de Fidelium vocatione, cap. 22.

[891] Ut non clauderetur omnino os Deum laudare volentis. Там же. Я согласен с профессором Баумом в том, что повествование Ламберта относится к этому обстоятельству.

[892] Судьи vi. 20-40.

[893] Sed mox insanavit tota Antichristi cohors, nempe canonici, monachi, inquisitor, officialis, et reliqui qui sunt ex parte eorum et me capere voluerunt. Epistola ad Franciscum regem.

[894] В целом, так называемое бегство, квази-не-бегство. Hæc est fuga omnibus perfectissimis conveniens. De vocatione fidelium, cap. 15.

[895] Cum equitabam in arundine longa, memini sæpe audisse me a matre venturum Antichristum cum potentia magna, perditurumque eos qui essent ad Eliæ prædicationem conversi. Тоссанус Фарелло, 4 сентября 1525 года, член конклава в Невшателе.

[896] Там же. 21 июля 1525 года.

[897] Levemus interim capital nostra ad Dominum qui veniet et non tardabit. Тоссанус Фарелло, 4 сентября 1525 года.

[898] Clarissimum illum equitem.....cui multum familiaritatis et amicitiae, cum primicerio Metensi, patruo meo. Там же. 2 августа 1524 года.

[899] Там же. 21 июля 1525 г. Госпожа из Невшателя.

[900] Исход хх. 4; ххiii. 24.

[901] То, чем многие восхищаются в стихах, они осуждают в истории.

[902] Божественный духовный импульс. Без икон.

[903] Причина, по которой урбис портас признан недействительным.

[904] Итоги гражданского обсуждения на аукционе по защите прав потребителей. Закон. Март. Лат., стр. 189.

[905] Абрепто шейно-нижнечелюстного сустава, эндометриоз плеча, утроение *ipsisque mammiis crudelissime perustis*. Bezæ Icones; MS. de Meaux, Crespin, &c.

[906] Сольные концерты Altissima. Без икон.

[907] Противоборство на территории, особенно подтвержденное. Без икон.

[908] Немо не общается, внимательный. Закон. Март. Лат., стр. 189.

[909] Возрастная стадия *aspidis serpentis* лечит все сопутствующие заболевания. Там же, стр. 183.

[910] Удаление цифровой пластинки стекловидного тела человека. Там же, стр. 66.

[911] Choupard MS.

[912] Farel, gentilhomme de condition, doué de bons moyens, lesquels il perdit tous pour sa religion, aussi bien que trois autres siens frères. Женева, МИСС

[913] Il prêcha l'évangile publiquement avec une grande liberté. Шупар МИСС

[914] Там же; История. des Evêques de Nismes, 1738.

[915] Il fut chassé, voire fort rudement, tant par l'évêque que par ceux de la ville. Шупар МИСС

[916] Олим эррабундус из рода *silvis*, из рода *nemoribus*, из рода *aquis vagatus sum*. Fare ad Capit. de Bucer. Базиль, 25 октября 1526 г., письмо мисс Невшатель.

[917] Без защиты от круч, преследований и сатанинской махинации. Фарел Галеото.

[918] Деяния viii. 4.

[919] Nunquam in externis quievit spiritus meus. Коктус Фарелло мисс в конклаве Невшатель.

[920] Вирус есть всеобщий, доктринальный кларион, и он является важным гуманитарным документом в долгосрочной перспективе. Zw. Epp. стр. 319.

[921] В письме Фарелу он подписывается сам: *Filius tuus humilis*. 2 сентября 1524 года.

[922] Отец лестис анимум, так же как и он, продолжает жить. Цвинглиус Себвилл, Epp. стр. 320.

[923] Азотистый, чистый, священный препарат в животном мире. Там же.

[924] Мой брат Анн Мон Кок, кавалер, участник войны со мной, наследник сына. МИСС письма в библиотеке в Невшателе.

[925] Mire ardens в Евангелиуме, - говорит Лютер Спалатину. Epp. ii. 340; Sehr brünstig in der Herrlichkeit des Evangelii, said he to the Duke of Savoy. Там же. 401.

[926] Evangelii gratia huc profectus e Gallia. L. Epp. ii. 340.

[927] Hic Gallus eques.....оптимус вир эст, эрудитус пий. Там же.

[928] Ein grosser Liebhaber der wahren Religion und Gottseligkeit. L. Epp. ii. 401.

[929] Боящиеся Бога ни в чем не нуждаются. Hist. Gén. de la Maison de Savoie, par Guichenon, ii. 228.

[930] Eine seltsame Gabe und hohes Kleinod unter den Fürsten. L. Epp. ii. 401.

[931] Der Glaube ist ein lebendig Ding. L. Epp. ii. 402. Латыни не хватает.

[932] Dass ein Feuer von dem Hause Sophoy ausgehe. L. Epp. ii. 406.

[933] Как увидеть мир и его принципы ноздри. L. Epp. ii. 340.

[934] Сумма за вычетом, привычка, эро, любовь, слава всем мужчинам в Европе. Кокт. Эпп. госпожа из Невшателя.

[935] Французская часть Швейцарии, включающая кантоны Женевы, Во, Невшатель и часть кантонов Фрибург, Берн и Валуа.

[936] Эфес. iv. 16.

[937] Приветствую семпера хабуи в качестве первого коллоквиума. Фарел - Буллингу. 27 мая 1556 года.

[938] Крепость в документе турецкого посредника Фелиция. Zw. et Ecol. Epp. p. 200.

[939] Mi Farelle, spero Dominum conservaturum amicitiam nostram immortalem; et si hic conjungi nequimus, tanto beatius alibi apud Christum erit contubernium. Там же, стр. 201.

[940] Ничто не является причиной праздника. Эр. Эпп. стр. 179.

[941] Консилиум по так называемому тушению возгорания лютеранской. Там же.

[942] Ничто не видело менация, вирулентия и мятежа. Там же. 798.

[943] Acidæ linguæ et vanissimus. Там же. 2129.

[944] Скабиоз.....рабиоз..... Эр. Эп. стр. 350.

[945] Без сомнения, является агентом духа Сатаны. Там же.

[946] Главный аргумент. Там же, стр. 804.

[947] Ut diceret negotiatorem quemdam Dupletum hoc dixisse. Там же, стр. 2129.

[948] Si Deus est, inquit, invocandus est. Er. Epp. стр. 804.

[949] Упущение в споре, нам грозит пох. Там же. стр. 804. У нас есть только отчет Эразма об этом разговоре; он сам сообщает нам, что Фарел сообщил об этом совсем по-другому.

[950] Damit er gelehrt werde, ob er irre. Фуссли Бейтр. iv. 244.

[951] Aus Eingiessung des heiligen Geistes ein christlicher Mensch und Bruder. Там же.

[952] Гулиельмус Фареллус Христианис лекторибус, смерть марсианина после воспоминаний. Füssli Beytr. iv. 247. Фюссли не приводит латинский текст.

[953] В заключение рассмотрим Галло илло. Zw. Epp. стр. 333.

[954] Окончательный вывод на латыни по делу без споров. Zw. Epp. стр. 333.

[955] Agunt tamen magnos interim thrasones sed in angulis lucifugæ. Там же.

[956] Incipit tamen plebs paulatim illorum ignaviam et tyrannidem verbo Dei agnoscere. Там же.

[957] В целом Сорбоникам приносит пользу, а не вред. Кол. Лютеро, Epp. стр. 200.

[958] Farello nihil candidius est. Там же.

[959] Verum ego virtutem illam admirabilem et non minus placiditate, si tempestive fuerit, necessariam. Там же.

[960] Adeo hospitem habemus rationem, veri Sodomitæ. Zw. Epp. p. 434.

[961] Гулиельмус, как и любой другой исследователь, проводит операцию. Zw. и др. Epp. стр. 175.

[962] Принц, избегающий познания Зла. Farel, Sommaire, c'est à dire, brève déclaration de G. Фарел, в заключительной части.

[963] Там же.

[964] Там же.

[965] Etant requis et demandé du peuple et du consentement du prince. Лето.

[966] Фарель, Саммер.

[967] Обращение к имени Бога. Там же.

[968] Леонинам великодушная колумбина modestia франгас. Эпп. стр. 198.

[969] Смотрите том I. страница 2.

[970] Это сравнение использовал один из друзей Фареля во время его пребывания в Монбельяре. Strenuum et oculatum imperatorum, qui iis etiam animum facias qui in acie versantur. Тоссанус Фарелло, мисс на конклаве в Невшателе, 2 сентября 1524 года.

[971] Бурлящая и проксимальная Бургундия, на фалликум кемдам Галлум и Галлию профугус. Er. Epp. стр. 809.

[972] Suppullulare qui omnes conatus afferant, quo possit Christi regnum quam latissime patere. Рукопись Невшателя, 2 августа 1524 года.

[973] Вопрос в Галлийском своде священных слов в dies magis ac magis elucescat. Там же.

[974] Факт крещения в Латинской Америке, распространение в Сабудиаме, Лоторингии, Франции. Эразм. Epp. стр. 809.

[975] De Sebviliu Кокту, 28 декабря 1524 года. Невшатель ср.

[976] Elle a ung docteur de Paris appelé maître Michel, Eleymosinarius, lequel ne prêche devant elle que purement l'évangile. Невшатель ср.

[977] Там же.

[978] Там же.

[979] Там же.

[980] Arandius prêche à Mascon. Встреча с Фарелем, декабрь 1524 г., Невшатель, ср.

[981] После взятия Макона в 1562 году губернатор Сен-Пон позабавил распутных женщин, приглашенных к его столу, тем, что забрал нескольких гугеноток из тюрьмы и заставил их *прыгнуть* (sauter) с моста через Сону в реку. Добавляется, что он не ограничивал свою дикую жестокость гугенотами, но хватал других людей, не запятнанных ересью, и предавал их такой же бесчеловечной смерти.

[982] Il y a eu deux grands personages à Grenoble. Невшатель ср. Титул *мессира*, данный Дю Бле в письме Кока, указывает на высокопоставленного человека. Я склонен думать, что эпитет *переговорщик*, применяемый к нему в других местах, относится к его деятельности; однако возможно, что он был крупным лионским купцом.

[983] Предполагаю, что после макросъемки я буду в Sebvillam exarserint. Анемон - Фарелю, 7 сентября 1524 года. Невшатель, ср.

[984] Les Thomistes ont voulu procéder contre moi par inquisition et caption de personne. Письмо из Себвилла. Там же.

[985] Si ce no fut certains amis secrets, je estois mis entre les mains des Pharisiens. Письмо из Себвиля, г-жа Невшатель

[986] Там же.

[987] Решение не теплое, а холодное. Невшатель ср.

[988] Tuo cognato, Amedeo Galberto exceptis. Там же.

[989] Mais de en parler publiquement, il n'y pend que le feu. Там же.

[990] Le samedi des Quatre-Temps. Dec. 1524. Невшатель СР.

[991] Pour vray Maigret a prêché à Lion, maulgré les prêtres et moines. Там же.

[992] Невшатель СР.

[993] Histoire de François I. par Gaillard, iv. 233.

[994] Питер Туссен - Фарелю, Базель, 17 декабря 1524 года. Невшатель СР.

[995] Генеральный комитет Евангелического общества Женевы, который направляет во Францию сотню миссионеров и *корреспондентов*, почти полностью состоит из потомков французских беженцев.

[996] Послание к Евреям xii. 28.

[997] Галлис верборум Деи ситиентибус. Встреча с Фарелем, 2 сентября 1524 г., Невшатель, МИСС

[998] Недолго пребывать вечно, до тех пор, пока не наступит спокойствие первобытного существа, и т.д. Osw. Mус. to Coct. Там же.

[999] Невшатель, госпожа, 21 декабря 1525 года.

[1000] Там же.

[1001] Multis jam christianis Gallis dolet, quod a Zwinglii aliorumque de Eucharistia sententia dissentiat Lutherus. Туссен - Фарелю, 14 июля 1525 года.

[1002] Как обычная рекомендация. Туссен - Фарелю, 2 сентября 1524 г., Невшатель, ср.

[1003] Оптографировать Евангелизм Галлиама в изобилии. Спасибо Фарелю, г-жа Невшатель

[1004] Без учета денежных средств. Там же.

[1005] Имеет место множественная ошибка. Там же.

[1006] An censes inveniri posse Lugdunæ, Meldæ, aut alibi in Galliis qui nos ad hæc juvare velint. Спасибо Фарелю, г-жа Невшатель

[1007] Вогри - Фарелю, Базель, 29 августа 1524 года. Невшатель ср.—Стоимость флорина составляет около 1,9 динара стерлингов.

[1008] Mitto tibi librum de instituendis ministris ecclesiæ cum libro de instituendis pueris. Письмо Фарелю, 2 сентября 1524 года. Там же.

[1009] Невшатель MS.

[1010] Вогри - Фарель, госпожа Невшатель

[1011] Вечный дух, божественное творение. Кол. Ерр. стр. 200.

[1012] Придирка си маятнику, глушение Христовой дефекации. Невшатель СР.

[1013] Der Christliche Handel zu Mümpelgard, verlossen mit gründlichen Wahrheit.

[1014] Вопрос евангелистам, а не тираническим законодателям. Кол. Ерр. стр. 206.

[1015] Я в книге божественных легенд о любимом человеке, написанной для меня.....в институте реморари нитунтур. Туссен - Фарелю, 2 сентября 1524 г., Невшатель, ср.

[1016] Замять проксимальную капуло. Невшатель СР.

[1017] Книги для меня посвящены пленкам слезной системы, задающим вопросы о малом и окончательном лактации, и с. Neufchatel MS.

[1018] Суть консультирования Колумбийского университета..... Там же.

[1019] Кто принес себя в жертву. Там же.

[1020] Ut Christi regnum quam latissime pateat. Там же.

[1021] Qu'il s'en retourne à Metz, là ou les ennemis de Dieu s'élèvent journellement contre l'Evangile. Туссен - Фарелю, 17 декабря 1524 г. Там же.

[1022] Соглашаюсь с тем, что братство твоих эпистолам не проявит себя, наступит конец их немощи. Визит в Фарел, 2 сентября 1524 года.

[1023] По адресу: Farel, декабрь 1525, Neufchatel MS.

[1024] Там же. январь 1525г.

[1025] "Ревю Дофине", ii. стр. 38; Шупар г-жа

[1026] М. Кирхгофер в своей книге "Жизнь Фареля" приводит это обстоятельство как неопределенную традицию; но оно передано протестантскими авторами, и мне кажется, что оно вполне согласуется с характером Фареля и страхами Oecolampadius. Мы не должны закрывать глаза на слабости реформаторов.

[1027] Врожденный дефект, вызывающий у меня размышления о Мампельгардуме амаре. Фарелли Эпп.

[1028] Что такое анемунди спиритум, варенье из первых специй. Миконий - Фарелю, госпожа Нефшатель

[1029] Действия, совершенные ipsos, автоматически отменяются в городе Галлия. Во франках. Рег. Комментарий. на кантском языке.

[1030] Ab hæresis et impietatis latere legatum. Epistola ad Franciscum G. R. præf. Comm. de Sacra conjugis.

[1031] Есть осень в непосредственной близости от алиены, когда потенциал Галлии достигает плечевого пояса. De Causis Excusationis, p. 76.

[1032] Сообщение. до Франка. Р. Преф. Комментарий. на кантском. Кантский.

[1033] "Маргариты де ла Маргарит", i. 29.

[1034] Официальные письма короля Наварры, стр. 170.

[1035] Lettres de la reine de Navarre à François, i. p. 27.

[1036] Plus quam scurrilibus conviciis debacchantes. Er. Francisco Reig, p. 1108.

[1037] В словах это подтверждается самим собой, подтверждается, дополняется. Там же. 887.

[1038] Покончим с италией, вернемся к истокам.....одно животное в заговорщицеской опере meritoria. Natalis Bedæ Apologia adversus clandestinos Lutheranos, fol. 41.

[1039] Мазуриус выступал против оккультно-лютеранских проповедей, недавно выступил с публичным разоблачением. Lannoi, regii Navarræ gymnasii historia, p. 621.

[1040] История университета, пар Кревье, v. 196.

[1041] О католической религии во Франции, округ Лезо. СР. в библиотеке Святой Женевьевы, Париж.

[1042] Рукопись в библиотеке Ste. Парижская Женевьева, из которой я процитировал этот отрывок, носит фамилию Лезо, но в каталоге указана фамилия Лефебр.

[1043] История. de l'Univ. par Crévier, v. 204.

[1044] In the library of the pastors at Neufchatel there is a letter from Seville, in which the following passage occurs: "Je te notifie que l'évêque de Meaux en Brie près Paris, *cum Jacobo Fabro Stapulensi*, depuis trois mois, en visitant l'évêché, ont brûlé actu toutes les images, réservé le crucifix, et sont personnellement ajournés à Paris, à ce mois de Mars venant, pour répondre *coram supremâ curiâ et universitate*." Я склонен считать этот факт достоверным, хотя Севиля не было на месте и что ни Мезере, ни Даниэль, ни Майбург не упоминают об этом. У этих романистических авторов, которые очень кратки, могли быть причины умолчать об этом, рассматривая проблему судебного процесса; и отчет Севиля в других отношениях согласуется со всеми известными фактами. Вопрос, однако, сомнительный.

[1045] История. de l'Univ. par Crévier, v. 204.

[1046] Майбург, История. дю Кальв. стр. 14.

[1047] СР. в Королевской библиотеке (Париж) S. F. № 337.

[1048] Майбург, История. дю Кальв. стр. 15.

[1049] Перкуторный крест статимного ужаса. Без икон.

[1050] Слабоумный. Там же.

[1051] Верховный епископ этиам требует проведения судебного консилиума. Launoî, regii Navarræ gymnasii hist. p. 621.

[1052] Ниси турпи палинодия прославляет всех, кроме сиби, в публикации. Без икон.

[1053] Мезере, ii. 981; Даниэль, vi. 544; Морери, арт. Briçonnet.

[1054] Perpendens perniciosissimam dæmonis fallaciam.....Квантовая Occurri валуи. Nat. Bedæ Apolog. adv. Лютеранос, фол. 42.

[1055] Дж. Лелонг, Библиот. sacrée, 2d partie, p. 44.

[1056] От Матфея х. 14, 23.

[1057] Как оправдать доминанту лица, но как оправдать педибус. Фабер в Ev. Matth. стр. 40.

[1058] Faber stapulensis et Gerardus Rufus, clam e Gallia profecti, Capitonem et Bucerum audierunt. Melch. Адам. Vita Capitonis, p. 90.

[1059] Об общей доктрине, исходящей из логики, и об итоговой диссертации. Там же.

[1060] Мисс Маргарета, реджис Франциски Сороре. Там же.

[1061] Относительно сеньоров, людей и пастырей.

- [1062] Quod et pius senex fatebatur; meque hortabatur pergerem in annuntiatione sacri evangelii. Фарел - Пелликану. Хоттинг. Н. L. vi. 17.
- [1063] Нам позже купят и там пустят солнце. от Капитана до Цвингле, Ерр. стр. 439.
- [1064] Erasmus, Ерр. стр. 923.
- [1065] Деяния мучеников, стр. 103.
- [1066] Маргарита де ла Маргарита де принцесс, i. 445.
- [1067] Главный праздник для писателей. Эразм. Эпп. 921.
- [1068] Итог Галлиаму на моем концерте. Там же. 886.
- [1069] Nisi quod Эразм эссет майор херетикус. Там же. 915.
- [1070] Вопросы на вечеринках, в транспорте, в навигационном автобусе. Там же.
- [1071] Возгорание великой лютеранской церкви, при ее природе, при ее прогрессировании, во время беременности в утробе матери. Ер. Ерр. стр. 887.
- [1072] Musarum vindicem adversus barbarorum incursiones. Там же, стр. 2070.
- [1073] Nisi princeps ipsorum voluntati per omnia paruerit, dicetur fautor hæreticorum et destitui poterit per ecclesiam. Там же, стр. 1108.
- [1074] Одновременный религиозный текст, чревоугодный тиран, агенты переговоров. Ер. Ерр. стр. 962.
- [1075] Хроники Меца, стр. 823.
- [1076] Никто не несет ответственности за смерть пяти миллионов метисов в Бундамозе. Кол. Фарелу, Ерр. 201.
- [1077] За живое исповедаться, за мертвое мученическое служение. Обращение к Фарелу, Ерр. 201.
- [1078] Nollem carissimos dominos meos Galles properare в Галлиаме и с. Там же.
- [1079] Деяния мучеников, стр. 97
- [1080] Там же. стр. 95.
- [1081] Деяния мучеников, Рекуэль пар Креспен, Франция, стр. 97.
- [1082] История. de François I. par Gaillard, iv. 233.
- [1083] Псалом sxxii. 1.
- [1084] Главное призвание - это сохранение, до крайности духовное признание. Закон Март. стр. 202.

[1085] Гердесий, историк. *seculi xvi. renovati*, p. 52; D'Argentré, *Collectio judiciorum de novis erroribus*, ii. 21; Gaillard, *Hist. de François I.* iv. 233.

[1086] Фактический факт, которому суждено быть скорбным, подтвержден декларацией. Закон Март. стр. 203.

[1087] Добавим, что истинная религия - это христианское исповедание. Закон Март. стр. 203.

[1088] Cette semence de Faber et de ses disciples, prise au grenier de Luther, germa dans le sot esprit d'un ermite, qui se tenait près la ville de Paris. Хист. кэт. de notre temps, par S. Fontaine, Paris, 1562.

[1089] Lequel par les villages qu'il fréquentait, sous couleur de faire ses quêtes, tenait propos hérétiques. Хист. кэт. de notre temps, par S. Fontaine, Paris, 1562.

[1090] Там же.

[1091] О великой серемонии. Hist, des Egl. Réf. par Théod. de Bèze, i. 4.

[1092] Там же.

[1093] Beza, *Histoire des Églises Réf.* i. 4.

[1094] Состояние среднее, окраска субпаллидная и черная, прозрачные глаза до смерти, гениальная проницательность при тестировании. Bezæ *Vita Calvini*.

[1095] Корпоративная культура будущего, культ будущего, сордидо, оставленный единственным в своем роде. Там же.

[1096] Главное - это суеверие Папы-волхва, способного вызывать зависимость. Кальв. Преф. к псалму.

[1097] Я по своей природе робок, молли и я по своей воле люблю свою судьбу. Там же.

[1098] Итог при умерщвлении влияет на гравитацию и недостаток человеческого организма. Ræmundi Hist. Херес. vii. 10.

[1099] Северус омниум подвергается жестокой цензуре. Без Жизни Кальв.

[1100] *Анналы Эглиз де Нуайон*, пар Левассер, шануан, стр. 1158.

[1101] Exculto ipsius ingenio quod ei jam tum erat acerrimum, ita profecit ut cæteris sodalibus in grammatices curriculo relictis, ad dialecticos et aliarum quas vocant artium studium promoveretur. Beza.

[1102] Левассер, доктор Сорбонны, "*Анналы Эглизского собора Нуайона*", стр. 1151. Drelincourt, *Défense de Calvin*, p. 193.

[1103] Erat is Gerardus non parvi iudicii et concilii homo, ideoque nobilibus ejus regionis plerisque carus. Beza.

[1104] Dans la place où est bastie maintenant la maison du Cerf. Десме, доктор Сорбонны, Ви де Жан Кальвин, хересиарк, стр. 30. Левассер, Анна де Нуайон, стр. 1157.

[1105] Клевета и экстравагантные истории о Кальвине начались рано. Ж. Левассер, впоследствии декан канонической церкви в Нуайоне, рассказывает, что, когда мать Кальвина рожала, "еще до рождения ребенка вылетел рой больших мух, несомненное предзнаменование того, что однажды он станет злым оратором и клеветником. " Энн, де ла Кат. de Noyon, p. 1157. Эти нелепости и многие другие в том же роде опровергают сами себя, без того, чтобы мы брали на себя смелость сделать это. В наши дни те римские врачи, которые не стыдятся пускать в ход оружие клеветы, делают подборку из этих низких и нелепых историй, не осмеливаясь привести их все; но все они одинаково бесполезны.

[1106] Domi vestræ puer educatus, iisdem tecum studiis initiatus, primam vitæ et literarum disciplinam familiæ vestræ nobilissimæ acceptam refero. Кальв. Præf. in Senecam ad Claudium.

[1107] Десме, Ремарк, стр. 31; Дрелинкур, Дефанс, стр. 158.

[1108] Ego qui natura subrusticus. Преф. к псалму.

[1109] Умбрам и отиум семпер амави.....последний каптар. Там же.

[1110] Брат - это сын великого отца тонелье. Drelincourt, p. 30; Levasseur, Ann. de Noyon, p. 1151.

[1111] Генри, "Жизнь Кальвина", стр. 29.

[1112] "Лебен фон Фишер" Кальвина, Лейпциг, 1794. Автор не ссылается на свои авторитетные источники по этому факту.

[1113] Destinarat autem eum pater ab initio theologiæ studiis, quod in illa etiam tenera ætate mirum in modum religiosus esset. Без Жизни Кальв.

[1114] Левассер, Анна де Нуайон, стр. 1159, 1173.

[1115] Ви де Кальвин, пар Десме, стр. 31; Левассер, стр. 1158.

[1116] Это то, что священник и генеральный викарий Десме (Жан Кальвин, эресиарх, стр. 32) и каноник Левассер (Анна де Нуайон, стр. 1160) заявляют, что нашли в реестрах капитула Нуайона. Таким образом, эти романистические авторы опровергают выдумки или ошибки Ришелье и других писателей.

[1117] "Анналы Эглиз де Нуайон" в главе, озаглавленной "*От имени Жана Ковена*, капеллана, викария церкви глизе де Нуайон, неэретический", написанной Жаком Левассером, каноником и настоятелем этого города.

[1118] Там же.

[1119] Жизнь Жана Кальвина, пара Т. Десме, имприме в Руане, шез Ришар л'Аллемент, 1621.

[1120] Скандальный скандал, связанный с подозрением в убийстве. Annales de l'Eglise de Noyon, p. 1171.

[1121] Префати Домини ординарунт ipsum cædi virgis. Там же.

[1122] Ann. de l'Egl. de Noyon, 1162.

[1123] Там же. 1171.

[1124] М. А. Арно, дед матери Анжелики и всех Арно из Порт-Рояля, был протестантом. Посмотрите Порт-Рояль у Сент-Бева.

[1125] Маленький этюд Кальвина, работы М. А. Сайуса, Женева, 1839, статья iv. За ним последовали другие на Farel, Viret и Beza.

[1126] Il n'y a personne qui ose m'écrire. Туссен - Фарелю, 4 сентября 1525 года. Нефшатель, ср.

[1127] Там же.

[1128] Там же. 21 Июля 1525 года.

[1129] В здоровом уме, в семилетнем возрасте и во временном аппетите, вместе отстаивая свободу духа и совести. Туссен - Фарелю, 21 июля 1525 года.

[1130] Пусть новизна господствует над всеми. Там же.

[1131] Si nos magistrum in terris habere deceat (если нам суждено иметь какого-либо учителя на земле), добавляет он. Там же. Нефшатель г-жа

[1132] Что касается аликвидных монстров. Туссен - Фарелю, 27 сентября 1525 года.

[1133] Аудио этиам равным образом периклитари, одновременно и всенепременно любящий Христа. Там же. 27 декабря 1525 года.

[1134] Fratres qui in collegio Cardinalis Monachi sunt te salutant. Туссен - Фарелю, Нефшатель - МИСС

[1135] Правитель тираннид комиссариорум и теологорум. Там же.

[1136] Патрем нострум кужус нос опус сумус в Домино. Туссен - Фарелю, Нефшатель - ср. Это письмо не датировано, но, по-видимому, оно было написано вскоре после освобождения Туссена и показывает мысли, которые тогда наполняли его голову.

[1137] Фабер импар эст онери эванджелико ферендо. Там же.

[1138] Fidelissimi fratris officio functum. Там же.

[1139] Согласно Правилу великой операционной Власти. Touss. за Фареля, Неф. СР.

[1140] Похвалите меня за то, что я не погиб в ополчении нас. Там же.

[1141] Периклитари моей жизни. Там же.

[1142] Предлагает дополнительные условия для улучшения здоровья. Там же.

[1143] Мало любви и низости в доме Господнем.....Там же.

[1144] Hæc, hæc gloria mea quod habeor hæreticus ab his quorum vitam et doctrinam video pugnare cum Christo. Там же.

[1145] Имя Франциска Молинуса Дублета. Эразм. Ерр. стр. 1109. В этом письме, адресованном Франциску I. в июле 1526 года Эразм называет имена всех тех, кто во время пленения короля пал жертвами этих римских фанатиков.

[1146] Периклитат - это Майкл Арантий. Там же.

[1147] У Папилломы нет серьезных подозрений в венерическом процессе. Там же.

[1148] Гайяр, Франсуа И. том ii. 255.

[1149] Письма короля Наваррского Франсуа I. стр. 32.

[1150] *Nam habet Deus modum, quo electos suos mirabiliter custodiat, ubi omnia perdita videntur.* Кальвин, в послании к Римлянам, xi. 2.

[1151] Пособие для иллюстрации герцога Аланконии. От Туссена к Фарелю.

[1152] Воспоминания Дю Белле, стр. 124.

[1153] История Франции, пар Гарнье, том xxiv.

[1154] *Pour taster au vif la volonté de l'esleu empereur.....madame Marguerite, duchesse d'Alençon, très-notablement accompagnée de plusieurs ambassadeurs.....Les gestes de Françoise de Valois, par E. Dolet, 1540.*

[1155] Письма короля Наваррского Франсуа I. стр. 39, 40.

[1156] *Jam in itinere erat Margarita, Francisci soror.....e fossis Marianis solvens, Barcinonem primum, deinde Cæsar Augustam appulerat.* Белкарий, Рерум галльский. Комм. стр. 565.

Примечание переписчика:

Орфографические, пунктуационные различия и расстановка переносов сохранены, за исключением очевидных случаев типографской ошибки.